BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Zapiski Imperatorskago Russkago Geografičeskago Obščestva po Otděleniju Ě tnografii

Bd.: 9

S.-Peterburg (1882)

Acad. 107 fg-9
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11546174-1

Acad. 107 fg - 9

8° Acad. 107 fg (9

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДЕЛЕНИЮ ЭТНОГРАФИИ

Том 9

8° Acad. 107 fg
(9

Fg 185/98019.

M 11/33 XXIV 88/1

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

420

ИЗДАНЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

дѣйствит. члена Л. Н. МАЙКОВА.

ДУБЛЕТЪ.

С.-Петербургъ.

1882.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

71

ИЗДАНІЯ

Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

по части этнографіи:

(Складъ: у Чернышева моста, домъ Шестой гимназіи).

Этнографическій Сборникъ:

Выпускъ первый, 1853, подъ ред. Н. И. Надеждина и К. Д. Кавелина. Ц. 1 р. 50 к.

Собраніе мѣстныхъ этнографическихъ описаній Россіи: Сельцо Васильевское, Нижегородскаго уѣзда.—Сельцо Ульяновка, Лукояновскаго уѣзда.—Волость Покровско-Ситская, Мологскаго уѣзда.—Приходъ Станиловской на Сити, Ярославскаго уѣзда.—Бытъ крестьянъ Тверскаго уѣзда.—Бытъ крестьянъ Нижнедѣвицкаго уѣзда.—Село Бобровки, Ржевскаго уѣзда.—Приходъ Остринскій, Лидскаго уѣзда.—Село Кобылье, Новградъ-Волынскаго уѣзда. — Мѣстечко Александровка, Сосницкаго уѣзда.— Домашній бытъ Малоросса, Хорольскаго уѣзда.

Выпускъ третій, 1858, Ц. 1 р. 50 к.

Статьи о Русскихъ и ихъ соплеменникахъ: Слобода Трехъизбянская, Старобѣльскаго уѣзда. — Бытъ малорусскаго крестьянина, преимущественно въ Полтавской губерніи. — Замѣтки о западной части Гродненской губерніи. — Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію.

Выпускъ четвертый, 1858, Ц. 1 р. 50 к.

Статьи объ инородцахъ: О Карагассахъ. — Самоѣды Мезенскіе. — Богатырскія поэмы Минусинскихъ Татаръ.— Курсъ буддійскаго ученія.— О религіи некрещеныхъ Черемисъ Казанской губерніи.—Этнографическія замѣчанія и наблюденія Кастрена о Лопаряхъ, Корелахъ, Самоѣдахъ и Остякахъ.

Выпускъ шестой, 1864, подъ ред. Н. В. Калачова и В. В. Стасова. Ц. 2 р. 50 к.

Юго-западная часть Томской губерніи. — Артели въ древней и нынѣшней Россіи.—Лѣсопромышленность по Унжѣ и строеніе гусянокъ.—Этнографія Европейской Турціи, съ картою.—Монгольскія сказки.—Великорусскія загадки.—Сборникъ олонецкихъ словъ.—Библіографическій указатель. — О скопцахъ.— Суевѣрные обряды при постройкѣ дома въ Подольской губерніи.— Бѣломорскія преданія. — Черемисы Красноуфимскаго уѣзда.—Средне-Вилюйскій улусъ.—Въ приложеніи: О собираніи предметовъ для этнографическаго музея Общества.—Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

(2-й и 5-й выпуски Этнографическаго Сборника вышли изъ продажи).

ц. Ка-

евское,
Іокров-
івскаго
зда.—
—Село
ицкаго

Старо-
авской
ческій

арскія
реще-
оденія

Ста-

Рос-
йской
. оло-
бряды
писы
раніе
я на-

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

7/86

XXIV 88/I

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

ИЗДАНЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
дѣйствит. члена Л. Н. МАЙКОВА.

ДУБЛЕТ

С.-Петербургъ.
1882.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Публ. библ. имени В. И. Ленина С.С.С.Р.
Ф. 33-9047

Содержаніе.

Стран.

Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербахъ и Хорватахъ и ихъ разселеніи на Балканскомъ полуостровѣ — К. Я. Грота 1—230

Предисловіе . 3

Введеніе: Свѣдѣнія о жизни Константина Багрянороднаго и его ученой дѣятельности.—Сочиненіе Константина: „De administrando imperio". Цѣль и средства автора.—Сказанія Константина о Славянахъ 5— 22

Глава первая: I. О событіяхъ въ Далмаціи по поселеніи Хорватовъ и Сербовъ.—II. О Далматинскихъ городахъ . . . 23— 57

Глава вторая. I. О первоначальныхъ жилищахъ Хорватовъ и Сербовъ: Бѣлохорватія и Бѣлосербія.—II. О переселеніи Хорватовъ и Сербовъ въ ихъ нынѣшнія жилища (въ Иллирикъ) 58— 85

Глава третья: Хорваты: I. О новыхъ жилищахъ Хорватовъ.—II. О судьбѣ Хорватовъ съ VII по X вѣкъ 86—146

Глава четвертая: Сербы: I. О новыхъ жилищахъ Сербовъ.—II. О судьбѣ Сербовъ съ VII по X вѣкъ 147—199

Приложенія: I. О Болгарахъ. — II. О Пелопонисскихъ Славянахъ.—III. О бытѣ Иллирскихъ Славянъ 200—218

Перечни князей Хорватскихъ, Сербскихъ и Болгарскихъ . . 219—220

Указатель личныхъ и географическихъ именъ 221—229

Волжскій бассейнъ по Книгѣ Большаго Чертежа — чл. с. Е. К. Огородникова 1— 74

I. Рѣки Кама и Вятка 1— 69

Алфавитный указатель географическихъ и этнографическихъ названій, встрѣчающихся въ статьѣ 70— 73

Стран.

Изслѣдованія по каменному вѣку въ Олонецкой губерніи, въ долинѣ Оки и на верховьяхъ Волги (съ 10 таблиц. рисунковъ)—чл.-с. И. С. Полякова . . . 1–164

I. Южная часть Олонецкой губерніи: 1. Юго-восточное прибрежье Онежскаго озера и сѣверо-западное прибрежье озера Лача. — 2. Восточное прибрежье озера Лача . . . 3–54

II. Долина Оки: 1. Львиный курганъ и Плехановъ боръ.—2. Окрестности Волосова.—3. Карачарово 55–125

III. Верховья Волги 125–136

IV. Новый Сясьскій каналъ 136–159

Алфавитный указатель географическихъ названій 160–163

Примѣчанія Л. Н. Майкова:

О заселеніи береговъ р. Моши 44

О преп. Лазарѣ Муромскомъ 52

О панахъ въ Мошинскомъ краѣ 52

О Чуди въ Олонецкой губерніи 54

Извѣстія Тацита и Павсанія о костяныхъ орудіяхъ . . 156

О раскопкахъ Н. Е. Бранденбурга въ Ново-Ладожскомъ уѣздѣ . 157–159

ИЗВѢСТІЯ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНАГО

О СЕРБАХЪ И ХОРВАТАХЪ

и ихъ разселеніи на Балканскомъ полуостровѣ.

Настоящій трудъ былъ написанъ въ 1876 году на тему, предложенную историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Тема состояла въ *разборѣ свидѣтельствъ Константина Багрянороднаго о Южныхъ Славянахъ съ критическою провѣркой главнѣйшихъ комментаріевъ къ нимъ*. Уже въ то время у автора была мысль обработать это сочиненіе для печати, но различныя обстоятельства до сихъ поръ препятствовали осуществленію этой мысли. Нынѣ авторъ сознаетъ живѣе, чѣмъ когда-либо, всѣ слабыя стороны своего труда, но не имѣя возможности снова переработать его съ начала до конца, все-таки рѣшается, сдѣлавъ необходимыя поправки и дополненія, представить его на судъ лицъ, интересующихся славянскою этнографіей и исторіей, въ томъ предположеніи, что и въ настоящемъ своемъ видѣ трудъ этотъ можетъ оказаться небезполезнымъ пособіемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ той же области.

Какъ о первоначальной редакціи этого труда, такъ и о нынѣшней переработкѣ его, даны были отзывы В. И. Ламанскимъ; первый изъ нихъ напечатанъ въ протоколахъ засѣданій совѣта Имп. С.-Петербургскаго университета, 1876 г., № 13, стр. 104, а второй—помѣщенъ въ журналѣ засѣданія Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 7-го декабря 1879 г. (см. *Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, т. XVI, отд. I, стр. 47).

Декабрь 1879 г.

ИЗВѢСТІЯ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНАГО О СЕРБАХЪ И ХОРВАТАХЪ И ИХЪ РАЗСЕЛЕНІИ НА БАЛКАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ.

(Историко-этнографическое изслѣдованіе).

ВВЕДЕНІЕ.

Константинъ Багрянородный: нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни; его ученая дѣятельность. — Его сочиненіе De administrando imperio; цѣль и средства автора.— Сказанія о Славянахъ.

Константинъ Багрянородный (Порфирогеннетъ) [1], сынъ Льва Мудраго (Философа) и его четвертой жены Зои, родился въ сентябрѣ 905 года. На его долю выпалъ довольно странный жребій: ему было всего 6 лѣтъ, когда отецъ, по обычаю того времени, вѣнчалъ его на царство. Съ этой минуты въ продолженіе 33 лѣтъ онъ былъ императоромъ только по имени, находясь подъ опекой сначала своего дяди Александра, потомъ матери Зои и различныхъ приближенныхъ, наконецъ имъ же назначеннаго себѣ въ

[1]) Объ этомъ имени см. *Зернинъ*: Жизнь и литерат. труды имп. Конст. Багр. (Харьковъ, 1858), стр. 110—112. Одни полагали, что оно давалось императорамъ по той части императорскаго дворца, которая называлась „порфирою“ (πορφύρα), и гдѣ императрицы разрѣшались отъ бремени; по мнѣнію другихъ, *Порфирогеннетъ* - значитъ рожденный въ порфирѣ, т. е. тогда, когда отецъ новорожденнаго былъ уже императоромъ. Зернинъ полагаетъ, что Константинъ былъ названъ Багрянороднымъ для того, чтобъ узаконить за нимъ права на престолъ, которыхъ онъ, какъ рожденный до брака Льва съ Зоею, собственно не имѣлъ.

соправители Романа Лакапина. Только въ 944 г. онъ сдѣлался самодержавнымъ и его личное правленіе продолжалось 15 лѣтъ, то-есть, до 959 года, въ которомъ онъ умеръ [1]).

По смерти отца (912 г.) Константинъ попалъ подъ опеку своего дяди Александра, которому самъ Левъ въ послѣдній часъ свой передалъ правленіе, и котораго заклиналъ имѣть попеченіе о малолѣтнемъ сынѣ. Семилѣтній Константинъ имѣлъ передъ глазами въ своемъ порочномъ опекунѣ самый дурной примѣръ; но къ его счастью, Александръ умеръ черезъ годъ съ небольшимъ, вѣроятно—отъ неумѣренной и разгульной жизни. Тотчасъ по его смерти начались смуты, и власть стала переходить изъ рукъ въ руки, пока не была возвращена ко двору удаленная Александромъ императрица Зоя, которая и стала управлять со своими любимцами [2]). Такъ продолжалось приблизительно до 919 г., когда началось возвышеніе Романа Лакапина. Константинъ, еще совершенно неопытный юноша, легко подпалъ вліянію этого хитраго и вкрадчиваго честолюбца. Между тѣмъ съ самой смерти Льва Византія находилась въ постоянной тревогѣ: Болгаре не переставали безпокоить ее своими неожиданными нападеніями, и эта внѣшняя опасность усложняла внутреннюю неурядицу при дворѣ. Обычныя, свойственныя этому двору интриги велись теперь ловкою рукой и увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Еще въ 919 г. молодой императоръ вступилъ въ родство съ Романомъ, женившись на его дочери Еленѣ, и при этомъ возвысилъ своего тестя, давъ ему титулъ „василеопатора“ [3]). Освободившись отъ всѣхъ своихъ соперниковъ, Романъ сдѣлался полновластнымъ лицомъ и ему недоставало только императорскаго титула. Но и этого онъ скоро добился: уже въ концѣ слѣдующаго (920) года самъ Константинъ сдѣлалъ его „кесаремъ“, а затѣмъ короновалъ его въ декабрѣ того же года императоромъ. Но Романъ не довольствовался этимъ: въ слѣдующемъ (921) году онъ короновалъ сперва свою жену Феодору, а затѣмъ своего старшаго сына Христофора. Такъ онъ устраивалъ свои семейныя дѣла, конечно—въ ущербъ значенію и власти законнаго

[1]) *Rambaud*, L'Emp. grec, p. 4.

[2]) *Зернинъ*, стр. 25.

[3]) Тамъ же, стр. 35, прим.

императора въ теченіе всего своего царствованія, продолжавшагося до 944 г. [1]). Между тѣмъ Болгарскій царь Симеонъ не оставлялъ своихъ завоевательныхъ стремленій относительно Византіи. Время отъ времени повторялись его нападенія, а въ 924 г. онъ побывалъ въ послѣдній разъ подъ стѣнами Византіи, гдѣ произошло знаменитое, унизительное для имперіи свиданіе его съ Романомъ, окончившееся однако столь счастливо для Грековъ [2]). Въ 927 г. Симеонъ умеръ. Его сынъ Петръ держался уже совершенно иной политики: онъ женился на внукѣ Романа (дочери Христофора), Маріи [3]), и сталъ въ дружественныя отношенія къ имперіи.

Романъ жестоко поплатился за ту власть, которая досталась ему столь дорогою цѣною. Собственные сыновья его вооружились противъ него, и онъ былъ сосланъ ими на островъ Проту въ декабрѣ 944 г., процарствовавъ однако почти 26 лѣтъ.

Не долго впрочемъ пришлось торжествовать преступнымъ сыновьямъ Романа. Константину удалось наконецъ совершенно овладѣть правленіемъ съ помощью Василія Петина, послѣ того, какъ онъ велѣлъ схватить и отослать въ ссылку двухъ оставшихся сыновей Романа (Стефана и Константина) [4]). Съ этихъ поръ начинается единовластіе Константина Багрянороднаго.

Такимъ образомъ, вся первая половина его жизни до 39-тилѣтняго возраста протекла среди весьма неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя не могли не отразиться на характерѣ Константина.

Но вѣроятно, благодаря его хорошимъ природнымъ наклонностямъ, эти обстоятельства имѣли на него въ извѣстныхъ отношеніяхъ болѣе благотворное, чѣмъ пагубное вліяніе. Опека, тяготѣвшая надъ нимъ, имѣла главною цѣлью устранить его отъ всякаго участія и значенія въ правленіи и мало касалась его внутренней жизни. Предоставленный съ дѣтства самому себѣ, онъ пристрастился къ занятіямъ наукой и искусствами и въ нихъ про-

[1]) *Rambaud*, 19—22.

[2]) Тамъ же, стр. 333 и слѣд.

[3]) Объ этомъ фактѣ, какъ унизительномъ для гордости Византійцевъ и умаляющемъ ихъ политическое обаяніе передъ варварами, не безъ негодованія отзывается Константинъ. De adm. imp., c. 13, p. 87—88.

[4]) *Зернинъ*, стр. 68, 69.

водилъ почти все свое время. Постоянныя придворныя интриги побуждали его искать уединенія и утѣшенія въ трудѣ. Впослѣдствіи, принявъ правленіе, онъ не оставилъ своихъ ученыхъ занятій и продолжалъ ревностно предаваться имъ почти до самой своей смерти. Императоръ-писатель былъ въ то время явленіемъ не необыкновеннымъ, и не далѣе какъ въ отцѣ своемъ Константинъ видѣлъ примѣръ въ этомъ отношеніи. Какъ императоръ, Константинъ не представляетъ ничего выдающагося и даже, по мнѣнію многихъ, является ничтожнымъ въ государственномъ отношеніи [1]). Можетъ быть такой взглядъ нѣсколько и преувеличенъ, но нельзя не согласиться, что изъ Константина и не могъ образоваться дѣятельный и искусный правитель; удаленный до самаго зрѣлаго возраста отъ государственныхъ дѣлъ, онъ не имѣлъ возможности пріобрѣсти необходимыя для нихъ опытность и навыкъ, а характеръ его, отчасти по природѣ, отчасти вслѣдствіе продолжительной опеки слабый и податливый, еще менѣе соотвѣтствовалъ его царскому призванію.

Мы не будемъ говорить о внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ Константина, какъ императора; это было бы неумѣстно, да они и не въ состояніи дать намъ ясное понятіе о его личныхъ качествахъ.

Гораздо болѣе выясняется образъ Багрянороднаго изъ плодовъ его учено-литературной дѣятельности, съ которою мы скоро и познакомимся. Теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о семейныхъ дѣлахъ Константина. Съ его уживчивымъ и миролюбивымъ характеромъ соединялись и семейныя добродѣтели. Онъ былъ вѣрный и снисходительный мужъ, нѣжный и заботливый отецъ. Всѣ члены его семьи равнымъ образомъ пользовались его любовью и вниманіемъ. Но нельзя сказать, чтобъ онъ былъ вполнѣ счастливъ въ семейной жизни. Сынъ его Романъ, о воспитаніи котораго онъ такъ заботился, и для котораго онъ написалъ столько сочиненій, не оправдалъ его надеждъ. Онъ былъ лѣнивъ и пороченъ, и кажется, не смотря на молчаніе о томъ Константинова панегириста, Θеофана Продолжателя, запятналъ себя даже участіемъ въ отравленіи отца [2]). Незадолго до смерти Константинъ, чувствуя свое

[1]) Кедринъ (Hist. Comp., t. II, p. 325, 326), см. у *Зернина*, стр. 80 и слѣд.
[2]) *Rambaud*, стр. 45—46.

здоровье разстроеннымъ, предпринялъ благочестивое путешествіе на гору Олимпъ въ Виѳиніи; тутъ онъ посѣтилъ монастырь (гдѣ прочелъ предсказаніе о своей близкой кончинѣ) и святаго отшельника на вершинѣ Олимпа [1]). Послѣ того онъ долженъ былъ поспѣшить возвратиться въ столицу, ибо почувствовалъ усиленіе болѣзни, безъ сомнѣнія—происшедшей отъ медленнаго отравленія, которое Кедринымъ прямо приписывается Роману. Въ ноябрѣ 959 г. несчастный императоръ умеръ 55-ти лѣтъ отъ роду, по свидѣтельству Ѳеофана Продолжателя, благословивъ на царство своего сына, а по Кедрину, не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій [2]).

Мы видѣли, какими обстоятельствами была вызвана литературная дѣятельность Константина. Чтобы понять его значеніе, какъ писателя, нужно прежде всего знать, въ какое время онъ жилъ и писалъ, и каковъ былъ общій уровень образованности окружавшаго его общества.

Преимущественно со времени Юстиніана почти исключительнымъ средоточіемъ умственной жизни всей Греческой имперіи стала Византія [3]). Такое положеніе дѣла было невыгодно въ томъ отношеніи, что состояніе наукъ и просвѣщенія въ имперіи въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ направленія своего центра, то-есть, Византіи, а это направленіе давалось въ то время высшею властью имперіи. Поэтому невѣжество и грубость царствующаго императора неизбѣжно вели за собою интелектуальное паденіе общества, и наоборотъ просвѣщенная дѣятельность и образованность государя подымали умственный уровень этого общества и способствовали процвѣтанію наукъ и искусствъ [4]). Такъ было до Константина, такъ было и послѣ него. Если же мы припомнимъ, какъ не прочна была власть Византійскаго императора, и какъ часто смѣ-

[1]) Тамъ же, стр. 47—48.

[2]) *Зернинъ*, 109. О жизни Константина есть еще монографія Гирша: *Hirsch*, Kaiser Constantin VII Porphyrogennetos, Berlin, 1873 *(Jahresbericht über die Königstädt. Realschule)*, но къ сожалѣнію, мы не могли имѣть ее подъ руками.

[3]) Въ этомъ отношеніи еще сохранялъ свое значеніе Аѳонъ, и позднѣе XII в.)—Аѳины.

[4]) *Rambaud*, стр. 52.

нялись династіи, при чемъ престолъ нерѣдко доставался грубымъ варварамъ, то увидимъ какимъ превратностямъ судьбы было подвержено просвѣщеніе въ Византіи. Свѣтлыя его эпохи продолжались обыкновенно весьма недолго и смѣнялись быстрымъ паденіемъ наукъ и искусствъ. Но эпоха Македонской династіи, какъ справедливо замѣчено, была въ литературномъ отношеніи совершенно исключительною эпохой въ исторіи Востока [1]). Главными ея представителями въ X в. были два императора изъ этой династіи: Левъ Мудрый и Константинъ Багрянородный. Нашъ царственный историкъ началъ, слѣдовательно, свое литературное поприще въ то время, когда литература и наука, благодаря его отцу, стояли уже на значительной высотѣ, и когда общественная образованность была также выше посредственности. Тѣмъ не менѣе Константину принадлежитъ заслуга еще бо̀льшаго поднятія наукъ вообще и исторической литературы въ особенности. Въ этомъ отношеніи важны не столько его личные труды по исторіи, сколько просвѣщенное и дѣятельное покровительство окружавшимъ его литераторамъ и ученымъ. Много славныхъ именъ мы встрѣчаемъ среди нихъ [2]). Ихъ писательская дѣятельность на пользу науки была отчасти вызвана тѣмъ необыкновеннымъ умственнымъ движеніемъ, которое пробудилось въ то время въ обществѣ, и нашему историку, по справедливости, нельзя не воздать чести за ту роль, которую онъ игралъ въ этомъ движеніи. Даже тѣ историки, которые всего болѣе порицаютъ государственную дѣятельность Константина, признаютъ за нимъ важныя услуги просвѣщенію [3]).

Обратимся теперь къ трудамъ самого Константина. Изъ сочиненій его дошли до насъ слѣдующія: 1) *Жизнь императора Василія* (Македонянина); 2) *О церемоніяхъ Византійскаго двора* (De Cerimoniis Aulae Byzantinae); 3) *О провинціяхъ* (De Thematibus, Περὶ ϑεμάτων); 4) *Объ управленіи имперіей* (De Administrando Imperio); 5) *Слово о перенесеніи мощей св. Іоанна Златоуста;* наконецъ, нѣкоторые приписываютъ ему еще 6) *Повѣствованіе о нерукотвор-*

1) *Rambaud*, стр. 61.

2) Напримѣръ: Іоаннъ Каменіата, Іосифъ Генезій, Левъ Грамматикъ, Θеодоръ Малый, Левъ Діаконъ и др.

3) О литературной роли Константина см. подробно у *Rambaud*, стр. 51—78.

номъ образѣ Іисуса Христа [1]). Какъ видно изъ заглавій сочиненій, они касаются самыхъ различныхъ предметовъ, но цѣль почти всѣхъ ихъ была одна и та же. По крайней мѣрѣ про большую ихъ часть мы можемъ положительно сказать, что они были написаны спеціально для назиданія наслѣдника престола Романа, объ образованіи котораго не мало заботился Константинъ. Цѣль этихъ сочиненій отчасти обусловливаетъ ихъ научное значеніе, ибо мы въ правѣ предположить, что авторъ отнесся бы къ своей работѣ строже и тщательнѣе, еслибъ имѣлъ въ виду не одну поучительную цѣль. Упомянутые труды его обличаютъ въ немъ довольно разностороннія знанія; но къ сожалѣнію, совершенное отсутствіе въ авторѣ критическаго отношенія къ собираемымъ имъ свѣдѣніямъ, особенно къ тѣмъ изъ нихъ, которыя онъ почерпалъ изъ сомнительныхъ источниковъ—а вѣдь были же у него и такіе,—заставляютъ насъ относиться къ его разказамъ не всегда съ одинаковымъ довѣріемъ, и часто, можетъ быть, несправедливо заподозрѣвать его показанія даже тамъ, гдѣ онъ пользовался источникомъ достовѣрнымъ. Это обстоятельство весьма затрудняетъ его критиковъ и служитъ отчасти объясненіемъ того разногласія во мнѣніяхъ по нѣкоторымъ вопросамъ, которое мы встрѣчаемъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ объ извѣстіяхъ Константина.

Только три изъ названныхъ сочиненій Константина прямо касаются исторіи и географіи и потому представляютъ наибольшую важность; это—„Жизнь императора Василія“, „О провинціяхъ“ и „Объ управленіи имперіей“. Всѣ они написаны съ поучительною цѣлью, и этого не долженъ упускать изъ виду тотъ, кто на основаніи ихъ будетъ судить о научной дѣятельности Константина. Сочиненіе „О церемоніяхъ Византійскаго двора“ особенно важно для подробнаго ознакомленія съ состояніемъ и жизнью этого двора; оно прекрасно характеризуетъ намъ внѣшнюю жизнь Византійскаго императора съ безусловнымъ преобладаніемъ формы, которая подчиняла себѣ каждый шагъ послѣдняго.

[1]) *Рамбо* (стр. 105), кажется, не безъ основанія отвергаетъ принадлежность этого сочиненія перу Константина. *Рачкій* (Ocjena star. izv; Konst. Porph. Kniževnik, 1864, стр. 39) упоминаетъ еще объ одномъ не изданномъ сочиненіи Константина подъ заглавіемъ ἐκλογὴ νόμων, хранящемся въ Ватиканской библіотекѣ.

Занимающія насъ свидѣтельства Константина Багрянороднаго о Славянахъ входятъ почти исключительно въ его сочиненіе „De administr. imperio“ сочиненіе же „О провинціяхъ“ заслуживаетъ нашего вниманія лишь на столько, на сколько оно въ связи съ предыдущимъ. Кое-какія замѣтки о Славянахъ попадаются и въ трудахъ Константина „Жизнь Василія“ и „О церемоніяхъ Византійскаго двора“, но они не на столько существенны, чтобы намъ останавливаться отдѣльно на этихъ трудахъ. О встрѣчающихся въ нихъ свидѣтельствахъ о Славянахъ мы упомянемъ въ своемъ мѣстѣ, когда того потребуетъ наша работа.

Итакъ, мы прежде всего обратимся къ разсмотрѣнію сочиненія Константина „Объ управленіи имперіей“ и постараемся опредѣлить его научную цѣнность, а слѣдовательно, и важность заключающихся въ немъ свидѣтельствъ о Южныхъ Славянахъ, критическій разборъ которыхъ составляетъ главную нашу задачу. Для этого мы посмотримъ, между прочимъ, какими источниками могъ пользоваться и пользовался Константинъ и насколько эти источники могли быть достовѣрны.

Заглавіе занимающаго насъ труда Константина „De administrando imperio“, то-есть, „Объ управленіи имперіей“, не есть подлинное, ибо таковое не сохранилось [1]), а придумано ученымъ издателемъ и комментаторомъ Меурсіемъ (Meursius) на основаніи предисловія, которое Константинъ предпослалъ своему сочиненію, и въ которомъ онъ изложилъ свою цѣль и планъ [2]). Это произведеніе нашего писателя можетъ по справедливости считаться наиболѣе имъ обработаннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе драгоцѣннымъ. Да и не удивительно: онъ писалъ его въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, когда умъ и способности его достигли высшей степени зрѣлости. Никто изъ ученыхъ не сомнѣвается въ его принадлежности перу Константина, и всѣ приблизительно сходятся въ опредѣленіи времени его составленія, опираясь между прочимъ на показанія са-

[1]) Въ рукописи стоитъ: φιλοπόνημα, а предисловіе надписывается такъ: „Κωνσταντίνου τοῦ ἐν χριστῷ βασιλεῖ αἰωνίῳ βασιλέως Ρωμαίων πρὸς τὸν ἴδιον ὑιὸν Ρωμάνον τὸν θεοστεφῆ καὶ πορφυρογέννητον βασιλέα“.

[2]) Впрочемъ, гораздо болѣе шло бы къ нему заглавіе: περὶ ἔθνων.— —

мого Константина въ гл. 27-й и 29-й того же сочиненія [1]). Согласно съ этимъ, по общему мнѣнію, Константинъ писалъ это сочиненіе отъ 948 по 952 (или 953) годъ.

Цѣль нашего автора выясняется, какъ мы сказали, изъ приступа, который проникнутъ отеческою нѣжностью къ сыну и вмѣстѣ съ тѣмъ дышетъ гордостью монарха Восточной имперіи. Вотъ что̀ между прочимъ говоритъ Константинъ: „Прежде всего изложу тебѣ, какой народъ въ чемъ можетъ быть полезенъ и въ чемъ вреденъ Грекамъ; далѣе, какъ живутъ разные народы и съ помощью какого народа можно угрожать войною другому или покорить его; затѣмъ о ненасытности и алчности ихъ, также о безстыдныхъ ихъ требованіяхъ. Здѣсь я буду говорить о различіи между народами, ихъ происхожденіи, образѣ жизни, о положеніи и условіяхъ земли, ими населенной, о пространствѣ и разстояніяхъ земли, равно и о томъ, что происходило въ разное время между Греками и различными народами; далѣе о томъ, что̀ въ извѣстныя эпохи сдѣлано новаго у насъ самихъ, Грековъ. Все это я, разсмотрѣвъ по законамъ мышленія, положилъ передать тебѣ, любезный сынъ мой, дабы ты, твердо зная различіе въ каждомъ изъ упомянутыхъ народовъ, умѣлъ обращаться съ ними, примирять ихъ, а въ случаѣ надобности, покорять и отражать ихъ; они же будутъ съ трепетомъ взирать на твое великодушіе и будутъ бояться тебя, какъ огня. Ты обуздаешь ихъ, и слова твои будутъ для нихъ подобны стрѣламъ. И будешь ты для нихъ грозенъ видомъ, и при одномъ взглядѣ на тебя нападетъ на нихъ страхъ. Всемогущій Богъ сохранитъ тебя, наставитъ тебя премудрость Творца твоего; она направитъ стопы твои и утвердитъ тебя на незыблемомъ основаніи. Тронъ твой передъ нимъ будетъ, какъ солнце. Очи Его будутъ созерцать тебя и никакое несчастіе не случится съ тобою, ибо Онъ самъ избралъ тебя и отрѣшилъ отъ утробы матери твоей и далъ тебѣ власть свою, какъ превосходящему всѣхъ смертныхъ, и поставилъ тебя, какъ стражу на холмѣ, какъ золотое изваяніе па возвышенномъ мѣстѣ; какъ городъ на горѣ—возвысилъ тебя, да принесутъ тебѣ дары всѣ народы и да поклонятся тебѣ всѣ живущіе на землѣ".

[1]) Въ обоихъ мѣстахъ Константинъ отмѣчаетъ VII индиктъ или 6457 г. съ сотворенія міра, то-есть, 949 по Р. Х.

Мы уже замѣтили выше о зависимости научнаго значенія трудовъ Константина вообще и занимающаго насъ въ частности отъ задачи автора; а задача его намъ извѣстна [1]): онъ хотѣлъ облегчить сыну ознакомленіе съ труднымъ дѣломъ управленія имперіей, давъ ему нѣкоторое понятіе о ея странахъ и народахъ, какъ входящихъ въ ея составъ, такъ и тѣхъ иноземныхъ, съ которыми она принуждена была постоянно имѣть дѣло. Для этого онъ представляетъ историко-географическій очеркъ каждаго народа. Тутъ онъ сообщаетъ все, что̀ зналъ и слышалъ, но не имѣя въ виду критической исторіи, которой, конечно, и не могло знать его время, мало заботится о точности и обстоятельности этихъ свѣдѣній. Вслѣдствіе этого степенью достовѣрности его источниковъ не всегда опредѣляется достовѣрность его показаній.

Какими же, спрашивается, источниками онъ могъ пользоваться, какой матеріалъ имѣлъ подъ руками? Въ этомъ отношеніи нельзя ставить въ одинъ разрядъ всѣ свидѣтельства Константина. Нужно отличать то, что̀ онъ писалъ о древнемъ времени, отъ того, что̀ онъ писалъ о болѣе позднихъ, и наконецъ, о современныхъ ему событіяхъ. Понятно, что онъ могъ имѣть довольно основательныя свѣдѣнія о земляхъ и народахъ, каковыми они были въ его время, тогда какъ свѣдѣнія его о самой древней эпохѣ не могли быть столь же обильны и полны. О современномъ ему положеніи вещей онъ черпалъ свои свѣдѣнія тѣми разнообразными способами сношеній, которые существовали между Византійскимъ дворомъ и землями какъ внутренними, такъ и внѣшними; такимъ образомъ, его источниками въ этомъ случаѣ могли быть устные разсказы и всякіе письменные отчеты и донесенія отчасти византійскихъ пословъ, отправлявшихся къ другимъ народамъ, стратиговъ и другихъ чиновниковъ въ провинціяхъ, а отчасти иностранныхъ посольствъ, заложниковъ, купцовъ и чужеземцевъ-путешественниковъ, которые во всякое время во множествѣ находились въ Византіи. Свидѣтельства Константина, основанныя на такихъ показаніяхъ, должны бы быть довольно досто-

[1]) Поучительную цѣль Константина обличаетъ самая форма сочиненія: словами ὅτι, или ἰστέον ὅτι начинается почти каждая глава. Въ такомъ видѣ сочиненіе является цѣлымъ рядомъ поученій съ постояннымъ напоминаніемъ, что „надо знать то-то", „надо вспомнить то-то".

вѣрны, но главный вопросъ состоитъ въ томъ, какъ онъ ими пользовался. Бывали, безъ сомнѣнія, случаи, что нашъ писатель получалъ, а слѣдовательно, и сообщалъ недостаточно вѣрныя и точныя свѣдѣнія, но кажется, еще чаще случалось, что онъ самъ неисправно передавалъ и путалъ то, что̀ слышалъ. Объ этомъ можно судить по тѣмъ ошибкамъ и извращеннымъ фактамъ, которые попадаются въ разбираемомъ трудѣ — по вопросамъ, довольно близкимъ Константину, о которыхъ онъ не могъ не имѣть удовлетворительныхъ извѣстій [1]).

Что касается свѣдѣній императора о древнихъ временахъ, то тутъ ему могли служить, вопервыхъ, письменные источники, то-есть, труды его предшественниковъ-историковъ и другіе письменные документы (напримѣръ, оффиціальные акты, договоры и вообще бумаги, хранившіяся въ архивахъ), а вовторыхъ, устное преданіе, доходившее до него тѣмъ же путемъ, какъ и извѣстія о современныхъ событіяхъ. Но если ужь эти послѣднія часто являются у Константина искаженными, то еще съ большею осторожностью слѣдуетъ относиться къ его сообщеніямъ о древнемъ времени. Ихъ нельзя не подвергать строгой критикѣ; но отъ нея еще очень далеко до совершеннаго скептицизма и того отрицательнаго отношенія къ извѣстіямъ Константина, въ какое впалъ въ новѣйшее время одинъ почтенный славянскій ученый.

Изъ сочиненій своихъ предшественниковъ Константинъ во всемъ сочиненіи „Объ управленіи имперіей" упоминаетъ только хронографъ Өеофана, да нѣсколько древнихъ географовъ [2]). О другихъ византійскихъ источникахъ онъ умалчиваетъ, а въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ: „Объ этомъ не пишутъ наши историки" [3]). Ужь изъ этихъ словъ можно, кажется, заключить, что Константинъ имѣлъ передъ собою еще какіе-нибудь письменные источники, кромѣ трудовъ византійскихъ историковъ.

[1]) Напримѣръ, невѣрна родословная кн. Гуго, дочь котораго была замужемъ за Романомъ, сыномъ Константина. См. Rački, Ocjena etc., Književnik, 45—46.

[2]) Въ 23-й и 24-й гл. De adm. imp. есть ссылки на Аполлодора, Артемидора, Парөенія, Діониза, Харакса др. и

[3]) Въ разказѣ о завоеваніи Испаніи Арабами; „De adm. imp., cap. 21, p. 97 (Ed. Bonn.): τοῦτο δὲ παρὰ τοῖς ἡμετέροις ἱστορικοῖς οὐ γέγραπται.

Въ особенности надо осторожно пользоваться тѣми свидѣтельствами, которыя касаются земель и народовъ, наиболѣе удаленныхъ отъ Византіи на сѣверъ и западъ. Вообще Константинъ, какъ и всѣ Византійцы, гораздо хуже знаетъ исторію и географію запада, чѣмъ востока, ибо на востокѣ сосредоточивались главныя интересы Византійской имперіи, съ востокомъ велись самыя оживленныя сношенія, съ востока являлись дикія полчища народовъ грозившихъ безопасности государства.

Въ характеристикѣ Константина, какъ ученаго, мы вообще приходимъ къ слѣдующему выводу:

Константинъ, безъ всякаго сомнѣнія, добросовѣстенъ, не извращаетъ фактовъ преднамѣренно и знаетъ много,—этого у него нельзя отнять; но по всему видно, что онъ не мастеръ справляться съ тѣмъ матеріаломъ, которымъ располагаетъ, и въ этомъ отношеніи, можно сказать, весьма безтолковъ; лучшимъ доказательствомъ тому служатъ тѣ его свидѣтельства, въ которыхъ онъ, по видимому, не могъ ошибаться, и которыя могутъ быть провѣрены современными достовѣрными источниками. Такая провѣрка и приводитъ насъ къ довольно невыгодному заключенію о качествахъ Константина, какъ ученаго. Дѣйствительно, оказывается, что историкъ онъ былъ въ сущности весьма посредственный, не смотря на свои ученыя замашки археолога, этнографа, этимолога и т. д. [1]).

Это заключеніе, конечно отнюдь не умаляетъ его литературныхъ заслугъ и не отнимаетъ у его трудовъ значенія драгоцѣнныхъ источниковъ для исторіи и этнографіи; оно свидѣтельствуетъ только о низкомъ общемъ уровнѣ людей науки того времени, надъ которымъ возвышались лишь немногія личности, надѣленныя природой особенно обширнымъ умомъ и дарованіями. Константинъ не отличался ни тѣмъ, ни другимъ,—не ставить же этого ему въ вину. Если мы ближе всмотримся въ его трудъ, то замѣтимъ, что то преобладаніе формы надъ содержаніемъ, которое отражалось во всѣхъ проявленіяхъ жизни Византійскаго двора вообще и Византійскаго императора въ особенности, и которое вполнѣ характеризуется сочиненіемъ нашего писателя „О церемоніяхъ Византійскаго двора", составляетъ существенную особенность и того произведе-

[1]) *Rambaud*, стр. 75—77.

нія, которымъ мы занимаемся. Съ одной стороны мы видимъ въ немъ большую систематичность и порядокъ во внѣшнемъ его расположеніи, а съ другой—совершенный безпорядокъ, запутанность и непослѣдовательность во внутреннемъ содержаніи, то-есть, въ изложеніи событій и историческихъ фактовъ. Какое-то неумѣнье прагматически излагать исторію, частыя противорѣчія самому себѣ, совершенно механическое связываніе фактовъ безъ всякой внутренней системы поражаютъ читателя на каждомъ шагу [1]). Напротивъ того, внѣшняя форма сочиненія можетъ быть признана весьма удовлетворительною. Планъ, изложенный въ приступѣ, выдерживается довольно исправно до самаго конца [2]). Соотвѣтственно цѣли и обѣщанію автора, сочиненіе можетъ быть раздѣлено на слѣдующія главныя части: въ первой (гл. 1-я—13-я), которая по преимуществу можетъ быть названа политическою, Константинъ говоритъ объ отношеніяхъ Византіи къ варварскимъ народамъ [3]) и раскрываетъ намъ политику Византійскаго двора; вторая (гл. 16-я—46-я) часть, историко-географическая, заключаетъ въ себѣ изложеніе происхожденія, нравовъ, образа жизни, пространства земли и т. д.

[1]) Справедливую характеристику этого именно сочиненія Константина даетъ *Кассель* (*Cassel*, Magyar. Alterthümer, Berlin, 1848, S. 121) въ слѣдующихъ словахъ: „Сочиненіе Константина Багрянороднаго „Объ управленіи имперіей“ по своему содержанію столько же замѣчательно, сколько запутано. Нѣтъ труда, который требовалъ бы болѣе критики текста и содержанія. Его любовь къ истинѣ несомнѣнна, и познанія его не малы; все, что онъ сообщаетъ, имѣетъ безцѣнное значеніе. Дѣло заключается только въ пониманіи, въ томъ, чтобы вѣрно оцѣнить то, что неправильно освѣщено или стоитъ не на своемъ мѣстѣ. Неупоминаніе какого либо-факта Константиномъ еще не есть признакъ его несуществованія, такъ какъ вѣдь онъ сообщаетъ лишь то, что знаетъ, и вся его книга состоитъ, по видимому, изъ отдѣльныхъ замѣтокъ, которыя написаны имъ не въ той послѣдовательности, въ какой они являются передъ нашими глазами, и безъ опредѣленной цѣли“. Послѣднее впрочемъ несправедливо: цѣль была у Константина именно поучительная, но сю-то и объясняется недостаточно тщательная внутренняя обработка содержанія.

[2]) То-есть, отдѣльныя части сочиненія дѣйствительно соотвѣтствуютъ плану автора, но за то много отступленій и почти не относящихся къ дѣлу эпизодовъ.

[3]) То-есть, къ Руссамъ, Печенѣгамъ, Туркамъ (Мадьярамъ), Хазарамъ, Болгарамъ и т. д.

у различныхъ народовъ [1]), и наконецъ, третья (гл. 46-я—53-я) посвящена передачѣ нѣкоторыхъ событій и перемѣнъ въ самой имперіи и при дворѣ. Но при этомъ внѣшнемъ систематическомъ характерѣ — повторяемъ — царствуетъ полная авторская безтолковость и неумѣлость. О несостоятельности Константина, какъ этимолога, этнографа и хронолога, мы здѣсь особо говорить не будемъ. Эта сторона его учености выяснится при рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ нашей задачи.

Все, что мы сказали до сихъ поръ вообще о свидѣтельствахъ Константина, относится въ частности и къ его извѣстіямъ о Славянахъ. Если Константинъ, по замѣчанію одного изъ критиковъ [2]), дѣйствительно могъ бы сказать и о нихъ также: „объ этомъ не пишутъ наши историки", то изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ источники его извѣстій о Славянахъ были вообще скудны и мало достовѣрны. Во всякомъ случаѣ это могло бы относиться только къ его свидѣтельствамъ о древнѣйшемъ времени, ибо для современнаго состоянія Славянскихъ народовъ Константинъ имѣлъ достаточно вѣрный источникъ, то-есть, устныя и письменныя показанія путешественниковъ, случайныхъ свидѣтелей и людей, состоявшихъ на службѣ, но и для древняго времени онъ, какъ мы замѣтили, пользовался, безъ сомнѣнія, не одними хрониками византійскихъ историковъ, но и другими письменными памятниками, напримѣръ, архивными документами оффиціальнаго характера. Между ними должно было быть не мало такихъ, которые прямо или косвенно относились къ Славянамъ, между прочимъ, конечно, къ Хорватамъ и Сербамъ, ихъ поселенію на земляхъ имперіи и къ дальнѣйшимъ сношеніямъ ихъ съ Византійскимъ правительствомъ.

Къ этому можно прибавить, что въ нѣкоторыхъ разказахъ Константина (какъ уже и было замѣчено учеными) какъ-бы слышится народное преданіе; но и такіе разказы не заслуживаютъ пренебреженія, ибо и народныя преданія часто очень близки къ исторической истинѣ.

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь объ Арабахъ, Испанцахъ, Франкахъ (Германцахъ), Италіанцахъ, Венеціанцахъ, Иллирскихъ Славянахъ, о странахъ—Угріи, Моравіи, Печенѣжской землѣ, Хазаріи, Аланіи, о народахъ Арменіи и Кавказа.

[2]) Rački, Ocjena etc. K. P., 49.

Подробный разборъ всѣхъ свидѣтельствъ Константина о южныхъ Славянахъ, къ которому мы скоро и приступимъ, выяснитъ, какъ мы надѣемся, ихъ значеніе и сравнительную важность.

Для болѣе вѣрной оцѣнки Константина, какъ источника древней исторіи южныхъ Славянъ, слѣдуетъ принять въ расчетъ его политическій взглядъ на Славянъ и посмотрѣть, не выразился ли этотъ взглядъ и личное чувство императора къ Славянскому племени въ сказаніяхъ о немъ? На послѣдній вопросъ мы, кажется, въ правѣ отвѣчать отрицательно, а разумѣется, отъ вполнѣ объективнаго и безпристрастнаго отношенія автора къ предмету—его показанія могутъ только выиграть. О взглядѣ же Константина на Славянъ мы во всякомъ случаѣ можемъ составить себѣ, хотя бы a priori, довольно вѣрное понятіе, основываясь на тѣхъ фактахъ, которые намъ извѣстны объ отношеніяхъ Славянскаго племени къ Византійской имперіи.

Приливъ Славянскаго населенія въ земли Балканскаго полуострова начался особенно замѣтно съ конца V вѣка и продолжался безпрерывно въ VI, VII и VIII вѣкахъ. Такимъ образомъ въ продолженіе почти четырехъ вѣковъ совершалась постепенная славянизація Греческихъ провинцій Восточной имперіи. Политика Византіи вообще способствовала быстрому наплыву инороднаго элемента въ предѣлы имперіи. Правительство ея смотрѣло на это сквозь пальцы, такъ какъ сознавало, что ни военныя силы, ни вырождавшееся и слабое туземное населеніе не въ состояніи противодѣйствовать этому могучему притоку варваровъ. Поэтому этнографическое обновленіе полуострова совершалось болѣе мирно, чѣмъ насильственно.

Такъ и Славяне занимали Балканскую территорію большею частію мирнымъ путемъ, отчасти съ разрѣшенія самого Византійскаго правительства, а отчасти для него незамѣтно, небольшими группами—безъ шума. Мало по малу они проникали во всѣ углы Балканскаго полуострова и къ концу VIII вѣка наводнили его до такой степени, что Византія не могла наконецъ не призадуматься надъ такимъ положеніемъ вещей. Слова нашего историка объ ославяненіи всей Греческой земли въ эту эпоху (VIII в.) [1]) служатъ до-

[1]) Пресловутая фраза Константина: ἐσθλαβώθη δὲ πᾶσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος. De Themat. L. II, 6, p. 53. (Ed. Bonn.).

казательствомъ, что Византія хорошо сознавала, и можетъ быть, даже нѣсколько преувеличивала тотъ этнографическій переворотъ, который произошелъ на Балканскомъ полуостровѣ въ VII и отчасти въ VIII вѣкѣ. Византійцы знали, что Славяне, заселившіе ихъ земли, составляютъ только часть цѣлаго обширнаго народа, господствующаго на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, и потому они въ началѣ не могли безъ нѣкотораго страха смотрѣть на усиленіе славянскаго элемента въ имперіи. Но не слѣдуетъ забывать и того, что Славянское племя играло уже не маловажную роль въ государственной жизни тогдашней имперіи; оно имѣло своихъ представителей не только при Византійскомъ дворѣ, въ средѣ важныхъ его сановниковъ, но и на самомъ императорскомъ престолѣ [1]), а славянскій языкъ проникъ уже въ значительной степени въ топографическую номенклатуру Балканскаго полуострова. Въ X вѣкѣ это значеніе славянской стихіи во внутренней жизни имперіи должно было достигнуть уже очень замѣтныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ знакомства со Славянами, и правительство, и туземное населеніе естественно привыкало къ нимъ и уживалось съ ними, а прежнее чувство неопредѣленнаго страха и недовѣрія уступало мѣсто большему довѣрію и расположенію. Съ такими чувствами, кажется, смотрѣлъ на Славянъ и Константинъ Багрянородный, хоть онъ прямо и не высказывается въ своихъ сочиненіяхъ.

Какъ мы видѣли, свидѣтельства Константина о Славянахъ заключаются преимущественно въ его трудѣ „De administrando imperio". Нѣсколько главъ этой книги посвящены имъ исключительно, а затѣмъ отрывочныя извѣстія о нихъ разбросаны по разнымъ мѣстамъ. Сочиненіе состоитъ изъ 53 главъ. Изъ нихъ 8 (29-я—37-я) посвящены южнымъ Славянамъ—Иллирскимъ, двѣ (49-я и 50-я)—Пелопонисскимъ, одна (9-я)—Русскимъ [2]), и одна (41-я)—Моравіи.

[1]) Юстиніанъ и Юстинъ II, а по мнѣнію многихъ, также и Василій Македонянинъ были славянскаго происхожденія. Того же происхожденія были патріархъ Никита (766—780 гг.), нѣсколько полководцевъ, напримѣръ, Велисарій, и многіе сановники, близкіе къ престолу. См. *Ламанскій*, О Славянахъ въ Малой Азіи и т. д. (С.-Пб. 1859), Историч. Замѣчанія, стр. 2; *Rambaud*, 145.

[2]) Здѣсь находится знаменитое свидѣтельство Константина о Днѣпровскихъ порогахъ.

Свидѣтельства о Болгарахъ попадаются въ разныхъ главахъ (преимущественно въ 32-й). Кромѣ того, отрывочныя упоминанія о Славянахъ встрѣчаются и въ другихъ главахъ [1]). Упомянемъ здѣсь кстати, что и въ другихъ сочиненіяхъ Константина находятся коекакія замѣчанія о Славянахъ; нѣкоторыя изъ нихъ при случаѣ и остановятъ на себѣ наше вниманіе.

Извѣстія о Русскихъ и сѣверныхъ Славянахъ мы оставимъ въ сторонѣ, какъ не касающіяся нашей задачи, и обратимся прямо къ извѣстіямъ о занимающихъ насъ Славянахъ Балканскаго полуострова, то-есть, о Сербахъ, Хорватахъ, а потомъ о Болгарахъ и Славянахъ Пелопонисскихъ.

Слѣдуетъ различать три рода свидѣтельствъ Константина о Славянахъ: 1) чисто-историческія, 2) географическія, то-есть, описаніе ихъ жилищъ, и 3) бытовыя.

Свидѣтельства Константина о жилищахъ южныхъ Славянъ, то-есть, почти исключительно Хорватовъ и Сербовъ, безспорно въ высшей степени важны и интересны. Жаль только, что нашъ историкъ самъ имѣлъ довольно смутныя и неудовлетворительныя понятія о географіи западныхъ окраинъ Балканскаго полуострова, а потому, съ одной стороны, не могъ провѣрять свои источники, съ другой—пользовался ими, кажется, не довольно исправно. Сверхъ того, имѣя ничтожныя познанія въ славянскомъ языкѣ, онъ искажалъ славянскія названія мѣстностей точно также, какъ и имена историческихъ лицъ [2]).

Что касается извѣстій Константина о внутреннемъ политическомъ устройствѣ и бытѣ южныхъ Славянъ, то они очень скудны, и входя въ разказы совершенно случайно, бросаютъ лишь слабый свѣтъ на нѣкоторыя стороны ихъ внутренней жизни.

Чтобы приступить къ разбору всѣхъ этихъ свидѣтельствъ, необходимо привести ихъ въ систему, распредѣлить ихъ по категоріямъ, такъ какъ у Константина они, подобно всѣмъ его извѣстіямъ, изложены весьма безпорядочно и запутанно. Сообразно съ такимъ распредѣленіемъ, наше сочиненіе распадется на слѣдующіе отдѣлы:

[1]) Именно въ глав. 5-й, 8-й, 12-й, 13-й, 22-й, 28-й, 37-й, 38-й, 40-й, 42-й, 51-й.

[2]) Возможно также, что славянскія имена были значительно искажены позднѣйшими переписчиками его сочиненія.

1. Свидѣтельства Константина о событіяхъ въ Далмаціи до поселенія Хорватовъ и Сербовъ и о Далматинскихъ (приморскихъ) городахъ.

2. Свидѣтельства о первоначальныхъ жилищахъ Хорватовъ и Сербовъ (Бѣлохорватія и Бѣлосербія) и о переселеніи ихъ въ нынѣшнія жилища.

3. Хорваты: свидѣтельства о ихъ новыхъ жилищахъ и о ихъ судьбѣ (отъ VII до X в.).

4. Сербы: свидѣтельства о ихъ новыхъ жилищахъ и о ихъ судьбѣ (VII—X в.).

Наконецъ, въ *Приложеніи* мы разсмотримъ свидѣтельства Константина о Болгарахъ, о Пелопонисскихъ Славянахъ и тѣ немногія извѣстія Константина, которыя, касаясь внутренней жизни Иллирскихъ Славянъ, уясняютъ намъ нѣсколько ихъ бытъ и политическое устройство.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Свидѣтельства Константина Багрянороднаго: I. О событіяхъ въ Далмаціи до поселенія Хорватовъ и Сербовъ.—II. О далматинскихъ городахъ.

I.

Далмація, Иллирикъ и Паннонія [1]) — вотъ главныя названія тѣхъ областей Римской имперіи, которыя въ VII вѣкѣ достались новымъ славянскимъ пришельцамъ съ сѣвера—Сербо-Хорватамъ. Всѣ эти три названія встрѣчаются и у Константина Багрянороднаго, и мы увидимъ впослѣдствіи что̀ онъ подъ ними разумѣлъ. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о границахъ этихъ земель во времена, предшествовавшія тѣмъ событіямъ, о которыхъ повѣствуетъ нашъ историкъ.

Имена Далмаціи и Иллирика употреблялись въ разное время въ самомъ различномъ смыслѣ.

Далматами назывались первоначально только граждане одного города [2]), лежавшаго, кажется, нѣсколько на югъ отъ устья рѣки Тилура (Цетиньи). Но мало по малу это имя стало распространяться на сосѣднія мѣстности, въ особенности къ югу, и уже во II в. до Р. Х. Далмаціей называлось преимущественно пространство отъ р. Тилура до р. Нарона (Неретвы). При Августѣ Далмація уже заключала въ себѣ на сѣверѣ всю Либурнію [3]) и Япидію

[1]) Разумѣемъ здѣсь южную часть верхней Паннонiи, такъ называемую Savia, между Савой и Дравой.

[2]) Гор. Дальмій (по Стефану Византійскому), Далминій (по Страбону), Дельминій (по Поливію и Аппіану); отъ него жители назывались Dalmienses, Delmienses, Dalmatae; см. *Lucius*, De reg. Dalm. et Croat., Lib. I, cap. VI.

[3]) *Mikoczi*, Otiorum Croatiae liber unus, p. 25; см. *Farlati*, Illyr. Sacr. I, 106: Liburnia pars est Dalmatiae.

до границъ Италіи (то-есть, г. Albona и р. Arsia), а на югѣ—собственный, первоначальный Иллирикъ до р. Дрилона (Дрина) и городъ Lissus, то-есть, до границъ Македоніи. Однимъ словомъ, въ то время Далмація была почти то же, что впослѣдствіи Западный Иллирикъ, кромѣ сѣверныхъ его земель, то-есть, Норика, Паннонiи и Савіи (земли между Савой и Дравой). Вскорѣ послѣ Августа имя Dalmacia стало входить въ употребленіе вмѣсто первоначальнаго имени этой провинціи Иллирикъ (Superior provincia Illyricum), организованной самостоятельно около 10 г. по Р. Х. [1]). Въ такомъ широкомъ смыслѣ употреблялось имя Далмаціи почти постоянно византійскими писателями, не исключая и Константина, у котораго впрочемъ, какъ мы увидимъ, Далмація является, кромѣ того, и въ самомъ тѣсномъ, позднѣйшемъ смыслѣ, когда она обнимала лишь одни прибрежные Далматинскіе города съ ихъ округами. Восточною границей Далмаціи была Македонія и затѣмъ р. Дринъ (притокъ Савы), западною—Адріатическое море, сѣверною же—Паннонія и горы Альбійскія и Бебійскія (montes Albius et Bebius) [2]).

Несравненно большаго объема достигло названіе Иллирика [3]). Первоначально Иллирикомъ (Illyricum) или Иллиріей (Illyris) называлась страна между р. Нарономъ и р. Дрилономъ. Въ первомъ десятилѣтіи по Р. Х. (послѣ 2-й Паннонской войны) имя Иллирика было дано вновь возникшей самостоятельной провинціи, то-есть, всей приморской странѣ между границами Македоніи и Италіи [4]); впослѣдствіи оно распространилось уже на всѣ приморскія земли, начиная съ Венетовъ и до самаго Эпира; на востокъ же оно захватило и часть Мизіи (именно верхнюю). По мѣрѣ расширенія предѣловъ Римской имперіи на сѣверъ (во II в. по Р. Х.) въ Иллирикъ вошли также провинціи: Норикъ, Паннонія и Савія; на востокѣ къ нему присоединилась Дакія, Мизія и даже часть Ѳракіи; наконецъ при Константинѣ Великомъ Иллирикъ достигъ самаго обширнаго своего объема, захвативъ на югѣ Македонію, Ѳессалію, Эпиръ и даже всю южную Грецію съ остр.

[1]) *Marquardt*, Römische Staatsverwaltung, I B. Leipz., 1873, S. 144.
[2]) *Lucius*, De r. D. et C. Lib. I, cap. VI.
[3]) О происхожденіи этого имени см. *Mikoczi*, Ot. Croat., p. 22
[4]) *Marquardt*, ibid. 141, 144.

Критомъ. По раздѣленіи Римской имперіи и Иллирикъ былъ раздѣленъ на двѣ части—восточную и западную, изъ которыхъ послѣдняя заключила въ себѣ Далмацію въ обширномъ смыслѣ, Норикъ, Паннонію и Савію [1]) и вошла въ составъ Западной Римской имперіи.

Что касается имени Панноніи, то его значеніе всегда оставалось неизмѣннымъ и опредѣленнымъ, потому вѣроятно, что эта страна имѣла почти со всѣхъ сторонъ естественныя границы. На востокѣ ее окаймлялъ Дунай, а отчасти р. Дринъ (притокъ Савы), на сѣверѣ также Дунай, на западѣ—Цетійскія горы (Cetius m.), которыми она отдѣлялась отъ Норика, а на югѣ—Альбійскія и Бебійскія горы, отдѣлявшія ее отъ Далмаціи [2]). Въ такомъ объемѣ Паннонія заключала въ себѣ и Савію; иногда-же послѣднюю считали отдѣльно, и въ такомъ случаѣ Паннонія ограничивалась на югѣ рѣкою Дравой. Паннонія дѣлилась на двѣ части: *верхнюю* (Superior) или западную и *нижнюю* (Inferior) или восточную; границею между ними была черта, проведенная отъ устья рѣки Аррабона (нынѣ Рабъ, Raab) къ горамъ Бебійскимъ [3]).

Норикъ и Паннонія, доставшись Римлянамъ, какъ мы сказали выше, составили часть Западнаго Иллирика. Съ конца IV вѣка, когда началось грозное движеніе варварскихъ народовъ съ востока, во главѣ которыхъ шла дикая орда Гунновъ, упомянутая область Римской имперіи (Иллирикъ) была одна изъ первыхъ, испытавшихъ всѣ превратности великаго переселенія. Вестготы, принятые Валентомъ въ римскіе предѣлы, вскорѣ по своемъ приходѣ завладѣли Илиріей, но оставили ее уже въ началѣ V вѣка, чтобы продолжать свое движеніе на западъ, въ Италію. Между тѣмъ Гунны, сдвинувъ со своихъ мѣстъ Готскія племена, расположились сами по Дунаю, занявъ отчасти и Паннонію. Оттуда они громили сначала Восточную, а потомъ Западную имперію.

[1]) *Шафарикъ*, Славянскія древности (перев. *Бодянскаго*), томъ I, кн. 1, стр. 424—425.

[2]) *Mikoczi*, Ot. Cr. I, § V. p. 27.

[3]) Ibid. Верхняя и Нижняя Паннонія при Діоклетіанѣ подверглись еще подраздѣленію: *Нижняя* (Inferior) раздѣлилась на 1) сѣверную: Valeria (назв. по дочери Діоклетіана) и 2) южную: Pann. Secunda; *Верхняя*—на 1) сѣверную Prima и 2) южную: Savia или Pann. Riparicnsis. См. *Marquardt*, ibid. S. 140.

Но во второй половинѣ V вѣка, по смерти Аттилы (454 г.), Гуннская держава, состоявшая изъ самыхъ разнородныхъ племенъ, быстро рушилась; одинъ изъ составлявшихъ ее народовъ, Остготы, жившіе на среднемъ Дунаѣ, достигли большого могущества къ концу V вѣка, и подъ предводительствомъ Теодориха, съ согласія Восточнаго императора Зенона, заняли Италію, гдѣ, со времени паденія Западной имперіи, началось полное господство Германцевъ. Теодорихъ, утвердившись въ Италіи, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Норикъ, Паннонію и Иллирію. Въ половинѣ VI вѣка Остготы были побѣждены Юстиніаномъ, который возвратилъ имперіи ея прежнія области, въ томъ числѣ и названныя провинціи.

Въ 568 году сѣверная Италія досталась новому Германскому племени Лангобардамъ, которые жили до тѣхъ поръ по среднему теченію Дуная, сперва на сѣверъ, а затѣмъ на югъ отъ него. Между тѣмъ съ удаленіемъ Германскихъ племенъ изъ странъ средняго и нижняго Дуная, открывается нѣкоторый просторъ, которымъ и воспользовались Славянскія племена для распространенія своихъ жилищъ на западъ и югъ. Въ Славянахъ Восточная имперія пріобрѣла новыхъ враговъ, уже ранѣе впрочемъ ей извѣстныхъ, такъ какъ Славяне, по всей вѣроятности, участвовали въ походахъ Гунновъ на Восточную имперію въ качествѣ подвластнаго имъ народа [1]) или союзниковъ. Во второй половинѣ VI вѣка придвигается съ востока, по слѣдамъ Гунновъ, новое азіатское племя свирѣпыхъ Аваровъ, появленіе которыхъ сопровождалось неисчислимыми бѣдствіями не только для Византійской имперіи, но и для Славянъ. Дѣйствительно, Авары, явившись около 560 года на сѣверѣ отъ Меотиды и Понта, проходятъ съ страшными опустошеніями земли Славянъ-Антовъ [2]), и прійдя къ среднему Дунаю, утверждаются въ западной части нынѣшней Угріи по обѣ стороны Дуная и Тиссы (568 г.) [3]). Здѣсь, въ бывшей землѣ Гепидовъ и въ Панноніи, они основываютъ могущественную державу и подчиняютъ себѣ прежнихъ жителей этихъ мѣстностей, въ томъ числѣ и Славянъ. Съ этихъ поръ начинаются постоянныя опустошительныя вторженія

[1]) *Шафарикъ*, Сл. Др. I, кн. 2, стр. 99.

[2]) Жилища ихъ простирались отъ нижняго Дуная на сѣверо-востокъ въ нынѣшней южной Россіи.

[3]) *Шафарикъ*, Сл. Др. II, кн., 1, стр. 93.

Аваровъ и Славянъ въ предѣлы Восточной имперіи. Конечно, Иллирикъ и Далмація, какъ страны сосѣднія съ Аварами, терпѣли всего болѣе отъ ихъ вторженій. Почти два вѣка продолжается такое положеніе вещей, и только въ VII и VIII вѣкахъ, съ паденіемъ могущества Аваровъ и приходомъ съ сѣвера племенъ Хорватовъ и Сербовъ въ Далмацію, Иллирикъ, а отчасти и Паннонію, отдохнули эти земли отъ вѣковыхъ страданій, которыя причиняли имъ разрушительныя движенія народовъ, какъ въ ихъ предѣлахъ, такъ и въ сосѣдствѣ. Такова судьба этихъ странъ до того времени, къ которому относятся первыя свидѣтельства о нихъ Константина Багрянороднаго.

Константинъ, имѣя въ виду разказать, какимъ образомъ и когда Хорваты и Сербы стали обладателями тѣхъ странъ, которыя они занимали въ его время, естественно считалъ нужнымъ сообщить и то, что̀ произошло въ Иллирикѣ непосредственно передъ этимъ фактомъ, и какія обстоятельства его вызвали. Разказъ объ этомъ занимаетъ двѣ главы въ его сочиненіи „Объ управленіи имперіей", а именно 29-ю и 30-ю. Въ обѣихъ главахъ разказывается одно и то же событіе—взятіе Аварами далматинскаго города Салоны, но не совсѣмъ одинаково. Различія касаются немаловажныхъ вопросовъ, и потому необходимо съ равнымъ вниманіемъ отнестись къ обоимъ разказамъ, чтобы рѣшить, который изъ нихъ вѣрнѣе, и объяснить себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ происхожденіе. Мы приведемъ ихъ рядомъ, чтобъ яснѣе было, въ чемъ они расходятся.

Глава 29.

Императоръ Діоклетіанъ вывелъ изъ Рима колонію и поселилъ ее въ Далмаціи, которую очень любилъ.

Эти колонисты и до сихъ поръ носятъ имя Римлянъ [1]); предѣлы, ими занимаемые, простираются до р. Дуная.

Римляне, пожелавъ, однажды узнать, кто живетъ по ту сторону рѣки, перешли ее и нашли безоружныя *Сла-*

Глава 30.

Тотъ, кто хочетъ знать, какъ Далмація была завоевана Славянами, можетъ научиться отсюда.

Издавна Далмація начиналась у границъ Диррахія, а именно отъ Антибара (ἀπὸ Ἀντιβάρεως) и доходила до горъ Истріи; въ ширину же она простиралась до р. Дуная. Весь этотъ предѣлъ подвластенъ Римлянамъ, и эта

[1]) Ρωμᾶνοι; Константинъ отличаетъ этимъ именемъ Римскихъ жителей Далмаціи отъ Грековъ, которыхъ онъ постоянно называетъ Ρωμαῖοι.

(гл. 29).

вянскія племена, называемыя также Аварами. Какъ эти, такъ и Римляне, не знали, жилъ ли кто либо на противоположной сторонѣ рѣки. Римляне, найдя Аваровъ безоружными и не приготовленными къ войнѣ [2]), напали на нихъ, и взявъ добычу и плѣнныхъ, возвратились. И съ тѣхъ поръ устроивъ двѣ смѣны, они отъ пасхи до пасхи смѣняли своихъ людей, такъ что въ Великую и Святую Субботу встрѣчались другъ съ другомъ и возвращающіеся оттуда и отправляющіеся на эту службу. Близъ моря есть городъ Салона, величиною въ половину Константинополя. Собравшись въ немъ, всѣ Римляне вооружаются и идутъ къ крѣпости [3]), отстоящей отъ города на 4,000 шаговъ. Эта крѣпость до сихъ поръ называется Клиссой (Κλεῖσα) [4]); оттуда они отправляются къ рѣкѣ.

Послѣ многихъ лѣтъ подобной смѣны *Славяне*, жившіе за рѣкой и *называемые Аварами*, поразмысливъ, сказали себѣ: „Эти Римляне съ тѣхъ поръ какъ переправились и захватили добычу не перестаютъ переправляться, итакъ мы предпримемъ что нибудь противъ нихъ“. Посовѣтовавшись такимъ образомъ, *Славяне-Авары* [5]), когда Римляне однажды перешли рѣку, приготовили засаду, и напавъ, побѣдили ихъ. захвативъ ихъ оружіе и знамена, Сла-

(гл. 30).

провинція [1]) считалась самою главною изо всѣхъ другихъ западныхъ провинцій. Итакъ, она была занята Славянами слѣдующимъ образомъ: Возлѣ Аспалата (Ἀσπάλαθον) есть городъ Салона (Σαλῶνα), построенный императоромъ Діоклетіаномъ. Тамъ жили магнаты и множество народа,—это была столица всей Далмаціи. Ежегодно собирались изъ остальныхъ городовъ Далмаціи конные воины и около 1,000 посылалось изъ Салоны, въ видѣ стражи, на Дунай противъ *Аваровъ*, которые жили по ту сторону Дуная, гдѣ теперь живутъ кочевые Турки (то-есть, Угры). Приходившіе ежегодно Далматинцы часто видѣли за рѣкой скотъ и людей. Рѣшившись однажды переправиться, чтобъ узнать, кто тамъ живетъ, они нашли однихъ женщинъ и дѣтей аварскихъ, а мужчины и юноши находились въ походѣ. Неожиданно напавъ и захвативъ ихъ въ плѣнъ, они возвратились безъ потери, приведя добычу въ Салону.

Когда Авары вернулись съ похода и узнали о случившемся отъ пострадавшихъ, они были поражены и не знали, откуда имъ нанесенъ этотъ ударъ. Они рѣшили выждать и обо всемъ узнать. Когда, по обыкновенію, были опять высланы изъ Салоны сторожевые воины, — а это были те-

[1]) По греч. θέμα. Объ этомъ словѣ см. объясненіе самого Константина въ соч. De Themat. lib. I, 11 стр., (Ed. Bonn.) и примѣчаніе къ нему *Banduri*, Animadvers., стр. 276 (тамъ же). См. также это слово у *Du Cange*, Gloss. Graec.

[2]) Ἀόπλους... καὶ πρὸς πόλεμον ἀπαρασκευάστους. De adm. imp., cap. 29, p. 126.

[3]) Πρὸς τὴν κλεισοῦραν: крѣпость на границахъ имперіи; см. *Rambaud*, p. 196, 197.

[4]) Κλεῖσα διὰ τὸ συγκλείειν τοὺς διερχομένους ἐκεῖθεν, ибо какъ бы запираетъ проходящихъ мимо нея.

[5]) Οἱ Σκλάβοι οἱ Ἄβαροι; въ друг. мѣстѣ: οἱ Σκλάβοι οἱ καὶ Ἄβαροι καλούμενοι.

(гл. 29)

вяне, перейдя рѣку, явились къ крѣпости. Увидавъ ихъ, Римляне, бывшіе тамъ, узнали знамена и вооруженіе своихъ соплеменниковъ и, сочтя ихъ за своихъ товарищей, позволили подошедшимъ къ крѣпости Славянамъ пройдти; а эти, проникнувъ туда, выгнали тотчасъ же Римлянъ и затѣмъ овладѣли городомъ Салоной.

Поселившись тутъ, они съ тѣхъ поръ стали понемногу грабить и истреблять Римлянъ, жившихъ въ поляхъ и въ болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ, и овладѣли ихъ землями. Остальные же Римляне спаслись въ приморскихъ городахъ и до сихъ поръ ими владѣютъ.

(гл. 30)

перь не тѣ же, а другіе, — то и эти рѣшились переправиться, и найдя Аваровъ собранными, а не разсѣянными, какъ прежде, не только ничего не сдѣлали, но потерпѣли страшное пораженіе: одни были убиты, другіе плѣнены и никто не ушелъ изъ ихъ рукъ. Распросивъ ихъ, кто и откуда они, и узнавъ, что это они нанесли имъ упомянутый ударъ, опросивъ также о качествѣ ихъ земли, Авары заключили ихъ въ оковы, надѣли на себя ихъ доспѣхи, сѣли на ихъ лошадей и, держа въ рукахъ знамена, отправились всѣ къ Салонѣ. Узнавъ, по распросамъ, о времени, въ которое сторожевой отрядъ возвращается съ Дуная (это было въ Великую и Святую Субботу), они прибыли въ этотъ самый день. Приблизившись, главная масса войска укрылась, а тысяча, которая завладѣла лошадьми и оружіемъ Далматинцевъ съ цѣлью обмана, бросилась впередъ. Горожане, узнавъ свои знамена и вооруженіе, и зная день, въ который стража обыкновенно возвращалась, растворили ворота и встрѣтили ихъ съ привѣтствіями. А тѣ, вступивъ, заняли ворота и, давъ сигналъ войску, приказали ему сдѣлать нападеніе. Они перебили всѣхъ жителей города, и съ того времени заняли всю Далмацію и въ ней расположились [1]). Только одни приморскіе города не подчинились имъ и остались подъ властью Римлянъ, потому что море служило имъ источникомъ пропитанія. Итакъ, увидя, что земля эта прекрасна, Авары поселились въ ней.

[1]) Καὶ ἔκτοτε κατεκράτησαν πᾶσαν τὴν χώραν Δελματίας καὶ κατεσκήνωσαν ἐν αὐτῇ.

Вотъ оба разказа Константина о взятіи города Салоны Аварами (или Славянами?) и о занятіи ими Далмаціи. Спрашивается: каково ихъ сравнительное значеніе? Мы уже говорили о томъ, какъ слѣдуетъ вообще относиться къ свидѣтельствамъ Константина о столь отдаленной отъ него эпохѣ. Въ настоящемъ случаѣ нельзя основывать на подробностяхъ этихъ разказовъ какихъ-либо рѣшительныхъ выводовъ. Къ тому же и тѣ противорѣчія, которыя въ нихъ встрѣчаются, заставляютъ критика обращаться съ ними весьма осторожно.

Прежде всего долженъ быть поставленъ вопросъ: какъ произошло, что Константинъ помѣщаетъ рядомъ два разказа о томъ же событіи? За неимѣніемъ никакихъ указаній на то въ самомъ разказѣ, на этотъ вопросъ можно отвѣчать только одними предположеніями. Разборомъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ разнятся оба повѣствованія, должно опредѣлиться ихъ сравнительное значеніе. Мнѣніе Шафарика, что первый разказъ, въ 29-й главѣ, „вѣроятно", не принадлежитъ перу Константина, есть также только предположеніе, ничѣмъ важнымъ въ сущности не подтверждаемое [1]).

Тѣсная связь, существующая, если вѣрить свидѣтельству Константина [2]), между фактомъ занятія Аварами Далмаціи и прибытіемъ туда вскорѣ за тѣмъ Хорватовъ и Сербовъ, побуждаетъ насъ ближе разсмотрѣть тѣ вопросы, которые возникаютъ при внимательномъ чтеніи 29-й и 30-й главъ сочиненія Константина. Главные изъ этихъ вопросовъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) Какъ объяснить себѣ то, что въ первомъ разказѣ Константинъ приписываетъ переворотъ въ Далмаціи Славянамъ [3]), отожествляя ихъ, какъ мы видѣли, съ Аварами, а во второй главѣ говоритъ только объ Аварахъ, такъ какъ слова въ началѣ 30-й главы: „тѣ, кто хотятъ знать, какъ Далмація была завоевана Славянскими племенами, могутъ научиться отсюда..." и

[1]) *Шафарикъ* (См. Др. II, кн. 1, с. 393—4, прим. 5) говоритъ: „Первый разказъ есть просто первоначальный очеркъ, сдѣланный, вѣроятно, чужою рукой и по ошибкѣ вставленный здѣсь".

[2]) De adm. imp., c. 31, p. 148: οἱ δὲ αὐτοὶ Χρωβάτοι εἰς βασιλέα τῶν Ῥωμαίων Ἡράκλειον πρόσφυγες παρεγένοντο... κατὰ τὸν καιρὸν ὃν οἱ Ἀβάρεις πολεμήσαντες ἀπ' ἐκεῖσε (т. е. изъ Далмаціи) τοὺς Ῥωμάνους ἐναπεδίωξαν.

[3]) Кстати замѣтимъ, что у Константина встрѣчаются слѣдующія названія Славянъ: Σκλάβοι, τὰ Σκλαβικὰ или Σκλαβινικὰ ἔθνα, Σκλαβηνοί, Σκλαβινοί, Σκλαβησιανοί, након. выраженіе σθλαβώνειν (slavum fieri, ославяниться).

нѣсколько далѣе: „итакъ, она была занята Славянами слѣдующимъ образомъ...“, по справедливому замѣчанію Шафарика [1]), относятся очевидно къ прибытію Хорватовъ въ Далмацію, а не къ вставкѣ о завоеваніи Далмаціи Аварами, которая должна была служить только поясненіемъ къ упомянутому главному событію? 2) Затѣмъ спрашивается: кто же именно взялъ Салону и поселился въ Далмаціи, Славяне или Авары? 3) Какъ и когда произошло это занятіе варварами всей Далмаціи, за исключеніемъ приморскихъ городовъ и острововъ?

Вслѣдствіе недостатка достовѣрныхъ и точныхъ свидѣтельствъ о событіяхъ въ Далмаціи до поселенія въ ней Сербо-Хорватскаго племени, мнѣнія ученыхъ относительно этихъ вопросовъ весьма различны. Чтобъ отвѣчать на нихъ, нелишне припомнить, въ какомъ положеніи были въ VI вѣкѣ и началѣ VII оба занимающія насъ племена, то-есть, Придунайскіе Славяне и Авары.

Въ половинѣ VI вѣка, когда Славяне овладѣли переправою черезъ Дунай, начинаются ихъ частыя вторженія а Балканскій полуостровъ. Въ 548 г. они совершили первый опустошительный набѣгъ въ Иллирикъ и дошли до Драча (Диррахія). Затѣмъ эти набѣги возобновляются весьма часто (въ 550, 551, 552 гг.) [2]), при чемъ всего болѣе страдаютъ области Иллирикъ, Далмація, а также и Ѳракія [3]). Но въ 60-хъ годахъ VI вѣка выступаетъ на Дунаѣ новое, дотолѣ неизвѣстное племя Аваровъ, которое грозно пронеслось черезъ земли Антовъ и Славянъ и расположилось главнымъ образомъ на равнинѣ средняго Дуная и въ Панноніи, покоривъ себѣ мѣстныхъ жителей, между которыми большую часть составляли Славяне. Такимъ образомъ несомнѣнно, что подъ властью Аваровъ были Славяне, хотя бы сравнительно и не въ столь большомъ числѣ, какъ полагаютъ нѣкоторые. Надо замѣтить, что объ отношеніяхъ Славянъ къ Аварамъ существуютъ разныя мнѣнія. Одни преувеличиваютъ власть Аваровъ надъ Сла-

[1]) *Шафарикъ*, Сл. Др. II, кн. 1, 394, примѣч.

[2]) *Stritter*, Mem. pop. II, 34—40.

[3]) У Славянъ было два пути: одинъ отъ устья Дуная черезъ нижнюю Мизію во Ѳракію и Македонію, и другой—черезъ Паннонію и Норикъ; см. *Шафарикъ*, II, кн. 1, стр. 393.

вянами, а по мнѣнію другихъ [1]), кажется—совершенно справедливому, большинство Славянъ (какъ Анты, такъ и всѣ занимавшіе древнюю Дакію) остались свободны послѣ погрома Аваровъ и продолжали отчасти сообща съ послѣдними, отчасти независимо отъ нихъ безпокоить Мизію и Ѳракію. Византійскіе писатели, смотрѣвшіе въ то время на Славянъ и на Аваровъ одинаково враждебно и привыкшіе видѣть и тѣхъ, и другихъ безпрестанно вмѣстѣ вторгавшимися въ предѣлы имперіи, нерѣдко смѣшиваютъ ихъ въ своихъ разказахъ, говорятъ объ однихъ Аварахъ, когда съ ними были Славяне, и наоборотъ. Между тѣмъ взаимныя отношенія Славянъ и Аваровъ, конечно, не могли быть дружественными: мы видимъ это изъ самыхъ фактовъ. Исторія разказываетъ намъ о частыхъ войнахъ ихъ между собою, и этою обоюдною враждой умѣли пользоваться и Византійцы, призывая Аваровъ противъ Славянъ (581 г.) [2]), и на оборотъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что тѣ Славяне (а именно большая часть Паннонскихъ), которые были подвластны Аварамъ, уже по необходимости участвовали въ ихъ походахъ. Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что Константинъ, съ одной стороны отожествляетъ Славянъ съ Аварами, съ другой—самъ себѣ противорѣчитъ, приписывая завоеваніе Далмаціи то *Славянамъ, называемымъ также Аварами*, то просто *Аварамъ*.

Уже далматинскій ученый Иванъ Лучичъ [3]) объяснялъ это показаніе Константина смѣшеніемъ понятій, происшедшимъ оттого, что

[1]) Напримѣръ, *Шафарикъ*, II, кн. 1, 95—99.

[2]) *Stritter*, II, 48: Menandr. p. 165.

[3]) Считаемъ не безполезнымъ привести здѣсь краткія біографическія свѣдѣнія объ этомъ знаменитомъ Далматинскомъ исторіографѣ. Іоаннъ Луцій или Иванъ Лучичъ родился въ г. Трогирѣ (въ Далмаціи) въ началѣ XVII в. и происходилъ изъ древняго и славнаго рода. Заботливые родители, давъ ему дома первоначальное воспитаніе, послали его сперва въ Падую, а потомъ Римъ, гдѣ онъ 20-ти лѣтъ отъ роду получилъ степень доктора юридическихъ наукъ. Здѣсь онъ привлекъ къ себѣ симпатію лучшихъ людей Рима своими умственными и нравственными качествами и пріятнымъ обращеніемъ. Побуждаемой просьбами соотечественниковъ, до слуха которыхъ дошла добрая о немъ слава, онъ вернулся на родину. Тогда уже въ головѣ его созрѣвалъ планъ труда, увѣковѣчившаго его имя. Онъ ревностно принялся за изученіе отечественной исторіи, за собираніе доку-

Славяне, въ своихъ дѣйствіяхъ противъ имперіи, были часто со-

ментовъ и повѣрку ихъ съ помощью здравой и остроумной критики. Но скоро онъ своими успѣхами возбудилъ зависть одного соотечественника Павла de Andreis, который искалъ случая повредить ему и наконецъ нашелъ таковой: онъ съумѣлъ разными происками вооружить противъ Лучича пріѣхавшаго въ Трогиръ генерала-проведитора (proveditore) Венеціанца Антонія Бернарда, увѣривъ его во вредномъ для Венеціанской республики направленіи трудовъ Лучича. Послѣдній вслѣдствіе того былъ даже схваченъ, но затѣмъ освобожденъ, какъ только дѣло разъяснилось. Однако изъ опасенія, чтобы возникшая такимъ образомъ вражда его рода съ родомъ П. Андреиса не имѣла непріятныхъ послѣдствій, Лучичъ рѣшился удалиться изъ родного города (1654 г.). Въ Римѣ, гдѣ онъ поселился, принялъ въ немъ участіе кардиналъ Бассадонна и другіе ученые. Подъ ихъ вліяніемъ онъ снова усердно принялся за трудъ свой, и капитальное сочиненіе „De Regno Dalmatiae et Croatiae" (которымъ намъ такъ часто приходится пользоваться въ нашей работѣ) скоро было доведено до конца. Въ немъ Лучичъ является въ высшей степени осторожнымъ и основательнымъ изслѣдователемъ; историческая достовѣрность фактовъ обусловливается у него свидѣтельствами трехъ источниковъ—памятниковъ искусства, оффиціальныхъ документовъ и современныхъ извѣстій. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ предпочитаетъ скорѣе молчать, чѣмъ вводить въ заблужденіе. Такое отношеніе къ дѣлу заставляетъ насъ съ довѣріемъ относиться къ его выводамъ. Первое изданіе его сочиненія вышло въ Амстердамѣ въ 1666 г. и быстро разошлось.

Извѣстность Лучича такъ возрасла, что тотъ же трудъ, перепечатанный во Франкфуртѣ подъ другимъ заглавіемъ, былъ принятъ за новое произведеніе. Тогда въ Амстердамѣ было въ свою очередь предпринято 2-е изданіе съ измѣненнымъ заглавіемъ и годомъ—для того, чтобы тѣмъ же способомъ обмануть рейнскихъ типографщиковъ. Въ 1748 г. Швандтнеръ перепечаталъ исторію Лучича въ своихъ: Scriptores rerum Hungaricarum, Dalmaticarum etc; наконецъ, въ 1758 г. она еще была издана (in folio) въ Вѣнѣ. Строгимъ критикамъ не удалось сдвинуть ее съ разъ занятаго ею почетнаго мѣста, и весь ученый міръ призналъ ее дѣйствительно классическимъ и первостепеннымъ трудомъ. Она излагаетъ исторію Иллирской земли до и послѣ римскаго владычества, образованіе послѣдующаго государства, рядъ князей и королей, обычаи и нравы того времени, наконецъ военныя и политическія столкновенія и сношенія между Далматинцами, Хорватами, Венеціанцами и Венгерцами. Ученый аббатъ Каррара называетъ ее монографіей изъ славянской исторіи, исполненною учености, но не всегда доказательной критики, и отличающеюся толковою системой изложенія и прекраснымъ слогомъ. Кромѣ своего капитальнаго труда, Лучичъ написалъ

юзниками Аваровъ [1]). Точно также смотрятъ на это свидѣтельство и новѣйшіе критики. Дюмлеръ находитъ, что такое смѣшеніе двухъ совершенно инородныхъ племенъ легко объясняется соединеніемъ въ одно разныхъ извѣстій [2]), а Рачкій замѣчаетъ, что такой промахъ неудивителенъ, такъ какъ Константинъ былъ вообще слабый этнографъ [3]). Съ этимъ нельзя не согласиться, принимая во вниманіе и другія подобныя же ошибки Константина. Такъ напримѣръ, онъ считаетъ Венетовъ Франками по происхожденію [4]), а въ другомъ мѣстѣ подводитъ подъ одну семью Готовъ, Лангобардовъ и опять-таки Аваровъ [5]), такъ что эти послѣдніе оказываются у него одноплеменниками и Готовъ, и Славянъ. Кромѣ того, отожествленіе Славянъ съ Аварами сдѣлается для насъ еще менѣе удивительнымъ, если мы припомнимъ, что тѣ же Византійцы, равно какъ и Нѣмцы, раньше называли Славянъ Гуннами, смѣшивая ихъ вслѣдствіе того, что они жили въ сосѣдствѣ, одни подъ властью

еще Memorie della città di Troù (Венеція, 1574) и приготовилъ къ изданію: Vita b. Johannis, episcopi Traguriensis, снабдивъ это послѣднее сочиненіе своими примѣчаніями (Roma, 1657). Затѣмъ имъ изданы: Inscriptiones Dalmaticae, notae ad memoriale Pauli de Paulo; notae ad Palladium Fuscum; addenda vel corrigenda in opere de Regno Dalmatiae et Croatiae. Venetiis, 1673.—Lucii Ioannis excerpta Ragusae ex codice Vaticano.—Idem pro Petronii Fragmen. excerpta. Dissertatio de Illyrico, et arbores familiarum.—Idem Suplementum in cronica Hungarorum. Изъ неизданныхъ его сочиненій извѣстны: Начала Хорватской и Далматской церкви; Указатели и каталоги архіепископовъ и епископовъ; Реестръ церковныхъ соборовъ и отцевъ церкви; Дѣяписанія отечественной церкви. Лучичъ умеръ въ 1679 г. 66-ти лѣтъ отъ роду въ Римѣ, Его прахъ погребенъ въ церкви св. Іеронима; тутъ же, въ древней библіотекѣ, хранятся рукописи его исторіи Далмаціи и Кроаціи. О жизни его см. Dizionario biographico degli uomini illustri della Dalmazia, S. *Gliubich* (Любичъ). Vienna 1856, p. 187—189. Довольно подробное жизнеописаніе Лучича написано недавно Рачкимъ—въ память 200-лѣтней годовщины его смерти: Povjestnik Ivan Lučič, Trogiranin. Na uspomenu 200-godišnjice smrti njegove, *Rad Jug. Akad*, къ XLIX, и Zagrebu, 1879, 64—102.

1) *Lucius*, De r. D. et Cr., L. I, cap. IX.

2) *Dümmler*, Aelteste Gech. d. Slav. in Dalm. въ *Sitzungber. d. Acad. in Wien*, 1856, s. 360.

3) „Slab narodopisac“. Rački, Ocjena etc. K. P., 64.

4) De adm. imp., c. 28, p. 123.

5) Ibid., c. 25, p. 111.

другихъ, а потому и въ довольно близкихъ связяхъ [1]). Къ тому же смѣшеніе Славянъ съ Аварами встрѣчается не у одного Константина [2]). Ко всѣмъ этимъ соображеніемъ можетъ присоединится и то, что Константинъ почерпалъ свои извѣстія объ этихъ событіяхъ изъ различныхъ источниковъ, и зная изъ сочиненій византійскихъ историковъ о частыхъ вторженіяхъ какихъ-то варваровъ, которыхъ то называютъ Аварами, то Славянами, пришелъ къ выводу о ихъ тожествѣ и подъ этимъ впечатлѣніемъ писалъ свою 29-ю главу. Но послѣ, подвергнувъ свой разказъ болѣе тщательной отдѣлкѣ, въ гл. 30-й онъ не рѣшился повторить свою догадку. Впрочемъ не невѣроятно и то, что онъ, компилируя свой трудъ изъ разныхъ источниковъ, нашелъ два различные разказа объ этомъ событіи, то-есть, о занятіи Далмаціи варварами и безъ всякой критики помѣстилъ ихъ рядомъ (можетъ быть—изъ добросовѣстности). И то, и другое рѣшеніе кажется намъ возможнымъ; тѣмъ не менѣе оба они имѣютъ значеніе только предположеній.

Разъяснивъ себѣ нѣсколько вопросъ о смѣшеніи Константиномъ имени Аваровъ съ именемъ Славянъ, мы однако не рѣшили еще главнаго вопроса: какой же именно изъ этихъ народовъ, или можетъ быть оба они вмѣстѣ завоевали Далмацію? И въ этомъ мнѣнія ученыхъ не вполнѣ согласны; однако большая часть ихъ утверждаетъ, что взятіе Салоны и занятіе Далмаціи должно приписывать именно Аварамъ, и что, слѣдовательно, второе извѣстіе Константина (въ гл. 30-й) справедливѣе перваго. Этого мнѣнія держится и Шафарикъ, прибавляя впрочемъ, что „Авары могли произвести это нападеніе вмѣстѣ съ Подунайскими Славянами“ [3]). Совершенно иного мнѣнія Дюмлеръ; опираясь на то, что о завоеваніи Далмаціи Аварами никто не свидѣтельствуетъ, кромѣ Константина, и что отдѣльныя обстоятельства, разказываемыя послѣднимъ, не совсѣмъ правдоподобны, онъ придаетъ мало значенія всему этому

[1]) *Шафарикъ*, I, кн. 2. стр. 95—98. Изъ византійскихъ писателей Славянъ называли Гуннами Ѳеофанъ и Кедринъ: οἱ Οὖννοι οἱ καὶ Σκλαβινοί, *Stritter* II, 42.

[2]) *Шафарикъ*, I, кн. 2, стр. 98, прим. 43.

[3]) *Шафарикъ*, I, кн. 2, стр. 99, прим.

разказу и скорѣе видитъ въ немъ указанія на бурное вторженіе въ Далмацію Словенцевъ (Виндовъ), племени довольно распространившагося тогда въ Паннопіи и Норикѣ, и съ конца VI в. вступившаго уже въ борьбу съ Баварцами [1]). Константинъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ говоритъ о полномъ опустошеніи Далмаціи Аварами [2]) передъ приходомъ Хорватовъ и Сербовъ, и Дюмлеръ находитъ эти показанія совершенно справедливыми по отношенію къ Словенцамъ, основываясь на разказахъ историковъ о жестокостяхъ, которыми сопровождались вторженія Славянъ [3]).

Дюмлера рѣшительно опровергаетъ Рачкій, никому болѣе не приписывая завоеванія Далмаціи, какъ только Аварамъ: впрочемъ, по его мнѣнію, вторженія Аваровъ въ эту страну сопровождалось только сильнымъ опустошеніемъ, но никакъ не продолжительнымъ господствомъ въ ней [4]). Другіе историки, именно Люцій, а изъ новѣйшихъ Любичъ, приходятъ къ тому заключенію, что Далмація была часто опустошаема какъ Аварами, такъ и Славянами, но что въ концѣ концовъ она дѣйствительно была занята ими, тогда какъ до того всѣ набѣги ихъ ограничивались одними опустошеніями [5])

Таковы мнѣнія наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ по этому вопросу. Отсутствіе положительныхъ свидѣтельствъ не позволяетъ намъ отвѣчать на него вполнѣ рѣшительно. Относительно того, кто овладѣлъ Салоной и опустошилъ Далмацію непосредственно передъ приходомъ туда Сербо-Хорватовъ, мы раздѣляемъ мнѣніе Шафарика, что то были Авары, въ сообществѣ съ которыми впрочемъ могли быть и Придунайскіе Славяне, въ особенности тѣ, которые находились подъ ихъ властью, и слѣдовательно, служили у нихъ въ войскѣ. Но остались ли эти Авары въ Далмаціи? Судя по всѣмъ показаніямъ Константина, они дѣйствительно остались въ

[1]) *Dümmler*, 362—365.

[2]) De adm. imp., c. 31, p. 148: παρὰ δὲ τῶν 'Αβάρων ἐκδιωχθέντες οἱ αὐτοὶ Ῥωμᾶνοι.... αἱ τούτων ἔρημοι καθεστήκασι χῶραι; также c. 33, p. 160: παρὰ τῶν 'Αβάρων αἰχμαλωτισθεῖσα ἥ τε χώρα καὶ ὁ ταύτης λαὸς τὸ παράπαν ἠρήμωται.

[3]) *Dümmler*, 364.

[4]) **Rački**, K. P, (Ocjena), стр. 64, 65.

[5]) *Lucius*, L. I, cap. VIII; **Ljubič**, Pregled Hrvatske poviesti, 3, гдѣ онъ повторяетъ слова Люція: Dalmatiam saepius ab Abaribus et Sclavis depopulatam dici potest, occupatam autem affirmari non potest.

ней. Константинъ прямо говоритъ: „Авары, увидя, что земля прекрасна, поселились въ ней", и далѣе, разказывая тутъ же о приходѣ Хорватовъ, онъ продолжаетъ: „Одинъ родъ (то-есть, Хорватовъ)... пришелъ въ Далмацію и нашелъ Аваровъ, занимавшихъ эту страну. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ войны между ними, Хорваты побѣдили, и однихъ Аваровъ убили, а другихъ принудили подчиниться" [1]. Не имѣя никакихъ свидѣтельствъ, противорѣчащихъ этому показанію, мы не можемъ отвергнуть его; полагаемъ однако, что не особенно многочисленные Авары не могли, конечно, занять всю Далмацію, которая такимъ образомъ значительно опустѣла, на что́, какъ мы видѣли, не разъ и указываетъ Константинъ. Такимъ образомъ вопросъ сводится къ тому, когда и какъ произошло это событіе?

Надо замѣтить, что Константинъ вообще очень неисправно соблюдаетъ хронологію; онъ или вовсе не опредѣляетъ времени разказываемыхъ имъ событій, или сообщаетъ весьма неясныя хронологическія данныя. Въ настоящемъ случаѣ одно обстоятельство особенно затрудняетъ опредѣленіе времени и сбиваетъ изслѣдователей. Съ одной стороны, какъ мы уже видѣли, Константинъ, свидѣтельствуя, что Хорваты обратились къ императору Ираклію „около того времени, когда Авары изгнали изъ Далмаціи Римлянъ", тѣмъ самымъ относитъ и занятіе Аварами Далмаціи ко времени царствованія императора Ираклія (610—641 гг.). Съ другой стороны, въ гл. 29-й мы находимъ у него, послѣ разказа о построеніи города Рагузы (τὸ 'Ραούσιον) гражданами разрушеннаго „Славянами" Эпидавра, извѣстіе, что „съ тѣхъ поръ, какъ жители города Салоны переселились въ Рагузу, прошло 500 лѣтъ до нынѣ, то-есть, до 7-го индикта 6457 года отъ сотворенія міра" [2]) (или 949 г. по Р. Х.), когда Константинъ писалъ эту часть своего сочиненія. Изъ этого извѣстія можно вывести заключеніе, что если въ 449 г. жители Салоны переселились въ Рагузу, то слѣдовательно къ этому году Константинъ относитъ и взятіе Салоны Аварами, которое такимъ образомъ является современнымъ гунскому владычеству, тогда

[1]) De adm. imp., c. 30, p. 143—144

[2]) 'Αφ' οὗ δὲ ἀπὸ Σαλῶνα μετῴκησαν εἰς Ραούσιον, εἰσὶν ἔτη φ' μέχρι τῆς σήμερον, ἥτις ἰνδικτιῶνος ἑβδόμης ἔτους ,συνζ'. De adm. imp, c. 29, p. 137.

какъ въ это время, какъ извѣстно, объ Аварахъ въ Европѣ не было и помину, а Славянъ если ужь и знали, то весьма мало, и смѣшивали ихъ съ Гуннами. Всѣ ученые, основательно разбиравшіе Константина, начиная съ самыхъ первыхъ, каковы Люцій и Бандури [1]), признали всю несообразность этого показанія Кон-

[1]) Сообщаемъ здѣсь нѣсколько біографическихъ данныхъ и объ этомъ замѣчательномъ ученомъ. *Ансельмъ Бандури* (Banduri) родился въ Рагузѣ въ 1671 г. Рано поступивъ въ бенедиктинскій орденъ, онъ отправился для усовершенствованія себя въ наукахъ въ Неаполь и Римъ. Страсть къ занятіямъ древностями побудила его въ совершенствѣ изучить греческій и латинскій языки. Своимъ мѣстопребываніемъ онъ избралъ Флоренцію, куда его привлекли богатое книгохранилище и кругъ ученыхъ. Герцогъ Косьма III Медичи сдѣлался его покровителемъ. Бандури обладалъ уже замѣчательною ученостью, когда пріѣхавшій во Флоренцію Б. Монфоконъ предложилъ ему переселиться во Францію, такъ какъ замѣтилъ его блестящія дарованія и познанія. Бандури послѣдовалъ приглашенію и въ качествѣ тайнаго министра Косьмы, получивъ отъ него средства и рекомендацію къ французскому двору, поселился въ Парижѣ (1702 г.). Здѣсь Бандури своею ученостью и талантами пріобрѣлъ скоро громкую извѣстность; его приблизили ко двору, и супруга герцога Филиппа Орлеанскаго сдѣлала его своимъ духовникомъ. Есть извѣстіе, что французскій дворъ просилъ о назначеніи его папскимъ нунціемъ въ Парижѣ или на мѣсто знаменитаго кардинала Альберони въ Испанію. Въ 1715 парижская академія надписей (Academie des Inscriptions) избрала его своимъ членомъ, а въ 1724 герцогъ Орлеанскій сдѣлалъ его своимъ библіотекаремъ. Во все это время Бандури неутомимо работалъ въ излюбленной имъ области. Важнѣйшій его трудъ есть Сводъ константинопольскихъ древностей, въ которомъ онъ издалъ въ латинскомъ переводѣ многихъ греческихъ историческихъ писателей, остававшихся дотолѣ неизвѣстными. Это и есть Imperium Orientale (1711, 2 т.), гдѣ помѣщенъ и нашъ Константинъ Багрянородный. Изданіе снабжено предисловіемъ, важными учеными примѣчаніями, картами и снимками памятниковъ. Трудъ этотъ посвященъ герцогу Косьмѣ III; онъ составляетъ 33-й и 34-ой томы собранія византійскихъ писателей. К. Уденъ (Oudin), ученый, представившій критику труда Бандури, отнесся къ нему слишкомъ строго и пристрастно, ставя ему въ вину неважные промахи. Бандури принадлежатъ еще слѣдующіе большіе труды: Numismata Imperatorum R. R. a Trajano Decio ad Paleologos Augustos (собраніе медалей Римскихъ императоровъ отъ Траяна до Палеологовъ), Paris, 1718, 2 vol., съ посвященіемъ герцогу Орлеанскому; къ нему присоединена Bibliotheca Nummaria, то-есть, каталогъ всѣхъ трудовъ по нумизматикѣ. Затѣмъ плодомъ изученія древнихъ кодексовъ было изданіе, особенно важное для церковной исторіи: Conspeptus operum Sancti Nicephori (Paris, 1705 —

стантина и старались такъ или иначе объяснить его. Тѣмъ не менѣе это сбивчивое извѣстіе было причиной нѣкоторыхъ недоразумѣній и ошибокъ въ ученыхъ розысканіяхъ.

Итакъ, во времена Аттилы Авары никакъ не могли взять Салону, по той простой причинѣ, что ихъ не знали еще тогда въ Европѣ. Но можетъ быть, не Авары, а именно Гунны разрушили Салону въ 449 г., и это-то и разумѣетъ Константинъ, говоря о переселеніи въ этомъ году части ея гражданъ въ Рагузу. Однако и такое предположеніе окажется совершенно несостоятельнымъ, если мы ближе вникнемъ въ дѣло. Не говоря уже о томъ, что никто изъ писателей не повѣствуетъ о разрушеніи Салоны Гуннами, это предположеніе опровергается достовѣрными фактами. Во время войны Юстиніана съ Готами (534—553 гг.) Салона представляла важную точку опоры полководцамъ Юстиніана, слѣдовательно, была цѣла и невредима. Затѣмъ въ концѣ VI вѣка постоянныя сношенія Римскаго папы съ Далматинскими епископами, во главѣ которыхъ стоялъ архіепископъ Салонскій, и переписка папы Григорія Великаго съ Салонскимъ архіепископомъ Максимомъ (въ 600 г.) по поводу опасности, грозившей Далмаціи и ея христіанскому населенію отъ вторженій Славянъ [1]), явно свидѣтельствуютъ о томъ, что Салона и къ началу VII вѣка не была никѣмъ взята, а тѣмъ менѣе разрушена. Такимъ образомъ это извѣстіе Константина ничѣмъ не оправдывается и потому естественно наводитъ на мысль, нѣтъ ли ошибки въ самомъ текстѣ, а именно въ цифрѣ лѣтъ, которыя Константинъ насчитываетъ со времени переселенія гражданъ Салоны въ Рагузу. Эта ошибка, по мнѣнію ученыхъ, могла быть сдѣ-

1712). Наработавъ на цѣлые 4 тома (in fol.), Бандури, заболѣлъ подагрой и умеръ 14-го января 1743 г. Нѣкоторые признаютъ авторомъ этихъ трудовъ извѣстнаго ученаго де-ла Барра (de la Barre), но это невѣрно; можетъ быть, онъ былъ онъ былъ помощникомъ Бандури. О послѣднемъ разказываютъ также, что онъ былъ незаконнымъ сыномъ великаго герцога Тосканскаго. Любичъ считаетъ это несправедливымъ. О жизни Бандури см. *Sim. Gliubich*, Dizionario biografico degli uomini illustri della Dalmazia, Vienna, 1856, p. 18—19; также Nouvelle Biographie générale. *F. Didot frères*, t. IV, Paris. 1855, p. 350—351.

[1]) *Dümmler*, 363; Rački, Ocjena etc., 67. Рачкій подробно разбираетъ всѣ главные факты, касающіеся исторіи Далмаціи въ послѣднее десятилѣтіе VI вѣка.

лана какъ переписчиками, такъ и самимъ писателемъ [1]); исправить ее по недостатку данныхъ очень трудно, и потому, намъ кажется, слѣдуетъ совершенно оставить въ сторонѣ это сбивчивое показаніе при опредѣленіи времени занятія Далмаціи Аварами. Остается, слѣдовательно, только упомянутое свидѣтельство, по которому это событіе должно быть отнесено ко времени царствованія Ираклія. Но Ираклій царствовалъ 31 годъ (610—641 гг.). Къ какому же именно времени отнести его? Хотя этотъ вопросъ для насъ весьма важенъ не столько самъ по себѣ, сколько для болѣе точнаго установленія времени прибытія и поселенія въ Далмаціи Сербо-Хорватскаго племени, тѣмъ не менѣе данныя, сообщаемыя Константиномъ, таковы, что мы не можемъ рѣшиться основывать на нихъ окончательные выводы. Были ученые, которые, стараясь точно опредѣлить лѣтосчисленіе, брали въ основаніе своихъ доказательствъ нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ, но этотъ пріемъ все-таки не привелъ ихъ къ удовлетворительнымъ заключеніямъ. Особенно тщательно изслѣдовалъ этотъ вопросъ хорватскій ученый Микоци [2]); онъ взялъ во вниманіе, вопервыхъ, то обстоятельство, что при первомъ нападеніи Далматинцевъ на Аваровъ военныя силы послѣднихъ были направлены противъ кого-то—по мнѣнію Микоци — противъ Болгаръ (635—636 гг.); вовторыхъ, свидѣтельство, что папа Іоаннъ IV посылалъ въ Далмацію около 640 г. аббата Мартина для выкупа плѣнныхъ и перенесенія въ Римъ мощей св. мучениковъ [3]), наконецъ, и другія болѣе второстепенныя соображенія. Основываясь на этомъ, Микоци помѣщаетъ событія, разказываемыя Константиномъ о занятіи Далмаціи Аварами, между 636 и 638 годами, когда пришли Хорваты, но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ сознаетъ гадательность своихъ выводовъ.

[1]) *Микоци* полагаетъ, что скорѣе ошибиться могъ переписчикъ, написавъ вмѣсто греческой буквы τ (= 300) ϙ, соотвѣтствующую римской D (500) На этомъ онъ строитъ предположеніе, что переселеніе нѣкоторыхъ гражданъ Салоны въ Рагузу относится къ 649 г., нѣсколько лѣтъ послѣ разрушенія Салоны Аварами; см. *Mikoczi*, Ot. Cr., p. 99.

[2]) *Mikoczi*, Ot. Cr., cap. III, p. 89—106.

[3]) Vita Ioannis IV, I, 123 (Anast. de vit. rom. pont.); Thomas archid. Spalat. Histor. Salonit., c. VIII., ed. *Lucii*, p. 318 (срав. *Pertz*, Script. rer. Langobard. et Italic. VI—IX saec., p. 415).

Нельзя не согласиться съ Шафарикомъ, который не принимаетъ этого исчисленія, какъ „основаннаго на однихъ предположеніяхъ и произвольно взятыхъ началахъ“ [1]). Изъ другихъ ученыхъ Энгель относитъ [2]) занятіе Далмаціи Аварами къ 610—620 гг. а Любичъ принимаетъ [3]), что Салона была взята въ 628 г. И то, и другое мнѣніе также довольно произвольны. Шафарикъ, по отсутствію твердыхъ данныхъ, не рѣшается опредѣлять время каждаго отдѣльно взятаго событія, но принимая въ соображеніе, что все разказываемое Константиномъ объ Аварахъ, а затѣмъ о приходѣ Хорватовъ и Сербовъ, не могло случиться въ короткій промежутокъ времени, относитъ эти событія къ послѣднему десятилѣтію царствованія Ираклія и такимъ образомъ помѣщаетъ полное покореніе Далмаціи Аварами около 630 г. [4]). Это вычисленіе, по нашему мнѣнію, скорѣе всего заслуживаетъ быть принятымъ, хотя конечно, и оно не можетъ считаться непогрѣшимымъ. Что касается вопроса о томъ, какъ совершилось нападеніе Аваровъ на Далмацію и занятіе ея, то подробности, разказываемыя Константиномъ объ этомъ, какъ мы сказали, на столько сбивчивы и даже мало правдоподобны, что не заслуживаютъ большого вниманія. Одно то обстоятельство, будто сами Далматинцы или Римляне вызвали своимъ нападеніемъ вторженіе Аваровъ, не выдерживаетъ строгой критики [5]). Странно также свидѣтельство Константина о томъ, что до перваго нападенія Римлянъ, ни они, ни Авары не знали ничего другъ о другѣ. Можемъ ли мы этому повѣрить, зная, какъ часто еще въ VI в. Авары безпокоили Иллирикъ, и не далѣе, какъ въ 600 г. послѣ одного опустошительнаго набѣга Римляне заключили съ ними миръ?

[1]) Славн. Древн., II, кн. 1, стр. 397—398. Шафарикъ относится также и къ мнѣнію Пеячевича, основывающаго свой выводъ, что Авары овладѣли Далмаціей въ 635—636 гг., на подобныхъ же шаткихъ данныхъ (*Pejacsevich*, Hist. Serb., p. 15, 19).

[2]) *Engel*, Gesch. v. Dalm., 451.

[3]) Ljubić, Pregl. Hrv. pov., 5 (прим).: онъ полагаетъ, что это случилось по возвращеніи Аваровъ изъ-подъ Цареграда (626 г.).

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 398—399.

[5]) *Dümmler*, 360.

[library stamp]

Заняли ли Авары всю Далмацію? Константинъ даетъ довольно точный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Въ гл. 29-й, сказавъ о распространеніи Аваровъ по Далмаціи и объ истребленіи ими Римлянъ, онъ продолжаетъ: „Остальные Римляне спаслись въ приморскихъ городахъ и до сихъ поръ владѣютъ ими. Эти города суть: Рагуза (Ῥαοῦσιν), Аспалатъ (Ἀσπάλαϑον), Трогиръ (Τετραγγούριν), Діадора (Διάδωρα), Арбе (Ἄρβη), Бекла (Βέκλα) и Опсара (Ὄψαρα); ихъ жители и до сихъ поръ называются Римлянами“ [1]). То же самое онъ говоритъ и въ гл. 30-й: „Только одни приморскіе города не подчинились Аварамъ и остались подъ властью Римлянъ, такъ какъ море служило имъ источникомъ пропитанія“ [2]). Итакъ, перечисленные города, изъ которыхъ послѣдніе три находятся на одноименныхъ островахъ, по Константину устояли противъ Аваровъ и приняли къ себѣ Римлянъ, спасшихся отъ преслѣдованія послѣднихъ. Между тѣмъ Константинъ въ концѣ той же гл. 29-й передаетъ разказъ о построеніи Рагузы гражданами города Эпидавра [3]), разрушеннаго Славянами [4]). Слѣдовательно, Рагуза сохранилась только въ томъ смыслѣ, что была возстановлена.

Не забудемъ, что въ Рагузу, по свидѣтельству нашего историка, спаслась и часть гражданъ разрушенной Салоны. Такой же разказъ о возстановленіи города прежними его жителями вблизи разрушеннаго мы находимъ у Ѳомы, архидіакона Сплѣтскаго, по отношенію къ Салонѣ и Аспалату [5]). Итакъ, и Рагуза, и Аспалатъ— собственно города новые, возникшіе на развалинахъ прежнихъ, разрушенныхъ Аварами. Нѣтъ ничего невозможнаго, что и нѣкоторые другіе изъ упомянутыхъ Константиномъ далматинскихъ городовъ имѣли такую же участь.

[1]) De adm. imp., c. 29, p. 128.

[2]) Ibid., 30, p. 143.

[3]) Πίταυρα, у Прокопія: Ἐπίδαυρον.

[4]) По всей вѣроятности, тутъ опять Константинъ смѣшиваетъ Аваровъ со Славянами, ибо нельзя предположить, чтобъ онъ разумѣлъ здѣсь разореніе Эпидавра Славянами до прихода Аваровъ.

[5]) *Lucius*, L. 1, cap. X.

Относительно занятія Далмаціи Аварами надо еще обратить вниманіе на одно свидѣтельство Константина. Разказавъ въ гл. 30-й о прибытіи Хорватовъ, онъ замѣчаетъ: „И до сихъ поръ есть въ Хорватіи остатки Аваровъ, которыхъ и признаютъ за Аваровъ“ [1]). Итакъ, судя по этому свидѣтельству, еще въ X вѣкѣ, не смотря на полную побѣду и торжество вновь прибывшаго славянскаго племени, то-есть, Хорватовъ и Сербовъ, надъ прежнимъ населеніемъ Далмаціи, существовалъ тамъ аварскій элементъ, державшійся, слѣдовательно, въ продолженіе болѣе чѣмъ трехъ столѣтій. Хотя это показаніе никѣмъ болѣе не подтверждается, мы однако не имѣемъ причины не вѣрить ему. Оно служитъ намъ, вопервыхъ, яснымъ доказательствомъ, что было дѣйствительно не только полное завоеваніе, но и довольно продолжительное господство Аваровъ въ этомъ краѣ, а вовторыхъ, оно доказываетъ, что Хорваты, осиливъ Аваровъ, не думали истреблять ихъ, такъ что аварскій элементъ долго существовалъ рядомъ съ господствовавшимъ хорватскимъ, пока наконецъ не былъ окончательно поглощенъ послѣднимъ [2]). Дюмлеръ, по нашему мнѣнію, дѣлаетъ натяжку, утверждая, что этотъ фактъ, если онъ справедливъ, можетъ просто быть объясненъ существованіемъ отдѣльной аварской колоніи въ Далмаціи, и что нѣтъ надобности непремѣнно предполагать господства Аваровъ во всей странѣ (котораго онъ не допускаетъ) [3]). Сохраненіемъ нѣкотораго аварскаго вліянія въ Далмаціи послѣ утвержденія въ ней Хорватовъ Шафарикъ объясняетъ происхожденіе славянскаго титула „банъ“ (баянъ), которое прежде всего употреблялось въ Хорватіи [4]).

Но во всякомъ случаѣ незначительный и ничѣмъ не поддерживаемый аварскій элементъ долженъ былъ рано или поздно совершенно исчезнуть, и Шафарикъ [5]), какъ уже указалъ Дюмлеръ, дѣ-

1) De adm. imp., cap. 30, p. 144: καὶ εἰσὶν ἀκμὴν ἐν Χρωβατίᾳ ἐκ τοὺς τῶν Ἀβάρων, καὶ γινώσκονται Ἀβάρεις ὄντες.

2) См. Ljubić, O Posavskoj Hrvatskoj etc. *Rad. Jugoslav. Ak.*, kn. XLIII, 1878, p. 113, прим.

3) *Dümmler*, 365.

4) *Шафарикъ*, Сл. Др. II, кн. 2, стр. 3 (прим. 3). Впрочемъ не всѣ ученые раздѣляютъ это мнѣніе; см. *Dümmler*, 375, прим. 1.

5) *Шафарикъ*, тамъ же, опровергаетъ *Энгеля*, который считаетъ особенности нынѣшнихъ Морлаковъ татарскими (Gesch. v. Dalm., S. 231—234).

лаетъ невѣроятное предположеніе, думая, что многіе отличительные свойства и обычаи нынѣшнихъ Морлаковъ заняты ими у Аваровъ [1]).

II.

Обратимся теперь къ разбору того, что Константинъ говоритъ о самой странѣ Далмаціи (когда она была еще римскою) и къ перечисляемымъ Константиномъ *далматинскимъ городамъ*, которые, уцѣлѣвъ отъ разгрома Аваровъ, а потомъ Славянъ, составили „Далмацію" въ тѣсномъ смыслѣ, подчиненную и при Константинѣ византійскимъ императорамъ.

Въ этихъ свидѣтельствахъ Константина нерѣдко проглядываетъ его плохое знакомство съ древнею исторіей Римской имперіи. Нѣсколько важныхъ ошибокъ служатъ тому доказательствомъ. „Императоръ Діоклетіанъ очень любилъ Далмацію [2]); онъ вывелъ изъ Рима часть жителей съ ихъ семействами и поселилъ ихъ въ Далмаціи" [3]). Такъ начинаетъ Константинъ 29-ю главу своего сочиненія, и очевидно—ошибается. Извѣстно, что римскія колоніи были выведены въ Далмацію гораздо ранѣе Діоклетіана, еще во време-

[1]) По общераспространенному мнѣнію, Морлаки (Moro-Vlach, черные Влахи) суть Болгары и Сербы-Босняки, переселившіеся въ горы далматинскаго приморья въ серединѣ XV в., добровольно ушедши изъ-подъ турецкаго ига. Венеціанцы, подъ властью которыхъ они впослѣдствіи находились, ничего не сдѣлали для ихъ образованія,и потому они удержали еще донынѣ патріархальные нравы и понятія своихъ предковъ (срв. объ этомъ *Petter*, Dalmatien, I. Gotha, 1857, p. 179, 180 и дал.). Нѣкоторые, впрочемъ ошибочно, считаютъ Морлаковъ за ославяненныхъ Далматинцевъ (Италіанцевъ), которыхъ Славяне прозвали Морлаками, то-есть, морскими Влахами; срв. *Rambaud*, 469. О значеніи и употребленіи имени *Влахъ* и *Моровлахъ* на Балканскомъ полуостровѣ см. въ новѣйшей статьѣ *К. Иречка*: Die Wlachen und Maurowlachen in den Denkmälern von Raguza, Prag, 1879 (*Stzber. der königl. Gesellschaft der Wiss.*).

[2]) Далмація была родиной Діоклетіана; объ этомъ говоритъ и Константинъ въ сочиненіи De Themat., lib. II, th. 9, p. 57—58.

[3]) De adm. imp., 29, p. 125.

на Римской республики [1]). Затѣмъ Константинъ прибавляетъ, что эти выселенцы изъ Рима и въ его время назывались Римлянами. Названіе Далматинцевъ „Римлянами" Люцій объясняетъ тѣмъ, что „варвары называли этимъ именемъ вообще всѣхъ провинціаловъ имперіи, особенно же въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они сосѣдили съ Римлянами. Это названіе было въ ходу и послѣ паденія имперіи для отличія жителей римскихъ провинцій отъ варваровъ. Такъ отличали, какъ извѣстно, Галловъ и Испанцевъ, а въ данномъ случаѣ оказывается то же и относительно Далматовъ" [2]). Какъ видно изъ словъ Константина, въ X вѣкѣ римское населеніе приморскихъ городовъ еще довольно рѣзко отличалось отъ господствующаго славянскаго, и латинскій языкъ былъ тамъ еще въ полной силѣ. По замѣчанію Бандури, латинскій языкъ, какъ видно изъ Вильгельма Тирскаго (Willelmus Tyrius, 2, 27), сохранялся въ далматинскихъ городахъ съ первоначальнымъ римскимъ населеніемъ довольно долго, и часть гражданъ города Рагузы (Дубровника) употребляла его даже до XI вѣка. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ все бóльшаго распространенія славянскаго элемента, кругъ употребленія латыни суживался; мало по малу онъ уступалъ свои права языку славянскому [3]).

Въ началѣ этой главы, опредѣляя границы Далмаціи, Иллирика и Паннонін, мы замѣтили, что у Константина названіе Далмаціи употребляется въ двухъ различныхъ значеніяхъ. Говоря о завоеваніи Далмаціи Аварами, а потомъ Хорватами и Сербами, онъ понимаетъ ее, конечно, въ широкомъ смыслѣ, а именно такъ, какъ ее понимали вообще всѣ византійскіе писатели, то-есть, въ смыслѣ западнаго Иллирика, за исключеніемъ Норика [4]).

Константинъ говоритъ въ началѣ главы 30-й: „Издавна Далмація начиналась у границъ Диррахія, а именно отъ Антивара, и доходила до Истрійскихъ горъ, въ ширину же она простиралась до р. Дуная. Весь этотъ предѣлъ подвластенъ Римлянамъ, и эта провинція

[1]) *Lucius*, De regno D. et. Cr. L. I, c. 1, *Banduri*, Animadvers. (Ed. Bonn.), 335; Rački, Documenta historiae Chroaticae etc. Zagrabiae, 1877, p. 267.

[2]) *Lucius*, L. I, cap. XIV.

[3]) *Banduri*, Animadvers., p. 336—337.

[4]) *Lucius*, L. I, cap. VI.

считалась самою главною изо всѣхъ другихъ западныхъ провинцій“ [1]). Изъ этихъ словъ можно довольно ясно представить себѣ границы Далмаціи по понятію Константина. Только протяженіе до Дуная требуетъ нѣкотораго поясненія.

Если мы припомнимъ разказъ Константина о взятіи города Салоны Аварами, то найдемъ, что и тамъ онъ говоритъ о Дунаѣ, какъ о границѣ римскихъ владѣній, то-есть, иначе границѣ Далмаціи; онъ именно разказываетъ, что далматинскій сторожевой отрядъ посылался на берегъ Дуная „противъ Аваровъ, которые жили по ту сторону Дуная, гдѣ нынѣ живутъ кочевые Турки“ (то-есть, Мадьяры). Какую же часть Дуная разумѣетъ Константинъ? Обыкновенно полагаютъ, что сѣверною границей Далмаціи была р. Сава до самаго ея впаденія въ Дунай, и слѣдовательно, только въ этомъ одномъ мѣстѣ (при сліяніи этихъ рѣкъ) Далмація касалась Дуная. Но намъ кажется болѣе справедливымъ предположить, что въ Далмацію входила также земля, лежащая между Дунаемъ, начиная съ его поворота на востокъ, и Савой, то-есть, позднѣйшій Срѣмъ (Sirmium, впослѣдствіи Francochorion). Тогда понятнымъ становится, вопервыхъ, гдѣ Далматинцы сторожили Дунай противъ Аваровъ, такъ какъ жилища послѣднихъ сосредоточивались въ то время между Дунаемъ и Тиссой, вовторыхъ, почему Константинъ выражается, что Далмація простиралась „въ ширину“ до Дуная.

Въ эту-то Далмацію въ обширномъ смыслѣ, вскорѣ послѣ Аваровъ, пришли, какъ свидѣтельствуетъ Константинъ, Хорваты, а затѣмъ и Сербы; побѣдивъ Аваровъ, они прогнали ихъ и сами, по договору съ императоромъ Ираклiемъ, поселились въ ней, завладѣвъ всею землей, за исключеніемъ тѣхъ приморскихъ городовъ и острововъ, въ которыхъ уже вслѣдствіе аварскаго нашествія сосредоточилось все спасшееся римское населеніе, и которые представляли для него сравнительно безопасное убѣжище. Впрочемъ противъ новыхъ славянскихъ пришельцевъ туземцамъ, вѣроятно, и нечего было защищаться,

[1]) Andr. Dandulus въ Chron. venet., *Muratori*, XII (a. 854), говоритъ: Est autem Dalmatia prima provinciarum Graeciae, quae habet ab oriente Macedoniam, ab occasu Istriam, a meridie mare Adriaticum et insulas Liburnicas, et a septentrione Pannoniam, quae est pars Mysiae...

если справедливо, что Ираклій самъ назначилъ Далмацію для поселенія Сербо-Хорватамъ, призвавъ ихъ противъ ненавистныхъ враговъ имперіи Аваровъ, и слѣдовательно, расчитывалъ на ихъ мирное настроеніе въ отношеніи къ своимъ подданнымъ—Далматамъ. Итакъ, съ окончательнымъ поселеніемъ Славянскаго племени въ этой странѣ до тѣхъ поръ обширное названіе Далмаціи сузилось, ограничившись тѣми приморскими городами и немногими островами, которые поименовываются у Константина, и жители которыхъ, по его свидѣтельству, сохранили имя Римлянъ.

Итакъ, эти города составили *Далмацію* въ тѣсномъ смыслѣ [1]), подъ верховною властью греческаго стратига, имѣвшаго пребываніе въ Задрѣ (Διάδωρα), но съ собственнымъ муниципальнымъ управленіемъ [2]); города эти слѣдующіе: *Рагуза* (Дубровникъ), *Аспалатъ* (Сплѣтъ), *Тетрагурій* (Трогиръ) *Діадора* (Ядера, Задаръ), затѣмъ острова съ городами: *Арбе* (Рабъ), *Бекла* (Кркъ) и *Опсара* (Осоръ). Что касается города *Декатеръ* (Котора), котораго положеніе также описывается Константиномъ въ числѣ другихъ далматинскихъ городовъ [3]), то его принадлежность къ этимъ городамъ византійской Далмаціи подвержена нѣкоторому сомнѣнію, о чемъ мы еще скажемъ ниже. Кромѣ названныхъ городовъ, Константинъ причисляетъ къ Далмаціи (въ концѣ гл. 29-й) островъ *Лумбрикатъ* (нынѣ Vergada) съ населеннымъ городомъ того же имени и нѣсколько другихъ менѣе значительныхъ островоъ (изъ южныхъ Либурнскихъ) съ пустыми городами [4]), которые, по всей вѣроятности, во время аварскаго господства служили также убѣжищемъ изгнаннымъ Римлянамъ, а при Константинѣ были совершенно заброшены и опустѣли. Объ этой группѣ островоъ Константинъ выражается такъ: „Есть небольшіе острова подъ властью Далмаціи до самаго Бене-

[1]) Въ этомъ смыслѣ Константинъ употребляетъ названіе Далмаціи, когда говоритъ: πᾶσα ἡ Δελματία καὶ τὰ περὶ αὐτὴν ἔθνη, οἷον Χρωβάτοι Σέρβλοι Ζαχλοῦμοι Τερβουνιῶται Καναλεῖται Διοχλητιανοὶ καὶ 'Αρεντανοὶ...

[2]) Rački, Ocjena etc., 61.

[3]) De adm. imp., cap., 29, p. 139.

[4]) Названія этихъ городовъ у Константина слѣдующія: Καταυτρεβενῶ, Πιζύχ, Σελβῶ, Σχερδὰ, 'Αλωὴπ, Σκιρδακίσσα, Πυρότιμα, Μελετὰ, Ἐστιουνὴζ и др. cap. 29, p. 140.

вента [1]), частые и многочисленные, такъ что тамъ корабли никогда не боятся бури..." [2]), и затѣмъ слѣдуетъ ихъ перечисленіе.

Важное значеніе далматинскихъ городовъ въ исторіи Сербо-Хорватскаго племени и ихъ интересное топографическое положеніе, способствовавшее ихъ возвышенію, преимущественно какъ важныхъ торговыхъ и промышленныхъ пунктовъ, заставляетъ насъ остановиться нѣсколько на нихъ, чтобы, съ одной стороны, привести все то, что̀ свидѣтельствуетъ о каждомъ изъ нихъ нашъ историкъ, а съ другой—прибавить отъ себя нѣсколько замѣчаній о ихъ географическомъ положеніи. Историческіе же факты, сообщаемые о нихъ Константиномъ, какъ тѣсно связанные съ исторіей сосѣдняго славянскаго племени, войдутъ въ отдѣлъ о Хорватскомъ племени.

Итакъ, перейдемъ къ изложенію извѣстій Константина о далматинскихъ городахъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онъ ихъ называетъ.

Рагуза (Ῥαούσιον). Объ этомъ городѣ Константинъ сообщаетъ слѣдующее: „Городъ Раузій (τὸ κάστρον τοῦ Ῥαουσίου) не называется Раузой (Ῥαούση) на римскомъ языкѣ (по латыни) [3]), но потому, что расположенъ на скалистомъ мѣстѣ, а скала *по римски* (то-есть, по гречески) [4]) называется λαῦ, откуда и жители Лаузійцы (Λαουσαῖοι), то-есть, живущіе на скалѣ [5]). А общее употребленіе, которое часто искажаетъ слова смѣшеніемъ буквъ, измѣнивъ слово, назвало ихъ Раузійцами. Сами же они нѣкогда владѣли городомъ Эпидавромъ (Πίταυρα); но впослѣдствіи, когда остальные города были взяты Славянами, живущими въ этой провинціи, былъ взятъ и этотъ городъ, а жители были частью убиты, частью уведены въ плѣнъ; тѣ же, которые могли бѣжать и спастись, населили скалистыя мѣста тамъ, гдѣ теперь находится го-

[1]) *Бандури* (Animadv., Ed. Bonn., p. 346) замѣчаетъ: quasi Beneventum ad mare Adriaticum situm sit: verum trium ferme dierum itinere ab eo distat, et a Neapoli 32 miliaribus.

[2]) De adm. imp., c. 29, p. 140.

[3]) Τῇ Ῥωμαίων διαλέκτῳ.

[4]) Ῥωμαϊστί.

[5]) Такъ предлагалъ переводить это мѣсто и *Бандури*, Ed. Bonn., 342.

родъ; они построили его спачала небольшимъ, а потомъ въ нѣсколько бо̀льшихъ размѣрахъ; затѣмъ они еще увеличили его, продолживъ стѣну" [1]).

Затѣмъ Константинъ перечисляетъ имена нѣкоторыхъ гражданъ, переселившихся въ Рагузу, и прибавляетъ уже извѣстное намъ замѣчаніе о переселеніи гражданъ Салоны въ этотъ городъ.

Итакъ, въ приведенномъ разказѣ Константинъ объясняетъ прежде всего этимологію имени *Рагуза*. Хотя съ предлагаемымъ имъ производствомъ этого слова и согласны нѣкоторые ученые [2]), все же оно остается подъ большимъ сомнѣніемъ. Кстати надо замѣтить, что Константинъ, подобно всѣмъ вообще ученымъ своего времени, не отличается удачными этимологическими объясненіями. Мы еще будемъ имѣть случай встрѣчать примѣры его часто довольно наивныхъ, чтобы не сказать болѣе, этимологическихъ догадокъ. Впрочемъ у Константина попадается и нѣсколько вѣрныхъ словопроизводствъ, что̀ доказываетъ, что онъ все-таки имѣлъ нѣкоторое понятіе о славянскомъ языкѣ [3]).

По разказу Константина, Рагуза была выстроена жителями города Эпидавра, разрушеннаго „Славянами, живущими въ этой провинціи". По этому послѣднему выраженію можно бы заключить, что Эпидавръ былъ взятъ Хорватами или Сербами [4]), но это не-

[1]) Τὸ τεῖχος αὐτοῦ αὐξήσαντες μέχρι δ'ἔχειν τὸ κάστρον διὰ τὸ πλατύνεσθαι αὐτοὺς κατ'ὀλίγον καὶ πληθύνεσθαι. De adm. imp. c. 29. p., 137.

[2]) *Banduri* приводитъ въ подкрѣпленіе этой этимологіи слѣдующій доводъ: „Neque sola urbs Ragusina, quod in loco praerupto sita fuerit, hoc nomen nacta est: quippe urbs etiam Laconicae aspero in loco sita *Λᾶ* dicitur apud Lycophronem; unde nomen sumpsere *Λαπέρσαι* Dioscuri". Animadv., 342. *Петтеръ*, излагая топографію Рагузы, замѣчаетъ: имя Рагузы, вѣроятно, есть италіанизированная древняя форма Lausa, Labucedo, Rausa, Rhacusa и Rhacusium. См. *Petter*, Dalmatien, II, 196. Пресвитеръ Діоклейскій (с. XX) приводитъ также названіе Lausium, какъ первоначально принадлежавшее этому городу.

[3]) Сравн. *Rambaud*, 75–76; *Ст. Новаковичъ*, Српске области X и XII в. у Београду, 1879, стр. 1–2, прим.

[4]) И дѣйствительно, этимъ свидѣтельствомъ пользуется Дюмлеръ, доказывая, что Хорваты и Сербы явились въ Далмацію врагами имперіи и нанесли ударъ не Аварамъ, а остаткамъ римскаго населенія, разрушивъ многіе далматинскіе города. *Dümmler*, 367; см. также R a č k i, Ocjena etc. K. P., 69. *Петтеръ* приписываетъ разрушеніе Эпидавра Тервунцамъ и Нарентанамъ въ союзѣ съ Сарацинами въ 656 г. (?); см. *Petter*, II, 173.

вѣроятно уже потому, что часть салонскихъ граждань, по разрушеніи своего города, поселилась въ Рагузѣ, а Салона была разрушена, какъ извѣстно, Аварами. Здѣсь Константинъ, безъ сомнѣнія, опять смѣшиваетъ Аваровъ со Славянами. Иначе разказываютъ о паденіи Эпидавра Ѳома Сплѣтскій и Пресвитеръ Діоклейскій, но ихъ разказы крайне баснословны и не заслуживаютъ довѣрія [1]). Рагуза, благодаря своему выгодному географическому положенію, очень скоро возвысилась, и какъ видно изъ Константина, вслѣдствіе постояннаго прилива населенія она не разъ должна была расширять свой объемъ. Она была метрополіей всей Далмаціи въ торговомъ отношеніи [2]). Въ началѣ XI в. славянское населеніе Рагузы особенно увеличилось, и городъ еще расширился—на этотъ разъ къ сѣверу; такимъ образомъ эта часть города была, кажется, по преимуществу славянскою. Вслѣдствіе лѣсистой мѣстности, она первая получила названіе Дубровника (отъ дубравы), которое перешло потомъ и на весь городъ [3]). Что касается тѣхъ граждань, которыхъ перечисляетъ Константинъ, какъ поселившихся въ Рагузѣ вслѣдъ за ея построеніемъ, то мѣсто ихъ родины нѣсколько сомнительно. Бандури, утверждая, что слово κατοικησάντων должно быть замѣнено словомъ μετοικησάντων, видитъ въ этихъ гражданахъ переселенцевъ изъ Салоны, которыхъ и слѣдуетъ разумѣть въ словахъ Константина, непосредственно затѣмъ слѣдующихъ „ἀπὸ Σαλῶνα μετῴκησαν εἰς Ῥαούσιον, то-есть, οἱ ἀπὸ Σαλῶνα...“ [4]). Онъ не согласенъ съ Люціемъ [5]), который эти слова переводилъ: „Salonam transisse Rausium“ и придавалъ имъ тотъ смыслъ, что вмѣсто Салоны, метрополіи всей древней Далмаціи, Рагуза стала метрополіей восточной части приморской Далмаціи (Византійской).

Замѣтимъ кстати о географическомъ положеніи Рагузы, что она лежитъ на маленькомъ полуостровѣ [6]), нѣсколько сѣвернѣе древ-

[1]) *Dümmler*, 370.

[2]) Такъ какъ вѣдь византійскій стратигъ Далмаціи жилъ въ Задрѣ.

[3]) *Banduri*, Animadv., p. 342.

[4]) De regno D. et Cr., c. XIV.

[5]) *Banduri*, An. (Ed. Bonn.), 344.

[6]) У подошвы нынѣшней горы Sergio.; см. *Petter*, Dalm. II, 198. —

няго Эпидавра; по свидѣтельству Константина, она находилась на границѣ земель Захлумья и Тервуніи и имѣла свои виноградники въ той и другой [1]). Константинъ упоминаетъ, что въ Рагузѣ „покоятся мощи св. Панкратія, въ храмѣ св. Стефана, находящемся среди города [2]).

Аспалатъ. (Ἀσπάλαθον, Spalatum, итал. Spalato, слав. Сплѣтъ), Изъ Ѳомы архид. Сплѣтскаго мы узнаемъ, что этотъ городъ, состоявшій прежде изъ одного только огромнаго дворца Діоклетіана, былъ отстроенъ и населенъ жителями разрушенной Салоны (около полов. VII-го в.) [3]). Этотъ же писатель сообщаетъ намъ подробности о разрушеніи Салоны, тогда какъ Константинъ не только не распространяется объ этомъ событіи, но и совершенно умалчиваетъ о переселеніи салонскихъ гражданъ въ Аспалатъ.

Въ 30-й гл. Константинъ пишетъ: „Близь Аспалата есть городъ, называемый Салоной, построенный импер. Діоклетіаномъ.... въ Салонѣ жили магнаты и множество народа,—это была столица всей Далмаціи“ [4]). Извѣстно, что Салона была одно время мѣстопребываніемъ Діоклетіана; сюда удалился этотъ императоръ, оставивъ престолъ, чтобы послѣдніе дни жизни своей провести въ покоѣ и уединеніи. Не вѣрно однако, что она была построена Діоклетіаномъ. Она существовала до него уже нѣсколько вѣковъ: о ней упоминаетъ уже Цезарь (De bello civ. 3, 8-9) [5]). Самъ Константинъ въ своемъ сочиненіи „О провинціяхъ“ противорѣчитъ себѣ, считая ее родиной Діоклетіана [6]); впрочемъ по другимъ, болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ этотъ императоръ родился въ Діоклеѣ. Въ другомъ мѣстѣ [7]) Константинъ говоритъ о Салонѣ, что она по объему равна половинѣ Константинополя; это извѣстіе оказалось преувеличеннымъ, когда были сдѣланы тщатель-

[1]) De adm. imp., cap. 30, p. 147.

[2]) Ibid, c. 29, p. 137. См. *Banduri*, Animadv., (Ed. Bonn.), 345.

[3]) Thomas Archid., c. VII—X., См. *Lucius*, L. I, cap. X.

[4]) De adm. imp., c. 30, p. 141.

[5]) Rački, Documenta, 270.

[6]) De Themat., l. II, 57—58: ἡ δὲ Δαλματία τῆς Ἰταλίας ἐστὶ χώρα, ἐξ οὗπερ ἐβλάστησεν ὁ πάντων ἀνθρώπων ἀνοσιώτατος καὶ ἀσεβέστατος βασιλεὺς Διοκλητιανὸς ἀπό τινος χωρίου καλουμένου Σαλῶναι....

[7]) De adm. imp., c. 29, p. 126.

*

ныя изслѣдованія всѣхъ остающихся еще слѣдовъ этого города [1]). Во всякомъ случаѣ Салона до вторженія Аваровъ была богатымъ и цвѣтущимъ приморскимъ городомъ; она служила мѣстопребываніемъ архіепископа, который былъ по ея разрушеніи переведенъ въ Сплѣтъ. Нынѣшняя Салона есть деревня на $2^3/_4$ мили восточнѣе Сплѣта; вблизи отъ нея находятся развалины древняго города [2]). О Салонѣ Константинъ упоминаетъ еще въ одномъ мѣстѣ, говоря, что до его времени сохранились въ ней „дворцы и ипподромы императора Діоклетіана" [3]). Въ 4,000 шагахъ отъ Салоны расположена была, по свидѣтельству Константина, крѣпость Клисса (Κλεῖσα, слав. Klis), нѣкогда Andetrium (у Плинія) [4]), которая служила какъ бы ключемъ для Салоны [5]), ибо достаточно было взять ее, чтобъ овладѣть и самимъ городомъ. Эта крѣпость существуетъ и донынѣ. Итакъ, по свидѣтельству Ѳомы Сплѣтскаго, жители разрушенной Аварами Салоны бѣжали сначала на близь лежащіе острова (Solta, Brazza, Lesina), а затѣмъ, по совѣту одного мужа Севера, возвратились на твердую землю и избрали себѣ убѣжищемъ знаменитый дворецъ Діоклетіана, расположенный среди скалъ въ неприступномъ мѣстѣ. Такъ возникъ городокъ, называвшійся первоначально Palatium, а потомъ Spalatium (Спалатъ, Сплѣтъ). Сначала жителей было не много, но мало по малу ихъ собралось столько, что городъ расширился и за предѣлы дворцовыхъ стѣнъ, преимущественно къ западу [6]). Константинъ говоритъ о немъ такимъ образомъ: „Императоръ Діоклетіанъ основалъ городъ Аспалатъ и построилъ въ немъ дворецъ, превышающій всякое описаніе, котораго остатки носятъ слѣды древняго величія, хотя они уже почти стерты вѣками" [7]). Затѣмъ далѣе, въ концѣ гл. 29-й онъ описываетъ самый городъ: „Большая часть дворцовъ (παλατία), по-

1) *Petter*, II, 66.

2) Ibid. p. 71—72.

3) De adm. imp., c. 31, p. 149. По замѣчанію Бандури (Ed. Bonn., 336), нѣкоторые писатели думаютъ ошибочно, что Діоклетіанъ построилъ въ Салонѣ дворецъ.

4) *Banduri* (Ed. Bonn.), 336; *Petter*, II, 74.

5) Этимъ объясняется и ея названіе, см. *Petter*, II, 74.

6) Ibid., II, 48.

7) De adm. imp., c. 29, p. 126

строенная Діоклетіаномъ, разказываетъ онъ,—погибла; сохранилась между прочимъ епископская палата [1]) и храмъ св. Домна, въ которомъ покоится его же прахъ; этотъ храмъ былъ опочивальней императора Діоклетіана; подъ нимъ компаты со сводами, нѣкогда бывшія мѣстомъ заключенія св. мучениковъ. Въ этомъ же городѣ лежитъ прахъ св. Анастасія" [2]). Тутъ слѣдуетъ описаніе того, какъ построены стѣны города, и какія сооруженія предполагалъ еще предпринять Діоклетіанъ [3]). Мы упомянули, что въ основаніи имени Аспалатъ лежитъ слово palatium (дворецъ); какъ могла произойдти такая передѣлка? У Константина мы находимъ очень странное объясненіе, что городъ Аспалатъ означаетъ parvum palatium (?) [4]). Непонятно, что̀ имѣлъ здѣсь въ виду нашъ писатель. Довольно правдоподобно мнѣніе, что Spalatium составилось изъ двухъ словъ: Salona-Palatium [5]); однако рѣшительнаго нельзя ничего сказать. Что касается приставочной буквы А въ началѣ слова, то это не единственный примѣръ такого явленія. То же мы видимъ въ словахъ: Ἄσθλαβοι вмѣсто Σθλάβοι, Abotriti вмѣсто Bodrici (Бодричи) и т. д. [6]).

Знаменитый сплѣтскій дворецъ, по Константину „превышающій всякое описаніе", состоялъ изъ ряда отдѣльныхъ зданій и представлялъ правильный четырехугольникъ, каждая сторона котораго имѣла приблизительно 220 футовъ въ длину [7]). По словамъ Константина, стѣны были сдѣланы не изъ кирпича или „энхорега" (ἀπὸ ἐγχορήγου) (?), а изъ большихъ квадратныхъ камней [8]), соединенныхъ другъ съ другомъ желѣзомъ („оправленнымъ въ свинецъ"). Онѣ не имѣли ни мѣста для гулянья, ни бастіоновъ, но за то въ нихъ были окошки для метанія стрѣлъ. Изъ разрушен-

[1]) См. *Bandur* (Ed. Bonn.), 345.

[2]) De adm. imp., c. 29, p. 138.

[3]) Сообщаемый Константиномъ планъ этихъ сооруженій не совсѣмъ ясенъ.

[4]) Τὸ Ἀσπαλάθου κάστρον, ὅπερ παλάτιον μικρὸν ἑρμηνεύεται, cap. 29, p. 137.

[5]) *Petter*, II, 48. А можетъ быть, оно произошло изъ Sacrum Palatium.

[6]) *Шафарикъ*, Сл. Др. II, кн. 1, стр. 63.

[7]) *Dümmler*, 370.

[8]) Эти камни привозились, какъ думаютъ, съ острова Брача (Brazza). *Petter*, II, 57 и 137.

ной Салоны были перенесены въ Сплѣтъ мощи св. Домна и Анастасія; въ честь перваго была отстроена церковь изъ спальной палаты Діоклетіана — по свидѣтельству Константина, а по Ѳомѣ Сплѣтскому—изъ храма Юпитера [1]).

Мы уже выше замѣтили, что архіепископство Салонское было перенесено въ Сплѣтъ. Первымъ архіепископомъ Сплѣтскимъ былъ Іоаннъ Равеннскій, посланный папою въ Далмацію для устройства церковныхъ дѣлъ.

Сплѣтъ лежитъ на скалистомъ полуостровѣ, въ 4,000 шагахъ отъ древней Салоны [2]). Его удобное географическое положеніе сдѣлало изъ него важный торговый пунктъ; впрочемъ главное значеніе Сплѣта заключалось въ его церковномъ первенствѣ. Въ настоящее время городъ состоитъ изъ трехъ частей: стараго города (Citta Vecchia), новаго и предмѣстій. Развалины дворца Діоклетіана мѣстами отлично сохранились.

Тетрангурій (Τετραγγούριον, Τραγούριον, Tragurium, Трогиръ, Trau). О немъ Константинъ сообщаетъ не много: „Городъ Тетрангурій есть маленькій островъ въ морѣ, съ узкимъ перешейкомъ, на подобіе моста идущимъ къ твердой землѣ, по которому жители проходятъ въ городъ. Тетрангуріемъ онъ называется потому, что малъ, какъ огурецъ (?). Въ этомъ городѣ покоится прахъ св. мученика архидіакона Лаврентія". Изъ этого свидѣтельства видно, что Трогиръ находился на маленькомъ полуостровѣ, соединенномъ съ материкомъ узкимъ перешейкомъ. На югъ отъ него былъ островокъ Буа (Boa, у Плинія Bavo). Люцій замѣчаетъ, что благодаря перешейку этотъ городъ могъ быть хорошо укрѣпленъ со стороны материка, а островъ Буа служилъ ему хорошею гаванью [3]). Этимологія имени этого города остается темна. Что касается тѣла архидіакона Лаврентія, то есть указанія, что этотъ святой былъ похороненъ въ Римѣ, гдѣ всегда и

[1]) Thomas Archidiac., cap. XII, у *Banduri* (ed. Bonn.), 345.

[2]) *Banduri*, ibid., 336.

[3]) *Бандури* (ibid., 346) прибавляетъ къ этому, что „ни откуда не извѣстно, когда перешеекъ былъ прорытъ, и Трогиръ обращенъ въ островъ, но что онъ уже былъ островомъ въ то время, когда бѣжалъ туда Угорскій король Бѣла IV, объ этомъ свидѣтельствуетъ Ѳома Сплѣтскій" (с. 40). Другіе относятъ прорытіе перешейка уже къ XVII в.

оставался его прахъ [1]). Впрочемъ возможно и то, что тутъ разумѣется другой Лаврентій. Нынѣ Трогиръ соединяется мостами, какъ съ материкомъ, такъ и съ островомъ Буа [2]). Этотъ городъ славенъ, какъ родина часто упоминаемаго нами знаменитаго хорватскаго ученаго Лучича.

Діадора (τὰ Διάδωρα, Iadera, итал. Zara, сл. Задаръ, Задръ) была древнею римскою колоніей, главнымъ городомъ Либурніи, а потомъ метрополіей Далмаціи (Византійской) въ административномъ отношеніи, такъ какъ въ ней жилъ византійскій стратигъ. Ѳома, архидіаконъ Сплѣтскій, разказываетъ, что Ядера была въ VII в. разрушена и вновь построена бѣглецами изъ Салоны, но это показаніе невѣрно и основано на ошибочномъ производствѣ названія этого города отъ рѣки Jader, протекающей близъ Салоны [3]). Константинъ предлагаетъ нелѣпую этимологію слова Діадора [4]), производя его отъ выраженія „jam erat“ потому будто бы, что этотъ городъ „уже существовалъ до основанія Рима“. Далѣе Константинъ разказываетъ что тамъ похоронены св. Анастасія и св. Хрисогонъ мученикъ; съ нимъ хранится и святая цѣпь его. „Храмъ св. Анастасіи продолговатый, похожій на Халкопратійскій храмъ [5]), съ зелеными и бѣлыми колоннами, весь расписанный древнею живописью. Полъ сдѣланъ изъ удивительной мозаики; есть и другой храмъ возлѣ него, круглый храмъ св. Троицы, а надъ нимъ еще другой, въ который поднимаются по улиткообразной лѣстницѣ“. Эти подробности, какъ и тѣ, которыя мы встрѣтили въ описаніи Сплѣта, доказываютъ, какъ Константинъ интересовался и искусствомъ вообще, и памятниками древности въ особенности.

Къ далматинскимъ городамъ Константинъ, по видимому, причисляетъ и городъ *Декатеры* (τὰ Δεκάτερα, Catarum, итал. Cattaro, сл. Которъ). Его имя не встрѣчается у древнихъ писателей, и на этомъ осно-

[1]) *Banduri*, ibid., 346.

[2]) *Petter*, II, 81.

[3]) Названіе города Бѣлограда—Zara vecchia, данное ему почему-то моряками, послужило поводомъ для нѣкоторыхъ отожествлять древнюю Ядеру съ Бѣлоградомъ, но это опровергается уже тѣмъ, что Костантинъ рядомъ съ Ядерой знаетъ хорватскій городъ Βελόγραδον; *Dümmler*, 369.

[4]) ἡ δὲ κοινὴ συνήθεια καλεῖ αὐτὸ Διάδωρα. De adm. imp., c. 29, p. 139.

[5]) *Banduri*, ibid., 347.

ваніи Дюмлеръ относитъ его возникновеніе ко времени прихода Славянъ, считая—и кажется вполнѣ справедливо—это названіе славянскимъ [1]). По мнѣнію другихъ, этотъ городъ назывался въ древности Ascrivium. Онъ былъ взятъ и разрушенъ Сарацинами въ IX в. [2]), послѣ чего будто бы жители разрушеннаго Уграми города Каттаро въ Босніи (Cattaro, срв. τὸ Κάτερα Константина Багрянароднаго) были приглашены возстановить Аскривій, и они-то дали ему имя своей родины [3]). Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы судить, вѣренъ ли этотъ разказъ, но кажется, что древній Аскривій стоялъ на иномъ мѣстѣ (у самаго моря), чѣмъ Которъ (у глубокаго залива). Константинъ сообщаетъ, по обыкновенію, этимологію имени Декатеръ, но весьма темную и непонятную [4]). Далѣе онъ говоритъ: „Городъ окруженъ высокими горами, такъ что солнце видно только лѣтомъ, ибо тогда оно среди неба, зимой же вовсе его не видно“. Это свидѣтельство оправдывается: Которъ почти со всѣхъ сторонъ окруженъ высокими и крутыми горами. „Въ этомъ городѣ“, продолжаетъ Константинъ,—„покоится прахъ св. Трифона, совершенно исцѣлявшаго всѣхъ больныхъ, въ особенности одержимыхъ нечистымъ духомъ; храмъ его—круглый“. На одной изъ окружающихъ горъ расположена Которская крѣпость (S. Giovanni) [5]).

Изъ острововъ, принадлежавшихъ Далмаціи, населены были по Константину только четыре [6]):

Арбе (Ἄρβη, Arbum), слав. Рабъ (Rab), у Плинія Arba [7]).

[1]) Въ Босніи по Константину былъ городъ τὸ Κάτερα (cap. 32, p. 159); *Dümmler*, 370.

[2]) О взятіи Декатеръ Сарацинами сообщаетъ и Константинъ, De adm. imp. c. 29, p. 130.

[3]) *Petter*, II 241—245.

[4]) Декатеры, говоритъ онъ,—значитъ „стѣсненный и подверженный ударамъ“, ибо море вдается подобно стѣсненному языку на 15, даже 20 тысячъ шаговъ, и городъ стоитъ у дополненія моря (εἰς τὸ τῆς θαλάσσης συμπλήρωμα) (?); c. 29, p. 139.

[5]) *Petter*, II, 249.

[6]) Впрочемъ, перечисляя острова Нарентанъ (c. 36, p. 164), Константинъ еще называетъ три острова, принадлежащіе Византіи.

[7]) Тотъ же ли самый островъ надо разумѣть подъ Птоломеевою Скардуной (Scarduna)—не извѣстно.

Бекла (Βέκλα), у Птоломея Οὐεγία, у Плинія Vegium, нынѣ итал. Veglia, слав. Кркъ (Krk) [1]).

Опсара (Ὄψαρα), Absorus, нынѣ итал. Ossero или Cherso, слав. Оссоръ (Osor). На юго-западъ противъ главнаго острова есть небольшой островъ Lussin, который, бывъ соединенъ съ первымъ мостомъ, не имѣлъ прежде особаго имени, а назывался также Ossero. У древнихъ оба острова назывались Apsyrtides [2]). Всѣ эти три острова, то-есть, Rab, Krk и Osor, находятся недалеко другъ отъ друга въ заливѣ Quarnero.

Гораздо южнѣе островъ *Лумбрикатъ* (Λουμβρικάτον), Levigrad, нынѣ Vergada [3]).

Изъ не обитаемыхъ островововъ съ пустыми городами Константинъ называетъ слѣдующіе: Πιζύχ, нынѣ Sale (Люцій, l. I, c. XIV) маленькій островъ, 18 миль южнѣе Задра, между остр. Uglian и Grossa. Но по предположенію Рачкаго (Documenta, 414), Πιζύχ испорченъ вмѣсто Γιζύχ, у Плинія Gissa, нынѣ Ero, слав. Již, Iz (въ Задарскомъ округѣ).

Σελβώ, нынѣ Selva, Selve (Сплба), сл. Želјva.

Σκερδά, нынѣ Scherda, Скарда.

Ἀλωήπ, нынѣ Olib, Ulbo.

Σκιρδάκισσα, по мнѣнію однихъ—Κίσσα (въ такомъ случаѣ первая часть слова попала по ошибкѣ), нынѣ Pago (Пагъ); по другимъ—Scardizza, Skardica, островъ въ Задарскомъ округѣ (Rački, Documenta, 414).

Μελετά—Melada, сл. Mulat (въ Задарскомъ округѣ), не должно смѣшивать съ Меледой.

Ἐστιουνήζ, можетъ быть вмѣсто Σεστρουνήζ, i. e. Σεστρουνησίον, остр. Sestrun (Rački, ibid, 414).

Что за острова: Καταυτρεβενώ и Πιρότιμα—трудно сказать [4]).

[1]) *Banduri* (Ed. Bonn.), 347. Энгель считаетъ славянское названіе передѣланнымъ изъ латинскаго Curica, которое будто бы носилъ этотъ островъ въ древности; *Engel*, Dalm., S. 210.

[2]) *Dümmler*, 368, прим. 2.

[3]) *Banduri* (l. c., 348) называетъ его по славянски Laucat (?); см. Rački, Documenta, p. 176, 414.

[4]) Καταυτρεβενώ, вѣроятно, имя испорченное; по *Фарлати* это Улянъ или островъ св. Михаила; *Рачкій* (Documenta, 414) сопоставляетъ его съ остр. Kakan, Kerknata (въ Задарскомъ округѣ). Πιρότιμα, по предположенію *Рачкаго* (ibid.), остр. Premuda.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Свидѣтельства Константина: I. О первоначальныхъ жилищахъ Хорватовъ и Сербовъ: Бѣлохорватія и Бѣлосербія. — II. О переселеніи ихъ въ нынѣшнія жилища (въ Иллирикъ).

I.

Болѣе или менѣе достовѣрная исторія Хорватовъ и Сербовъ начинается съ ихъ прибытія на Балканскій полуостровъ. До тѣхъ поръ мы не только не знаемъ ничего вѣрнаго о ихъ политической и внутренней жизни, но не можемъ даже точно опредѣлить ихъ жилища. Единственныя почти извѣстія объ этомъ послѣднемъ предметѣ мы находимъ у Константина Багрянороднаго; къ нимъ надо присоединить лишь тѣ немногія отрывочныя свѣдѣнія, которыя имѣются по этому вопросу у двухъ-трехъ другихъ писателей, и то позднѣйшихъ. Современныхъ же свидѣтельствъ, которыя въ этомъ случаѣ были бы особенно драгоцѣнны, нѣтъ и въ поминѣ. Но и нашъ писатель, котораго мы довѣрчиво беремъ въ руководители въ исторіи Сербо-Хорватовъ на Балканскомъ полуостровѣ, становится ненадежнымъ и неумѣлымъ проводникомъ при отысканіи ихъ древнихъ жилищъ. Темнота, а съ другой стороны, интересъ вопроса привлекали къ нему многихъ ученыхъ. Однако самыя тщательныя изслѣдованія только приблизительно разъяснили дѣло, но далеко не привели къ окончательнымъ и несомнѣннымъ выводамъ.

Источникомъ Константина въ этихъ показаніяхъ могли быть или разказы самихъ Хорватовъ и Сербовъ, еще поддерживавшихъ, кажется, въ его время сношенія съ своими сѣверными одноплеменниками, или просто какіе-нибудь документы, хранившіеся въ государственномъ архивѣ со времени ихъ поселенія въ земляхъ имперіи и содержавшіе въ себѣ, вѣроятно, общія свѣдѣнія о томъ, откуда прибыло новое населеніе. Наконецъ, до императора доходили извѣстія и о современномъ положеніи дальнихъ сѣверныхъ

странъ, считавшихся первоначальною родиной Сербовъ и Хорватовъ, извѣстія, которыми онъ не упускалъ случая пользоваться. Однако нельзя не замѣтить, что сами Славяне врядъ ли что-нибудь помнили о событіяхъ, происшедшихъ 300 лѣтъ передъ тѣмъ. На вопросы о прежнихъ ихъ жилищахъ они могли отвѣчать развѣ только смутными народными сказаніями, которыми дѣйствительно какъ будто отзываются нѣкоторыя свидѣтельства нашего историка.

Такимъ образомъ главнымъ источникомъ послѣдняго должны были быть какія-нибудь старыя письменныя извѣстія, которыя Константинъ очевидно перемѣшалъ и перепуталъ съ тѣмъ, что̀ зналъ и съ разныхъ сторонъ слышалъ о современномъ ему положеніи тѣхъ сѣверныхъ земель. На эту двойственность и вмѣстѣ съ тѣмъ запутанность въ извѣстіяхъ его о древней родинѣ Сербо-Хорватовъ уже обращали вниманіе изслѣдователи [1]), и безъ сомнѣнія, это обстоятельство заслуживаетъ полнаго вниманія. Тѣ критики, которые не принимали его въ разчетъ, совершенно тщетно старались согласить противорѣчивыя свидѣтельства Константина: они не пришли ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ. Ихъ выводы теряютъ отчасти и оттого, что они придаютъ слишкомъ большое значеніе отдѣльнымъ выраженіямъ Константина и считаютъ каждое его слово употребленнымъ обдуманно, съ тѣмъ или другимъ намѣреніемъ, тогда какъ Константинъ передавалъ свои извѣстія въ довольно неопредѣленныхъ и сбивчивыхъ выраженіяхъ, ибо не умѣлъ пользоваться своимъ матеріаломъ и отнестись къ нему нѣсколько критически. Другіе, болѣе поздніе ученые, начиная съ знаменитаго Добровскаго, разумнѣе взглянули на этотъ вопросъ и вслѣдствіе того пришли къ болѣе дѣльнымъ выводамъ. Весьма основательно разобраны занимающіе насъ свидѣтельства Константина Шафарикомъ: нельзя поэтому не принять его заключеній относительно главныхъ пунктовъ вопроса.

Мы приведемъ сначала свидѣтельства Константина его собственными словами:

О Хорватахъ.

„Авары (по взятіи Салоны), увидя, что земля эта (то-есть, Далмація) прекрасна, поселились въ ней. Хорваты же жили

[1]) *Шафарикъ*, Сл. Др. II, к. 2, стр. 181.

тогда за Багибаріей (ἐκεῖθεν Βαγιβαρείας), гдѣ теперь живутъ Бѣлохорваты (cap. 30, p. 147). Часть народа, прогнавъ Аваровъ изъ Далмаціи, поселилась въ ней. Остальные же Хорваты остались въ сторонѣ Франціи и называются теперь Бѣлохорватами, и имѣютъ собственнаго князя. Но они подчинены Оттону Великому, королю Франціи и Саксоніи (Φαργγίας τῆς καὶ Σαξίας); они не крещены и находятся въ связяхъ и дружбѣ съ Турками (Мадьярами) (c. 30, p. 144).

„Хорваты, живущіе теперь въ частяхъ Далмаціи, происходятъ отъ некрещеныхъ Хорватовъ, называемыхъ также „Бѣлыми", которые живутъ за Турціей (Угріей), близь Франціи, и граничатъ со Славянами—некрещеными Сербами. Хорватами они называются на языкѣ Славянъ, что̀ значитъ *владѣющіе большою землею* (c. 30, p. 147—148).

„Великая же Хорватія, называемая также „Бѣлою", до сихъ поръ остается некрещеною, равно какъ и сосѣдніе Сербы. Они поставляютъ ме́ньшую конницу, чѣмъ крещеная Хорватія, такъ какъ подвергаются частымъ опустошеніямъ со стороны Франковъ, Турковъ (Мадьяръ) и Печенѣговъ. Они не имѣютъ ни сагинъ, ни кондуръ, ни торговыхъ судовъ, такъ какъ удалены отъ моря: отъ нихъ до моря 30 дней пути; а море, до котораго столько дней пути, есть такъ называемое *черное* (темное) море" [1]) (c. 31, p. 151—152).

О Сербахъ.

„Сербы происходятъ отъ некрещеныхъ Сербовъ, называемыхъ также „Бѣлыми", живущихъ за Турціей, въ землѣ, называемой ими „Бойки" [2]); съ ними граничитъ и Франція, равно какъ и Великая Хорватія—некрещеная, называемая также „Бѣлою". Итакъ, тутъ жили эти Сербы съ самаго начала (c. 32, p. 152).

„Родъ проконсула и патриція Михаила, сына Βουσεβούτζη (Вышевича?), князя Захлумскаго, пришелъ отъ некрещеныхъ жителей по рѣкѣ Висласъ (Βίσλας, Висла), называемой

1) ἡ θάλασσα.... ἐστὶν ἡ λεγομένη Σκοτεινή.

2) εἰς τὸν παρ' αὐτοῖς Βόϊκι τόπον ἐπονομαζόμενον.

также Дицикою (Διτζική), и поселился по такъ-называемой рѣкѣ Захлуму" (с. 33, р. 160).

Наконецъ надо еще имѣть въ виду одно извѣстіе о Хорватахъ: „Хорваты граничатъ съ Турками (Мадьярами) со стороны горъ" (с. 13, р. 81), и одно о Сербахъ, а именно—что между данниками Руссовъ въ числѣ другихъ Славянъ упоминаются и Сербы (οἱ Σέρβιοι) (с. 9, р. 79).

Сущность этихъ показаній состоитъ въ слѣдующемъ: *Хорваты* вышли изъ Великой и Бѣлой Хорватіи, страны, лежащей за Багибаріей, въ сторону Франціи, также за Угріей [1]); тамъ во времена Константина жили некрещеные Хорваты, называемые „Бѣлыми", то-есть, Бѣлохорваты, граничащіе съ некрещеными Сербами, имѣющіе своего собственнаго князя, но зависящіе отъ короля Франціи и Саксоніи Оттона Великаго, и по одному показанію, живущіе въ связяхъ и дружбѣ съ Мадьярами, а по другому подвергающіеся частымъ нападеніямъ со стороны Франковъ, Мадьяръ и Печенѣговъ; эти Хорваты, что на славянскомъ языкѣ значитъ *владѣющіе большою землею*, поставляютъ меньшую конницу, чѣмъ крещеная Хорватія, и будучи отдалены отъ моря, называемаго „Чернымъ", на 30 дней пути, не имѣютъ ни сагинъ, ни кондуръ, ни торговыхъ судовъ.

Сербы происходятъ отъ некрещеныхъ Сербовъ, называемыхъ бѣлыми, то-есть, Бѣлосербовъ, живущихъ за Турціей (Угріей), въ странѣ, называемой ими „Бойки"; они граничатъ съ Франціей и некрещеною Великою и Бѣлою Хорватіей, а черезъ землю ихъ протекаетъ р. Висла (Βίσλας), иначе Дичица.

Такъ повѣствуетъ Константинъ о Бѣлосербіи и Бѣлохорватіи. Въ виду того, что Константинъ употребляетъ нѣкоторыя названія странъ, требующія спеціальнаго поясненія, мы и займемся прежде всего разборомъ этихъ названій.

„Хорваты", говоритъ Константинъ,—„вышли изъ страны, лежащей за *Багибаріей* (ἐκεῖθεν Βαγιβαρείας)". Надъ объясненіемъ этого имени прежніе ученые потратили много труда и все-таки долго не могли прійдти къ окончательному выводу. Только въ сравнительно

[1]) Въ другомъ мѣстѣ о Бѣлохорватіи говорится какъ о странѣ, граничившей съ Угріей со стороны горъ. De adm. imp., c. 13, p. 81.

недавнее время критика удовлетворительно рѣшила этотъ вопросъ, который оказался притомъ вовсе не такимъ мудренымъ, какъ его до тѣхъ поръ считали. А между тѣмъ отъ пониманія этого названія зависѣло въ значительной степени и рѣшеніе главнаго вопроса о древнихъ жилищахъ Сербо-Хорватовъ; по крайней мѣрѣ многіе критики, понимая его въ превратномъ смыслѣ, представляли самыя невѣроятныя догадки о положеніи Константиновой Бѣлохорватіи и Бѣлосербіи. Совершенно лишнимъ было бы вдаваться въ изложеніе всѣхъ разнообразныхъ, часто весьма ненаучныхъ, домысловъ по этому вопросу [1]). Мы приведемъ только тѣ изъ нихъ, которые дѣйствительно заслуживаютъ вниманія и разсмотрѣнія. Люцій, по времени первый нашъ критикъ, высказалъ предположеніе, которому слѣдуетъ и Бандури [2]), что Βαγιβαρεία, Bagibaria, есть искаженное славянское слово; его первоначальная греческая форма βαβειαορεία (babia oria), иначе, Babii montes—со славянскаго Babie Gore, то-есть, просто Бабьи горы, какъ называется теперь одна вершина въ Карпатскихъ горахъ, на границѣ Галиціи и Угріи [3]). Эта догадка, хотя она и остроумна, все же, по зрѣломъ обсужденіи, не выдерживаетъ критики. Другое объясненіе предложилъ Микоци, который, тщательно разобравъ и опровергнувъ всѣ до него высказанныя мнѣнія, представилъ свое собственное, но оно какъ намъ кажется, еще гораздо менѣе правдоподобно, чѣмъ догадка Люція. Онъ производитъ слово Bagibaria отъ рѣки Vagus, притока Дуная съ лѣвой стороны (нынѣ Waag) [4]). Но это толкованіе нельзя не признать натянутымъ. Единственно вѣрное, притомъ же самое естественное и простое объясненіе этого имени слѣдующее: Багибарія или Багиварія (Βαγιβαρεία) есть искаженное Греками названіе Baioaria, Ба-

[1]) Желающій познакомиться подробно съ этими мнѣніями можетъ найдти обстоятельный разборъ ихъ у *Mikoczi,* Ot. Cr., p. 63—82.

[2]) *Banduri* (Ed. Bonn.), 348.

[3]) *Lucius*, l. I, cap. XI. Нѣкоторые видоизмѣняли это предположеніе, разумѣя подъ Бабьими горами не Карпаты, а Babii montes, отдѣляющія Паннонію отъ Далмаціи, и такимъ образомъ приходили къ нелѣпому выводу, что *Паннонія* была родиной южныхъ Славянъ. *Mikoczi*, p. 64.

[4]) Вторую часть имени онъ производитъ отъ сербскаго слова „bara", означающаго „aquae late restagnantes" (собств. *лужа*). *Mikoczi*, p. 73.

варія, являющееся у древнихъ писателей въ самыхъ различныхъ формахъ. Микоци старается опровергнуть это мнѣніе на основаніи другихъ показаній Константина, по видимому съ нимъ несогласныхъ, то-есть, находитъ, что если помѣщать Бѣлохорватовъ за Баваріей, то будто бы не оправдываются свидѣтельства Константина о географическихъ отношеніяхъ этой страны къ другимъ странамъ (напримѣръ, Угріи и т. д.), но подобный взглядъ происходитъ только отъ слишкомъ буквальнаго пониманія каждаго выраженія Константина, въ чемъ особенно грѣшитъ Микоци.

Первый ученый, довольно рѣшительно высказавшійся за это объясненіе, былъ, сколько намъ извѣстно, Шафарикъ [1]). Того же мнѣнія держатся Цейсъ, Рачкій [2]), Рёслеръ [3]) и др. Разумѣется, слѣдуетъ не колеблясь принять это объясненіе и считать этотъ вопросъ рѣшеннымъ. Одно изъ основаній, на которыя мы въ этомъ случаѣ опираемся, есть то, что подъ словомъ Βαγιβαρεία Константинъ не могъ разумѣть ничего иного, какъ только названіе страны, а никакъ не рѣки или горъ. Выраженіе „за Багибаріей“ онъ употребляетъ совершенно также, какъ выраженіе „за Турціей“ (ἐκεῖθεν Τουρκίας), близь Франціи (πλησίον Φραγγίας), безъ всякаго объяснительнаго приложенія, тогда какъ, говоря о рѣкахъ и горахъ, онъ всегда считаетъ нужнымъ пояснить ихъ имена словами τὰ ὄρη, или

[1]) *Шафарикъ*, Слав. Древн., II, кн. 1, стр. 403. Впрочемъ уже и Добровскій держался этого мнѣнія; см. *Engel,* Gesch. v. Serb., S. 159.

[2]) *Zeuss,* Die Deutschen, S. 367—368. Онъ въ своемъ изслѣдованіи объ имени Баварцевъ (Baiovarii) приводитъ между прочимъ и занимающую насъ форму его у Константина, замѣчая, что этотъ писатель называетъ въ другомъ мѣстѣ (De Caerim., 2, p. 396) Баварію Βαϊούρη, а ея жителей Нѣмцами (Νεμέτζοι). *Рачкій,* Ocjena etc. K. P., 51., не безъ основанія полагаетъ, что Константинъ заимствовалъ свою форму Βαγιβαρεία у Луидпранда, который называетъ ее Bagoaria.

[3]) Этотъ ученый справедливо замѣчаетъ: „Wundern muss man sich, wie man aus dem klaren Bagibareia, Baiern, ein Babia góra hat machen können, aus dem Namen eines nothwendiger Weise Constantinos bekannten Landes, den Namen eines Berges in den Karpaten, den ausser den Umwohnern im X Jahrhundert kein Sterblicher auf der Welt wissen konnte, und man muss fragen wie hätte ein Grieche das Wort Bajivaria anders schreiben sollen, als wie es Constantinos schrieb; jede neugriechische Grammatik konnte hierüber den nöthigen Aufschluss geben“. *Roesler,* Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an der unter. Donau“ ак. д. (*Sitzgsbr. d.* ак. д. *Wiss.* Wien, 1873, B. 73, S. 121—122).

ὁ ποταμός и т. п. Да и самая форма слова всего болѣе подходитъ къ названію страны [1]).

Итакъ, вопервыхъ, Хорваты жили въ древности за Баваріей. Далѣе спрашивается, что̀ Константинъ называлъ *Франціей* (Φραγγία)? Уже Луцій замѣтилъ, что подъ „Франціей" надо разумѣть Германію [2]). Это слѣдуетъ явно изъ тѣхъ указаній, которыя встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ у Константина относительно положенія этой страны [3]). Что касается *Саксоніи*, то видно изъ выраженія Константина: Φραγγίας τῆς καὶ Σαξίας, [4]) что онъ не имѣлъ о ней точнаго понятія. Въ другомъ сочиненіи своемъ (De Themat.) онъ называетъ ее Σαξωνία [5]).

Константинова *Турція* (Τουρκία), какъ извѣстно, есть земля Угровъ или Мадьяръ. Она граничитъ по Константину на сѣверъ съ Печенѣгами (скорѣе на сѣверо-востокъ), на востокъ (или юго-востокъ) съ Болгарами, отъ которыхъ отдѣлена Дунаемъ, на югъ (то-есть, юго-западъ) съ Хорватами, а на западъ съ Франціей [6]).

Затѣмъ на очереди земля, называемая у Константина *Боики* (ὁ Βοΐκι τόπος). Прежніе ученые понимали подъ этимъ именемъ не то, что̀ нынѣ обыкновенно признается. До Шафарика всѣ видѣли въ имени Βοΐκι имя земли Боевъ, то-есть, Богемію (Bojohemum). Такъ понималъ это имя и Цейсъ [7]), а въ новѣйшее время Рёслеръ [8]). Но Шафарикъ справедливо указываетъ [9]) на то, что Бойогемомъ называли Чехію

[1]) Шафарикъ замѣчаетъ, что хотя въ древне-славянскомъ и древне-нѣмецкомъ языкахъ vari означаетъ habitantes, однако въ этомъ случаѣ окончаніе ia не допускаетъ такого предположенія. Слав. Древн., II, кн. 1, стр. 403 (прим. 16).

[2]) *Lucius*, L. I, cap. XI.

[3]) C. 31 p. 150: Франція земля между Хорватіей и Венеціей; c. 13, p. 81, и c. 40, p. 174: Франція лежитъ на западъ отъ Угріи: c. 28, p. 123: Пипинъ владѣлъ всею Франціей и Славеніей.

[4]) *Banduri* (ed. Bonn), 348; нѣкоторыя читаютъ: Φραγγίας τε καὶ Σαξίας.

[5]) Εἰς τὸν ῥῆγα Σαζωνίας... De caerim., II, 398.

[6]) Cap. 40, p. 174; c. 13, p. 81.

[7]) *Zeuss*, Die Deutsch., 610; онъ полагаетъ, что Константинъ смѣшалъ здѣсь южныхъ Сербовъ съ Лужицкими.

[8]) *Roesler*, Zeitpunkt der slav. ansiedl. an d. unter. Donau въ *Sitzungsber. d. Wien. Akad.* B. 73, 1873, S. 120—121).

[9]) *Шафарикъ*, Слав. Древн., II, кн. 1, 401—402.

Нѣмцы, а ея славянскіе жители искони называли ее своимъ собственнымъ именемъ, тогда какъ Константинъ выражается, что „Сербы жили въ землѣ, называемой ими Боики". Притомъ Шафарикъ полагаетъ, что Константинъ написалъ бы Βοϊκή, то-есть, γῆ, еслибы разумѣлъ Бойскую землю, а мы читаемъ у него несклоняемую форму Βόϊκι. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Шафарикъ отвергаетъ прежнее объясненіе этого слова и предлагаетъ свое собственное, довольно вѣроятное и остроумное. Онъ полагаетъ, что „Боики" есть не что иное, какъ имя нынѣшнихъ Русскихъ Бойковъ, занимающихъ землю отъ истоковъ Днѣстра по рѣку Прутъ, и можетъ быть, жившихъ нѣкогда и сѣвернѣе. Впрочемъ, если до Константина доходили также слухи о странѣ Боевъ, онъ, безъ сомнѣнія, могъ смѣшать оба эти названія; вѣроятно, потому-то онъ и считаетъ Францію пограничною съ землею Βόϊκι. Съ Шафарикомъ соглашается и Рачкій [1]).

Какъ мы видѣли, Бѣлохорватія по Константину отстоитъ на 30 дней пути отъ такъ-называемаго *Чернаго моря* (ἡ θάλασσα ἡ λεγομένη Σκοτεινή). Чего бы кажется естественнѣе понимать здѣсь нынѣшнее Черное море? Такъ и понимали это свидѣтельство почти всѣ прежніе ученые [2]). Но противъ этого рѣшительно возсталъ [3]) Рачкій; онъ справедливо замѣчаетъ, что Константинъ наше Черное море всегда называетъ Понтомъ (ἡ τοῦ Πόντου θάλασσα, ὁ Πόντος), а что здѣсь слѣдуетъ скорѣе разумѣть сѣверное, Балтійское море. Онъ подкрѣпляетъ свою догадку тѣмъ доводомъ, что объ этомъ морѣ древніе Греки разказывали всевозможныя небылицы, и потому-де не удивительно, что Константинъ называетъ его „чернымъ", то-есть, темнымъ, мрачнымъ (Кимвры называли его „mori morusa, то-есть, mare mortuum"). Цифра 30 дней, по мнѣнію Рачкаго, можетъ быть испорчена, но во всякомъ случаѣ она доказываетъ, что Константинъ представлялъ себѣ Бѣлохорватовъ довольно далеко отъ сѣвернаго моря. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ можно безъ натяжки сдѣлать слѣдующее предположеніе: это извѣстіе, какъ и

[1]) Rački, Ocjena etc., 53.

[2]) Шафарикъ даже не счелъ нужнымъ останавливаться на этомъ извѣстіи Константина,—такъ оно ему казалось яснымъ.

[3]) Rački, ibid., 53—54.

многія другія, могло быть почерпнуто Константиномъ изъ слуховъ (не изъ славянскаго ли источника?), которыми, можетъ быть, и разумѣлось наше Черное море; но Багрянородный, зная это последнее подъ именемъ Понта, представилъ себѣ, что рѣчь идетъ о дальнемъ сѣверномъ морѣ, о которомъ онъ могъ кое-что слышать отъ посѣщавшихъ Византію Варяговъ, и которое дѣйствительно слыло темнымъ, мрачнымъ (Oceanus caligans) [1].

Что касается рѣки, называемой Константиномъ Βίσλας, то нельзя не видѣть въ ней Вислы; по Константину она называется еще иначе Дичицей (Διτζίκη). Шафарикъ полагаетъ [2], что подъ этою послѣднею надо разумѣть не самую Вислу, а какую-нибудь другую рѣчку за Карпатами, можетъ быть—притокъ Вислы, Вислоку.

Итакъ, теперь, уяснивъ себѣ по возможности всѣ названія, встрѣчающіяся въ извѣстіяхъ Константина о Бѣлохорватіи и Бѣлосербіи, мы приблизительно можемъ уже видѣть, въ какихъ мѣстностяхъ Константинъ представлялъ себѣ эти страны: онѣ, какъ оказывается, лежали, по его представленіямъ, гдѣ-то за Баваріей и за Угріей, не далеко отъ Германіи и Саксоніи, и напротивъ довольно далеко отъ Чернаго моря, притомъ Бѣлосербія—въ той сторонѣ, гдѣ жили тогда нынѣшніе Русскіе Бойки, и гдѣ протекаетъ рѣка Висла.

Припомнимъ, что̀ Константинъ говоритъ еще объ этихъ странахъ: въ его время оставшіеся тамъ Хорваты и Сербы назывались Бѣлохорватами и Бѣлосербами и не были крещены. Бѣлохорваты имѣли собственнаго князя, зависѣвшаго отъ короля Оттона I; они подвергались частымъ нападеніемъ Франковъ, Печенѣговъ и Мадьяръ, а по другому показанію, жили съ послѣдними въ связяхъ и дружбѣ; наконецъ, касательно военныхъ силъ, они много уступали южнымъ Хорватамъ, а судовъ вовсе не имѣли по причинѣ отдаленности отъ моря.

Обращаясь къ этимъ свидѣтельствамъ, не забудемъ того, что̀ мы ранѣе сказали, то-есть, что не слѣдуетъ слишкомъ строго придер-

[1]) Балтійское море многими считалось въ древности частью Сѣвернаго океана, и потому къ нему примѣнялись названія: Oceanus innavigabilis, θάλασσα σκοτεινὴ или mare tenebrosum. См. *Куникъ*. Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ, стр. 77, 89.

[2]) *Шафарикъ*, I, кн. 2, стр. 357, и прим. 39.

живаться отдѣльныхъ выраженій Константина, такъ какъ онъ, по всей вѣроятности, самъ не точно держался своихъ источниковъ. Итакъ, вопервыхъ, Константинъ говоритъ, что Бѣлохорваты жили за Баваріей („Багибаріей"): тутъ можетъ быть рѣчь только о странѣ на сѣверъ отъ Баваріи, гдѣ дѣйствительно обитали Славяне, а Баварія простиралась тогда даже до паннонскаго Дуная [1]). Слѣдовательно, судя по этому, Бѣлохорватовъ надо искать въ мѣстахъ нынѣшней Моравіи и Чехіи. Затѣмъ Бѣлохорваты жили „за Угріей", и по этому свидѣтельству ихъ земля находилась въ нынѣшней Галиціи—за Карпатами. Наконецъ, по словамъ Константина они жили не далеко отъ Германіи и Саксоніи. Впрочемъ это послѣднее извѣстіе, по своей неопредѣленности, мало разъясняетъ намъ дѣло Что же касается того, что Бѣлохорваты отстояли отъ „Чернаго моря" на 30 дней пути, то на эту цифру, какъ уже было замѣчено, невозможно положиться; по справедливому замѣчанію Рачкаго, она служитъ лишь указаніемъ, что Константинъ представлялъ себѣ древнюю родину Хорватовъ и Сербовъ весьма отдаленною отъ моря [2]). О Бѣлосербіи свидѣтельство Константина нѣсколько опредѣленнѣе Имена Вислы и Бойковъ, которыхъ, какъ мы видѣли, разумѣютъ подъ названіемъ Βόϊκι, проливаютъ достаточный свѣтъ на вопросъ о положеніи Бѣлосербіи. Свидѣтельство Константина о происхожденіи Захлумскаго князя Михаила отъ не крещеныхъ жителей по р. Вислѣ заслуживаетъ вниманія, какъ носящее характеръ народнаго преданія, имѣвшаго—по всей вѣроятности—свое историческое основаніе.

Итакъ, изъ упомянутыхъ свидѣтельствъ Константина видно что Бѣлохорваты и Бѣлосербы, по его представленію, были два пограничныя другъ другу племени, занимавшія большое пространство земли за среднимъ Дунаемъ и Карпатами, а именно нынѣшнюю Чехію, Моравію и Галицію, и простиравшіяся, вѣроятно, и нѣсколько далѣе на сѣверъ. Остается рѣшить, занимали ли дѣйствительно эти племена всю означенную страну, и откуда именно вышли Иллирскіе Хорваты и Сербы. Для рѣшенія этого вопроса необходимо прибѣгнуть къ помощи другихъ указаній, правда, въ

[1]) *Шафарикъ*, Сл. Др. II, кн. 1, стр. 403.

[2]) Rački, Ocjena etc. K. P., 54.

высшей степени скудныхъ, но тѣмъ не менѣе могущихъ хотя нѣсколько освѣтить его.

О первоначальныхъ жилищахъ всѣхъ Славянъ въ Европѣ упоминаютъ два писателя IX вѣка. Одинъ изъ нихъ, такъ-называемый Anonymus Ravennas, или какъ его называютъ иначе—Гвидонъ Равенскій († въ концѣ IX в.), въ своемъ географическомъ сочиненіи, отъ котораго къ сожалѣнію дошли только отрывки, пишетъ о Славянахъ: „Sexta ut hora noctis Scytharum est patria, unde Sclavinorum exorta est prosapia“ [1]). Здѣсь авторъ разумѣетъ „Малую Скиѳію“, которую онъ строго отличаетъ отъ Великой, лежащей далѣе на востокъ, и въ которой жили въ его время Хозары. Эту Малую Скиѳію Шафарикъ сближаетъ съ Бѣлосербіей Константина [2]). Сюда же относится и извѣстіе другого писателя конца IX в., неизвѣстнаго сочинителя географическихъ записокъ одной Мюнхенской рукописи. Тутъ мы читаемъ: Zeriuani (Serbjani, Сербы, Сербяне) quod tantum est regnum, ut ex eo cunctae gentes Sclavorum exortae sint et originem, sicut affirmant, ducunt, то-есть: Сербія,—это такая большая земля, что изъ нея вышли всѣ Славянскіе народы, и какъ утверждаютъ, получили въ ней свое начало [3]). Основываясь на этомъ свидѣтельствѣ и на другихъ мѣстахъ тѣхъ же записокъ, Шафарикъ приходитъ къ заключенію, что эта большая Сербская земля, прародина Славянъ,—не что иное, какъ Малая Скиѳія Гвидона Равеннскаго и Бѣлосербія Константина. Это заключеніе, какъ намъ кажется, довольно правдоподобно и подтверждается еще позднѣйшими свидѣтельствами архидіакона Сплѣтскаго Ѳомы [4]), который выводитъ Хорватовъ de partibus Poloniae, и Лаоника Халкокондила (XV в.), показанію котораго вполнѣ довѣряетъ Шафарикъ [5]).

[1]) Anon. Ravenn. l. I c. 12, у *Шафарика* (I, кн. 1, 108).

[2]) *Шафарикъ*, I, кн. 1, 108—109.

[3]) Тамъ же I, к. 1, 109; II, к. 3, 181.

[4]) Thomas archid., c. VII, см. Rački. Docum., 275.

[5]) *Шафарикъ* (II, кн. 1, 410) приводитъ слова его: „Трибалы (Иллирскіе Сербы) пришли въ этотъ край, по словамъ нѣкоторыхъ, изъ земли, лежащей за Истромъ, на краю Европы, Хорватіи и Пруссіи, находящихся на сѣверномъ морѣ, равно какъ и Сарматіи, по сю пору называемой Русь“ (Laonic. Chalcond. *Stritter*, II, 338, 402).

Мы имѣемъ еще одно подходящее сюда свидѣтельство у чешскаго лѣтописца Далимила, который, говоря о происхожденіи Чеховъ, употребляетъ имя Сербіи въ обширномъ смыслѣ:

U srbskem jazyku jest země,
Jižto Chrvati jest jme.

Эта Хорватія въ землѣ Сербовъ, по мнѣнію Шафарика, есть Бѣлохорватія Константина [1]). Итакъ, во всѣхъ этихъ отрывочныхъ извѣстіяхъ мы находимъ указанія на какую-то обширную страну, лежащую между Карпатами и Балтійскимъ моремъ и неопредѣленно простирающуюся на востокъ и западъ; она въ большинствѣ источниковъ носитъ имя Сербіи, но изъ нея же выводятъ и Хорватовъ. Въ этой-то землѣ, съ очень неопредѣленными границами, надо дать мѣсто Бѣлосербіи и Бѣлохорватіи Константина, такъ какъ приблизительное описаніе положенія этихъ странъ у нашего писателя вполнѣ согласно съ показаніями перечисленныхъ источниковъ объ общихъ первоначальныхъ жилищахъ Славянъ.

Мы уже видѣли, что свидѣтельство Константина о Бѣлохорватахъ за Баваріей заставляетъ ихъ искать въ нынѣшней Моравіи и Чехіи. Дѣйствительно, мы находимъ указанія на отдѣльныя поселенія, носящія имя Хорватовъ—въ сѣверо-восточной части Чехіи, въ горахъ Крконошахъ, и затѣмъ въ Моравіи [2]). Что касается восточныхъ границъ этой страны, то мы имѣемъ свидѣтельства о Хорватахъ въ восточной Галиціи и сѣверо-восточной Угріи, о которыхъ говорятъ Несторъ [3]) и польскій лѣтописецъ Кадлубекъ. Сюда же, кажется, надо отнести и свидѣтельство самого Константина, что „Хорваты (Χρωβάτοι) граничатъ съ Уграми со стороны горъ“ [4]), то-есть, по всей вѣроятности, Карпатовъ. Такимъ образомъ становится ясно, что Константинъ, говоря о Великой и Бѣлой Хорватіи, имѣлъ въ виду обѣ границы, то-есть, восточную

[1]) *Шафарикъ*, I, кн. 1, 165.

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 403—404; Rački, Ocjena etc, 54; также *Zeuss*, 610.

[3]) Несторъ въ перечисленіи народовъ Руси говоритъ: „И живяху въ мирѣ Поляне и Древляне, Сѣверъ, и Радимичи, и Вятичи, и Хрвате“, см. *Шафарикъ*, II, кн. 1, 167—8. Есть еще другія упоминанія Нестора о Хорватахъ, см. Rački, Documenta, 418—419.

[4]) De adm. imp., c. 13, p. 81.

въ Чехіи и западную въ Галиціи, хотя о дѣйствительномъ пространствѣ земли между ними онъ не имѣлъ яснаго понятія. Подъ Бѣлохорватіей Константина остается такимъ образомъ, согласно съ Шафарикомъ, разумѣть восточную Галицію, Малую Польшу и сѣверную часть Моравіи и Чехіи [1]).

Бѣлосербія по Константину граничитъ съ Бѣлохорватіей, и ее приходится искать, какъ мы видѣли, въ землѣ нынѣшнихъ Русскихъ Бойковъ и по рѣкѣ Вислѣ. Если мы сопоставимъ съ этимъ другое извѣстіе Константина о Сербахъ, платившихъ дань Руссамъ [2]), которые жили, по мнѣнію ученыхъ, на юго-востокъ отъ Древлянъ, близь Несторовыхъ Бужанъ (по сѣверному Бугу), то будемъ имѣть довольно опредѣленное понятіе о Бѣлосербіи; но Константинъ даетъ намъ еще одно показаніе, которое приводитъ насъ въ нѣкоторое недоумѣніе; онъ говоритъ, что Бѣлосербія граничила съ Германіей. Приходится, слѣдовательно, обратить взоры на западъ; здѣсь мы дѣйствительно находимъ имя Сербовъ между Полабскими Славянами, жившими на сѣверъ отъ Чеховъ и Чешскихъ Хорватовъ, въ землѣ между рѣками Салой и Лабой (Эльбой) [3]). Очень возможно, что этихъ-то Сербовъ Константинъ и имѣлъ въ виду, говоря о сопредѣльности Бѣлосербіи съ Германіей. Въ такомъ случаѣ надо полагать, что Константинъ представлялъ себѣ Бѣлосербію какъ нѣчто цѣлое, простиравшееся отъ границъ Салы и Лабы до предѣловъ Русскихъ Сербовъ, при чемъ онъ и въ этомъ случаѣ, конечно, не имѣлъ понятія о дѣйствительномъ протяженіи земли между этими границами. Въ Бѣлосербіи Константина мы, слѣдовательно, можемъ (вмѣстѣ съ Шафарикомъ) признать Великую Польшу, Силезію и нынѣшнія Лужицы, то-есть, Полабскую Сербію въ Германіи [4]).

Итакъ, подъ Бѣлосербіей и Бѣлохорватіей Константина приходится разумѣть очень обширное пространство земли; тѣмъ труднѣе рѣшить вопросъ: изъ какихъ же именно предѣловъ этихъ земель вышли Иллирскіе Хорваты и Сербы? Все, что̀ говоритъ Константинъ о поло-

[1]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 180.

[2]) De adm. imp., c. 9, p. 79. *Энгель* (Gech. v. Serb., 151) думалъ, что тутъ, Константинъ смѣшалъ Сербовъ и Сѣверянъ, но на невѣрность этого мнѣнія указалъ уже Добровскій (ibid. S. 158).

[3]) Предки нынѣшнихъ Лужицкихъ Сербовъ.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 404.

женіи Бѣлохорватовъ и объ отношеніяхъ ихъ къ другимъ народамъ, какъ мы уже отчасти видѣли, на столько неясно и сбивчиво, что не можетъ дать достаточныя точки опоры для удовлетворительнаго разъясненія вопроса [1]). Такъ, между прочимъ, Константинъ разказываетъ, что Бѣлохорваты имѣли собственнаго князя [2]), но были въ зависимости отъ короля Оттона I. Здѣсь онъ говоритъ, можетъ быть, на основаніи слуховъ, доходившихъ до него о войнѣ Оттона I съ Полабскими Славянами и о подчиненіи послѣднихъ нѣмецкимъ маркграфамъ [3]); рядомъ съ этимъ онъ сообщаетъ о частыхъ нападеніяхъ на Бѣлохорватовъ—не только Франковъ и Мадьяръ, но и Печенѣговъ, жившихъ, какъ извѣстно, далѣе на

[1]) Сбивчивость происходитъ оттого, что источники Константина были весьма различны и разновременны. Впрочемъ г. *Куникъ* находитъ (см. Извѣстія Ал-Бекри и т. д., стр. 89), что „свѣдѣнія, сообщаемыя объ этихъ народцахъ Константиномъ Порфиророднымъ, заключаютъ въ себѣ столько заслуживающаго вѣры и подтверждаемаго другими источниками, что предположеніе нѣмецкихъ ученыхъ, будто Константинъ былъ плохо знакомъ со взаимными отношеніями этихъ народцевъ, надо считать опрометчивымъ“. Если это дѣйствительно такъ, то тѣмъ прискорбнѣе, что Константинъ такъ неясенъ въ своихъ свидѣтельствахъ.

[2]) Объ этомъ князѣ много спорили нѣкоторые ученые, см. *Шафарикъ*, II, кн. 2, 187—8.

[3]) Rački, Ocjena etc., K. P., 55. *А. А. Куникъ*, признающій вообще достовѣрность этихъ извѣстій Константина, какъ сообщенныхъ ему, вѣроятно, людьми, посѣщавшими эти земли или даже жившими въ нихъ, не находитъ основанія сомнѣваться и въ этомъ извѣстіи о болѣе тѣсныхъ политическихъ отношеніяхъ Бѣлохорватовъ къ Оттону. „Не должны ли мы“, говоритъ онъ,—„предположить, что они (то-есть, Бѣлохорваты), подобно другимъ народцамъ, обращаясь къ Оттону до 950 г., преслѣдовали какую-то опредѣленную политическую цѣль? Врѣзавшись клиномъ между Польшей, Русью и Чехіей и тѣснимые ими, не искали ли они нравственной поддержки у могущественнаго „великаго короля Франціи и Саксіи“, хотя бы противъ Чехіи? Послѣдняя, по крайней мѣрѣ, относилась по временамъ къ Оттону весьма враждебно. Съ другой стороны трудно допустить, чтобъ уже въ то время (то-есть, около 940 г.) земля Хорватовъ находилась въ зависимости отъ Чехіи, такъ какъ, по Константину, Бѣлохорваты имѣли и собственное войско, и отдѣльныхъ князей. Да и сама-то Чехія не представляла еще объединеннаго государства, такъ какъ только Болеславу I удалось впервые сокрушить силу послѣднихъ наслѣдственныхъ родовыхъ князей, хотя онъ и самъ не избѣжалъ въ свою очередь данническихъ отношеній къ Оттону I“. См. Извѣстія Ал-Бекри etc., стр. 90.

востокъ, за Угріей, по Днѣпру и Черному морю. Оба эти свидѣтельства очевидно относятся ко времени самого императора Константина, и уже потому имѣютъ мало значенія въ вопросѣ о жилищахъ Хорватовъ и Сербовъ въ VII в. [1]). А между тѣмъ первое изъ этихъ свидѣтельствъ, то-есть, о подчиненіи Бѣлохорватовъ королю Оттону, и затѣмъ свидѣтельства о близости Бѣлохорватіи къ Германіи и о сосѣдствѣ съ нею Бѣлосербіи долгое время вводили въ заблужденіе изслѣдователей, которые на основаніи этихъ данныхъ отожествляли оставшихся за Дунаемъ Бѣлохорватовъ и Бѣлосербовъ съ предками нынѣшнихъ Крконошскихъ Хорватовъ и Лужицкихъ Сербовъ. Такъ между прочимъ смотрѣли на это Энгель [2]) и за нимъ Микоци [3]). Проницательный Добровскій первый рѣшительно возсталъ противъ этого мнѣнія [4]) и доказалъ всю его несостоятельность неоспоримыми филологическими доводами, которые никакъ не допускаютъ смѣшенія Иллирскихъ Хорватовъ и Сербовъ съ Чешскими Хорватами и Полабскими Сербами, какъ двухъ различныхъ народныхъ вѣтвей, принадлежащихъ къ двумъ совершенно различнымъ отдѣламъ Славянскаго племени (первая — къ юго-западному, а вторая — къ сѣверо-западному), уже въ ту эпоху (VII в.) обособившимся [5]). Добровскій видѣлъ родину Хорватовъ и Сербовъ въ самыхъ восточныхъ частяхъ Константиновой Бѣлосербіи и утверждалъ, что Константинъ ошибочно отодвигаетъ ее слишкомъ далеко на западъ. Къ этому мнѣнію примкнулъ и Шафарикъ, подкрѣпивъ его рядомъ новыхъ, остроумныхъ соображеній. Мнѣніе этихъ ученыхъ до сихъ поръ всецѣло принимается наукой. Чтобы сказать что-либо новое по этому

[1]) Императоръ Оттонъ I, какъ извѣстно, былъ современникомъ Константина, а Печенѣги появились на равнинахъ юго-западной Россіи только въ самомъ концѣ IX вѣка.

[2]) *Engel*, Gesch. v. Serv. 144—153 и 162.

[3]) *Mikoczi*, Ot. Cr., 73—89. Въ новѣйшіе время этотъ взглядъ защищалъ *Рёслеръ* (Zeitpunkt d. sl. Ansiedl., S. 120).

[4]) *Dobrowsky*—въ кн. *Энгеля*: Gesch. v. Serv., 153—161.

[5]) Одинъ изъ характерныхъ отличительныхъ признаковъ двухъ главныхъ отдѣловъ славянскаго языка есть употребленіе предлоговъ roz и wy сѣверными Славянами, и напротивъ raz и iz—южными. Примѣромъ можетъ служить имя Rozstok у Гельмольда и Разтокъ (Ραστώτζα) у Константина; см. *Шафарикъ*, II, кн. 3, 194.

вопросу, слѣдовало бы посвятить ему спеціальное, всестороннее изслѣдованіе, но такъ какъ подобный трудъ не входитъ въ нашъ планъ, то мы ограничимся приведеніемъ тѣхъ нѣкоторыхъ уже высказанныхъ доказательствъ прибытія Иллирскихъ Сербовъ и Хорватовъ изъ нынѣшней восточной Галиціи [1]), которыя, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ наибольшаго вниманія: 1) Уже было упомянуто о различіи нарѣчій Иллирскихъ Сербо-Хорватовъ и Лужицкихъ Сербовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ на себя вниманіе сравнительно бо́льшая близость перваго изъ нихъ къ русскому языку. Никто, конечно, не споритъ, что и Славяне сѣверо-западной вѣтви вышли изъ одной общей родины Славянъ, о которой упоминаютъ нѣкоторые писатели, и что, слѣдовательно, языкъ ихъ также нѣкогда ничѣмъ не отличался отъ общаго праславянскаго языка, но это относится только къ глубокой древности, еще къ доисторическому времени, а въ VII в., о которомъ мы говоримъ, безъ сомнѣнія, уже существовало то характеристическое различіе между сѣверо-восточною и юго-западною семьями славянскаго языка, которое мы замѣчаемъ нынѣ. 2) Свидѣтельство Константина о томъ, что въ его время Бѣлохорваты и Бѣлосербы были народомъ некрещенымъ, можетъ только въ томъ случаѣ имѣть смыслъ, если предположить, что тутъ рѣчь идетъ о жителяхъ Повислянскаго края, такъ какъ Славяне Моравскіе и Чешскіе уже были тогда крещены. Этотъ доводъ также уже былъ приведенъ Добровскимъ. 3) Свидѣтельство самого Константина о приходѣ предковъ Захлумскаго князя Михаила съ рѣки Вислы и о землѣ Бойковъ представляетъ достаточно ясное указаніе, откуда пришли Иллирскіе Сербы. Наконецъ 4) уже упомянутыя нами извѣстія Ѳомы Сплѣтскаго и Лаоника Халкокондила съ поразительною точностью подтверждаютъ занимающій насъ выводъ Добровскаго и Шафарика, съ которымъ въ виду всего этого и мы не можемъ не согласиться.

Прежде чѣмъ мы обратимся къ разбору дальнѣйшихъ свидѣтельствъ Константина о переселеніи Сербо-Хорватовъ въ южныя страны, коснемся еще одного небезынтереснаго вопроса. Имена Хорватовъ и Сербовъ съ тѣхъ поръ, какъ эти народы впервые

[1]) Хорваты вышли скорѣе изъ болѣе западныхъ частей Галиціи.

появляются на историческомъ поприщѣ, почти всегда неразлучны другъ съ другомъ. Въ новыхъ жилищахъ Сербо-Хорватовъ на Балканскомъ полуостровѣ мы находимъ ихъ сосѣдями, но совершенно самостоятельными и нисколько другъ отъ друга не зависящими: они пришли сюда даже, по свидѣтельству Константина, не вмѣстѣ, хотя промежутокъ времени между поселеніемъ тѣхъ и другихъ и былъ весьма незначителенъ. Интересно знать, въ какихъ отношеніяхъ между собою находились эти два племени до своего выхода изъ закарпатскихъ странъ. Какъ извѣстно, имя „Сербы" есть одно изъ древнѣйшихъ именъ, подъ которыми становятся извѣстны Славяне. Мы уже находимъ его у древнѣйшихъ писателей, напримѣръ, у Плинія и Птоломея [1]). Затѣмъ мы видѣли, что великая славянская земля за Карпатами сначала слыветъ подъ общимъ названьемъ Сербіи, на что указываетъ и свидѣтельство неизвѣстнаго автора географическихъ записокъ Мюнхенской рукописи. Въ обширномъ значеніи имя Сербъ употребляетъ и чешскій лѣтописецъ Далимилъ, у котораго Хорватія является какъ бы частью Сербіи:

V serbskom jazyku jest země
Jížto Chrvati jest jme.

Впрочемъ Далимилъ писалъ уже въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка, а потому его показанія для насъ не такъ важны [2]); но у Константина, писателя X вѣка, Бѣлохорватія является уже не только землею совершенно отдѣльною отъ Бѣлосербіи, но даже, по видимому, превосходящею эту послѣднюю своимъ значеніемъ; по крайней мѣрѣ онъ на ней останавливается съ большимъ вниманіемъ, говоритъ даже о ея политическомъ положеніи и ей только приписываетъ названіе Великой (ἡ μεγάλη Χρωβατία). Мы въ правѣ, кажется, заключить изъ этихъ извѣстій и изъ другихъ соображеній, что имя Хорватовъ дѣйствительно сначала было только мѣстнымъ именемъ одной части Сербскаго народа [3]); но впослѣдствіи оно расширилось и съ

[1]) *Шафарикъ*, I, кн. 1, 162—163.

[2]) Можетъ быть, онъ взялъ свой разказъ изъ древнѣйшаго преданія, сохранившагося въ народныхъ пѣсняхъ, *Шафарикъ* II, кн. 2, 184.

[3]) Именно жителей земли, прилежащей къ Карпатамъ. Отдѣльныя части населенія Великой Сербіи могли рано получить особыя мѣстныя или родовыя названія (напримѣръ, Поляне, Куявы, Мазовы, Древане, Лютичи).

расчлененіемъ славянской народности на отдѣльныя вѣтви стало именемъ самостоятельнаго племени, которое, по разселеніи другихъ родственныхъ вѣтвей на западъ и востокъ, осталось рядомъ съ одноплеменными Сербами въ закарпатскомъ краѣ; въ VII вѣкѣ часть его по какимъ-то причинамъ оставила свою родину и направилась на югъ; вскорѣ примѣру Хорватовъ послѣдовала и часть Сербовъ. Это разновременное выступленіе двухъ сосѣднихъ племенъ какъ нельзя болѣе доказываетъ, что уже тогда (въ VII в.) Хорваты были совершенно самостоятельны и дѣйствовали, какъ свободное и независимое племя. Что касается объясненія Константиномъ имени *Хорваты*, которое будто бы значитъ „владѣющіе большою землею", то оно основано на куріозной этимологіи этого слова, ничуть не уступающей своею наивностью другимъ подобнымъ же этимологическимъ бреднямъ Константина. Онъ воображалъ себѣ слово *Хорватъ* происшедшимъ отъ χώρα (земля) и суффикса превосходной степени!.... Постоянно употребляемыя Константиномъ имена Бѣлосербовъ и Бѣлохорватовъ Шафарикъ считаетъ [1]) старобытными, восходящими къ глубокой древности и уже не существовавшими во времена нашего историка; намъ однако кажется, что, при недостаткѣ данныхъ, судить о времени появленія и исчезновенія этихъ названій слишкомъ смѣло.

Во всякомъ случаѣ имя Бѣлохорватовъ, по нашему мнѣнію, врядъ ли могло быть очень древне, ибо мы видѣли, что это племя извѣстно исторіи, какъ еще несамостоятельная часть другого, а „бѣлыми" всегда назывались (понятіе, заимствованное у восточныхъ народовъ) народы коренные и свободные, въ противоположность „чернымъ", то-есть, отторнутымъ, покореннымъ, также дикимъ. О происхожденіи имени „Хорватъ" мы скажемъ въ спеціальномъ отдѣлѣ объ этомъ народѣ.

II.

Перейдемъ теперь къ изложенію свидѣтельствъ Константина собственно по вопросу о переселеніи Хорватовъ и Сербовъ въ ихъ нынѣшнія жилища. Объ этомъ поселеніи онъ пишетъ слѣдующее:

[1]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 182—189.

О Хорватахъ.

„Когда Авары поселились въ Далмаціи, Хорваты жили за Баваріей, гдѣ теперь живутъ Бѣлохорваты. Одинъ родъ, отдѣлившись отъ нихъ, а именно пять братьевъ: Клукасъ (Κλουκάς), Лобелъ (Λόβελος), Косенцъ (Κοσέντζης), Мухло (Μουχλώ) и Хорватъ (Χρώβατος), и двѣ сестры Туга (Τοῦγα) и Буга (Βοῦγα), со своимъ народомъ, пришли въ Далмацію и нашли Аваровъ, занимавшихъ эту страну. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ войны между ними, Хорваты побѣдили и частью перебили Аваровъ, а частью принудили ихъ покориться. Съ того времени эта земля была во владѣніи Хорватовъ" (cap. 30, p. 143—144).

„Хорваты обратились къ императору Ираклію ранѣе, чѣмъ Сербы, въ то время, когда Авары выгнали оттуда (изъ Далмаціи) Римлянъ........ Когда же Римляне были выгнаны Аварами при томъ же императорѣ Ираклiѣ, то земли ихъ оставались опустѣлыми. И вотъ, по распоряженію Ираклія, Хорваты, начавъ войну, изгнали Аваровъ и по указанію императора поселились въ ихъ землѣ, которую и нынѣ населяютъ. Хорваты имѣли въ то время княземъ отца Порги" (τὸν πατέρα τοῦ Πόργα) (cap. 31, p. 148).

О Сербахъ.

Сербы съ самаго начала жили за Угріей въ Бѣлосербіи. „Когда два брата получили отъ отца (послѣ его смерти) управленіе Сербіей, то одинъ изъ нихъ, взявъ половину народа, обратился къ Римскому императору Ираклію. Принявъ его, императоръ далъ ему земли на поселеніе въ провинціи Θессалоникѣ, а именно Сербію [1]), которая съ тѣхъ поръ и получила это названіе......... Черезъ нѣкоторое время эти Сербы рѣшили возвратиться домой (въ свои прежнія жилища) [2]), и императоръ отпустилъ ихъ. Когда же они перешли рѣку Дунай, то раскаялись и обратились къ императору Ираклію черезъ стратига, управлявшаго тогда Бѣлградомъ (τὸ Βελό-

[1]) ἐν τῷ θέματι Θεσσαλονίκης τὰ Σέρβλια.

[2]) εἰς τὰ ἴδια.

γραδον), съ просьбою дать имъ другую землю для поселенія. Итакъ какъ нынѣшняя Сербія и Паганія (Παγανία) и такъ-называемая земля Захлумовъ (Ζαχλοῦμοι), и Тервунія, (Τερβούνια), и земля Каналитовъ (Καναλιτοὶ), бывшія подвластными Римскому императору, были опустошены Аварами, то Ираклій поселилъ Сербовъ въ этихъ земляхъ, и они (то-есть, Сербы) подчинились Римскому императору (cap. 32, p. 152—153).

Повѣствуя отдѣльно о каждомъ изъ только что названныхъ племенъ, Константинъ повторяетъ каждый разъ, какъ эти небольшія земли, опустошенныя Аварами, были вслѣдъ затѣмъ, при томъ же императорѣ Ираклін, заселены прибывшими Славянами (cap. 33 34, 35, 36; p. 160, 161, 162, 163).

Обращаясь къ разбору этихъ свидѣтельствъ, начнемъ съ вопроса о времени прибытія Хорватовъ и Сербовъ въ ихъ новыя жилища. Не имѣя никакихъ достовѣрныхъ данныхъ для точнаго рѣшенія этого вопроса, мы должны довольствоваться только приблизительнымъ выводомъ. По свидѣтельству самого Константина, это событіе произошло почти вслѣдъ за вторженіемъ Аваровъ въ Далмацію и занятіемъ ими части этой страны. Слѣдовательно, нашъ вопросъ сводится къ тому, когда былъ переворотъ, произведенный Аварами въ Далмаціи? А на это отвѣтъ уже данъ нами въ предыдущей главѣ, гдѣ разбирались свидѣтельства Константина о событіяхъ, предшествовавшихъ поселенію Славянъ въ Иллирикѣ. Мы пришли къ заключенію, что вторженіе Аваровъ въ Далмацію должно быть отнесено приблизительно къ 630 году [1]). Но покореніе ими страны не могло произойдти сразу. По выраженію самого Константина, Авары „постепенно" истребляли римскихъ жителей [2]), слѣдовательно, овладѣли Далмаціей (за исключеніемъ нѣкоторыхъ приморскихъ городовъ и острововъ), вѣроятно, только спустя два или три года. Итакъ, прибытіе туда Хорватовъ, должно было совершиться около 635 г. Затѣмъ приблизительно къ 637 г. должно, кажется, отнести торже-

[1]) Мнѣніе *Шафарика* въ этомъ вопросѣ кажется намъ наиболѣе основательнымъ, Сл. Др. II, кн. 1, 398—399.

[2]) Κατὰ μικρὸν ἀρξάμενοι πραιδεύειν τοὺς Ῥωμάνους.... cap. 29, p. 127.

ство Хорватовъ надъ Аварами [1]) и выступленіе Сербовъ изъ-за Карпатовъ, а къ 640 г. ихъ окончательное поселеніе въ Иллирикѣ, рядомъ съ соплеменными Хорватами [2]).

Разказъ Константина о способѣ поселенія Сербо-Хорватовъ въ предѣлахъ Византійской имперіи, то-есть, о сношеніяхъ и договорѣ ихъ съ императоромъ Иракліемъ, послужилъ предметомъ самыхъ оживленныхъ обсужденій, и въ послѣднее время нашлись изслѣдователи (въ томъ числѣ извѣстный хорватскій ученый Рачкій), которые просто отвергали этотъ договоръ,—впрочемъ отнюдь не на дѣйствительно научныхъ основаніяхъ, а по извѣстнымъ узко-патріотическимъ соображеніямъ, въ силу которыхъ они во что бы то ни стало старались провести свою предвзятую теорію о насильственномъ водвореніи этихъ Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ (мнѣніе г. Дринова). Это обстоятельство заставляетъ насъ нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ. Возставая противъ такого пристрастнаго взгляда на дѣло, мы отнюдь не думаемъ отстаивать исторической вѣрности всѣхъ тѣхъ подробностей и мелкихъ обстоятельствъ, которыя сообщаетъ намъ Константинъ въ своемъ разказѣ, хотя многія изъ этихъ подробностей и не должны быть слишкомъ поспѣшно отвергаемы, въ виду того, что Константинъ могъ ихъ почерпнуть изъ документальныхъ источниковъ. Мы утверждаемъ (согласно съ Шафарикомъ, Любичемъ, Гильфердингомъ [3]) и многими другими новѣйшими учеными), что свидѣтельство Константина достовѣрно въ своемъ основномъ положеніи, и что это положеніе не заключаетъ въ себѣ рѣшительно ничего невѣроятнаго; если мы не находимъ ему подтвержденія въ современныхъ свидѣтельствахъ,

[1]) Война Хорватовъ съ Аварами не могла продолжаться, какъ намъ кажется, болѣе двухъ, много трехъ лѣтъ; ибо послѣдніе были, безъ сомнѣнія, гораздо малочисленнѣе. Мнѣніе Микоци, что война длилась пять или шесть лѣтъ, ничѣмъ не оправдывается.

[2]) По Любичу (Ljubić, Pregled Hrvatske pov., стр. 6) война между Хорватами была между 634 и 638 гг. Энгель относитъ призваніе Хорватовъ къ 620—630 гг., а приходъ Сербовъ приблизительно къ 640 г., Gesch. v. Dalm., S. 451—452; *Микоци* (Ot. Cr., p. 109—111) относитъ войну Хорватовъ съ Аварами къ 638—644 гг.

[3]) *Шафарикъ*, Сл. Др. II, кн. 2, стр. 2; Ljubič, Pregled etc., 6; *Гильфердингъ*, Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ, в. I, стр. 14—15 (Собр. сочин. *Гильфердинга*, 1868, т. I).

то точно также нѣтъ и никакихъ противорѣчащихъ ему показаній. Намъ кажется, что для безпристрастнаго критика достаточно всмотрѣться въ исторію первыхъ вѣковъ политической жизни Хорватовъ и Сербовъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ ихъ отношенія къ Византіи за это время, пока они еще не вполнѣ развили свою государственную самостоятельность, чтобы понять не только возможность, но и логическую необходимость того факта, который намъ передаетъ Константинъ. Развѣ могли бы существовать тѣ *мирно-зависимыя* отношенія Сербо-Хорватовъ къ Восточной имперіи, которыя мы видимъ въ первое время по ихъ водвореніи въ предѣлахъ этой имперіи (изъ повѣствованія того же историка), еслибъ они насильственно расположились въ принадлежавшихъ ей земляхъ, какъ это стараются доказать Дюмлеръ, Рачкій и Дриновъ [1])? Развѣ въ такихъ отношеніяхъ находились къ имперіи, напримѣръ, хоть Болгары, дѣйствительно *завоевавшіе* себѣ позволеніе поселиться въ ея областяхъ? Почти непрерывная борьба съ Греками наполняетъ ихъ исторію въ VIII, IX и X вѣкахъ. Поборники теоріи завоеванія приводятъ между прочимъ тотъ доводъ, что Славяне до тѣхъ поръ постоянно являлись на Балканскомъ полуостровѣ непримиримыми врагами имперіи, что, слѣдовательно, и Сербо-Хорваты непремѣнно должны были быть такими же врагами. Но этотъ доводъ, по нашему мнѣнію, нисколько не выдерживаетъ критики. Вопервыхъ, отношенія Византіи къ Славянамъ могли, безъ сомнѣнія, измѣниться, что̀ могло имѣть свои историческія причины, напримѣръ, хоть появленіе другихъ, болѣе дикихъ и опасныхъ враговъ, какъ напримѣръ, Аваровъ; а вовторыхъ, мнѣніе о томъ, что Славяне были всегда непримиримыми врагами имперіи, само по себѣ невѣрно; напротивъ, поселенія Славянъ на греческой территоріи очень часто совершались мирно, отдѣльными небольшими колоніями, миролюбивое настроеніе которыхъ такъ обезоруживало византійское правительство, что послѣднее вовсе не противодѣйствовало подобной колонизаціи. Затѣмъ есть еще одно обстоятельство, на которое нельзя не обратить вниманія въ этомъ вопросѣ [2]). При императорѣ Ираклін, въ 626 г., каганъ

[1]) *Dümmler*, 367; Rački, Ocjena etc. 68—71; *Дриновъ*, Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами, въ *Чт. М. Общ. Ист. и Др.*, 1872, книга 4, стр. 124—130.

[2]) На него указалъ уже Ljubić, Pregled etc., стр. 6, прим. 4.

Аварскій былъ съ большимъ войскомъ подъ Константинополемъ и осаждалъ его; въ его войскѣ были и Славяне, напавшіе на городъ съ моря на своихъ однодеревкахъ (μονόξυλα) [1]); эти Славяне, говорятъ, измѣнили Аварамъ, и во время самой осады удалились изъ-подъ Византіи [2]). Очень вѣроятно, что подобный поступокъ—надо думать—не первый и не послѣдній въ отношеніяхъ Славянъ къ Аварамъ, могъ расположить Ираклія къ Славянамъ и укрѣпить его въ мысли, что Славянами слѣдуетъ пользоваться противъ дикихъ Аваровъ, съ которыми невозможно было примиреніе, и предложить имъ соединить свои силы противъ общаго врага. Какъ мы видѣли, около 630 г., то-есть, слѣдовательно, вскорѣ послѣ упомянутаго похода Аваровъ на Константинополь, полчища того же народа разгромили Далмацію и отчасти заняли ее. Это дерзкое предпріятіе должно было сильно возмутить и устрашить Ираклія, и нѣтъ ничего удивительнаго, если оно стало для него поводомъ исполнить наконецъ свою мысль—воспользоваться ненавистью Славянъ къ Аварамъ. Трудно рѣшить, оставили ли въ то время сами Хорваты и Сербы по какимъ-либо неизвѣстнымъ намъ причинамъ свои закарпатскія жилища, или они пришли по зову Ираклія. Первое впрочемъ гораздо правдоподобнѣе. Но во всякомъ случаѣ договоръ между обѣими сторонами—фактъ совершенно естественный и понятный, и нѣтъ причинъ отвергать сущность разказа Константина. Къ тому же это допущеніе, по предварительному договору, чужого народа въ предѣлы Византійской имперіи не единственный примѣръ подобнаго явленія. Такихъ фактовъ было нѣсколько [3]). Эпоха великаго переселенія народовъ открывается подобнымъ же событіемъ: часть Вестготовъ, тѣснимыхъ новыми пришельцами съ востока, принимается императоромъ Валентомъ и селится по договору на

[1]) Морскіе походы и даже разбой славянскихъ моряковъ изъ племени Өессалійскихъ и Македонскихъ Славянъ были въ то время довольно обычнымъ явленіемъ. См. Каспій, соч. ак. *Дорна*. Дополненія *Куника*: доп. III, стр. 357—358, гдѣ г. Куникъ справедливо опровергаетъ мнѣніе, что при этой осадѣ Византіи могъ участвовать и *русскій* флотъ. Сравн. *Гедеоновъ*, Отр. о Варяжск. вопр., *Зап. Ак. Н.*, т. III, кн. 2, стр. 55—56.

[2]) Chronic. paschale, ed Bonn., vol. I, p. 725.

[3]) Такъ въ VI вѣкѣ часть Кутургуровъ по договору была поселена во Өракіи съ обязательствомъ защищать ее отъ вторженія варваровъ.

земляхъ имперіи. Мы же не сомнѣваемся въ достовѣрности этого факта?

Другой доводъ, приводимый Рачкимъ [1]) въ пользу его положенія, есть свидѣтельство Ѳомы Сплѣтскаго [2]) о разореніи Салоны (Солина) и Эпидавра Готами, подъ которыми авторъ разумѣлъ-де Хорватовъ. Положимъ, что подъ Готами дѣйствительно слѣдуетъ разумѣть Хорватовъ, хотя нѣкоторые думаютъ — Аваровъ [3]), но надо имѣть въ виду, что свидѣтельство архидіакона Сплѣтскаго, по всей вѣроятности, есть не болѣе, какъ сказаніе, заключающее въ себѣ притомъ какое-то недоразумѣніе, и потому на немъ никакъ нельзя строить положительныхъ выводовъ [4]). Наконецъ ученые, не допускающіе возможности договора между Иракліемъ и Славянами, представляютъ еще то возраженіе, что Хорватамъ и Сербамъ, направляясь въ Далмацію, нужно было пройдти черезъ обширную страну, занятую Аварами, которые безъ упорной борьбы не пропустили бы черезъ свои земли враждебныя себѣ племена. Правда, этотъ доводъ на первый взглядъ кажется довольно основательнымъ, но въ сущности и онъ потеряетъ для насъ значеніе, если мы припомнимъ, что именно около того времени (623—658 гг.) могуществу Аваровъ былъ нанесенъ сильный ударъ знаменитымъ чешскимъ вождемъ Само, далеко распространившимъ свою власть [5]), и слѣдовательно, врядъ ли Авары именно въ то время могли оказать значительное сопротивленіе довольно многочисленнымъ дружинамъ Хорватовъ и Сербовъ. Къ тому же послѣдніе могли миновать Паннонію, гдѣ находился центръ жилищъ Аваровъ, и пройдти или восточнѣе (че-

[1]) Rački, Ocjena etc., 69.

[2]) Thomas archid., c. VII.

[3]) Ljubić, стр. 6.

[4]) Точно также нельзя основываться, какъ мы уже показали, на свидѣтельствѣ Константина (с. 29, 136—137) о взятіи гор. Эпидавра и другихъ городовъ Славянами, которыхъ онъ смѣшиваетъ, по обыкновенію, съ Аварами. Впрочемъ мы должны замѣтить, что Славяне, явившись въ Далмацію покорителями Аваровъ, могли въ своемъ воинственномъ увлеченіи заявить себя враждебными дѣйствіями и противъ жителей нѣкоторыхъ городовъ съ римскимъ населеніемъ. Тутъ нѣтъ ничего невозможнаго; преданіе объ этомъ могло сохраниться и попасть, въ преувеличенномъ и искаженномъ видѣ, въ хронику Ѳомы Сплѣтскаго.

[5]) Fredegari. schol. chronic., c. 48; сравн. Rački, Documenta, 275.

резъ нынѣшнюю восточную Угрію), или гораздо западнѣе, ближе къ Баваріи. Итакъ, по нашему мнѣнію, всѣ приведенные доводы противъ свидѣтельства Константина оказываются несостоятельными. Но всего болѣе поражаетъ насъ своею рѣзкостью и бездоказательностью слѣдующій выводъ г. Дринова [1]): „Разказъ Константина", говоритъ онъ,—„содержитъ въ себѣ только личныя соображенія разкащика, или лучше сказать, теорію, придуманную имъ для уясненія вопроса о занятіи Далмаціи Сербо-Хорватами". Какъ объяснить себѣ такое поспѣшное заключеніе у вообще столь основательнаго ученаго, какимъ въ другихъ случаяхъ является г. Дриновъ? Мы не можемъ подозрѣвать въ немъ поверхностнаго знакомства съ извѣстіями Константина. Поэтому намъ только остается думать, что онъ отнесся тутъ къ дѣлу небезпристрастно.

Не Константинъ придумалъ въ этомъ случаѣ теорію, а вѣрнѣе сами изслѣдователи, приписывающіе ее нашему автору, дѣлаютъ это не изъ истинно научныхъ соображеній, а съ какою-то предвзятою мыслью, изъ желанія провести свою собственную излюбленную теорію. Имъ почему-то не хочется допустить мирное (по отношенію къ Византіи) занятіе земель Балканскаго полуострова Сербами и Хорватами, и вотъ они создаютъ теорію о „домыслахъ" Константина. Мы видѣли однако, что эта теорія для всякаго трезво смотрящаго на дѣло не выдерживаетъ критики.

Такимъ образомъ мы не можемъ не принять за достовѣрный фактъ то, что Ираклій, снесшись съ предводителями пришедшихъ на границы имперіи Хорватовъ, а затѣмъ Сербовъ, уступилъ имъ для поселенія Далмацію, съ условіемъ, чтобъ они, прогнавъ изъ нея Аваровъ, оставались подъ его верховною властью. Но, будучи убѣждены, что это было именно такъ, мы отнюдь не хотимъ настаивать на безусловной достовѣрности всѣхъ подробностей, сообщаемыхъ Константиномъ; нѣкоторыя изъ нихъ намъ самимъ кажутся подозрительными. Такъ, разказъ Константина о первоначальномъ поселеніи Сербовъ въ Солунской провинціи, о ихъ рѣшеніи возвратиться и потомъ о вторичномъ обращеніи къ императору

[1]) *Дриновъ*, Засел. Балканскаго полуостр., тамъ же, стр. 126; сравн. того же автора: Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ въ *Чт. М. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1875 г., кн. 3, стр. 35 и дал.

Ираклію возбуждаетъ не малое сомнѣніе [1]), хотя и о немъ нельзя сказать рѣшительно, что онъ сочиненъ. Можетъ быть, только передовыя сербскія дружины первоначально расположились въ Солунской области, но затѣмъ по какимъ-нибудь причинамъ не пожелали въ ней остаться.

Во всякомъ случаѣ этотъ разказъ долженъ имѣть историческую основу. Нѣкоторые изслѣдователи придаютъ значеніе самому выраженію, въ какое облечено это свидѣтельство: „Сербамъ", говоритъ Константинъ,—„предоставилъ Ираклій земли на поселеніе въ Солунской провинціи, именно „Сербію", *которая съ тѣхъ поръ получила свое названіе*" [2]). Въ южной Македоніи дѣйствительно есть и нынѣ городъ Сервія, Сербица на р. Быстрицѣ (Индже-Карасу, древн. Галіакмонъ) [3]). Думаютъ, что этотъ-то городъ и послужилъ поводомъ къ составленію этого разказа о первоначальномъ поселеніи Сербовъ въ Солунской области, который передаетъ Константинъ. Но признаемся, такое объясненіе кажется намъ мало правдоподобнымъ. Надо замѣтить, что возбуждаетъ сомнѣніе къ этому свидѣтельству и разказъ объ обращеніи Сербовъ къ бѣлградскому стратигу, такъ какъ существованіе въ Бѣлградѣ (получившемъ свое имя отъ Сербовъ) въ то время (VII в.) греческаго намѣстника ничѣмъ не подтверждается [4]).

Затѣмъ спрашивается: какъ отнестись къ именамъ хорватскихъ предводителей, изъ которыхъ одинъ особенно останавливаетъ на себѣ наше вниманіе? Это именно *Хорватъ*, по видимому, младшій изъ пяти братьевъ. Думаютъ, что Хорватъ не есть лицо историческое, а принадлежитъ народнымъ сказаніямъ, точно также, какъ и

[1]) Съ такимъ сомнѣніемъ смотритъ на этотъ разказъ и большинство критиковъ: *Zeuss*, 612—613, прим.; *Dümmler*, 366; Rački, Odlomci iz držav. pr. hrv. (1861), p. 13. и Documenta, 276.

[2]) Ἐν τῷ θέματι Θεσσαλονίκης τὰ Σέρβλια, ἃ ἔκτοτε τὴν τοιαύτην προσηγορίαν παρείληφε. De adm. imp., 32, p. 152.

[3]) Собственно на притокѣ р. Быстрицы, верстахъ въ 25 на югъ отъ города Верріи.

[4]) *Zeuss*, 613, прим. *Гильфердингъ* ошибается, заключая изъ этого свидѣтельства Константина, что Бѣлградъ уже тогда носилъ это названіе, и слѣдовательно былъ заселенъ Славянами (Письма, I, 16, пр. 7).

Чехъ—у Чеховъ, Лехъ (Ляхъ)—у Ляховъ, Радимъ и Вятъ (по Нестору) у Радимичей и Вятичей, Кій у Кіевлянъ и т. д. [1]). Изъ этого предположенія заключаютъ, что врядъ ли и другія имена хорватскихъ вождей—Клюкъ или Клукъ (Κλουκάς), Ловелъ, Коснецъ и Мухолъ, и двухъ сестеръ—Туга и Буга [2]), принадлежатъ исторіи. Гильфердингъ даже пытается найдти въ нѣкоторыхъ изъ нихъ какъ бы аллегорическое происхожденіе, объясняя въ этомъ смыслѣ ихъ этимологію [3]).

Дѣйствительно, мнѣніе о принадлежности этихъ именъ только народному преданію, а не исторіи, на первый взглядъ кажется довольно правдоподобнымъ, но считать его несомнѣннымъ, какъ многіе дѣлаютъ, не возможно. Имѣя въ виду то, что Константинъ могъ пользоваться документами того времени, относившимися къ водворенію Хорватовъ и Сербовъ на греческой территоріи, для насъ было бы нисколько не удивительно, что Константинъ нашелъ въ этихъ документахъ и имена хорватскихъ предводителей [4]).

Остается коснуться еще нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ переселенію Сербо-Хорватовъ въ иллирскія земли. Трудно рѣшить, какъ мы уже выше замѣтили, что̀ заставило ихъ искать новыхъ жилищъ. Предположеніе, что Ираклій самъ вызвалъ ихъ изъ-за Карпатовъ противъ Аваровъ, менѣе правдоподобно, чѣмъ то, что они сами, по собственному побужденію, оставили свою родину и обратились къ Византійскому императору съ просьбой

[1]) Срв. въ греческой исторіи: Эллинъ у Эллиновъ, Эолъ у Эолянъ, Доръ у Дорянъ, Іонъ у Іонянъ и такъ далѣе; см. Rački, Ocjena etc., 71. Надо замѣтить, что только Сербы не имѣютъ преданія о какомъ-либо „Сербѣ"; это, кажется намъ, всего лучше доказываетъ глубокую древность и вмѣстѣ съ тѣмъ особое происхожденіе ихъ имени, подобно и названію „Славяне".

[2]) Хорватскія Туга и Буга напоминаютъ польскую Ванду, чешскую Любушу и ея сестеръ, наконецъ русскую Лыбедь.

[3]) Коснецъ онъ сближаетъ съ глаг. *коснѣть*, Мухолъ—съ глаг. *мухлати* (такъ и по хорутански), что̀ значитъ тоже медлить, коснѣть. Туга есть туга (тужить), а Буга (по хорут.) значитъ восторгъ, наслажденіе. См. *Гильфердингъ*, Письма, в. I, стр. 14, 15.

[4]) Эти имена могутъ быть сопоставлены съ нѣкоторыми современными собственными славянскими именами: Κλουκάς сравн. срб. Kliča; Λόβελος сравн. Ljub, Lub, Luben; Κοσέντζης сравн. Kosa, Kosan; Τούγα срвн. Tugan, см. Rački, Documenta, 271.

поселить ихъ гдѣ-либо въ предѣлахъ имперіи. Какія обстоятельства вызвали это рѣшеніе: напоръ ли другого народа съ востока, какъ думаетъ Добровскій [1]) (это менѣе вѣроятно), умноженіе ли народонаселенія и недостатокъ земли, какъ полагаетъ Микоци [2]), или какая-нибудь другая причина,—для насъ остается тайной. О пути, которому слѣдовали Хорваты, а затѣмъ Сербы, уже было упомянуто. Ничего положительно въ этомъ отношеніи мы сказать не можемъ, и потому всякое рѣшеніе этого вопроса было бы болѣе или менѣе произвольно [3]).

„Хорваты", разказываетъ нашъ историкъ,—„пришли въ Далмацію и нашли въ ней Аваровъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ войны [4])... они ихъ побѣдили, и съ тѣхъ поръ этою землею стали владѣть Хорваты". Спустя нѣкоторое время и Сербы поселились съ разрѣшенія Праклія рядомъ (на востокѣ) съ Хорватами.

Предстоитъ рѣшить важный вопросъ о томъ, въ какихъ именно границахъ расположились оба племени.

Мы разберемъ подробнѣе эти границы, когда спеціально займемся судьбами Хорватовъ и Сербовъ послѣ ихъ поселенія въ Иллирикѣ, а теперь упомянемъ только, что Хорваты заняли сначала западную часть Далмаціи, въ обширномъ ея значеніи, за исключеніемъ узкой полосы земли по берегу Адріатическаго моря, состоявшей изъ *далматинскихъ* городовъ съ ихъ округами, гдѣ удержалось римское населеніе, и что вскорѣ затѣмъ часть ихъ отдѣлилась и заняла такъ-называемую паннонскую Савію, то-есть, землю между рѣками Савой и Дравой. Сербы же, по свидѣтельству Константина, расположились на востокъ и на югъ отъ нихъ, въ землѣ, орошаемой рѣками Дриномъ, Босной, Вербасомъ и Неретвой, причемъ собственно Сербы поселились на востокъ отъ Хорватовъ, а другія племена (Захлумцы, Травуняне, Дукляне и Неречане) заняли на югъ прибрежную полосу Далмаціи (отъ р. Цетины приблизительно до г. Антивара).

[1]) *Dobrowsky* въ *Engel's* Gesch. v. Serbien, S. 160.

[2]) *Mikoczi*, Ot. Cr., 85—86.

[3]) Таково, по нашему мнѣнію, и предположеніе *Микоци*, ibid., 87—89; см. *Engel*, Gesch. v. Dalm., 452.

[4]) Приблизительно между 635—637 гг., какъ было показано выше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хорваты. Свидѣтельства Константина Багрянонароднаго: I. О ихъ новыхъ жилищахъ. II. О ихъ судьбѣ съ VII по X вѣкъ.

I.

Судя по извѣстіямъ Константина, тѣсная связь соединяла Хорватовъ и Сербовъ въ первые вѣка по ихъ переселеніи на Балканскій полуостровъ, точно также, какъ и въ первоначальныхъ ихъ жилищахъ. Только въ X в. произошло замѣтное разобщеніе въ ихъ судьбахъ вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, а главнымъ образомъ—вслѣдствіе религіознаго раздѣленія: Хорваты въ это время примкнули къ латинской церкви, а Сербы, по прежнему, сохранили связь съ греческою. Но и до X в. исторія каждаго изъ этихъ племенъ носитъ свой особый характеръ, сложившійся подъ вліяніемъ тѣхъ географическихъ условій, которыми съ самаго начала опредѣлилась жизнь каждаго изъ нихъ. Въ продолженіе всего періода ихъ исторіи, который обнимаютъ собою извѣстія Константина, нельзя не замѣтить первенствующей роли Хорватовъ. Прибывъ въ Иллирикъ, если вѣрить Константину, нѣсколько ранѣе Сербовъ, они заняли приморскую страну рядомъ съ уцѣлѣвшими отъ варварскихъ нашествій далматинскими городами, этими развитыми торговыми общинами, которыя состояли въ постоянныхъ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ западомъ и востокомъ Европы. Благодаря такому выгодному положенію—въ сосѣдствѣ моря и римскаго промышленнаго населенія—историческая жизнь Хорватовъ имѣла возможность развернуться быстрѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ жизнь Сербовъ, разселившихся на востокъ отъ нихъ, во внутреннихъ земляхъ Иллирика, гдѣ всѣ условія менѣе благопріятствовали развитію народнаго благосостоянія и культуры. Вотъ почему въ первые вѣка преимущественно въ Хорватіи сосредоточивается исторія Иллирскихъ Славянъ,

а Сербы, особенно внутренней области, принимаютъ въ ней болѣе слабое участіе. Не даромъ Константинъ ставитъ всегда Хорватовъ какъ бы на первый планъ.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору свидѣтельствъ Константина о жилищахъ Хорватовъ, скажемъ нѣсколько словъ о ихъ имени.

Мы уже видѣли, что Константинъ, говоря о Бѣлохорватахъ, замѣчаетъ, что „Хорватами это племя называется на языкѣ Славянъ потому, что владѣетъ большею землею" [1]). На этомъ куріозномъ объясненіи, характеризующемъ только филологическій смыслъ Константина, мы конечно останавливаться не будемъ. Имя Хорватовъ уже съ давнихъ поръ толковалось самымъ различнымъ образомъ; прежніе ученые придумывали для него всевозможныя производства, но всегда довольно неудачно, а потому мы и не станемъ приводить всѣхъ этихъ, по большей части произвольныхъ, объясненій. Подробный разборъ ихъ читатель можетъ найдти у Микоци [2]). Хорватовъ Константинъ называетъ нѣсколько искаженно Χρωβάτοι (у Кедрина Χορβάτοι, Нестора—Хрвате, Хорвати, въ латинскихъ грамотахъ Chruuati, Chroatae и т. д.) [3]).

По довольно распространенному объясненію, принадлежащему Шафарику, имя Хорватовъ означаетъ жителей горъ, Хърбовъ, то-есть, горбовъ, хребтовъ [4]), такъ что корнемъ его является *хърб* (chrb), *хриб* (chrib) [5]). Подъ этими горами или хребтами, по его мнѣнію, слѣдуетъ разумѣть Карпаты, которыхъ восточную часть въ Галиціи Русскіе и нынѣ называютъ Горбами [6]). Шафарикъ сближаетъ

[1]) De adm imp., cap. 31, p. 148.

[2]) *Mikoczi*, Ot. Cr., 57—60.

[3]) Подробный перечень формъ см. у *Шафарика*, II, кн. 2, 46—47. Форма *Хорваты* (Chrouati) употребляется часто также какъ названіе земли, мѣстности; см. тамъ же, II, кн. 1, 70; *Zeuss*, 608, прим.

[4]) *Шафарикъ*, I, кн. 1, 355, кн. 2, 346.

[5]) Слово *хрибъ* у нынѣшнихъ Хорватовъ значитъ берегъ, слѣдовательно, оно не слишкомъ удалилось отъ первоначальнаго значенія. *Добровскій* (Instit., p. 214) думалъ, что корень этого имени—потерянное chrw, сохранившееся только въ хорватскомъ и иллирскомъ нарѣчіяхъ въ сл. chrew, стволъ дерева (stirps). См. предположеніе Цейса: *Zeuss*, 608, прим.

[6]) *Шафарикъ*, I, кн. 2, 346. Аналогическій примѣръ названія народа отъ горъ Шафарикъ видитъ въ имени Тврисковъ, происшедшемъ отъ кельтонѣм. слова taur, гора. См. тамъ же, I, кн. 2, 183.

еще Хорватовъ съ древнимъ народомъ Карпами или Карпіанами, которыхъ считаетъ Славянами, жившими именно. по его мнѣнію, въ восточной Галиціи [1]). Онъ производитъ также отъ того же корня *хриб*, *хърб* и самое названіе Карпатскихъ горъ [2]). Но во всѣхъ случаяхъ, то-есть, и въ производствѣ имени *Хорвать*, и въ отожествленіи Хорватовъ съ Карпами, и въ сближеніи ихъ съ Карпатами онъ положительно заблуждался. Въ ту же ошибку впалъ и г. Дриновъ [3]). Въ послѣднее время ученые филологи Гейтлеръ и Даничичъ производятъ имя Хорватовъ отъ корня châry, sarv (defendere, tueri), и Гейтлеръ сравниваетъ имя Хръватинъ съ лит. szarvótas, armatus(аналогія въ герм. varja, defensor) [4]). Здѣсь, конечно, не мѣсто вдаваться въ разборъ этого вопроса; мы сочли не нелишнимъ привести только мнѣнія о немъ авторитетныхъ ученыхъ. Объясненіе гг. Гейтлера и Даничича можетъ считаться болѣе другихъ удовлетворительнымъ и удачнымъ, хотя и оно уже успѣло встрѣтить возраженіе со стороны почтеннаго нашего лингвиста, г. Бодуэна де Куртенэ [5]).

Приступая къ вопросу о жилищахъ, занятыхъ Хорватами по ихъ приходѣ въ Иллирикъ и послѣ побѣды надъ Аварами (ок. 637 г.), на сколько онъ выясняется изъ извѣстій Константина, мы прежде всего приведемъ эти свидѣтельства его собственными словами:

„Съ тѣхъ поръ, какъ поселились Славяне (въ Иллирикѣ), они завладѣли всѣми окружными землями около Далмаціи“ [6]) (с. 30, p. 146).

„Хорватская земля начинается отъ р. Зентины (τῆς Ζεντίνας τοῦ ποταμοῦ) и простирается въ своей поморской [7]) части до предѣловъ Истріи или до города Альбуна (τοῦ Κάστρου

[1]) *Шафарикъ*, I, кн. 1, 355.

[2]) Тамъ же, I, кн. 2, 345.

[3]) *Дриновъ*, Заселен. Балк. полуостр., 61—62.

[4]) *Geitler*, Etimologija imena Hrvat, *Rad*, XXXIV, 111, и д. (то же въ чешскомъ журналѣ Listy filologické a paedagogické, ročn. III, sešit I—III, 1876, 87—95); Daničić, Osnove Srb. ili hrv. jezika, p. 211; срв. Rački, Documenta, 273.

[5]) Г. *Бодуэнъ де Куртенэ* не считаетъ доказаннымъ соотвѣтствія литовскаго sz славянскому х (ch); см. *Филологич. Зап.*, 1879, в. I, стр. 44.

[6]) Здѣсь, конечно, разумѣется Далмація въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, далматинскіе города.

[7]) Πρὸς μὲν τὴν παραθαλασσίαν......

Ἀλβούνου), а въ гористой части нѣсколько даже заходитъ за область Истріи [1]); въ сторону Центины (πρὸς τὴν Τζένтινα) и Хлебены (καὶ τὴν Χλέβενα) она граничитъ съ Сербіей" (c. 30, p. 146).

„Отъ Хорватовъ, пришедшихъ въ Далмацію, часть отдѣлилась и заняла Иллирикъ и Паннонію. Они имѣли самостоятельнаго князя, посылавшаго къ князю Хорватіи посольство ради дружбы" (c. 30, p. 144).

„Земля Хорватовъ раздѣлена на 11 жупъ (жупаній), а именно: Хлебіана (Χλεβίανα), Центина (Τζέντζηνα), Имота (τὰ Ἤμοτα), Плеба (Πλέβα), Пезента (Πεσέντα), Параталассіа (Παραθαλασσία), Бребера (Βρεβέρα), Нона (Νόνα), Тнена (Τνήνα), Сидрага (Σίδραγα), Нина (Νίνα); банъ ихъ владѣетъ Крибасой (Κρίβασα), Лицой (Λίτζα) и Гуцикой (Γουτζηκᾶ)" (c. 30, p. 145).

„Въ крещеной Хорватіи населенные города суть слѣдующіе: Нона (Νόνα), Бѣлградъ (Βελόγραδον), Бѣлицынъ (Βελίτζειν), Скордона (Σκόρδονα), Хлебена (Χλεβένα), Столпъ (Στόλπον), Тенинъ (Τενήν), Кори (Κόρι), Клабока (Κλαβῶκα)" (c. 31, p. 151).

При опредѣленіи границъ Хорватіи отнюдь нельзя смѣшивать ея первоначальный этнографическій объемъ вслѣдъ за окончательнымъ водвореніемъ Хорватовъ въ Иллирикѣ (въ первой половинѣ VII в.) съ ея политическимъ объемомъ позже, во времена могущества Хорватскаго княжества (IX в.). Между тѣмъ долгое время изслѣдователи не обращали должнаго вниманія на это обстоятельство [2]). Въ приведенныхъ свидѣтельствахъ Константинъ, опредѣляя границы Хорватской земли, имѣлъ, конечно, въ виду ея объемъ въ свое время; но тогда уже могуществу Хорватовъ, достигшему высшей степени къ половинѣ IX в., былъ нанесенъ чувствительный ударъ; они потеряли значительную часть своихъ владѣній на востокѣ, и какъ должно предполагать, вернулись къ первоначальнымъ этнографическимъ границамъ собственно Хорватскаго племени. На этомъ основаніи опредѣленіе границъ Хорватіи у Константина, если оно относится къ его времени, должно приблизительно годиться и для

[1]) Πρὸς δὲ τὰ ὀρεινὰ καὶ ὑπέρκειται μέχρι τινὸς τῷ θέματι Ἰστρίας.

[2]) Сравн. Rački, Ocjena etc. K. P., стр. 61.

первоначальнаго положенія дѣлъ — вслѣдъ за поселеніемъ Хорватовъ въ Далмаціи.

Важность этого вопроса заставляетъ насъ нѣсколько остановиться на немъ, тѣмъ болѣе, что онъ тѣсно связанъ съ другимъ, непосредственно насъ касающимся, а именно съ вопросомъ о той странѣ, которая была занята Хорватами, нѣсколько позже отдѣлившимися отъ главной массы, и которую Константинъ опредѣляетъ именами *Иллирика* и *Панноніи*. Такимъ образомъ, чтобы выяснить себѣ болѣе или менѣе точно, какую территорію заняло все Хорватское племя, въ томъ числѣ и та часть его, которая отдѣлившись образовала свою собственную область, надо разсмотрѣть, какія земли разумѣлъ нашъ историкъ, говоря, что Хорваты поселились въ Далмаціи (въ обширномъ смыслѣ), а потомъ въ Иллирикѣ и Панноніи.

Неопредѣленность понятій, соединявшихся съ этими названіями, и отсутствіе болѣе точныхъ извѣстій были причиною важныхъ разногласій во мнѣніяхъ ученыхъ, въ особенности относительно границъ Хорватскаго племени собственно въ Далмаціи.

Гдѣ кончалось (на югѣ и на востокѣ) Хорватское племя, гдѣ начиналось Сербское—вотъ тотъ вопросъ (не безъ національно-политическаго значенія), который наиболѣе интересовалъ ученыхъ и сербскихъ, и хорватскихъ, и въ разрѣшеніи котораго иногда руководило ими, къ сожалѣнію, не столько стремленіе приблизиться къ истинѣ, сколько чувство національнаго самолюбія и узкаго патріотизма, естественно дѣлавшее ихъ выводы пристрастными. Особенно много спорили хорватскіе и сербскіе ученые о народности первоначальнаго населенія южнаго далматинскаго прибережья въ тѣхъ отдѣльныхъ славянскихъ областяхъ [1]), которыя Константинъ категорически объявляетъ сербскими. Но къ этому вопросу мы еще возвратимся, а теперь посмотримъ, какія были первоначальныя границы Далматинской Хорватіи на сѣверъ и на востокъ, такъ какъ относительно запада мы знаемъ, что тутъ ее ограничивало отчасти Адріатическое море, а отчасти маленькія береговыя общины далматинскихъ городовъ. Не имѣя опредѣленныхъ и точныхъ извѣстій, мы, конечно, должны довольствоваться при этомъ только приблизительными выводами.

[1]) Захлумцы, Травуняне и Конавляне, Дукляне, Неречане или Паганы.

Изъ свидѣтельствъ Констáнтина видно, что Хорваты въ его время были распространены *на сѣверъ* „до предѣловъ Истріи, или до города 'Αλβούνον" (нынѣ Albona) [1]), и такимъ образомъ, занимали сѣверо-восточную часть этого полуострова, а въ горной части даже заходили за предѣлы Истрійской области [2]). Спрашивается: простирались ли ихъ жилища на столько же съ самаго начала, то-есть, въ VII вѣкѣ? Что тамъ было славянское населеніе [3]) въ то время, это почти несомнѣнно, но чтобы туда проникли, тотчасъ по приходѣ своемъ въ Иллирикъ, Хорваты, намъ кажется невѣроятнымъ, если не предположить особаго переселенія цѣлой хорватской колоніи; но о подобномъ переселеніи въ Истрію мы никакихъ извѣстій не имѣемъ.

Мнѣніе Шафарика [4]), что Хорваты съ самаго начала овладѣли многими далматинскими островами, кажется, не имѣетъ достаточныхъ основаній. Распространеніе Хорватовъ, безъ сомнѣнія, совершалось постепенно, и притомъ путемъ мирной колонизаціи, и только переселеніе цѣлой части Хорватскаго народа на сѣверъ, о которомъ говоритъ Константинъ,—могло встрѣтить нѣкоторое сопротивленіе со стороны мѣстнаго населенія [5]), если оно дѣйствительно имѣло характеръ завоеванія. На основаніи сказаннаго мы полагаемъ, что сѣверной границей Далматинской Хорватіи въ VII вѣкѣ была черта, проведенная отъ города Сеня (на Адріатическомъ морѣ) къ верхнему теченію рѣки Уны (притока Савы), то-есть, приблизительно та черта, которую Шафарикъ считаетъ [6]) границей владѣній великаго жупана Хорватскаго въ X вѣкѣ (при Константинѣ).

Что касается *восточной* границы Хорватскаго племени въ первое время по его поселеніи, то мы и о ней не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, точно также, какъ мы не знаемъ о ней ничего вполнѣ вѣрнаго и во времена Константина. Послѣдній не опре-

[1]) Cap. 30, p. 146.

[2]) См. объ этой границѣ R a č k i, Documenta, 410—411.

[3]) То были Словенцы, весьма рано проникшіе въ юго-западную Паннонію и Истрію.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 5.

[5]) Должно быть со стороны Аваровъ; сравн. *Mikoczi*, Ot. Cr., 122.

[6]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 34.

дѣляетъ ее, ибо вообще знаетъ внутреннія земли Иллирика хуже приморскихъ, съ которыми Византія была въ болѣе живыхъ сношеніяхъ. По мнѣнію Шафарика, восточною границей хорватскихъ владѣній въ X вѣкѣ была рѣка Вербасъ. Но если ужъ основываться на свидѣтельствахъ Константина, то какъ мы увидимъ, прійдется еще урѣзать эти владѣнія, такъ какъ между рѣками Вербасомъ, Савой и Уной нашъ историкъ не называетъ ни жупъ, ни городовъ [1]).

Что же касается этой границы Хорватіи въ болѣе раннее время, то новѣйшіе критики, въ особенности Дюмлеръ и Рачкій [2]), утверждаютъ, что эту пограничную черту надо отодвинуть гораздо далѣе на востокъ до рѣки Дрины, такъ что *Босна*, по ихъ мнѣнію, также была первоначально частью Хорватіи. Главнѣйшія доказательства, приводимыя ими [3]), заключаются, вопервыхъ, въ томъ, что Константинъ описываетъ военныя силы Хорватовъ еще въ IX вѣкѣ такими значительными, что онѣ непремѣнно предполагаютъ и территорію, гораздо бóльшую, чѣмъ та, о какой онъ самъ намъ сообщаетъ; вовторыхъ, что франкскій лѣтописецъ Эйнгардъ повѣствуетъ о Сербахъ, какъ о народѣ, который не находится ни въ какихъ отношеніяхъ къ его соотечественникамъ, чего не могло бы быть, еслибы Босна принадлежала Сербамъ; а втретьихъ, изъ Константина видно, что Болгаре (въ началѣ IX вѣка) воевали съ Хорватами безъ всякаго участія Сербовъ, слѣдовательно, они были ихъ сосѣдями. Но дѣло въ томъ, что тутъ, какъ видно, рѣчь идетъ только о *политической*, а не объ этнографической границѣ Хорватіи. Мы вовсе не оспариваемъ того, что Хорватія во времена своего могущества (въ IX вѣкѣ) могла простираться и даже, вѣроятно, простиралась довольно далеко на востокъ, но мы не можемъ допустить, чтобы вся эта страна (то-есть, Босна) *первоначально* и *исключительно* была населена Хорватами, какъ утверждаютъ нѣкоторые [4]). Вопросъ можетъ со-

1) *Dümmler*, 372.

2) Впрочемъ на это указалъ уже *Краузе*: *Krause*, Res Slavorum etc., p. 4,5.

3) *Dümmler*, 372—373; Rački, Odlomci iz d. p. chr., 18—19. Противъ нихъ *Новаковичъ*, Срп. Обл., 103—105, прим.

4) Что при переселеніи части Хорватскаго народа въ Посавскую Панномію многіе Хорваты разселились и за Вербасомъ, въ Боснѣ, которую Константинъ и могъ разумѣть подъ названіемъ Иллирика, объ этомъ

стоять только въ томъ, совпадала ли первоначальная этнографическая граница Хорватіи съ тою позднѣйшею политическою, которую принималъ Шафарикъ, то-есть, была ли ею приблизительно рѣка Вербасъ, или граница проходила еще западнѣе, и хорватскія поселенія не достигали и р. Вербаса.

На этотъ вопросъ можно отвѣчать только съ помощью разбора показаній Константина о хорватскихъ *жупахъ*. Въ этомъ случаѣ насъ занимаютъ, конечно, только тѣ изъ нихъ, которыя, будучи самыми крайними на востокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представляли собою и самыя крайнія поселенія Хорватовъ въ эту сторону. Таковы двѣ жупы: Χλεβίανα и Πλέβα. До сихъ поръ вопросъ о ихъ положеніи и предѣлахъ рѣшался слишкомъ поверхностно, а оттого и выводы не могли имѣть достаточной убѣдительности. Лишь въ новѣйшее время этотъ вопросъ былъ тщательно разобранъ сербскимъ ученымъ Новаковичемъ въ его сочиненіи „Српске Области X и XII вѣка". Обыкновенно подъ округомъ Πλέβα — разумѣлась вся долина рѣки Пливы, впадающей въ Вербасъ при городѣ Яйцѣ. Новаковичъ считаетъ это ошибочнымъ; онъ основательно доказываетъ, что эта жупанія могла простираться только въ области верхней Пливы, а никакъ не нижней, и такимъ образомъ она далеко не достигала до рѣки Вербаса. По его мнѣнію, этотъ Пливинскій округъ былъ единственный, принадлежавшій Хорватіи за главною пограничною чертой Хорватскаго племени, то-есть, горнымъ хребтомъ, составляющимъ водораздѣлъ рѣкъ приморской Далмаціи и Уны (притока Савы), съ одной стороны, Вербаса и Савы—съ другой. Ни жупа Χλεβίανα (Хлевно), ни Πεσέντα (которую ошибочно искали на сѣверѣ отъ Яйца, у какой-то горы Везенты) не заходили за эту пограничную линію. Такимъ образомъ мнѣніе Шафарика, считавшаго рѣку Вербасъ границею Хорватіи, оказывается невѣрнымъ. Уже Дюмлеръ выразилъ сомнѣніе относительно этого взгляда, замѣтивъ, что на всемъ большомъ пространствѣ между рѣками Вер-

мы, конечно, не спорнмъ; см. *Dümmler*, 374.—*Любичъ* (O Posavskoj Hrvatskoj, *Rad* XLIII, 113—117), признавая это заселеніе Босны Хорватами, утверждаетъ, что этотъ край вошелъ въ составъ Посавской Хорватіи, вслѣдствіе чего Константинъ и не зналъ о немъ почти ничего; но доводы Любича недостаточно убѣдительны.

басомъ, Савой и Уной Константинъ не упоминаетъ никакихъ иныхъ городовъ или жупаній [1]). Слѣдовательно, ничто не побуждаетъ насъ расширять первоначальныя хорватскія владѣнія до предѣловъ Саны и Вербаса. Хорватію, по замѣчанію Новаковича, слѣдуетъ считать *приморскою* страною въ томъ же смыслѣ, въ какомъ считаются приморскими и сербскія области Дукля, Требинье, Захолміе и Неретва. Этому ея географическому опредѣленію—какъ приморской страны, конечно, не препятствуетъ то, что въ своихъ крайнихъ восточныхъ, горныхъ предѣлахъ, непосредственно связанныхъ съ приморьемъ, она имѣла одну жупанію (Пливу), можетъ быть, и не всегда впрочемъ ей принадлежавшую. Такое понятіе о Хорватіи согласуется какъ съ показаніями Дуклянскаго пресвитера, такъ и съ опредѣленіемъ западной границы сербской Босніи. Всѣ эти доводы Новаковича на столько убѣдительны, что съ ними нельзя не согласиться [2]).

Вопросъ о первоначальныхъ границахъ Хорватскаго племени *на югъ* особенно подробно разобранъ Рачкимъ. Этотъ ученый горячо доказываетъ [3]), что населеніе всѣхъ южныхъ приморскихъ областей Далмаціи, причисляемыхъ Константиномъ, какъ въ этнографическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, къ Сербскому племени, было сначала исключительно *хорватскимъ*, и что такимъ образомъ границей этого племени была не рѣка Цетинья, какъ свидѣтельствуетъ нашъ историкъ, а рѣка Бояна (Bojana) или окрестности города Антивара (Бара). Излишне было бы приводить здѣсь всѣ доказательства Рачкаго; мы должны признаться, что между ними нѣтъ ни одного достаточно убѣдительнаго. Упомянемъ здѣсь только о двухъ слѣдующихъ: 1) свидѣтельство венеціанской хроники (Іоанна Діакона), которая будто бы страну князя Захлумскаго Михаила, называетъ хорватскою [4]), и 2) распространенность тамъ въ

[1]) *Dümmler*, l. c. S. 372. Впрочемъ онъ имѣлъ при этомъ въ виду Хорватію временъ Константина.

[2]) *Новаковичъ*, Срп. Обл., 89—93 и слѣд.

[3]) Rački, Odlomci etc., 13—18.

[4]) Здѣсь идетъ рѣчь о задержаніи Михаиломъ Петра, сына Венеціанскаго дожа (Ursus II) ...Qui dum Chroatorum fines rediens transire vellet, a Michaele Sclavorum duce fraude deceptus... etc. (Johan. Chron. venet. *Pertz*, Monum. germ. SS. VII, 22—23). Но изъ этого мѣста рѣшительно не видно, чтобы земля Ми-

въ старину хорватскаго языка. Но эти доводы никакъ не могутъ поколебать яснаго свидѣтельства Константина [1]). По нашему мнѣнію, нѣкоторыя поселенія Хорватовъ *первоначально* дѣйствительно могли простираться и на югъ отъ Цетиньи; но съ приходомъ Сербовъ въ Иллирикъ часть этого племени проникла въ южную приморскую Далмацію [2]), такъ какъ хорватскія поселенія были тутъ очень рѣдки, и поселившись въ ней, мало по малу слились съ хорватскимъ элементомъ. Впослѣдствіи сербскій элементъ окончательно возобладалъ здѣсь, вѣроятно, отъ новаго прилива этого племени изъ собственной Сербіи [3]). Впрочемъ мы и не думаемъ настаивать на безусловной вѣрности нашей мысли, а приводимъ ее только въ видѣ предположенія, къ которому привело насъ разсмотрѣніе свидѣтельствъ нашего писателя и сопоставленіе всѣхъ высказанныхъ по этому предмету мнѣній. Рѣшительно *утверждать* можно бы только на основаніи спеціальнаго изученія вопроса; но послѣднее находится внѣ нашей задачи [4]).

Итакъ, изъ разбора первоначальныхъ границъ Хорватскаго племени слѣдуетъ, что въ VII вѣкѣ ихъ составляли: на западѣ—Адріатическое море и далматинскіе города, на сѣверѣ—черта, проведенная приблизительно отъ г. Сеня до верхняго теченія Уны, на востокѣ—горная цѣпь между Уной и Вербасомъ, а на югѣ—жилища Хорватовъ шли, можетъ быть, и за р. Цетиньею, но постепенно рѣдѣли и врядъ ли простирались далѣе предѣловъ позд-

хаила была названа Хорватскою. Выходитъ напротивъ, что Михаилъ схватилъ Петра тогда, когда этотъ собирался только вступить въ хорватскіе предѣлы; поэтому излишне даже предполагать здѣсь ошибку и читать Serborum fines вмѣсто: Chroatorum fines, какъ дѣлаютъ нѣкоторые (*Dümmler*).

[1]) *Любичъ* положительно высказывается противъ мнѣнія Рачкаго; онъ полагаетъ, что Хорватское племя оканчивалось на югѣ границами жупъ Цетинской, Имотской и Хлѣванской. Ljubić, Pregled etc., 8.

[2]) Въ этомъ мы не имѣемъ причинъ не вѣрить Константину.

[3]) Не даромъ же эти области въ историческомъ отношеніи такъ тѣсно связаны съ внутренней Сербіей.

[4]) Мнѣніе *Дринова*, что Неречане, Захлумцы, Тервуняне и т. д. не были ни Сербы, ни Хорваты, а что они обитали уже въ Далмаціи задолго до прихода туда этихъ племенъ, которыя дали имъ только свои племенныя названія, ничѣмъ достовѣрнымъ не оправдывается. Засел. Балк. полуостр., стр. 116.

нѣйшей Тервунской области. Константинъ пишетъ: „Отъ Хорватовъ, пришедшихъ въ Далмацію, часть отдѣлилась и заняла Иллирикъ и Паннонію" [1]). Какія именно страны должно понимать здѣсь? Ученые дѣлали самыя различныя предположенія о томъ, гдѣ слѣдуетъ искать эту вторую хорватскую область. Особенно затрудняетъ въ въ этомъ случаѣ имя *Иллирика*. Люцій разумѣлъ подъ нимъ просто часть Далмаціи, другіе, какъ напримѣръ, Микоци, предполагаютъ—Норикъ [2]). Къ послѣднему мнѣнію примкнулъ и Шафарикъ [3]), предполагая, что хорватская жупа, являющаяся впослѣдствіи въ нынѣшней Штиріи—и была хорватская колонія, поселившаяся „въ Иллирикѣ". Дюмлеръ понимаетъ подъ Иллирикомъ страну, простиравшуюся на сѣверъ и на востокъ до Савы и Дрины, (слѣдовательно, главнымъ образомъ Босну) [4]); это мнѣніе дѣйствительно кажется довольно вѣроятнымъ, если понимать дѣло такъ, что Хорваты, распространяясь на сѣверъ, въ Посавскую Хорватію, не могли совершенно обойти землю между рѣками Вербасомъ и Дриной [5]). Напротивъ того, предположеніе Рачкаго [6]), что Константинъ разумѣлъ подъ Иллирикомъ землю въ Македонскомъ округѣ, на востокъ отъ провинціи Диррахія (Драча), очень мало правдоподобно, такъ какъ о жилищахъ Хорватовъ въ этой мѣстности мы не имѣемъ ровно никакихъ извѣстій. Относительно того, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ *Панноніей*, ученые болѣе или менѣе сходятся. Эта хорватская область находилась между Савой и Дравой въ такъ-называемой *Посавской Панноніи* (Pan-

[1]) C. 30, p. 144.

[2]) *Lucius*, I. I, стр. XII; *Mikoczi* Ot. Cr., 120–121.

[3]) *Шафарикъ*, Сл. Др., II, кн. 2, стр. 4.

[4]) *Dümmler*, 374.

[5]) *Новаковичъ*, Срп. Обл. 103 — 105, прим., хотя прямо не возражаетъ противъ такого пониманія Иллирика, не придаетъ однако важнаго значенія этому показанію Константина и рѣшительно стоитъ за то, что этотъ край (то-есть, главнымъ образомъ Босна) никогда не былъ заселенъ Хорватами. *Любичъ*, какъ мы видѣли, впадаетъ въ другую крайность: считаетъ, что Босна была исключительно занята Хорватами и вошла въ составъ Посавской Хорватіи (O Posav. Hrvat., *Rad*, XLIII, 114 и дал.).

[6]) Rački, Ocjena etc. K. P., 63.

nonia Savia) [1]. О существованіи такого самостоятельнаго хорватскаго княжества въ южной Паннонiи мы знаемъ и изъ франкскихъ источниковъ. Значительная (западная) часть этого междурѣчья была ужъ издавна населена Словенцами, вслѣдствіе чего и страна получила позднѣе названіе Славоніи. Поэтому надо думать, что Хорваты заняли преимущественно восточную часть [2]) Савіи, то-есть, пространство между р. Дравой, Савой и Дунаемъ. Западную ихъ границу мы точно опредѣлить не можемъ. Сремъ (τὸ Σέρμιον) или византійскій Frankochorion, безъ сомнѣнія, также входилъ въ эту хорватскую область [3]). Когда Франки покорили ее, имъ достался и Сремъ; впослѣдствіи здѣсь господствовали то Сербы, то Болгаре, а послѣ паденія Болгарской державы (1019 г.) этою землею овладѣла Византія [4]). Къ Паннонско-хорватскому княжеству, какъ не безъ основанія замѣтилъ Шафарикъ [5]),—принадлежали, можетъ быть, и сѣверные края Далмаціи по правую сторону р. Савы (то-есть, средняго ея теченія). Но отъ такого предположенія еще очень далеко до утвержденія Любича, который безъ достаточнаго основанія причисляетъ къ Посавской Хорватіи и Босну: по его мнѣнію, Посавская Хорватія заключала въ себѣ въ „Паннонiи“ восточную часть нынѣшней Хорватіи, Славонію и Сремъ между рѣками Дравой, Дунаемъ и Савой, а въ „Иллирикѣ“— всю Босну до болгарской и сербской границъ на Дринѣ [6]).

Разсмотрѣвъ границы Хорватскаго племени въ VII в., перейдемъ къ современной Константину Хорватіи (X в.). По его свидѣтельству,

[1]) Это между прочимъ оказывается и изъ другого упоминанія Константиномъ Паннонiи въ соч. „О Провинціяхъ“, какъ указалъ Rački, Ocjena etc., 62; срвн. *Zeuss*, Die Deutschen, 612.

[2]) Срвн. Ljubić, 8.

[3]) Такимъ образомъ восточною границей Посавской Хорватіи былъ Дунай, а сѣверною—Дунай и Драва. Впослѣдствіи, въ началѣ X в., эти рѣки отдѣляли Хорватовъ отъ Мадьяръ, распространившихся на югъ послѣ покоренія ими великой Моравской державы Святополка; Rački, Odlomci etc., 28—30.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 39—40; *Dümmler*, 374; Rački, Odlomci etc., 29; срвн. *Zeuss*, 612. Впрочемъ *Любичъ* (*Rad*, XLIII, 127—136) не признаетъ, чтобы Посавская Хорватія когда-либо до конца XI в. принадлежала Болгарамъ.

[5]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 38.

[6]) Ljubić, o Pos. Hrv., *Rad*, XLIII, 114—117.

Bayerische Staatsbibliothek München

крайними пунктами ея были: на сѣверѣ—городъ или крѣпость Albunon (Alvona, Albona, Labin) [1]) на восточномъ берегу полуострова Истріи, или рѣка Arsia (Raše), а на югѣ—р. Цетинья. На сѣверѣ, въ горной сторонѣ граница даже заходила за предѣлы Истрійской области. Но это показаніе о сѣверной границѣ Хорватіи не соотвѣтствуетъ тому объему, который можно себѣ представить по перечисленнымъ Константиномъ жупамъ, такъ какъ на сѣверѣ онъ не называетъ никакихъ мѣстностей [2]). На этомъ основаніи, какъ уже было упомянуто, Шафарикъ считаетъ границей Хорватіи во времена Константина черту, соединяющую г. Сень (Zengg) съ устьемъ р. Уны. Мы не можемъ сказать, на сколько точно это опредѣленіе, но во всякомъ случаѣ врядъ ли сѣверные предѣлы Хорватіи шли въ X в. далѣе р. Кульпы (нынѣ Купы) [3]). Что касается восточной границы того времени, мы уже высказали мнѣніе, что она, по всей вѣроятности, приблизительно совпадала съ первоначальною этнографическою границей Хорватскаго племени. Мы видѣли, что, по Шафарику [4]), этою границею были р. Вербасъ и затѣмъ погорье, идущее отъ ея истоковъ по самое Имотское озеро; однако серьезныя возраженія, которыя дѣлаетъ на это Новаковичъ, побуждаютъ принять взглядъ послѣдняго, что Хорватія X в. не простиралась до р. Вербаса, и что крайнимъ ея предѣломъ на востокѣ была Пливинская жупа — по верхнему теченію р. Пливы. При такомъ взглядѣ становится понятнымъ, почему Константинъ не называетъ ни жупъ, ни городовъ въ пространствѣ между рр. Вербасомъ, Савой и Уной [5]). Наконецъ, относительно южной границы, которую при Константинѣ составляла р. Цетинья, надо замѣтить, что въ юго-восточныхъ своихъ предѣлахъ хорватскія владѣнія простирались нѣсколько и за рѣкой

[1]) *Mikoczi*, Ot. Cr., 8—9, прим.

[2]) *Lucius*, l. I. c. XIII.

[3]) Изъ Эйнгарда видно, что владѣнія Хорватовъ на сѣверѣ не могли простираться за Кульпу, *Dümmler*, 372, прим. 3.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 34.

[5]) Противъ этого *Любичъ*, Pregled etc., 7. Онъ, какъ мы видѣли, объясняетъ это молчаніе принадлежностью Босны къ Посавской Хорватіи (O Posav. Hrvat. p. 117).

Цетиньей: тутъ находились жупы Chleviana (нынѣ Ливно) и Imota (Имота) [1]).

Перейдемъ теперь къ обзору перечисляемыхъ Константиномъ жупъ (ζουπανία) и городовъ хорватскихъ въ томъ порядкѣ, какъ ихъ называетъ самъ авторъ. Жупъ было всего 14. Изъ нихъ 11 имѣли, каждая, своего жупана, а 3 сѣверныя (Κρίβασα, Λίτζα и Γοντζηκᾶ) находились подъ управленіемъ „бана". Положеніе этихъ жупъ можно опредѣлить, конечно, только приблизительно. Хотя со времени Шафарика [2]) и были добыты наукой нѣкоторые новые результаты, какъ напримѣръ, вышеприведенныя поправки Новаковича, все же въ общемъ его выводы остаются и до сихъ поръ въ силѣ. Кое-какія указанія относительно положенія этихъ жупъ сообщаетъ Рачкій въ своихъ: Odlomci iz drzavnoga práva hrvatskoga [3]).

1. Жупа Χλεβίανα (Chelwiana, хорв. ž. Hlievanska) на востокъ отъ рѣки Цетиньи (текущей съ сѣверо-запада на юго-востокъ), въ нынѣшней Босніи и частью Герцеговинѣ, заключала въ себѣ, безъ сомнѣнія, окрестности нынѣшняго города Ливно (Livno, Lievno, прежде Hlievno) [4]). Эта жупа подъ именемъ Cleonia, Cleunensis встрѣчается и въ хорватскихъ грамотахъ (892, 1078 гг.).

2. Жупа Τζέντζηνα (Centina, хорв. ž. Cetinska) по рѣкѣ Цетиньѣ (Tilurus) [5]). Она встрѣчается уже въ позднѣйшихъ грамотахъ (1066 и 1067 гг.).

3. Жупа Ἥμοτα (Imota, ž. Imotska) находилась на юго-востокъ отъ р. Цетиньи, у самой сербской границы, въ окрестностяхъ нынѣшняго города Имотска (Imotski, то-есть, grad), лежащаго на границѣ Герцеговины, около озера того же имени (Imotski). По словамъ Шафарика, въ средніе вѣка довольно часто говорится объ Имотской крѣпости.

[1]) На этомъ основаніи *Рачкій* утверждаетъ, что Хорватія въ X в. занимала большую часть нынѣшней сѣверной Герцеговины; см. Rački, Odlomci etc., 27.

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 30–33.

[3]) Odlomci, 26—28 и 114—116, а также въ Documenta Historiae Chroatiae etc., стр. 413.

[4]) *Люцій* (l. I, c. XIII) и *Бандури* (Animadv., ed. Bonn. 349).

[5]) Эта рѣка беретъ начало въ Динарскихъ Альпахъ, 3 мили сѣвернѣе горы Verlicca, и течетъ сначала на юго-востокъ, а потомъ круто поворачиваетъ на западъ (*Petter*, Dalm., I, 39).

4. Жапа Πλέβα (Pleba, Plewa, ž. Plievanska или Plivanska) въ нынѣшней Боснѣ, на сѣвѣръ отъ Хлѣванской жупы, по р. Пливѣ, впадающей съ лѣвой стороны въ р. Вербасъ (при горѣ Яйцѣ) [1]). По справедливому мнѣнію Новаковича, здѣсь слѣдуетъ разумѣть не всю долину р. Пливы, а только верхнюю ея часть, которая составляла крайній предѣлъ Хорватіи на востокѣ [2]).

5. Жупа Πεσέντα (Pesenta, хорв. ž. Vezentska), по мнѣнію однихъ, также въ нынѣшней Боснѣ еще сѣвернѣе Пливанской жупы, около горы Везенты (Шафарикъ), а по другимъ (Лучичъ, Фарлати, Рачкій, Новаковичъ)—гораздо западнѣе, рядомъ съ Книнскою жупой (Τνήνα) [3]); послѣднее мнѣніе болѣе вѣроятно.

6. Жупа Παραθαλασσία (Maritima, ž. Primorska, Приморье)—приморскій край на сѣверъ отъ Цетиньи до р. Керки (Titius); его не надо смѣшивать съ краемъ, носившимъ то же имя (Primorje) и лежавшимъ между Цетиньей и Неретвой (тамъ, гдѣ—по Константину—земля Неречанъ).

7. Жупа Βρεβερα (Brebera, ž. Bribirska) [4]) на сѣверъ отъ Приморской, къ западу отъ р. Керки, заключала въ себѣ окрестности г. Брибира на ручьѣ Брибирштицѣ [5]). Есть еще г. Bribir (Berbir) на Савѣ, нѣсколько на западъ отъ устья Вербаса, близь г. Градишки. Но, по всей вѣроятности, здѣсь разумѣется не этотъ Брибиръ.

8. Жупа Νόνα (Nona, ž. Ninska)—окрестности г. Нина, лежащаго нѣсколько сѣвернѣе Задра, у залива [6]), и бывшаго одно время резиденціей Хорватскихъ кралей.

9. Жупа Τνήνα (Tnina, Tinninium (Lucius), ž. Kninska) по р. Керкѣ, около г. Книна, лежащаго на правомъ берегу этой рѣки.

10. Жупа Σίδραγα (Sidraga, ž. Sidražka) на западъ отъ Бри-

[1]) Itinerarium Antonini полагаетъ здѣсь гор. Pelva. *Шафарикъ*, II, кн. 2, 30.

[2]) *Новаковичъ*, Срп. Обл., 89—90.

[3]) По *Люцію* (l. I, c. XIII): Πεσέντα postea in dioecesi Tininien. Онъ имѣлъ въ виду сел. Pset (Пьсѧтъ) въ Книнской епархіи. Срвн. Rački, Odlomci, 27—28; *Новаковичъ*, Спр. Обл., 90.

[4]) Въ позднѣйшихъ грамотахъ Breberistili, Breberstili.

[5]) Отъ сл. бреберъ, бобръ (*Шафарикъ*).

[6]) На этомъ мѣстѣ стоялъ древній городъ Aenona или Anona (Plinius). разрушенный, какъ полагаютъ, Аварами; см. *Petter*, Dalm., II, S. 19.

бирской жупы и отъ г. Скрадина [1]), въ окрестностяхъ города Бѣлграда (Beograd).

11. Жупа Νίνα (Nina, ž. Nijska). Шафарикъ сближаетъ ее съ городомъ Νενία, упоминаемымъ Страбономъ. Если такъ, то эта жупа находилась по обѣимъ сторонамъ р. Зермани, Zrmanje (древній Tedanius); здѣсь, по Шафарику, городъ Бѣлина въ окольѣ, называемомъ Буковицей. Однако Рачкій, полагая, что Νινία Страбона тожественна съ Aenona Плинія и Αἴνωνα Птоломея, дѣлаетъ конъектуру, что Νίνα Константина стоитъ вмѣсто Σμίνα, то-есть, župania Smina, о которой, какъ о мѣстности въ Сплѣтскомъ діоцезѣ, упоминаетъ грамота Свиниміра 1083 года [2]).

Затѣмъ слѣдуютъ три сѣверныя жупы подъ управленіемъ бана (Βοάνος):

12. Жупа Κρίβασα (Kribasa, или Kriwasa, ž. Krbavska, Крькавл), кажется—на западъ отъ г. Бигача (на Унѣ), тамъ, гдѣ теперь рѣка Крбава; это—позднѣйшее графство Karbava (Corbavia); въ грамотѣ 1078 г. есть имя Corbaustuci (Корбавштица) [3]).

13. Жупа Λίτζα (Litza, ž. Lika), тамъ, гдѣ теперь рѣка того же имени и пограничный Личанскій полкъ на востокъ отъ Крбавской жупы.

14. Жупа Γουτζηκᾶ (иначе Γουτζησκᾶ, Gutzika, ž. Gadska, Гатьско) самая сѣверная, въ горной странѣ, нынѣшнее Гацко поле съ рѣкой Гацкой и Гаштицей въ окрестностяхъ г. Оточца [4]). Нѣкоторые разумѣли подъ Гуцикой селеніе Gotse, Gočevje въ нынѣшней Крайнѣ [5]), но это не вѣрно.

Кромѣ названныхъ нашимъ историкомъ жупъ, въ хорватскихъ памятникахъ XI в. есть упоминанія еще о нѣкоторыхъ другихъ [6]).

Хорватскіе города, перечисляемые Константиномъ, суть слѣдующіе:

[1]) *Lucius*: Σίδραγα postea in dioecesi Scardonen.

[2]) См. Rački, Documenta, 413.

[3]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 32.

[4]) Rački, Docum., 321.

[5]) Krčelić въ Odlomci *Рачкаго*, стр. 23, прим. 1; также *Zeuss*, 612, прим.; см. еще *Rad*, XXV, 31—52.

[6]) Rački, Odlomci, 114—115.

Νόνα, Nona, сл. Nin, Нинъ (древняя Aenona у Плинія) въ жупѣ того же имени.

Βελόγραδον, Belgradum, Bielograd, Бѣлградъ, нынѣ Biograd [1]), приморскій городъ въ жупѣ Сидрагѣ, .. юго-востокъ отъ Задра; иноземцы называютъ его неправильно Zaravecchia (Starizadar). Это была столица Хорватскихъ князей и королей, „kraljevski grad" [2]). Теперь это небольшое мѣстечко [3]).

Βελίτζειν, Belitzin, Bjeličin, Бѣличинъ. Гдѣ лежалъ этотъ городъ— достовѣрно неизвѣстно. По Люцію, это г. Belina въ окрестностяхъ Буковицы въ прежней Нинской жупѣ. Шафарикъ высказалъ предположеніе, что подъ этимъ именемъ, можетъ быть, разумѣется Белай или Билай (древн. Baloie), древній городъ въ нынѣшней турецкой Хорватіи. Рачкій сопоставляетъ его съ названіями горъ Biočić, Bjelčić, Biljane, Velić [4]).

Σκόρδονα, Skordona (рим. Scardona), Σκάρδων Страбона, сл. Skradin, Скрадинъ въ Брибирской жупѣ, на правомъ берегу р. Керки [5]).

Χλεβένα, Chlewena, Chlebna, Hlievno, Lievno, Łivno, Ливно въ жупѣ того же имени.

Στόλπον, Stolpon [6]), Stplin, у Птоломея civitas Stlupi, у Плинія жители его „Stulpini". О положеніи этого города мнѣнія ученыхъ расходятся. Нѣкоторые разумѣютъ подъ нимъ нынѣшній Слупнъ, но Шафарикъ не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ и указываетъ на какую-то гору Ступъ, положенія которой онъ впрочемъ не умѣетъ опредѣлить [7]). Рачкій сближаетъ съ Stilbiza, Stilpiza, Stlpica (въ актахъ) [8]).

Τενήν (Τνήνα), Tenin, Tinninium, сл. Knin, Книнъ въ Книнской жупѣ.

[1]) *Lucius* (l. I, c. XIII): Belgradum vel Alba maris ad differentiam tam Albae Ungaricae, quae Regalis, quam Serviae, quae Graeca dicebatur.

[2]) Rački, Odlomci etc., 108—9.

[3]) *Petter*, Dalm., II, 20—21.

[4]) Documenta, loc. cit.

[5]) *Petter*, II, 37; *Forbiger*, Handbuch der alten Geographie, III, 841 (въ Documenta *Рачкаго*).

[6]) *Lucius*, l. I, c. XIII: forsan Stulba prope Bistrizam, flumen Hliuni.

[7]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 33.

[8]) Documenta, тамъ же.

Κόρι, Kori, Corinium, Κόρινιον (у Плинія и Птоломея), нынѣ Karin, Каринъ, по всей вѣроятности—въ Нинской жупѣ (Nona), на соименномъ озерѣ.

Κλαβώκα, Klawoka (въ актахъ: ecclesia S. Petri de Clobuco, см. Documenta Рачкаго); думаютъ, что это нынѣшній Glamoč въ Хлѣванской жупѣ, въ нынѣшней Боснѣ [1]).

Безъ сомнѣнія, кромѣ этихъ городовъ были въ древней Хорватіи и многіе другіе; Константинъ привелъ только главнѣйшіе, а можетъ быть, онъ и не зналъ другихъ [2]). Столицей Хорватіи, какъ мы видѣли, былъ долгое время Бѣлградъ у моря. Также и Нинъ (Νόνα) былъ впослѣдствіи нѣкоторое время резиденціей Хорватскихъ королей (король Petar Krešimir).

II.

Обратимся теперь къ извѣстіямъ Константина, относящимся прямо къ исторической жизни Хорватскаго племени на Балканскомъ полуостровѣ.

Нельзя не сознаться, что эти свидѣтельства въ сущности весьма скудны и ничтожны для трехвѣкового періода, который они обнимаютъ. Но тѣмъ не менѣе они имѣютъ значеніе первостепеннаго и драгоцѣннѣйшаго источника древней исторіи Сербо-Хорватовъ, безъ котораго это племя знало бы очень мало о судьбахъ своихъ древнѣйшихъ предковъ. Таково значеніе этихъ свидѣтельствъ; однако критика должна идти своимъ путемъ, и ея обязанности остаются неизмѣнны, какъ ни былъ бы для насъ дорогъ разбираемый ею матеріалъ. Существованіе нѣкоторыхъ другихъ, хотя и очень скудныхъ источниковъ, преимущественно франкскихъ и венеціанскихъ [3]) лѣто-

[1]) *Lucius* (ibid.): forsan Klapaz (!) prope fontes Unae.

[2]) Изъ болѣе важныхъ мы не находимъ у Константина—Бигача (Bihač) и Шибеника (Šibenik); см. Rački, Odlomci etc., 116. Перечень древнихъ мѣстъ у *Шафарика*, II, кн. 2, 34—37,

[3]) Главные источники—франкскій лѣтописецъ *Эйнгардъ* (Einhardi annal., *Pertz*, I.) и венеціанскій *Іоаннъ Діаконъ* (Iohannis chron. venet., *Pertz*, VII). Ихъ свидѣтельства о далматинскихъСлавянахъ, вмѣстѣ съ извѣстіями Константина и др., тщательно собраны и снабжены примѣчаніями въ прекрасномъ

писей, нѣкоторыхъ другихъ документовъ и кое-какихъ отечественныхъ памятниковъ, даетъ намъ возможность иногда повѣрять и дополнять свидѣтельства Константина. Это касается особенно такъ называемаго Паннопо-Хорватскаго княжества, о которомъ Константинъ зналъ весьма немного [2]); его извѣстія почти исключительно относятся къ Далматинской (Приморской) Хорватіи.

Ради удобства, мы раздѣлимъ свидѣтельства Константина о Хорватахъ на два отдѣла: 1) до царствованія императора Василія Македонянина (867 г.); 2) съ этого императора до конца, то-есть, до половины X в., когда Константинъ писалъ свое сочиненіе.

1. Хорватія до царствованія императора Василія (867 г.).

Слѣдуя принятой нами системѣ, приведемъ сначала самыя свидѣтельства Константина, соединивъ ихъ въ одну группу, такъ какъ они изложены у него безпорядочно и разбросаны по разнымъ главамъ. Разказавъ объ изгнаніи Аваровъ Хорватами изъ Далмаціи, Константинъ продолжаетъ:

> „Хорваты имѣли въ то время княземъ отца Порги. Императоръ Ираклій, отправивъ посольство, которое привело бы изъ Рима священниковъ, и назначивъ изъ числа послѣднихъ архіепископа, епископа, пресвитеровъ и діаконовъ, крестилъ Хорватовъ. Въ то время княземъ у Хорватовъ былъ Порга..... Эти крещеные Хорваты не любятъ воевать съ другими (народами) внѣ собственной земли, такъ какъ они получили какой-то оракулъ и постановленіе отъ Римскаго папы, пославшаго въ царствованіе Ираклія священниковъ и окрестившаго ихъ; эти Хорваты послѣ своего крещенія заключили и собственноручно подписали обязательство [2]) и дали нерушимую клятву св. апостолу Петру — не вторгаться въ чужія земли, а жить мирно со всѣми желающими; а Римскій папа обѣщалъ имъ, что если другіе народы пой-

изданіи Загребской академіи подъ редакціей *Рачкаго*: Documenta Historiae Chroaticae periodum antiquam illustrantia, Zagrabiae. 1877 г. Критическая статья *Рачкаго* къ этому изданію помѣщена въ *Rad*, кн. LI, 1880, p. 140.

[1]) Историческія извѣстія объ этомъ княжествѣ изъ всѣхъ источниковъ собраны *Любичемъ*: O Posavskoj Hrvatskoj etc. *Rad*, XLIII, 1878, p. 107—148.

[2]) συνθήκας καὶ ἰδιόχειρα ἐποιήσαντο.

дутъ войною на ихъ землю, то за нихъ будетъ воевать и заступится самъ Богъ, даруя имъ побѣду черезъ Петра, ученика Христова" (с. 31, p. 148—149).

„Отъ Хорватовъ, пришедшихъ въ Далмацію, часть отдѣлилась и заняла Иллирикъ и Паннонію; они имѣли самостоятельнаго князя, посылавшаго къ князю Хорватіи посольство ради дружбы. Черезъ нѣсколько лѣтъ и жившіе въ Далмаціи Хорваты подчинились Франкамъ, какъ и прежде, когда были въ ихъ землѣ. Франки такъ жестоко поступали съ ними, что убивали грудныхъ младенцевъ и бросали ихъ псамъ. Не будучи въ состояніи переносить это, Хорваты отпали отъ нихъ, убивъ поставленныхъ ими властителей. Вслѣдствіе того изъ Франціи двинулось противъ нихъ большое войско, и послѣ семи лѣтъ войны Хорваты наконецъ съ трудомъ одолѣли, истребили всѣхъ Франковъ и убили ихъ вождя Коцилина (Κοτζίλιν). Сдѣлавшись съ тѣхъ поръ самовластны и независимы, онѣ потребовали св. крещенія отъ Римскаго папы, и вотъ были посланы епископы, которые окрестили ихъ въ правленіе Порина (ἐπὶ Πορίνου) (с. 30, p. 144—145).

„Со времени царствованія Римскаго императора Праклія какъ будетъ сказано въ повѣствованіи о Хорватахъ и Сербахъ, вся Далмація и окружающіе ее народы, какъ Хорваты, Сербы и т. д... (*были подвластны Римскому*, то-есть, Византійскому, *императору*) [1]), но когда Римская имперія, вслѣдствіе бездѣйствія и нерадѣнія въ то время царствовавшихъ, едва не зачахла, въ особенности же при Михаилѣ Косноязычномъ (Бальбѣ, τοῦ τραυλοῦ), сынѣ Аморія, жители далматинскихъ городовъ достигли самоуправленія, не будучи подчинены ни Римскому императору, ни другому кому-либо; а также и сосѣдніе народы, Хорваты, Сербы, Захлумцы, Тервуняне и проч., отпавъ отъ Римской имперіи, сдѣлались самовластны и независимы. Князей (ἄρχοντες), какъ говорятъ, эти народы не имѣютъ, кромѣ жупановъ - старшинъ (ζουπάνους γέροντας), подобно

[1]) Такое именно сказуемое, по нашему убѣжденію, должно предположить на мѣстѣ пропущеннаго въ греческомъ текстѣ, а не выраженіе „dicioni Romanae se subtraxerunt", какъ дополнилъ латинскій переводчикъ. Мы разсмотримъ этотъ вопросъ ниже.

тому, какъ это въ обычаѣ и у остальныхъ Славянъ" [1]) (c. 29, p. 128).

„Въ правленіе князя Терпиміра, отца князя Красиміра, пришелъ изъ Франціи, лежащей между Хорватіей и Венеціей, какой-то мужъ, по имени Мартинъ, въ высшей степени благочестивый, но въ свѣтской одеждѣ, про котораго сами Хорваты говорили, что онъ совершалъ много чудесъ. Этотъ благочестивый мужъ былъ слабъ и хромъ, такъ что четверо людей переносили его, куда онъ хотѣлъ. Онъ совѣтовалъ Хорватамъ до конца дней сохранять договоръ со святѣйшимъ папой, заклиная ихъ и самъ также, какъ папа. И оттого ни сагины (σαγῆναι), ни кондуры (κοντοῦραι) этихъ Хорватовъ никогда не снаряжаются на войну, развѣ когда кто-нибудь нападетъ на ихъ край. Но на такихъ судахъ ѣздятъ тѣ изъ Хорватовъ, которые посѣщаютъ торговые пункты, переходя изъ города въ городъ по Паганіи и Далматинскому заливу до самой Венеціи. Князь Хорватіи съ самаго начала, то-есть, съ царствованія императора Ираклія, былъ подчиненъ Римскому императору [2]), но Болгарскому князю—никогда. И никогда Болгаре не ходили на войну противъ Хорватовъ, исключая Болгарскаго князя Михаила-Бороса (Μιχαὴλ ὁ Βορώσης), который, предпринявъ походъ противъ нихъ, но не успѣвъ ни въ чемъ, заключилъ съ ними миръ, при чемъ обѣ стороны одарили другъ друга. И никогда Хорваты не платили дани Болгарамъ, но часто взаимно обмѣнивались подарками ради дружескаго расположенія.... Крещеная Хорватія выставляетъ 60,000 конницы и 100,000 пѣхоты, до 80 сагинъ, и до 100 кондуръ; сагины заключаютъ въ себѣ по 40 человѣкъ, кондуры же—большія по 20, а меньшія по 10.

„Всю эту силу и массу войска имѣла Хорватія до князя Красиміра. По смерти его, когда процарствовалъ 4 года сынъ его Мирославъ и былъ убитъ баномъ Прибуніей (Πριβουνία), и когда въ странѣ возникли несогласія и раздоры, то умень-

[1]) Ἄρχοντας δὲ, ὥς φασι, ταῦτα τὰ ἔθνη μὴ ἔχει, πλὴν ζουπάνους γέροντας, καθὼς καὶ αἱ λοιπαὶ Σκλαβίνιαι ἔχουσι τύπον.

[2]) Ὁ ἄρχων Χρωβατίας ἐξ ἀρχῆς, ἤγουν ἀπὸ τῆς βασιλείας Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως, δουλικῶς ἐστὶν ὑποτεταγμένος τῷ βασιλεῖ Ῥωμαίων.

шилось и количество конницы и пѣхоты, равно какъ и сагинъ и кондуръ. Теперь же Хорваты имѣютъ 30 сагинъ, большія и малыя кондуры, конницу и пѣхоту"... (с. 31, р. 149—151).

Вотъ все, что мы знаемъ изъ Константина о первыхъ двухъ вѣкахъ исторической жизни Хорватовъ въ предѣлахъ Византійской имперіи. Хотя эти свидѣтельства касаются очень немногихъ фактовъ этой жизни, однако тѣ событія, о которыхъ они упоминаютъ, такъ существенны и важны, что даютъ намъ полную возможность уяснить себѣ главнѣйшіе моменты исторіи Хорватовъ за это время, особенно если мы дополнимъ, а гдѣ нужно—тамъ и исправимъ раскрываемую нашимъ историкомъ картину еще нѣкоторыми извѣстіями, находящимися въ другихъ источникахъ и часто не лишенными значенія и интереса.

Самыя крупныя, выдающіяся событія изъ исторіи Хорватовъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ Константинъ, суть слѣдующія: 1) принятіе христіанской вѣры Хорватами (договоръ съ папой); 2) поселеніе части ихъ въ Посавской Паннопіи; 3) подчиненіе Хорватовъ власти Франковъ и освобожденіе изъ-подъ нея; 4) достиженіе ими независимости относительно Византіи; 5) какой-то внутренній и политическій переворотъ, имѣвшій слѣдствіемъ уменьшеніе ихъ территоріи, и съ этимъ вмѣстѣ, и ихъ военныхъ силъ. Къ этимъ главнымъ историческимъ фактамъ присоединяются вопросы о ихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ и о ихъ внутреннемъ политическомъ устройствѣ. Около этихъ центральныхъ пунктовъ группируются всѣ остальныя, болѣе второстепенныя показанія Константина.

Нѣкоторая запутанность въ изложеніи Константина и отсутствіе хронологическихъ указаній, какъ и въ другихъ его свидѣтельствахъ, особенно касающихся древнѣйшаго времени, были причиной того, что изслѣдователи должны были пройдти черезъ рядъ ошибокъ и заблужденій, прежде чѣмъ установился болѣе вѣрный взглядъ на дѣло, и были добыты сравнительно точные и достовѣрные выводы. Вопросы о времени крещенія Хорватовъ, о времени и продолжительности ихъ подчиненія Франкамъ представляли всего болѣе затрудненій и были предметомъ значительныхъ разногласій во мнѣніяхъ прежнихъ критиковъ.

Въ приведенныхъ свидѣтельствахъ [1]) Константинъ говоритъ дважды о крещеніи Хорватовъ. Онъ разказываетъ, вопервыхъ, о томъ, какъ Ираклій, выписавъ духовенство изъ Рима, крестилъ Хорватовъ въ правленіе князя Порги, и вовторыхъ, что Хорваты, освободившись изъ-подъ власти Франковъ, обратились къ Римскому папѣ съ просьбою прислать имъ священниковъ для крещенія, которое и было совершено въ правленіе князя Порина [2]). Въ этомъ второмъ извѣстіи время крещенія Хорватовъ опредѣляется другимъ событіемъ, время котораго также достаточно не выясняется изъ словъ Константина; слѣдовательно, естественно, что ученые, дѣлая ошибку въ одномъ изъ этихъ вопросовъ, неизбѣжно ошибались и въ другомъ. При этомъ упоминаніе князя, въ правленіе котораго совершилось это событіе, нисколько не служитъ къ разъясненію дѣла, ибо ни изъ Константина, ни изъ другихъ источниковъ мы точно не знаемъ времени этого княженія. Люцій [3]) и нѣкоторые другіе изъ прежнихъ критиковъ Константина, совершенно невѣрно относя подчиненіе Хорватовъ Франкамъ къ первому времени по ихъ поселеніи въ новыхъ жилищахъ, то-есть, еще къ VII в. [4]), смѣшивали и крещеніе ихъ по сверженіи франкскаго ига съ крещеніемъ, относимымъ Константиномъ къ царствованію Ираклія: Люцій разумѣлъ подъ этимъ послѣднимъ не того Ираклія, при которомъ Сербо-Хорваты заняли Иллирикъ, а Юстиніана II Ринотмета, называвшагося будто бы также Иракліемъ (Младшимъ) [5]). Къ его-то

[1]) Что Хорваты по своемъ переселеніи тотчасъ подчинились верховной власти Византіи,—это уже само собою слѣдуетъ изъ признанія *договора* съ Византіей, по которому Хорваты (и Сербы) заняли свои новыя земли. Впрочемъ, нашъ добросовѣстный писатель нѣсколько разъ повторяетъ о существованіи этой зависимости „съ самаго начала, со времени императора Ираклія“ (ἐξ ἀρχῆς, ἤγουν ἀπὸ τῆς βασιλείας Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως). Мы еще вернемся къ этому нѣсколько ниже.

[2]) Въ третій разъ Константинъ говоритъ, какъ мы увидимъ, о крещеніи оставшихся еще въ язычествѣ Хорватовъ и Сербовъ—при Василіи Македонянинѣ.

[3]) *Lucius*, l. I, c. XI.

[4]) Они считали это подчиненіе продолженіемъ ихъ зависимости отъ Франковъ еще въ Бѣлохорватіи. Такъ думалъ между прочимъ и *Энгель* (Dalm., 453).

[5]) О подобной же ошибкѣ см. *Шафарикъ*, II, кн. 2, 6, прим. 10.

царствованію (685—711 гг.) онъ относилъ, какъ освобожденіе Хорватовъ отъ франкскаго владычества, такъ и ихъ крещеніе. Князя Порина онъ считалъ отцомъ князя Порги [1]). Понятно, что эти предположенія Люція, ни на чемъ достовѣрномъ не основанныя, не могли удержаться въ наукѣ и были вскорѣ отвергнуты. Уже Микоци призналъ [2]), что Хорваты не были подвластны ни Франкамъ, ни вообще кому-либо до самаго Карла Великаго. Итакъ, оба извѣстія Константина о крещеніи Хорватовъ никакъ не должны быть смѣшиваемы, такъ какъ очевидно, что онъ говоритъ въ нихъ о двухъ разныхъ фактахъ, бывшихъ въ совершенно разное время. Первое крещеніе Константинъ прямо приписываетъ Ираклію, который, „отправивъ посольство, чтобы привести изъ Рима священниковъ, и назначивъ изъ числа ихъ архіепископа, епископа, пресвитеровъ и діаконовъ, крестилъ Хорватовъ". Нѣтъ, кажется, никакихъ причинъ сомнѣваться въ достовѣрности самаго событія, передаваемаго Константиномъ. Естественно, что Ираклій, допустивъ поселеніе языческаго народа на территоріи имперіи, позаботился прежде всего о его обращеніи въ христіанскую вѣру, какъ о лучшемъ средствѣ упрочить надъ нимъ свою власть и вліяніе. Такова уже была политика Византіи со всѣми варварами, селившимися въ предѣлахъ имперіи.

Другой вопросъ—на сколько привилось на этотъ разъ у Хорватовъ христіанство; безъ всякаго сомнѣнія, оно первоначально не могло быть особенно прочно, и вѣроятно, коснулось даже не всего населенія; это видно изъ того, что впослѣдствіи были не разъ возобновляемы мѣры для его распространенія. Итакъ, отрицать попытку Ираклія ввести христіанство у Славянъ тотчасъ по ихъ переселеніи, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Дюмлеръ [3]), по нашему мнѣнію, неосновательно.

Какъ же—спрашивается—произошло это первое крещеніе? По свидѣтельству Константина, для этой цѣли было вызвано духовенство

[1]) По мнѣнію *Люція*, Константинъ имѣлъ въ виду Порина, когда говоритъ въ гл. 31-й (p. 148): Εἶχον οἱ Χρωβάτοι τῷ τοῖς καιρῷ ἄρχοντα τὸν πατέρα τοῦ Ποργᾶ; ср. *Banduri*, ed. Bonn., 350.

[2]) *Mikoczi*, Ot. Cr., p. 227.

[3]) *Dümmler*, 376.

изъ Рима. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ Иллирикъ и Далмація хотя уже давно принадлежали восточной половинѣ имперіи, однако въ церковномъ отношеніи имѣли по прежнему своею метрополіей Римъ. Притомъ же въ то время (VII в.) не было еще церковнаго разрыва между Римомъ и Византіей, и востокъ былъ въ религіозномъ общеніи съ западомъ. При рѣшеніи вопроса о призваніи учителей изъ Рима, необходимо принять во вниманіе свидѣтельство архидіакона Сплѣтскаго Ѳомы, который разсказываетъ, что около того времени былъ посланъ папой легатъ Іоаннъ Равенскій, для возстановленія въ Далмаціи пострадавшей отъ варварскихъ нашествій христіанской церкви. Архіепископскій престолъ былъ перенесенъ изъ разрушенной Салоны въ Сплѣтъ (Аспалатъ), и Іоаннъ Равенскій былъ сдѣланъ первымъ архіепископомъ Сплѣтскимъ. Дюмлеръ [1]) полагаетъ, что это-то событіе и послужило основаніемъ разказу Константина о прибытіи римскихъ священниковъ въ Далмацію; намъ однако кажется, что извѣстіе Ѳомы, будучи само по себѣ вполнѣ вѣрно, вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не исключаетъ факта, о которомъ свидѣтельствуетъ нашъ историкъ. Очень возможно, что однимъ изъ поводовъ путешествія Іоанна Равенскаго въ Далмацію и было обращеніе императора Ираклія къ папѣ (Іоанну IV, 640—642 гг.) съ просьбой способствовать распространенію христіанства среди Славянъ. Папа исполнилъ желаніе императора: послалъ сначала проповѣдниковъ, а затѣмъ назначилъ архіепископа въ Сплѣтъ, подчинивъ ему и новопоставленное духовенство въ Хорватіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ Равенскій способствовалъ утвержденію христіанства у Хорватовъ [2]), но первыя сѣмена вѣры, по всей вѣроятности, были посѣяны у нихъ еще до смерти Ираклія, то-есть, между 638—641 годами.

Константинъ разказываетъ, что Хорваты по своемъ крещеніи заключили какой-то договоръ съ папой, по которому они обязывались жить въ мирѣ съ сосѣдями и не предпринимать никакой войны, за что̀ Богъ, въ случаѣ надобности, защититъ ихъ отъ враговъ черезъ св. Петра, ученика Христова [3]). Этотъ разказъ, хотя

[1]) *Dümmler*, 380.

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 8.

[3]) Хорваты и впослѣдствіи смотрѣли на св. Петра, какъ на своего патрона и защитника; см. *Dümmler*, 381; Rački, Odlomci etc., 40.

его и называютъ многіе баснословнымъ и наивнымъ [1]), все-таки имѣетъ, можетъ быть, какое-нибудь историческое основаніе и въ такомъ случаѣ характеризуетъ тогдашнія обстоятельства и отношенія.

Трудно сказать, какая именно могла быть побудительная причина подобнаго обязательства передъ папскимъ престоломъ: внушеніе ли византійской политики, какъ думаетъ Шафарикъ [2]), или желаніе самого папы обезопасить Италію отъ Хорватовъ, какъ думаютъ другіе; быть можетъ, тутъ крылась и та, и другая причина. Въ этомъ разказѣ Константина есть обстоятельство, которое обращаетъ на себя особенное вниманіе; это—то, что Хорваты скрѣпили свое условіе съ папой собственными подписями [3]). На это свидѣтельство Константина опираются нѣкоторые для доказательства древности славянскихъ письменъ; слѣдуетъ однако признать, что на немъ нельзя основывать никакихъ выводовъ, ибо совершенно невѣроятно, чтобы Хорваты въ условіи съ Римскимъ папой употребили свои *славянскія* письмена (еслибы таковыя и были), а латинскихъ они не знали. Гораздо правдоподобнѣе мнѣніе, что Хорваты возлѣ своихъ именъ, подписанныхъ чужою рукою, ставили просто какіе-нибудь значки, напримѣръ, кресты [4]).

Княземъ Хорватовъ при первомъ ихъ крещеніи, по свидѣтельству Константина, былъ Порга. Мы уже видѣли, что нѣкоторые ученые несправедливо считали его сыномъ упомянутаго Константиномъ въ другомъ мѣстѣ Порина [5]). Но, отвергая это мнѣніе, мы

[1]) *Рачкій* полагаетъ, что такая *наивная* мысль могла явиться у Константина вслѣдствіе того, что онъ у своихъ предшественниковъ не нашелъ извѣстій о войнахъ, въ которыхъ были бы замѣшаны Хорваты; см. *Rad.*, кн. LI, 1880, p. 142. Однако нашъ взглядъ на добросовѣстность Константина не позволяетъ намъ допустить, чтобъ онъ сталъ прибѣгать къ такимъ выдумкамъ для объясненія факта, который къ тому же долженъ былъ быть для него вполнѣ понятенъ при его взглядѣ на Хорватовъ VII вѣка, какъ на народъ подвластный Византіи.

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, стр. 7.

[3]) C. 31, p. 149: συνθήκας καὶ ἰδιόχειρα ἐποιήσαντο.

[4]) Мнѣніе, слышанное нами отъ покойнаго И. И. Срезневскаго (на его лекціяхъ).

[5]) Такъ думали *Люцій* и *Бандури*; *Энгель* (Dalm., 453) хотя и сомнѣвался въ такомъ родствѣ этихъ князей, все-таки ставилъ Порина ранѣе Порги.

однако не можемъ сказать ничего положительнаго о личности этого Порги [1]). Его многіе считаютъ сыномъ Клукаса, бывшаго Хорватскимъ княземъ во время утвержденія Хорватовъ въ Далмаціи [2]). Но это одна догадка, ничѣмъ не подтверждаемая.

Вскорѣ по приходѣ Хорватовъ въ Иллирикъ, часть ихъ, по словамъ Константина, отдѣлилась и заняла Посавскую Паннонію (Savia, между рѣками Дравой и Савой). О границахъ этой Хорватіи уже было нами говорено выше. Что касается времени, когда совершилось это событіе, то объ этомъ были высказаны различныя мнѣнія прежними критиками, но они особеннаго вниманія не заслуживаютъ [3]). Шафарикъ думаетъ [4]), что это отдѣленіе совершилось около 638—640 годовъ, то-есть, весьма скоро послѣ побѣды Хорватовъ надъ Аварами. Очень вѣроятно, что поселеніе Хорватовъ въ Панноніи случилось еще до перваго крещенія Хорватовъ, такъ какъ оно не могло обойтись безъ нѣкотораго сопротивленія со стороны туземцевъ (Аваровъ?), а послѣ вышеупомянутаго договора съ папой (если таковой дѣйствительно былъ) врядъ ли Хорваты стали бы завоеваніемъ расширять свою территорію. Впрочемъ утверждать этого нельзя. Отдѣлившіеся Хорваты образовали самостоятельное княжество и имѣли своего независимаго князя, который, по свидѣтельству Константина, посылалъ къ князю Далматинской Хорватіи посольство ради дружбы. Объ этомъ Паннонскомъ княжествѣ Константинъ ничего болѣе не сообщаетъ. Все, что мы знаемъ о его судьбахъ, исходитъ изъ западныхъ источниковъ.

Важнѣйшее событіе послѣ крещенія Хорватовъ, упоминаемое Константиномъ, было подчиненіе ихъ власти Франковъ. Мы уже замѣтили, что эта перемѣна не могла произойдти до Карла Великаго (то-есть, до конца VIII в.), какъ предполагали иные [5]). Такимъ

[1]) Что касается имени этого князя, то *Рачкій* предполагаетъ Ποργά, можетъ быть, вмѣсто Βοργά, или Βορκά, слав. Борька, Борика (аналог. Πορίνος вмѣсто Βορίνος—Borna); Documenta, 291.

[2]) *Mikoczi*, 357; *Шафарикъ*, II, к. 2, 6. *Любичъ* между Клукасомъ и сыномъ его Поргой ставитъ еще княземъ младшаго брата Клукаса—Хорвата (Ljubić, 9), но кажется, безъ всякаго основанія.

[3]) Разборъ ихъ см. у *Mikoczi*, 122–128.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 4.

[5]) *Люцій* (l. I, c XI и c XV) полагалъ, что Франки два раза покоряли Хорватовъ: первый разъ при королѣ Дагобертѣ (въ первой половинѣ VII в.), а второй разъ при Карлѣ Великомъ (въ концѣ VIII в.). Въ дѣйствительности было только покореніе Карломъ.

образомъ въ продолженіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ исторія Хорватовъ для насъ совершенно темна. Ни одно извѣстіе Константина не касается этого періода. Шафарикъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что Хорваты въ царствованіе слабыхъ Византійскихъ императоровъ отъ Константина II (преемника Ираклія) до Михаила II Косноязычнаго мало по малу сбросили съ себя власть Грековъ и сдѣлались вполнѣ свободными [1]). Но такое предположеніе не выдерживаетъ критики уже потому, что самое мнѣніе о полной независимости Хорватовъ въ теченіе этого продолжительнаго періода времени несправедливо. Мнѣніе это основано на неправильномъ пониманіи одного мѣста въ текстѣ Константина. Дѣло въ томъ, что въ приведенныхъ свидѣтельствахъ въ одномъ мѣстѣ есть пропускъ: недостаетъ сказуемаго у слѣдующаго предложенія: „Со времени царствованія Римскаго императора Ираклія, какъ будетъ сказано въ повѣствованіи о Хорватахъ и Сербахъ, вся Далмація и окружающіе ее народы, какъ Хорваты, Сербы и т. д...“ [2]), а затѣмъ начинается (словами τῆς δὲ τῶν Ῥωμαίων...) другое предложеніе. Латинскіе переводчики дополнили это мѣсто словами: „dicioni Romanae se subtraxerunt“, то-есть, „освободились изъ-подъ римской власти“. Этого чтенія держались и всѣ критики. Но такая конъектура кажется намъ совершенно произвольною и неосновательною. Здѣсь, очевидно, должно быть сдѣлано дополненіе, по смыслу совершенно противоположное вышеприведенному, а именно слѣдуетъ читать: съ царствованія Ираклія вся Далмація и окружающіе ее народы „*были подвластны Римскому императору*“ [3]). Такое чтеніе, съ одной стороны, какъ нельзя болѣе согласуется съ общимъ ходомъ

[1]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 8.

[2]) Cap. 29, p. 128: Ὅτι ἀπὸ τῆς βασιλείας Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως Ῥωμαίων, καθ'ὂν μέλλει τρόπον ῥηθήσεσθαι ἐν τῇ τῶν Χρωβάτων καὶ Σέρβλων συγγραφῇ, πᾶσα ἡ Δελματία καὶ τὰ περὶ αὐτὴν ἔθνη, οἷον Χρωβάτοι Σέρβλοι Ζαχλοῦμοι Τερβουνιῶται Καναλεῖται Διοκλητιανοὶ καὶ Ἀρεντανοὶ καὶ οἱ Παγανοὶ προσαγορευόμενοι... (пропускъ), τῆς δὲ τῶν Ῥωμαίων βασιλείας διὰ τὴν τῶν τότε κρατούντων νωθρότητα καὶ ἀφέλειαν εἰς τὸ μηδὲν παράπαν μικροῦ δεῖν ἐναπονευσάσης καὶ μάλιστα δὲ ἐπὶ Μιχαὴλ τοῦ ἐξ Ἀμορίου τοῦ τραυλοῦ, οἱ τὰ τῆς Δελματίας κάστρα οἰκοῦντες γεγόνασιν αὐτοκέφαλοι... etc.

[3]) То-есть: δουλικῶς εἰσὶν ὑποτεταγμένοι τῷ βασιλεῖ Ῥωμαίων.

мысли и подходитъ къ слѣдующему затѣмъ предложенію [1]), а съ другой—дѣлается совершенно понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на вставочныя слова Константина: „какъ будетъ сказано въ повѣствованіи о Хорватахъ и Сербахъ". Дѣйствительно, если мы обратимся къ главамъ 31-й и 32-й, посвященнымъ исключительно исторіи Хорватовъ и Сербовъ, то найдемъ въ нихъ слѣдующія соотвѣтствующія нашему мѣсту выраженія: въ гл. 31-й (p. 150): „Князь Хорватіи съ самаго начала, то-есть, съ царствованія императора Ираклія, былъ подвластенъ Римскому императору, но никогда не подчинялся Болгарскому князю" [2]), а въ гл. 32-й (p. 159) то же, слово въ слово, говорится и про Сербскаго князя [3]). Слѣдовательно, очевидно, эти-то мѣста своего сочиненія имѣлъ въ виду нашъ авторъ въ словахъ: καθ'ὃν μέλλει τρόπον ῥηθήσεσθαι ἐν τῇ τῶν Χρωβάτων καὶ Σέρβλων συγγραφῇ; ибо въ этихъ глазахъ нѣтъ и рѣчи объ отпаденіи Хорватовъ и Сербовъ отъ византійской власти. Итакъ, не можетъ быть, кажется, никакого сомнѣнія, — Константинъ говоритъ здѣсь о Хорватахъ и другихъ племенахъ, что съ царствованія Ираклія они были въ постоянной зависимости отъ Византіи и только впослѣдствіи, въ правленіе Михаила II Косноязычнаго и другихъ слабыхъ императоровъ, славянскія племена Далмаціи достигли значительной свободы. Такое пониманіе этого мѣста вполнѣ согласно съ основнымъ положеніемъ въ извѣстіяхъ Константина—о поселеніи Сербо-Хорватовъ въ Иллирикѣ *по договору* съ византійскимъ правительствомъ, главнымъ условіемъ котораго должно было быть, конечно, политическое подчиненіе новыхъ пришельцевъ Византіи. Такимъ образомъ, всѣ заключенія ученыхъ, выводимыя изъ первоначальнаго ложнаго возстановленія греческаго текста, теряютъ всякое значеніе и должны быть совершенно отвергнуты [4]). Надо замѣтить, что въ пользу нашего мнѣ-

[1]) Въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить безъ всякой надобности повтореніе рядомъ одной и той же мысли.

[2]) Ὅτι ὁ ἄρχων Χρωβατίας ἐξ ἀρχῆς, ἤγουν ἀπὸ τῆς βασιλείας Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως, δουλικῶς ἐστὶν ὑποτεταγμένος τῷ βασιλεῖ Ῥωμαίων, καὶ οὐδέποτε τῷ ἄρχοντι Βουλγαρίας καθυπετάγη...

[3]) Ὅτι ὁ ἄρχων Σερβλίας ἐξ ἀρχῆς, ἤγουν ἀπὸ τῆς βασιλείας Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως, δουλικῶς ἐστὶν ὑποτεταγμένος τῷ Ῥωμαίων βασιλεῖ καὶ οὐδέποτε... etc.

[4]) Сравн. *Dümmler*, 379, прим. 2.

нія говоритъ и одно показаніе архидіакона Сплѣтскаго Ѳомы. Если въ его разказахъ о нападеніяхъ Готовъ и Славянъ на гражданъ далматинскихъ городовъ (особенно Салоны) можно видѣть преданіе о поселеніи въ Далмаціи Хорватовъ и объ ихъ отношеніяхъ къ римскимъ городамъ, то для насъ имѣетъ большое значеніе слѣдующее его извѣстіе: населеніе Салоны, выведенное изъ терпѣнія своимъ ненадежнымъ положеніемъ, обратилось наконецъ съ просьбою къ Греческому императору о возвращеніи ему правъ на прежнюю землю. Императоръ вслѣдствіе того предписалъ князьямъ Готовъ и Славянъ (то-есть, Хорватовъ) не безпокоить болѣе салонскихъ гражданъ въ Спѣлтѣ, что̀ и было исполнено [1]). Ясно изъ этого, что Хорваты признавали тогда верховную власть Византіи.

Итакъ, причиной молчанія источниковъ о событіяхъ въ Хорватіи до конца VIII вѣка не могла быть независимость Хорватовъ отъ Византіи, какъ полагалъ Шафарикъ,—были какія-либо другія обстоятельства, которыя впрочемъ остаются для насъ неизвѣстными [2]). Разказъ Константина о подчиненіи Хорватовъ Франкамъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, относится ко времени Карла Великаго, а именно къ концу VIII вѣка. Константинъ ничего намъ не говоритъ о томъ, какъ совершилась эта перемѣна въ политическомъ положеніи Хорватовъ; онъ разказываетъ намъ только нѣкоторыя подробности о возмущеніи Хорватовъ противъ франкскихъ властей вслѣдствіе ихъ невѣроятной жестокости и объ освобожденіи ихъ силой оружія. Кромѣ Константина, никто болѣе не сообщаетъ этихъ подробностей, и чтобы судить о нихъ, намъ необходимо разсмотрѣть вопросъ о властвованіи Франковъ надъ Хорватами на основаніи другихъ ис-

[1]) Thomas archid., cap. X (въ концѣ): Jussio etiam ad Duces Gothorum et Sclavorum missa est, districte praecipiens, ut nullam Salonitanis civibus in Spalato degentibus molestiam irrogarent. *Accepta ergo jussione Principum non fuerunt ausi ulterius contra Spalatenses arma movere.* Tunc inter eos pace composita, coeperunt Spalatenses cum Sclavis paullatim conversari, communionum negotia exercere... etc.

[2]) *Любичъ* выражаетъ мысль, что это время было употреблено Хорватами для внутренняго устройства ихъ княжества, для развитія промышленности и торговли и т. д. Они жили въ мирѣ съ сосѣдями и все болѣе укрѣпляли и развивали свои государственныя силы; только напоръ извнѣ и гнетъ иноземцевъ заставилъ ихъ поднять оружіе. L j u b i ć, Pregled... etc., 10.

*

точниковъ [1]). Мы не будемъ систематически описывать всѣ событія, совершившіяся здѣсь со времени распространенія власти Карла Великаго на земли Паннонін и Далмаціи (791—799 гг.); исторія отношеній Франковъ къ Византіи и къ подвластнымъ ей до тѣхъ поръ народамъ сѣверо-западныхъ окраинъ имперіи подробно разобрана учеными [2]), и тотъ, кто хочетъ ближе познакомиться съ нею, можетъ обратиться къ ихъ изслѣдованіямъ. Мы же укажемъ только на нѣкоторые важные для насъ факты изъ исторіи этого франкскаго господства и коснемся тѣхъ только вопросовъ, которые имѣютъ прямое отношеніе къ свидѣтельствамъ Константина.

Точно опредѣлить время подчиненія Хорватовъ, какъ Паннонскихъ, такъ и Далматинскихъ, власти Франковъ, рѣшительно не возможно. Въ 774 г., какъ извѣстно, Карлъ Великій разрушилъ Лангобардское королевство, и съ этой минуты начинается рядъ его успѣховъ на границахъ Византійской имперіи, въ земляхъ Аваровъ и Южныхъ Славянъ. Признаніе его власти Паннонскими и Далматинскими Хорватами должно было совершиться между 774 и 799 гг., когда погибъ маркграфъ Фріульскій Эрикъ въ войнѣ съ Хорватами [3]); но когда именно было это подчиненіе—сказать трудно; полагаютъ, что въ 791 г., во время похода сына Карла, Пипина, противъ Аваровъ. Власть Франковъ простиралась тогда на востокѣ, кажется, до средняго Дуная; въ Сремѣ (Sirmium) была въ то же время поставлена франкская пограничная стража, отчего этотъ уголъ Паннонін и получилъ у Византійцевъ названіе Francochorion [4]). Хорваты были подчинены маркграфамъ Фріуля (Фурляніи) и Истріи; они сохранили своихъ князей, и обязанности ихъ состояли, вѣроятно, въ признаніи верховной власти Франковъ и въ уплатѣ годичной дани [5]). Между тѣмъ могущество Франковъ не переставало рости, и вотъ въ началѣ IX вѣка далматинскіе го-

[1]) Объ отношеніяхъ Франковъ къ южнымъ Славянамъ всего болѣе сообщаетъ франкскій лѣтописецъ Эйнгардъ. (Einhardi annal., *Pertz*, I).

[2]) *Lucius*, De r. D. et. Cr. LI, c XV; *Mikoczi*, Ot. Cr., 224—283; *Шафарикъ*, Слав. Др., II, кн. 2, 8—15; *Dümmler*, 382—395; Rački, Odlomci etc., 20—24.

[3]) Такъ опредѣляетъ время этого событія уже *Микоци*, Ot. Cr., 228—230.

[4]) Тамъ нынѣ есть мѣстечко Franca-villa, см. *Шафарикъ*, II, кн. 2, 10, прим. 18.

[5]) Срв. Rački, Odlomci, 22; *Dümmler*, 385.

рода добровольно отдаются подъ покровительство Карла Великаго (805—806 гг.); но этотъ ударъ былъ уже слишкомъ чувствителенъ для Византіи; она давно съ негодованіемъ и страхомъ смотрѣла на расширявшуюся власть Франковъ, не будучи въ силахъ ей противодѣйствовать [1]). Теперь императоръ Никифоръ послалъ флотъ подъ начальствомъ патриція Никиты для возстановленія византійской власти въ Далмаціи; послѣ продолжительныхъ переговоровъ и столкновеній между враждебными сторонами смерть короля Пипина въ 810 г. положила конецъ неопредѣленнымъ отношеніямъ; былъ заключенъ сначала договоръ, а затѣмъ (въ 812 г.) формальный миръ съ Византіей, по которому Карлъ уступалъ Венецію и далматинскіе города Грекамъ, но разумѣется, оставлялъ за собою Хорватію [2]). Послѣ смерти Карла, при его слабомъ преемникѣ Людовикѣ Благочестивомъ, дѣла нѣсколько измѣнились. Намѣстники императора дѣйствовали совершенно произвольно и притѣсняли новыхъ славянскихъ подданныхъ Франкской державы. Особенною жестокостью отличался маркграфъ Фріульскій Кадолахъ. Угнетаемые долго терпѣли, но наконецъ рѣшились принять мѣры, и Людевитъ, великій жупанъ Посавскихъ Хорватовъ, въ 818 г. жаловался Людовику на Кадолаха; но жалоба эта осталась безъ послѣдствій, и Людевитъ рѣшился открыто возстать, чтобы силой освободить свой народъ отъ нестерпимаго гнета иноземцевъ: тутъ начинается знаменитая геройская борьба этого князя съ ненавистными Франками, которая, по замѣчанію Рачкаго [3]), могла окончиться полнымъ торжествомъ славянства и основаніемъ единой юго-славянской державы отъ верховьевъ Дравы и Сочи до Бояны, еслибы присоединились къ возстанію и Далматинскіе Хорваты. Но, къ сожалѣнію, вѣчная рознь и взаимная вражда, этотъ коренной недостатокъ Славянъ, проявился и при этомъ случаѣ.... Князь Далматинской Хорватіи Борна открыто сталъ на сторону враговъ Посавскаго князя. Упорная борьба продолжалась до 822 г. Людевитъ съ сво-

[1]) Въ 803 г. былъ заключенъ Карломъ миръ съ Византіей, по которому Хорватія оставалась за Карломъ.

[2]) Rački, Documenta, 311—315; *Dümmler*, 386—387. Срвн. *Дриновъ*, Южн. Славяне и Византія въ X в. (*Чтенія въ Общ. Ист. и Др.*, 1875, кн. 3, 36).

[3]) Rački, Odlomci etc., 24.

ими сравнительно малыми средствами не могъ устоять и принужденъ былъ бѣжать къ Сербамъ, а оттуда въ Далмацію, гдѣ въ 823 г. былъ предательски убитъ Лютомысломъ, дядей ранѣе умершаго Борны. Такимъ образомъ съ помощью Далматинскихъ Хорватовъ было подавлено возстаніе Паннонскихъ, и Франки, кажется, вновь утвердились въ ихъ землѣ; впрочемъ восточною частью края, лежащаго между Дравой и Савой, то-есть, именно большею частью Посавской Хорватіи овладѣли на время Болгары (около 827 г.). Вотъ въ главныхъ чертахъ все, что̀ мы знаемъ о господствѣ Франковъ надъ Хорватами — по извѣстіямъ франкскихъ лѣтописцевъ. Возвратимся къ свидѣтельствамъ Константина.

Онъ разказываетъ, что Хорваты (Далматинскіе), вынужденные возстать вслѣдствіе ужасной жестокости Франковъ [1]), умертвили правителей, поставленныхъ послѣдними. Затѣмъ, когда выступило противъ нихъ большое войско, они вели упорную войну въ теченіе семи лѣтъ, наконецъ одержали побѣду и даже лишили жизни франкскаго предводителя Коцилина. Сдѣлавшись независимыми, Хорваты тотчасъ же просили пастырей изъ Рима для крещенія, и прибывшіе епископы крестили ихъ въ правленіе князя Порина.

Если принимать вмѣстѣ съ новѣйшими учеными, что подъ Пориномъ Константина надо разумѣть Борну [2]) (а это во всякомъ случаѣ довольно правдоподобно), то становится очевиднымъ противорѣчіе разказа Константина съ тѣмъ, что̀ мы знаемъ о князѣ Борнѣ, бывшемъ на сторонѣ Франковъ и умершемъ еще въ 821 году. Шафарикъ [3]) не отожествлялъ этихъ князей и помѣщалъ княженіе Порина въ 825—830 гг., но и это опредѣленіе не имѣетъ достаточныхъ основаній. Мы не беремся рѣшить, чье мнѣніе справедливѣе, но должны признаться, что вообще разказъ Константина, не только не под-

1) „Франки", говоритъ Константинъ,—„до того жестоко поступали съ ними, что убивали даже грудныхъ младенцевъ и бросали ихъ псамъ". Cap. 30, p. 144.

2) Настоящая форма этого имени, по мнѣнію Гильфердинга, была Боренъ; она нѣсколько искажена Константиномъ въ формѣ Поринъ (Πορίνος). *Гильфердингъ*, Письма, I, 42, прим.—Πορίνος вмѣсто Βορίνος, то-есть, Борина, Borena, Borin, Borna. *Новаковичъ*, Српски споменици, стр. 45; *Miklosich*, Die Bildung der Slav. Personalnamen, Nr. 37; Documenta, Rački, 291.

3) *Шафарикъ* II, кн. 2, 14.

твердаемый никакими другими извѣстіями, но даже противорѣчащій нѣкоторымъ изъ нихъ, возбуждаетъ сомнѣнія, особенно относительно подробностей войны Хорватовъ съ Франками. За достовѣрное въ этомъ разказѣ должны быть принимаемы только причины возстанія, то-есть, непомѣрная жестокость Франковъ, и затѣмъ вторичное крещеніе Хорватовъ призваннымъ изъ Рима священствомъ. Первый изъ этихъ фактовъ [1]) станетъ для насъ совершенно понятнымъ, если мы вспомнимъ, какъ Нѣмцы вообще обращались со своими славянскими подданными, не только здѣсь, но и на сѣверѣ [2]), и что возстаніе Людевита было вызвано единственно жестокостью франкскихъ намѣстниковъ; естественно, что послѣ подавленія этого возстанія, ненависть и чувство мести побуждали Франковъ къ еще болѣе жестокому обращенію со Славянами не только въ Посавской Хорватіи, но и въ сосѣднихъ областяхъ. Эти-то притѣсненія, вѣроятно, вскорѣ по смерти Людевита вызвали возстаніе и у Далматинскихъ Хорватовъ, по свидѣтельству Константина—окончившееся для нихъ успѣшно; но когда именно оно началось, когда кончилось, какими обстоятельствами сопровождалось,—это покрыто для насъ непроницаемымъ мракомъ.

Многіе изслѣдователи утверждаютъ [3]), что въ это время не было никакого освобожденія Хорватовъ отъ франкской власти, а что оно произошло только спустя полстолѣтія; по ихъ мнѣнію, Константинъ смѣшалъ здѣсь Далматинскихъ Хорватовъ съ Паннонскими. Нельзя не признать, что это утвержденіе имѣетъ нѣкоторую долю вѣроятности въ виду того, что—какъ мы увидимъ ниже—еще въ 852 и 871 гг. есть признаки верховной власти Франковъ надъ Далматинскими Хорватами; но вопросъ этотъ на столько теменъ и запутанъ, что никакого рѣшительнаго заключенія, кажется намъ, произнести нельзя [4]).

[1]) Можно допустить, что у Константина онъ изображенъ, можетъ быть, въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ.

[2]) Франки вообще были извѣстны своими жестокостями и въ другихъ странахъ. *Шафарикъ*, II, кн. 2, 14, прим. 27.

[3]) *Dümmler*, 391; то же утверждаетъ *Краузе*, Res Slavorum etc., 51 и L j u b i ć' O Posav. Hrv., *Rad*, XLIII, 120—21.

[4]) Г. *Дриновъ* (Южн. Слав. и Византія, стр. 38) и здѣсь, какъ вездѣ, высказывается слишкомъ рѣшительно и рѣзко противъ свидѣтельства Константина.

По поводу имени Коцилина было сдѣлано нѣсколько догадокъ [1]), но всѣ онѣ остаются пока только догадками; всего правдоподобнѣе сближеніе Коцилина (Κοτζίλιν, можетъ быть, вмѣсто Κοδίλιν) съ Кадолахомъ (Cadolach, Cadolaus) [2]).

Въ борьбѣ Хорватовъ съ Франками должно быть отмѣчено еще одно обстоятельство, заслуживающее вниманія изслѣдователей. Мы разумѣемъ ту роль, которую играла Византія въ этомъ славянскомъ возстаніи. Многое убѣждаетъ насъ въ томъ, что Греки, будучи непримиримыми врагами Франкской монархіи, не только сочувствовали предпріятію Хорватовъ, но даже, побуждаемые своими собственными интересами, разными путями участвовали въ немъ и помогали Хорватамъ одолѣть общаго врага. Несомнѣннымъ доказательствомъ этого факта служитъ эпизодъ изъ исторіи возстанія Людевита [3]). Разказываютъ, что патріархъ Града, Фортунатъ (Fortunatus), помогалъ Людевиту при построеніи крѣпостей. Обвиненный въ этомъ беззаконномъ поступкѣ передъ Франкскимъ императоромъ, онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Какъ будто исполняя приказъ явиться къ императору, онъ отправился въ Истрію, а оттуда бѣжалъ въ городъ Задръ, гдѣ прямо обратился къ греческому префекту. Послѣдній немедленно препроводилъ его въ Константинополь, гдѣ онъ и оставался до окончанія войны [4]). Очевидно, слѣдовательно, Византія держала сторону Хорватовъ. Все, что разказываетъ Константинъ о событіяхъ этого времени, нисколько не противорѣчитъ этому положенію.

Второй достовѣрный фактъ, сообщаемый Константиномъ, есть обращеніе Хорватовъ въ Римъ по достиженіи независимости, съ просьбою прислать вторично священниковъ, которые крестили бы ихъ. Этотъ поступокъ Хорватовъ не заключаетъ въ себѣ ничего неестественнаго [5]). Сознавая пользу христіанства и выгоду союза

[1]) *Шафарикъ* (II, кн. 2, 14) сближаетъ Коцилина съ какимъ-то Госилиномъ, обезглавленнымъ въ 834 г. по повелѣнію императора, *Микоци* (Ot. Cr.) 274)—съ Salacho Comes, и т. д.

[2]) *Dümmler*, 391, пр. 4; Rački, Docum., p. 329.

[3]) Намъ сообщаетъ о немъ Эйнгардъ въ своихъ Анналахъ подъ 821 г.

[4]) Срвн. *Dümmler*, 390.

[5]) *Дюмлеръ*, 392, подобно *Дринову*, смотрящій вообще, по нашему мнѣнію, уже слишкомъ недовѣрчиво на свидѣтельства нашего историка, также не отрицаетъ этого вторичнаго крещенія.

съ папой [1]), они хотѣли скорѣе возстановить и то, и другое, такъ какъ смутное время борьбы съ Франками заставило забыть и о христіанствѣ, еще не успѣвшемъ пустить корни въ массѣ народа, и о заключенномъ когда-то договорѣ съ папой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обращеніемъ къ Римской церкви нисколько не нарушались еще продолжавшіяся дружественныя отношенія между Хорватами и Византіей. Первая попытка распространенія христіанства у Иллирскихъ Славянъ была произведена тѣмъ же римскимъ духовенствомъ по распоряженію самого Византійскаго императора. Церковнаго разрыва между восточною и западною церквами тогда еще не было, и Хорваты могли, по прежнему примѣру, не боясь возбудить неудовольствіе Византіи, обратиться къ Римскому папѣ. Впрочемъ надо замѣтить, что въ то время Византія уже начинала терять свое вліяніе и авторитетъ у Иллирскихъ Славянъ и Далматинцевъ.

Какъ мы видѣли, Константинъ—если вѣрно понимать его свидѣтельство—относитъ достиженіе Хорватами независимости и свободы по отношенію къ Византійской имперіи особенно ко времени царствованія слабаго императора Михаила II Косноязычнаго (820—829 гг.), а также ближайшихъ его преемниковъ; однако справедливѣе, кажется, относить окончательное отпаденіе Далматинскихъ племенъ отъ Византіи не къ Михаилу II, а къ Михаилу III (842—867 гг.) [2]). Критики, отвергающіе освобожденіе Хорватовъ изъ-подъ власти Франковъ, какъ его передаетъ Константинъ, само собою находятся въ необходимости отвергать [3]) и это свидѣтельство нашего писателя о постепенномъ освобожденіи Хорватовъ отъ византійской верховной власти, ибо не могли же эти послѣдніе въ одно и то же время находиться въ подчиненіи у Франковъ и пріобрѣтать независимость по отношеніи къ Византіи! Этотъ вопросъ, какъ мы замѣтили выше, такъ запутанъ и неясенъ, что прійдти къ какому-либо рѣшительному выводу въ высшей степени трудно. На основаніи свидѣтельствъ Константина можно себѣ представить дѣло такимъ образомъ: до Карла Великаго Хорваты вполнѣ признавали верховную

[1]) *Шафарикъ* II, и 2, 14—15.

[2]) Продолжатель Ѳеофана также относитъ его къ царствованію Михаила II., но „Жизнеописаніе Василія" въ этомъ случаѣ даетъ болѣе вѣрное показаніе. См. *Hirsch*, Byzantin. Studien, Leipzig, 1876, S. 198—199.

[3]) *Dümmler*, 390; *Дриновъ*, Южные Славяне и Византія въ X в., стр. 36.

власть Византіи; въ концѣ VIII вѣка они подпали подъ власть Франковъ, и такое зависимое положеніе продолжалось до ихъ возмущенія, бывшаго приблизительно около 825 г.; тутъ они освободились изъ-подъ иноземнаго гнета. Мы видѣли, что Византія сочувствовала ихъ возстанію, и можетъ быть, даже помогала имъ, что̀ совершенно естественно, ибо Франки, подчинивъ Хорватовъ, захватили цѣлую греческую область, издавна принадлежавшую Римской (то-есть, Восточной) имперіи. Свергнувъ (при нѣкоторомъ содѣйствіи Византіи) иго Франковъ, Хорваты, очевидно, возвращались въ прежнее свое положеніе, зависимое отъ Византіи. Но именно въ то время Византія менѣе чѣмъ когда-либо могла поддержать прежній авторитетъ у своихъ славянскихъ подданныхъ. Императоры того времени до самаго Василія Македонянина отличались, по выраженію самого Константина, „бездѣйствіемъ и нерадѣніемъ“ [1]). Понятно, что такое безсиліе имперіи было причиною того, что Хорваты и другіе Славяне, а также и далматинскіе города, стали мало по малу добиваться самостоятельности. Таково могло быть положеніе Хорватовъ въ половинѣ IX вѣка, если вѣрить Константину [2]). Однако, съ другой стороны, какъ мы выше упомянули, есть данныя, которыя дѣйствительно не могутъ не обратить на себя вниманія, и которыя казались многимъ столь убѣдительными, что заставляли ихъ безусловно отвергать извѣстіе нашего автора. Дѣло въ томъ, что до 871 г. [3]) есть признаки властвованія Франковъ въ Хорватіи: вопервыхъ, указываютъ на грамоту князя Тернаміра (852 г.), которая начинается словами: „Regnante in Italia piissimo Lothareo Francorum rege“ [4]); вовторыхъ, въ письмѣ Людовика II къ императору Василію Македонянину (871 г.) по поводу опустошеній произведенныхъ византійскимъ полководцемъ въ земляхъ примор-

[1]) διὰ τὴν τῶν τότε κρατούντων νωθρότητα καὶ ἀφέλειαν.

[2]) Такъ приблизительно понималъ эти отношенія и *Шафарикъ* II, кн. 2, 14 — 17.

[3]) *Mikoczi*, Ot. Cr., 279.

[4]) *Farlati*, Illiricum Sacrum, III, 51. Г. *Дриновъ* считаетъ это мѣсто „блистательнымъ опроверженіемъ“ разказа Константина. (Южн. Слав. и Византія, 38). Нѣкоторые однако находятъ возможнымъ объяснять его только покровительствомъ, которое оказывалъ король Франкскій Далматинскимъ Хорватамъ, *Mikoczi*, ibid., 281.

скихъ Сербовъ (Неречанъ), Людовикъ говоритъ объ этихъ опустошеніяхъ, употребляя выраженіе „Sclavenia nostra“ [1]). Наконецъ, втретьихъ, указываютъ, что славянская помощь изъ Далмаціи для отнятія города Бара у Сарацинъ явилась по приказу Людовика II, а не императора Василія (какъ будто бы ошибочно думалъ Константинъ) [2]). Вотъ главнѣйшіе факты, противорѣчащіе свидѣтельствамъ Константина. Впрочемъ послѣдній изъ нихъ, какъ мы покажемъ ниже, не можетъ считаться достовѣрнымъ; остаются другіе два. Мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что они безусловно опровергаютъ свидѣтельство Константина о сверженіи Хорватами франкскаго ига около 825 г., но ничто не мѣшаетъ намъ признать, что эти Далматинскіе Славяне могли позже, особенно съ половины IX в., когда они стали совершенно свободны по отношенію къ Византіи, признавать нѣкотораго рода верховное покровительство со стороны короля Франковъ [3]). Оттого и грамота Терпиміра могла быть означена временемъ царствованія Лотаря; въ этомъ смыслѣ и Людовикъ II могъ употребить выраженія „Sclavenia nostra“. Впрочемъ окончательно рѣшить этотъ вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ при существующихъ данныхъ не представляется возможности.

Обратимся теперь къ остальнымъ извѣстіямъ Константина, касающимся этого періода времени.

Отъ Порина (Борны?) до Терпиміра Константинъ не называетъ ни одного князя. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ это время Хорватскими князьями были: Ладиславъ (821 г.) [4]), при коемъ, какъ думаютъ, начались тѣ страшныя жестокости Франковъ, о которыхъ говоритъ Константинъ [5]), и которыя вызвали возстаніе Далматинскихъ Хорватовъ, и затѣмъ Миславъ (Mislavus, около 839 г.) [6]). Пре-

1) *Dümmler*, 402, прим. 1.

2) Cap. 29, p. 131: οὗτοι γὰρ πάντες βασιλικῇ κελεύσει παρῆσαν.

3) Срв. Rački, Odlomci etc., 24.

4) Ladasclavus—то же, что Владиславъ, см. *Шафарикъ*, II, кн. 2, 13, (прим. 24).

5) *Шафарикъ*, тамъ же. Ljubić,. Pregl., 12. Любичъ не отожествляетъ Борну съ Порипомъ и считаетъ послѣдняго преемникомъ Ладислава.

6) Иначе Моиславъ, у Дандула Muysclavus. Кажется, при этомъ князѣ, именно въ 840 г., Сарацины взяли въ Далмаціи города: Будву, Росу и Которъ; объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

емникомъ [1]) его былъ извѣстный и изъ Константина Терпиміръ (Tirpimirus). Онъ далъ въ 852 г. грамоту Сплѣтской церкви, древнѣйшій до насъ дошедшій хорватскій памятникъ (на латинскомъ языкѣ). При Терпимірѣ, по разказу нашего историка, пришелъ „изъ Франціи, лежащей между Хорватіей и Венеціей", то-есть, изъ Истріи или Хорутаніи, благочестивый мужъ Мартинъ, совершавшій много чудесъ, но „хромой и слабый, такъ что его носили четыре человѣка"; онъ утвердилъ Хорватовъ въ христіанской вѣрѣ и въ договорѣ, заключенномъ или когда-то съ папой. „Вслѣдствіе того", продолжаетъ Константинъ,—„ни сагины, ни кондуры [2]) Хорватовъ никогда не снаряжаются на войну, развѣ когда кто-нибудь первый нападетъ на Хорватію. Но на такихъ судахъ ѣздятъ тѣ изъ Хорватовъ, которые посѣщаютъ торговые пункты, переходя изъ города въ городъ по землѣ Пагановъ и Далматинскому заливу [3]) до самой Венеціи".

Однако, если мы и не видимъ, чтобы Хорваты вели съ кѣмълибо наступательную войну, то конечно, причиной ихъ мирнаго настроенія уже не могло быть въ то время какое-либо обязательство передъ папой, а скорѣе вообще ихъ миролюбивый характеръ и отсутствіе повода ссориться съ сосѣдями.

Извѣстіе о мореходствѣ Хорватовъ съ торговыми цѣлями доказываетъ намъ, что ихъ промышленность и внѣшняя торговля достигли уже въ ту пору значительной степени развитія [4]). Вообще въ правленіе князя Терпиміра Хорватія, кажется, находилась на вершинѣ своего могущества и блеска [5]). Тогда, вѣроятно, она расширила свои владѣнія на востокъ присоединеніемъ *Босны* [6]);

[1]) *Любичъ*, 13, между Миславомъ и Терпиміромъ ставитъ еще Людевита (?).

[2]) *Бандури*, Animadv., ed. Bonn., 351.

[3]) Адріатическое море, см. *Бандури*, ibid.

[4]) Мореплаваніе вообще съ давнихъ поръ процвѣтало по берегамъ Далмаціи, богатой удобными природными портами. Хорваты должны были застать его уже достаточно развитымъ. Срвн. объ этомъ ст. *В. Богишича:* Мѣстныя названія славянскихъ предѣловъ Адріатики, въ *Запискахъ Имп. Р. Геогр. Общ. по отд. этнографіи*, т. III, 1873 стр. 150, 151.

[5]) Срв. Ljubić, Pregl., 13—14.

[6]) Это предположеніе подтверждается показаніемъ Дуклянскаго пресвитера (Regnum Slavorum, c. XXIII), приписывающаго присоединеніе Босны стар-

тогда именно, по свидѣтельству самого Константина, ея силы на сушѣ и на морѣ достигли наибольшихъ размѣровъ; эти силы состояли изъ 60.000 конницы, 100.000 пѣхоты, 80 сагинъ (по 40 чч.) и 100 кондуръ (по 10 и 20 чч.). Такъ продолжалось до князя Кресиміра, сына и наслѣдника Терпимірова [1]).

По его смерти, какъ сообщаетъ намъ тотъ же Константинъ, положеніе вещей быстро измѣнилось къ худшему. Что̀ же было причиной этой перемѣны? На этотъ вопросъ отчасти отвѣчаетъ самъ Константинъ, говоря, что „по смерти Красиміра, когда процарствовалъ четыре года сынъ его Мирославъ [2]) и былъ убитъ баномъ Прибуніей (Πριβουνία), и когда возникли въ странѣ несогласія и раздоры, уменьшилось и количество конницы и пѣхоты, равно какъ и сагинъ и кондуръ. Теперь же Хорватія имѣетъ 30 сагинъ, большія и малыя кондуры, конницу и пѣхоту"... [3]) По числу 30 сагинъ уже видно, какъ незначительны должны были быть военныя силы Хорватовъ при Константинѣ (въ X в.) сравнительно съ прежнимъ; но конечно, такое ослабленіе могущества Хорватовъ произошло не сразу, а постепенно, въ теченіе цѣлаго столѣтія. Изъ свидѣтельствъ Константина видно, что онъ приписывалъ это явленіе внутреннему перевороту, совершившемуся по смерти Кресиміра. Переворотъ этотъ состоялъ въ томъ, что сынъ Кресиміра, Мирославъ, послѣ четырехлѣтняго правленія былъ умерщвленъ баномъ Прибуніей. Это злодѣяніе повело за собою, вѣроятно, цѣлый рядъ волненій и междоусобій, которыя дѣйствительно могли причинить значительный разгромъ

шему Кресиміру (преемнику Терпиміра). Существуетъ также предположеніе что Далматинская Хорватія составляла въ то время одно съ Посавскою (*Mikoczi*, 283; Rački, *Rad*, XVII, 85), но оно не имѣетъ основанія, какъ показалъ *Любичъ* (O Posav. Hrv., *Rad*, XLIII, 136, 137, и д.). Надо имѣть въ виду, что по крайней мѣрѣ восточною частью послѣдней (Сремомъ), кажется, владѣли тогда Болгары. Срвн. *Дриновъ*, Южн. Слав. и Византія, стр. 38—39.

[1]) Объ отнесеніи г. *Дриновымъ* этого свидѣтельства Константина о силахъ Хорватовъ и княженія Кресиміра, Мирослава и Прибуніи къ первой половинѣ X в. поговоримъ ниже.

[2]) *Banduri*, ed. Bonn., 352—353.

[3]) Неопредѣленность послѣдняго предложенія очевидно показываетъ, что тутъ долженъ быть пропускъ: числовыхъ данныхъ недостаетъ. По всей вѣроятности, Константинъ не имѣлъ ихъ подъ рукой, когда писалъ эти строки.

и упадокъ государственныхъ силъ страны; но этого мало: не безъ основанія находятъ новѣйшіе ученые [1]), что кромѣ этой причины для объясненія ослабленія Хорватіи необходимо предположить и другую, еще болѣе существенную, то-есть, какую нибудь важную территоріальную потерю вслѣдствіе неудачной войны [2]). Слѣдовательно, весь вопросъ сводится къ тому, воевали ли Хорваты съ кѣмъ-нибудь около этого времени, и если воевали, то каковъ былъ результатъ этой войны, должны ли были Хорваты дѣйствительно уступить непріятелю часть своей земли?

Объ отношеніяхъ Хорватовъ къ сосѣдямъ, то-есть, главнымъ образомъ къ Сербамъ и Болгарамъ, до половины IX вѣка мы почти ничего не знаемъ. Первое свидѣтельство Константина по этому вопросу относится ко времени Болгарскаго князя Михаила-Бориса (844—889 гг.). Говоря о зависимости Болгарскаго князя [3]) отъ Византіи, Константинъ считаетъ нужнымъ прибавить, что Болгарскому князю онъ (то-есть, Хорватскій князь) не былъ никогда подчиненъ [4]); затѣмъ Константинъ продолжаетъ: „Никогда Болгаре не вели войны съ Хорватами, исключая князя Михаила-Бороса (Бориса) [5]), который, предпринявъ походъ противъ нихъ, но, не успѣвъ ни въ чемъ, заключилъ съ ними миръ, при чемъ обѣ стороны одарили другъ друга. И никогда Хорваты не платили дани Болгарамъ, но часто обмѣнивались подарками ради дружбы“. Не имѣя никакихъ указаній о времени этой войны, мы и не можемъ его точно опредѣлить. Весьма возможно, что она относится къ

[1]) *Dümmler*, 373; Rački, Odlomci, 24.

[2]) Одни внутреннія неустройства могли причинить только временное безсиліе, и по возстановленіи порядка должны были бы возвратиться княжеству и прежнія силы, а этого не было.

[3]) Въ другомъ мѣстѣ читаемъ то же самое относительно Сербскаго князя.

[4]) Изъ этого мѣста выясняется, между прочимъ, взглядъ Константина на Болгарію, доказывающій степень могущества этого государства въ его время, а также то, что Византія признавала за собою какъ бы *историческія* права на Далматинскихъ Славянъ, совершенно отрицая подобныя права у Болгаръ. Г. Дриновъ, дѣлающій это замѣчаніе, упускаетъ изъ виду, что оно прямо говоритъ противъ него, то-есть, въ пользу вѣрности извѣстій Константина о способѣ поселенія Сербовъ и Хорватовъ въ Далмаціи, которыя г. Дриновъ такъ рѣшительно отвергаетъ (Южн. Сл. и Виз., стр. 47).

[5]) См. *Banduri*, Animadv., ed. Bonn., 351.

началу второй половины IX вѣка, то-есть, именно ко времени внутреннихъ смутъ въ Хорватіи, начавшихся вскорѣ послѣ смерти Терпиміра [1]). Вѣроятно, Болгарскій князь хотѣлъ воспользоваться неурядицей у Хорватовъ, чтобы на ихъ счетъ расширить свои владѣнія. По свидѣтельству Константина, Борисъ не имѣлъ успѣха, такъ что состоялся миръ, при чемъ обѣ стороны обмѣнялись подарками. Итакъ, эта война, по видимому, не имѣла въ результатѣ никакой территоріальной уступки со стороны Хорватовъ. Однако новѣйшіе ученые, какъ мы видѣли, довольно основательно искавшіе причину ослабленія Хорватіи въ стѣсненіи ея границъ, какъ слѣдствіи неудачной войны, не остановились передъ этимъ затрудненіемъ. Дѣло въ томъ, что древнюю область Босну (между рр. Вербасомъ и Дриной), какъ было уже говорено, слѣдуетъ считать пріобрѣтеніемъ Хорватовъ въ эпоху ихъ могущества, а между тѣмъ впослѣдствіи (въ концѣ IX вѣка) Босна оказывается частью Сербіи. Такая перемѣна, очевидно, заставляетъ предположить отвоеваніе этой страны у Хорватовъ. На этомъ основаніи Дюмлеръ предполагаетъ [2]), что Босна была отнята у нихъ Болгарами именно въ вышеупомянутую войну, предпринятую Борисомъ, и что извѣстіе Константина о неудачѣ послѣдняго несправедливо, будучи почерпнуто изъ хорватскаго источника [3]). Впослѣдствіи Босна окончательно досталась Сербамъ послѣ войны съ ними того же Болгарскаго князя Бориса. Приблизительно того же мнѣнія держится и Рачкій. Онъ полагаетъ, что или Босна была уступлена Хорватами Борису [4]), у котораго въ свою очередь отняли ее Сербы, или же—что Сербы, вмѣстѣ съ побѣдою надъ Болгарами, завоевали Босну именно въ то время, когда

[1]) *Любичъ* (Pregled, 14) относитъ эту войну къ княженію Терпиміра; но неправдоподобно, чтобы Болгаре рѣшились воевать съ Хорватами именно во время наибольшаго могущества послѣднихъ.

[2]) *Dümmler*, 397.

[3]) „Можетъ быть", говоритъ *Дюмлеръ* (тамъ же),—„національное чувство Хорватовъ, разказывавшихъ эти событія Константину, не позволяло имъ открыто признать завоеваніе, вслѣдствіе котораго они съ тѣхъ поръ должны были довольствоваться одною береговою страной".

[4]) Rački, Odlomci, 25—26. Онъ указываетъ на слова Константина: muneribus datis et acceptis pacem fecit.

въ Хорватіи господствовали внутреннія междоусобія. Слѣдовательно, по мнѣнію обоихъ названныхъ ученыхъ, причина упомянутаго Константиномъ поразительнаго уменьшенія военныхъ средствъ Хорватовъ со времени правленія князя Креcиміра заключалась главнымъ образомъ въ потерѣ Хорватами Босны, отнятой у нихъ либо Болгарами (при Борисѣ), либо Сербами, во время войны этихъ послѣднихъ съ тѣмъ же княземъ Борисомъ.

Хотя эти предположенія и не подтверждаются положительными свидѣтельствами, нельзя однако не признать за ними большой доли вѣроятности [1]). Въ пользу предположенія о завоеваніи Босны Болгарами говоритъ между прочимъ и то обстоятельство, что Болгаре, владѣвшіе тогда, какъ выше было замѣчено, землей между Дравой, Савой и Дунаемъ, то-есть, Сремомъ, могли воевать съ Хорватами только въ этой сторонѣ, то-есть, именно въ Боснѣ, ибо на югѣ ихъ раздѣляла Сербія [2]). Такъ рѣшается обыкновенно вопросъ о причинѣ перемѣны, совершившейся въ политическомъ положеніи Хорватіи въ половинѣ IX вѣка, и объяснить эту перемѣну другимъ путемъ, кажется, не возможно. Что касается названныхъ Константиномъ князей, преемниковъ Терпиміра [3]), то надо замѣтить, что изслѣдователи (Люцій, Микоци и др.) долгое время относили ихъ къ началу X вѣка, помѣщая ихъ между князьями Мутиміромъ и Томиславомъ, то-есть, приблизительно отъ 900 до 920 гг. Въ этомъ же заблужденіи находились позднѣе Шафарикъ и Гфрёреръ [4]), тогда какъ Энгель [5]) въ порядкѣ князей держался разказа Константина, которому и мы считаемъ возможнымъ слѣдовать. Правда, въ послѣднее время г. Дриновъ представилъ довольно важную попытку исправить показанія Константина въ этомъ вопросѣ, относя правленіе князей Креcиміра, Мирослава и Прибуніи къ первой

[1]) *Любичъ* (O Posavskoj Hrvatskoj, *Rad*, XLIII, 117, прим.), высказывается противъ этого предположенія, но его мнѣніе, будучи основано на неправильномъ взглядѣ на Босну, какъ на часть Посавской Хорватіи, не имѣетъ для насъ большого значенія.

[2]) Rački, Odlomci, 19; *Шафарикъ*, II, кн. 2, 39.

[3]) То-есть, Креcиміра, Мирослава и Прибуніи.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 20; см. также *Rambaud*, 465; *Гфрёреръ*, Byzantin. Gesch., II, 110 и далѣе.

[5]) *Engel*, Gesch. v. Dalm., 460–462.

половинѣ X вѣка, но не къ началу его (до 920 г.), а ко времени, слѣдовавшему за княземъ Томиславомъ; Рачкій (въ Documenta Hist. Croat., стр. 399), принимая эту поправку, считаетъ даже возможнымъ относить къ этой позднѣйшей эпохѣ и Терпиміра, названнаго у Константина отцомъ Кресиміра, слѣдовательно, не отожествляетъ его съ извѣстнымъ Терпиміромъ, издателемъ грамоты 852 года. Но для насъ—признаемся—доводы этихъ изслѣдователей не вполнѣ убѣдительны, хотя вообще ихъ мысль, особенно на первый взглядъ, кажется довольно правдоподобною. Вопервыхъ, они ссылаются на грамоту короля Петра Кресиміра (царствовавшаго въ XI вѣкѣ), въ которой послѣдній упоминаетъ о прадѣдѣ своемъ Кресимірѣ старшемъ (отцѣ Держислава); однако то могъ быть другой Кресиміръ, царствовавшій въ первой половинѣ X вѣка, и о которомъ Константинъ не упоминаетъ, такъ какъ вообще почти ничего не разказываетъ о современныхъ ему событіяхъ въ Хорватіи. Этотъ же Кресиміръ имѣется, очевидно, въ виду и въ Римскомъ каталогѣ Сплѣтскихъ архіепископовъ, который особенно служитъ опорой г. Дринову въ его соображеніяхъ. Впрочемъ, Рачкій не находитъ возможнымъ ссылаться на этотъ документъ, какъ на позднѣйшій и мало надежный [1]). Тотъ доводъ г. Дринова, что Хорватія достигла значительнаго могущества только во времена Томислава, неоснователенъ, такъ какъ есть причины думать, что при Терпимірѣ, въ половинѣ IX вѣка, владѣнія Хорватовъ были обширнѣе, и могущество ихъ, слѣдовательно, не могло быть меньше. Далѣе изслѣдователямъ кажется невѣроятнымъ молчаніе Константина о современномъ ему политическомъ положеніи Хорватіи. Не споримъ, что это обстоятельство нѣсколько странно, но съ нимъ, какъ съ фактомъ, остается только примириться [2]). Надо имѣть въ виду, что Константинъ въ своемъ сочиненіи особенно интересуется тѣми народами и племенами, которыя или внушали Византіи опасенія своею силой и могли угрожать ей, или находились съ нею въ непосредственныхъ сношеніяхъ зависимости, дружбы, мирнаго союза и т. д. Хорваты же въ половинѣ X вѣка не подходили подъ эти

[1]) Documenta, ibid., 399.

[2]) Объ этомъ молчаніи говоритъ самъ *Рачкій* — *Rad*, LI, стр. 164, 165; также *Rad*, кн. XVII, стр. 85.

условія: они не состояли въ прямыхъ связяхъ съ Византіей, не зависѣли отъ нея, и послѣдняя не имѣла причинъ чего-либо опасаться съ ихъ стороны, въ виду того упадка ихъ силъ, о которомъ говоритъ нашъ историкъ [1]). Невѣроятнымъ представляется г. Дринову и промежутокъ въ десять лѣтъ (отъ 852—853 гг. до 863) для правленія трехъ князей; однако и это обстоятельство, по нашему мнѣнію, не необъяснимо. Почему не предположить, что правленіе этого Кресиміра было кратковременно (лѣтъ пять или шесть)? Мирославъ, по свидѣтельству самого Константина, княжилъ всего четыре года, а Прибунія, захватившій престолъ посредствомъ убійства князя, едва ли могъ удержаться на немъ долѣе года. Наконецъ, главное наше возраженіе противъ мнѣнія г. Дринова заключается въ томъ, что такой значительный упадокъ могущества Хорватіи, какой представленъ у Константина, то-есть, сокращеніе сухопутныхъ и морскихъ силъ ея, по видимому, болѣе чѣмъ на половину (изъ 80 сагинъ оставалось при Константинѣ 30), не могъ произойдти почти внезапно, въ сравнительно ничтожный промежутокъ времени трехъ-четырехъ лѣтъ, какъ оказывается по вычисленію г. Дринова, безъ какой-либо чрезвычайной катастрофы. А подобной катастрофы въ то время (въ первой половинѣ X вѣка) мы не имѣемъ основанія предполагать, не находя въ источникахъ ровно никакихъ намековъ на нее. Такое политическое ослабленіе могло совершиться только мало по малу, въ теченіе многихъ лѣтъ; такъ, вѣроятно, и было въ дѣйствительности: Хорватія, ослабленная во второй половинѣ IX вѣка внутренними смутами и внѣшнимъ пораженіемъ, не могла уже долго оправиться, хотя при Томиславѣ и достигала временно значительной силы. Считаемъ, однако, нужнымъ оговориться, что мы не выдаемъ своего мнѣнія за непреложную истину. Вышеизложенныя соображенія имѣютъ цѣлью показать только, что доводы гг. Дринова и Рачкаго въ пользу представленнаго ими домысла не могутъ считаться вполнѣ не опровержимыми.

[1]) Вообще насъ нѣсколько удивляетъ, что г. Дриновъ, во всемъ такъ скептически относящійся къ свидѣтельствамъ Константина, въ настоящемъ случаѣ—для пополненія пробѣла въ исторіи Хорватовъ — такъ охотно принимаетъ его извѣстія, не только не думая пріобщить ихъ къ числу *домысловъ* императора, но даже считая ихъ „любопытными и въ высшей степени важными“ (Южн. Сл. и Виз., стр. 124—125).

О банѣ Прибуніи, или иначе—Прибинѣ (Pribinna) [1]), похитившемъ княжескую власть чрезъ убійство князя Мирослава, мы ничего болѣе не знаемъ; онъ, какъ кажется, не могъ удержаться на престолѣ, ибо около 864 года великимъ жупаномъ Хорватскимъ является уже Демогой, современникъ императора Василія Македонянина (съ 867 г.). Такимъ образомъ мы переходимъ къ свидѣтельствамъ Константина о событіяхъ въ Хорватіи со времени вступленія на престолъ этого императора.

2. Хорватія со вступленія на престолъ Василія до половины X вѣка.

По утвержденіи на византійскомъ престолѣ Македонской династіи въ лицѣ императора Василія, произошла значительная перемѣна въ судьбѣ Сербо-Хорватскаго племени.

Византія мало по малу возстановила во всѣхъ концахъ имперіи свою поколебленную власть и авторитетъ, между прочимъ и у Славянъ. Казалось бы, этотъ періодъ исторіи Хорватовъ, какъ болѣе близкій ко времени Константина, долженъ быть лучше ему знакомъ, тѣмъ болѣе, что императору Василію Константинъ посвятилъ, какъ мы знаемъ, цѣлое сочиненіе; слѣдовательно, совершенно справедливо было бъ ожидать отъ нашего автора болѣе полныхъ и точныхъ свѣдѣній и въ исторіи Хорватовъ этого времени. Но на дѣлѣ оказывается, что свидѣтельства Константина относительно этого періода не отличаются ни большею полнотой, ни большею опредѣленностью и точностью, чѣмъ его свидѣтельства о предшествующей эпохѣ. Они по прежнему имѣютъ отрывочный характеръ, и источники Константина остаются, по видимому, все также ограничены.

Сведемъ же въ одно цѣлое всѣ его разказы по этому предмету:

„.....Въ царствованіе славнаго и приснопамятнаго императора Василія Сарацины, прибывъ изъ Африки, а именно Солданъ (Σολδανός), Саба (Σάβα) и Кальфонъ (Κλαφώ), съ

1) *Lucius*, L. II, cap. I; *Banduri*, Anim., 353. Нѣкоторые отожествляютъ его, впрочемъ неосновательно, съ Привиной, властвовавшимъ въ Панноніи, см. Rački, Ocjena etc., 75—76.

36 кораблями явились въ Далмацію и завоевали города Бутобу (Βούτοβα), Россу (Ῥῶσσα) и Декатеры (Δεκάτερα); затѣмъ они пошли и на Рагузу и осаждали ее 15 мѣсяцевъ. Тогда Рагузинцы, приведенные въ крайность, обратились къ приснопамятному императору Василію со словами: „Сжалься надъ нами и не дай намъ погибнуть отъ невѣрныхъ". Растроганный императоръ послалъ патриція Никиту, друнгарія флота, по прозванію Оорифа (Ὠορύφας), съ 100 судами („хеландіями"), а Сарацины, узнавъ о прибытіи патриція Никиты, бѣжали, оставивъ Рагузу; переправившись въ Лангобардію, они осадили и взяли городъ Баръ (τὸ κάστρον Βάρεως). Тогда Солданъ, построивъ тамъ дворецъ, властвовалъ надъ всею Лангобардіей до самаго Рима въ продолженіе сорока лѣтъ. Вслѣдствіе этого императоръ отправилъ посольство къ королю Франціи Людовику (Λοδοΐχος) и къ Римскому папѣ, прося ихъ помочь посланному императоромъ войску. Оба оба, то-есть, и король, и папа, исполняя требованіе императора, пришли съ большою силою, и присоединившись къ императорскому войску, а также къ Хорватамъ, Сербамъ, Захлумцамъ, Травунянамъ, Каналитамъ и Рагузинцамъ, со всѣми жителями далматинскихъ городовъ (ибо всѣ они прибыли по повелѣнію императора) [1]), вступили въ Лангобардію, осадили городъ Баръ и взяли его. Рагузинцы на своихъ судахъ переправили въ Лангобардію хорватскихъ и другихъ славянскихъ князей. Городъ Баръ и землю, и всю добычу захватилъ Римскій императоръ, а Солдана съ остальными Сарацинами взялъ король Франковъ Людовикъ, и отвелъ ихъ въ Капую и Беневентъ" (c. 29, p. 130—131).

Въ этой же главѣ о Хорватахъ, Сербахъ и другихъ племенахъ славянскихъ Константинъ говоритъ такъ:

„Бо́льшая часть этихъ Славянъ долго оставались некрещеными. Въ царствованіе христолюбиваго императора Василія они отправили пословъ, требуя и вызывая его крестить некрещеныхъ между ними и желая быть, какъ съ самаго начала, подъ властью Римской имперіи. Выслушавъ ихъ,

[1]) Οὗτοι γὰρ πάντες βασιλικῇ κελεύσει παρῆσαν.

тотъ блаженный и славный императоръ отправилъ царскаго посла (βασιλικός) со священниками и крестилъ всѣхъ некрещеныхъ у названныхъ народовъ, а послѣ крещенія назначилъ имъ князей, которыхъ они желали и сами избрали изъ наиболѣе почитаемаго и любимаго ими рода; и съ тѣхъ поръ донынѣ избираются для нихъ князья изъ этого самаго рода, а не изъ иного" (с. 29, р. 128—129).

Въ главѣ 30-й Константинъ, опредѣливъ границы отдѣльныхъ славянскихъ племенъ въ Далмаціи, сообщаетъ слѣдующее о далматинскихъ городахъ:

„......А римскіе города воздѣлывали острова и ими существовали, но такъ какъ они (Римляне) были безпрерывно плѣняемы и истребляемы Паганами (Παγάνοι), то они оставили эти острова, желая воздѣлывать материкъ. Но имъ мѣшали Хорваты, такъ какъ они еще не платили послѣднимъ податей, а все, что они нынѣ платятъ Славянамъ, получалъ ихъ стратигъ. Не будучи въ состояніи болѣе терпѣть, они обратились къ славному императору Василію, изложивъ ему все вышеупомянутое; а императоръ распорядился, чтобы все, что ранѣе уплачивалось стратигу, они платили Славянамъ и жили бы съ ними въ мирѣ, а стратигу платили бы какую-нибудь бездѣлицу, чтобы только видна была ихъ зависимость и подчиненность Римскимъ императорамъ и своему стратигу. Съ того времени всѣ эти города сдѣлались подданными Славянъ и платили имъ подати: городъ Аспалатъ (Сплѣтъ)—200 червонцевъ (νομίσματα), городъ Трогиръ—100, городъ Діадора—110, городъ Опсара—100, городъ Арбе—100, городъ Бекла—100, и того—710 червонцевъ, а кромѣ того, вино и различные другіе продукты. Рагуза расположена между двумя странами Захлумьемъ и Тервуніей. Жители ея имѣютъ виноградники въ обѣихъ земляхъ и платятъ князю Захлумцевъ 36 червонцевъ и князю Тервуніи—тоже 36 червонцевъ" (с. 30, р. 146—147).

Выше уже была рѣчь о томъ, почему Константинъ не сообщаетъ почти ничего о современной ему Хорватіи; между тѣмъ о событіяхъ въ Сербіи въ свое время онъ разказываетъ довольно подробно. Это объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что при Констан-

тинѣ Византія находилась въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ Сербіи, которая, будучи враждебна Болгаріи и воюя съ нею, этимъ самымъ возбуждала сочувствіе къ себѣ византійскаго правительства. Относительно Хорватіи того времени мы знаемъ изъ Константина только о неудачномъ походѣ противъ нея Болгаръ, подъ начальствомъ Алогоботура (Ἀλογοβότουρ) [1]), и о томъ, что во время междоусобій въ Сербіи, князья, терпѣвшіе неудачу, находили всегда убѣжище въ Хорватіи [2]). Сюда же спаслась, по показанію Константина, значительная часть сербскаго населенія во время страшнаго разгрома Сербіи, произведеннаго Болгарами при царѣ Симеонѣ [3]).

Всѣ эти свидѣтельства касаются собственно немногихъ, но за то самыхъ существенныхъ фактовъ исторической жизни Хорватовъ приблизительно со второй половины IX до половины X вѣка. Эти факты суть слѣдующіе: 1) нападеніе Сарациновъ на Далмацію, и затѣмъ участіе Иллирскихъ Славянъ, а между ними и Хорватовъ, во взятіи города Бара; 2) возвращеніе Хорватовъ подъ верховную власть Византійскаго императора (Василія); 3) крещеніе остававшихся еще некрещеными Славянъ при императорѣ Василіи; 4) отношенія Хорватовъ къ далматинскимъ городамъ и перемѣна въ этихъ отношеніяхъ; наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на вопросъ объ отношеніяхъ Хорватовъ за это время къ сосѣдямъ, то-есть, къ Сербамъ и Болгарамъ.

Если вникнуть въ разказъ Константина о нападеніи Сарациновъ на Далмацію, о ихъ утвержденіи въ Лангобардіи и объ отнятіи у нихъ города Бара, то не можетъ не броситься въ глаза явное противорѣчіе двухъ показаній, изъ которыхъ одно, слѣдовательно, должно быть ложно. Съ одной стороны, взятіе Сарацинами нѣкоторыхъ городовъ Далмаціи, неудачная осада Рагузы, взятіе ими въ Италіи города Бара, и наконецъ, отнятіе у нихъ этого города общими силами короля Франкскаго Людовика, папы, императора Василія и Иллирскихъ Славянъ все это относитъ Константинъ къ царствованію императора Василія и излагаетъ подъ рядъ, какъ со-

[1]) Cap. 32, p. 158.
[2]) Ibid., p. 155, 158.
[3]) Ibid., p. 158.

бытія, непосредственно другъ за другомъ слѣдовавшія; а съ другой стороны, онъ же сообщаетъ, что Солданъ, повелитель Сарациновъ, утвердившись въ Барѣ, властвовалъ оттуда надъ всею Лангобардіей 40 лѣтъ. Несообразность этихъ показаній очевидна. Однако изслѣдователи долго не обращали на нее вниманія и оттого естественно впадали въ ошибки. Эти событія Константинъ описываетъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ [1]). Но и другой разказъ его не разъясняетъ намъ дѣла, ибо отличается отъ предыдущаго только тѣмъ, что тутъ Константинъ относитъ нападеніе Сарациновъ на Далмацію къ концу царствованія Михаила III (857—867 гг.) и говоритъ, что послы, отправленные Рагузинцами въ Византію съ просьбой о помощи, застали уже на престолѣ императора Василія, который и исполнилъ тотчасъ же ихъ просьбу [2]). Вопросъ о времени этихъ происшествій былъ подробно разобранъ и разъясненъ Дюмлеромъ [3]). До него всѣ ученые, не исключая и Шафарика, на основаніи свидѣтельствъ Константина, относили нападеніе Сарациновъ на Далмацію къ 867 или 868 году. Но Дюмлеръ основательно указываетъ на то, что Константинъ относя это событіе къ царствованію Василія, вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ его прежде взятія Сарацинами г. Бара, что̀ было въ 841 году, слѣдовательно, очевидно самъ себѣ противорѣчитъ; по мнѣнію Дюмлера, гораздо вѣрнѣе принимать, что дѣйствительно опустошеніе Далмаціи предшествовало взятію г. Бара и должно быть отнесено къ 840 году [4]); это предположеніе, какъ онъ думаетъ, подтверждается и тѣмъ, что Сарацины около того времени уже не разъ появлялись въ Адріатическомъ морѣ и въ 50-хъ годахъ IX вѣка вели борьбу съ Венеціанцами. Итакъ, по Дюмлеру, взятіе города Будвы, Росы и Котора должно было произойдти въ

[1]) De themat., II, c. 11; также въ Basil. vita, 53.

[2]) De themat., II, p. 61—62: εὗρον ὑπὸ θεοῦ τὴν αὐτοκρατικὴν ἀρχὴν Βασίλειον τὸν ἀοίδιμον βασιλέα ἤδε λαβόντα, ὃς καὶ τὰ τῆς αὐτῶν πρεσβείας καὶ δεήσεως ἐπακούσας καὶ στόλον ἱκανὸν καὶ δρατήριον ἄρχοντα πρὸς τὴν τούτων βοήθειαν εὐθὺς ἐξαπέστειλε.

[3]) *Dümmler*, 398—403 и прим.

[4]) Съ ними согласенъ и *Рачкій*, Documenta, 354 г.; срв. *Rad.*, кп. LI, стр. 160.

840 году, и притомъ въ началѣ этого года [1]); затѣмъ осада Рагузы продолжалась приблизительно до половины слѣдующаго (841) года, а въ концѣ этого же года Сарацины переправились въ Италію и взяли городъ Баръ, которымъ владѣли до 871 года, слѣдовательно, только 30 лѣтъ, а не 40, какъ свидѣтельствуетъ Константинъ [2]). Однако Гиршъ въ своихъ „Byzantinische Studien" держится другого мнѣнія; онъ полагаетъ, что вся ошибка Константина состоитъ въ томъ, что утвержденіе Арабовъ въ нижней Италіи онъ помѣщаетъ непосредственно за экспедиціей противъ Далмаціи; по мнѣнію Гирша, это утвержденіе состоялось совершенно независимо отъ послѣдней и произошло гораздо раньше; онъ не находитъ причинъ отвергать извѣстіе Константина, что далматинскій походъ случился во времена Василія, и помѣщать его двадцатью шестью годами ранѣе, то-есть, еще въ царствованіе Өеофила [3]).

По толкованію Дюмлера, вождями Сарациновъ во время опустошенія ими Далмаціи были только Кальфа (Καλφοῦς) и Саба (Σάβα) [4]), но не Солданъ [5]), который является только 30 лѣтъ спустя защитникомъ г. Бара [6]). Напротивъ того, Гиршъ, относящій нападеніе на Далмацію къ 867 году, считаетъ вѣрнымъ показаніе Константина по отношенію къ Солдану и невѣрнымъ относительно другихъ двухъ (Calfus и Saba), дѣйствовавшихъ въ событіяхъ 840—841 гг. На чьей сторонѣ правда—рѣшить трудно за неимѣніемъ другихъ положительныхъ данныхъ, но намъ лично мнѣніе Дюмлера кажется болѣе вѣроятнымъ. Если это такъ, то слѣдовательно, въ 840 г. подъ предводительствомъ Кальфы и Сабы африканскіе Сарацины

[1]) Княземъ Хорватіи былъ тогда, по всей вѣроятности, какъ мы уже выше замѣтили, Миславъ, предшественникъ Терпиміра.

[2]) Подтвержденіе тридцати лѣтъ мы находимъ въ Joh. Chron. venet. и въ chron. Casin.; см. *Dümmler*, 399, прим. 1. Того же мнѣнія и Rački, Ocjena etc. К. Р., 49:

[3]) *Hirsch*, Byzant. Stud., Leipzig., 254—55.

[4]) Первое имя въ соч. De themat. является въ видѣ Καλφοῦς, то-есть, Kalfon или Caffo, а второе—въ видѣ Σάμαν, въ Basil. vita—Samban; см. *Banduri*, ed. Bonn., 338. Объ именахъ этихъ сарацинскихъ вождей см. Rački, Documenta, 374 (Σολδανὸς и Σάβα суть почетные титулы).

[5]) Sultan Mofarey ibn Salem, *Rad*, LI, 1880, 160.

[6]) *Dümmler*, 898, прим. 2; Rački, Ocjena etc., 49; также *Rad*, LI, 1880, стр. 160.

съ 36 кораблями [1]) явились къ берегамъ Далмаціи и овладѣли, по Константину, городами Будвой (Βούτοβα), Россой (Ῥῶσσα) и Которомъ (Δεκάτερα). Городъ Бутоба [2]) есть нынѣшняя Budua (Butua) или Budva, небольшой приморскій городъ на югѣ отъ Которскаго залива [3]). Россу (Ῥῶσσα, въ сочиненіи De themat.—Ῥῶσα) прежніе ученые считали за нынѣшній городъ Risan, Rhisena на сѣверо-восточномъ берегу Которскаго залива [4]), но Дюмлеръ рѣшительно отвергаетъ это мнѣніе, и кажется, совершенно основательно. Гораздо правдоподобнѣе его предположеніе, что подъ Россой надо разумѣть нынѣшнюю гавань Rose при входѣ въ Которскій заливъ, противъ города Castelonova [5]). Городъ Которъ намъ извѣстенъ. Въ сочиненіи „О провинціяхъ" Константинъ употребляетъ выраженіе τὰ κάτω Δεκάτερα; это доказываетъ, что Сарацины заняли только нижній городъ, расположенный внизу у моря, а верхняя его часть на высокой горѣ, гдѣ нынѣ крѣпость, уцѣлѣла [6]). Взявъ эти три города, Сарацины пошли къ Рагузѣ [7]) и осадили ее; осада, по Константину, длилась 15 мѣсяцевъ. Рагузинцы обратились за помощью въ Византію, но только не къ Василію Македонянину, какъ говоритъ нашъ историкъ, ибо это было въ 841 г., а Василій вступилъ на престолъ только въ 867. Императоромъ въ то время былъ еще Θеофилъ († 842 г.). Константинъ сообщаетъ, что былъ посланъ противъ Сарациновъ патрицій Никита друнгарій (то-есть, начальникъ) флота, по прозванію Оорифъ. Но это свидѣтельство должно быть, кажется, отвергнуто, какъ происшедшее изъ ложнаго мнѣнія, что помощь была

[1]) То же самое число означено и въ вышеупомянутомъ мѣстѣ De themat.,

[2]) У Кедрина Βουτάμα, *Banduri*, 338.

[3]) Подробности о немъ см. *Petter*, II, 277; *Forbiger*, Handbuch der Geographie, III, 842.

[4]) Такъ думалъ и Rački, Ocjena etc., 49.

[5]) *Dümmler*, 398, прим. 3; срв. *Petter*, II, 277 и 258—259; Rački, Docum., 354. Сближеніе этого имени (Ῥῶσσα) съ другими мѣстными того же корня (въ Сербіи рѣка Рась и г. Раса), съ племеннымъ *Русь* и ему сродными словами въ славянскомъ языкѣ см. у *Ламанскаго*, О Славянахъ въ Малой Азіи и т. д., Истор. Замѣчанія, стр. 87 (*Уч. Зап. II-го отд. Имп. Акад. Наукъ*, кн. V).

[6]) Срвн. *Dümmler*, 398, прим. 3; *Lucius* l. I, c. XIV; *Banduri*, ed. Bonn., 338.

[7]) πρὸς τὴν τούτων μητρόπολιν, ἣ Ῥαούσιον λέγεται. De them. II 61.

послана Василіемъ [1]). Сарацины, узнавъ отъ перебѣжчика о греческой помощи, тотчасъ бросили осаду Рагузы и переправились въ Италію, гдѣ овладѣли городомъ Баромъ. Оттуда они пошли далѣе и завоевали множество городовъ по всей Лангобардіи и Калабріи до самаго Рима [2]). Какъ мы видѣли, 30 лѣтъ владѣли Сарацины Баромъ. По свидѣтельству Константина, императоръ Василій первый снарядилъ войско и флотъ (100 кораблей) противъ Сарацинъ и обратился къ королю Франкскому Людовику и къ Римскому папѣ, прося ихъ прислать вспомогательныя войска. И тотъ, и другой исполнили просьбу императора и присоединились къ его войску и къ отрядамъ, выставленнымъ „по приказанію императора" Иллирскими Славянами, то-есть, Хорватами, Сербами, Захлумцами и т. д., а также и далматинскими городами. Городъ Баръ былъ взятъ общими силами.

Прежде всего спрашивается: дѣйствительно ли Василію принадлежитъ инициатива въ этомъ предпріятіи? Это весьма сомнительно. Интересы запада были тутъ гораздо болѣе затронуты; по всей вѣроятности, король Людовикъ пригласилъ Византійскаго императора принять участіе въ войнѣ съ Сарацинами. Такъ представляетъ дѣло и Салернская хроника, единственный западный источникъ, сообщающій объ этомъ [3]). То же подверждается и самимъ ходомъ событій, ибо Людовикъ началъ осаду Бара въ 867 г., а греческій флотъ прибылъ въ 869 г. [4]) Во всякомъ случаѣ въ этой войнѣ не могла не быть заинтересована и Византія, и безъ сомнѣнія, и та, и другая сторона одновременно готовились къ ней. Общая осада Бара была предпринята уже въ 869 г., но флотъ, посланный Василіемъ, долженъ былъ вскорѣ возвратиться вслѣдствіе какихъ-то несогласій между союзниками; только въ 870 г.

[1]) Императоръ Василій въ 870 г. дѣйствительно посылалъ патриція Никиту къ берегамъ Далмаціи, но совершенно съ иною цѣлью. См. *Dümmler*, 398, прим. 2.

[2]) De Themat., II, p. 62. Нельзя предполагать, чтобы Сарацины систематически брали всѣ встрѣчавшіеся города: они просто опустошали страну и грабили жителей. Городъ Тарентъ былъ ими дѣйствительно взятъ нѣсколько позже Бара; тамъ утвердился упомянутый выше Саба.

[3]) Chron. Salernit., c. 107 въ Mon. G. SS. III, S. 521.

[4]) Hincmari Ann. 869; см. *Hirsch*, B. S., стр. 257.

король Людовикъ дѣятельно повелъ осаду [1]). Вспомогательныя войска Византіи и другихъ союзниковъ, то-есть, Славянъ и далматинскихъ городовъ, прибыли, кажется, нѣсколько позже, въ 871 г. [2]). Баръ былъ взятъ и возвратился подъ власть Франковъ. Константинъ очевидно ошибается, говоря, что городъ Баръ и земля достались императору Василію [3]). Только пять лѣтъ спустя, по смерти Людовика II, Баръ перешелъ въ руки Грековъ (876 г.).

Въ осадѣ Бара, какъ мы видѣли, участвовали и Славяне вмѣстѣ съ гражданами далматинскихъ городовъ. Естественно возникаетъ вопросъ: кто вызвалъ это участіе? Константинъ замѣчаетъ весьма опредѣленно, что причиной помощи Славянъ было приказаніе императора (то-есть, разумѣется—Василія) [4]). Но ученые, настаивающіе на томъ, что Хорватія въ то время была еще подвластна Франкамъ, объявляютъ это извѣстіе невѣрнымъ и утверждаютъ [5]), что славянская помощь явилась по требованію Людовика II, не отдѣляя однако Хорватовъ отъ прочихъ Славянъ [6]), а между тѣмъ мы положительно знаемъ (и въ этомъ никто не сомнѣвается), что только одни Хорваты могли быть въ то время подчинены Франкамъ, слѣдовательно, о другихъ Славянахъ, то-есть, о сербскихъ племенахъ, не можетъ быть и рѣчи, ибо на нихъ франкское владычество никогда не простиралось. Такимъ образомъ свидѣтельство Константина можетъ быть невѣрнымъ во всякомъ случаѣ только по отношенію къ Хорватамъ. По нашему мнѣнію гораздо вѣроятнѣе, что и послѣдніе участвовали въ войнѣ съ Сарацинами не по требованію Людовика (который если и признавалъ себя ихъ верховнымъ покровителемъ [7]), то все-же не могъ ими произвольно распоряжаться), а скорѣе изъ желанія не отставать отъ своихъ сосѣдей Сербовъ, посылавшихъ свою помощь по вызову императора Василія. Безъ сомнѣнія, они тѣмъ охотнѣе присоединялись къ сво-

[1]) *Dümmler*, 401.

[2]) О времени взятія Бара *Banduri*, ed. Bonn., 339—340.

[3]) Срвн. *Banduri*, ibid., 340—341.

[4]) С. 29, р. 131.

[5]) Къ этому мнѣнію примыкаетъ и *Hirsch*, ibid., 257—258.

[6]) *Dümmler*, 401, прим. 2.

[7]) А это мы видимъ изъ извѣстнаго письма его къ Василію, гдѣ онъ называетъ приморскую Далмацію Sclavenia nostra.

имъ сербскимъ братьямъ, что не менѣе ихъ подвергались безпрестаннымъ нападеніямъ Сарацпновъ и были довольны случаемъ отомстить этимъ послѣднимъ [1]). Въ свидѣтельствахъ Константина обращаетъ на себя вниманіе еще показаніе, что „Рагузинцы на своихъ судахъ переправили въ Италію хорватскихъ и другихъ князей". Хотя мы и не можемъ принимать это свидѣтельство буквально, такъ какъ въ этой переправѣ, безъ сомнѣнія, участвовали также и суда приморскихъ Хорватовъ и Сербовъ, однако оно служитъ для насъ явнымъ доказательствомъ тогдашнихъ средствъ и силы Рагузинской общины [2]).

Безспорно важнѣйшими фактами исторіи Хорватовъ въ продолженіе царствованія императора Василія Македонянина должно считаться возвращеніе Хорватовъ подъ верховную власть Византіи и окончательное утвержденіе христіанской вѣры у Иллирскихъ Славянъ. Впрочемъ второе изъ этихъ событій, по видимому, болѣе относится къ Сербскому племени, въ которомъ вслѣдствіе разныхъ причинъ христіанство не успѣло еще прочно утвердиться. Константинъ разказываетъ, какъ Славяне отправили пословъ къ императору Василію, прося крестить еще некрещеныхъ между ними и выражая желаніе снова признавать надъ собою власть императора. Василій исполнилъ и ту, и другую просьбу, и послѣ крещенія назначилъ имъ князей, которыхъ они впрочемъ сами желали и избрали изъ любимаго рода. „И до нынѣ", говоритъ Константинъ,—„князья ихъ избираются изъ этого рода, а не изъ иного". Какъ мы видѣли выше, въ царствованіе слабыхъ императоровъ, предшествовавшихъ Василію, авторитетъ Византіи былъ сильно поколебленъ у Иллирскихъ Славянъ. Хорваты, освободившіеся отъ власти Франковъ, находились какъ къ нимъ, такъ и къ Византіи, въ весьма неопредѣленныхъ отношеніяхъ. Въ сущности они пользовались

[1]) *Любичъ* (Pregl. 14) также полагаетъ, что если Хорваты помогали Людовику при осадѣ Бара, то не потому, что были подвластны ему, а потому, что сами охотно шли противъ враговъ своихъ Сарациновъ.

[2]) *Бандури,* уроженецъ Рагузы, съ особенною патріотическою гордостью выставляетъ это обстоятельство, см. К. Р. Animadv., ed. Bonn., 340. Флотъ Дубровника служилъ главнымъ образомъ для торговыхъ цѣлей; торговыя сношенія его съ другими странами начались очень рано. Срвн. *Ламанскій,* Слав. въ Малой Азіи и т. д., стр. 208.

независимостью, но Франки не переставали считать ихъ подъ своимъ покровительствомъ, между тѣмъ какъ Византія, по видимому, совсѣмъ отказалась отъ своихъ прежнихъ правъ на власть — не только надъ Хорватіей, но и надъ другими славянскими племенами; вслѣдствіе того и Сербія мало по малу стала пріобрѣтать независимость; однако вскорѣ по вступленіи на престолъ Василія Македонянина дѣла приняли совершенно другой оборотъ. Константинъ, свидѣтельствуя объ этой перемѣнѣ, не только не сообщаетъ о ней никакихъ подробностей, но и не опредѣляетъ точно времени событій. Нѣсколько болѣе свѣдѣній о нихъ почерпаемъ мы изъ другихъ источниковъ [1]). За то нашъ историкъ сообщаетъ намъ драгоцѣнное свидѣтельство о томъ, въ чемъ собственно выжалась зависимость Славянъ отъ Византійской имперіи.

Около 865 г. послѣ междоусобій въ Хорватіи княземъ утвердился Демогой (Domogous); къ его правленію, вѣроятно, относится война съ Сарацинами въ Италіи и отнятіе у нихъ города Бара, и къ тому же времени (871 г.), принадлежитъ первая попытка Византійскаго императора вернуть свое прежнее вліяніе въ Далмаціи. Отправляя свою помощь въ Италію, Василій послалъ также патриція Никиту Оорифа [2]), съ тѣмъ, чтобъ онъ опустошилъ берега земли южныхъ Сербовъ, и именно Неречанъ, постоянно занимавшихся морскими разбоями, въ видѣ наказанія за то, что Наречане ограбили около того времени папскихъ легатовъ, возвращавшихся изъ Византіи. Вслѣдствіе этого распоряженія Василія, Людовикъ II послѣ взятія Бара написалъ ему письмо съ жалобой на беззаконныя дѣйствія его полководца въ „нашей", то-есть, Людовиковой, Склавеніи (nostra Sclavenia). Это заставляетъ предположить, что патриції Никита побывалъ и въ предѣлахъ Хорватіи, которой король считалъ себя покровителемъ [3]). Но эта жалоба Людовика осталась безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ на западѣ начались сильныя смуты (плѣненіе

[1]) Въ особенности изъ Венеціанской хроники (Johanni Chron. Venet.).

[2]) Константинъ, какъ мы видѣли, ложно приписываетъ этому полководцу начальство надъ флотомъ, посланнымъ въ 841 г. на помощь Рагузѣ.

[3]) По мнѣнію г. *Дринова*, этотъ поступокъ Василія доказываетъ, что „подчиненіе Далматинскихъ Славянъ Византіи не происходило такъ дружелюбно, какъ утверждаетъ Багрянородный" (Южн. Сл. и Виз., стр. 41).

Людовика) [1]). Въ 877 г. управляли Хорватіей уже сыновья Демогоя; но въ слѣдующемъ году Седеславъ (или Сдеславъ) изъ рода Терпиміра прибѣгъ къ помощи императора Василія, и изгнавъ ихъ, захватилъ власть. Онъ самъ отправился въ Византію, гдѣ императоръ утвердилъ его княземъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Седеславъ порвалъ всякую связь съ Римскою церковью и папой и перешелъ въ Византійскій патріархатъ. Примѣру Хорватовъ послѣдовали не только Сербы, но и далматинскіе города, такъ какъ и тѣ, и другіе при предшественникахъ Василія, какъ мы сказали, пріобрѣли почти полную независимость. Также и въ церковномъ отношеніи весь Иллирикъ, со включеніемъ далматинскихъ городовъ, призналъ своимъ духовнымъ главою патріарха Византійскаго. Все это вполнѣ подтверждаетъ свидѣтельство нашего историка [2]); его извѣстіе о томъ, что Славяне просили Василія крестить еще некрещеныхъ между ними несомнѣнно должно считаться, да и всѣми считается достовѣрнымъ. Но интересно знать, чѣмъ вызвано было такое знаменательное явленіе, и притомъ въ то время, когда уже начался серіозный разрывъ между западной и восточной церквами. Одни полагаютъ [3]), что причиной того было исключительно исканіе покровительства Византійскаго императора, который своими мудрыми распоряженіями сумѣлъ расположить къ себѣ населеніе Иллирика, а другіе [4]) утверждаютъ, что, кромѣ этой причины, была еще болѣе важная, а именно желаніе Славянъ, то-есть, Хорватовъ и Сербовъ, видѣть у себя славянское богослуженіе, уже утвердившееся тогда въ Болгаріи и Паннонiи, гдѣ дѣйствовали первоучи-

[1]) *Dümmler*, 402—403; Ljubić, 14.

[2]) О возстановленіи византійской власти въ Иллирикѣ Константинъ свидѣтельствуетъ и въ Basil. Vita, c. 52, 54. О томъ же свидѣтельствуетъ Левъ VI (отецъ Константина) въ своей „Тактикѣ“: Ταῦτα δὲ (scil. σκλαβικὰ ἔθνη) ὁ ἡμέτερος ἐν θεία τῇ λήξει γενόμενος πατὴρ καὶ Ῥωμαίων αὐτοκράτωρ Βασίλειος τῶν ἀρχαίων ἐθῶν ἔπεισε μεταστῆναι καὶ γραικώσας καὶ ἄρχουσι κατὰ τὸν ῥωμαϊκὸν τύπον ὑποτάξας καὶ βαπτίσματι τιμήσας τῆς τε δουλείας ἐλευθέρωσε τῶν ἑαυτῶν ἀρχόντων καὶ στρατεύεσθαι κατὰ τῶν Ῥωμαίοις πολεμούντων ἐθνῶν ἐξεπαίδευσεν. Leonis imper Tactica (*Meursii* Op., VI, S. 806); см. *Hirsch*, ibid. 255—6.

[3]) Rački въ своемъ сочиненіи: Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda slovjenskich Apoštoluv, 1859; *Голубинскій*, Кратк. Очеркъ ист. правосл. церквей и т. д., 1871, стр. 699 и примѣч.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 17; *Лавровскій*, Кириллъ и Меѳодій, стр. 501—505.

тели Кириллъ и Меѳодій. Предполагаютъ даже, что Меѳодій, путешествовавшій въ Римъ по смерти брата, проходилъ черезъ Далмацію. Это второе мнѣніе кажется довольно правдоподобнымъ, но очевидно, что причина эта никакъ не можетъ относиться къ далматинскимъ городамъ, не заинтересованнымъ въ дѣлѣ славянскаго богослуженія; такимъ образомъ мотивы послѣднихъ въ ихъ разрывѣ съ Римомъ довольно неясны [1]).

Что касается извѣстія Константина объ окончательномъ крещеніи Славянъ при Василіи православными священниками, то повторяемъ—оно относится почти исключительно къ Сербскому племени, ибо между Хорватами въ то время врядъ ли оставались еще некрещеные. Съ княземъ Седеславомъ утвердился въ Хорватіи родъ Терпиміра, который дѣйствительно, какъ говоритъ Константинъ,—и при немъ еще имѣлъ своего представителя на престолѣ (въ лицѣ Томислава). Зависимость Хорватовъ отъ Византіи состояла, по свидѣтельству Константина, лишь въ томъ, что императоръ утверждалъ князей Хорватскихъ, не нарушая однако основного народнаго права избирать себѣ князя „изъ наиболѣе любимаго и почитаемаго рода“ [2]).

Посмотримъ теперь, что намъ сообщаетъ Константинъ объ отношеніяхъ Хорватовъ къ далматинскимъ городамъ. Константинъ разказываетъ, что эти города существовали главнымъ образомъ обработкой земли сосѣднихъ островов. Но занимавшіеся морскимъ разбоемъ Неречане или Паганы рѣшительно не давали имъ покою, такъ что они наконецъ оставили острова и стали воздѣлывать прибрежную землю на материкѣ; но тутъ имъ мѣшали Хорваты.

Такъ продолжалось до императора Василія; когда жители далматинскихъ городовъ жаловались ему на свое безвыходное положеніе, то онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ они не платили болѣе византійскому стратигу, какъ было до сихъ поръ, а платили бы Хорватамъ. Стратигу же они должны были платить только бездѣлицу для доказательства ихъ зависимости отъ Римскаго императора. Затѣмъ Константинъ перечисляетъ, какъ велика была дань, платимая Хорватамъ какъ каждымъ городомъ отдѣльно, такъ и всѣми вмѣстѣ.

[1]) *Лавровскій*, тамъ же, стр. 504—505.

[2]) Rački, Odlomci, 87; *Rambaud*, 462.

Замѣтимъ кстати, что судьба далматинскихъ городовъ имѣла довольно много общаго съ судьбой Хорватовъ. Впрочемъ развитію силъ и дѣятельности этихъ городовъ обстоятельства особенно благопріятствовали. Они очень недолго оставались подъ владычествомъ Франковъ (до 810 г.), и вслѣдствіе того, очень рано достигли внутренняго благоденствія и политической самостоятельности. Во время царствованія слабыхъ императоровъ первой половины IX в. эта самостоятельность еще болѣе окрѣпла. Но когда на Адріатическомъ морѣ появились Сарацины и стали опустошать берега Далмаціи, то и римскіе города должны были пострадать отъ ихъ нападеній, къ которымъ присоединились еще нападенія славянскихъ моряковъ (Хорватовъ и Неречанъ); тогда-то города почувствовали отсутствіе сильной руки, которая защитила бъ ихъ. Мы видѣли, что Рагуза уже въ 841 г. обращалась за помощью къ Византіи и получила ее.

Неудивительно, что когда славянскіе сосѣди этихъ городовъ, Хорваты и Сербы, вновь признали покровительство Византіи при Василіи (878 г.), то и города, особенно дорожившіе своимъ спокойствіемъ въ виду своихъ торговыхъ предпріятій, рѣшились добровольно послѣдовать ихъ примѣру, сознавая важныя преимущества находиться подъ защитой и покровительствомъ великой державы.

Что касается взаимныхъ отношеній Далматовъ и Хорватовъ, то отношенія эти никогда не были, да и не могли быть особенно дружественны. Свидѣтельство Константина, что Хорваты мѣшали жителямъ римскихъ городовъ пользоваться землею, находившеюся въ предѣлахъ ихъ владѣній, весьма характеристично, и достовѣрность его не можетъ быть заподозрѣна. Императоръ Василій, по свидѣтельству Константина, сдѣлалъ весьма мудрое распоряженіе, чтобы примирить враждовавшія стороны: онъ постановилъ, чтобы притѣсняемые жители городовъ платили Хорватамъ ту дань, которая шла прежде Грекамъ.

Безъ сомнѣнія, за это города получали право безпрепятственно обрабатывать тѣ земли, изъ за которыхъ до тѣхъ поръ были ссоры, хотя Константинъ и умалчиваетъ объ этомъ [1]). Константинъ не опредѣляетъ и времени этого событія. Надо думать, что оно прои-

[1]) *Mikoczi*, 384—385.

изошло еще при Седеславѣ [1]), то-есть, вслѣдъ за признаніемъ всѣмъ Иллирикомъ зависимости отъ Византіи. Подать была распредѣлена такимъ образомъ: Сплѣтъ платилъ 200 червонцевъ, Трогиръ—100, Задаръ—110, Осоръ—100, Рабъ—100, Кркъ—100, всего 710. Рагуза, какъ самая могущественная и самостоятельная община, платила всѣхъ меньше; она находилась среди сербскихъ владѣній, имѣла свои виноградники въ двухъ областяхъ (Захлумьѣ и Тервуніи) и платила каждой изъ нихъ по 36 червонцевъ [2]). Этими извѣстіями о городахъ далматинскихъ завершаются свидѣтельства Константина о Хорватахъ. Только нѣсколько упоминаній о нихъ встрѣчаются въ его повѣствованіи о событіяхъ въ Сербіи и Болгаріи. Но эти упоминанія относятся преимущественно уже къ эпохѣ, современной нашему писателю. А о положеніи вещей въ Хорватіи еще въ IX в. мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что дѣло князя Седеслава не упрочилось. Въ 879 г. онъ былъ убитъ Бранимиромъ [3]), который отложился отъ Восточной церкви и отдался подъ покровительство Римскаго папы. Съ тѣхъ поръ Хорватія навсегда примкнула къ Риму. Въ политическомъ отношеніи Бранимиръ также не хотѣлъ зависѣть отъ Византіи. Бранимиру наслѣдовалъ Мутимиръ (Muncimirus), младшій сынъ Терпимира, извѣстный своею грамотой, а послѣ него, около 915 г.—Томиславъ, отчасти современникъ Константина [4]).

Впродолженіе всего этого времени, какъ видно изъ сохранившихся свидѣтельствъ, Хорваты находились въ дружескихъ отношеніяхъ къ Сербамъ, и напротивъ того, во враждѣ съ Болгарами. По Константину, какъ мы увидимъ подробнѣе въ главѣ о Сербахъ, многіе князья сербскіе, вслѣдствіе междоусобицы въ своемъ отечествѣ, часто преслѣдуемые Болгарами, находили убѣжище въ

[1]) Съ этихъ поръ начинается особенное сближеніе элемента романскаго со славянскимъ; можетъ быть, города и не были вполнѣ довольны своимъ положеніемъ, но надо было помириться съ нимъ. Постепенное ослабленіе далматинскихъ городовъ было слѣдствіемъ этого сближенія.

[2]) Замѣчательно, что данниками Хорватовъ около того времени сдѣлались добровольно Венеціанцы; см. *Dümmler*, 405.

[3]) По мнѣнію нѣкоторыхъ, это былъ сынъ Терпимира.

[4]) Константинъ не упоминаетъ объ этомъ князѣ потому, кажется, что онъ не былъ въ зависимости отъ Византіи.

Хорватіи. Хорваты также давали пріютъ у себя многимъ Сербамъ, бѣжавшимъ отъ опустошительнаго нашествія Болгаръ на ихъ страну. Вѣроятно, вслѣдствіе такого участія Хорватовъ въ бѣдствіяхъ Сербовъ, грозный царь Болгарскій Симеонъ (427 г.) отправилъ войско подъ начальствомъ Алогоботура противъ Хорватовъ, но походъ этотъ былъ совершенно неудаченъ. „Всѣ Болгары", говоритъ Константинъ,—„были перебиты Хорватами" [1]). Это свидѣтельство очевидно преувеличено, но оно во всякомъ случаѣ доказываетъ, что побѣда Хорватовъ была рѣшительная [2]).

[1]) Cap. 32, p. 158.

[2]) Уже во время печатанія нашего сочиненія мы имѣли случай познакомиться съ „Очеркомъ исторіи Хорватскаго государства до подчиненія его Угорской коронѣ" *И. П. Смирнова* (Казань, 1880). Къ сожалѣнію, мы увидѣли изъ этого очерка, что предвзятое и неосновательное отношеніе къ нашему историку, проникшее недавно въ науку благодаря печальному заблужденію нѣкоторыхъ изслѣдователей, въ томъ числѣ и г. Дринова, въ прекрасныхъ и вообще строго-научныхъ изслѣдованіяхъ котораго этотъ несправедливый взглядъ на Константина Багрянороднаго составляетъ одно изъ больныхъ мѣстъ,—что это отношеніе не осталось безъ послѣдователей.

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе воззрѣній г. Смирнова, ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями. Г. Смирновъ не отнесся къ извѣстіямъ Константина Багрянороднаго съ подобающимъ вниманіемъ, осмотрительностью и безпристрастіемъ. Какъ можно заключить изъ его ссылокъ, онъ даже не имѣлъ въ рукахъ сочиненій Константина, а пользовался извлеченіями изъ него въ латинскомъ переводѣ у Штриттера. Такой способъ пользованія писателемъ, конечно, не только не ведетъ къ правильному уразумѣнію его свидѣтельствъ, но и не даетъ возможности составить себѣ о немъ сколько-нибудь ясное понятіе какъ о писателѣ и источникѣ. Уже на основаніи одного этого можно судить о томъ, имѣлъ ли авторъ право такъ рѣзко и докторально, такъ рѣшительно и развязно отвергать большинство извѣстій Константина Багрянороднаго, не называя ихъ иначе, какъ „сказками, не заслуживающими ни малѣйшаго довѣрія" (стр. 113). Слѣпо слѣдуя г. Дринову въ общей оцѣнкѣ трудовъ Константина, г. Смирновъ даже превзошелъ его отрицательнымъ отношеніемъ къ отдѣльнымъ показаніямъ и свидѣтельствамъ нашего писателя, такъ что извѣстіямъ Константина почти не дается мѣста въ очеркѣ древнѣйшей исторіи Хорватскаго племени, и авторъ почти исключительно держится западныхъ лѣтописцевъ. Очевидно, г. Смирновъ приступилъ къ своей работѣ съ готовымъ, предвзятымъ взглядомъ на Константина, какъ на фантазера, не заслуживающаго даже добросовѣстной критики, и не потрудился подвергнуть ни одного

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сербы. Свидѣтельства Константина Багрянороднаго: I. О ихъ новыхъ жилищахъ. II. О ихъ судьбѣ съ VII по X вѣкъ.

I.

Къ Сербскому племени, согласно справедливому свидѣтельству Константина, мы причисляемъ, кромѣ собственныхъ Сербовъ, и остальныя небольшія славянскія племена, занимавшія южное Далматинское приморье отъ рѣки Цетиньи до рѣки Бояны и извѣстныя изъ Константина подъ слѣдующими названіями: Захлумцы (Ζαχλοῦμοι), Тервуняне или Травуняне и Конавляне (Τερβουνιῶται καὶ Καναλεῖται), Дукляне (Διοκλητιανοί), Нарентаны (Неречане) или Паганы (Арентаны, Ἀρεντανοί, Παγανοί) [1]). Мы видѣли, что доводы, приводимые нѣкоторыми хорватскими учеными въ доказательство того,

его свидѣтельства самостоятельному критическому разбору. Не пощадивъ Константина, авторъ не щадитъ и его лучшихъ критиковъ. Съ тою же легкостью и развязностью онъ объявляетъ, что всѣ они (Лучичъ, Шафарикъ, Голубинскій и др.) заблуждались и „безъ критики" вѣрили баснямъ Константина. Къ тому же множество ученыхъ трудовъ, разбирающихъ извѣстія Константина, остались, очевидно, вовсе неизвѣстны г. Смирнову (изъ прежнихъ: Бандури, Энгель, Микоци, Цейсъ и др.; изъ новыхъ: Дюмлеръ, Любичъ, Краузе, Рамбо и др.). Уже и этихъ немногихъ замѣчаній достаточно для читателя, чтобы видѣть „на сколько авторъ"- выражаясь его собственными словами въ предисловіи—„овладѣлъ предметомъ, удовлетворительны ли его научные пріемы, выборъ, группировка и освѣщеніе фактовъ".

[1]) Къ нимъ собственно можно отнести и Босняковъ, такъ какъ Босна (τὸ χωρίον Βόσωνα) упоминается Константиномъ, какъ отдѣльная область.

что эти племена принадлежатъ не Сербскому, а Хорватскому племени, слишкомъ мало убѣдительны, чтобъ опровергнуть ясное свидѣтельство Константина [1]) и другія соображенія, его подкрѣпляющія. Во всякомъ случаѣ, въ историческомъ отношеніи эти славянскія области такъ тѣсно связаны съ Сербскимъ княжествомъ, что ихъ судьбы естественно должны быть разсматриваемы рядомъ.

Константинъ, по своей страсти къ этимологическимъ производствамъ, не забываетъ остановиться и на имени Сербовъ. Вотъ что онъ говоритъ: „Сербы (Σέρβλοι) на римскомъ (то-есть, латинскомъ) языкѣ прозываются рабами (servi, δοῦλοι). Оттуда и *сербулами* (σέρβουλα) въ общемъ употребленіи называются башмаки рабовъ, а *цербуліанами* (τζερβουλιανοί) — тѣ, кто носятъ дешевую и бѣдную обувь. Это прозвище Сербы получили потому, что были рабами Римскаго императора“ [2]). Такое сближеніе славянскаго имени *Сербъ* съ латинскимъ servus, весьма распространенное въ древнее время и между современниками Константина, разумѣется, совершенно противно здравому смыслу, такъ что никто изъ ученыхъ не трудился и опровергать его. Однако, напрасно многіе приписывали это сближеніе самому Константину [3]). Послѣдній приводитъ только объясненіе этого имени у Римлянъ: рабами (servi) прозвали-де Сербовъ Римляне потому, что они были подвластны Римскому императору [4]). Для насъ это мѣсто Константина представляетъ нѣкоторый интересъ и въ другомъ отношеніи. Здѣсь мы находимъ сближеніе имени *Сербовъ* съ основой „сербул“, которая является у Константина разъ въ формѣ σερβουλ, а другой разъ въ формѣ τζερβουλ. На это обстоятельство обратилъ вниманіе уже Добровскій, и его соображеніе на столько любопытно, что считаемъ не лишнимъ привести его собственныя слова [5]): „Константинъ“, говоритъ Добровскій,— „производитъ имя σερβλοι“ не непосредственно отъ славянскаго *сер-*

[1]) Оно повторяется въ началѣ каждой изъ главъ, посвященныхъ этимъ племенамъ: 33-й, 34-й, 35-й, 36-й.

[2]) De adm. imp., c. 32, p. 152—153.

[3]) *Шафарикъ*, Сл. Др. I, кн. 1, 160; *Rambaud*, 76 и друг.

[4]) Такъ понималъ это мѣсто и *Гедеоновъ* въ своемъ сочиненіи: О Варяжскомъ вопросѣ; см. *Зап. Имп. Акад. Н.*, т. I, кн. 2, стр. 28.

[5]) *Dobrowski* въ *Engel's* Gesch. v. Serb., 153.

була, но отъ латинскаго servus, servi [1]); а отъ „серблов“ происходитъ родъ обуви „сербула“ и „сербуліаны“ [2]); но такъ какъ онъ пишетъ τζερβουλ, то видно, что онъ смѣшалъ два совершенно различные корня srb (serb) и crew. Притомъ τζερβουλα есть очевидно иллирское zrevglja. Константинъ и въ другихъ случаяхъ пишетъ βου вмѣсто w, такъ какъ у Грековъ нѣтъ звука w, по крайней мѣрѣ—славянскаго, который заключаетъ въ себѣ еще призвукъ u [3]). Послушайте только, какъ Краинецъ произноситъ слово zreul, башмакъ. Наше trewic, štrewic и польское trzewik происходитъ также отъ črew, crew. Константинъ переставляетъ только гласную и пишетъ τζερβουλα вмѣсто τζρεβουλα“.

Что касается настоящаго происхожденія имени Сербъ (у Константина: Σέρβλοι, Иллирскіе Сербы; Σέρβιοι Русскіе Сербы; Σερβλια—земля) [4]), то оно очень темно и принадлежитъ, какъ извѣстно, къ древнѣйшимъ народнымъ названіямъ Славянъ. Мы встрѣчаемъ его уже у Плинія (Serbi) и Птоломея (Serbi, Sirbi) [5]). Затѣмъ, почти нѣтъ болѣе сомнѣнія, что подъ „Спорами“ Прокопія [6]) слѣдуетъ также разумѣть „Сербовъ“. Надъ объясненіемъ этого имени трудились очень много, какъ древніе, такъ и новые ученые, но всѣ ихъ попытки оставались тщетными [7]). Довольно сказать, что всегда проницательный и остроумный Добровскій не могъ прійдти ни къ какому удовлетворительному выводу, въ чемъ и самъ сознавался [8]).

[1]) Итакъ, и Добровскій тутъ ошибался, приписывая это толкованіе самому Константину.

[2]) Это замѣчаніе Добровскій дѣлаетъ на слова Энгеля (тамъ же, 144), который, не вникнувъ хорошенько въ объясненіе Константина, говоритъ, что „онъ производитъ имя Сербовъ отъ serbula, обуви, которую носили рабы“.

[3]) Дѣйствительно, примѣръ такого же употребленія звука βου вмѣсто w (или въ) мы находимъ у Константина еще хотя бы въ названіи днѣпровскаго порога Ὀστροβουνίπραχ вм. Ostrowniprach=Островьни—прагъ.

[4]) У Кедрина Σέρβιοι, у Анны Комниной Σέρβοι.

[5]) *Шафарикъ*, I, 162, 289.

[6]) Объ этимологическомъ объясненіи Прокопіемъ этого имени см. *Гедеоновъ*, въ назв. соч., стр. 28—29.

[7]) Сравн. *Коларъ* (Rospr., 180); *Энгель*, Gesch. v. Serb., 144—146; догадка *Zeuss*'а, 607—608.

[8]) Institut. l. Slav., 154—155; *Шафарикъ*, I, кн. 1, 288—299. Тутъ же подробный перечень всѣхъ формъ имени Сербовъ.

Послѣ него этотъ вопросъ подвергся тщательному изслѣдованію Шафарика [5]). Знаменитый ученый пришелъ къ выводу, который, если и не можетъ считаться послѣднимъ словомъ науки, все-таки долженъ быть признанъ весьма вѣроятнымъ. Этотъ выводъ есть производство слова „Сербъ“ отъ корня *сер* (ser), являющагося также въ русскомъ *пасербокъ*, *пасербица*, пол. pasierb, pasierbica и т. д. Всѣ эти слова сложены изъ предлога „па“ и существительнаго *сербъ*, корень котораго есть *сер* (того же корня сиръ, сирый). Этотъ корень значитъ (подобно и корню „сып“) *родить*, *производить*, а оттуда сл. Сербы—родъ, племя. Однако Даничичъ не соглашается съ этимъ мнѣніемъ и производитъ имя Сербовъ отъ того же корня *sar*, отъ котораго, какъ мы видили, выводитъ и имя Хорватовъ [4]).

Перейдемъ теперь къ разбору свидѣтельствъ Константина о *жилищахъ* Сербовъ въ Иллирикѣ. Съ начала займемся собственной Сербіей, а затѣмъ отдѣльно каждымъ изъ остальныхъ племенъ, приводя каждый разъ извѣстія Константина его собственными словами:

Сербія (въ тѣсномъ смыслѣ).

Въ 30-й главѣ, перечисливъ подъ-рядъ, начиная съ сѣвера, всѣ земли Далмаціи, Константинъ продолжаетъ:

> „Сербія же находится на челѣ (то-есть, къ востоку) всѣхъ другихъ земель, къ сѣверу она граничитъ съ Хорватіей, къ югу съ Болгаріей“ (с. 30, р. 146).

Въ концѣ 32-й главы, посвященной исключительно Сербамъ, онъ говоритъ:

> „Въ крещеной Сербіи находятся слѣдующіе обитаемые города: Дестиникъ (Δεστινίκον), Цернабуска (Τζερναβουσκέη), Мегюретъ (Μεγυρέτους), Дресненкъ (Δρεσνεήκ), Лесникъ (Λεσνήκ), Салинесъ (Σαληνές), а въ области Босны (Βόσωνα)— Катера (Κάτερα), Десникъ (Δεσνήκ)“ (с. 32, р. 159).

Надо также принять во вниманіе показаніе Константина въ той же главѣ, что сыновья Сербскаго князя Мунтимира проводили Бориса, князя Болгарскаго, „до границы, то-есть, до Расы“ (ἕως τῆς Ῥάσης, с. 32, р. 154-5).

Какъ мы видѣли, Сербы, прибывъ въ Иллирикъ нѣсколько позже

[1]) Daničić, Osnove srb. ili hrv. jez., p. 370; см. выше, стр. 88.

Хорватовъ (635—640 гг.), расположились главною своею массою на востокъ отъ нихъ, а затѣмъ нѣкоторыя части ихъ племени распространились на юго-западъ къ морю и постепенно заняли все пространство на югъ отъ р. Цетины до Антибара, гдѣ хотя уже и были хорватскія поселенія, но столь рѣдкія, особенно далѣе къ югу, что сербскій элементъ, несравненно болѣе многочисленный, легко возобладалъ. Здѣсь, подъ вліяніемъ различныхъ-преимущественно территоріальныхъ условій, и образовались отдѣльныя области, получившія мѣстныя названія отъ своего положенія (Наречане отъ рѣки, Захлумцы отъ гористой мѣстности, Дукляне отъ города и т. д.). Такъ, по крайней мѣрѣ, всего естественнѣе объяснять себѣ происхожденіе этихъ областей.

Мы постараемся, на основаніи свидѣтельствъ Константина, на сколько возможно, опредѣлить границы прежде всего внутренней Сербіи. Задача эта представляетъ не мало затрудненій, такъ какъ показанія Константина о нихъ очень скудны и неопредѣленны. О границахъ собственной Сербіи онъ говоритъ только, что она лежитъ на востокъ отъ прочихъ земель, то-есть, Хорватіи и приморскихъ (сербскихъ) областей, къ сѣверу граничитъ съ Хорватіей, а къ югу съ Болгаріей. О восточной границѣ онъ не говоритъ ни слова.

Итакъ, *на сѣверъ* Сербія прилегала къ Хорватіи, подъ которою, конечно, можно разумѣть только Посавскую Хорватію и Славонію. Границею между ними была рѣка Сава, приблизительно отъ впаденія въ нее Вербаса до устьевъ Савы, то-есть, до Дуная; впрочемъ, владѣнія Сербовъ не простирались до самаго Дуная, и Бѣлградъ со своимъ округомъ принадлежалъ сначала Грекамъ, потомъ Болгарамъ, а Сербамъ достался только въ XIV вѣкѣ. Другихъ поясненій эта сѣверная граница, кажется, не требуетъ.

На западъ Сербія граничила съ Хорватіей и остальными сербскими областями—Неретвой, Захлумьемъ, Тервуніей и Дуклей, которыхъ отдѣляли отъ нея Динарскія горы. На вопросъ о границѣ между Сербіей и Хорватіей было уже отвѣчено при опредѣленіи восточной границы второй изъ нихъ. Остается прибавить, что съ высказаннымъ нами мнѣніемъ согласуется и то, что̀ мы почерпаемъ изъ разныхъ источниковъ относительно западной границы Сербіи или въ частности Босны. Тѣ доказательства и со-

ображенія, которыя приводятся Новаковичемъ въ пользу этого мнѣнія (что поселенія Сербовъ издавна простирались на западъ и за рѣку Вербасъ), заслуживаютъ полнаго вниманія [1]). Только относительно позднѣйшей судьбы этого края мы не раздѣляемъ его взгляда. Мы считаемъ болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, что эта сербо-хорватская граница не была одна и та же въ VII и IX вв. Какъ мы выше видѣли, надо полагать [2]), что Босна, то-есть, земля между Вербасомъ и Дриной [3]), составляла одно время (въ эпоху могущества Хорватіи) часть владѣній Хорватовъ, а потомъ уже (во второй половинѣ IX вѣка) обратно перешла въ руки Сербовъ. Итакъ, повторяя вкратцѣ все вышесказанное, мы приходимъ къ слѣдующему общему заключенію: Хорватское племя первоначально (около 635 г.) не простиралось на востокѣ далѣе горнаго хребта, идущаго съ сѣвера на югъ между Унной и Вербасомъ. На востокъ отъ этой границы расположились Сербы (638 г.), но вѣроятно, поселенія ихъ въ этой мѣстности, то-есть, по обѣимъ сторонамъ Вербаса и до р. Босны, были не особенно многочисленны, такъ что часть отдѣлившихся (640 г.) отъ главной массы Хорватовъ могла поселиться въ этой странѣ (по Константину въ „Иллирикѣ“). Можетъ быть, отчасти благодаря этому хорватскому элементу, Хорватія въ періодъ высшаго развитія своихъ силъ и могущества (въ IX в.) овладѣла этою территоріей и нѣкоторое время имѣла границею рѣку Дрину. Однако, впослѣдствіи, какъ извѣстно, Босна окончательно возвратилась къ Сербамъ, хорватскій элементъ слился съ сербскимъ, и въ X вѣкѣ границей Сербіи была опять прежняя черта на западъ отъ р. Вербаса.

Не легче опредѣлить по Константину южную и восточную границы собственной Сербіи. *На югѣ* (вѣрнѣе—юговостокѣ) Сербія граничила съ Болгаріей. Но гдѣ же начиналась Болгарія? Тутъ насъ выручаетъ нѣсколько показаніе Константина, что сыновья Сербскаго князя Мунтиміра проводили князя Болгарскаго Бориса до границы, то-есть, до Расы (ἕως τῆς Ῥάσης); то долженъ былъ

[1]) Српск. Обл., стр. 93—109.

[2]) *Dümmler*, 372—373; Rački, Odlomci, 18—19.

[3]) О границахъ Босны въ то время и позднѣе см. *Новаковичъ*, тамъ же, 125—130.

быть городъ, нынѣшній Нови-Пазаръ (Новый Базаръ), находившійся въ жупѣ Расѣ, на рѣкѣ Рашкѣ, лѣвомъ притокѣ рѣки Ибра. Съ этимъ указаніемъ вполнѣ согласны свидѣтельства Дуклянскаго пресвитера, по словамъ котораго Сербія на востокѣ (или юго-востокѣ), простиралась до *Лапіи* и *Лаба* (ad Lapiam et Lab). Лабъ, по мнѣнію Новаковича, была, можетъ быть, жупа на нынѣшней рѣкѣ Лабѣ, а Лапія, по всей вѣроятности, есть то же, что̀ Липьанъ, Липлıанъ, какъ называлась нѣкогда Приштинская область [1]). Такимъ образомъ можно думать, что южною границей Сербіи была приблизительно черта, проведенная отъ устьевъ рѣки Рашки прямо на западъ къ предѣламъ Тервунской области, то-есть, она почти совпадала съ южною границей нынѣшней Босніи и отчасти Герцеговины [2]).

Что касается *восточной* границы, то опредѣлить ее при существующихъ данныхъ—всего труднѣе. Эту границу довольно подробно разбираетъ Шафарикъ [3]), доказывая, что далѣе къ сѣверу восточною границей Сербскаго племени была Нижняя Морава. Однако другіе изслѣдователи [4]) полагаютъ, что предѣлы сербскихъ владѣній не доходили до Моравы, а простирались только до рѣки Колубары. Въ этомъ случаѣ мнѣніе Шафарика кажется намъ справедливѣе, судя по положенію одного города, упоминаемаго Константиномъ (именно Μεγυρέτους), который, какъ мы увидимъ, по всей вѣроятности, находился не далеко отъ рѣки Моравы.

Здѣсь кстати упомянуть о заблужденіи Цейса и Дюмлера [5]), которые къ Сербскому племени относили нѣкоторыхъ Подунайскихъ Славянъ, а именно Бодричей, Браничевцевъ и Тимочанъ, тогда какъ можно положительно сказать, что эти племена принадлежали къ вѣтви Славянъ Мизійскихъ, и по приходѣ Болгаръ полу-

[1]) Нынѣ въ томъ краю есть еще село *Лабльанъ*, *Лабльe село*, которое фонетически сродно съ названіемъ *Липльанъ* (Лıплıанъ). *Новаковичъ* тамъ же, 111—113.

[2]) Подробныя соображенія объ этой сербо-болгарской границѣ—у *Новаковича*, ibid., 113—125.

[3]) Сл. Др., II, кн. 1, 427—429.

[4]) *Гильфердингъ*, Письма, в. I, 16; съ нимъ соглашается и *Дриновъ*, 157, примѣч.

[5]) *Zeuss*, Die Deutsch , 614—615; *Dümmler*, 376.

чили общее названіе Болгарскихъ Славянъ [1]). Обращаясь къ разсмотрѣнію городовъ, называемыхъ Константиномъ въ Сербіи, мы должны замѣтить, что при отысканіи ихъ мѣстоположенія, не слѣдуетъ слишкомъ выступать изъ тѣхъ предѣловъ, которыми мы, по показаніямъ Константина, опредѣлили территорію собственной Сербіи; отысканіе этихъ городовъ внѣ означенныхъ границъ повело бы только къ большей путаницѣ и заблужденіямъ [2]).

Δεστινίκον (Destinikon), Дестиникъ, въ другомъ мѣстѣ у Константина Δοστινίκα [3]), древняя столица Сербскаго князя, по мнѣнію Шафарика, есть *Десница* (въ грамотѣ Сигизмунда 1426 г.—Thysnitza), которую надо искать у низовьевъ рѣки Дрины, гдѣ теперь селенія Десиħ и Десна. Противъ этого опредѣленія возстаетъ Новаковичъ. Онъ приводитъ основательныя причины, по которымъ какъ этотъ, такъ и слѣдующій городъ, слѣдуетъ искать въ южныхъ частяхъ Сербіи, въ области рѣки Рашки, около Расы. Здѣсь и впослѣдствіи былъ центръ восточной Сербіи (съ столицей Расой), и по всей вѣроятности, въ этомъ же краѣ были и прежде столичные города, однимъ изъ которыхъ (въ IX—X вѣкахъ) былъ и Δεστινίκον. Можетъ быть, потому Константинъ и помѣстилъ его на первомъ мѣстѣ, что онъ былъ первымъ по порядку—на пути изъ Византіи въ Сербію. Что касается самаго его мѣстоположенія, то и Новаковичъ сознается, что ему не удалось отвѣтить на этотъ вопросъ. Его указаніе на *Дежеву* представляетъ догадку, не нашедшую себѣ еще никакого подтвержденія [4]).

Τζερναβουσκεή (Tzernabuskei), вѣроятно—Чернабуча (Црнобуча, то-есть, Црно-Бучје), но гдѣ лежалъ этотъ городъ—положительно не извѣстно [5]). Новаковичъ предполагаетъ его также въ области Рашки. Въ сѣверной Босніи есть деревня Бѣлабуча [6]).

[1]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 343 и слѣд.

[2]) *Новаковичъ*, ibid., 137.

[3]) Cap. 32, p. 156.

[4]) *Новаковичъ*, ibid., 144—146.

[5]) *Шпрунеръ* на своей картѣ (Ист.-Геогр. Атласъ, изд. 1846) ставитъ его предположительно нѣсколько на юго-востокъ отъ устья рѣки Дрины.

[6]) Но если принять во вниманіе, что у Константина звукъ βου часто соотвѣтствуетъ слав. кх, то можетъ быть, подъ этимъ именемъ (Τζερναβουσκεή) надо разумѣть что-либо въ родѣ *Чернавска*.

Μεγυρέτους (Megyretus), вѣроятно—Meђурeчje (Межерѣчье). По весьма возможному предположенію Шафарика, этотъ городъ есть нынѣшняя слобода Meђуречье въ Ягодинскомъ краѣ, на западъ отъ Моравы. Нoваковичъ также не могъ подыскать никакого иного мѣстоположенія для этого города, но не считаетъ возможнымъ до тѣхъ поръ рѣшительно высказаться за него, пока не откроется въ его окрестностяхъ какихъ-нибудь очевидныхъ остатковъ стариннаго города [1]). Впрочемъ онъ указываетъ еще на другое Meђуречье въ Крушевацкомъ округѣ и на *Маглич* на правомъ берегу Ибра.

Δρεσνεήκ (Dresneik). Дресникъ, какъ думаютъ, есть нынѣшній Дрежникъ въ Ужицкомъ округѣ (въ грам. Дрьсникъ). Названіе находящейся близъ него горы „Градина" свидѣтельствуетъ о томъ, что тутъ, вѣроятно были развалины какого-нибудь стариннаго города [2]).

Λεσνήκ (Lesnik), Лесникъ или Лешникъ, по Шафарику—нынѣшній городъ Лешница на р. Ядрѣ, притокѣ Дрины, въ Шабацкомъ округѣ. Однако Новаковичъ не согласенъ съ этимъ опредѣленіемъ. Кромѣ этой Лешницы, есть еще двѣ по близости, на правомъ берегу Дрины: одна—подъ горой *Видоjевице* въ Шабацкомъ округѣ, другая—рѣчка Лешница, въ Подринскомъ округѣ. Всѣ онѣ группируются около горы Видоjевицы, на которой расположенъ городъ *Видинградъ*. Въ немъ-то Новаковичъ и видитъ Константиновъ Λεσνήκ [3]).

Σαλτηνές (Salines), нынѣ Соли, по турецки Тузла, въ сѣверовосточной Босніи.

Въ Боснѣ (χωρίον Βόσωνα, у Киннама Βόσθνα), составлявшей особую область по обѣимъ сторонамъ рѣки Босны [4]), Константинъ упоминаетъ два города [5]).

[1]) *Новаковичъ*, ibid., 140—142. Предположеніе *Томашека* (Miscellen aus der alten Geographie) о названіи древней муниципіи (на мѣстѣ нын. Пожеги) *Macurete* или *Magureti* должно быть совершенно отвергнуто, какъ основанное на ошибочномъ представленіи о *рѣчкѣ* Meђуречьи, которой въ дѣйствительности вовсе не было.

[2]) *Новаковичъ*, 142.

[3]) *Новаковичъ*, 140.

[4]) *Новаковичъ*, 125—130.

[5]) *Любичъ*, считающій Босну хорватскою страною, читаетъ это мѣсто такъ, что „Сербы имѣли еще въ Боснѣ два города, Которъ и Десницу" (*Rad*, XLIII, l. c., p. 114). Очевидно—это натяжка.

Κάτερα (Katera), по Шафарику нынѣшній Kotorsko на рѣкѣ Боснѣ (прежде назывался будто бы Которицей). Юкичъ въ географическомъ описаніи Босніи упоминаетъ о нѣкогда славномъ городѣ *Которъ* въ Сараевской нахіи. Есть еще городъ *Которъ* на рѣкѣ Врбаньѣ, правомъ притокѣ Вербаса. Новаковичъ полагаетъ, что такъ какъ въ Которѣ близъ Сараева нѣтъ никакихъ остатковъ старины, то скорѣе слѣдуетъ считать Κάτερα за Которъ на р. Врбаньѣ; близъ него есть и село Которище [1]).

Δεσνήκ (Desnik), по мнѣнію Шафарика, Тешань (Дешань), на западъ отъ рѣки Босны (на рѣчкѣ, впадающей въ Усору). Въ памятникахъ среднихъ вѣковъ встрѣчается Десна (Тесна), *Деснак*. Судя по написанію Константина, имя его въ то время имѣло форму *Тесник*.

Упоминаемый Константиномъ городъ Раса [2]) (Rasa) есть нынѣшній Нови-Пазаръ на рѣкѣ Рашкѣ. Это была извѣстная столица Нѣманичей [3]).

Перейдемъ къ остальнымъ сербскимъ племенамъ, занимавшимъ отдѣльныя области въ южной Далмаціи. Разберемъ ихъ въ томъ же порядкѣ, какъ о нихъ повѣствуетъ нашъ историкъ.

Захлумцы (Ζαχλοῦμοι).

„Отъ Рагузы начинается княжество (ἡ ἀρχοντία) Захлумцевъ и простирается до рѣки Оронтія (Неретвы) и своею приморскою частью граничитъ съ Паганами, со стороны горъ, на сѣверѣ (Πρὸς δὲ τὰ ὀρεινὰ εἰς ἄρκτον) сосѣдитъ съ Хорватами, а на востокѣ съ Сербіей" (с. 30, р. 145).

„...Захлумцы суть Сербы со времени того князя, который обратился къ Римскому императору Ираклію. Захлумцами они называются отъ такъ-называемой горы Хлума [3]), а иначе слово Захлумцы на славянскомъ языкѣ значитъ „живущіе за холмомъ" (ὀπίσω τοῦ βουνοῦ), ибо въ той странѣ есть большой

[1]) *Новаковичъ*, 138—139.

[2]) Нѣкоторые думаютъ, что Раса Константина есть не городъ, а рѣка (нынѣ Рашка), но для этого нѣтъ основанія.

[3]) Перечень другихъ древнихъ топографическихъ названій Сербіи по разнымъ источникамъ у *Шафарика*, II, кн. 1, 432—434.

[4]) ἀπό ὄρους οὕτω καλουμένου Χλούμου.

холмъ, на вершинѣ котораго есть два города: Бона (Βόνα) и Хлумъ (Χλοῦμ); сзади холма протекаетъ рѣка по имени Бона, что значитъ καλόν.

„Родъ проконсула и патриція Михаила, сына Βουσεβούτζη (Вышевича?), князя Захлумцевъ, пришелъ отъ некрещеныхъ жителей по р. Бисласъ (Βίσλας), называемой и Дицикой (Διτζίκη), и поселился на такъ называемой рѣкѣ Захлумѣ (Ζαχλοῦμα)".

„Въ Захлумской области находятся слѣдующіе населенные города: Стагнъ (Σταγνόν), Мокрискикъ (Μοκρισκίκ), Іосле (Ἰοσλή), Галумайникъ (Γαλουμαήνικ) и Добрискикъ (Δοβρισκίκ)" (c. 33, p. 160—161).

Свидѣтельства Константина даютъ слѣдующее понятіе о положеніи области Захлумья (или Захолмія) [1]). Она простиралась отъ г. Рагузы, который находился на границѣ Захлумья и Тервуніи, на сѣверъ и сѣверо-западъ до р. Оронтія, то-есть, Неретвы, занимая большую часть юго-восточной половины нынѣшней Герцеговины. Константинъ говоритъ, что со стороны моря Захлумцы граничатъ съ Паганами; дѣйствительно, морское побережье по обѣимъ сторонамъ устья Неретвы принадлежало Неречанамъ или Паганамъ. Это *Приморье* Неречанъ простиралось на югъ приблизительно до г. Стона. Далѣе, по Константину, Захлумцы сосѣдятъ *со стороны горъ съ Хорватіей*. Это опредѣленіе довольно неясно. Тутъ, пожалуй, можно бы разумѣть самый сѣверный уголъ Захлумской области, на Неретвѣ, тамъ, гдѣ эта рѣка, имѣвшая сначала направленіе отъ юго-востока на сѣверо-западъ, дѣлаетъ крутой поворотъ прямо на югъ, и гдѣ Захлумье могло на самомъ незначительномъ пространствѣ соприкасаться съ Хорватіей. Однако такое объясненіе не всѣми считается вполнѣ удовлетворительнымъ. Дѣло въ томъ, что греческій текстъ въ этомъ мѣстѣ (въ разказѣ о границахъ Захлумья и вслѣдъ затѣмъ земли Пагановъ) перепутанъ, но съ помощью извѣстной перестановки (строкъ — въ Боннскомъ

[1]) Во времена Константина Захлумье простиралось только на югъ отъ р. Неретвы, но при пресвитерѣ Дуклянскомъ Паганіи или Неретвы уже не было, а большая часть ея также принадлежала къ Захлумской области. Неретвой Дуклянинъ называетъ только мѣстность по верхнему теченію рѣки этого имени. *Новаковичъ*, ibid., 61.

изданіи Константина) можно прочесть его такъ, какъ мы перевели его. Новаковичъ исправляетъ это мѣсто нѣсколько иначе, такъ что въ его чтеніи выходитъ, что Захлумье со стороны горъ граничило только съ Сербіей, а не съ Хорватіей; съ послѣднею же граничила съ сѣвера область Неречанъ [1]).

Восточною или вѣрнѣе сѣверо-восточною границей Захлумья былъ хребетъ горъ, отдѣляющій эту область отъ собственной Сербіи. Болѣе точнаго опредѣленія этой границы, на основаніи Константина, дать не возможно [2]). Наконецъ на югъ и юго-востокъ Захлумское княжество граничило съ Тервуніей.

Вникнувъ въ объясненіе Константина имени Захлумцевъ [3]) (Захолмцевъ), легко замѣтить, что онъ представляетъ въ сущности двоя-

[1]) Вотъ текстъ (съ перестановкой) соотвѣтствующій нашему переводу: Ἀπὸ δὲ τοῦ Ῥαουσίου ἄρχεται ἡ ἀρχοντία τῶν Ζαχλούμων καὶ παρεκτείνεται μέχρι τοῦ Ὀροντίου ποταμοῦ, καὶ πρὸς μὲν τὴν παραθαλασσίαν πλησιάζει τοῖς Παγανοῖς, πρὸς δὲ τὰ ὀρεινὰ εἰς ἄρκτον μὲν πλησιάζει τοῖς Χρωβάτοις, εἰς κεφαλὴν δὲ τῇ Σερβλίᾳ. ἀπὸ δὲ τοῦ Ὀροντίου ποταμοῦ ἄρχεται ἡ Παγανία, καὶ παρεκτείνεται μέχρι τοῦ ποταμοῦ τῆς Ζεντίνας, τρεῖς ἔχουσα ζουπανίας, τὴν Ῥάστωζαν καὶ τὸ Μοκρὸν καὶ τὸ Δαλέν etc. Новаковичъ (ibid., стр. 31—32) предлагаетъ такую перемѣну: въ первой половинѣ этого періода послѣ словъ: πλησιάζει τοῖς Παγανοῖς читать только: πρὸς δὲ τὰ ὀρεινὰ τῃ Σερβλίᾳ; а предложеніе εἰς ἄρκτον μὲν πλησιάζει τοῖς Χρωβάτοις, εἰς κεφαλὴν δὲ τῇ Σερβλίᾳ онъ относитъ къ описанію границъ Пагании, присоединяя его посредствомъ союза καὶ къ самому концу періода — послѣ словъ καὶ τὸ Δαλέν. При такомъ чтеніи выходитъ, что и Захлумье, и Паганія со стороны горъ (выраженія πρὸς δὲ τὰ ὀρεινὰ и εἰς κεφαλὴν — тожественны по смыслу) примыкали къ собственной Сербіи, тогда какъ при первомъ чтеніи съ Сербіей граничило только Захлумье, а про Паганію этого не говорится, потому естественно, что этого и не могло быть при соприкосновеніи Захлумья съ Хорватіей. И то, и другое чтеніе, какъ намъ кажется, одинаково возможны, и мы не можемъ согласиться, чтобы второе заслуживало рѣшительнаго предпочтенія передъ первымъ.

[2]) *Новаковичъ*, ibid., 59. Вообще страны подъ горами, отдѣлявшими приморскія сербскія области отъ собственной Сербіи, Константинъ совсѣмъ не знаетъ. Она подъ именемъ „Подгорья" подробно описана у Дуклянскаго пресвитера; ibid., 68—87.

[3]) У Кедрина испорч. Ζαχλοῦμβοι; Пресвитеръ Дуклянскій называетъ эту область также Chelmaniana или Chelmania, у Мавро Орбини—Chelmo, въ сербскихъ памятникахъ Захлъмина, Хлъмьска земля.

кое объясненіе. Съ одной стороны, онъ производитъ Захлумцевъ отъ горы, которой собственное имя „Хлумъ" (Χλοῦμ), такъ что Захлумцами называется народъ, живущій за горой Хлумомъ, съ другой стороны Константинъ объясняетъ, что Захлумцами, то-есть, Захолмцами называются на славянскомъ языкѣ тѣ, которые живутъ за холмомъ, то-есть, горой (ὀπίσω τοῦ βουνοῦ), слѣдовательно, судя по этому Захлумцы получили свое имя просто потому, что жили за горой или большимъ холмомъ, который находился, по свидѣтельству Константина же, въ той странѣ. И то, и другое объясненіе можетъ имѣть свое основаніе. Весьма возможно, что первоначально это племя было такъ названо дѣйствительно только потому, что поселилось за хребтомъ горъ, проходящихъ черезъ эту страну [1]), но вскорѣ затѣмъ нарицательное имя *холмъ* (сербскій хумъ) [2]) могло обратиться въ собственное (Константиновъ „Хлумъ"), будучи отнесено къ какой-либо опредѣленной горѣ или холму. Что въ дѣйствительности *Холмъ*, вѣроятно, сталъ собственнымъ именемъ, на это указываетъ упоминаемый Константиномъ городъ (не деревня ли?) Хлумъ, расположенный будто бы на этой горѣ, также рѣка Захлума, теченіе которой Константинъ болѣе точно не опредѣляетъ, и наконецъ, то обстоятельство, что древніе памятники представляютъ намъ такія выраженія, какъ Chulmiae ducatus Chulmorum dux [3]) и т. д. Да и теперь встрѣчается въ той странѣ названіе Хумъ (Хлумъ) [4]). Что касается рѣки Захлумы (Загуммити-

[1]) Вѣроятно, они были названы такъ своими сѣверными сосѣдями (Неречанами), ибо горы, о которыхъ идетъ рѣчь, идутъ кажется вдоль р. Неретвы, а на сѣверъ отъ нихъ уже начинаются предѣлы Неречанъ. Надо имѣть въ виду, что безымянный Дуклянецъ знаетъ Захлумье подъ именемъ Подгорья.

[2]) Форма „Хлумъ" у Константина доказываетъ, что въ то время *л* еще произносилось (теперь *хумъ*).

[3]) *Dümmler*, 377, прим. 4.

[4]) *Новаковичъ* (ibid, 34—40) подробно изслѣдуетъ вопросъ, гдѣ находился Константиновъ Χλοῦμ. Нынѣшній Хумъ повыше Мостара, на правомъ берегу Неретвы, онъ не считаетъ ему тожественнымъ—по разнымъ основательнымъ причинамъ. По всѣмъ признакамъ всего болѣе подходитъ подъ описаніе Χλοῦμ'а Константина г. *Благай* на горѣ, съ которой течетъ рѣка по имени Буна; это, какъ говоритъ Новаковичъ,—старый и еще

ца?), то Шафарикъ говоритъ [1]), что по нѣкоторымъ извѣстіямъ эта рѣка протекаетъ долиной, называемой Попово, и теряется въ р. Требиништицѣ. Константинъ упоминаетъ еще о рѣкѣ *Бонѣ* (Βόνα) и городѣ (опять не селеніе ли?) того же имени на горѣ Хлумѣ. И теперь есть рѣка Буна, притокъ Неретвы съ лѣвой стороны, впадающая въ нее пониже г. Мостара. На этой рѣкѣ недалеко отъ ея устья есть мѣстечко Буна, но конечно, еще вопросъ, можно ли его отожествлять съ городомъ, упоминаемымъ Константиномъ [2]). Этимологія имени Бона, предлагаемая нашимъ историкомъ, очевидно невѣрна. По вѣроятному предположенію Шафарика, имя Буны происходитъ отъ слова *бунъ*, что̀ значитъ известь.

О происхожденіи рода Захлумскихъ князей съ р. Вислы или Дицики (Дичицы) [3]), то-есть, изъ Бѣлосербіи уже было говорено въ своемъ мѣстѣ.

Города, называемые Константиномъ въ Захлумской области, суть слѣдующіе:

Σταγνόν [4]), Стагнонъ, по итал. Stagno, сл. Стонъ, лежитъ у самаго начала полуострова Sabbioncello. Этотъ городъ былъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ у Захлумцевъ; теперь это небольшое мѣстечко.

Μοκρισκίκ, Мокрискикъ; его положенія точно опредѣлить не можемъ. Рачкій (Documenta, 415, пр. 64) полагаетъ, что настоящее сербское имя этого мѣста было *Мокрьско* (то же и Шафарикъ). Новаковичъ считаетъ возможнымъ отожествлять его съ нынѣшнею деревнею *Мокро*, на правомъ берегу Неретвы, на западъ отъ Мостара [5]).

незабытый центръ управленія всей области. Есть основаніе думать, что Благай въ старину назывался Хумомъ, и что то же имя носила гора, на которой онъ расположенъ (по показанію Юкича, она даже и теперь такъ называется). Касательно подробностей обращаемъ читателя къ самому изслѣдованію Новаковича.

[1]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 435.

[2]) Сравн. *Новаковичъ*, ibid., 41.

[3]) О томъ, что слѣдуетъ читать Дичица, а не Тичица, см. *Шафарикъ* I, кн. 2, 357, пр. 39.

[4]) Названіе это дано вслѣдствіе болотистой мѣстности вокругъ города; болоты—причина дурного климата, см. *Petter*, II, 218.

[5]) *Новаковичъ*, ibid., 41—43.

Ἰοσλή, Іосли, по Шафарику и Новаковичу, слобода Осле (Ошле), на востокъ отъ Стона въ Герцеговинѣ [1]).

Γαλουμαήνικ, Галумайникъ (по Шафарику [2]) Глумникъ, Глумница), неизвѣстно гдѣ. Рачкій (Docum., 415, пр. 66) сближаетъ его съ Галичьникъ, Новаковичъ съ мѣст. *Глумине* на сѣверъ отъ Ошла [3]).

Δοβρισκίκ, Добрискикъ (у пресвитера Дуклянскаго—Debro, можетъ быть, тоже, что Добрискикъ), по мнѣнію Шафарика, прежде Дабрьскъ, нынѣ Дабаръ на сѣверо-востокъ отъ города Любины. Рачкій (Docum., 415, пр. 67) читаетъ Дьбрьско, Дьбрьскъ; однако Новаковичъ высказывается противъ этого предположенія о Дабарѣ, на томъ основаніи, что отъ корня дьбрь—нѣтъ ни одного названія, образованнаго посредствомъ суф. *скъ*, и что дь должно бы обратиться въ δε и δι, а не въ δο. Онъ упоминаетъ о мѣстечкѣ Добрича, близь впаденія Брегавы въ Неретву [4]).

Тервуняне (Τερβουνιῶται) или *Травуняне* (Τραβούνοι) и *Конавляне* (Καναλεῖται).

„Отъ города Декатеръ (Котора) начинается княжество Тервунія (ἡ ἀρχοντία Τερβουνίας) и простирается до Рагузы, а въ своей горной части граничитъ съ Сербіей" (c. 30, p. 145). „У Тервуніатовъ (Τερβουνιάτοι) и Каналитовъ (Καναλιτοί) одна и та же земля. Тамошніе жители происходятъ отъ некрещеныхъ Сербовъ и живутъ тамъ со времени того князя, который изъ некрещеной Сербіи обратился къ императору Ираклію и до Сербскаго князя Властиміра"... „Тервунія на славянскомъ языкѣ значитъ укрѣпленная мѣстность (ἰσχυρὸς τόπος), такъ какъ въ этой странѣ множество твердынь".

„Возлѣ Тервунской земли есть и другая, называемая Конавлей (Καναλή). Канале по славянски значитъ торная (возовая) дорога (ἁμαξιά), такъ какъ жители, вслѣдствіе плоской мѣстности, совершаютъ всѣ свои работы на повозкахъ" [5]).

[1]) По картѣ Шпрунера—близь истоковъ р. Неретвы.

[2]) *Шафарикъ* II, кн. 1, 436.

[3]) Ibid., 43—44.

[4]) Ibid., 44—45.

[5]) Τὸ δὲ Καναλὴ ἑρμηνεύεται τῇ τῶν Σκλάβων διαλέκτῳ ἁμαξιά (via plaustri) ἐπειδή, διὰ τὸ εἶναι τὸν τόπον ἐπίπεδον, πάσας αὐτῶν τὰς δουλείας διὰ ἁμαξῶν ἐκτελοῦσιν. (c. 34, p. 161—162).

„Въ Тервуніи и Конавлѣ слѣдующіе населенные города: Тервунія (Τερβουνία), Ормъ (Ὅρμος), Рисена (Ῥίσενα). Лукавете (Λουκάβετε) и Зетлиба (Ζετλήβη)“ (c. 34, p. 161—162).

Здѣсь Константинъ говоритъ о Тервуніи и Конавлѣ, какъ о двухъ соединенныхъ областяхъ, составлявшихъ одно цѣлое и управлявшихся, по видимому, однимъ княземъ. Но въ другомъ его сочиненіи „О церемоніяхъ“ мы находимъ несогласное съ этимъ показаніе, гдѣ въ перечисленіи иллирскихъ подданныхъ имперіи упоминаются два отдѣльные князя Тервуніи и Конавли: ὁ ἄρχων τοῦ Κανάλη и рядомъ ὁ ἄρχων τῶν Τερβούνων [1]). Одни изслѣдователи считаютъ это послѣднее извѣстіе ошибочнымъ [2]), а другіе полагаютъ, что въ царствованіе Константина Конавляне имѣли одно время собственнаго князя, признаваемаго Византіей [3]). При отсутствіи всякихъ другихъ свидѣтельствъ невозможно рѣшить, чье мнѣніе справедливѣе. Впрочемъ несовсѣмъ кажется вѣроятнымъ, чтобы такая маленькая область, какъ Конавля, могла имѣть своего отдѣльнаго князя [4]).

По Константину, Тервунія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Конавля, простиралась отъ Рагузы на югъ до г. Котора. Такимъ образомъ на сѣверо-западѣ она прилегала къ Захлумской области, а на юго-востокѣ—къ Дуклѣ. „Въ своей горной части“, говоритъ Константинъ,—„она граничила съ Сербіей“. Этими словами онъ, очевидно, разумѣлъ только хребетъ горъ, который тянется на сѣверо-востокѣ и дѣйствительно раздѣлялъ, хотя и на небольшомъ пространствѣ, собственную Сербію отъ Тервуніи [5]). На юго-западѣ къ Тервуніи примыкала Ко-

[1]) De Cerimon. Aul. Byz., II, c. 48, p. 691.

[2]) *Dümmler,* 377, прим. 5; Rački, Docum. 416; срв. *Шафарикъ,* II, кн. 2, 448.

[3]) *Rambaud,* 453.

[4]) Можетъ быть даже, свидѣтельство Константина въ Cerim. A. B. показываетъ только, что князь соединенныхъ областей Тервуніи и Конавли носилъ два отдѣльные титула, соблюдавшіеся въ оффиціальныхъ актахъ Византійскаго двора. Впрочемъ *Новаковичъ* (Срп. Обл., 29) не считаетъ неестественнымъ существованія рядомъ двухъ особыхъ маленькихъ княжествъ, такъ какъ они были раздѣлены самою природой.

[5]) Точно также выражается Константинъ, какъ мы увидимъ, и о Дуклянской области (c. 30, p. 145). *Шафарикъ,* не совсѣмъ вѣрно толкуетъ это показаніе Константина; Сл. Др., II, кн. 1, 446.

навля, занимавшая на югъ отъ Рагузы весь выдающійся берегъ до самаго Которскаго залива. Точной границы между Тервуніей и Конавлей мы не знаемъ.

Посмотримъ теперь, какъ Константинъ объясняетъ происхожденіе названій этихъ двухъ областей.

Имя Тервуніи (Τερβουνία), названной такъ будтобы потому, что въ ней было много укрѣпленій, Константинъ, какъ видно, сближаетъ съ славянскими словами *твердь*, *твердый*, *твердыня* [1]). Но, какъ показалъ Шафарикъ [2]), это объясненіе не выдерживаетъ критики. Имя этого племени является у Константина въ двухъ видахъ: Τερβουνιῶται (тоже Τερβουνιάται) и Τραβοῦνοι. Нынѣ въ той странѣ есть извѣстный городъ Требинья на озерѣ того же имени. Естественно, и по нашему мнѣнію совершенно справедливо, ученые считаютъ имя нынѣшняго города Требинья тожественнымъ съ прежнимъ названіемъ области и города Тервуніи. Но Шафарикъ усумнился въ этомъ тожествѣ: онъ считалъ послѣднее имя, по происхожденію, иллиро-латинскимъ, составленнымъ изъ словъ trans и βουνός [3]) и сближалъ его съ именемъ Transmontani и Tramontani (у Птоломея) и съ слав. Захлумьемъ и Загорьемъ. Впрочемъ онъ не отрицалъ возможности, что форма Тервунія или Травунія есть то же самое, что̀ Требинья, но „заимствована Сербами изъ греческихъ сочиненій". А въ другомъ мѣстѣ Шафарикъ производитъ названіе Требинья отъ слова „треба", жертвоприношеніе за умершихъ, поминки, тризна [4]). Изъ этого противорѣчія видно, что онъ самъ колебался и не рѣшался произнести окончательное сужденіе по этому вопросу. Не отрицая совершенно возможности объясненія имени Тервунія иллирскимъ происхожденіемъ его (изъ trans и βουνός), какъ предполагаетъ Шафарикъ,—мы однако не можемъ рѣшительно склониться къ этому мнѣнію, такъ какъ нѣ-

[1]) Можно изъ этого заключить, что эти свѣдѣнія сообщалъ Константину кто-нибудь, знакомый со славянскимъ языкомъ, пытавшійся изъ того же славянскаго объяснить имя области *Конавли*. См. *Новаковичъ*, Срп. Обл., 19.

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 445.

[3]) Хотя нѣсколько странно, почему бы одна часть слова была латинскаго происхожденія, а другая греческаго (срв. *Новаковичъ*, ibid. 20).

[4]) *Шафарикъ*, I, кн. 1, 160.

которыя соображенія увлекаютъ насъ въ другую сторону. Вопервыхъ, названіе нынѣшняго города Требинья положительно тожественно, по нашему убѣжденію, съ названіемъ Тервуніи, а вовторыхъ, есть основаніе утверждать, что это имя чисто славянское.

Противъ илліро-латинскаго происхожденія этого имени можно прежде всего привести тотъ доводъ, что форма Тра́вунцы, которая въ такомъ случаѣ не могла бы не считаться главною и первоначальною, есть позднѣйшая, и по видимому, искаженная [1]), ибо встрѣчается главнымъ образомъ въ грамотахъ XII и XIII вѣковъ. Даже и въ текстъ Константина она могла быть занесена позднѣе, такъ какъ извѣстно, что его сочиненіе „О Церемоніяхъ Византійскаго двора", гдѣ она только и встрѣчается, было отчасти исправлено, а отчасти даже и написано только въ XI вѣкѣ [2]). Такимъ образомъ первоначальною формой остается Τερβουνιάται, но и эта послѣдняя не представляетъ настоящаго народнаго имени и есть, кажется, греческая передѣлка славянскаго названія, въ основаніи котораго, по всей вѣроятности, лежитъ корень *треб* [3]), являющійся въ нынѣшнемъ „Требинье" и во многихъ другихъ славянскихъ племенныхъ и мѣстныхъ именахъ. Особенно обращаетъ вниманіе наше въ этомъ случаѣ то, что въ вѣтви Полабскихъ Сербовъ встрѣчается небольшое племя подъ именемъ Требованъ (Trebowane) [4]), жившее, какъ полагаютъ, въ Нижнихъ Лужицахъ, въ окрестностяхъ города Требуле (Trebule), вѣроятно—называвшагося по славянски Trebov или Trebovl [5]). Весьма возможно, что и разсматриваемое нами племя Иллирскихъ Сербовъ носило, если не то же самое, то по крайней мѣрѣ подобное ему имя, того же

[1]) Переходъ гласной е въ а довольно обыкновенно въ древне-сербскомъ нарѣчіи, особенно послѣ р (г), *Шафарикъ*, II, кн. 2, 446.

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 354, прим. 56.

[3]) Перестановка гласной (е), то-есть, передѣлка treb въ terb понятны. Мы видѣли выше, что Константинъ (по замѣчанію Добровскаго) изъ τζρεβουλα сдѣлалъ τζερβουλα.

[4]) Въ грамотѣ, относящемся къ Пражскому епископству, 1086 г. у Козьмы Пражскаго, *Zeuss*, 610; *Шафарикъ*, II, кн. 3, 161.

[5]) *Шафарикъ*, II, кн. 3, 161: срвн. у Лужичанъ г. Triebus, 1004, нынѣ Требачь, ibid., 157, также русск. Теребовль, Trembowl. Есть много другихъ названій мѣстностей того же корня.

самаго корня. Впрочемъ—повторяемъ—мы не хотимъ утверждать, что это объясненіе имени Тервуніи есть единственно возможное, хотя и считаемъ его болѣе подходящимъ. Что касается до значенія этого корня (*треб*), то, какъ мы видѣли, Шафарикъ въ одномъ мѣстѣ отожествляетъ его съ корнемъ слова *треба*; мы сами не беремся рѣшить, на сколько это вѣрно, но той же этимологіи держится и Новаковичъ (ibid., 20). Онъ не соглашается съ Миклошичемъ (Slav. Ortsnamen aus Appellativen, II, Wien, 1874), сближающимъ Требинье съ глаголомъ трѣбити въ значеніи purgare и extirpare, и самъ ставитъ въ связь съ этимъ именемъ слова, извѣстныя въ старомъ языкѣ: трѣба, sacrificium, трѣбиште, altare, delubrum. При такой этимологіи, по его мнѣнію, имя это всего легче объясняется тѣмъ, что Славяне застали на этомъ мѣстѣ слѣды римскаго храма. Дѣйствительно около Требинья (по разказу архим. Дучича) находятся кучи каменьевъ, нанесенныхъ человѣческими руками; о нихъ есть въ народѣ смутное преданіе, что они нѣкогда служили для религіозныхъ цѣлей, и подъ ними были найдены кости, вѣроятно, изъ гробницъ старожиловъ требинскихъ [1]).

Названіе другой области Канале (Καναλῆ) [2]), Конавля, Константинъ переводитъ словомъ ἁμαξία, via plaustri, то-есть, возовая дорога, производя его, слѣдовательно, отъ слова *кольница* и отъ *коло*, что̀ значитъ возъ [3]). Но и это объясненіе нашего писателя совершенно ошибочно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это имя не славянское. Однако были ученые [4]), которые стояли за этимологію Константина и ссылались на названіе мѣстности „via Carri Kolnich", встрѣчающееся въ одной грамотѣ XII вѣка (у Люція). Слово kolnich читали *кольница*, что̀ совершенно ошибочно [5]). Канале есть очевидно ла-

[1]) *Новаковичъ*, Срп. Области, 20—21. Тутъ упоминается, что Плиній (Natur. Hist., III, 26) говоритъ о гор. Tribulium въ Далмаціи, но Миклошичъ и Роскевичъ напрасно сближали его съ Требиньемъ. Срв. сближеніе Иллирскаго племени Δερβανοί со звукомъ Требинья.

[2]) О сербскихъ формахъ этого имени Конавли и Конавле см. *Новаковичъ*, ibid., 28.

[3]) *Шафарикъ*, I, кн. 1, 160.

[4]) Такъ думалъ между прочимъ и Рамбо (стр. 76), но понятно, что онъ, какъ иностранецъ, могъ заблуждаться.

[5]) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 446, прим.

тинское слово (canalis), и страна эта названа такъ отъ каналовъ и водопроводовъ, которыми она была изрѣзана [1]). Изъ городовъ въ Тервуніи и Конавлѣ Константинъ называетъ: Τερβουνία, Тервунія; это нынѣшній городъ Требинье или Требинья, расположенный на озерѣ того же имени, черезъ которое протекаетъ рѣка Требинштица.

Ὅρμος, Ормъ (Ormos), то же, что жупа Urmo у пресвитера Дуклянскаго. К. Іиречекъ, по признанію Новаковича, удачно отожествилъ этотъ городъ съ г. *Врм*'омъ около Требинья (Врьмь); нынѣ между Требиньемъ и Билечемъ, на правомъ берегу р. Требинштицы, находятся развалины города подъ названіемъ Vrono; это, безъ сомнѣнія, остатки древняго Врма [2]).

Ῥίσενα, Рисена, у пресвитера Дуклянскаго Ressena, нынѣ Рисанъ (Risan), у Которскаго залива. Это древній римскій городъ, называвшійся Rhisinium. Нынѣшній Рисанъ — небольшое мѣстечко 10 миль сѣвернѣе Котора [3]).

Λουκάβετε (Loukawete) (можетъ быть, Лукавица или Луговица?) [4]), по предположенію Шафарика, Лука, герцеговинское селеніе. Трудно сказать, та ли это Лука, о которой упоминаетъ архим. Дучичъ въ описаніи Требинской области, на югъ отъ Требинья, близъ австрійской границы. Эту послѣднюю Луку, по мнѣнію Новаковича, слѣдуетъ разумѣть въ Константиновой Λουκάβετε, ибо о племени *Луково* и горѣ *Лукавице* нельзя думать, какъ объ именахъ, встрѣчающихся внѣ предѣловъ Требинской области. Лука могла въ старину называться *Лукавацъ*, оттого у Константина и Λουκάβετε [5]).

Ζετλήβη (Zetliwi) напоминаетъ нѣсколько р. Зету въ одноименномъ краѣ (Шафарикъ), но послѣдняя принадлежала къ Дуклянской области. Рачкій предлагаетъ читать по славянски *Цвјетљиво* или *Цетолибо* (Documenta Hist. Chr., 415); Новаковичъ ука-

[1]) На это указалъ уже Lud. Tubero (Comm. de temp. s.), *Banduri*, ed. Bonn., 356 и *Stritter*, II, 409.

[2]) *Новаковичъ*, ibid., 22—23.

[3]) *Petter*, II, 260 — 261. По мнѣнію нѣкоторыхъ, было другое мѣсто Rhizona (у Птоломея) въ мѣстности г. Клобука, недалеко отъ Требинья.

[4]) *Шафарикъ* думалъ читать: τὸ Λουκάβε τε τὸ Ζετλήβη, но такое чтеніе сомнительно.

[5]) *Новаковичъ*, ibid , 23—24.

зываетъ на долину рѣки *Чепельице*, притока Требиништицы, на сел. *Жлиjебе* на сѣверъ отъ Castel-nuovo и наконецъ на м. Cilippi, на югъ отъ Цавтата (Ragusa vecchia) [1]); но вѣрна ли какая-либо изъ этихъ конъектуръ—сказать трудно.

Дукляне (Διοκλητιανοί).

„Діоклея (Διόκλητα) граничитъ съ городами (собственно укрѣпленія, καστέλλια) Диррахія (то-есть, темы Диррахія), а именно съ Элиссомъ (Ἐλισσόν), Элкиніемъ (Ἐλκύνιον) и Антибаромъ (Ἀντίβαριν), и простирается до города Котора, а въ горной своей части прилегаетъ къ Сербіи" (с. 30, р. 145).

„Діоклеей называется эта страна отъ города, построеннаго императоромъ Діоклетіаномъ. Теперь это пустой городъ (ἐρημόκαστρον), до сихъ поръ называемый Діоклеей".

„Въ Діоклейской землѣ лежатъ слѣдующіе населенные города: Градете (Γράδεται), Нуграде (Νουγράδε) и Лонтодокла (Λοντοδόκλα)" (с. 35, р. 162).

О городѣ Діоклеѣ или Дуклѣ Константинъ говоритъ еще въ другомъ мѣстѣ: „...Городъ Діоклею, населяемую Діоклетіанами, построилъ императоръ Діоклетіанъ, откуда и жители той страны получили названіе Діоклетіанъ (Дуклянъ)" (с. 29, р. 126).

Границы Діоклейской области показываютъ, что она почти совершенно совпадала съ нынѣшнею Черногоріей; только на востокѣ въ нее входила еще узкая полоса нынѣшней турецкой Албаніи. Діоклея простиралась на сѣверъ до Котора и граничила съ Тервунскою областью; на юго-востокѣ она прилегала къ византійской провинціи Диррахія (Драча), гдѣ близь моря находились города (нынѣ албанскіе, но отчасти ославяненные): *Антибаръ* (Antivari), иначе Баръ; *Элкиній* (Helcynium), то-есть, Ульцина (Dulcigno) или слав. Ольгунъ, и *Эллисонъ* (Elissus), Lissus, нынѣ Лешъ (итал. Alessio). На юго-западѣ Дуклянскую землю омывало море, а на сѣверо-востокъ она примыкала къ собственной Сербіи, отъ которой отдѣлялась горами. Болѣе точныхъ границъ ея, по Константину, опредѣлить не возможно [2]).

[1]) *Новаковичъ*, 24—25.

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 451.

Діоклейская земля, по свидѣтельству Константина, получила свое названіе „отъ города Діоклеи, построеннаго императоромъ Діоклетіаномъ". Невѣрность этого послѣдняго извѣстія, то-есть, построенія Діоклеи Діоклетіаномъ, какъ уже было однажды упомянуто, очевидна. Извѣстно, что этотъ императоръ былъ самъ родомъ изъ Діоклеи [1]), отъ которой и получилъ свое имя, и которая упоминается еще Птоломеемъ (Δόκλεα) и Плиніемъ [2]) (Docleates). Что касается извѣстія Константина, что въ его время Діоклея была пустымъ городомъ (ἐρημόκαστρον), то оно не подтверждается другими источниками, и мы ничего не знаемъ достовѣрнаго о томъ, была ли разрушена Діоклея до X в. Нѣкоторые предполагаютъ, что по разрушеніи Салоны Аварами Діоклея сдѣлалась метрополіей уцѣлѣвшихъ городовъ, а что потомъ она была разрушена Славянами [3]). Но опредѣленнаго извѣстія объ этомъ разрушеніи мы не имѣемъ, и потому ничего рѣшительнаго сказать не можемъ. Шафарикъ отвергаетъ показаніе Константина о Діоклеѣ, какъ объ опустѣломъ и безлюдномъ городѣ, и указываетъ на то, что Константинъ самъ въ числѣ городовъ Дуклянской области приводитъ Діоклею подъ именемъ Доклы (Δόκλα), которое по ошибкѣ соединено-де въ одно слово съ именемъ другого города Лонто (Λόντο). Онъ полагаетъ, что слѣдуетъ читать не Λοντοδόκλα, а отдѣльно τὸ Λόντο и τὸ Δόκλα. Съ этимъ мнѣніемъ согласны и нѣкоторые другіе ученые, напримѣръ, Дюмлеръ [4]). Дѣйствительно, эта догадка очень похожа на правду [5]), хоть ее и отвергаетъ г. Новаковичъ (Срп. Обл., 17—18), ссылаясь именно на то, что Константинъ называетъ Діоклею— ἐρημόκαστρον.

Достовѣрно извѣстно, что Діоклея пострадала въ X в. отъ Болгаръ, и именно въ концѣ этого вѣка, то-есть, послѣ Константина,

[1]) По крайней мѣрѣ достовѣрно, что Діоклея была родиной его матери. Срвн. *Dümmler*, стр. 378.

[2]) *Banduri*, ed. Bonn., 356; срвн. *Шафарикъ*, ibid.; Rački, Ocjena, К. Р., 49; *Documenta*, 267.

[3]) Напр. *Krause*, Res Slavorum etc., p. 14.

[4]) *Dümmler*, 378, прим. 1; *Голубинскій* въ этомъ вопросѣ едва ли правъ (Очеркъ ист., 548—549).

[5]) Δόκλα есть нѣсколько измѣненная слав. Дукля, въ которой Константинъ не узналъ Діоклеи; оттуда и ошибка его.

а не при Симеонѣ Болгарскомъ, какъ думали нѣкоторые [1]). Но затѣмъ, въ XI и XII вв. Дукля опять является знаменитымъ городомъ, когда возвысилось Дуклянское княжество. Извѣстно, что область Діоклея называлась также Зетой или Зентой, отъ рѣки Зеты, протекающей въ томъ краѣ.

Въ Дуклянскомъ княжествѣ были слѣдующіе большие населенные города:

Γράδεται, Gradetae, по мнѣнію Шафарика, есть нынѣшній Градиħ, повыше Скадра; Рачкій (Documenta Hist. Croat. стр. 415, пр. 79) указываетъ на *Градац* въ Черногоріи, но мѣстъ съ этимъ именемъ въ Черногоріи цѣлыхъ четыре. Новаковичъ (Срп. Обл., 17), имѣя въ виду форму имени Γράδεται, сближаетъ его съ именемъ цѣлаго племени Граħане въ нахіи *Рѣчкѣ*. Это предположеніе самое вѣроятное.

Νουγράδε, вѣроятно *Нови град* (Рачкій: Νούιγράδε), но гдѣ онъ лежалъ, рѣшительно неизвѣстно. Новаковичъ видитъ въ немъ одинъ изъ четырехъ черногорскихъ Градцевъ (въ Лешанской нахіи и у Бѣлопавличей).

Λοντοδόκλα, по мнѣнію Шафарика, произошла изъ сліянія двухъ названій: Λόντο, древн. Lunta, по Шафарику, нынѣшняя Linda на сѣверо-востокъ отъ Скадра. Рачкій сопоставляетъ его еще съ мѣстностью Льута между Перастомъ и Добротой. Δόκλα (Дукля) лежала при впаденіи р. Зеты въ Морачу; около ея развалинъ, называемыхъ „Дуклянъ градъ", нынѣ находится городъ Подгорица.

Изъ другихъ городовъ въ Дуклянской области мы уже упоминали о Которѣ, Будвѣ и Росѣ, которые по свидѣтельству Константина пострадали (въ 840 г.) отъ Сарацинов.

Нарентаны или Паганы (Ἀρεντανοί, Παγανοί).

„Отъ р. Оронтія (Наренты) начинается Паганія (Παγανία) и простирается до р. Зентины (Цетиньи) и имѣетъ три жупы: Растоцу (Ῥάστωτζα), Мокронъ (Μοκρόν) и Даленъ (Δαλέν) [2]). Двѣ первыя изъ нихъ прилегаютъ къ морю и имѣютъ сагины. Жупа Даленъ отдалена отъ моря и жители ея живутъ земледѣльемъ. Вблизи находятся четыре острова—прекрасные и

[1]) *Шафарикъ* II, кн. 1, 450; срвн. *Banduri*, ed. Bonn., 356—357.

[2]) По вышепредложенному чтенію Новаковича „съ сѣвера Паганія граничитъ съ Хорватіей, со стороны горъ—съ Сербіей".

плодороднѣйшіе: Мелета (Μέλετα), Куркура (Κούρκουρα), Барцо (Βάρτζω) и Фаръ (Φάρος); въ нихъ есть пустые города и много болотъ. Тамъ они (поселяне) живутъ, содержатъ скотъ и этимъ существуютъ" (с. 30, р. 145—146).

„Паганами называются они потому, что не приняли крещенія въ то время, когда всѣ Сербы крестились. Имя „Паганы" значитъ на славянскомъ языкѣ „некрещеные". На римскомъ языкѣ эта земля называется Арентой (Ἀρέντα), вслѣдствіе чего ея жителей Римляне (то-есть, Греки) называютъ Арентанами (Ἀρεντάνοι)... Въ Паганіи находятся обитаемые города: Мокронъ (Μόκρον), Берулліа (Βερούλλια), Острокъ (Ὄστρωκ) и Лабинеца (Λαβίνετζα). Они владѣютъ также слѣдующими островами: большой островъ Куркра (Κούρκρα) или Кикеръ (Κίκερ) съ городомъ. Другой большой островъ Мелета (Μέλετα) или Малозеата (Μαλοζεάται), о которомъ св. Лука упоминаетъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, называя его Мелитой (Μελίτη), гдѣ эхидна ужалила палецъ св. Павлу, а онъ сжегъ ее въ огнѣ. Третій большой островъ Фаръ (Φάρα), а четвертый Брацъ (Βράτζης). Но есть и другіе острова, не принадлежащіе Паганамъ: Хоара (Χόαρα), Іесъ (Ἶης) и Ластобонъ (Λάστοβον)" (с. 36, р. 163—164).

Племя „Арентанъ" (Нарентанъ) или по сербски Неречанъ населяло самую сѣверную часть приморской Сербіи. Константинъ опредѣляетъ сѣверную и южную границы этой области рѣками Цетиньей и Нарентой (Ὀρόντιος), отъ которой ея жители и получили свое имя. На сѣверо-западѣ земля Неречанъ прилегала къ Хорватіи. Границей между ними была дѣйствительно р. Цетинья, но только ближе къ морю; далѣе же на востокъ земля Неречанъ граничила съ хорватскими жупами Хлѣвенской и съ жупой Имотскою, лежавшими по лѣвую сторону рѣки Цетиньи. Касалась ли Паганія собственной Сербіи—достовѣрно рѣшить нельзя. Утвердительно отвѣчать на это можно бы только въ томъ случаѣ, еслибы мы навѣрное знали, что Захлумье не соприкасалось вовсе съ Хорватіей. Восточную и юговосточную границы составляла рѣка Нарента [1]), а на самомъ югѣ,

[1]) Не принадлежалъ ли отчасти и лѣвый берегъ Наренты (въ среднемъ теченіи) Паганамъ? Тогда понятнѣе, что ихъ зовутъ Нарентанами, какъ жителей по р. Нарентѣ.

близъ моря, Неречанамъ принадлежало, кажется, побережье и по лѣвую сторону Наренты, на западъ отъ Захлумцевъ, почти вплоть до г. Стона; это побережье лѣтописецъ Діоклейскій называетъ Крайной (Cherenania) [1]). Наконецъ, море омывало Паганію съ юго-западной стороны. Весь берегъ отъ устья Цетиньи до устья Наренты назывался „Приморьемъ", которое не должно быть смѣшиваемо съ хорватскимъ Приморьемъ на сѣверъ отъ Цетиньи (жупа Parathalassia). Паганамъ принадлежали и острова, расположенные вдоль ихъ береговъ.

Прежде чѣмъ мы обратимся къ остальнымъ свидѣтельствамъ Константина, относящимся къ топографіи этой области, скажемъ нѣсколько словъ о двоякомъ имени ея жителей.

Нарентанами, у Константина „Арентанами" (Ἀρεντανοί) [2]), по сербски Неречанами они называются по имени извѣстной намъ рѣки, которая въ древности называлось Naro (греч. Νάρων), у Константина Оронтій (Ὀρόντιος), у Италіанцевъ Narenta, у Сербовъ Неретва. Имя „Паганы" (или „Погане") было дано Неречанамъ, по словамъ Константина, за ихъ упорство въ язычествѣ: они не хотѣли креститься, когда всѣ Сербы крестились, и потому христіане ихъ прозвали Паганами, то-есть, погаными, некрещеными. Константинъ говоритъ, что *Паганами* они называются на славянскомъ языкѣ. Но противъ этого возражали многіе ученые, утверждая, что „paganus" и на латинскомъ языкѣ значитъ язычникъ (gentilis), и что Константинъ въ этомъ случаѣ ошибается [3]). Извѣстно, что почти на всѣхъ славянскихъ языкахъ язычниковъ называютъ „погаными" (чешск. pohané); это слово считаютъ обыкновенно заимствованнымъ изъ латинскаго языка (pagani — погане); [4]) но было ли оно въ употребленіи у Иллирскихъ Славянъ уже въ древности, при Константинѣ, еще вопросъ.

[1]) *Шафарикъ* II, к. 1, 437.

[2]) У Ѳеофана Продолжателя и Кедрина ошибочно Ῥεντανοί.

[3]) *Banduri* (Animadv., 337), замѣчаетъ, что его соотечественники не называютъ некрещеныхъ „паганами", что это слово у нихъ ничего не значитъ.

[4]) См. Slownik *Jungmana* подъ словомъ pohan; срвн. *Rambaud*, 76—77. Однако утверждать (какъ нѣкоторые дѣлаютъ), что въ славянскомъ словѣ pohane корень латинскій, а не славянскій, нѣтъ никакого основанія.

Константинъ дѣлитъ область Нарентанъ на три жупы. Двѣ изъ нихъ (Ῥάστωτζα и Μοκρόν) лежали у моря, и жители ихъ занимались мореплаваніемъ („имѣютъ сагины"); третья (Δαλέν) жупа занимала внутреннюю или восточную часть области, и населеніе ея, отдаленное отъ моря, занималось земледѣліемъ.

Ῥάστωτζα, Растоца (или Расточа), была южная приморская жупа близь рѣки Неретвы, гдѣ было озеро Растокъ на западъ отъ г. Макарски; отъ него, вѣроятно, жупа и получила свое названіе [1]).

Μοκρόν—жупа на сѣверо-западъ отъ Расточи, въ окрестностяхъ нынѣшній городъ Макарски (Константиновъ Mocro) [2]).

Δαλέν, по предположенію Новаковича, вм. Δαλμέν. Эта жупа простиралась на сѣверо-востокъ отъ предыдущихъ и занимала часть нынѣшней сѣверной Герцеговины. Теперь тамъ равнина Дувно или Думно, (Дльмьно), съ мѣстечкомъ того же имени, называвшаяся прежде Дълмно. Въ римское время здѣсь былъ извѣстный городъ Dalminium или Delminium, отъ котораго получила свое имя и вся Далмація. Нѣкоторые ученые (Момсенъ, Кипертъ и др.) оспаривали мнѣніе о мѣстоположеніи Delminium'а на нынѣшней равнинѣ Думно, однако Томашекъ и Новаковичъ рѣшительно отстаиваютъ его [3]). Города, перечисляемые Константиномъ въ Пaганіи, суть слѣдующіе:

Μοκρόν, Мокро въ Мокрской жупѣ, приморскій городъ, нынѣ Макарска (Makarska), близь котораго сохранились развалины стараго города.

Βερούλλια, Vrullia, нынѣ Вруля [4]), городъ на берегу моря между Макарскою и Омишемъ (Almissa), теперь маленькое мѣстечко (Врульа, Brele) [5]).

[1]) Теперь тамъ есть равнина Rastoch (Campagne di Rastoch); см. *Petter*, II, 96.

[2]) *Новаковичъ*, ibid., 52.

[3]) Ibid., 53—55.

[4]) Врулей первоначально назывался заливъ на сѣверъ отъ Макарски; онъ получилъ это названіе (сербск. вруља — источникъ, отъ врети — кипѣть) оттого, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его существуютъ подводные ключи, производящіе какъ бы кипѣніе на поверхности воды. *Petter*, II, 102.

[5]) Относительно этого опредѣленія согласны съ Шафарикомъ и *Рачкій* (Docum.) и *Новаковичъ* (ibid., 56).

Ὄστρωκ, Острогъ, въ жупѣ Расточе; нынѣ существуетъ Застрогъ (Zaostrog), мѣстечко близь моря, на югъ отъ Макарски, въ старину, вѣроятно, находившееся за городомъ Острогомъ [1]).

Λαβίνετζα (Лабинецъ или Лабинице?). Что это за городъ, рѣшить очень трудно [2]). Новаковичъ, предлагающій читать Λαβρίνετζα, ищетъ его остатковъ близь нынѣшняго Ловреħа, расположеннаго на сѣверо-востокъ отъ вышеупомянутой Врули. Имя это произошло отъ латинскаго Laureatae. Однако Новаковичъ самъ не вполнѣ удовлетворенъ своею конъектурой. Предлагаются и другія чтенія (Бериновац, или Bilubium, или Лапчань, или Виньица?), но всѣ онѣ очень сомнительны [3]).

Неречанамъ принадлежали еще слѣдующіе острова:

Κούρκουρα, также Κούρκρα или Κίκερ (Куркука, Куркра, Кикеръ), lat. Corcira [4]), итал. Curzola, сербск. Курчола (или Корчула), прежде Каркаръ. Этотъ островъ расположенъ на западъ отъ полуострова Sabbioncello. На немъ, по свидѣтельству Константина, былъ городъ вѣроятно того же имени, какъ и теперь (г. Корчулъ).

Μέλετα (Мелета) или Μαλοζεάται (Malozeate), лат. Melita, итал. Meleda, сербск. Млитъ. Онъ находился собственно противъ Захлумской области, на юго-западъ отъ гор. Стона. Константинъ говоритъ, что о немъ св. Лука упоминаетъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, называя Мелитой (Μελίτη); тамъ, по его словамъ, змѣя (випера) ужалила палецъ св. Павлу, который ее сжегъ на огнѣ. Относительно этого показанія между учеными было не мало споровъ. Дѣло въ томъ, что одни дѣйствительно разумѣютъ подъ Мелитой св. Луки далматинскій островъ Меледу или Млитъ, а другіе утверждаютъ, что подъ нею надо разумѣть о. Мальту. До сихъ поръ вопросъ не рѣшенъ, не смотря на то, что были написаны цѣлыя сочиненія pro и contra. Преданіе это всѣмъ извѣстно: корабль, везшій апостола Павла изъ Іерусалима въ Римъ, къ суду, былъ застигнутъ бурею у острова Мелиты, гдѣ высадившійся на берегъ апостолъ былъ гостепріимно встрѣченъ жителями. Но здѣсь его ужалила змѣя (ехидна),

1) *Новаковичъ*, 56.

2) *Шафарикъ*, II, кн. 2, 440.

3) *Новаковичъ*, 57—58.

4) Древн. греч. Corcyra Melaena, лат. Corcira Nigra, вѣроятно—для отличія отъ острова того же имени, что нынѣ Корфу.

которую онъ бросилъ въ огонь, послѣ чего всѣ змѣи острова потеряли свой ядъ. Оба острова, Меледа и Мальта, оспариваютъ другъ у друга это преданіе. Но большинство духовныхъ историческихъ писателей склоняются на сторону Мальты [1]). Защитники этого мнѣнія справедливо основываются на томъ, что точный разказъ св. Луки о мѣстности, гдѣ присталъ корабль св. Павла, совершенно соотвѣтствуетъ положенію этого острова въ дѣйствительности. То же подтверждается и прибытіемъ апостола вслѣдъ затѣмъ въ гг. Регій и Сиракузы.

Φάρος или Φάρα (Фаръ)), лат. Phara, сербск. Гваръ (или Хваръ) итал. Lesina (Łezina)—довольно большой островъ на сѣверъ отъ Курчолы. Теперь на немъ нѣсколько городовъ, изъ которыхъ важны—Хваръ (Łesina) въ западной оконечности острова и Старіградъ (Cittavecchia) на сѣверномъ берегу.

Βάρτζω или Βράτζης (Bartzo, Bratzis) лат. Brachia, сербск. Брачъ, итал. Brazza, лежитъ на сѣверъ отъ о. Хвара. Это самый большой и самый плодородный островъ изъ всего Далматинскаго архипелага [2]). Нынѣ на немъ нѣсколько населенныхъ городовъ (S. Pietri—Супетаръ, Neresi и т. д.).

На всѣхъ этихъ островахъ, по словамъ Константина, въ его время были пустые города (ἐρημόκαστρα) и множество болотъ. Жители преимущественно занимались скотоводствомъ.

Затѣмъ Константинъ называетъ еще три острова, не принадлежавшіе Паганамъ, слѣдовательно, подвластные Византіи.

Χόαρα (Хоара), Choara, достовѣрно неизвѣстенъ. Люцій [3]) и Бандури отожествляли его съ о. Corra въ Itiner. Anton., но какъ показалъ Шафарикъ [4]). Corra стоитъ просто ошибкою вмѣсто Cocyra. По предположенію послѣдняго, Χόαρα можетъ быть нынѣшняя Cazza (Кача) или Gaza, маленькій островъ на югозападъ отъ Курчолы. Того же мнѣнія Дюмлеръ и Рачкій [5]). Послѣдній въ Χόαρα предполагаетъ Χόαζα, то-есть, Χάζα, Caza. Нельзя не согласиться, что это объясненіе правдоподобно, но мы предложили бы еще дру-

[1]) *Petter*, II, 222, держится того же мнѣнія.

[2]) *Petter*, II, 135.

[3]) *Lucius*, l. I, c. XIV.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. I, 440, прим.

[5]) *Dümmler*, 377, прим. I; Rački, Documenta, 416.

гую конъектуру: нельзя ли видѣть въ этомъ Χόαρα славянскаго имени острова Фара, то-есть, Хвара, которое Константинъ по незнанію поставилъ отдѣльно?

Ἴης (Іесъ), Iis, сербск. Висъ, итал. Lissa (нѣкогда латинск. Issa), небольшой островъ нѣсколько на юго-западъ отъ о. Хвара.

Λάστοβον (Ластовонъ), Lastovon, итал. Lagosta, сербск. Ластово,— прямо къ югу отъ Курчолы. По латыни онъ назывался Laudestina, на Певтингеровой картѣ—Ladestris [1]). На востокъ отъ этого острова есть цѣлая группа маленькихъ острововъ, скалъ и рифовъ, называемыхъ Lagostini.

Мы видѣли, что эти три острова Константинъ считаетъ не принадлежащими Неречанамъ; но между тѣмъ есть извѣстія, что въ концѣ X в. острова Лисса и Лагоста были опустошены Венеціанцами, воевавшими противъ Хорватовъ и Неречанъ. Дюмлеръ, основываясь на этомъ, полагаетъ [2]), что и при Константинѣ этими островами владѣли Неречане.

О племени Нарентанъ или Пагановъ считаемъ не лишнимъ прибавить еще нѣсколько словъ. По своей исторіи и внутренней жизни это племя значительно выдѣляется изъ ряда другихъ сосѣднихъ сербскихъ племенъ. Мы не думаемъ, чтобы Сербы, поселившіеся въ этой области, уже тогда составляли особое племя; надо просто предположить, что вслѣдствіе территоріальныхъ и другихъ чисто мѣстныхъ условій, ихъ жизнь сложилась на свой особый ладъ и такимъ образомъ сообщила совершенно особый характеръ ихъ исторической дѣятельности. Съ самаго поселенія ихъ въ Далмаціи они пріобрѣли значительную самостоятельность и были de facto почти свободны, не смотря на то, что наравнѣ съ прочими Славянами считались подъ верховною властью Византіи. Живя близь моря и устья рѣки Неретвы, судоходной въ нижнемъ теченіи, и имѣя въ своемъ распоряженіи сосѣдніе острова, Неречане, благодаря такому выгодному положенію, рано стали отважными мореходами, образовали сильный флотъ и сдѣлались страшны для сосѣднихъ странъ. Многіе ихъ нихъ превратились просто въ морскихъ разбойниковъ, передъ которыми трепетали не только

[1]) *Lucius* l. I, c. XIV; *Banduri*, ed. Bonn., 367.

[2]) *Dümmler*, 377.

плоплеменники, но иногда и другіе Славяне. Мы видѣли, что римскіе поселенцы на Далматинскихъ островахъ должны были изъ-за нихъ искать убѣжища на материкѣ. Далѣе во время извѣстной намъ осады города Бара Франками и Греками съ помощью Далматинскихъ Славянъ, Неречане не только не участвовали въ этомъ предпріятіи, но даже воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы произвести опустошенія въ земляхъ прочихъ Сербовъ. Вообще случаи морскихъ разбоевъ Неречанъ, какъ напримѣръ, упомянутое плѣненіе посольства папы Адріана около 870 г., повторялись очень часто. Не смотря однако на это, торговыя сношенія Неречанъ съ сосѣдями не прекращались, и мы видѣли уже, что Хорваты, по свидѣтельству Константина, вели торговлю, „переходя изъ города въ городъ по землѣ Пагановъ".

II.

Скудны и отрывочны извѣстія о первыхъ вѣкахъ исторической жизни Хорватовъ въ Иллирикѣ. Но и эти извѣстія должны показаться довольно полными въ сравненіи съ тѣмъ, что мы знаемъ изъ исторіи Сербовъ за это время. Уже было выше замѣчено, что Сербы (разумѣю здѣсь жителей внутренней Сербіи), вслѣдствіе географическихъ условій земли своей, расположенной въ восточномъ Иллирикѣ, вдали отъ моря, слѣдовательно, не въ такомъ непосредственномъ общеніи съ западомъ, должны были довольствоваться нѣсколько второстепенною ролью въ древнѣйшій періодъ исторіи Иллирскихъ Славянъ, уступивъ первенство Хорватамъ, находившимся въ несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ. Въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ вѣковъ слишкомъ (отъ VII до XI и даже XII) Сербы выказываютъ довольно мало политической самостоятельности и силы. Но чѣмъ медленнѣе совершалось развитіе ихъ внутреннихъ силъ, тѣмъ за то оно было тверже и прочнѣе, тѣмъ болѣе плодовъ оно обѣщало въ будущемъ. И дѣйствительно, послѣ такого продолжительнаго созрѣванія и развитія сербской народности—вопреки всѣмъ временнымъ бѣдствіямъ и превратностямъ судьбы, создалось мало по малу могущественное цѣлое, достигшее уже въ XII в. при Стефанѣ Неманѣ значительнаго блеска.

Какъ ни мало сообщаетъ Константинъ о древнѣйшемъ періодѣ исторіи Сербовъ, все же онъ остается единственнымъ источникомъ для этого времени, слѣдовательно его извѣстія для насъ неоцѣненны. Западные источники, какъ мы видѣли, не мало содѣйствующіе разъясненію древности Хорватовъ, вовсе почти не касаются Сербовъ, которые не принимали дѣятельнаго участія въ церковныхъ и политическихъ сношеніяхъ Далмаціи съ западомъ, то-есть, съ папскимъ престоломъ и съ Франкскою державой. Точно также и отечественные сербскіе памятники не могутъ оказать намъ помощи въ этомъ случаѣ, потому что древнѣйшихъ вовсе нѣтъ, а имѣющіеся не восходятъ далѣе XII вѣка. Такимъ образомъ остаются только Византійцы, и изъ нихъ одинъ лишь Константинъ, которому Сербы обязаны всѣмъ, что̀ знаютъ о первыхъ трехъ вѣкахъ своей исторіи. Такъ какъ исторія приморскихъ сербскихъ княжествъ по большей части политически связана съ исторіей собственной Сербіи, а главное вниманіе Константина сосредоточено на этой послѣдней, то и мы не будемъ отдѣлять его свидѣтельствъ по исторіи этихъ сербскихъ областей, а будемъ разсматривать ихъ въ связи съ извѣстіями о собственной Сербіи.

Для удобства мы и здѣсь раздѣлимъ извѣстія Константина на два отдѣла:

1. До единовластія Сербскаго князя Мунтиміра (ок. 872), слѣдовательно, приблизительно до императора Василія Македонянина (съ 876 г.).

2. Съ единовластія Мунтиміра до конца, то-есть, до половины X вѣка.

1. Сербія до единовластія князя Мунтиміра (около 872 года).

Свидѣтельства Константина объ этой эпохѣ слѣдующія: Вслѣдъ за прибытіемъ Сербовъ въ Иллирикъ (около 638 г.)

> „Императоръ (то-есть, Ираклій), вызвавъ изъ Рима священниковъ, крестилъ Сербовъ, и научивъ дѣламъ благочестія, взялъ съ нихъ клятву въ постоянной вѣрности.“ [1]) (c. 32, p. 153).

[1]) Αὐτοῖς τῶν χρόνων πίστιν ἐξέθετο, c. 32, p. 153. Лат. переводъ: „antiqua fide accepta“ кажется намъ неподходящимъ.

„Со времени царствованія Римскаго императора Ираклія... Сербы, Захлумцы, Тервуняне, Каналиты, Дукляне и Аренганы, называемые также Паганами (были подвластны Римскому императору), но когда Римская имперія, вслѣдствіе бездѣйствія и нерадѣнія въ то время царствовавшихъ, едва не зачахла, въ особенности же при Михаилѣ Косноязычномъ, сынѣ Аморія... Сербы, Захлумцы и проч., отпавъ отъ Римской имперіи, сдѣлались самовластны и независимы" (с. 29, р. 128).

„Когда Болгарія была подвластна Римлянамъ, умеръ тотъ Сербскій князь, обратившійся къ Ираклію, и ему наслѣдовалъ сынъ его, потомъ внукъ, и такимъ образомъ всѣ князья изъ его рода по порядку. Нѣсколько лѣтъ спустя произошелъ отъ нихъ Вышеславъ (Βοισέσθλαβος), а отъ него Родославъ (Ῥοδόσθλαβος), послѣ него Просигой (Προσηγόης), потомъ Властиміръ (Βλαστήμερος); до этого Властиміра Болгаре жили въ мирѣ съ Сербами, любя другъ друга, какъ сосѣди, находясь въ рабствѣ и подчиненіи у Римскихъ императоровъ и благодѣтельствуемые ими. Въ правленіи же этого князя Властиміра пошелъ войною противъ Сербовъ Болгарскій князь Пресіамъ (Πρεσιάμ), желая подчинить ихъ; но послѣ трехлѣтней войны онъ не только ничего не сдѣлалъ, но даже потерялъ большую часть своего войска. По смерти князя Властиміра власть надъ Сербіей получили его три сына: Мунтиміръ (Μουντιμῆρος), Строиміръ (Στροήμερος) и Гоиникъ (Γοΐνικος), раздѣлившіе между собою землю. Между тѣмъ сдѣлался княземъ Болгаріи Михаилъ Борисъ (Μιχαὴλ ὁ Βορίσης), желавшій отомстить за пораженіе своего отца Пресіама. Когда онъ началъ войну, Сербы нанесли ему такое пораженіе, что даже взяли въ плѣнъ его сына Властиміра [1]) съ двѣнадцатью великими боярами [2]).

Тогда вслѣдствіе несчастія съ сыномъ и противъ желанія Борисъ заключилъ миръ съ Сербами. Намѣреваясь вернуться въ Болгарію и боясь, чтобы Сербы не устроили ему на пути засады, онъ выпросилъ себѣ для охраны сыновей Мунтиміра

¹) Ошибка вмѣсто Владиміра, какъ увидимъ ниже.

²) μετὰ τῶν βολιάδων δώδεκα μεγάλων, с. 32, р. 154.

Борена (Βόρενα) и Стефана (Στέφανος); они же проводили его невредимо до границъ, именно до Расы (ἕως τῆς Ῥάσης), и за такое доброжелательство (благодѣяніе) [1]) Михаилъ Борисъ далъ князьямъ большіе подарки, а они въ свою очередь подарили ему, въ видѣ гостинца (χάριν ξενίων), двухъ рабовъ, пару соколовъ, пару собакъ и 90 гуней (шкуръ, γοῦναι), что̀ Болгары считаютъ знакомъ договора" [2]) (с. 32, р. 153—155).

Въ повѣствованіи о Тервунянахъ Константинъ говоритъ о князѣ Властимірѣ:

„Этотъ князь Властиміръ выдалъ свою дочь за Краина (Κραΐνα, можетъ быть—Краянъ), сына Белы (Βελάης), жупана Тервуніи. Желая почтить своего собственнаго зятя, онъ назвалъ его княземъ и сдѣлалъ его самостоятельнымъ; отъ него (Краина) произошелъ Хвалиміръ (Φαλιμέρης), а отъ этого Цуциміръ (Τζουτζημέρης). Князья Тервуніи были всегда въ подчиненіи у князей Сербіи" (с. 34, р. 161).

Итакъ, Константинъ сообщаетъ прежде всего о томъ, что по распоряженію императора Ираклія прибывшіе изъ Рима священники крестили Сербовъ. Безъ сомнѣнія, это происходило одновременно съ крещеніемъ Хорватовъ, при томъ же Ираклін, можетъ быть даже нѣсколько позже этого крещенія, но во всякомъ случаѣ стараніями того же самаго римскаго духовенства, слѣдовательно, это было около 640 года [3]). Въ отдѣлѣ о Хорватахъ мы уже подробно говорили о достовѣрности этихъ событій. Относительно Сербовъ прибавимъ только, что они, какъ видно, не получили отъ папы особаго епископа, а были причислены къ епархіи какого-то сосѣдняго епископства, но не извѣстно какого именно; весьма возможно, что Салонскаго (то-есть, собственно Сплѣтскаго). Вѣроятно, эта отдаленность отъ своей митрополіи была отчасти причиною того,

[1]) ὑπὲρ τῆς τοιαύτης χάριτος..."

[2]) ὅπερ λέγουσιν οἱ Βούλγαροι εἶναι πάκτον.

[3]) Слова Константина αὐτοῖς τῶν χρόνων πίστιν ἐξέθετο (с. 32, 153) мы переводимъ: „взялъ съ нихъ (то-есть, съ Сербовъ) клятву въ постоянной вѣрности". Эта клятва въ вѣрности, данная Сербами императору Ираклію, напоминаетъ нѣсколько извѣстный намъ договоръ Хорватовъ съ Римскимъ папой.

что христіанство у Сербовъ было очень непрочно, и многіе Сербы, по свидѣтельству самого Константина, оставались вовсе некрещеными, а многіе, вѣроятно, скоро отпали отъ христіанской вѣры, такъ что окончательное крещеніе Сербскаго народа произошло не ранѣе царствованія Василія Македонянина (867 г.). Со времени императора Ираклія всѣ Сербы, подобно своимъ сосѣдямъ Хорватамъ, находились подъ верховною властью Византіи. Такъ надо понимать, какъ мы видѣли, извѣстное свидѣтельство Константина [1]). Эта зависимость продолжалась до тѣхъ поръ, пока на византійскомъ престолѣ сидѣли императоры, которые умѣли поддержать авторитетъ имперіи. Но какъ скоро престолъ стали занимать одинъ за другимъ слабые и безпечные государи, естественно власть Византіи у подвластныхъ народовъ, между прочимъ и у Славянъ, стала ослабѣвать, и такой ходъ событій кончился наконецъ полнымъ освобожденіемъ какъ Сербовъ, такъ и другихъ Иллирскихъ Славянъ, отъ господства Византіи. Только положеніе Нарентанъ или Неречанъ не могло измѣниться, такъ какъ они и безъ того пользовались почти неограниченною свободою, добытой отважными предпріятіями и частными разбоями на морѣ. Отпаденіе Сербовъ (какъ и Хорватовъ) Константинъ относитъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ еще къ царствованію императора Михаила II Косноязычнаго (820—829 гг.), что̀ однако не совсѣмъ вѣрно; мы уже говорили въ главѣ о Хорватахъ, что окончательно отпаденіе Далматинскихъ Славянъ слѣдуетъ относить къ царствованію Михаила III [2]). Возвращеніе ихъ къ Византіи произошло, какъ извѣстно, при Василіи Македонянинѣ. Итакъ, только эти два событія, то-есть, крещеніе Сербовъ при Ираклии и отпаденіе ихъ отъ Византіи, извѣстны намъ изъ исторіи Сербовъ въ первые два вѣка по ихъ переселеніи. О князьяхъ Сербскихъ въ это время Константинъ не сообщаетъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, ограничиваясь переименованіемъ нѣсколькихъ

[1]) Мы уже выше показали, почему прежнее объясненіе этого мѣста, по нашему мнѣнію, оказывается несостоятельнымъ. *Шафарикъ*, основываясь на этомъ ложномъ пониманіи, говоритъ, что Сербы по смерти Ираклія тотчасъ отпали отъ власти Грековъ, что̀ совершенно невѣрно. Сл. Др., II, кн. 1, 412.

[2]) Vita Basil., c. 52.

князей, предшествовавшихъ Властиміру, о которомъ мы знаемъ сравнительно больше.

Константинъ говоритъ, что „когда Болгарія была подвластна Римлянамъ, умеръ Сербскій князь, обратившійся къ императору Ираклію..." Выраженіе „когда Болгарія была подвластна Римлянамъ" значитъ: когда земля Болгарскихъ Славянъ еще принадлежала Византійской имперіи, иначе до вторженія и поселенія Болгарской орды на Балканскій полуостровъ, то-есть, до 678 г.; слѣдовательно, первый Сербскій князь, приведшій Сербовъ въ Иллирикъ, умеръ не позже 678 г., но такъ какъ Сербы поселились тутъ около 640 г., то по всей вѣроятности, этотъ князь умеръ гораздо ранѣе 678 года. Ему наслѣдовалъ сынъ его, разказываетъ Константинъ,—затѣмъ внукъ и т. д. по порядку; скоро изъ этого рода произошелъ князь Βοισέσθλαβος [1]). Подъ этимъ именемъ нельзя не разумѣть Вышеслава [2]). Ему наслѣдовали другъ за другомъ, по свидѣтельству Константина, Ῥοδόσθλαβος,—Родославъ, Προσηγόης—Просигой, и наконецъ Βλαστήμερος—Властиміръ.

Ни объ этихъ князьяхъ, ни о послѣдующихъ событіяхъ мы не имѣемъ, кромѣ Константина, никакихъ другихъ извѣстій, которыми могли-бы провѣрить нашего историка. Такъ какъ впрочемъ разказы его не заключаютъ въ себѣ ничего неправдоподобнаго или противорѣчиваго, то нѣтъ основаній не принимать его свидѣтельствъ, по крайней мѣрѣ относительно общаго хода событій. До Властиміра, говоритъ Константинъ,—Сербы и Болгары, какъ сосѣди, жили въ мирѣ и дружбѣ между собою. Миръ этотъ, конечно, не былъ слѣдствіемъ какого-нибудь особеннаго, дружественнаго расположенія между ними, а объясняется просто тѣмъ, что интересы ихъ еще не приходили въ столкновеніе: Сербы въ то время не проявляли воинственныхъ стремленій и спокойно относились къ поли-

[1]) *Шафарикъ* (II, 1, к. 412) предположительно относитъ его правленіе ко времени около 780 г., но мы не знаемъ, на чемъ основано это предположеніе.

[2]) Здѣсь греч. β соотвѣтствуетъ нашему *в*, далѣе двогласная οι могла бы очень легко быть употреблена вм. *ы*, наконецъ вставка θ между σ и λ весьма обыкновенна не только въ греческомъ, но и латинскомъ языкахъ (какъ и вставка κ и τ). Примѣровъ такой вставки множество. У Константина: Ῥοδόσθλαβος, Πριβέσθλαβος, Τζεέσθλαβος. и въ им. Σθλαβησιανοί. Объ этомъ см. *Шафарикъ*, II, кн. 1, 59—62.

тическому усиленію своихъ сосѣдей, а интересы Болгаръ были направлены въ другую сторону: въ продолженіе всего VIII вѣка и начала IX ихъ силы сосредоточивались въ безпрерывной борьбѣ съ Византіей, а затѣмъ (при князѣ Мортагонѣ) они обратились къ сѣверу и вступили въ борьбу съ Франками, съ которыми были сосѣди на Дунаѣ; тутъ они успѣли овладѣть частью Панноніи, а именно Посавской Хорватіей (между прочимъ и Сремомъ). Утвердившись такимъ образомъ на среднемъ Дунаѣ, Болгары, для упроченія своей власти, не могли не имѣть притязаній и на Сербію, раздѣлявшую теперь ихъ владѣнія. И вотъ дѣйствительно, по свидѣтельству Константина, при Сербскомъ князѣ Властимірѣ пошелъ противъ Сербовъ войною Болгарскій князь Пресіамъ, желавшій подчинить ихъ. Это было, кажется, около 840 г., ибо приблизительно къ этому времени относится правленіе обоихъ воевавшихъ князей [1]). Война была неудачна для Болгаръ. Черезъ три года (приблизительно 836—839 гг.) Пресіамъ, потерявъ большую часть войска, долженъ былъ вернуться домой. Это былъ первый извѣстный намъ успѣхъ Сербовъ на военномъ поприщѣ. О князѣ Властимірѣ мы знаемъ еще изъ Константина, что онъ выдалъ дочь свою за жупана Тервуніи Краина, котораго по особенному расположенію сдѣлалъ независимымъ. Властиміру, продолжаетъ Константинъ,—наслѣдовали три сына: Μουντιμῆρος, Мунтиміръ, Мутиміръ (Мѫтимиръ), Строиміръ—Στροήμερος и Гоиникъ (или Гойникъ)—Γοΐνικος [2]), подѣлившіе между собою Сербскую землю. Болгары однако не оставили своихъ завоевательныхъ притязаній и вступившій между тѣмъ (около 845) на болгарскій престолъ Борисъ, въ крещеніи Михаилъ (Μιχαὴλ ὁ Βορίσης), хотѣлъ отомстить за пораженіе своего отца Пресіама и предпринялъ походъ противъ Сербовъ. Но и это предпріятіе кончилось полнымъ пораженіемъ Болгаръ [3]). Сербы такъ разбили войско Бо-

[1]) *Шафарикъ* (II, кн. 1, 413) помѣщаетъ царствованіе Властиміра между 836 и 843 гг.

[2]) Срвн. Gojen, Gojak, Gojko (*Miclosich.*, Bild. d. Slav. Personennam., nr. 74); R a č k i, Docum., 359.

[3]) При этомъ то случаѣ, какъ предполагаютъ многіе, Сербы возвратили себѣ Босну или отъ Болгаръ, которымъ она могла достаться въ бывшую передъ тѣмъ войну съ Хорватами, или отъ самихъ Хорватовъ, ослабленныхъ междоусобицей.

риса, „что даже взяли въ плѣнъ его сына Властиміра съ двѣнадцатью великими боярами“ (μετὰ καὶ βολιάδων δώδεκα μεγάλων). Что касается сына Бориса, взятаго въ плѣнъ Сербами, то ученые единогласно признаютъ, что онъ названъ Константиномъ невѣрно, и что вмѣсто Βλαστήμερον надо читать Βλαδήμερον, то-есть, Владиміръ, ибо такъ звали старшаго сына Бориса [1]). Далѣе по разказу Константина, Борисъ изъ заботы о сынѣ заключилъ миръ съ Сербами. Такимъ образомъ Сербы опять торжествовали. О возвращеніи Бориса съ похода Константинъ сообщаетъ намъ довольно любопытное извѣстіе. Боясь, чтобы Сербы не устроили ему засады, Борисъ выпросилъ себѣ въ проводники двухъ сыновей Мунтиміра, Борена и Стефана, которые и проводили его невредимо до границы, а именно „до Расы“. По всей вѣроятности, это былъ городъ Раса (Рась, Рась), нынѣ Нови-Пазаръ, а можетъ быть, и рѣчка, нынѣшняя Рашка, на которой расположенъ этотъ городъ. О важности этого свидѣтельства для опредѣленія южной границы Сербіи была уже рѣчь. За оказанную услугу Борисъ поднесъ сыновьямъ Сербскаго князя богатые дары, за что̀ и они отдарили его. Перечисленіе подарковъ, поднесенныхъ Борису, весьма любопытно и характеризуетъ народные обычаи того времени; эти подарки состояли изъ двухъ рабовъ, пары собакъ, пары соколовъ и 90 шкуръ (или мѣховъ). Изъ словъ Константина, что „Болгары считаютъ это знакомъ договора“, можно, кажется, заключить, что дарить названные предметы при договорахъ было болгарскимъ обычаемъ. Опредѣлить время этого похода Болгаръ на Сербію весьма трудно. Шафарикъ относитъ [2]) его приблизительно къ 843—860 годамъ, а нѣ-

[1]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 289, прим.; *Dümmler*, 397, Anm. 3; Račkі, Docum., 359. Что касается „великихъ бояръ“ болгарскихъ, взятыхъ въ плѣнъ Сербами, въ латинскомъ переводѣ: una cum machinis grandibus duodecim, разумѣющемъ подъ μεγάλοι βολιάδες — большія военныя машины, сдѣлана очевидная ошибка. Въ ту же ошибку впалъ и *Рамбо* (р. 327 и 462), основывающій между прочимъ на этомъ свидѣтельствѣ свое мнѣніе о степени развитія военнаго искусства у Болгаръ того времени, тогда какъ онъ же въ другомъ мѣстѣ (р. 322) говоритъ о великихъ боярахъ болгарскихъ (Les grands boliades, βολιάδες οἱ μεγάλοι), къ которымъ относились вопросы, предлагавшіеся по извѣстнымъ формуламъ византійскимъ Логоѳетомъ болгарскимъ посламъ (De cerimon., II, с. 47, р. 681).

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 413.

которые другіе ученые полагаютъ, что онъ былъ гораздо позже [1]). Но кажется то вѣрно, что онъ былъ еще до единовластія Мунтиміра, а такъ какъ устраненіе Мунтиміромъ своихъ братьевъ отъ власти относится приблизительно къ 872 г. [2]), то слѣдовательно, надо полагать, что война съ Болгарами была до этого года, вѣроятно— между 860—870 г., то-есть, около вступленія на византійскій престолъ Василія Македонянина (867 г.) [3]). Вскорѣ затѣмъ начались въ Сербіи несогласія между князьями. Мунтиміръ, устранивъ братьевъ, остался самодержавнымъ правителемъ, и съ этой минуты начинается въ Сербіи рядъ безпрерывныхъ пагубныхъ для Сербской земли междоусобій, разказъ о которыхъ сохранился только у одного Константина.

Что касается приморской Сербіи, то-есть, отдѣльныхъ областей сербскихъ, то исторія ихъ въ этотъ періодъ времени очень темна и мало выясняется изъ Константина. Сербскій князь назывался великимъ жупаномъ, и жупаны остальныхъ племенъ были, кажется, подвластны ему; дѣйствительно, эти племена въ первое время подчинялись князьямъ Сербскимъ—за исключеніемъ Нарентанъ (Неречанъ), которые, какъ мы видѣли, почти всегда были свободны; но впослѣдствіи то тотъ, то другой жупанъ пріобрѣталъ независимость, а временами даже значительное политическое вліяніе и силу. Въ разбираемую нами эпоху пріобрѣлъ самостоятельность жупанъ Тервуніи (въ первой половинѣ IX в.), какъ сообщаетъ Константинъ. Сербскій князь Властиміръ, по его словамъ, выдалъ дочь свою (имени ея не знаемъ) за Краина (или Краяна, Κραΐνα), сына Белы [4]), жупана Тервунскаго. По особенному расположенію къ своему зятю, онъ провозгласилъ его княземъ, и притомъ самостоятельнымъ. Затѣмъ Константинъ называетъ преемниковъ этого Краина, бывшихъ, по всей вѣроятности, также независимыми [5]).

[1]) *Rambaud* (p. 462) помѣщаетъ его около 887 г.

[2]) *Dümmler*, 430; Rački, Ocjena etc., 76.

[3]) Обѣ войны Бориса и съ Сербами и съ Хорватами должны быть помѣщены, по мнѣнію *Рачкаго* (Docum., 360), между 854 и 864 гг.

[4]) Κραΐνα, сравн. Kraja. Krajin, Krajko, Krajmir; Βελάη—Bêla, Belja (*Miklosich*, Bild. d. slav. Personennamen, nr. 174, 27); Rački, Docum. 359.

[5]) *Щафарикъ*, II, кн. 1, 422.

Это были Φαλιμέρης, очевидно Хвалимiръ, и Τζουτζημέρης, Цуцимiръ (?), можетъ быть—Цвѣтимiръ [1]). Выраженіе „князья Тервуніи были всегда въ подчиненіи у князя Сербіи“ не вяжется съ предыдущимъ извѣстіемъ Константина. Вѣроятно, во времена нашего историка верховная власть надъ этою областью опять досталась Сербскому великому жупану [2]).

2. Сербія съ единовластія Мунтиміра до 949 года.

Объ этой эпохѣ сербской исторіи Константинъ сообщаетъ намъ гораздо болѣе, а особенно начиная съ X в. Тутъ мы имѣемъ дѣло уже большею частью съ показаніями современника, который притомъ долженъ былъ хорошо знать то, о чемъ онъ повѣствовалъ, такъ какъ тогдашнее положеніе дѣлъ въ Сербіи не мало интересовало Византію и императорскій дворъ, а въ источникахъ, изъ которыхъ Константинъ могъ почерпать свои свѣдѣнія о событіяхъ въ Сербіи, не было конечно недостатка. Причины непосредственнаго вмѣшательства Византіи въ судьбы этого народа извѣстны. То было время ожесточенной борьбы ея съ Болгарами, можно сказать—борьбы за существованіе, ибо стремленія царя Симеона были очень опредѣленны, а сила и энергія его внушали серіозныя опасенія. Византія сознавала свое критическое положеніе, и естественно, искала опоры вокругъ себя; при этомъ взоры ея съ особенными надеждами останавливались на Сербіи. Это была страна, на которую можно было опереться, расположивъ ее къ себѣ и вооруживъ противъ Болгаріи: для Византіи это былъ выгодный союзникъ въ тылу у врага, и вотъ дѣйствительно мы видимъ, что она въ этотъ періодъ времени не разъ вмѣшивалась въ дѣла Сербіи и покровительствовала ей, поддерживая однихъ претендентовъ на сербскій престолъ противъ другихъ, выставляемыхъ Болгарами.

Константинъ разказываетъ объ этомъ времени слѣдующее: Въ гл. 29-й говорится, что собственные Сербы, Захлумцы, Тервуняне

[1]) Rački, ibid., 415.

[2]) Впрочемъ Rački (Ocjena, 77) предполагаетъ, что современникъ Константина былъ Цуцимiръ.

и Каналиты участвовали въ походѣ противъ Сарацинъ и осадѣ г. Бара (c. 29, p. 131). Тамъ же Константинъ разказываетъ о томъ, какъ Сербы вмѣстѣ съ прочими Иллирскими Славянами обратились къ императору Василію, прося крестить некрещеныхъ между ними и принять ихъ подъ свою верховную власть, и какъ императоръ исполнилъ ихъ просьбу, крестивъ ихъ и назначивъ имъ князей, которыхъ они сами желали (подлинныя слова Константина были приведены нами въ отдѣлѣ о Хорватахъ).

„Паганы же", продолжаетъ нашъ авторъ,—которые на римскомъ (то-есть, греческомъ) языкѣ называются Арентанами, оставались некрещеными въ неприступныхъ и скалистыхъ мѣстностяхъ; вѣдь Паганы на славянскомъ языкѣ и значитъ *некрещеные*. Но послѣ того и они обратились къ славному императору, прося крестить ихъ. Онъ же послалъ къ нимъ (священниковъ) и крестилъ ихъ" (c. 29, p. 129).

Въ главѣ 32-й послѣ разказа о войнѣ Сербовъ съ Болгарскимъ княземъ Борисомъ слѣдуетъ:

„Вскорѣ затѣмъ возстали другъ противъ друга три брата—князья Сербскіе. Побѣдителемъ остался одинъ изъ нихъ, Мунтиміръ; желая управлять одинъ, онъ схватилъ и выслалъ обоихъ (братьевъ) въ Болгарію; только сына одного изъ братьевъ Гойника, по имени Петра, онъ удержалъ при себѣ и заботился о немъ, а этотъ бѣжалъ въ Хорватію. Но о немъ скоро будетъ рѣчь. Вышеупомянутый братъ Строиміръ—въ Болгаріи имѣлъ сына Клониміра (Κλονίμερος), котораго Борисъ женилъ на Болгаркѣ; у него родился въ Болгаріи Чеславъ (Τζεέσθλαβος). Мунтиміръ же, изгнавъ двухъ братьевъ и принявъ правленіе, имѣлъ трехъ сыновей: Прибеслава (Πριβέσθλαβος), Брана (Βράνος) и Стефана (Στέφανος). По смерти его наслѣдовалъ престолъ старшій изъ нихъ Прибеславъ. На слѣдующій годъ вышеупомянутый Петръ, сынъ Гойника, выступивъ изъ Хорватіи, свергнулъ съ престола своего двоюроднаго брата Прибеслава съ его двумя братьями и самъ захватилъ власть; а тѣ бѣжали въ Хорватію. Три года спустя Бранъ пошелъ войною противъ Петра, но побѣжденный и взятый въ плѣнъ, былъ имъ ослѣпленъ. Черезъ два года и Клониміръ, отецъ Чеслава, бѣжавъ изъ Болгаріи, двинулся

въ походъ и вступилъ съ войскомъ въ городъ Сербіи Достинику (Δοστινίκα) съ цѣлью захватить власть. Петръ, одержавъ побѣду, убилъ его и правилъ еще 20 лѣтъ—въ царствованіе блаженнѣйшаго и святаго императора Льва, находясь подъ его властью. Онъ былъ въ мирѣ съ Болгарскимъ княземъ Симеономъ, который покумился съ нимъ (σύντεκνον αὐτὸν ἐποίησε). Послѣ царствованія властителя Льва тогдашній стратегъ въ Диррахіи, протоспаѳарій Левъ Рабдухъ (Λέων ὁ Ῥαβδοῦχος), сдѣланный впослѣдствіи магистромъ и логоѳетомъ бѣга, явился въ Паганію, подвластную въ то время князю Сербіи, чтобы повидаться и посовѣтываться съ княземъ Петромъ о какомъ-то подчиненіи и предпріятіи (περί τινος δουλώσεως καὶ ὑποθέσεως). Въ негодованіи за это Михаилъ, князь Захлумскій, далъ знать Симеону Болгарскому, что Римскій императоръ подкупаетъ князя Петра подарками, чтобъ онъ, соединившись съ Турками (то-есть, Мадьярами), пошелъ противъ Болгаріи; въ то время была война между Римлянами и Болгарами при Ахелоѣ (εἰς Ἀχελῶν). Разгнѣванный этимъ Симеонъ послалъ противъ Сербскаго князя Петра—Ѳеодора Сигрицу (τὸν Σιγρίτζη Θεόδωρον) и Мармаиса (Μαρμαήν) съ войскомъ и съ князькомъ Павломъ, сыномъ Брана, ослѣпленнаго Сербскимъ княземъ Петромъ. Болгаре, обманомъ добравшись до Сербскаго князя, покумившись съ нимъ и удостовѣривъ его клятвою, что они не причинятъ ему никакого зла, хитростью убѣдили его войдти и тогда, заключивъ въ оковы, увели въ Болгарію, гдѣ онъ и умеръ въ темницѣ. Вмѣсто него вступилъ на престолъ Павелъ, сынъ Брана, и правилъ три года. Императоръ же Романъ, имѣвшій при себѣ князька Захарія (Ζαχαρία), сына Сербскаго князя Прибеслава, послалъ его, чтобъ онъ сдѣлался сербскимъ княземъ. Но этотъ, отправившись и начавъ войну, былъ побѣжденъ Павломъ. Захвативъ его въ плѣнъ, Павелъ выдалъ его Болгарамъ, которые содержали его въ оковахъ. Три года спустя, когда Павелъ сталъ во враждебныя отношенія къ Болгарамъ, они отправили Захарія, посланнаго раньше императоромъ Романомъ. Захарій, прогнавъ Павла, самъ захватилъ власть въ Сербіи, и вспомнивъ благодѣянія Римскаго

императора, сталъ тотчасъ противъ Болгаръ, вовсе не желая имъ подчиняться, а предпочитая быть подвластнымъ Римлянамъ. Поэтому, когда Симеонъ послалъ противъ него войско подъ начальствомъ Марманса и Ѳеодора Сигрицы, то онъ въ видѣ военныхъ трофеевъ отослалъ ихъ головы и оружіе Римскому императору (ибо еще продолжалась война между Римлянами и Болгарами), и какъ предшествовавшіе князья посылали посольства къ Римскимъ императорамъ, такъ и онъ никогда не переставалъ быть подчиненнымъ и слушаться ихъ. А Симеонъ послалъ второе войско подъ начальствомъ Книна (Κνήνος), Имника (Ἡμνήκος) и Ицбоклія (Ἠτζβόκλια) противъ князя Захарія, а вмѣстѣ съ ними и Чеслава. Тогда Захарій, испугавшись бѣжалъ въ Хорватію. Болгаре же, давъ знать жупанамъ, чтобъ явились къ нимъ и приняли къ себѣ князя Чеслава, но помощью клятвы обманувъ ихъ и доведя до перваго мѣстечка, тотчасъ надѣли на нихъ оковы, и вступивъ въ Сербію, захватили все населеніе отъ мала до велика и увели въ Болгарію. Около этого времени тѣ же Болгаре, подъ предводительствомъ Алоготура (Ἀλογοβότουρ), отправились съ цѣлью войны въ Хорватію и тамъ были всѣ истреблены Хорватами. Черезъ семь лѣтъ Чеславъ, бѣжавъ отъ Болгаръ вмѣстѣ съ другими четырьмя изъ Прѣславы (ἀπὸ Πρεσθλάβου), вступилъ въ Сербію, но не нашелъ въ этой землѣ никого, кромѣ 50 мужчинъ, безъ женъ и дѣтей, промышляющихъ охотой (κυνηγοῦντες καὶ διατρεφομένους). Вмѣстѣ съ ними завладѣвъ страной, онъ извѣстилъ Римскаго императора, прося у него участія и помощи, обѣщая слушаться и подчиняться его постановленіямъ, какъ и предшественники его. И съ тѣхъ поръ Римскій императоръ не переставалъ ему благодѣтельствовать, такъ что Сербы, жившіе въ Хорватіи, Болгаріи и остальныхъ земляхъ, которыхъ Симеонъ разсѣялъ, услышавъ объ этомъ, сбирались къ нему. Но и въ Константинополь собрались многіе бѣглецы изъ Болгаріи, которыхъ Римскій императоръ, снабдивъ одеждами и облагодѣтельствовавъ (εὐδύσας καὶ εὐεργετήσας), отправилъ къ Чеславу. Поддержанный богатыми подарками Римскаго императора и заселивъ землю, какъ въ прежнее время, онъ

сталъ послушнымъ слугою Римскаго императора послѣ того, какъ упрочилъ за собою съ помощью послѣдняго и его благодѣяній ту землю и былъ въ ней утвержденъ княземъ. Сербскій князь съ самаго начала, то-есть, съ царствованія Ираклія, былъ подвластенъ Римскому императору, а никогда не подчинялся Болгарскому князю" (с. 32, 155—159).

Мы видѣли, что въ началѣ царствованія Василія Македонянина, то-есть, вскорѣ послѣ 867 г., произошла важная перемѣна въ политическихъ и церковныхъ отношеніяхъ Иллирскихъ Славянъ: признаніе верховной власти Византійскаго императора послѣ довольно продолжительной независимости при его слабыхъ предшественникахъ, и особенно при Михаилѣ III, и одновременно съ этимъ переходъ къ Восточной церкви, находившейся въ то время уже въ разрывѣ съ Западною. Въ этотъ разъ произошло окончательное крещеніе Сербовъ, которые отчасти оставались еще не крещеными, а отчасти успѣли уже отпасть отъ христіанства. Константинъ не опредѣляетъ точно времени этихъ событій, и потому оно остается темнымъ. Въ 871 г. была извѣстная осада Бара, занятаго Сарацинами; участіе Сербовъ въ этомъ предпріятіи, кажется, доказываетъ, что они уже признавали надъ собою власть Греческаго императора; если такъ, то значитъ это признаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крещеніе Сербовъ по восточному обряду произошло до 871 года [1]), вѣроятно, вслѣдъ за окончаніемъ войны съ Болгарами, когда на сербскомъ престолѣ находились еще всѣ три Властиміровича [2]).

Неречане, по свидѣтельству Константина, въ своей недоступной гористой странѣ долго уклонялись отъ принятія христіанства, но наконецъ и они, увлеченные общимъ примѣромъ, обратились къ истинной вѣрѣ, и тотъ же императоръ Василій, отправивъ священниковъ, крестилъ ихъ [3]). Вспомнимъ здѣсь то, что̀ уже было выше замѣчено относительно обращенія всѣхъ Иллирскихъ Славянъ къ Восточной церкви, именно—необходимость признать, что тутъ не могла не имѣть своего вліянія близкая сердцу всѣхъ Славянъ дѣятельность великихъ просвѣтителей Кирилла и

[1]) *Голубинскій* (тамъ же, стр. 446) относитъ эти событія къ 868—870 гг.

[2]) Примѣру Сербовъ, какъ мы знаемъ, послѣдовали и Хорваты, но кажется, нѣсколько позже (при Седеславѣ).

[3]) Объ этомъ крещеніи сравн. *Lucius*, I, II, c. III.

Меѳодія; это соображеніе относится особенно къ Сербамъ, которые, какъ сосѣди Болгаръ, должны были слышать объ успѣхахъ славянскаго богослуженія и естественно желали его распространенія у себя. По всей вѣроятности, и упорные язычники Неречане руководствовались въ обращеніи къ христіанству тѣмъ же побужденіемъ; латинскій обрядъ и латинскій языкъ не могли ихъ до сихъ поръ помирить съ христіанскою религіей [1]).

Мы обратимся теперь къ свидѣтельствамъ Константина, описывающимъ эпоху внутреннихъ междоусобій въ Сербіи и борьбы съ Болгарами, сопровождавшей эти смуты.

Надо замѣтить, что почти все, что̀ мы знаемъ о Болгарахъ изъ Константина, заключается именно въ этихъ его свидѣтельствахъ, ибо Болгарамъ онъ не посвятилъ особаго повѣствованія. Вскорѣ послѣ войны съ Болгарами князья Сербскіе, три брата Властиміровича, возстали другъ противъ друга и одинъ изъ нихъ (старшій), Мунтиміръ, побѣдивъ братьевъ (Строиміра и Гоиника), выслалъ ихъ въ Болгарію и сталъ управлять одинъ. Таковъ разказъ Константина. Хотя онъ и не представляетъ ничего неправдоподобнаго, однако намъ кажется болѣе вѣроятнымъ предположить, что виной этой смуты былъ одинъ Мунтиміръ, стремившійся къ единодержавію. А такъ какъ братья, вѣроятно, не хотѣли безъ сопротивленія уступить ему своихъ правъ, то онъ прибѣгнулъ къ силѣ и успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Это событіе обыкновенно относятъ приблизительно къ 872 г. Затѣмъ возбуждаетъ въ насъ нѣкоторое сомнѣніе извѣстіе, будто бы Мунтиміръ выслалъ своихъ братьевъ въ Болгарію. Какую цѣль могъ онъ имѣть отправлять обиженныхъ имъ князей въ страну, во всякомъ случаѣ враждебно расположенную къ Сербіи? Гораздо правдоподобнѣе, что Мунтиміръ просто изгналъ своихъ братьевъ изъ предѣловъ Сербіи, а они сами удалились въ Болгарію, надѣясь вѣроятно найдти тамъ поддержку противъ обидчика.

Но изгоняя братьевъ, Мунтиміръ изъ предосторожности оставилъ у себя въ видѣ заложника своего племянника Петра Гойниковича, можетъ быть—отчасти по той причинѣ, что этотъ князь своимъ энергическимъ характеромъ, выказавшемся впослѣдствіи, возбуждалъ въ немъ нѣкоторыя опасенія. Но Петру, который, вѣ-

[1]) *Гильфердингъ*, Письма, I, стр. 69.

роятно, былъ возмущенъ поступкомъ дяди съ своимъ отцомъ, удалось таки бѣжать и онъ укрылся въ Хорватіи, гдѣ, какъ мы увидимъ, находили убѣжище вообще всѣ сербскіе князья, лишенные власти.

Далѣе Константинъ разказываетъ, что Строимиръ, жившій въ Болгаріи, имѣлъ сына Клонимира (Κλονίμηρος), котораго Борисъ женилъ на Болгаркѣ. Это участіе Бориса въ судьбѣ Сербскаго князя-изгоя весьма знаменательно и открываетъ намъ его планы. Очевидно, Борисъ хотѣлъ этимъ путемъ приготовить Сербскому князю соперника, который съ одной стороны имѣлъ бы право на сербскій престолъ, а съ другой—былъ бы на половину Болгариномъ, и такимъ образомъ служилъ бы болгарскимъ интересамъ. Дѣйствительно, у Клонимира былъ сынъ Чеславъ (Τζεέσθλαβος), котораго впослѣдствіи Симеонъ прочилъ въ князья Сербскіе, но который однако, въ своихъ отношеніяхъ къ Болгарамъ, не оправдалъ надеждъ этихъ послѣднихъ.

Мунтиміръ, сдѣлавшись самодержавнымъ княземъ Сербіи, имѣлъ трехъ сыновей: Прибислава, или по Константину, Прибеслава — Πριβέσθλαβος [1]), Брана—Βράνος [2]) и Стефана—Στέφανος. Смерть Мунтиміра относится къ 890—891 годамъ: точно опредѣлить годъ — трудно [3]). Старшій сынъ его Прибиславъ сдѣлался княземъ, но не надолго.

На слѣдующій же годъ (891 или 892) его двоюродный братъ, уже знакомый намъ Петръ Гойниковичъ, явился изъ Хорватіи и свергъ Прибислава; изгнанные Прибиславъ и его братья въ свою очередь бѣжали въ Хорватію. Но Петру предстояло еще два раза отстаивать свой престолъ. Черезъ три года (около 895) пошелъ противъ него его двоюродный братъ Бранъ (Боренъ?) Мунтиміровичъ, но былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ, а еще черезъ два года (около 897) другой его двоюродный братъ Клонимиръ Строи-

[1]) *Голубинскій* (тамъ же, 426) передаетъ это имя въ формѣ Первославъ, но кажется, безъ достаточнаго основанія.

[2]) Мы видѣли ранѣе, что Бориса провожали два сына Мунтиміра: Боренъ и Стефанъ. Вѣроятно, Боренъ и Бранъ (искаженное) одно и то же лицо, Сравн. Rački, Ocjena etc., 76.

[3]) По *Шафарику* (II, кн. 2, 414) это было около 890 г., по другимъ (*Dümmler*, Rački, *Гильфердингъ*)—около 891.

міровичъ вздумалъ также попытаться овладѣть престоломъ и бѣжавъ изъ Болгаріи [1]), вступилъ съ войскомъ въ сербскую столицу Достинику (Δοστινίκα, въ другомъ мѣстѣ—Дестиника), но Петръ одержалъ и надъ нимъ побѣду и даже убилъ его, то-есть, вѣроятно, по его приказанію Клонимиръ былъ умерщвленъ. Послѣ этого Петръ царствовалъ еще 20 лѣтъ, т. е. до 917, былъ современникомъ императора Льва Мудраго (886—912 гг.) и признавалъ его верховную власть. Впрочемъ послѣднее не достовѣрно [2]). Во все это время онъ жилъ въ мирѣ съ Болгарскимъ княземъ Симеономъ, который даже покумился съ нимъ [3]), но около 917 г. случилось обстоятельство, нарушившее миръ между ними. Въ то время война Симеона съ Греками была въ полномъ разгарѣ, и обѣ стороны, пользуясь небольшимъ перемиріемъ, готовились къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ, разказываетъ Константинъ, — послѣ царствованія Льва († 912 г.) стратигъ провинціи Диррахія, Левъ Рабдухъ, Λέων Ῥαβδοῦχος [4]), протоспаѳарій, а впослѣдствіи магистръ и логоѳетъ, прибылъ въ Паганію, подвластную тогда Сербскому князю, чтобы посовѣтоваться съ княземъ Петромъ о какихъ-то тайныхъ дѣлахъ. Тогда князь Захлумскій Михаилъ, прійдя въ негодованіе за это, донесъ Симеону о томъ, что Римскій императоръ [5]) подкупаетъ Сербскаго князя подарками, чтобъ онъ вмѣстѣ съ Уграми пошелъ войною противъ Болгаріи. Дѣйствительно, Византія старалась поднять Петра противъ Симеона и, по всей вѣроятности, Петръ былъ

[1]) Судя по этому, Клонимiръ находился подъ присмотромъ въ Болгаріи. Но возможно, что Константинъ тутъ ошибается. Клонимiръ могъ искать сербскаго престола тоже при содѣйствіи Болгаръ.

[2]) Это признаніе Петромъ верховной власти Византіи сомнительно въ виду того, что въ такомъ случаѣ были бы немыслимы дружественныя отношенія Петра съ Симеономъ Болгарскимъ. На это справедливо указываетъ *Дриновъ* (тамъ же, стр. 48). Петръ могъ признавать только верховное покровительство Византіи. Дриновъ полагаетъ, что Сербія, какъ и Захлумцы, была въ то время въ зависимости отъ Симеона, но это мнѣніе кажется намъ совершенно произвольнымъ.

[3]) σύντεκνον αὐτὸν ἐποίησε.

[4]) Названіе какой-то должности; Meurseus переводитъ lictor. См. *Banduri*, Anim., 354.

[5]) Греческимъ императоромъ былъ тогда собственно уже Константинъ, но вслѣдствіе несовершеннолѣтія управляли опекуны и мать его Зоя.

не прочь послѣдовать совѣту Грековъ, потому что Симеонъ тогда же рѣшилъ войну съ Сербами.

Тутъ заслуживаетъ вниманія поступокъ Захлумскаго князя Михаила, державшагося, какъ видно, стороны Болгаръ. Изъ его поведенія можно заключить, что онъ не только былъ совершенно независимъ отъ князя Сербіи, но даже былъ на столько силенъ, что рѣшался дѣйствовать противъ него и противъ самихъ Грековъ, заодно съ ихъ врагами.

Тотчасъ послѣ знаменитой битвы при р. Ахелоѣ (917 г.) Симеонъ, возбужденный своими успѣхами, отправилъ противъ Петра войско подъ начальствомъ Θеодора Сигрицы или Сигрича (Σιγρίτζη) и Марманса или Мармая (Μαρμαῆς) [1]), съ Павломъ Брановичемъ, котораго Симеонъ хотѣлъ посадить на сербскій престолъ [2]). Болгаре вступили въ переговоры съ Петромъ, поклялись, что не злоумышляютъ противъ него, даже покумились съ нимъ—все для того, чтобъ онъ довѣрился имъ. А когда онъ дѣйствительно рѣшился на личное свиданіе съ ними, то они измѣннически схватили его, плѣнникомъ отвели въ Болгарію и заключили въ темницу, гдѣ онъ вскорѣ и кончилъ жизнь. На престолъ сербскій былъ ими посаженъ Павелъ Брановичъ. Такимъ образомъ Симеонъ на первый случай достигъ своей цѣли, такъ какъ Павелъ былъ вполнѣ преданъ Болгарамъ и могъ быть только полезенъ имъ въ войнѣ съ Греками. Но Византія хорошо понимала, что такое положеніе вещей было для нея весьма опасно, и императоръ Романъ рѣшился принять мѣры противъ пагубнаго для него союза Сербіи съ Болгаріей. Онъ, по словамъ Константина, имѣлъ при себѣ князька Захарію, сына Прибислава [3]), котораго и послалъ въ Сербію съ тѣмъ, чтобъ онъ

[1]) Эти имена очевидно не славянскія, и подобно другимъ именамъ вождей болгарскихъ, упоминаемымъ Константиномъ, обличаютъ ихъ восточное происхожденіе.

[2]) *Гильфердингъ* (Письма, 139, 146), не совсѣмъ вникнувъ въ текстъ Константина, говоритъ о слѣпотѣ Павла, тогда какъ это относится вовсе не къ Павлу, а къ отцу его Брану, ослѣпленному, какъ извѣстно, Петромъ.

[3]) Какъ попалъ Захарія въ Византію—намъ не извѣстно: можетъ быть, онъ самъ, какъ сынъ и наслѣдникъ законнаго князя, искалъ покровительства и помощи у Византійскаго императора, а можетъ быть, послѣдній вызвалъ его болѣе для собственныхъ цѣлей.

отнялъ престолъ у Павла. Вѣроятно, Романъ далъ ему и средства для этого предпріятія. Но Захаріи не посчастливилось. Павелъ одолѣлъ его, взялъ въ плѣнъ и выдалъ Болгарамъ, которымъ продолжалъ усердно служить.

По словамъ Константина, Павелъ правилъ три года. По истеченіи этого времени (920 г.) онъ внезапно перемѣнилъ свой образъ дѣйствія и изъ покорнаго слуги Симеона сдѣлался его врагомъ. Вѣроятно, это было отчасти слѣдствіемъ происковъ Византіи.

Тогда Болгаре, не долго думая, отправили Захарію противъ Павла; безъ сомнѣнія, они дали ему и войско, съ уговоромъ, что онъ будетъ держать сторону Болгаръ. На этотъ разъ Захаріи удалось побѣдить Павла и овладѣть сербскимъ престоломъ. Но обѣщанія, даннаго Симеону, онъ и не думалъ исполнять; онъ не забылъ того благодѣянія, которое первоначально оказалъ ему Греческій императоръ, и потому открыто перешелъ на его сторону, „предпочитая быть подвластнымъ Римлянамъ, чѣмъ подчиняться Болгарамъ". Разгнѣванный Симеонъ послалъ противъ Захаріи войско подъ предводительствомъ уже знакомыхъ намъ Θеодора Сигрицы и Мармаиса. Однако оно было разбито Сербскимъ княземъ, и головы взятыхъ въ плѣнъ предводителей вмѣстѣ съ ихъ оружіемъ, въ видѣ трофеевъ, посланы Византійскому императору. Это было около 923 г., въ то время, когда Симеонъ возобновлялъ войну съ Византіей и предпринималъ грозный походъ противъ нея. Неудача въ Сербіи привела его въ сильное негодованіе, и желаніе во что бы то ни стало отомстить Сербамъ и наконецъ подчинить ихъ было, можетъ быть, причиною того, что онъ, не смотря на свои блестящія дѣла въ войнѣ съ Греками, не воспользовался выгоднымъ положеніемъ для дальнѣйшей борьбы и удовольствовался унизительнымъ для Византіи миромъ. Итакъ, вернувшись въ Болгарію, онъ снарядилъ большое войско и отправилъ его противъ Захаріи подъ начальствомъ трехъ вождей: Кинна (Κνῆνος), Имника (Ἥμνηκος) и Ицвоклія (Ἠτζβόκλια) [1]) вмѣстѣ съ новымъ претенден-

[1]) Имена, по видимому, восточнаго склада: Имникъ можетъ быть Миникъ (*Гильфердингъ*, Письма, 148). Г. *Куникъ* справедливо полагаетъ, что тутъ за имена (Κνῆνος и Ἥμνηκος) приняты можетъ быть *званія* (какъ и у Кедрина однажды являются именами Χαγάκος и Μινικὸς), и сопоставляетъ съ

томъ на сербскій престолъ Чеславомъ [1]) Клонимировичемъ, правнукомъ Властиміра, который, какъ мы видѣли, родился и провелъ всю молодость въ Болгаріи, и у котораго даже мать была Болгарка.

Походъ Болгаръ былъ направленъ на этотъ разъ не противъ одного князя, а противъ всего Сербскаго народа; Симеонъ хотѣлъ жестоко наказать его. Чеславъ былъ взятъ, по видимому, только для того, чтобы не возбудить подозрѣнія въ народѣ. Князь Захарія, узнавъ о приближеніи сильнаго болгарскаго войска и предчувствуя, что ему не сдобровать, поспѣшилъ укрыться въ Хорватію. Тогда Болгаре побѣдоносно вступили въ предѣлы Сербіи, и созвавъ сербскихъ жупановъ, какъ бы для того, чтобы представить имъ ихъ новаго князя (Чеслава), клятвой увѣрили ихъ въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ и пригласили на свиданіе. Жупаны довѣрчиво явились на зовъ, но были схвачены и въ оковахъ уведены въ плѣнъ. Послѣ того болгарское войско стало жестоко опустошать Сербскую землю, уводя въ неволю весь народъ „отъ мала до велика". Успѣвшіе спастись бѣжали въ сосѣднія земли, преимущественно въ Хорватію [2]). Сербія совершенно опустѣла (924—925 гг.).

Затѣмъ Константинъ сообщаетъ извѣстіе о походѣ Болгаръ въ Хорватію. Болгарское войско подъ начальствомъ Алогоботура (Ἀλογοβότουρ) [3]) вторглось въ Хорватію, но, по словамъ нашего историка, было все истреблено. Вѣроятно, этотъ походъ былъ предпринятъ Болгарами частью для того, чтобы наказать Хорватовъ за то, что они давали у себя убѣжище

этимъ мѣста изъ продолжателя Өеофана (Theoph. Cont., VI, 8, p. 401): ἅμα καὶ Χαγάνῳ καὶ Μηνικῷ и продолжателя Георгія Амартола (ed. Bonn., p. 893; *Muralt* 819): ἅμα Καυκάνῳ καὶ Μηνικῷ. Г. Куникъ считаетъ второе имя безспорно „меникъ", а первое—извращеннымъ именемъ *Кавкана*. „О родствѣ Болгаръ"—Извѣстія Ал. Бекри, С.-Пб. 1878, стр. 152.

[1]) Τζεέσθλαβος, Чеславъ, первоначально Чаславъ. *Шафарикъ*, II, кн. 2, 264.

[2]) Многіе Сербы бѣжали и въ Византію: императоръ Романъ, по водвореніи Чеслава въ Сербіи, отсылалъ ихъ къ нему.

[3]) Это имя чисто татарское; доказательствомъ служитъ послѣдняя его часть „ботуръ", то-есть, „батырь", довольно обыкновенная приставка въ именахъ татарскихъ. См. *Гильфердингъ*, Письма, в. I, 148.

Сербамъ, а частью для того, чтобы расширить свои владѣнія до Адріатическаго моря. Это было около 927 г.; но въ этомъ же году Симеонъ умеръ [1]), и съ нимъ, можно сказать, окончилась славная эпоха болгарской исторіи. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что по смерти Симеона Хорваты, Мадьяры и часть Сербовъ хотѣли воевать съ Болгаріей, но предпріятіе это не состоялось [2]).

Чеславъ, конечно, не могъ забыть той глупой и смѣшной роли, какую ему пришлось играть при разгромѣ Сербіи, когда Симеонъ бралъ его съ собою подъ предлогомъ возведенія на сербскій престолъ. Чувство мести и обманутой надежды побудило его къ осуществленію важнаго замысла [3]). Семь лѣтъ спустя послѣ опустошенія Сербіи онъ, по свидѣтельству Константина, бѣжалъ съ другими четырьмя изъ Прѣславы (Прѣслава), явился въ Сербію, но не нашелъ въ ней никого, кромѣ 50 мужчинъ, промышлявшихъ охотой; съ ними не было ни женъ, ни дѣтей.

Судя по показанію Константина, бѣгство Чеслава изъ Болгаріи было въ 931 или 932 г., такъ какъ разгромъ Сербіи долженъ быть отнесенъ къ 924—925 году. Чеславъ бѣжалъ изъ Прѣславы [4]), то-есть, столицы Болгаріи, „съ другими четырьмя". Кого разумѣлъ Константинъ подъ этими другими? По всей вѣроятности — иначе и нельзя себѣ представить — тутъ разумѣются тѣ жупаны, которые при вторженіи Болгаръ были ими вѣроломно захвачены въ плѣнъ. Желая возвратиться на родину и

[1]) По Θеофанову Продолжателю (l. VI, c. 20), Симеонъ самъ, 27-го мая, предводительствовалъ въ походѣ въ Хорватію и былъ побѣжденъ; другіе относятъ къ этому дню смерть Симеона. *Дюмлеръ* (423—424, пр. 4) полагаетъ, что, можетъ быть, въ одно и то же время войско Симеона было разбито въ Хорватіи, а онъ умеръ въ Болгаріи. Нѣкоторые заключаютъ изъ этихъ свидѣтельствъ, что Симеонъ погибъ въ войнѣ съ Хорватами; *Rambaud*, 418. Однако вѣроятнѣе, что война съ Хорватами была очень скоро послѣ разгрома Сербіи (925 г.), то-есть, года за два до смерти Симеона. См. *Дриновъ*, тамъ же, 54, 58.

[2]) *Dümmler*, 424.

[3]) *Дриновъ*, тамъ же, стр. 137.

[4]) Πρέσθλαβον, Presthlavon, другія формы у Византійцевъ: Presthlawa, Persthlawa, Peristhlawa и т. д. У Нестора—Переяславецъ, древній Маркіанополь, столица Болгаріи; см. *Шафарикъ*, II, кн. 1, 359; срвн. *Banduri*, ed. Bonn., 368—369.

вновь пріобрѣсти свое прежнее положеніе, они соединились съ Чеславомъ и сдѣлались его сподвижниками въ возстановленіи Сербіи. Что касается числа четырехъ, то Гильфердингъ полагаетъ [1]), что оно имѣетъ историческое значеніе, относясь „къ тѣмъ четыремъ главнымъ жупанствамъ, на которыя, по его замѣчанію, всегда болѣе или менѣе рѣзко дѣлилась земля Сербская, то-есть, на жупанства собственной Сербіи, Боснійское, Діоклейское (Зетское) и Рашское"..... Намъ кажется, что нѣтъ достаточнаго основанія придавать такое опредѣленное значеніе этому числу четырехъ; оно могло быть и совершенно случайно. Притомъ сомнительно, чтобы тутъ же былъ и Діоклейскій жупанъ: разореніе Сербіи Болгарами врядъ ли простиралось и на эту область. Константинъ сообщаетъ, что Чеславъ, прибывъ въ Сербію, нашелъ тутъ только 50 мужчинъ безъ женъ и дѣтей; нельзя не сознаться, что это показаніе объ опустошеніи Сербіи представляется слишкомъ преувеличеннымъ [2]). Безъ всякаго сомнѣнія, часть населенія покидала свои жилища только временно и въ ту пору уже возвратилась на родину.

Устроивъ нѣсколько свои дѣла и принявъ княжескую власть (ок. 934 г.), Чеславъ извѣстилъ Византійскаго императора о своемъ водвореніи на сербскомъ престолѣ, прося участія и обѣщая покорность императорской власти; Романъ съ большою радостью принялъ подъ свое покровительство и князя, и народъ его: онъ всячески содѣйствовалъ возстановленію Сербскаго княжества. Очень можетъ быть, что это извѣстіе Константина не совсѣмъ точно. Предположеніе г. Дринова, что переговоры Чеслава съ Византіей начались еще тогда, когда этотъ князь былъ въ Прѣславѣ, и что безъ обѣщанія содѣйствія со стороны Византіи онъ не могъ расчитывать на успѣхъ предпріятія,—весьма правдоподобно [3]). Масса Сербовъ отовсюду, въ особенности изъ Хорватіи, стала стекаться въ прежнія жилища свои, и мало по малу Сербія опять вся заселилась. И въ Константинополѣ также были многіе сербскіе бѣглецы, говоритъ Константинъ. Императоръ Романъ, снабдивъ ихъ одеждами и облагодѣтельствовавъ, отпустилъ на родину. Чеславъ

[1]) *Гильфердингъ*, Письма, I, 231—232.

[2]) *Dümmler*, 423, прим. 3; *Дриновъ*, стр. 136.

[3]) *Дриновъ*, тамъ же, стр. 138.

не только былъ утвержденъ княземъ, но даже получилъ отъ императора богатые подарки, за что̀ и самъ ему вполнѣ подчинился.

Этимъ и кончаются свидѣтельства Константина о современной ему Сербіи. Надо думать, что Чеславъ еще былъ княземъ Сербіи, когда Константинъ писалъ свое сочиненіе (ок. 950 г.) [1]). Благодаря особенной поддержкѣ Византіи, легко объяснимой желаніемъ создать противовѣсъ могуществу Болгаръ, Сербія очень скоро не только оправилась, но и достигла довольно виднаго политическаго значенія [2]).

О судьбѣ приморскихъ жупанствъ сербскихъ Константинъ почти ничего не сообщаетъ: встрѣчаются только случайныя упоминанія о нихъ. Такъ мы видѣли, что въ княженіе Петра стратигъ Диррахія явился для переговоровъ съ нимъ „въ Паганію, бывшую въ то время подвластною Сербскому князю". Изъ этого можно заключить, что при князѣ Петрѣ, около 917 г., Неречане или Паганы не пользовались безграничною свободой—по крайней мѣрѣ въ землѣ своей, такъ какъ на морѣ они, по всей вѣроятности, безпрепятственно продолжали свою буйную дѣятельность. Но если ихъ область была въ ту пору въ зависимости отъ Сербскаго князя, за то жупанство Захлумское было совершенно независимо, что̀ видно по доносу Захолмскаго князя Михаила Болгарскому князю Симеону о переговорахъ Петра съ Греками относительно войны съ Болгарами. Такой фактъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ не только о самостоятельности, но и о могуществѣ этого князя Михаила, котораго Константинъ называетъ въ другомъ мѣстѣ сыномъ князя Βουσεβούτζη [3]). Это послѣднее имя такъ искажено, что нѣтъ почти никакой возможности возстановить его. Шафарикъ читаетъ „Вышевить" (то-есть, Вышевичъ) и полагаетъ [4]), что это, можетъ быть,

[1]) *Banduri*, Anim., 354. Константинъ называетъ его самымъ послушнымъ подданнымъ Византіи (ἐστὶν ὑποτεταγμένος δουλοπρέπως). Сар. 32, стр. 159.

[2]) На положеніе Сербіи въ то время бросаетъ свѣтъ слѣдующее свидѣтельство арабскаго писателя Масуди (писавшаго между 930—950 гг.): „Это славянское племя (то-есть, Сербы) грозно (своимъ противникамъ) по причинамъ, упоминаніе коихъ было бы длинно, по качествамъ, изложеніе которыхъ было бы пространно, и по отсутствію вблизи ихъ государства, которому они подчинялись бы". *Гаркави*, Сказанія мусульм. писателей, стр. 136, прим. 12; срвн. *Дриновъ*, тамъ же, 139.

[3]) Сар. 33, р. 160.

[4]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 422.

то же, что̀ Вышеславичъ, то-есть, сынъ Вышеслава, прозывавшагося сокращенно „Выша". Но это объясненіе, конечно, не можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ [1]). Князь Михаилъ названъ у Константина также проконсуломъ и патриціемъ. На этомъ основаніи можно думать, что онъ былъ когда-нибудь—раньше или позже—въ хорошихъ отношеніяхъ съ Византійскимъ императоромъ, ибо упомянутыя званія раздавались только тѣмъ князьямъ, которые признавали верховную власть Византіи [2]).

[1]) Нѣкоторые читаютъ первую половину имени (Βουσε)=Все, какъ въ именахъ Всеволодъ, Всеславъ и т. д., но вторая половина остается совершенно непонятною.

[2]) *Дриновъ* (тамъ же, стр. 51) полагаетъ, что этотъ переходъ Михаила на сторону Византіи совершился уже позже, когда съ Византіей сблизилась и Хорватія (послѣ 920 г.).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. О Болгарахъ.

Константинъ особо не говоритъ о Болгарахъ, а сообщаетъ извѣстія о нихъ только мимоходомъ, кстати, когда того требуетъ его повѣствованіе о другихъ племенахъ и странахъ. Почти всѣ его свидѣтельства объ этомъ племени заключаются въ главахъ его сочиненія „Объ управленіи имперіей", описывающихъ событія въ Хорватіи и Сербіи (то-есть, въ гл. 31-й и 32-й). Кромѣ того, есть у него и еще кое-какія упоминанія о Болгарахъ, но большая часть ихъ такъ отрывочны и несущественны, что не имѣютъ первостепеннаго значенія [1]). Такъ какъ мы уже разсмотрѣли тѣ извѣстія о нихъ, которыя связаны съ повѣствованіемъ Константина о Хорватахъ и Сербахъ, то и ограничимся здѣсь тѣмъ, что приведемъ ихъ только въ связь и порядокъ и прибавимъ къ нимъ еще то, что сверхъ того упоминаетъ Константинъ о Болгарахъ. Нельзя не задать себѣ вопроса, почему Константинъ не распространяется болѣе подробно о Болгарахъ, почему онъ не посвятилъ имъ особой главы своего сочиненія, когда онъ это сдѣлалъ относительно всѣхъ другихъ племенъ, занимавшихъ земли не только въ предѣлахъ Византійской имперіи, но и внѣ ея [2])? Быть можетъ, это объясняется отчасти тѣмъ, что Болгарія, въ своихъ отношеніяхъ и дѣлахъ, какъ ближайшая сосѣдка Византіи, съ которою послѣдней такъ много пришлось считаться, была на столько извѣстна Византійцамъ, а тѣмъ болѣе царскому сыну, что Багрянородный не счелъ

[1]) Вотъ, напримѣръ, мѣста, гдѣ встрѣчаются подобныя упоминанія: De adm. imp., c. VIII, p. 73; c. XXII, 103; c. XXXVII, 166—167; c. XL, p. 174.

[2]) Константинъ подробно говоритъ о Печенѣгахъ и Мадьярахъ и останавливается даже на Великой Моравіи, державѣ Святополка.

нужнымъ говорить о ней особо. А возможно и то, что Константинъ имѣлъ тутъ въ виду политическія соображенія. Въ то время Византія держалась относительно Болгаріи коварной политики: открыто — она не упускала случая заявлять Петру свою дружбу и выставляла себя союзницею Болгаръ, тайно же — она строила противъ нея козни и подкапывалась подъ основанія ея могущества [1]). Поэтому Константинъ считалъ, вѣроятно, болѣе благоразумнымъ не вдаваться въ подробности относительно Болгаръ. Во всякомъ случаѣ это обстоятельство заслуживаетъ вниманія [2]).

Прежде чѣмъ мы обратимся къ изложенію извѣстій Константина, необходимо еще замѣтить, что Константинъ подъ Болгарами разумѣетъ *собственно Болгарскій* народъ, какъ пришлую съ востока орду, а не Славянъ Мизіи, Ѳракіи и Македоніи, которые впослѣдствіи, благодаря своему несравненному численному превосходству и высшей степени культуры, поглотили пришлый тюркскій элементъ, совершенно ославянивъ его. Это ославяненіе, безъ сомнѣнія, достигло значительныхъ результатовъ уже и во времена Константина, то-есть, въ X вѣкѣ, но элементъ собственно болгаро-тюркскій еще преобладалъ политически и былъ довольно силенъ, особенно въ высшихъ классахъ населенія, а потому современники-Византійцы не замѣчали его постепеннаго ослабленія [3]).

О жилищахъ Болгаръ Константинъ не сообщаетъ почти ровно никакихъ свѣдѣній [4]); поэтому мы перейдемъ прямо къ его свидѣтельствамъ, касающимся исторической жизни этого народа.

[1]) *Дриновъ*, тамъ же, стр. 69—70 и далѣе.

[2]) Слѣдуетъ имѣть въ виду также и то, что Константинъ долженъ былъ бы, говоря отдѣльно о Болгарахъ, описывать и недавнее торжество ихъ и униженіе Византіи. Онъ не могъ бы умолчать объ этихъ важныхъ событіяхъ, какъ и не могъ бы, по своей правдивости, извратить ихъ, а разказать ихъ такъ, какъ они совершились, ему не позволяло его самолюбіе Грека, и притомъ императора. Оттого-то, можетъ быть, онъ и предпочелъ совсѣмъ умолчать о нихъ.

[3]) Онъ сохранялся и въ царствующей династіи, и особенно въ высшемъ сословіи; имена болгарскихъ вождей, упоминаемыхъ Константиномъ, отчасти могутъ служить тому доказательствомъ. О продолжительности существованія болгарскаго элемента на полуостровѣ срвн. *М. Соколовъ*, Изъ древней исторіи Болгаръ. С.-Пб., 1879, стр. 93—94.

[4]) Онъ упоминаетъ два-три мѣстныя имени, да и то совершенно случайно. Такъ, описывая путешествіе Руссовъ въ Византію (c. 9, p. 79), онъ

Здѣсь кстати вспомнить, что одно выраженіе Константина касается состоянія страны, завоеванной потомъ Болгарами, еще до ихъ вторженія. Въ 32-й главѣ (p. 153) онъ говоритъ, что первый Сербскій князь умеръ въ то время, „когда Болгарія еще была подвластна Грекамъ" [1]). На это свидѣтельство опираются нѣкоторые изъ ученыхъ, желающіе доказать, что Славяне въ Мизіи первоначально (то-есть, еще въ VI и началѣ VII в.) были вполнѣ подданными Грековъ, тогда какъ другія свидѣтельства доказываютъ, что эти Славяне имѣли даже собственныхъ князей и признавали только верховное покровительство Византіи. Намъ кажется, что свидѣтельство Константина можетъ быть понимаемо именно въ смыслѣ такого покровительства, и слѣдовательно, нисколько не противорѣчитъ другимъ извѣстіямъ, напримѣръ, тому, что Болгаре въ 678 г. нашли здѣсь семь отдѣльныхъ (самостоятельныхъ) славянскихъ племенъ [2]).

Первыя свидѣтельства Константина о дѣлахъ болгарскихъ относятся приблизительно только къ половинѣ IX вѣка. Мы передадимъ разказы Константина, не придерживаясь однако его собственныхъ словъ, которыя уже были приведены нами выше.

Болгаре находились до тѣхъ поръ (то-есть, до половины IX вѣка) въ мирныхъ отношеніяхъ съ Сербами. Князь Пресіамъ, желая подчинить ихъ, началъ войну, но былъ побѣжденъ, и большая часть его войска была истреблена. Сынъ Пресіама [3]), Ми-

называетъ въ Болгаріи р. Варну (Βάρνας) и р. Дичину (Διτζίνα). Послѣднюю *Шафарикъ* (II, кн. 1, 358—359) невѣрно отожествляетъ съ Тичей (нынѣ Девна). У Анны Комниной она называется Βιτζινά; это—Бичина, нынѣ Буюкъ-Камчикъ. См. *Палаузовъ*, Вѣкъ ц. Симеона, 32. Затѣмъ Константинъ, описывая (c. 40, p. 172) войну Симеона съ Мадьярами, упоминаетъ о какомъ-то городѣ Мундрагѣ (Μουνδράγα), въ которомъ заперся Симеонъ. Наконецъ, мы уже видѣли, что онъ не разъ упоминаетъ о столицѣ Прѣславѣ.

[1]) Г. *Дриновъ* невѣрно понимаетъ это выраженіе, разумѣя подъ Болгаріей самихъ Болгаръ, тогда какъ тутъ явно Константинъ говоритъ собственно *о странѣ*, занятой Болгарами. *Дриновъ*, тамъ же, стр. 48.

[2]) Срвн. *Шафарикъ*, II, кн. 1, 259—260.

[3]) Это свидѣтельство служитъ прямымъ опроверженіемъ невѣрнаго извѣстія Льва Грамматика и Георгія Монаха, которые называютъ предшественника Михаила-Бориса Владиміромъ и считаютъ его внукомъ Крума и отцемъ Симеона. Отецъ Бориса былъ положительно Пресіамъ. См. *Шафарикъ*, II, кн. 1, 287, пр. 92; срвн. *Палаузовъ*, Вѣкъ ц. Симеона, стр. 16—17, прим. 17,

хаилъ-Борисъ, хотѣлъ отомстить за пораженіе отца, но былъ также побѣжденъ, и сынъ его Владиміръ [1]), съ 12 боярами, взятъ въ плѣнъ. Озабоченный судьбою сына, Борисъ поспѣшилъ заключить миръ съ Сербами. Получивъ плѣнныхъ, онъ собрался въ обратный путь, но боялся засады и потому выпросилъ у князя Мунтиміра его двухъ сыновей, Борена и Стефана, себѣ въ проводники. На границѣ, у Расы, онъ простился съ ними, богато одаривъ ихъ. Сербскіе князья подарили ему двухъ рабовъ, пару соколовъ, пару собакъ и 90 шкуръ; Болгары считали это знакомъ договора. Около того же времени была война Бориса съ Хорватами, которая также, по показанію Константина, окончилась для него неудачно [2]). Однако, какъ мы высказали выше предположеніе, это свидѣтельство Константина подлежитъ сомнѣнію; другія соображенія побуждаютъ насъ думать, что побѣдителями въ этой войнѣ остались Болгаре. [3]) Во время междоусобій въ Сербіи многіе недовольные или обиженные князья Сербскіе были охотно принимаемы Болгарами, которые потомъ пользовались ими въ войнахъ съ Сербами и доставляли имъ престолъ, разчитывая на ихъ покорность, но большею частью ошибались въ разчетѣ. Такъ братья Мунтиміра, Строиміръ и Гойникъ, по своемъ изгнаніи, поселились въ Болгаріи. У Строиміра былъ сынъ Клониміръ, котораго Борисъ женилъ на Болгаркѣ; у нихъ родился сынъ Чеславъ, который до самаго своего княженія жилъ въ Болгаріи.

Симеонъ, сынъ и преемникъ Бориса [4]), жилъ долго въ мирѣ и въ кумовствѣ съ Сербскимъ княземъ Петромъ. Но когда Захлумскій князь Михаилъ донесъ Симеону о тайныхъ переговорахъ Петра съ Греками относительно войны съ нимъ, то Симеонъ рѣшилъ отомстить Петру. Въ то время онъ воевалъ съ Греками и нанесъ имъ извѣстное пораженіе при Ахелоѣ (917 г.). Въ Сербію онъ послалъ войско подъ начальствомъ Ѳеодора Сигрицы и Мармаиса, и съ нимъ Павла Брановича, внука Мунтиміра. Болгарскіе вожди обма-

[1]) Константинъ, какъ мы видѣли, называетъ его ошибочно Властиміромъ.

[2]) C. 31, p. 150 (всѣ остальныя свидѣтельства заключаются въ 32-й главѣ, 152—159).

[3]) См. выше, стр. 127—128.

[4]) Какъ извѣстно, короткое время былъ на болгарскомъ престолѣ старшій сынъ Бориса, Владиміръ.

номъ заманили къ себѣ князя Петра, и затѣмъ, схвативъ его, увели въ Болгарію, гдѣ онъ и умеръ въ темницѣ. На его мѣсто они посадили Павла. Этотъ князь сначала признавалъ ихъ верховную власть и выдалъ имъ своего двоюроднаго брата Захарію Прибиславича, который, будучи уполномоченъ Византійскимъ императоромъ Романомъ, хотѣлъ завладѣть сербскимъ престоломъ, но былъ побѣжденъ Павломъ. Однако и Павелъ скоро сдѣлался врагомъ Болгаръ (920 г.), и тогда Симеонъ помогъ Захаріи прогнать Павла и сдѣлаться княземъ. Захарія однако не хотѣлъ подчиняться Болгарамъ и разбилъ посланное противъ него болгарское войско, а головы вождей Сигрицы и Марманса отослалъ Римскому императору. Симеонъ былъ въ то время занятъ войною съ Греками. Сильно разгнѣванный поступкомъ Захаріи, онъ рѣшилъ жестоко наказать Сербовъ, и заключивъ миръ съ Греками, послалъ въ Сербію огромное войско подъ начальствомъ *Книна, Имника* и *Ицвоклія*, а съ нимъ и Чеслава Клонимировича. Захарій бѣжалъ въ Хорватію, а Болгаре, хитростью захвативъ въ плѣнъ Сербскихъ жупановъ, произвели страшное опустошеніе въ Сербіи и увели въ неволю множество народу. На нѣкоторое время опи сдѣлались полными хозяевами въ Сербіи (приблизительно 924—932 гг.). Около того же времени Симеонъ послалъ войско съ *Алогоботуромъ* противъ Хорватовъ, но этотъ походъ былъ совершенно неудаченъ, и по выраженію Константина, „всѣ Болгаре были истреблены Хорватами".

Вотъ собственно все, чтò мы узнаемъ изъ Константина объ этой блистательной эпохѣ исторіи Болгарской державы. Вообще въ исторіи Болгаръ эти извѣстія, по своей отрывочности, не могутъ, конечно, занимать особенно виднаго мѣста, но они для насъ чрезвычайно важны, ибо характеризуютъ политическія отношенія Болгаръ къ славянскимъ сосѣдямъ и къ Византіи, и особенно ту роль, которую играла Болгарія въ исторіи Сербіи того времени. Здѣсь мы укажемъ еще на одно свидѣтельство Константина о Болгарахъ, которое, не смотря на свою отрывочность, заслуживаетъ упоминанія.

Въ гл. 40-й (о *Туркахъ*, то-есть, Мадьярахъ) Константинъ разсказываетъ слѣдующее:

„Мадьяры, призванные христолюбивымъ и славнымъ императоромъ Львомъ, перешли черезъ Дунай и пошли войною про-

тивъ Симеона; побѣдивъ и преслѣдуя его, они дошли до г. Прѣславы (Предславы), и заперевъ его въ городѣ, такъ называемомъ Мундрагѣ (Μουνδράγα), возвратились домой....... Послѣ того Симеонъ, примирившись съ Греческимъ императоромъ и пользуясь безопаснымъ временемъ, снесся съ Печенѣгами и условился съ ними напасть на Мадьяръ и истребить ихъ. Когда же Мадьяры находились въ походѣ, Симеонъ и Печенѣги вторглись въ ихъ землю, совершенно истребили ихъ семейства и жестоко преслѣдовали тѣхъ, которые охраняли страну"..... (c. 40, p. 172—173).

Этотъ походъ Мадьяръ относится къ послѣднему десятилѣтію IX вѣка. О переправѣ ихъ на греческихъ судахъ черезъ Дунай Константинъ говоритъ съ другомъ мѣстѣ [1]): онъ разказываетъ слѣдующее про подвигъ одного Грека Баркаласа (Μιχαὴλ ὁ Βαρκαλᾶς):

„Симеонъ, узнавъ о прибытіи флота, который собирается переправить Мадьяръ черезъ Дунай, употребилъ въ дѣло канаты и крѣпкія цѣпи, чтобы помѣшать имъ переправиться; Мадьяры вслѣдствіе того не могли ничего сдѣлать; тогда Михаилъ Баркаласъ съ двумя другими, взявъ щиты и мечи, храбро выскочилъ изъ „хеландій", и, перерубивъ канаты и цѣпи, открылъ Мадьярамъ переправу".

Симеону, какъ извѣстно, наслѣдовалъ его сынъ Петръ (927 г.). О немъ Константинъ упоминаетъ только разъ, говоря о женитьбѣ его на внукѣ императора Романа Маріи [2]). Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что въ сочиненіи Константина „О церемоніяхъ" приводятся нѣкоторыя формулы, употреблявшіяся въ грамотахъ Византійскаго императора къ Болгарскому князю или при пріемѣ болгарскихъ пословъ въ Византіи. Эти формулы любопытны, характеризуя внѣшнія политическія отношенія того времени между Болгарскимъ „ца-

[1]) C. 51, p. 238—39.

[2]) C. 13, p. 87—88. Тутъ Константинъ даетъ совѣты сыну о томъ, какъ отвѣчать на незаконныя требованія варварскихъ государей; онъ говоритъ, что Византійскій императоръ никакимъ образомъ не долженъ вступать въ родственныя связи съ ними. Императоръ Романъ, нарушившій этотъ священный законъ и выдавшій свою внуку за Болгарскаго князя Петра, былъ наказанъ Богомъ.

ремъ" и Византійскимъ императоромъ; однако размѣры и задачи нашего труда не позволяютъ намъ остановиться на нихъ долѣе [1]).

II. О Пелопоннисскихъ Славянахъ.

Поселенія Славянъ въ Пелопоннисѣ, на сколько это видно изъ греческихъ источниковъ, начались еще въ половинѣ VI вѣка [2]). Съ тѣхъ поръ приливъ Славянъ въ южную Грецію, все усиливаясь, продолжается до IX вѣка. Въ половинѣ VIII в. при Греческомъ императорѣ Константинѣ Копронимѣ Славяне въ Пелопоннисѣ и другихъ частяхъ Греціи были такъ многочисленны, что приводили въ смущеніе Византійское правительство. Всѣмъ извѣстна фраза Константина Багрянороднаго о томъ времени: „Ославянилась вся земля (то-есть, Эллада и Пелопоннисъ) и сдѣлалась варварскою" [3]). Но о томъ, какъ и когда именно Славяне поселились въ Пелопоннисѣ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій.

Весьма скудны также свидѣтельства о судьбахъ и исторической жизни этихъ Славянъ; то, что̀ сообщаетъ о нихъ Константинъ, занимаетъ весьма видное мѣсто въ ряду этихъ свидѣтельствъ. Мы приведемъ его показанія цѣликомъ, а затѣмъ должны будемъ ограничиться только немногими замѣчаніями относительно ихъ содержанія, такъ какъ въ настоящемъ сочиненіи не имѣемъ воз-

[1]) Объ этихъ формулахъ см. *Гильфердингъ*, Письма I, 159—162; *Rambaud*, 340—345. Константинъ упоминаетъ въ соч. De adm imp. о *Черной Болгаріи*, ἡ μαύρη Βουλγαρία, c. 12, p. 81; c. 42 p. 180. Относительно положенія ея не всѣ согласны; одни помѣщаютъ ее на Волгѣ (что̀ совершенно несправедливо), другіе—у Чернаго моря, на югъ отъ Дуная (древняя Scythia Minor), третьи—на Кубани, что̀ кажется вѣрнѣе. О Черныхъ Болгарахъ говорится еще въ договорѣ Олега, что они „воюютъ въ странѣ Корсунстѣй". *Гедеоновъ* того мнѣнія, что тутъ идетъ рѣчь о народѣ, обитавшемъ вблизи отъ Чернаго и Азовскаго морей, быть можетъ, о Половцахъ. См. Отр. о Вар. вопр.—*Зап. Ак. Н.*, т. III, кн. 2, стр. 66.

[2]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 315, 376—377; *Дриновъ*, Засел. Балк. пол., 133—134. Никто почти не сомнѣвается, что подъ «Аварами», которые будто бы около 590 г. вторглись въ Пелопоннисъ и держались тамъ 218 лѣтъ, надо разумѣть Славянъ, ибо объ Аварахъ въ Пелопоннисѣ нѣтъ и не было никакихъ слѣдовъ; см. *Шафарикъ*, тамъ же; *Zeuss*, 625.

[3]) Ἐσθλαβώθη δὲ πᾶσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος. De Them., II, 6, p. 53. Это свидѣтельство въ высшей степени важно, и совершенно напрасно старается умалить его значеніе *Дриновъ*, тамъ же, 134.

можности остановиться на нихъ долѣе и разсмотрѣть этотъ вопросъ такъ, какъ того требовала бы его важность и интересъ [1]).

Свидѣтельства Константина о Пелопоннисскихъ Славянахъ заключаются въ гл. 49-й и 50-й его сочиненія „Объ управленіи имперіей“:

> „Римскимъ императоромъ былъ Никифоръ. Славяне въ Пелопоннисѣ, задумавъ отпасть, опустошили жилища сосѣдей Грековъ и предались грабежу, а затѣмъ, напавъ на жителей города Патръ (τῶν Πατρῶν πόλις), овладѣли полями вокругъ стѣнъ города и осадили его вмѣстѣ съ африканскими Арабами („съ Африканами и Арабами“). Черезъ нѣсколько времени, когда у осажденныхъ начался недостатокъ въ необходимыхъ припасахъ, то-есть, въ водѣ и пищѣ, они рѣшились войти въ переговоры о мирѣ и сдачѣ города непріятелю. Такъ какъ стратигъ находился въ то время въ мѣстной крѣпости, именно въ Коринѳѣ, и была надежда, что онъ явится и нападетъ на Славянъ, о предпріятіи которыхъ онъ былъ ранѣе извѣщенъ правителями, то жители города рѣшили прежде послать развѣдчика въ восточную часть горъ, чтобы развѣдать и узнать, приближается ли стратигъ; они условились съ нимъ относительно сигнала, что если онъ увидитъ идущаго стратига, то при возвращеніи будетъ держать знамя опущеннымъ, чтобъ они знали о приближеніи помощи; а въ противномъ случаѣ онъ подниметъ его, чтобъ они не надѣялись на прибытіе (помощь) стратига. Развѣдчикъ отправился и

[1]) Вопросъ о *славянизаціи Пелопонниса* и о происхожденіи его нынѣшняго населенія былъ, какъ извѣстно, предметомъ самыхъ оживленныхъ и ожесточенныхъ споровъ въ западной исторической литературѣ нынѣшняго вѣка. Надѣлавшее столько шуму сочиненіе *Фалмерайера* подало поводъ къ другимъ замѣчательнымъ изслѣдованіямъ въ этой области, но и до сихъ поръ этотъ вопросъ возбуждаетъ живой интересъ и ждетъ новыхъ изысканій. Главныя сочиненія суть слѣдующія:

Falmerayer, Gesch. d. Halbins. Morea, Stuttg. und Tübing. 1830. Entst. d. heut. Griechen, и др.; *Zinkeisen*, Gesch. Griechenlands, Leipz. 1832; *Kiepert* (1848); *Paparrigopulo*, Περί τῆς ἐποικήσεως Σλαβικῶν τινῶν, 1843; Ἱστορικαὶ πραγματεῖαι, 1858; *Hopf*, Griech. Gesch.; *Miklosich*, Die Slavischen Elemente im Neugriechischen, 1869. и многія другія; срвн. *Jung*, Roemer und Romanen in den Donaulaendern, Innsbr., 1877, S. XVI—VLI. Французскіе ученые: *Buchon*, *Mézières*, *Deville* (см. *Rambaud*, 210).

узнавъ, что стратига нѣтъ, возвратился съ поднятымъ знаменемъ. Но по волѣ Божіей, черезъ посредство св. апостола Андрея, случилось, что лошадь вѣстника споткнулась, и онъ при толчкѣ невольно наклонилъ знамя. Жители же, замѣтивъ сигналъ и будучи совершенно увѣрены, что приближается стратигъ, отворили городскіе вороты и мужественно бросились на Славянъ, при чемъ увидѣли явственно названнаго апостола, сидящаго на конѣ и скачущаго прямо на варваровъ. Обративъ ихъ въ бѣгство, онъ разсѣялъ и прогналъ ихъ далеко отъ города. А варвары, увидя это, пораженные и испуганные неожиданнымъ нападеніемъ на нихъ непобѣдимаго и неодолимаго воителя и полководца, побѣдоноснаго апостола Андрея, пришли въ ужасъ и смятеніе и искали убѣжища въ его почитаемомъ храмѣ. Когда же три дня спустя явился стратигъ и узналъ о побѣдѣ апостола, онъ извѣстилъ императора Никифора о нашествіи Славянъ, ихъ опустошеніяхъ, порабощеніи, грабежѣ и остальномъ вредѣ, причиненномъ ими Ахайской землѣ, также о продолжительной осадѣ и бѣдствіяхъ осажденныхъ, наконецъ о помощи апостола, его побѣдѣ и о томъ, какъ онъ, въ виду всѣхъ, напалъ на враговъ, преслѣдовалъ и обратилъ ихъ въ бѣгство, такъ что даже сами варвары, видя его заступничество (Грекамъ), искали убѣжища въ его святомъ храмѣ. Императоръ, услышавъ это, отдалъ слѣдующее приказаніе: „Такъ какъ побѣда одержана апостоломъ, то слѣдуетъ все войско непріятельское и всю добычу посвятить ему". Онъ постановилъ какъ самихъ враговъ, со всѣми ихъ семействами, родными и близкими, такъ и все ихъ имущество предоставить храму апостола въ митрополію Патръ, гдѣ вышеназванный ученикъ Христа одержалъ эту побѣду..."

Затѣмъ Константинъ разказываетъ о томъ, какого рода дань должны были платить приписанные къ Патрской митрополіи Славяне [1]) (с. 49, р. 217—220):

„Пелопоннискіе Славяне (οἱ θέματος Πελοποννήσου Σκλάβοι)

[1]) Они должны были заботиться о прокормленіи греческихъ начальниковъ, пословъ императора и т. д. Императоръ Левъ издалъ грамоту, гдѣ подробно перечислены всѣ обязанности этихъ Славянъ.

въ царствованіе императора Θеофила и его сына Михаила, отложившись, сдѣлались самостоятельны и производили опустошенія, порабощенія, грабежи, поджигательства и воровства. Въ царствованіе императора Михаила, Θеофилова сына, протоспаθарій Θеоктистъ, по прозванію Броеніійскій (ὁ τῶν Βροιενίων) былъ посланъ стратигомъ въ провинцію Пелопоннисъ съ большимъ войскомъ и силою, состоявшею изъ Θракійцевъ и Македонянъ и изъ жителей другихъ западныхъ провинцій для войны и для покоренія ихъ (Славянъ). Всѣхъ Славянъ и остальныхъ еще не покоренныхъ въ Пелопоннисѣ онъ побѣдилъ и покорилъ. Одни только *Езерцы* (Ἐζερῖται) и *Милинги* (Μιληγγοί) остались (свободными) въ Лакедемоніи и Элосѣ (τὸ Ἕλος). Тамъ находится высокая и очень значительная гора, называемая Пентадактиломъ (Πενταδάκτυλος) и на далекое пространство, въ видѣ шеи, вдающаяся въ море; вслѣдствіе неудобства почвы (вокругъ) Славяне живутъ на склонахъ этой горы: съ одной стороны—Милинги, а съ другой—Езерцы. Упомянутый протоспаθарій и стратигъ Пелопонниса Θеоктистъ могъ и ихъ покорить, однако онъ только наложилъ на нихъ дань: на Милинговъ—60 золотыхъ, а на Езерцевъ—300, и они ее заплатили тому же стратигу, о чемъ молва (преданіе) и донынѣ сохраняется между жителями. Въ царствованіе императора Романа стратигъ той же провинціи протоспаθарій Іоаннъ Протейскій (ὁ Πρωτεύων) извѣстилъ этого императора о томъ, что Милинги и Езериты отложились и не слушаются ни стратига, ни императорскихъ приказаній, а дѣйствуютъ самостоятельно и самовольно, и не только не принимаютъ князя отъ стратига (то-есть, по назначенію стратига), но и не хотятъ идти съ нимъ въ походъ или исполнить какую бы то ни было другую обязанность. Пока шло это извѣстіе, былъ назначенъ стратигомъ въ Пелопоннисъ протоспаθарій Кринитъ Аротрасъ (Κρινίτης ὁ Ἀροτρᾶς). Когда же было доставлено и прочтено въ присутствіи императора Романа извѣщеніе протоспаθарія Іоанна, что упомянутые Славяне отпали и вовсе не исполняютъ или дурно исполняютъ императорскія постановленія, то Криниту было приказано, въ случаѣ ихъ упорства, взяться за оружіе, предпринять походъ, покорить и истребить ихъ.

„Начавъ войну въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ сжегъ ихъ хлѣба и опустошилъ всю ихъ землю; они же оказывали сопротивленіе до ноября. Но съ тѣхъ поръ, предчувствуя свою гибель, они начали переговоры о подчиненіи и просили прощенія въ прежнихъ поступкахъ. Упомянутый протоспаѳарій Кринитъ наложилъ на нихъ дань, бо̀льшую, чѣмъ они платили, а именно на Милинговъ сверхъ 60-ти золотыхъ, которые они вносили раньше, еще 540, слѣдовательно, всего 600, а на Езерцевъ—сверхъ 300 золотыхъ прежней дани, еще 300, итого 600 золотыхъ, которые самъ Кринитъ вытребовалъ и внесъ въ священный покой (то-есть, казну императора). Но когда протоспаѳарій Кринитъ былъ переведенъ въ провинцію Элладу, а протоспаѳарій Варда Платиподъ (Βάρδα ὁ Πλατυπόδης) былъ сдѣланъ стратигомъ Пелопонниса, когда произошли безпорядки и возмущенія этого Варды и другихъ ему сочувствовавшихъ протоспаѳаріевъ и начальниковъ, изгонявшихъ изъ провинцій протоспаѳарія Льва Агеласта (Λέων ὁ Ἀγέλαστος), когда, наконецъ, неожиданно произошло вторженіе Славизіанъ (οἱ Σκλαβησιανοί) въ эту страну, то тѣ самые Славяне, Милинги и Езерцы, отправили пословъ къ императору Роману съ просьбой и мольбой сбавить имъ увеличенную подать и позволить платить то, что̀ они прежде платили. Такъ какъ Славизіане, какъ было упомянуто, вступили въ Пелопоннисъ, то императоръ, боясь, чтобъ они не соединились со Славянами и не причинили бы окончательной гибели провинціи, далъ имъ золотую буллу, чтобъ они платили ту же дань, что и прежде, то-есть, Милинги — 60 золотыхъ, а Езерцы—300 золотыхъ. Таковы были, слѣдовательно, причины набавки и потомъ опять уменьшенія подати Милинговъ и Езерцевъ“ (с. 50, р. 220—224).

Затѣмъ въ той же главѣ Константинъ отъ Милинговъ и Езерцевъ переходитъ къ жителямъ г. Маины (οἱ τοῦ κάστρου Μαΐνης οἰκήτορες), коихъ нѣкоторые ученые считаютъ также Славянами, но о которыхъ нашъ историкъ положительно утверждаетъ, что „они по происхожденію своему не Славяне, а ведутъ начало отъ древнихъ Грековъ и до сихъ поръ тамошними жителями называются Эллинами“.

Итакъ, въ первомъ изъ этихъ разказовъ Константинъ повѣст-

вуетъ о томъ, какъ въ царствованіе императора Никифора (802—811 гг.) Пелопоннисскіе Славяне, а именно жившіе въ области Ахаіи, пытались свергнуть съ себя иго Грековъ: они произвели возстаніе, предались страшному грабежу и опустошеніямъ, и наконецъ, осадили греческій городъ Патры. Любопытно извѣстіе, что союзниками ихъ были Арабы (африканскіе) [1]). Безъ сомнѣнія, Славяне видѣли, что имъ не взять города безъ морскихъ силъ, и потому пригласили Арабовъ осаждать Патры съ моря [2]). Жители города были приведены въ такую крайность, что намѣревались уже сдаться, но неожиданно счастливый случай, а по убѣжденію самихъ Грековъ—чудо и заступничество св. Андрея, патрона города Патръ, спасли ихъ и доставили имъ полную побѣду. Они увѣряли, что видѣли самого апостола Андрея на конѣ, поражающаго и преслѣдующаго враговъ [3]), Славяне были совершенно разбиты и покорены; вся добыча была отдана церкви св. Андрея, а сами они были приписаны къ его митрополіи и должны были платить дань (807 г.). По всей вѣроятности, въ то время возстали и были покорены не одни только Славяне Ахайскіе, но и въ другихъ частяхъ Пелопонниса; этому не противорѣчитъ и Константинъ; напротивъ, словами, что „Славяне въ Пелопоннисѣ возстали и опустошили жилища Грековъ и т. д.", онъ скорѣе подверждаетъ это предположеніе, хотя и разказываетъ только объ осадѣ города Патръ, какъ о событіи, произведшемъ особенно сильное впечатлѣніе на Грековъ своимъ чудеснымъ въ ихъ глазахъ исходомъ [4]). Къ сожалѣнію, въ этомъ разказѣ Константинъ не сообщаетъ намъ названія племени возставшихъ Славянъ, какъ онъ это дѣлаетъ въ другомъ своемъ разказѣ — о позднѣйшихъ возмущеніяхъ Пелопоннисскихъ Славянъ. Подчиненіе ихъ при императорѣ Никифорѣ было весьма непрочно; возможно впрочемъ, что нѣкоторыя племена, жившія въ недо-

[1]) Это не первый примѣръ союза Славянъ съ Арабами. Впрочемъ особенно такими союзами и дружбою съ Арабами отличались Славяне Малоазійскіе; см. *В. Ламанскій*, О Слав. въ Мал. Азіи, стр. 4, 15.

[2]) О судьбѣ этого арабскаго флота мы далѣе ничего не знаемъ.

[3]) Извѣстно, что при знаменитомъ нападеніи Славянъ на Солунь въ VII в. побѣда также приписывалась чуду, въ которомъ игралъ роль св. Димитрій Солунскій; см. *Rambaud*, 230.

[4]) Срвн. *Fallmerayer*, Gesch. der Halbins. Morea, 221—222.

ступныхъ мѣстахъ, не были въ то время покорены и остались свободными [1]). О вторичномъ возмущеніи Константинъ разказываетъ такъ: Въ царствованіе императора Θеофила и его сына Михаила III (то-есть, между 829 и 867 гг.) Пелопоннискіе Славяне отложились отъ Грековъ и обратились къ жестокимъ опустошеніямъ и грабежу. При императорѣ Михаилѣ былъ посланъ противъ нихъ съ большимъ войскомъ полководецъ Θеоктистъ. Ему удалось покорить всѣхъ возставшихъ Славянъ, кромѣ двухъ племенъ въ южномъ Пелопоннисѣ—Милинговъ (Μιλήγγοι) и Езерцевъ (Ἐζερῖται), жившихъ близь Лакедемона и Элоса, на склонахъ горнаго хребта Пентадактила (древняго Тайгета). Изъ словъ Константина заключали многіе, что Милинги жили съ одной стороны хребта, а Езерцы—съ другой [2]), но вѣроятнѣе, что и тѣ, и другіе жили съ одной стороны, именно съ восточной: Милинги—сѣвернѣе, въ отрогахъ Пентадактила, недалеко отъ древней Спарты, а Езерцы—южнѣе, въ окрестностяхъ города Элоса, нынѣ Езера (Ezeron) [3]). Милинги жили болѣе въ горахъ, а Езерцы, по крайней мѣрѣ часть ихъ, въ низменной, болотистой мѣстности нижняго Эврота, вслѣдствіе чего и получили свое имя. Надо замѣтить, что славянское имя *Езеро* есть собственно переводъ первоначальнаго греческаго названія Элоса (Ἕλος), значущаго именно озеро, прудъ, болото [4]). Свидѣтельство Константина о Милингахъ [5]) и Езерцахъ въ высшей степени важно, ибо это—единственныя дошедшія до насъ названія вѣтвей Морейскихъ Славянъ того времени.

Полководецъ Θеоктистъ, продолжаетъ Константинъ,—могъ бы

[1]) На это указываютъ слова Константина (с. 50, р. 221), что Θеоктистъ покорилъ всѣхъ возставшихъ и „остальныхъ, еще до тѣхъ поръ не покоренныхъ".

[2]) Такъ *Шафарикъ*, (II, кн. 1, 378) предполагаетъ, что Милинги жили на восточной сторонѣ, а Езерцы на западной; а на картѣ *Шпрунера* (Das Byzantinische Reich bis in das XI Jahrh.) жилища ихъ означены совершенно обратно: Езерцы—на востокъ, а Милинги—на западъ.

[3]) *Rambaud*, 229.

[4]) *Fallmerayer*, ibid., 273; срвн. *Zeuss*, Die Deutch., 634, прим.; *Гильфердингъ*, Письма, II, 17, пр. 2.

[5]) Милинги, по всей вѣроятности, есть искаженное имя, первоначально тожественное съ именемъ извѣстной вѣтви Полабскихъ Славянъ *Мильчанъ* и *Мильцевъ*; см. *Шафарикъ*, II, кн. 3, 163.

покорить и эти два племени, но онъ довольствовался тѣмъ, что наложилъ на нихъ подать: на Милинговъ—60 золотыхъ, а на Езерцевъ—300. Причиной этой разницы было вѣроятно то, что первые, какъ мы видѣли, жили въ неприступныхъ горахъ, и справиться съ ними было гораздо труднѣе [1]), а вторые обитали отчасти на равнинѣ. Во всякомъ случаѣ и та, и другая дань поразительно малы и доказываютъ, что подчиненіе этихъ Славянъ было просто только формальностью, и византійскія войска не были въ состояніи дѣйствительно покорить ихъ [2]). Въ такомъ полузависимомъ положеніи оставались эти Пелопоннисскіе Славяне до X вѣка. Въ царствованіе императора Романа (ок. 940 г.) пелопоннисскій стратигъ Іоаннъ извѣстилъ императора о томъ, что Милинги и Езерцы вновь возстали и не хотятъ слушать императорскихъ повелѣній. Вѣроятно этотъ стратигъ былъ неопытенъ и неэнергиченъ, ибо на его мѣсто былъ немедленно отправленъ другой—Кринитъ, которому, вслѣдствіе полученныхъ неутѣшительныхъ вѣстей, было приказано употребить строжайшія мѣры къ подавленію возстанія. Однако Славяне, несмотря на жестокое опустошеніе ихъ страны, упорно сопротивлялись съ марта мѣсяца до ноября 940 г. Наконецъ нужда заставила ихъ смириться; они согласились на подчиненье и на увеличенную подать. Милинги должны были платить, кромѣ 60 золотыхъ еще 540, итого 600, Езерцы—еще 300, слѣдовательно, также 600. Затѣмъ Кринитъ былъ переведенъ стратигомъ въ Элладу; можетъ быть, это было повышеніе за удачное подавленіе возстанія [3]). Въ Пелопоннисъ между тѣмъ былъ назначенъ Варда, и онъ съ остальными начальниками произвелъ какое-то возмущеніе и безпорядки; въ то же время произошло вторженіе въ Пелопоннисъ Славизіанъ (Σκλαβησιανοί) [4]), которыхъ

[1]) Возможно, что, какъ горные жители, они были и бѣднѣе.

[2]) *Fallmerayer*, ibid., 223—224; срвн. *Rambaud*, 269.

[3]) *Rambaud*, 270.

[4]) Славизіане, по Гильфердингу (Письма, в. II, 18), *Славишане;* Юстиніанъ II Ринотметъ (687 г.), побѣдивъ Славянъ въ Македоніи, вывелъ откуда огромное множество ихъ, и переправивъ черезъ Геллеспонтъ, поселилъ въ Малой Азіи, въ области Опсикіи (Opsikion thema, Opsicium), то-есть, въ окрестностяхъ Никеи и Апамеи; см. *Шафарикъ*, II, кн. 1, 44, 327, 382—383; срвн. *В. Ламанскій*, О Славянахъ въ Малой Азіи и т. д., стр. 2—3, 8. *Rambaud*. 218, 249 и т. д. Въ Пелопоннисѣ были эти Славизіане, можетъ быть, по дорогѣ въ Италію (*Rambaud*, 251).

считаютъ славянскими поселенцами провинціи Опсикія въ Малой Азіи. Этимъ замѣшательствомъ воспользовались Милинги и Езерцы и обратились къ императору Роману съ просьбой о сбавкѣ подати. Императоръ, сознавая опасность, которой подвергалась его власть въ Пелопоннисѣ и боясь, чтобы къ Славизіанамъ не присоединились прочіе Славяне полуострова и не произвели общаго возстанія, которое, можетъ быть, повело бы за собою отторженіе всего Пелопонниса отъ имперіи, рѣшился исполнить просьбу Милинговъ и Езерцевъ, позволивъ имъ платить прежнюю подать. Мы упомянули, что въ той же главѣ Константинъ говоритъ о жителяхъ города Маины, (οἱ τοῦ κ. Μαΐνης οἰκήτορες), [1]) находившагося на южной оконечности мыса, по которому тянулся хребетъ Пентадактила. Константинъ отстаиваетъ [2]) *греческое* происхожденіе Майнотовъ или Маніотовъ, обнаруживая этимъ самымъ, что нѣкоторые считали ихъ Славянами, Относительно этого вопроса, то-есть, національности Майнотовъ, мнѣнія ученыхъ расходятся. Шафарикъ считаетъ ихъ смѣсью Славянъ съ Греками [3]). Фалмерайеръ тоже отвергаетъ чистоту ихъ греческаго происхожденія, сближая ихъ съ извѣстными Мардаитами [4]). Однако многіе [5]) считаютъ напротивъ свидѣтельство Константина вполнѣ справедливымъ. Кажется, надо признать вмѣстѣ съ Шафарикомъ, что эти Маиноты заключаютъ въ себѣ и славянскую примѣсь, если судить по нѣкоторымъ особенностямъ ихъ быта.

III. О бытѣ Иллирскихъ Славянъ.

Намъ остается еще, ради полноты нашего сочиненія, обратить вниманіе на тѣ немногія свидѣтельства Константина, которыя бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на внутреннюю жизнь Иллирскихъ Славянъ, на ихъ бытъ и внутреннее политическое устройство.

Эти свидѣтельства встрѣчаются въ разказахъ Константина совершенно случайно, а потому они отрывочны и чрезвычайно скудны; но тѣмъ не менѣе они имѣютъ значеніе въ виду вообще большого недостатка въ подобныхъ извѣстіяхъ о древнихъ Балканскихъ Славянахъ.

[1]) *Banduri*, Anim., ed. Bonn., 375.

[2]) Cap. 50, p. 224; срвн. *Rambaud*, 239—240.

[3]) *Шафарикъ*, II, кн. 1, 379.

[4]) *Fallmerayer*, ibid., 294—304.

[5]) *Гильфердингъ* (Письма, в. II, 12), *Цинкейзенъ*, *Курціусъ* и другіе.

Въ нашъ планъ вовсе не входитъ подробный разборъ этихъ свидѣтельствъ, ихъ провѣрка и сопоставленіе съ другими дошедшими до насъ извѣстіями о томъ же предметѣ, но намъ кажется небезполезнымъ привести здѣсь главнѣйшія изъ нихъ—въ связи, такъ какъ иначе они теряются въ массѣ другихъ свидѣтельствъ.

1. Объ *образѣ жизни* Иллирскихъ Славянъ мы узнаемъ изъ Константина весьма немногое: Славяне, прибывъ въ Иллирикъ, нашли опустошенную землю и разоренные города; въ такое положеніе привели эту страну Авары [1]), которые незадолго до Славянъ вторглись въ Иллирикъ, но были почти всѣ вытѣснены послѣдними. Константинъ, какъ мы видѣли, называетъ у Хорватовъ и Сербовъ довольно много городовъ [2]). Спрашивается: были ли это дѣйствительно *города* въ общепринятомъ (для того времени) значеніи этого слова? Константинъ и другіе Византійцы, говоря о нихъ, употребляютъ слово τὸ κάστρον, вполнѣ кажется соотвѣтствующее понятію „городъ", въ смыслѣ огороженнаго мѣста; это заставляетъ насъ думать, что по крайней мѣрѣ при Константинѣ Славяне уже жили въ мѣстахъ, имѣвшихъ подобіе если не настоящихъ городовъ (въ какихъ жили Греки и Римляне), то можетъ быть, большихъ селъ, обведенныхъ валомъ и рвомъ или деревянною стѣной. Еслибъ это были настоящіе города съ преимущественно каменными строеніями и такими же стѣнами, то безъ сомнѣнія, отъ нихъ осталось бы болѣе слѣдовъ, и легче было бы опредѣлять ихъ положеніе. Во всякомъ случаѣ въ Хорватіи — благодаря сосѣдству богатыхъ и оживленныхъ Далматинскихъ городовъ—развитіе городской жизни шло, вѣроятно, быстрѣе, чѣмъ во внутренней Сербіи, гдѣ, по видимому, городовъ было меньше.

Что касается самаго образа жизни и видовъ промысла, то они у Хорватовъ и Сербовъ естественно должны были, по переселеніи ихъ въ Далмацію, отчасти измѣниться подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. По свидѣтельству Константина, Неречане, жившіе въ приморской жупѣ, занимались преимущественно *мореплаваніемъ* [3]), а жившіе въ отдаленныхъ отъ моря мѣстно-

[1]) De adm. imp., c. 32, p. 153; c. 33, p. 160; c. 35, p. 162; c. 36, p. 163.

[2]) У Пресвитера Дуклянскаго и въ другихъ древнихъ источникахъ названія городовъ приводятся еще во множествѣ (см. *Шафарикъ*).

[3]) У многихъ изъ нихъ страсть къ мореплаванію находила себѣ исходъ даже въ занятіи морскимъ разбоемъ.

стяхъ — *земледѣліемъ*, наконецъ, жители островозъ — *скотоводствомъ* [1]). Кромѣ того, безъ сомнѣнія, береговые жители занимались *рыболовствомъ*. Но такъ какъ все-таки сравнительно небольшая часть Хорватовъ и Сербовъ обитала непосредственно у моря, главная же масса — въ долинахъ и горахъ Иллирика, то конечно, земледѣльческія занятія, а равно и скотоводство, преобладали; особенно распространено было, кажется, овцеводство. Константинъ упоминаетъ также о *винодѣліи* [2]). Съ мореплаваніемъ была связана и *торговля*. „Хорваты", по словамъ нашего историка, — „на своихъ сагинахъ и кондурахъ посѣщаютъ торговые пункты, переходя изъ города въ городъ по Паганіи и Далматинскому заливу (то-есть, Адріатическому морю) до самой Венеціи" [3]). Хорваты въ этомъ случаѣ слѣдовали примѣру промышленныхъ римскихъ городовъ Далмаціи, изъ которыхъ особенно славилась своею обширною торговлею Рагуза или Дубровникъ [4]).

По свидѣтельству Константина, *военныя силы* Хорватовъ одно время были въ блестящемъ положеніи; сухопутное войско состояло изъ 100,000 пѣхоты и 60,000 конницы [5]). Однако ошибочно было бы думать, что Хорваты и Сербы были особенно воинственны и гонялись за военною славой и добычей. Войско содержалось преимущественно для того, чтобы защищать родину и отстаивать независимость народа. Для военныхъ цѣлей служило отчасти и судоходство. Хорваты въ эпоху своего могущества содержали до 80 сагинъ, по 40 человѣкъ въ каждой, и до 100 кондуръ, по 20 и 10 человѣкъ. Такое количество сухопутныхъ и морскихъ силъ предполагаетъ, по вычисленію одного ученаго, болѣе чѣмъ $1^1/_2$ милліонное населеніе [6]).

[1]) De adm. imp., c. 30, p. 146.

[2]) De adm. imp. c. 30, p. 147. Вѣроятно, и *пчеловодство* было однимъ изъ занятій Иллирскихъ Славянъ.

[3]) C. 31, p. 150; срвн. *Rambaud*, 460.

[4]) О морскихъ силахъ этого города упоминаетъ Константинъ, разсказывая, что Рагузинцы во время войны съ Сарацинами переправляли на своихъ судахъ славянскихъ князей въ Италію, Cap. 29, p. 131.

[5]) Cap. 31, p. 151.

[6]) Ibid. cp. *Rambaud*, 458.

II. Что касается внутренняго *политическаго устройства*, то Константинъ даетъ намъ довольно ясное понятіе только объ его основномъ принципѣ у Иллирскихъ Славянъ [1]). Онъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ: „Эти племена (славянскія), какъ говорятъ, не имѣютъ иныхъ правителей (ἄρχοντες), кромѣ *жупановъ-старость* (πλὴν ζουπάνους γέροντας), какъ это въ обычаѣ и у прочихъ Славянъ" [2]). Въ той же главѣ, нѣсколько дальше, въ разказѣ о томъ, какъ Хорваты и Сербы просили императора Василія принять ихъ подъ свою власть, мы читаемъ: „Онъ (Василій) назначилъ имъ князей (ἄρχοντες), которыхъ они желали и избрали изъ наиболѣе почитаемаго и любимаго ими рода" [3]). Князей Хорватскихъ и Сербскихъ Константинъ постоянно называетъ ἄρχοντες [4]). Изъ другихъ правителей онъ говоритъ о жупанахъ (ζουπάνοι) и банахъ (ὁ βοάνος). Хорватія, по его свидѣтельству, дѣлилась на 11 жупъ (ζουπανία), во главѣ которыхъ стояли жупаны; другими тремя жупами управлялъ „банъ" [5]).

На основаніи этихъ свидѣтельствъ можно прійдти къ слѣдующимъ главнымъ выводамъ: Хорваты и Сербы, явившись въ земли Византійской имперіи подъ предводительствомъ князей, съ самаго начала, какъ видно, уже имѣли болѣе или менѣе правильную внутреннюю *организацію*, хотя она и отличалась первое время военно-дружиннымъ характеромъ. Основанныя ими княжества были во времена Константина уже раздѣлены на от-

1) Этотъ вопросъ подробно разобранъ у *Mikoczi*, 331—357; затѣмъ у Rački, Odlomci iz državn. prava hrv., начиная съ стр. 40; срвн. также *Гильфердингъ*, Письма I, 17—19.

2) Cap. 29, p. 128.

3) Ibid., p. 129.

4) Въ сочиненіи De Cerim. (II, 48, 691) Константинъ приводитъ слѣдующія формулы, употреблявшіяся въ грамотахъ Византійскаго двора: Εἰς τὸν ἄρχοντα Χρωβατίας. εἰς τὸν ἄρχοντα Σέρβλων. εἰς τὸν ἄρχοντα Ζαχλούμων. εἰς τὸν ἄρχοντα τοῦ Κανάλη. εἰς τὸν ἄρχοντα τῶν Τραβούνων. εἰς τὸν ἄρχοντα Διοκλείας. Только о князѣ Неречанъ нѣтъ нигдѣ упоминанія, и надо предположить, что у этого племени былъ другой родъ управленія, который они, можетъ быть, заимствовали у сосѣднихъ римскихъ муниципій. Вообще это племя во всемъ рѣзко отличалось отъ другихъ и дѣйствовало совершенно независимо, такъ что Византія, такъ сказать, махнула рукой на нихъ и не требовала подчиненія.

5) Cap. 30, p. 145.

дѣльныя области или жупы [1]), управляемыя *жупанами*; иногда *нѣсколько жупъ* соединялись въ одно и составляли большую область, управленіе которою поручалось *бану* [2]), стоявшему такимъ образомъ нѣсколько выше жупана. А во главѣ всего племени находился *князь*, носившій также титулъ „великаго жупана" (князь, ἄρχων) [3]). Но этотъ великій жупанъ отнюдь не пользовался неограниченною властью. Духу славянскаго народа, по его врожденной любви къ свободѣ, было всегда чуждо безграничное самовластіе правителей; власть князя ограничивалась волею всего племени, точно также какъ власть жупана—волею его жупы. Вотъ почему Константинъ говоритъ, что „Славяне не имѣютъ другихъ правителей, кромѣ жупановъ-старостъ...." Византійцы хорошо понимали разницу между значеніемъ Греческаго императора въ имперіи и значеніемъ какого-либо Славянскаго князя въ его области.

Княжеская власть у Хорватовъ и Сербовъ была съ самаго начала наслѣдственна. Это слѣдуетъ изъ самаго повѣствованія Константина о ихъ князьяхъ. О Сербахъ Константинъ говоритъ: „Когда умеръ князь, который привелъ Сербовъ въ Иллирикъ, наслѣдовалъ ему сынъ его, потомъ внукъ и т. д. по порядку" [4]). Однако никакихъ подробностей объ этомъ наслѣдственномъ правѣ мы не знаемъ [5]). Что касается отношенія Византійскаго императора къ власти княжеской то по видимому, императоръ не вмѣшивался въ дѣла престолонаслѣдія. Императоръ Василій, какъ мы видѣли, принимая Иллирскихъ Славянъ подъ свою верховную власть, не нарушилъ правъ наслѣдственности ихъ князей и только утвердилъ тѣхъ, которыхъ они сами желали изъ стараго княжескаго рода, пользовавшагося всегда ихъ любовью и почтеніемъ [6]).

[1]) Нѣм. Gau, лат. Comitatus. Жупа, какъ полагаютъ, значитъ: связь, союзъ; см. *Гильфердингъ*, Письма, I, 18, пр.

[2]) Такой банъ, какъ мы видѣли, упоминается Константиномъ въ Хорватіи; въ Сербіи, кажется, подъ властью бана находилась Босна. Слѣдуетъ замѣтить, что власть бана впослѣдствіи увеличилась въ ущербъ и безъ того слабой власти великаго жупана. Баны часто достигали полной независимости въ своихъ областяхъ. Они вступали иногда въ соперничество съ князьями (банъ Прибунія, убившій князя Мирослава).

[3]) Ἀρχιζουπάνος, μέγας ζουπάνος.

[4]) Cap. 32, p. 153.

[5]) Срвн. R a č k i, Odlomci, etc. 83, 84 и далѣе.

[6]) Ibid., 87—88.

Перечни князей Хорватскихъ, Сербскихъ и Болгарскихъ.

Князья Хорватскіе по Константину Багрянородному:

N.—первый князь (мож. быть Клукасъ).

Порга (Πoργὰ).

Поринъ (Πορῖνος).

Терпимиръ (Τερπιμέρη).

Красиміръ (Κρασημέρη).

Мирославъ (Μιρόσθλαβος).

Прибунія (Πριβουνία).

Родословная.

Терпиміръ.

Красиміръ.

Мирославъ.

Седеславъ

(его нѣтъ у Константина).

Князья Хорватскіе по разнымъ источникамъ:

Порга.

Поринъ (Боренъ, Борна?), Borna (818—821 гг.).

Владиславъ, Ladasclavus (821 г.).

Миславъ, Mislaus (ок. 839 г.).

Терпиміръ, Tirpimirus (ок. 852 г.).

Красиміръ (Кресиміръ, Крашиміръ).

Мирославъ.

Прибунія.

Демогой, Domogous (ок. 865—876 гг.).

Сыновья его (877 г.).

Седеславъ (Сдеславъ), Sedeslaus (878—879 гг.).

Браниміръ, Branimir (879—880 гг.).

Мутиміръ, Muncimirus (ок. 882 г.).

Томиславъ, Tamislaus (ок. 915 г.)

(современникъ Константина).

Князья Сербскіе по Константину Багрянородному:

N.—первый князь, приведшій Сербовъ.

1. Вышеславъ, Βοισέσθλαβος.
2. Родославъ, Ῥοδόσθλαβος.
3. Просигой, Προσηγόης.
4. Властиміръ, Βλαστήμερος.
5. Мунтиміръ, Строиміръ, Гоиникъ, Μουντιμῆρος. Στροήμερος. Γοΐνικος.
6. Мунтиміръ (единовластный ок. 872—891 гг.).
7. Прибиславъ, Πριβέσθλαβος (891 г.).
8. Петръ, Πέτρος (892—917 гг.).
9. Павелъ, Παύλος (ок. 917—920 гг.).
10. Захарій, Ζαχαρίας (ок. 920—924 гг.).

Сербія—опустошенная Болгарами (925—932 гг.).

11. Чеславъ, Τζεέσθλαβος (ок. 934 г.).

Родословная Сербскихъ князей.

N.—первый князь.

Вышеславъ.

Родославъ.

Просигой.

Властиміръ. — Бела. (жупанъ Тервуніи).

Мунтиміръ, Строиміръ, Гоиникъ, дочь N. + Краинъ.

Мунтиміръ: Прибиславъ, Бранъ, (Боренъ?) Стефанъ.

Строиміръ: Клониміръ.

Гоиникъ: Петръ.

дочь N. + Краинъ: Хвалиміръ.

Прибиславъ: Захарій.

Бранъ (Боренъ?): Павелъ.

Клониміръ: Чеславъ.

Хвалиміръ: Цуциміръ.

Князья Болгарскіе по Константину Багрянородному:

Пресіамъ, Πρεσιάμ (ок. 840 г.).

Борисъ-Михаилъ, Μιχαὴλ ὁ Βορίσης (Βορώσης) (844—889 гг.).

Симеонъ, Συμεών (893—927 гг.).

Петръ, Πέτρος (съ 927 г., современникъ Константина).

УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ и географическихъ именъ [1]).

А.

Авары 26—47, 49, 50, 52, 59, 60, 76—78, 80, 81, 84, 85, 88, 91, 100, 104, 112, 116, 168, 206, 215.
Августъ 23, 24.
Адріанъ, папа 176.
Адріатическое море 24, 85, 90, 91, 95, 124, 135, 144, 196, 216.
Аланія 18.
Албанія 167.
Александръ, братъ Льва Мудраго 5, 6.
Алоговотуръ 134, 146, 188, 195, 204.
* *Алоэнъ* ('Αλωήπ), Olib, 57.
Альбона, г. (Albona) 24, 88, 91, 98.
* *Альбунъ*, см. Альбона.
Альбійскія горы (m. Albius) 24, 25.
Андетрій (Andetrium) 52.
Андрей, ап. 208, 211.
Антибаръ 27, 45, 85, 94, 151, 167.
Апамея 213.
Анты 26, 31, 32.
Арабы 15, 18, 136, 207, 211.
Арбе (Рабъ) 42, 47, 56, 57, 133, 145.
* *Арента*, обл., см. Неретва.
* *Арентаны*, см. Нарентаны.
Арменія 18.
Аррабонъ (Рабъ), р. 25.
Арсія (Arsia), р. 24, 98.
Аскривій (Ascrivium) 56.
* *Аспалатъ* ('Ασπάλαθον), см. Сплѣтъ.
Аттила 25, 39.
Африка 131.
Ахаія 208, 211.
Ахелой 187, 193, 203.
Аѳины 9.
Аѳонъ 9.

Б.

Бабьи горы (Babie Gore) 62.
Баварія 62—64, 66, 67, 69, 76, 82.
Баварцы 36, 63.
* *Багибарія* (Βαγαβαρεία, Баварія) 60—63.
Балканскій полуостровъ 19—21, 31, 58, 74, 78, 79, 82, 86, 103, 181.
Балтійское море 65, 66.
Баркаласъ 205.
* *Барцо* (Βάρτζω), см. Брачъ.
Баръ, г. 123, 132, 134—136, 138—141, 176, 186, 189.
Бебійскія горы (m. Bebius) 24, 25.
* *Бекла* (Veglia, Кркъ) 42, 47, 57, 133, 145.
Бела 179, 184.
Белай (Билай) 102.
Беневентъ 47, 132.
Берниновацъ 173.
* *Беруллія*, см. Вруля.
Бигачъ, г. 101, 103.
Билечъ 166.
* *Бисласъ* (Βίσλας), см. Висла.
Благай 159.
Богемія (Bojohemum) 64.
Бодричи (Abotriti) 53, 153.
Бои 64, 65.
* *Боики* (Βόϊκι), 60. 61, 64, 65.
Бойки Русскіе 65—67, 70, 73.
* *Бойсеславъ* (Βοισέσθλαβος), см. Вышеславъ.
Бойская земля (з. Боевъ) 65.
Болгаре 6, 17, 21, 22, 40, 44, 64, 79, 92, 97, 106, 118, 125—128, 134, 145, 146, 151, 153, 168—178, 185, 187—198, 200—206.

[1]) Курсивомъ печатаются всѣ имена, встрѣчающіяся въ разбираемыхъ извѣстіяхъ Константина; звѣздочкой (*) означены тѣ изъ нихъ, которыя являются у него въ особой, по видимому, имъ самимъ искаженной или вообще измѣненной формѣ.

Болгарія 126, 134, 142, 145, 150—152, 178, 181, 186—188, 191—196, 201, 204.
Болеславъ I (Чешск.) 71.
Бона, г. 157.
Бона, р. 160.
Боренъ (Бранъ?), с. Мунтиміра 179, 183, 203.
Борисъ-Михаилъ 106, 126—128, 150, 152, 178, 179, 182, 183, 186, 191, 202, 203.
Борна 117, 118.
Босна, обл. 56, 92, 93, 96—100, 103, 124, 127, 128, 147, 150—155, 182, 218.
Босна, р. 85, 94, 152, 155, 156.
Боснія, см. Босна.
Босняки 44, 147.
Бояна, р. 94, 117, 147.
Бранимиръ 145.
Браничевцы 153.
* *Бранъ* (Боренъ?) 186, 191.
Брачъ (Барцо, Brazza), о. 52, 53, 170, 174.
Бребера, 89, 100, 102.
Брегава 161.
Брибиршчица, р. 100.
Брибиръ, г. 100.
Буа (Bua, Bavo), о. 54, 55.
Буга 76, 84.
Бугъ, 70.
Будва (Бутоба) 123, 132, 135, 137, 169.
Бужане 70.
Буковица 101, 102.
Буна, р. 159, 160.
* *Бутоба* (Βούτοβα), см. Будва.
Буюкъ-Камчикъ 202.
Быстрица (Инадже-Карасу, Галіокмонъ) 83.
Бѣлабуча 154.
Бѣлградъ 76, 83, 151.
Бѣлина, г. 101, 102.
* *Бѣлицынъ* (Βελίτζειν), г. 89, 102.
Бѣличинъ, см. Бѣлицынъ.
Бѣлоградъ (Zara-vecchia) 55, 89, 101—103.
Бѣлопавличи 169.
Бѣлосербія 22, 61, 62, 66—68, 72, 74, 76, 160.
Бѣлосербы 66, 67, 70, 72, 73, 75.
Бѣлохорватія 22, 62, 65, 66, 69, 70, 72, 74, 108.
Бѣлохорваты 60, 61, 63, 66, 67, 71—73, 75, 76, 87.

В.

Вагъ (Waag), р. 62.
Валентъ 25, 80.
Ванда 84.
Варда-Платиподъ 210, 213.
Варна, р. 202.
Варяги 66.
Василій Македонянинъ 10—12, 20, 104, 108, 122, 123, 131—144, 177, 180, 184, 186, 217, 218.
Василій Петинъ 7.
Везента 93, 100.
Великая Хорватія 60, 61.
Велисарій 20.
Венгерцы, см. Угры.
Венеты 24, 34.
Венеціанцы 18, 33, 44, 135, 175.
Венеція 64, 106, 117, 124, 216.
Вербасъ, р. 85, 92—96, 98, 100, 127, 151, 152, 156.
Верхница (Verlicca) 99.
Веррія 83.
Вестготы 25, 80.
Видинградъ 155.
Видоjевицe 155.
Византія 6, 7, 9, 10, 14, 16, 17, 19, 20, 28, 41, 56, 66, 79, 80, 82, 92, 97, 107—111, 114—117, 120—122, 126, 130, 134, 135, 137, 140—145, 154, 162, 174, 175, 180, 182, 192—195, 197—205, 217.
Виньица 173.
Висла, р. 60, 61, 66, 67, 70, 73, 157, 160.
Вислока, р. 66.
Висъ, см. Іесъ.
Виөинія 9.
Владиміръ 178, 183, 202, 203.
Владиславъ 123.
Властиміръ 161, 178, 179, 181—184, 195, 203.
Влахи 44.
Волга 206.
Врбанья 156.
Вргада (Vergada), см. Лумбрикатъ.
Врмъ 166.
Вроно (Vrono) 166.
Вруля (Беруллія) 170, 172, 173.
Вуга, см. Буга.
Вышеславъ (Βοισέσθλαβος) 178, 181.
Вятичи 69, 84.
Вятъ 84.

Г.

Галиція 62, 67, 69, 70, 73, 87, 88.
Галіакмонъ, см. Быстрица.
Галлы 45.
* *Галумайникъ* (Γαλουμαήνικ, Глумникъ?) 157, 161.
Гацка, р. 101.
Гацко поле 101.
Гаштица 101.
Геллеспонтъ 213.
Гепиды 26.
Германія 64, 66, 67, 72.
Герцеговина 99, 153, 157, 161, 172.

Гламочъ 103.
Глумние 161.
Гоиникъ 178, 182, 186, 190, 203.
Госилинъ 120.
Готы 25, 34, 39, 81, 115.
Гочевье (Gotse, Gočevje) 101.
Градацъ 169.
* _Градете_ (Γράδεται, Градиђ?) 167, 169.
Градина 155.
Градиђ 169.
Градишка 100.
Градъ, г. 120.
Граћане 169.
Греки 7, 13, 27, 62, 65, 79, 113, 117, 120, 139, 144, 149, 151, 176, 180, 192—194, 198, 202—204, 207, 208, 210—215.
Греція 24, 206.
Григорій Великій, папа 39.
Гуго 15.
Гунны 25, 26, 34, 35, 38, 39.
* _Гуцика_ (Γουτζηκά) 89, 99, 101.

Д.

Дабаръ 161.
Дагобертъ 112.
Дакія 24, 32.
* _Даленъ_ (Δαλέν) 169, 172.
Далматинскіе города, 24, 44, 48, 85, 86, 90, 95, 115, 117—215 и пр.
Далматинскій заливъ (Адріатическое море) 106, 124, 216.
Далматинцы (Далматы) 23, 33, 40, 41, 44—47, 121, 144.
Далмація 22—25, 27, 28, 30, 31, 34—37, 39—47, 49, 50, 51, 54—56, 59, 60, 62, 76, 77, 80—82, 85, 88—90, 93—97, 104, 105, 110, 112—118, 123, 124, 132—139, 141, 143, 144, 150, 156, 165, 172, 175, 177, 215, 216.
Далыкій, г. 23, 172.
Дальминій (Дельминій), см. Дальмій.
Дежева 154.
* _Декатеры_ (Τὰ Δεκάτερα), см. Которъ.
Демогой 131, 141, 142.
Держиславъ 129.
Десиђ 154.
Десна 154.
Деснакъ 156.
Десникъ (Δεσνήκ) 150, 156.
Десница, см. Дестиникъ.
* _Дестиникъ_ (Δεστινίκον, Десница?) 150, 154, 187, 192.
Динарскіе Альпы 99, 151.
Диррахій (Драчъ), г. 27, 31, 45, 96, 167, 187, 192, 198.
* _Дицика_ (Διτζική), 61, 66, 157, 160.
Дичина 202.
Дичица, см. Дицика.
* _Діадора_ (Διάδωρα, Іадера), см. Задаръ.
Діоклетіанъ 25, 27, 28, 44, 51—54, 167, 168.
Діоклея 51, 167, 168.
Дмитрій Солунскій 211.
Днѣпръ 72.
Днѣпровскіе пороги 20.
Днѣстръ 65.
* _Добрискикъ_ (Δοβρισκίκ, Дабрьскъ?) 157, 161.
Добрича 161.
Доброта 169.
Докла 168.
Доряне 84.
Доръ 84.
Драва 23, 25, 85, 96, 97, 112, 117, 118, 128.
* _Достиника_, см. Дестиникъ.
Драчъ, см. Диррахій.
Древане 74.
Древляне 69, 70.
Дрежникъ 155.
* _Дресневикъ_ (Δρεσνεήκ, Дрежникъ?) 150, 155.
Дрина, р. (притокъ Савы) 24, 25, 85, 92, 96, 97, 127, 152, 154, 155.
Дринъ (Дрилонъ), р. 24.
Дубровникъ, см. Рагуза.
Дувно (Думно) 172.
Дукля, г. 167, 169.
Дукля, обл. 94, 151, 162, 166—169.
Дукляне, 85, 90, 147, 151, 167, 178.
Думно, см. Дувно.
Дунай 25, 26, 28, 31, 45, 46, 64, 67, 68, 72, 76, 97, 116, 128, 151, 182, 204—206.

Е.

Езерцы (Ἐζερῖται) 209, 210, 212—214.
Елена, д. Романа, 6.

Ж.

Жельва (Željva), о., см. Сельбо.
Жлијебе 167.

З.

Загорье, 163.
Задаръ (Задръ, Діадора) 42, 47, 50, 55, 57, 100, 102, 133, 145.
Заострогъ 173.
Зара, см. Задаръ.
Захарія 187, 188, 193—195, 204.
Захлумцы 77, 85, 90, 95, 105, 132, 133, 138, 147, 151, 156—160, 171, 178, 185.
Захлумъ, р. 61, 157, 159.

Захлумье 51, 94, 133, 145, 151, 157, 158, 162, 163, 170, 198.
Захолміе, см. Захлумье.
Зенонъ 26.
Зентина, см. Цетинья.
Зермань (Zrmanje), р. 101.
Зета, р. 166, 169.
Зета, обл. (Дукля) 169.
* *Зетлиба* (Цвјетльиво?) 162, 166.
Зоя 5, 192.

И.

Ибаръ 153.
Иллирикъ 23—25, 27, 31, 41, 45, 77, 78, 85, 86, 88—92, 95—97, 105, 108, 110, 112, 114, 145, 150, 176, 177, 181.
Иллирія 21—26.
* *Имникъ* 187, 194, 204.
Имота (Ἤμοτα) 89, 95, 99, 170.
Имотское озеро 98.
Имотскъ, г. 99.
Иллирскіе Славяне, см. Славяне Иллирскіе.
Ираклій 37, 40, 41, 46, 47, 76—85, 104—106, 108, 109, 113, 114, 156, 161, 177—181.
Испанія 15, 38.
Испанцы 18, 45.
Истрійскія горы 45.
Истрія 88, 89, 91, 98, 116, 120, 124.
Истръ, см. Дунай.
Италіанцы 18.
Италія 24—26, 134, 136, 138, 140, 141, 213, 216.
Ицбоклія (Ἠτζβόκλια) 188, 194, 204.

I.

Іерусалимъ 173.
**Іесъ* (Ἴης, Висъ, Lissa) 170, 175.
Іоаннъ Златоустъ 10.
Іоаннъ IV, папа 40, 110.
Іоаннъ Протейскій 209.
Іоаннъ Равенскій 54, 110.
Іоняне 84.
Іонъ 84.
*Іосле (Ἰοσλή 157, 161).
Iiž (Eso), о. 57.

К.

Кавказъ 18.
Кадолахъ 117, 120.
Каканъ (Kakan), о. 57.
Калабрія 138.
Кальфонъ (Κλαφώ) 131, 136.
**Канале* (Καναλή), см. Конавля.
Каналиты 77, 132, 178.
Капуя, г. 132.
Каринъ, см. Кори.
Карлъ Великій 109, 112, 115—117, 121.
Карпатскія горы 62, 66, 67, 74, 78, 84, 87, 88.
Карпіаны, см. Карпы.
Карпы 88.
Кастельново (Castelnovo) 137.
Катаутребено (Καταυτρεβενώ), о. 57.
**Катера* 150, 156.
Кача (Cazza, Gaza) 174.
Каттаро 56.
Кварнерскій заливъ 57.
Керка (Titius), р. 100, 102.
Кимвры 65.
Кириллъ, первоуч. 143, 189.
Кіевляне 84.
Кій 84.
**Клабока* (Κλαβώκα) 89, 103.
Клисса 28, 52.
Клобукъ, г. 166.
Клонимиръ 186, 191, 192, 203.
Клукасъ (Клюкъ) 76, 84, 112.
Книнская жупа (Тнена) 89, 100.
Книнъ (Тенинъ) 89, 100, 102.
Книнъ (Κνήνος) 188, 194, 204.
Колубара 153.
Конавля (Канале) 161—163, 165, 166.
Конавляне 90, 147, 161.
Константинополь, см. Византія.
Константинъ II 113.
Константинъ Копронимъ 206.
Константинъ, с. Романа 7.
Корбавштица, р. 101.
Кори 89, 103.
Коринѳъ 207.
Корфу 173.
Корцира 174.
Корчула (Куркура и проч.) 170, 173—175.
* *Косенцъ* (Коснецъ) 76, 84.
Которица 156.
Коториште 156.
Которскій заливъ 137, 163, 166.
Которско 156.
Которъ (въ Босніи) 156.
Которъ (Декатеры) 47, 55, 56, 123, 132. 135, 137, 155, 161, 162, 166, 167, 169,
* *Коцилинъ* (Κοτζίλιν) 105, 118, 120.
Краинъ (Краянъ) 179, 182, 184.
Крайна 101.
Крайна въ Далмаціи (Cherenania) 171.
Красиміръ, см. Кресиміръ.
Крашиміръ, см. Кресиміръ.
Крбава, р. 101.
Крбавская жупа (Крибаса) 89, 99, 101.
* *Крибаса* (Κρίβασα), см. Крбавская жупа.
Кресиміръ 106, 124, 128—130.
Кресиміръ-Петръ 103, 129.
Кринитъ-Аротрасъ, 209, 210, 213.

Критъ 25.
Крката (Kerknata) 57.
Крконоши 69.
Крконошскіе Хорваты 72.
Кркъ, см. Бекла.
Крумъ 202.
Крушевацкій окр. 155.
Кубань 206.
Кульпа 98.
**Куркура* (Κούρκουρα), Куркра (Κούρκρα), Кікеръ (Curzola, Курчола), см. Корчула.
Курчола, см. Корчула.
Кутургуры 80.
Куявы 74.

Л.

Лаба (Эльба) 70.
Лаба 153.
Лабинеца (Λαβίνετζα, Лабинпца?) 170, 172.
Лабинъ (Labin), см. Альбона.
Лаблье село 153.
Лабъ, ж. 153.
Лагоста, см. Ластобонъ.
Лагостинскіе острова (Lagostini) 175.
Ладиславъ, см. Владиславъ.
Лакедемонъ 209, 212.
Лангобардія 116, 132, 134, 135, 138.
Лангобарды 26, 34.
Лапія 153.
Лапчанъ 173.
* *Ластобонъ* (Ластово, Lagosta) 170, 175.
* *Лаузійцы* (Λαουσαῖοι), см. Гагузинцы.
Левиградъ (Levigrad), см. Лумбрикатъ.
Левъ Агеластъ 210.
Левъ Мудрый (Философъ) 5, 6, 10, 187, 192, 204, 208.
Левъ Рабдухъ 187, 192.
Лесина (Lesina), см. Хваръ.
* *Лесникъ* (Лешница?) 150, 155.
Лехъ (Ляхъ) 84.
Лешанская нахія 169.
Лешъ (Элиссъ, Lissus, итал. Alessio), г. 24, 167.
Либурнія 23, 55.
Либурнскіе острова 47.
Ливно 99.
Линда 169.
Липьанъ 153.
Лисса, см. Іесъ.
* *Лица* (Λίτζα) 89, 99, 101.
Личанскій полкъ 101.
Лобелъ (Ловелъ) 76, 84.
Ловреħа 173.
**Лонтодокла* (Λοτοδόκλα) 167, 169.
Лотарь 122, 123.
Лужицкіе Славяне 64, 72, 73.
Лужицы 70.
Лука 166.
* *Лукавете* (Λουκάβετε, Лукавица?) 162, 166.
Лукавице 166.
Луково 166.
* *Лумбрикатъ* (Λουμβρικάτον, Levigrad, Vergada) 47, 57.
Любина 161.
Любуша 84.
Людевитъ 117, 119, 120, 124.
Людовикъ Благочестивый 117.
Людовикъ II 122, 123, 132, 134, 138—142.
Лютичи 74.
Лютомыслъ 118.
Льута 169.
Лыбедь 84.
Ляхи 84.

М.

Магличъ 155.
Мадьяры, см. Угры.
Мазовы 74.
Маина (Μαΐνα) 210, 214.
Майноты 214.
Макарска, см. Мокро.
Македонія 24, 31, 83, 96, 201, 213.
Македонскіе Славяне 80.
Македоняне 209.
Максимъ, архіеп. 39.
Малая Азія 213, 214.
**Малозеата* (Μαλοζεάται) 170, см. Мелета (Млитъ).
Мальта 173, 174.
Марданты 214.
Марія, д. Христофора, 7, 205.
Мартинъ 40, 106, 124.
Мармаисъ 187, 188, 193, 194, 203, 204.
* *Мегюретъ* (Μεγυρέτους, Межерѣчье?) 150, 153, 155.
Мелета, Млитъ (Melita, Meleda) 57, 170, 173, 174.
Мелета (Μελετά, Melada Mulat) 57.
Мелита, см. Мелета.
Меотида 26.
Меѳодій, первоуч. 143, 190.
Мизія 24, 31, 32, 201, 202.
* *Милинги* (Μιληγγοί) 209, 210, 213—214.
Мильчане (Мильцы) 212.
Мирославъ 106, 125, 128, 130, 131, 218.
Миславъ 123, 124, 136.
Михаилъ-Борисъ, см. Борисъ-Михаилъ.
Михаилъ (Вышевичъ?), кн. Захл. 60, 73, 94, 95, 157, 187, 192, 193, 198, 199, 203.
Михаилъ II Косноязычный (Бальба) 105, 113, 114, 121, 178, 180.
Михаилъ III 121, 135, 180, 189, 209, 212.

Млитъ, см. Мелета.
Моиславъ, см. Миславъ.
* *Мокрискикъ* (Μοκρισκίκ, Мокрьско?) 157, 160.
Мокронъ (Μοκρόν) см. Мокро.
Мокро (Макарска), г. 170, 172, 173.
Мокро, сел. 160.
Мокронъ (Μοκρόν), жупа 169, 172.
Морава, р. 153, 155.
Моравія Великая 18, 20, 67, 69, 70, 97, 200.
Моравскіе Славяне 73.
Морача 169.
Морлаки 43, 44.
Мортагонъ 182.
Мостаръ 159, 160.
Мулатъ (Mulat), см. Мелета.
* *Мундрага* 202, 205.
Мунтиміръ (Мутиміръ), Сербск. кн. 150, 152, 177, 178, 182—186, 190, 191, 203.
Мутиміръ, Хорв. кн. 128, 145.
* *Мухло* (Мухолъ) 76, 84.

Н.

Нарента, см. Неретва.
Нарентаны, см. Неречане.
Наронъ, см. Неретва.
Неретва (Наронъ), р. 23, 24, 85, 156, 157, 159, 160, 161, 169, 170—172.
Неретва (Паганія), обл. 94, 100, 106, 151, 158, 169, 172, 187, 198, 216.
Неречане (Арентаны, Паганы) 49, 56, 85, 90, 95, 100, 123, 124, 133, 141, 143, 144, 147, 151, 156, 157, 159, 169—176, 178, 180, 184, 186, 190, 198, 215, 217.
Нижнія Лужицы 164.
Никея 213.
Никита, патріархъ 20.
Никита Оорифъ, патрицій 117, 132, 137, 138, 141.
Никифоръ 117, 207, 208, 211.
Нина (Νίνα) 89, 101, 102.
Нинъ, г. см. Нона.
Нови-Пазаръ (др. Гаса) 153, 156, 183.
Нона, ж. 89, 100, 103.
Нона, г. 89, 100, 102, 103.
Норикъ 24, 24, 31, 36, 45, 96.
* *Нуградє* (Νουγράδε, Нови-градъ?) 167, 169.
Нѣмцы 64, 63, 65, 119.

О.

Олибъ (Ulbo), см. Алоэпъ.
Олипиъ 9.
Ольгунъ, см. Элкиний.
Омишъ (Almissa) 172.
* *Опсара* (Ὄψαρα), см. Осоръ.
Опсикій 213, 214.
* *Ормъ* (Ὅρμος) 162, 166.
* *Оронтій* (Ὀρόντιος), см. Неретва.
Осле, см. Ошле.
Осоръ (Опсара) 42, 47, 57, 133, 145.
Остготы 26.
* *Островунипрахъ* (Ὀστροβουνίπραχ), (Островни-прагъ) 149.
* *Острокъ* (Ὄστρωκ, Острогъ) 170, 173.
Оточацъ 101.
Оттонъ I Великій 60, 61, 66, 71, 72.
Ошле 161.

П.

Павелъ, апост. 170, 173, 174.
Павелъ (Брановичъ) 187, 193, 194, 203, 204.
Паганія (земля Пагановъ), см. Неретва.
Паганы, см. Неречане.
Пагъ (Pago) 57.
Паннонія 23—25, 27, 31, 36, 45, 62, 81, 89—91, 96, 97, 105, 112, 116, 131, 142, 182.
Паннонскіе Славяне 32.
Параталассія (Παραθαλασσία) 89, 100.
Патры 207, 208, 211.
* *Пезента* (Πεσέντα) 89, 93, 100.
Пелва (Pelva) 100.
Пелопонисскіе Славяне, см. Славяне Пелопонисскіе.
Пелопоннисъ 209—211, 213, 214.
Пентадактилъ 209, 212, 214.
Перастъ 169.
Переяславецъ, см. Прѣслава.
Петръ, апост. 104, 105, 110.
Петръ (Гойниковичъ) 186, 187, 190—193, 198, 201, 203, 204.
Петръ, ц. Болт. 7, 205.
Петръ, сынъ Вен. дожа 94, 95.
Печенѣги 17, 18, 60, 61, 64, 66, 71, 72, 200, 205.
Пипинъ 116, 117.
Пиротима (Πιρότιμα) 57.
* *Пицыхъ* (Πιζύχ) 57.
* *Плеба* (Πλέβα, Плива) 89, 93, 94, 98, 100.
Плива, р. 93, 98, 100.
Повислянскій край 73.
Подгорица 169.
Подринскій окр. 155.
Пожега 155.
Полабскіе Славяне 70, 71, 212.
Полабскіе Сербы 72, 164.
Половцы 206.
Польша 71.
Польша Великая 70.
Польша Малая 70.
Поляне 69, 74.

Понтъ 26, 65, 66.
Попово 160.
* *Порга* (Ποργά) 76, 104, 108, 109, 111, 112.
* *Поринъ* (Πορίνος) 105, 108, 109, 111, 118, 123.
Посавская Паннонія, см. Савія.
Посавская Хорватія, см. Савія.
Премуда (Premuda) 57.
Пресіамъ 178, 182, 202.
* *Прибеславъ* (Πριβέσθλαβος) 181, 186, 187, 191, 193.
* *Прибунія* (Πριβουνία, Прибина?) 106, 125, 128, 130, 131, 218.
Придунайскіе Славяне, см. Славяне Придунайскіе.
Приморье (Неречанъ) 157, 171.
Приморье (Хорватовъ), 100, 171.
Приштинская область, 153.
Просигой (Προσηγόης) 178, 181.
Прота 7.
Прутъ 65.
Прѣслава 188, 196, 197, 202, 205.
Псетъ 100.

Р.

Рабъ, о. см. Арбе.
Рабъ, р. (Raab), см. Аррабонъ.
Рагуза (Дубровникъ) 37—40, 42, 45, 47—51, 132—138, 140, 141, 144, 145, 156, 157, 161—163, 216.
Рагузинцы 48, 132, 135, 137, 140, 216.
Радимичи, 69, 84.
Радимъ 84.
Разтокъ 72.
Раса, г. 137, 150, 152, 154, 156, 183, 203.
Растокъ, оз. 172.
* *Растоца* (Ῥάστωτζα, Расточа) 169, 172, 173.
Рась, р. 137.
Рашка 153, 154, 156.
Регій 174.
Римляне 25, 27—29, 37, 41, 42, 45, 47, 76 и пр.
Римъ 27, 40, 45, 54, 55, 104, 108, 110, 118—120, 132, 138, 143, 173, 177, 179.
Рисанъ (Risan) 137, 162, 166.
* *Рисена* (Ῥίσενα), см. Рисанъ.
Рисиній (Rhisinium) 166.
Родославъ (Ῥοδόσθλαβος) 178, 181.
Розтокъ (Rozstok) 72.
Романъ Лакапинъ 6, 7, 193, 194, 195, 197, 204, 205, 209, 210, 213, 214.
Романъ, с. кн. Б. 8, 9, 15.
Росе (Rose) 137.
* *Росса* (Ῥῶσσα) 123, 132, 135, 137, 169.
Руссы 17, 20, 21, 61, 70, 87, 201.
Русь, 66, 68, 69, 71, 137.
Рѣчка, нахія 169.

С.

Саба (Σάβα) 131, 136, 138.
Саббіонселло (Sabbioncello), 160, 173.
Сава 23, 46, 85, 91—94, 96—98, 100, 112, 118, 151.
Савія (Savia) 23—25, 85, 92, 96—98, 106, 112, 151, 182.
Саксія, Саксонія (Σαξία, Σαξωνία) 60, 61, 64, 66, 67, 71.
Сала 70.
* *Салинесъ* (Σαληνές, Соли?) 150, 155.
Салона (Солинъ) 27—30, 36, 39—42, 46, 49—52, 54, 55, 59, 81, 110, 115, 168.
Само 81.
Сана 93.
Сараево 156.
Сараевская нахія 156.
Сарацины 49, 56, 123, 131, 132, 134—141, 144, 169, 186, 189, 216.
Сарматія 68.
Святополкъ, Мор. кн. 97, 200.
Седеславъ (Сдеславъ) 142, 143, 145, 189.
* *Сельбо* (Σελβώ, Selve) 57.
Сень (Zengg) 91, 95, 98.
Сербица 83.
Серблія (Σέρβλια) 76, 83.
Сергіо (Sergio) 50.
Сеструнь (Sestrun) 57.
Сигрица, см. Θеодоръ Сигрица.
Сидрага (Σίδραγα) 89, 100, 102.
Силезія 70.
Симеонъ 7, 134, 146, 169, 187, 188, 191—198, 202—205.
Сиракузы 174.
Скадаръ 169.
Скарда, см. Скерда.
Скардица (Scardizza) 57.
Скардуна (Scarduna) 56.
Скерда (Σκερδά) 57.
* *Скирдакисса* (Σκιρδάκισσα) 57.
Скиθія Великая 68.
Скиθія Малая 68.
Скордона (Σκόρδονα), г. 89, 101, 102.
Скрадинъ, см. Скордона.
Славенія 64.
* *Славизіаны* 181, 212, 214.
Славонія 97, 151.
Славяне Ахайскіе 211.
Славяне Иллирскіе 18, 20, 22, 87 и пр. 214—218.
Славяне Морейскіе 212.
Славяне Пелопонисскіе 20—22, 206—214.
Славяне Придунайскіе 31, 35, 36.
Славяне Русскіе, см. Руссы.

Словенцы (Винды) 36, 91, 97.
Слуинъ 102.
Смина (Σμίνα, см. Νίνα?) 101.
Солданъ (Σολδανός) 131, 132, 135, 136.
Соли 155.
Солинъ, см. Салона.
Солунская обл. 76, 82, 83.
Созунь 211.
Сочa 117.
Спарта 212.
Сплетъ (Аспалатъ) 28, 42, 47, 51—55, 110, 115, 133, 145.
Споры 149.
Срѣмъ 46, 97, 116, 125, 128, 182.
Стагнъ (Σταγνόν), см. Стонъ.
Стари-градъ (Cittavecchia) 174.
Стефанъ (Мунтиміровичъ) 179, 183, 191, 203.
Стефанъ Неманъ 176.
Стефанъ, сынъ Романа 7.
Стилбица (Stilbiza, Siltpiza, Stlpica) 102.
Столпъ 89, 102.
Стонъ (Стагнъ) 157, 160, 161, 171, 173.
Строиміръ 178, 182, 186, 190, 191, 203.
Супетаръ 174.
Сѣверяне 69, 70.

Т.

Таврисни 87.
Тарентъ 138.
* *Тенинъ* (Τενήν), см. Книнъ.
Теодорихъ, 26.
**Тервунія*, обл. 51, 77, 94, 95, 133, 145, 151, 153, 157, 158, 161—163, 165—167, 182, 184.
**Тервунія* (Требинье), г. 162—164, 166.
Тервуняне 49, 85, 90, 95, 105, 132, 147, 161, 164, 178, 179, 185.
Теребовль 164.
Терпиміръ 106, 123—129, 136, 143.
Тетрангурій (Τετραγγούριν), см Трогиръ.
Тешань 156.
Тилуръ, см. Цетинья.
Тимочане 153.
Тисса 26, 46.
* *Тнена* (Τνήνα), см. Книнская жупа.
Томиславъ 128, 129, 143, 145.
Травуняне, см. Тервуняне.
Требачь 164.
Требинштица 160, 166, 167.
Требинье 163—166.
Требоване 164.
Требовль. 164.
Требуле 164.
Трибалы 68.
Трогиръ (Тетрангурій) 32, 33, 42, 47, 54, 55, 133, 145.
Туга 76, 84.
Тузла (Соли) 155.
Турки (Мадьяры), см. Угры.
Турція (Τουρκία), см. Угрія.

У.

Угрія (Турція) 18, 26, 60—64, 66, 67, 69, 72, 76, 82.
Угры (Мадьяры, Турки у Константина) 17, 28, 33, 46, 56, 60, 61, 64, 66, 69, 71, 97, 187, 192, 196, 2.0, 202, 204, 205.
Ужицкій округъ, 155.
Ульцина (Dulcigno), см. Элькиній.
Уляцъ (Ugliano) 57.
Уна 91—95, 98, 101, 152.

Ф.

* *Фалиміръ* (Φαλίμερης), см. Хвалиміръ.
* *Фаръ* (Φάρος), см. Хваръ.
Фортунатъ 120.
Франки 18, 34, 60, 61, 66, 71, 97, 105, 106, 108, 109, 112, 115 — 123, 139—141, 144, 176, 182.
Франкохорій (Francochorion) 46, 97, 116.
Франція, Франгія (Φραγγία) 60, 61, 63—65, 71, 105, 106, 125.
Фріуль (Фурлянія) 116.

Х.

Хвалиміръ (Φαλιμέρης) 179, 185.
Хваръ (Фаръ, Lesina) 52, 170, 174, 175.
Хваръ, г. 174.
Хлебена (Χλεβένα), г. 89, 102.
* *Хлебіана* (Χλεβίανα), 89, 93, 95, 99, 100, 103, 170.
Хлумъ, гора 156.
Хлумъ, г. 157.
Хлѣванская жупа, см. Хлебіана.
* *Хоара* (*Χόαρα*, Cazza или Хваръ?) 170, 174, 175.
Хозаре 17, 68.
Хозарія 18.
Хорватъ, кн. 76, 83.
Хорутанія 124.
Христофоръ, 6, 7.
Хумъ 159, 160.

Ц.

Цавтатъ 167.
* *Центина* (Τζέντζηνα) 89, 95, 99.
* *Цернабуска* (Τζερνβουσκεή), Чернабуча?) 150, 154.
Цетійскія горы (m. Cetius) 25.
Цетинья (Τζέντια Тилуръ), р. 23, 85, 88, 94, 98—100, 147, 151, 169—171.
**Цуциміръ* (Τζουτζημέρης) 179, 185.

Ч.

Чепельнице 167.
Чернабуча, см. Цернабуска.
Черногорія 167, 169.
Черная Болгарія 206.
Черное море 61, 65—67, 72, 206.
Чеславъ (Τζεέσθλαβος) 181, 186, 188, 191, 195—197, 198, 203, 204.
Чехи 69, 70, 73, 84.
Чехія 64, 67, 69—71.
Чехъ 84.

Ш.

Шабацкій округъ 155.
Шибеникъ 103.
Шольта (Solta), 52.
Штирія 96.

Э.

Эвротъ 212.
* *Элиссъ* (Ἐλίσσον), см. Лешъ.
* *Элкиній* (Ἐλκύνιον, Helcynium, Ольгунъ, Dulcigno) 167.
Эллада 206, 210, 213.
Эллины 84, 210.
Эллинъ 84.
Элосъ (Ἕλος) 209, 212.
Энона (Aenona) 100—102.
Эоляне 84.
Эолъ 84.
Эпидавръ (Πίταυρα) 37, 42, 48—51, 81.
Эпиръ 24.
Эрихъ 116.
* *Эстіунезъ* (Ἐιστιουνήζ) 57.

Ю.

Юстиніанъ 9, 20, 26, 39.
Юстиніанъ II Ринотметъ 108, 213.
Юстинъ 20.

Я.

Ягодинскій край 155.
Ядера (Jadera), см. Задаръ.
Ядръ 155.
Яйце 93, 100.
Япидія 23.

Ѳ.

Ѳеодора, ж. Романа 6.
Ѳеодоръ Сигрица (Сигрича) 187, 188, 193, 194, 203, 204.
Ѳеоктистъ (Броенійскій) 209, 212.
Ѳеофилъ 136, 137, 209, 212.
Ѳессалія 24.
Ѳессалоника, см. Солунская область.
Ѳракійцы 209.
Ѳракія, 24, 31, 32, 80, 201.

Оглавленіе.

Предисловіе . 3
Введеніе:
Свѣдѣнія о жизни Константина Багрянороднаго и его ученой дѣятельности 5
Сочиненіе Константина: „De administrando imperio". Цѣль и средства автора 12
Сказанія Константина о Славянахъ 18
Глава первая:
I. О событіяхъ въ Далмаціи по поселеніи Хорватовъ и Сербовъ. 23
II. О Далматинскихъ городахъ 44
Глава вторая:
I. О первоначальныхъ жилищахъ Хорватовъ и Сербовъ: Бѣлохорватія и Бѣлосербія 58
II. О переселеніи Хорватовъ и Сербовъ въ ихъ нынѣшнія жилища (въ Иллирикъ). 75
Глава третья: Хорваты.
I. О новыхъ жилищахъ Хорватовъ. 86
II. О судьбѣ Хорватовъ съ VII по X вѣкъ:
1. Хорватія до царствованія императора Василія (867 г.) . 104
2. Хорватія со вступленія на престолъ Василія до половины X вѣка. 131
Глава четвертая: Сербы.
I. О новыхъ жилищахъ Сербовъ 147
II. О судьбѣ Сербовъ съ VII по X вѣкъ:
1. Сербія до единовластія князя Мунтиміра (около 872 г.) . 177
2. Сербія съ единовластія Мунтиміра до 949 года 185
Приложенія:
I. О Болгарахъ 201
II. О Пелопонисскихъ Славянахъ 207
III. О бытѣ Иллирскихъ Славянъ. 214
Перечни князей Хорватскихъ, Сербскихъ и Болгарскихъ . 219
Указатель собственныхъ именъ. 221

Опечатки:

Страницы:	Строка:	*Напечатано*:	*Должно быть*:
12	3 снизу	χριστῶ	Χριστῶ
24	6 сверху	Dalmacia	Dalmatia
30	2 снизу	ἔθνα	ἔθνη
37	2 „	μετφκησαν	μετῴκησαν
47	1 „	Πυρότιμα	Πιρότιμα
57	16 сверху	о. Его	о. Eso
60	7 „	Φαργγίας	Φραγγίας
25	9 „	Дринъ	Дрина
85	10 снизу	Дриномъ	Дриной
92	2 „	Панномію	Паннонію
94	6 сверху	Требинье	Тервунія
99	7 „	Γοντζηκᾶ	Γουτζηκᾶ
101	4 „	Νενία	Νινία
124	9 „	или	ими
141	15 снизу	Наречане	Неречане
174	11 „	Cocyra	Corcyra

ВОЛЖСКІЙ БАССЕЙНЪ

ПО

КНИГѢ БОЛЬШАГО ЧЕРТЕЖА.

ВОЛЖСКІЙ БАССЕЙНЪ ПО КНИГѢ БОЛЬШАГО ЧЕРТЕЖА.

I. Рѣки Кама и Вятка.

Обозрѣніе рѣкъ Волжскаго бассейна по Книгѣ Большаго Чертежа, при обширности этого бассейна и при разновременности его историческаго значенія, а въ особенности вслѣдствіе многочисленныхъ развѣтвленій его рѣчныхъ раіоновъ, оказывается необходимымъ раздѣлить на нѣсколько частей. Предметомъ первой части нашего изслѣдованія Волжскаго бассейна будутъ *рѣки Кама и Вятка съ ихъ притоками и притоки р. Оби*, находящіеся въ предѣлахъ Вятской и Пермской губерній.

1. Р. Кама.

Въ описаніи Чертежа говорится:

„*Ниже Казани 60 верстъ пала въ Волгу рѣка Кама; а рѣка Кама вытекла отъ рѣки отъ Нѣмы, да отъ рѣки отъ Вычегды за 30 верстъ.*

А протоку Камы рѣки 1170 верстъ. На Камѣ рѣкѣ отъ верху 350 верстъ (въ варіантахъ: *на лѣвой странѣ) Кай-городокъ. А отъ Кай-городка 200 верстъ* (въ варіантахъ: *90 верстъ) градъ Чердынь, а рѣка Кама отъ Чердыни течетъ за 20 верстъ. Отъ Чердыни до Усолья Камскаго* (въ варіантахъ: *Соли Камской) 90 верстъ.*

Въ варіантахъ прибавлено:

Градъ Соль Камская стоитъ на рѣчкѣ Усолкѣ, по обѣ страны рѣчки Усолки отъ Камы 7 верстъ; рѣчка вытекла Усолка изъ подъ Сибирскаго Камени.

От Соли Камской въ низъ по Камѣ, на правомъ берегу 15 верстъ, монастырь Преображенія Спасова Пыскарской, а прежъ сего тутъ бывалъ городокъ Канкоръ Строгоновыхъ. Въ монастырѣ церковь каменная.

Ниже Пыскорскаго монастыря 5 верстъ съ лѣвыя страны, пала въ Каму рѣчка Ленва; а на ней промыслы соляныя варницы Гостей Шустовыхъ да Ѳилатьевыхъ. У промыслу церковь каменная.

А ниже рѣки Ленвы 3 версты, на той же странѣ, пала въ Каму рѣчка Зырянка, а на ней соляные промыслы варницы Великихъ Государей. Отъ Зырянки вверхъ промыслы Криветской, Куркеской, а выше тѣхъ трехъ промысловъ на Верхней Веретчи соляные промыслы Воскресенскаго монастыря Новаго Іерусалима. Тутъ у промысловъ церковь древянна Святыя Троицы. Въ верхъ по Зырянкѣ рѣчкѣ отъ промысловъ версты съ 2 погостъ Николая Чудотворца. Въ волости крестьянскихъ дворовъ 50, приписаны къ промысламъ; а за тѣми деревнями и до Сибирскаго Камени житья никакого нѣтъ. Въ верхъ по Зырянкѣ есть пустыя городища Чудскія и Манкоръ, и иныя. Протоку рѣчки Зырянки верстъ съ 20. Съ востоку вытекли двѣ рѣчки Лехчимъ да Изверъ, и какъ они сошлись вмѣстѣ, и тутъ пошла рѣчка Зырянка.

Противъ рѣчки Зырянки и Зырянскихъ соляныхъ Усолей, на другой сторонѣ Камы рѣки соляные промыслы Строгоновыхъ, словетъ Новое-Усолье: церковь деревянная, посаду жителей съ 500, а варницъ соляныхъ съ 40.

Ниже Новаго-Усолья на той же правой странѣ 7 верстъ, градъ Орелъ Строгоновыхъ, церкви деревянныя гораздо стройны. Тутъ дворовъ Строгоновыхъ, посаду не мало.

Противъ Орла городка съ лѣвыя страны пала въ рѣку Каму рѣка Ява, вытекла изъ-подъ Сибирскаго Камня, житья по ней мало.

Далѣе въ текстѣ слѣдуетъ:

А отъ Усолья-Камскаго 20 верстъ градъ Пыскарь (въ варіантахъ: *Пьскарь), а ниже Пыскаря 30 верстъ градъ Орелъ; а отъ Усолья-Камскаго до устъ рѣки Камы 530 верстъ.*

А которые грады по Камѣ и надъ тѣми подписано: Пермъ Великая.

А въ рѣку Каму (въ Др. Росс. Идрографіи прибавлено: *выше*

града Соли Камска) пала рѣка Вишера (тамъ же: *выше Усолья 30 верстъ), а Вишера вытекла изъ Камени, изъ горъ, отъ Пещеры рѣки 20 верстъ* (въ Др. Р. Идрогр. прибавлено: *Печера рѣка пала въ море-океанъ; Вишера пала въ Каму выше Усолья* (въ варіантахъ невѣрно: *устья) 30 верстъ.*

А въ Вишеру пала рѣка Велсуй, да рѣка Улсуй.

А съ другой страны (въ варіантахъ: *въ другую страну) пала въ Вишеру рѣка Колва: протоку 220 верстъ. Пала подъ Чердынью рѣка Моложекъ, а въ Моложекъ пала рѣка Березова: протоку Моложека 100 верстъ, а Березовой 40 верстъ.*

Въ Каму же пала рѣка Чусовая, а въ Чусовую въ горахъ пала рѣчка Серебряная. А отъ рѣчки Серебряныя потекла изъ горъ рѣка Тагла въ рѣку въ Туру.

А протоку Чусовыя 320 верстъ, а на ней (въ варіантахъ: *есть городки Строгоновыхъ) градъ Чусовской отъ Усолья Камскаго 70 верстъ. А въ Чусовую пала рѣка Сылва: протоку Сылвы 100 верстъ* (въ Др. Р. Идрогр. прибавлено; *А на Сылвы городъ Кунгуръ).*

А Чусовая пала въ Каму ниже града Орлова 70 верстъ [1]).

Кромѣ этого мѣста, при обозрѣніи р. Оби Великой (которая сама не входитъ въ предѣлъ нашего изслѣдованія) въ текстѣ Чертежа читаемъ:

А въ Тоболъ рѣку... пала рѣка Тура; а рѣка Тура течетъ изъ горъ изъ Камени: противъ Усолья-Камского... на рѣкѣ на Турѣ градъ Верхотурье... А ниже Туры рѣки 250 верстъ, пала рѣка Тавда,... а выше того съ нощныя страны (въ варіантахъ: *съ восточныя страны) рѣка Лозва, а другая рѣка Сосва, вытекли изъ горъ, а какъ стеклись тѣ рѣки вмѣстѣ, и той рѣки прозвище Тавда. А Лозва рѣка вытекла изъ горы, противъ верховья Вишеры рѣки за 20 верстъ и пала въ Сосву рѣку. А въ Лозву изъ горъ пала Удыль* (въ варіантахъ: *Уда) рѣка, а на устьѣ Удыли градъ Лозвинской. А отъ верху Лозвы рѣки до верху Туры рѣки 490 верстъ* [2]).

Остановимся на обзорѣ *р. Камы внизъ по ея теченію*, предварительно замѣтивъ, что описаніе Чертежа, въ предѣлахъ Пермской губерніи, относится преимущественно къ западной ея половинѣ, лежащей по сю сторону Уральскаго хребта. Что касается

[1]) Книга Б. Черт. Спасск., стр. 143—146.

[2]) См. Б. Черт. Спасскаго, 208—210.

до за уральской части Пермской губерніи, то о ней, какъ увидимъ ниже, свѣдѣнія Чертежа очень ограниченны.

По Кн. Б. Ч., „протоку Камы рѣки 1170 верстъ". Хотя мы и не имѣемъ точнаго измѣренія длины извилистаго теченія Камы, но оно, по описанію Чертежа, во всякомъ случаѣ, не вѣрно. Считается отъ истока Камы (въ предѣлахъ Вятской губерніи) до впаденія въ нее рѣки Вишеры—450 верстъ, отъ устья Вишеры до устья Чусовой—250 верстъ, отъ устья Чусовой до устья р. Бѣлой—470 верстъ, и отъ устья этой послѣдней до впаденія Камы въ Волгу—350 верстъ; слѣдовательно, всего, по приблизительному измѣренію, 1500 верстъ; въ гидрографіи Штукенберга длина Камы измѣряется въ 1700 верстъ, а въ описаніи Лаптева—до 2000 верстъ [1]). Самое меньшее изъ этихъ измѣреній, если изъ него убавить примѣрно до 250 верстъ теченія Камы внѣ Пермской губерніи, составитъ около 1250 верстъ, что̀ и приближается къ измѣренію Кн. Б. Ч. Но тогда надобно допустить, что верховье Камы вовсе не имѣлось въ виду при описаніи Чертежа, чего нельзя предполагать по упоминанію о Кайгородѣ, стоящемъ на Камѣ. Кама получила названіе свое, вѣроятно, отъ первобытныхъ обитателей ея прибрежья Зырянъ и Пермяковъ, кои по зырянски называются общимъ именемъ „Коми". Нынѣ среди инородческихъ обитателей этого края древнее названіе Камы сохранилось только у Вотяковъ, кои называютъ ее Буджимъ-Кама; у Чувашей она называется Шайга-Адаль, у Черемисъ—Чолматъ-Висъ, у Татаръ—Чаллатъ-Идель или Акъ-Идель (бѣлая рѣка) [2]).

На Камѣ „отъ верху 350 верстъ на лѣвой странѣ Кай-городокъ". Если хотя приблизительно вѣрно, что верховье Камы, въ предѣлахъ Вятской губерніи, имѣетъ теченія около 200 верстъ, то *Кай-городъ*, находившійся въ предѣлахъ этой губерніи, отъ истоковъ Камы отстоитъ не болѣе какъ на 150 верстъ, а не на 350 верстъ, какъ говорится въ описаніи Чертежа. Основаніе Кай-городка хотя и приписывается Новгородцамъ, но положительно извѣстно, что онъ основанъ братьями Строгоновыми (Яковомъ и Григоріемъ) въ половинѣ XVI вѣка, когда имъ принадлежали уже земли по

[1]) Геогр. Словарь Семенова, II, 453, 454.

[2]) Зырянско-Русск. Словарь Савваитова, 94; Геогр. Сл. Семенова, II, 453.

рр. Камѣ и Чусовой. Кай-городокъ былъ построенъ послѣ 1558 года, въ одно время съ городками Орломъ (на Камѣ) и Чусовскимъ (на Чусовой), вѣроятно, для обезпеченія соляныхъ промысловъ отъ набѣговъ Вотп. Кай-городъ въ то время былъ обнесенъ валомъ и палисадомъ или острогомъ, съ башнями на проѣзжей дорогѣ. Слѣды этихъ укрѣпленій сохранялись еще недавно и особенно были замѣтны на каменной горѣ съ сѣверной стороны бывшаго острога, гдѣ теперь кладбище. Уже въ 1657 году Кай-городу принадлежалъ особый уѣздъ. Съ учрежденіемъ Вятской губерніи Кай-городъ оставленъ заштатнымъ, а въ 1854 году исключенъ изъ числа городскихъ поселеній, и жители его обращены въ государственныхъ крестьянъ [1]).

Въ варіантахъ къ Книгѣ Б. Чертежа при описаніи сухаго пути черезъ нынѣшную Вятскую губернію, между прочимъ, сказано: „...отъ Кайгорода до Юксѣева, отъ Юксѣева до Косы, отъ Косы до *Уралки*, отъ Уралки до Соли Камской“; мѣстности эти принадлежатъ Пермской губерніи: *Юксѣева*—нынѣ Юксѣевское, лежащее (к. Оперм. л. XVII) на рч. Большой Вожайкѣ, въ 222 верстахъ отъ Чердыни; рѣчка *Коса*, составляющая правый притокъ Камы, течетъ въ предѣлахъ Чердынскаго уѣзда на протяженіи 150 верстъ; *Уралка*—также правый притокъ Камы, вытекающій изъ Соликамскаго уѣзда въ Чердынскій, имѣетъ теченія до 100 верстъ [2]).

„Отъ Кай-города 200 верстъ (въ варіантахъ: 90) градъ Чердынь“. Основаніе *Чердыни* приписываютъ Новгородцамъ. То же самое утверждается и мѣстными преданіями. Но какіе это были выходцы новгородскіе: основатели ли колоніи на р. Вяткѣ, или основатели Устюга Великаго? И то, и другое правдоподобно и намекаетъ на время основанія Чердыни въ концѣ XII вѣка. Но это только предположеніе, требующее подтвержденія. Другое преданіе говоритъ, что этотъ городъ стоитъ уже на *пятомъ мѣстѣ*. Какъ бы то ни было, еще въ недавнее время, въ 50-хъ годахъ, показывали въ 25

[1]) Журн. М. В. Дѣлъ 1840 г., № 10, смѣсь, 20, 1843 г., дек., 472. Вятск. Губ. Вѣд. 1840 г., № 15, 1867 г., № 7; Гор. Пос. Р. Имп., ч. II; Спис. насел. мѣстъ Пермск. губ., XCIII.

[2]) Кн. Бол. Черт., 141; Геогр. Слов. Семенова, II, 737; Сп. нас. м. Пермск. губ., № 8537.

верстахъ отъ Чердыни на берегу Камы мѣсто, гдѣ, по словамъ туземцевъ, стояла *Старая Чердынь*: это извѣстіе имѣетъ для насъ особенное значеніе, если припомнимъ, что въ Кн. Б. Чертежа говорится: „а рѣка Кама отъ Чердыни течетъ за 20 верстъ"; такимъ образомъ естественно является мысль, что въ описаніи Чертежа говорится о „Старой Чердыни", еслибъ этому не противорѣчило то обстоятельство, что завоевательное движеніе Русскихъ въ этомъ краѣ выразилось только во второй половинѣ XV вѣка, и слѣдовательно, только по утвержденіи тамъ московской власти, можно было думать о нанесеніи на Чертежъ свѣдѣній объ этомъ краѣ [1]). При обозрѣніи свѣдѣній Кн. Бол. Черт. по Вологодской губерніи было упомянуто о древнемъ значеніи Усть-Выми, которая считалась мѣстомъ „Старой Перьми" даже въ концѣ XIV вѣка. Названіе это дано Усть-Выми, вѣроятно, въ то время, когда оказалось необходимымъ отъ „Старой Перьми" отличить такъ называемую „Великую Пермь", которой главнымъ пунктомъ была Чердынь. Эта Чердынь очевидно, существовала уже въ концѣ XIV вѣка, такъ какъ князь Пестрый, въ 1472 году совершавшій по повелѣнію Іоанна III походъ въ Пермскую землю, нашелъ этотъ городъ уже значительнымъ. По поводу этого событія въ Архивномъ лѣтописцѣ говорится: „Пріиде вѣсть къ великому князю, что воевода его (кн. Ѳедоръ Пестрый) землю Пермскую взялъ; а пришелъ къ усть Черныя рѣки... и оттуду на плотѣхъ и съ коньми... на *Верхнюю землю* къ *городку Искору*, а Гаврила Нелидова отпустилъ на *Нижнюю землю* на *Уросъ*, на *Чердыню*, да на *Почку*". Князь Пестрый въ этотъ разъ разбилъ пермскую рать близъ города Искора и взялъ въ плѣнъ Пермскихъ князей-воеводъ Кача, Бурмата, Минчана и Зыряна, а Нелидовъ завладѣлъ *Уросомъ* и *Чердынью*, взялъ въ плѣнъ князя Михаила и отправилъ его въ Москву. Извѣстно, что этотъ Михаилъ былъ одинъ изъ многихъ Пермскихъ князей христіанской вѣры; сохранились даже имена ихъ въ лѣтописяхъ, но когда они владѣли Пермскою страной и въ какихъ отношеніяхъ находились къ Московскимъ князьямъ — неизвѣстно [2]). Сынъ кн. Михаила —

[1]) Пермск. Сборн., II, статья Крупенина, 4; Геогр. Слов. Щекатова IV, 60.

[2]) Полн. Собр. Лѣтоп., IV, 133; Ист. Гос. Росс. VI, 33, прим. 73; Пермск. сб., II, ст. Крупенина, прим. 20.

Матөей былъ сведенъ съ Великой Перьми и мѣсто его занялъ велико-княжескій намѣстникъ Вас. Андр. Коверъ. Уже въ это время названіе Великой Перьми употреблялось нераздѣльно съ именемъ Чердыни: въ грамотахъ обыкновенно писалось: „Отъ царя и Великаго князя въ Пермь Великую—въ Чердынь". Очевидно, что это относилось къ цѣлой групѣ городовъ Пермской земли, что̀ и подтверждается Книгою Большаго Чертежа, гдѣ между прочимъ сказано: „А которые *грады на Камѣ*, а надъ ними надпись: Пермь великая". Городъ Чердынь, какъ полагаютъ, выгорѣлъ безъ остатка въ 1533 году и былъ возобновленъ уже на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ нынѣ находится. Для возобновленія его былъ посланъ изъ Москвы строитель Дав. Сем. Курчевъ: это уже указываетъ на тогдашнюю важность города. Сдѣлавшись центромъ воеводскаго управленія среди неспокойнаго тогда инородческаго населенія въ краѣ, городъ этотъ съ самыхъ первыхъ годовъ возобновленія обращалъ на себя вниманіе правительства. Чердынь неоднократно упоминается въ актахъ временъ царя Михаила Өеодоровича: въ одномъ изъ актовъ этого времени говорится о состояніи тогдашнихъ укрѣпленій Чердыни. Царскій дьякъ Морозовъ, въ отпискѣ своей царю Михаилу Өеодоровичу говоритъ: (въ 1614 году) „въ Перми (т. е. въ Пермской землѣ, *городъ* Чердынь деревянный, а на городѣ шесть башенъ, а мосты и обламки на городѣ и на башняхъ сгнили и кровля обвалилась, а у города четверо воротъ, да тайникъ обвалилисъ... а на острогѣ, государь, народу нѣтъ.. что ни есть народу, то въ городѣ.. развѣ въ сполошное время на острогѣ живетъ народъ"... Въ 1606 году упоминается о *Вознесенскомъ* Чердынскомъ *монастырѣ*, какъ видно изъ грамоты царя Василія Ивановича въ Пермь Великую, гдѣ говорится: „да въ Перми въ Вознесенскомъ монастырѣ у Ивана Богослова, старцы живутъ, но немонастырски, безчинно и ходятъ за монастырь къ своимъ посестріямъ". Изъ описанія Чердыни, составленнаго въ 1725 году, видно, что въ то время тамъ, кромѣ землянаго вала, существовала еще деревянная крѣпость, имѣвшая въ окружности 222 сажени, а за городомъ, на Соликамской дорогѣ, стояла большая башня. Вѣроятно, эти укрѣпленія относятся къ эпохѣ возобновленія Чердыни и служили защитою противъ инородцевъ. Что касается до Чердынскаго Богословскаго монастыря, то необходимо замѣтить, что

вопреки извѣстію, сообщаемому Исторіей церковной іерархіи, этотъ монастырь принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ въ Пермской землѣ, и безъ сомнѣнія, составляетъ послѣдствіе благочестивой ревности къ вѣрѣ пріемниковъ св. Стефана Великопермскаго, изъ коихъ первымъ долженъ быть названъ Пермскій епископъ Іона, погибшій отъ Вогуличей за свою ревность къ святому дѣлу. Онъ еще въ 1462 году крестилъ Великую Пермь и князя ея и поставилъ церкви, игуменовъ и священниковъ [1]). Изъ грамоты царя Іоанна IV въ Пермь Великую видно, что монастырь этотъ былъ въ Чердыни еще единственнымъ и небогатымъ въ разныхъ мѣстахъ угодьями: „били намъ челомъ", говорится въ этой грамотѣ,—„Чердынскаго Богословскаго монастыря строитель... что наше богомолье въ Перми, Богословскій монастырь общей (т. е. общежительный) единъ... а наши *пашни*... въ дер. Глѣбовѣ, да въ Тушинѣ.. на Колвѣ и Вишерѣ.. на рч. Чудовкѣ.. *Ловли*... въ озерѣ Юмьютѣ, Муртѣ, Курьѣ глубокой, въ р. Козырѣ.. да въ Чердынскомъ уѣздѣ по конецъ Почкинскаго поля, да на Мойдорѣ, да за Вотцкимъ погостомъ на Зайбѣ.... да на Шатурѣ". Въ 1663 году за монастыремъ считалось крестьянъ и бобылей 19 дворовъ. Черезъ Чердынь лежала дорога за Уральскій хребетъ, идя отъ города на Ростокскій камень, по Лозвѣ, Тавдѣ и Тоболу, а послѣ 1598 года проведена на Соликамскъ, Верхотурье и Туринскъ и существовала до 1763 года. Эта послѣдняя дорога называлась Бабиновскою (отъ крестьянина Артемья Бабинова, проложившаго ее). Остатки ея существуютъ и нынѣ и служатъ для проѣзда торговцевъ изъ Вологды, Соликамска и Чердыни [2]).

По Книгѣ Б. Чертежа: „отъ Чердыни до Усолья Камскаго (въ варіантахъ: Соли Камской) 90 верстъ".

Начало *Соликамска* относятъ еще къ первой половинѣ XV вѣка именно къ 1430 году, когда на мѣстѣ нынѣшняго города начали селиться и завели варницы промышленники изъ Балахны, Устьсысольска, Сольвычегодска и другихъ мѣстъ. Въ путешествіи В.Н.Берха

[1]) Хоз. Опис. Пермск. губ. Попова, III, 179; Акты Истор., I, 207, III, 8, 367; Акты Арх. Эксп., III, 202, IV, 137; Ист. Церк. Іерарх., III, 397; Пермск. Сборн., II, 8.

[2]) Кн. Бол. Черт., прим. 283; Пермск. Сборн., I, 18, 19.

есть извѣстіе, что въ началѣ XV вѣка посадскіе Калашниковы первые завели соляные промыслы при рч. Боровой, выше села Верхъ-Боровскаго, въ нынѣшнемъ Соликамскомъ уѣздѣ; но такъ какъ эти промыслы, по скудости разсоловъ, мало доставляли выгодъ, то около 1430 года Калашниковы перенесли свое заведеніе на рч. Усолку, на то мѣсто, гдѣ теперь Соликамскъ. Впослѣдствіи новые выходцы изъ разныхъ мѣстъ (изъ Вологды, Устюга, Вятки, Чебоксаръ, Бѣлозера, Холмогоръ, Москвы, Новгорода, Пскова, съ Вытегры, Двины и Пинеги) пополнили собой первоначальное населеніе Соликамска; но онъ сдѣлался значительнымъ не ранѣе второй половины XVI вѣка. Въ грамотѣ царя Іоанна IV, въ 1553 году данной Чердынцамъ, неоднократно упоминаются и *Усольцы* (Соликамцы), которые въ этотъ разъ получили равныя права и преимущества съ Чердынцами, и очевидно, Усолье, упоминаемое въ Чертежѣ, существовало уже въ 1553 году. Но ближайшее знакомство съ мѣстностію Соликамска относится ко второй половинѣ XVI вѣка, когда Іоаннъ IV пожаловалъ Строгановымъ земли отъ Чердыни до Чусовой. Хотя при описаніи этихъ мѣстностей въ грамотѣ, данной Строгановымъ, и не упоминается объ Усольѣ Камскомъ, но по самому положенію этого города на пути колонизаціи Строгановыхъ по р. Камѣ, вѣроятно предполагать, что и Соль Камская, уже до поселенія въ этомъ краѣ Строгановыхъ извѣстная, входила въ область Строгановскаго заселенія. Извѣстно, что въ предѣлахъ Соликамскаго уѣзда находились и первые остроги Строгановыхъ—городокъ Орелъ и Новое Усолье. Заведенныя тамъ въ 1564 году соляныя варницы были впослѣдствіи срыты разливомъ вешнихъ водъ, и мѣсто самыхъ варницъ давно покрыто новымъ русломъ р. Камы. Соль Камская, вскорѣ послѣ появленія Строгановыхъ въ краѣ, кромѣ значенія промышленнаго, пріобрѣла и торговое значеніе, особенно послѣ 1598 года, когда черезъ Соликамскъ прошла дорога на Верхотурье. Заселеніе города около 1591 года увеличилось переселенцами изъ Углича. Значеніе города въ торговлѣ упало только въ половинѣ XVII вѣка, когда была уничтожена верхотурская таможня и проложенъ новый путь въ Сибирь—чрезъ Екатеринбургъ и Шадринскъ.

Въ варіантахъ къ Книгѣ Б. Чертежа при городѣ Соликамскѣ прибавлено, что *Усолка*, на которой стоитъ этотъ городъ, „вытекла изъ

подъ Сибирскаго Камени". Судя по картамъ (Оперм. XVIII) и описаніямъ, это указаніе составляетъ очевидную ошибку въ Чертежѣ. Рѣчка Усолка есть небольшой притокъ р. Камы съ правой стороны, длина его теченія около 70 верстъ, а истокъ его очень далеко отъ Сибирскаго камня, то-есть, отъ Уральскаго хребта. Въ 1608 году въ Соликамскѣ, по благословенію Вологодскаго епископа Іоасафа, устроенъ былъ *Вознесенскій монастырь* и къ нему была приписана потомъ *Сылвенская* Воздвиженская *пустынь*, за которою считалось 645 д. крестьянъ. Въ писцовыхъ книгахъ Кайсарова 1624 года многіе изъ жителей Соликамска обозначены одними именами, съ придачею вмѣсто фамилій слова: пришлецъ такой-то, что даетъ понять, на сколько многія отдаленныя мѣста надѣляли Соликамскъ пришлецами: тутъ были и Вологжанинъ, и Москвитянинъ, Новгородецъ и Чердынецъ, Чебоксарецъ и Вятчанинъ, Псковитянинъ и Нижегородецъ, Бѣлозерецъ и Колмогорецъ, Двинянинъ, Вычегжанинъ и Пинежанинъ и т. д. По писцовымъ книгамъ 1579 года, письма Яхонтова, въ Соликамскѣ было 190 дворовъ и въ нихъ 201 чел. муж. пола, 26 лавокъ и 16 соляныхъ варницъ, а въ уѣздѣ 23 деревни, 11 починковъ и 3 займища; всего 162 двора съ 205 чел. муж. пола податныхъ. Когда установилось названіе Соликамска, по мнѣнію г. Крупенина, трудно опредѣлить. Писцовыя книги Яхонтова озаглавлены такъ: книга сотнаго письма *города Камскаго*, посаду и уѣзда, письма и мѣры писца Ивана Игнатьевича Яхонтова, да подъячаго Третьяка Карпова 87 (1579) года, а Кайсаровскія— писцовыя книги *Усолья Камскаго*, посаду и уѣзда, письма и мѣры Михаила Кайсарова, да дьячка Марка Мартемьянова, да подъячихъ Исака Леонтьева, да Аѳанасія Бреева 131 и 132 (1623 и 1624) годовъ; между тѣмъ, въ грамотѣ Іоанна Грознаго, данной Строгановымъ въ 1654 году, встрѣчается уже названіе *Камскія Соли*, въ которомъ слышится названіе Соликамска, или по старинному, Соли Камской [1]).

По Кн. Б. Чертежа, „отъ Соли Камской въ низъ по Камѣ, на правомъ берегу, 15 верстъ—монастырь Преображенія Спасова Пыскарской, а прежъ сего тутъ бывалъ городокъ Канкоръ Строгановыхъ. Въ

[1]) Хоз. Опис. Пермск. губ. Попова, I, 272, III, 160, 120; Ист. Церк. Іерарх., IV, 35, VI, 177; Пермск. Сб., II, стр. 11, прим. 27.

монастырѣ церковь каменная". Въ половинѣ XVI вѣка, когда Строгановы явились на рр. Камѣ и Чусовой, эти мѣста были безлюдны. Изъ грамоты царя Ивана Васильевича, данной Строгановымъ въ 1552 году, видно, что „ниже Великія Перми (т. е. Чердыни) за 20 верстъ по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы съ Устья Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону Камы противъ Пыскорскія курьи, по обѣ стороны до Чусовыя рѣки *мѣста пустыя*, лѣса черные и озера дикія, острова и наволоки... и прежде сего на томъ мѣстѣ пашни не пахиваны и дворы не ставливали".. Въ 1560 году, на правомъ берегу Камы, при впаденіи въ нее рч. Пыскорки, Строгановы построили городъ *Канкоръ* или *Камгортъ* (на языкѣ Пермяковъ—Камское селеніе). Онъ находился близь нынѣшняго села Пыскоръ, въ 20 верстахъ отъ Соликамска [1]). Строгановы, переселяясь въ новопожалованную землю, привели туда рабочихъ и людей свѣдущихъ въ соляномъ дѣлѣ и стали принимать къ себѣ не тяглыхъ и не писанныхъ людей. Вскорѣ послѣ того, черезъ шесть лѣтъ, они основали на правой сторонѣ Камы, въ 20 верстахъ ниже Канкора, соляные промыслы и при нихъ городокъ *Кергеданъ*. Этотъ городокъ, стоявшій при урочище Орла, сталъ называться *Орловъ на Наволокѣ* или просто Орловъ городокъ. Этому городку нынѣ соотвѣтствуетъ село Орелъ (Орловское) при р. Камѣ, въ 40 верст. отъ Соликамска (карта Шуб., XVIII: Орелъ городокъ). Въ Книгѣ Бол. Чертежа говорится, что Орловъ отстоитъ отъ Канкора 30 верстъ, но это не подтверждается современнымъ описаніемъ, по которому считается только 20 верстъ.

Въ грамотѣ 1564 года, данной на построеніе городка Орлова, даже описанъ подробно способъ постройки и вооруженія города: „стѣны сажень по тридцать, а съ приступную сторону для низи и къ варницамъ ближе, въ глины мѣсто, камень закласти и пищальники и сторожи для береженья и томъ другомъ городки собою жъ дръжати, а въ обѣ ихъ городкѣхъ велѣвъ есми собою жъ нарядъ огнестрѣльной, пушечки и пищали затинныя и ручницы сдѣлати незаписнымъ мастеромъ, которыхъ себѣ Григорій приговорилъ къ найму и у себя Григорію тотъ нарядъ дръжати". На

[1]) Опис. Сибирск. Царства Миллера, стр. 76, прим.; Записки Казанск. Эконом. Общества, 1858, II, стр. 20; Доп. къ Акт. Истор., I, № 117.

сколько оживился пустынный до тѣхъ поръ край, видно изъ Соликамской лѣтописи, въ коей говорится, что и въ 1563 году по указу великаго государя отдано именитому человѣку Григорію Строганову Обвинскихъ и Косвенскихъ 2,322 двора во владѣніе. Новыя владѣнія получили столь замѣтное значеніе, что почти въ то же время были причислены къ опричинѣ, какъ видно изъ грамоты царя Ивана Васильевича въ 1561 году Аникію Строганову, гдѣ говорится по правую сторону рѣки Камы противъ Пыскорскія курьи поставили городокъ Канкоръ, да городокъ Кергеданъ на Орловомъ наволокѣ... и (били вы челомъ). Намъ бы васъ пожаловати тѣ городки Канкоръ и Кергеданъ взять *къ себѣ въ опричину*",—вѣроятно, для того, чтобъ этимъ путемъ освободиться отъ московской волокиты [1]). Городокъ Кергеданъ въ 1572 году подвергся нападенію Черемисъ и Башкиръ, которые истребили большую часть жителей; но въ это время городокъ сей и солеварни принадлежали уже Пыскорскому монастырю. Городокъ съ его соляными варницами впослѣдствіи былъ оставленъ, и промыслы перенесены па другое мѣсто, какъ увидимъ ниже, по случаю поврежденія варницъ разливомъ р. Камы. Что касается до *Пыскорскаго* монастыря, упоминаемаго въ Книгѣ Б. Чертежа, то основаніе его относится къ одному времени съ Кангортомъ; въ 1570 году Кангоръ съ промысломъ былъ отданъ монастырю, и обитель была перенесена съ устья Пыскорки на мѣсто Канкора, „чтобы (иноки) не переставали", какъ говорится въ грамотахъ, данныхъ монастырю Строгановыми,—„молить Бога о всѣхъ православныхъ христіанахъ и за упокой и за родъ Строгановыхъ" [2]). Монастырь этотъ существовалъ здѣсь до 1755 года, когда былъ переведенъ въ Соликамскъ, а оттуда въ 1781 году—въ Пермь.

Далѣе по Кн. Б. Ч. указывается „рѣчка Ленва,... а на ней варницы Гостей Шустовыхъ да Филатьевыхъ; у промыслу церковь каменная". На лѣвой сторонѣ Камы, ниже Пыскора, показано въ атласѣ Пядышева селеніе Ленва и ниже его небольшая рѣчка безъ названія,

[1]) Дополн. къ Акт. Ист., I, 172; Пермск. Сб., II, стр. 15; Списки нас. м. Пермск. губ., № 4637; Зап. Каз. Экон. Общ. 1858, II, стр. 20.

[2]) Геог. Словарь Семенова, IV, 257; Списки нас. мѣстъ Пермск. губ. LXVIII.

вѣроятно—искомая Ленва. По картѣ Оперм. (л. XVII) то же самое. Что касается до селенія, то по списку населенныхъ мѣстъ въ этомъ мѣстѣ показано село Ленва или Ленвенское, но при рч. Пырзенкѣ и р. Камѣ (въ 25 в. отъ Соликамска). Еще есть въ спискахъ Ленва Старая и Ленва Новая, но они обѣ находятся въ дальнемъ разстояніи. Ленвенское же село стоитъ именно на томъ мѣстѣ, которое назначено для варницъ по Книгѣ Большаго Чертежа. Небольшая разница оказывается только въ измѣреніи разстоянія: по Чертежу отъ Соли Камской до Пыскорскаго монастыря 15 верстъ и до варницъ на Ленвѣ 5 верстъ,—въ дѣйствительности же, какъ указано, 25 в. и даже болѣе (до 30 в.). Варницы по р. Ленвѣ были устроены приблизительно въ 1610 году Балахнинскимъ купцомъ Ив. Соколовымъ на земляхъ Строгановыхъ; потомъ перешли во владѣніе Вологжанъ Шустова и Филатьева, отъ которыхъ при Петрѣ I поступили въ собственность Строгановыхъ. Церковь при промыслахъ, конечно, надобно полагать въ селѣ Ленвенскомъ [1]). Упоминаніе объ этихъ мѣстностяхъ въ Чертежѣ естественно должно быть отнесено ко времени позднѣе 1610 года.

По описанію Чертежа затѣмъ слѣдуетъ: „рѣчка Зырянка, а на ней варницы великихъ государей;... отъ Зырянки вверхъ промыслы Кривецкой, Курекской;... на Верхней Веретчѣ соляные промыслы Воскресенскаго монастыря... въ верхъ по Зырянкѣ погостъ Николая Чудотворца“.

По картѣ Оперм. (л. XVII) Зырянка показана съ лѣвой стороны Длина ея теченія измѣряется приблизительно въ 30 верстъ, а по указанію Чертежа, „протоку Зырянки 60 верстъ“. При ней показаны на картѣ с. Веретейское—въ 32 верстахъ и с. Зырянское—въ 33 верстахъ отъ уѣзднаго города, какъ видно по списку населенныхъ мѣстъ. Близь послѣдняго находятся остатки Зырянскихъ соляныхъ варницъ, основанныя настоятелями Пыскорскаго монастыря; между 1570 и 1652 годами тамъ было устроено уже пять варницъ, которыя въ 1652 году поступили въ казну. Здѣсь нельзя оставить безъ вниманія и то обстоятельство, что Зырянскія варницы, упоминаемыя въ Книгѣ Б. Чертежа, въ то время принадлежали „великимъ государямъ“ — очевидно, Іоанну и Петру Алексѣеви-

[1]) Ж. М. Вн. Дѣлъ 1855 г., X, смѣсь, 51; Горн. Журн. 1858, II, 323; Спис. нас. м. Перм. губ., № 6563, 6940 и 6941.

чамъ; слѣдовательно, замѣтка эта внесена въ текстъ Чертежа не позднѣе 1689 года. Варницы на р. Верхней Веретчѣ (упомянутой въ текстѣ Чертежа) въ 1679 году были отданы во владѣніе Вознесенскому Ново-Іерусалимскому монастырю, что въ Московской губерніи, и за исключеніемъ ихъ, на р. Зырянкѣ въ 1684 году всѣхъ варницъ считалось уже 35. Съ 1697 года эти промыслы до 1712 года принадлежали то Строгановымъ, то переходили въ казну, а въ 1714 году были снова отданы Строгановымъ [1]. Что касается до промысловъ Криветскихъ и Курекскихъ, то о нихъ свѣдѣній не встрѣтилось.

Въ верховьяхъ рѣчки Зырянки по тексту Чертежа показанъ „погостъ Николая Чудотворца—въ волости крестьянскихъ дворовъ 50“. Подъ именемъ этого погоста съ волостью ,едва ли можно разумѣть что-либо другое, кромѣ села *Ныроба*, извѣстнаго какъ мѣсто ссылки и тяжкаго заключенія боярина Михаила Никитича Романова. Надъ бывшею его темницей-землянкой теперь поставлена часовня и на корнизѣ желѣзной крыши въ вязью сдѣлана надпись: „Въ 7109 (1601) году присланъ былъ смосквы отъ царя Бориса Годунова въ Пермь Великую — вчердынскій уѣздъ, въ *погостъ Ныробъ* взаточеніе блаженной памяти бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ“. Подъ названіемъ погоста Ныробъ несомнѣнно существовалъ уже въ XV вѣкѣ, и даже можетъ быть, въ первой половинѣ его, судя по тому, что Чердынскій уѣздъ ранѣе прочихъ сдѣлался достояніемъ Москвы, и успѣхи христіанскаго ученія, проникшаго въ Чердынь съ 1462 года, могли подать поводъ къ учрежденію погоста Ныробскаго, что нынѣ село Ныробское, въ 46 верстахъ отъ Чердыни. Объ этой мѣстности упоминается и въ 1634 году, когда жители Ныроба были *обѣлены,* такъ какъ предки ихъ заботились объ узникѣ, пропитывая его и нѣкоторые тяжко за него пострадали: въ грамотѣ этого года царя Михаила Ѳеодоровича къ Чердынскому воеводѣ Микитѣ Дм. Телегину говорится: „били намъ челомъ Чердынскаго уѣзда, *Ныробскаго погоста. Николая Чудотворца*... и велѣли Ныробскую деревню обѣлить.. для вѣчнаго поминовенія боярина нашего М. Н. Романова...“. Для насъ въ этомъ актѣ лю-

[1]) Военно-Стат. Обозр. Макшеева, 44; Горн. Журн. 1828 г., VIII, 111, 1858 г., II, 228.

бопытно то, что *погостъ* Ныробскій *Николая Чудотворца* является именно съ тѣмъ названіемъ, съ какимъ онъ упомянутъ въ Книгѣ Б. Чертежа [1]).

Затѣмъ, по описанію Чертежа слѣдуютъ, въ верховьяхъ р. Зырянки пустыя городища Чудскія, Манкоръ и иныя". Объ этихъ городищахъ сохранились указанія у Рычкова, который былъ въ Соликамскомъ уѣздѣ въ 1777 году и осмотрѣлъ пять городищъ: 1) около села *Рождественскаго* на р. Обвѣ (по списку нас. мѣстъ въ 200 вер. отъ Соликамска), 2) около селенія *Купроскаго* на р. Инвѣ, 3) около с. *Манкорскаго* на Инвѣ же (по списку нас. мѣстъ первое изъ нихъ показано при рч. Купроскѣ, въ 130 верстахъ отъ города, а второе—при рч. Инвѣ и Кемолкѣ, въ 142 верстахъ отъ города, подъ названіемъ Никитинскаго завода или Манкорскаго села), (4 на берегу рѣки Камы, въ 8 верстахъ отъ завода Пожевскаго, и 5) на Камѣ же, въ 1/2 верстѣ отъ бывшаго Атаманскаго завода. Около села Рождественскаго извѣстны теперь *два городища:* одно—въ 2-хъ верстахъ отъ села, а другое—вблизи его. Первое городище состоитъ изъ высокихъ валовъ и имѣетъ въ окружности около версты; внутри его видно много дикаго камня, кирпича и мураленыхъ плитъ, оставшихся отъ какого-то зданія. Изъ позднѣйшаго описанія г. Ешевскаго (1858 года) видно, что городище это лежитъ на возвышенномъ берегу р. Обвы, между смежными деревнями Филиповой и Пастаноговой, въ разстояніи отъ села Рожественскаго около 8 верстъ. Пространство городища въ длину около 200, а въ ширину—около 150 сажень. Вышина городища этого, уже осыпавшагося отъ времени, не болѣе 1/2 сажени. Такихъ урочищъ и насыпей разной величины по берегамъ р. Инвы считается болѣе десяти. Лѣтъ 30 тому назадъ, по разказамъ мѣстныхъ жителей, въ этомъ городищѣ были находимы чудскія серебряныя вещи, а на берегу р. Обвы, на окраинахъ городища вымывало человѣческія кости. Городища Купроское и *Манкорское*, упоминаемое въ Кн. Б. Ч., по замѣчанію Рычкова, ни чемъ не замѣчательны. Городище бывшаго Атаманскаго завода находится въ 1/2 верстѣ отъ с. Рожественскаго на высокой горѣ р. Камы и состоитъ изъ двухъ валовъ, которые защищали

[1]) Пермск. Об., II, замѣтки П. Вагнера, стр. 45; Акты Арх. Эксп., III, 232; Списки нас. м. Пермск. губ., № 8924.

мѣстность съ той стороны, гдѣ небыло естественной крутизны береговъ Камы. Кромѣ того, Н. Поповъ и архимандритъ Макарій упоминаютъ еще о слѣдующихъ городищахъ, по р. Инвѣ и впадающимъ въ нее рѣчкамъ: 1) въ 5 верстахъ отъ Соликамска, въ окрестностяхъ села *Кудыморскаго*, на берегу р. Кувы (притокъ р. Нивы); 2) при деревнѣ *Ермаковой* — въ земляхъ села Новинскаго; 3) выше деревни *Горчаковой* на р. Кувѣ; 4) при деревнѣ *Гортъ-Лудъ*; 5) при деревнѣ *Моисѣевой* подъ рч. Умодоръшеръ; 6) при деревнѣ *Донкоръ*, по р. Велвѣ, затѣмъ при деревняхъ *Кривошеиной*, *Чивизгиной*, *Суспозъ*, *Ошибъ* и ниже деревни *Нагираковой* подъ рч. Касыломъ. Всѣ эти городища, можетъ быть, разумѣются въ текстѣ Чертежа подъ названіемъ (Манкора) *и иныхъ* [1]).

Далѣе въ Чертежѣ говорится о рѣчкахъ *Легчимъ* и *Изверъ*, которыя „съ востоку вытекли... и какъ они сошлись вмѣстѣ, и тутъ пошла рѣчка Зырянка". Онѣ, слѣдовательно, даютъ начало Зырянкѣ; но и сама Зырянка весьма незначительна, а потому, можетъ быть, и эти двѣ рѣчки не встрѣчаются ни на картахъ, ни въ спискѣ населенныхъ мѣстъ, а также и въ монографіяхъ о Пермской губерніи. Въ спискѣ населенныхъ мѣстъ есть, впрочемъ, въ Соликамскомъ же уѣздѣ рѣчка *Левсинъ*, впадающая въ Егву (притокъ Велвы), и рч. *Истеръ*, впадающая въ Ниву. Но въ такомъ случаѣ вышеприведенное упоминаніе въ Кн. Б. Ч. о значеніи этихъ рѣчекъ, какъ начала Зырянки, будетъ совершенно неправильно, а между тѣмъ Левсимъ и Легчимъ, Истеръ и Изверъ довольно созвучны для того, чтобъ усумниться въ показаніи Чертежа.

По тексту Чертежа, „противъ рѣчки Зырянки на другой сторонѣ Камы рѣки соляные промыслы Строгановыхъ, словетъ Новое Усолье". Село *Новое Усолье* показано и на картѣ Оперм. (л. VIII). По списку насел. мѣстъ оно значится на р. Камѣ въ 34 верстахъ отъ Соликамска.

Какъ выше было замѣчено, главные соляные промыслы Строгановыхъ были открыты въ 20 верстахъ отъ Соликамска, тамъ,

[1]) Пермск. сб., II, 35; Хоз. опис. Пермск. губ., Попова, III, 54; Записки Арх. Общ., VIII, 210; Дневн. зап. Рычкова, 130; Списки нас. м. Пермск. губ., №№ 8532, 6833, 6768, 6751, 7307, 7259, 7530, 7878.

гдѣ въ 1560 году былъ поставленъ городокъ Комгортъ, при впаденіи р. Пыскорки въ Каму; въ 1566 году, на правой же сторонѣ Камы, въ 20 верстахъ ниже, былъ устроенъ съ соляными промыслами городокъ Орелъ; но эти промыслы, существовали только 60 лѣтъ, и по случаю поврежденія варницъ весеннею водою Камы, были оставлены, а около 1626 года, вмѣсто нихъ, основаны новые промыслы въ 10 верстахъ ниже Орловскихъ и названы *Новымъ Усольемъ*, вѣроятно—въ отличіе отъ Стараго Усолья, то-есть, Усолья Камскаго (Соликамска). При внесеніи этой мѣстности въ описаніе Большого Чертежа, въ Новомъ Усольѣ была „церковь деревянная, посаду жителей съ 300, а варницъ соляныхъ 40". Очевидно, что Новое Усолье, при такомъ состояніи его, внесено въ Чертежъ значительно позднѣе 1626 года [1]).

Далѣе въ Кн. Б. Ч. сказано: „противъ Орла городка съ лѣвыя страны пала въ рѣку Каму рѣка *Ява*". Эта рѣка, иначе *Эйва*, вытекающая изъ отроговъ Уральскаго хребта, или какъ сказано въ текстѣ Чертежа, „вытекла изъ Сибирскаго камня", все свое теченіе совершаетъ въ Соликамскомъ уѣздѣ, на протяженіи приблизительно около 300 верстъ. До деревни Лубницы она течетъ къ ю.-западу, а далѣе, до впаденія въ Каму, имѣетъ направленіе къ с.-западу. Для сплава годна только весной. Имѣетъ незначительные притоки—Вильву, Кызель и Лытву. Въ описаніи Чертежа замѣчено: „жилья по ней мало". Р. Эйва показана на всѣхъ картахъ [2]).

Далѣе въ Книгѣ Б. Ч. сказано: „въ рѣку Каму пала рѣка *Вишера*... вытекла изъ Камени... отъ Пещеры рѣки 20 верстъ... пала въ Каму выше Усолья (то-есть, города Соликамска) 30 верстъ. А въ Вишеру пала рѣчка *Велсуй*, да рѣчка *Улсуй*. А съ другой страны пала въ Вишеру рѣка *Колва*: протоку 200 верстъ". Рѣка Вишера (по вогульски Поссеръ-я) составляетъ лѣвый притокъ р. Камы. Она беретъ начало на западномъ склонѣ Уральскихъ горъ (изъ горы Поременчитъ-уръ), или какъ говорится въ текстѣ Чертежа: „изъ Камени, изъ горъ", и течетъ извилистымъ теченіемъ черезъ Чердынскій уѣздъ, имѣя главнѣйшее направленіе на

[1]) Сп. нас. м. Пермск. губ., LXVIII, № 6534.

[2]) Военн. стат. опис. Пермск. губ. Левашева, 44; Опис. Пермск. губ. Мозеля, I, 114.

ю.-западъ. Длина теченія ея, *не обозначенная* въ Кн. Б. Ч., до 420 верстъ. Вишера имѣетъ много незначительныхъ притоковъ съ обѣихъ сторонъ, и въ числѣ ихъ извѣстны и названныя въ Чертежѣ рр. Велсуй и Улсуй. Рѣка *Велсуй* составляетъ притокъ Вишеры съ лѣвой стороны, и все ея теченіе приблизительно простирается на 40 верстъ. Прежде здѣсь разработывались мѣдныя руды и попадались золотыя розсыпи. Можетъ быть, она въ Чертежъ внесена, при незначительности ея теченія, именно по нахожденію тамъ рудныхъ мѣстъ, а можетъ быть, и потому, что въ началѣ XVII вѣка на ней жили Вогулы, какъ о томъ упоминается въ одной изъ грамотъ 1607 года, въ росписи ясачнымъ людямъ. Р. *Улсуй* (которой нѣтъ на картахъ) считается однимъ изъ больших правыхъ притоковъ Вишеры. Длина ея теченія до 100 в. [1]). Выше Вишеры, по описанію Чертежа, названа р. *Колва*. Она, составляя правый притокъ р. Вишеры, течетъ въ Чердынскомъ уѣздѣ, на пространствѣ 370 верстъ, изъ коихъ 220 верстъ отъ Усть-Тулпана. Годная для сплава, на 110 верстъ отъ Вишерки она судоходна и служитъ удобнымъ путемъ сообщенія между Чердынью и верховьями Печеры (черезъ Вишерку, Вогулку, Волокъ Печерскій и Волосницу). Торговый путь этотъ извѣстенъ былъ и въ давнюю старину. На Колвѣ встрѣчаются древнія городища: одно при с. Пахчѣ, или правильнѣе, Почхѣ, въ 6 верстахъ отъ Чердыни; другое на 14 верстъ выше, при с. Вильгортѣ; третье — на 20 верстъ выше Вильгортскаго, при с. Искорѣ; четвертое—у Дивьяго Камня, находящагося въ 10 верстахъ отъ с. Ныробскаго, и пятое— въ 5 верстахъ отъ этого села. Въ этихъ городищахъ были находимы восточныя монеты, какъ полагаютъ болгарскія или бывшія въ обращеніи въ Болгарскомъ царствѣ и указывающія на тогдашнюю важность Колвенскаго пути для сношеній Болгарскаго царства съ отдаленнымъ сѣверомъ. Положеніе всѣхъ этихъ городищъ подтверждается и спискомъ населенныхъ мѣстъ. Всѣ вышеприведенныя обстоятельства, вѣроятно, были причиною, что р. Колва занесена въ Книгу Большого Чертежа [2]).

[1]) Геогр. слов. Семенова, I. 421; Спис. нас. м. Пермск. губ., XCVI; Акты Ист., II, 102.

[2]) Геогр. сл. Семенова, II, 685, 686, III, 567; Записки Арх. Общ., VIII, 209, 217, 218; Спис. нас. м. Пермск. губ., № 2285, 2902, 8920 и 8924.

Далѣе въ Книгѣ Бол. Чертежа сказано: „пала подъ Чердынью рѣка *Моложекъ*, а въ Моложекъ пала рѣка *Березова*: протоку Моложека 100 верстъ, а Березовой 40 верстъ". Ни по списку населенныхъ мѣстъ, ни по картамъ (Оперм., Шуб. и Пядыш.) подъ Чердынью нѣтъ рѣки Моложека, имѣющей, по указанію Кн. Б. Ч., довольно значительное теченіе. Что касается до р. Березовой, то по картѣ Опермана есть двѣ рѣчки съ соотвѣтствующими ей названіями: рч. Березовка, впадающая въ Колву съ правой стороны, и другая рч. Березовка же, впадающая съ той же стороны, собственно въ оз. Чусовое, изъ котораго съ другой стороны вытекаетъ рѣка Вишерка, впадающая въ Колву. Нельзя не замѣтить при этомъ, что р. Моложекъ, указанная въ Кн. Б. Ч., впадаетъ „подъ Чердынью", слѣдовательно, въ Колву, хотя это и не означено въ текстѣ Чертежа; а потому можемъ съ вѣроятностью предполагать въ этомъ мѣстѣ Кн. Б. Ч. нерѣдкую неясность и остановиться на томъ, что подъ р. Моложекомъ, и то не подъ Чердынью, слѣдуетъ разумѣть Вишерку, съ впадающею въ нее рѣчкой Березовкой. Можетъ быть, это предположеніе какимъ-либо указаніемъ и подтвердится. Что касается до упоминанія, въ варіантахъ, представляемыхъ нѣкоторыми списками Кн. Б. Ч., что *по тѣмъ рѣкамъ* (Моложеку и Березовой) *живутъ Вогуличи* по лѣсамъ, а селитбы у нихъ нѣтъ", то объ этомъ будетъ упомянуто ниже, въ связи съ другими указаніями объ этомъ племени.

Затѣмъ въ Кн. Б. Ч. говорится о *р. Чусовой*, съ притокомъ ея рѣкой *Серебряною*: „Протоку Чусовыя 320 верстъ, а на ней *градъ Чусовской*" (въ варіантахъ: есть городки Строгановыхъ). Рѣка *Чусовая* беретъ свое начало въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, образуясь изъ двухъ не очень значительныхъ истоковъ, и течетъ сначала на сѣверъ, а потомъ на сѣверо-западъ. Всю длину ея теченія измѣряютъ въ 650 верстъ, а не въ 320 верстъ, какъ это значится въ описаніи Чертежа, такъ что показаніе Кн. Б. Ч. относится почти только до теченія Чусовой по нынѣшнему Пермскому уѣзду, ибо остальное приходится на уѣзды Кунгурскій (100 верстъ), Екатеринбургскій (110 верстъ) и Красноуфимскій (40 верстъ). Она принимаетъ въ себѣ очень много притоковъ, въ числѣ которыхъ находится и р. Серебрянка, названная въ описаніи Чертежа „Серебряною". Она составляетъ правый притокъ Чусовой, беретъ на-

чало изъ горъ Уральскаго хребта, и направляясь къ юго-западу, имѣетъ всего теченія до 120 верстъ. По рѣкѣ Серебрянкѣ въ XVI столѣтіи шелъ Ермакъ на р. Туру. До настоящаго времени на устьѣ р. Кукуя сохранились остатки Ермакова городища, и одинъ изъ острововъ называется Ермаковъ. Названіе рѣки Серебрянкою дано ей, какъ полагаютъ, не по нахожденію здѣсь серебряной руды, а вслѣдствіе прозрачной чистоты воды, объясняемой быстрымъ теченіемъ и твердостью береговъ [1]).

Въ числѣ притоковъ р. Чусовой по Кн. Б. Ч. указана р. *Сылва*, протоку 100 верстъ (въ варіантахъ: на Сылвы *городъ Кунгуръ*). Рѣка эта, начинаясь въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, направляется къ сѣверо-западу, чрезъ уѣзды Красноуфимскій, Кунгурскій и Пермскій и впадаетъ въ Чусовую съ лѣвой стороны. Длина ея приблизительно считается болѣе 400 верстъ, а потому показаніе Кн. Б. Ч. о длинѣ теченія Сылвы, очевидно, невѣрно. Рѣка эта уже въ XVI столѣтіи была окончательно занята Русскими, съ построеніемъ на ней *Сылвенскаго городка*, о которомъ, какъ уже о существующемъ, упоминается въ 1581 году, когда Вогуличи и Остяки напали на Чусовскіе городки и въ томъ числѣ на этотъ городокъ или острожекъ, но были разбиты людьми Строгановыхъ [2]).

Что касается до упоминаемыхъ въ описаніи Чертежа *города Чусовскаго* и *городковъ Строгановыхъ*, то они возникли уже черезъ 10 лѣтъ послѣ появленія Строгановыхъ на Камѣ. Обладая берегами Камы, Строгановы не переставали искать промысловъ и въ другихъ мѣстахъ, имъ пожалованныхъ. Отыскали они промыслы и по р. Чусовой, которая, по заявленію Строгановыхъ, также, какъ и среднее теченіе Камы, оставалась не заселенною и не приносившею царской казнѣ никакихъ доходовъ. Но такъ какъ Строгановы не смѣли безъ царскаго указа занять эти мѣста, то обратились съ просьбой о пожалованіи имъ этихъ земель. Въ 1568 году имъ дана была грамота на всю Чусовую, а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ привиллегіи и льготы, кои были даны Григорію Строганову въ 1558 году, повторены и въ этой грамотѣ. Новопожалованныя земли означены въ

[1]) Геогр. сл. Семенова, IV, 574; Обозр. Перм. губ. при спискѣ нас. мѣстъ, CI; Опис. Пермск. губ. Мозеля, I, 118; Горн. Журн. 1857 г., III, 248, 278.

[2]) Обозр. Пермск. губ. при спискѣ насел. мѣстъ, CLXV; Геогр. сл. Семенова, IV, 812; Пермск. сб., I, 17.

грамотѣ 1568 г. такимъ образомъ: „Отъ Ласвы рѣчки внизъ по рѣкѣ по Камѣ до Чюсовые рѣки, а отъ устья рѣки Чусовые... вверхъ и по другую сторону Чюсовые рѣки съ устья и до вершины и отъ Чусовые рѣки по обѣ стороны Камы рѣки на двадцать верстъ до Ласвинского бору“ (до того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Пермь) [1]. Строгановы тогда же завели промыслы на р. Чусовой и для охраненія ихъ поставили *Чусовскіе городки*; но инородцы едва дали Строгановымъ здѣсь укрѣпиться, какъ начали свои нападенія. Въ 1573 году приходилъ на р. Чусовую сибирскій царевичъ Маметкулъ, который побилъ много народу. Но важнѣйшій набѣгъ былъ сдѣланъ Пелымскимъ княземъ Китехой, который, вмѣстѣ съ Сибирскими, Сылвенскими и Иренскими Татарами и Остяками, Вогуличами, Вотяками и Башкирами, въ 1581 году внесъ опустошеніе въ Пермскій край до самаго Кайгорода [2]. *Городковъ Чусовскихъ* было два, и оба они были закрыты около 1783 года по слабости ихъ разсола. Одинъ городокъ стоялъ на правомъ берегу р. Чусовой и рч. Усолка, гдѣ показанъ и на картѣ. Этотъ городокъ въ спискѣ населенныхъ мѣстъ показанъ подъ названіемъ „Верхняго Чусовскаго городка“, въ разстояніи 100 верстъ отъ Перми; другой городокъ находился на лѣвомъ берегу Чусовой, подъ названіемъ „Нижняго Чусовскаго городка“, въ разстояніи также 100 верстъ отъ Перми. Въ Чусовскихъ городкахъ и ихъ окрестностяхъ по временамъ находили не только древнія монеты, но и небольшихъ языческихъ болвановъ. Въ 124 верстахъ отъ Перми, при разрываніи земли подъ постройку дер. Верейки по р. Чусовой, попадались остовы людей, опоясанныхъ кожаными ремнями съ серебряными пряжками, и другія вещи, принадлежавшія женскому полу [3].

Обращаясь еще къ р. Сылвѣ, остановимся на упоминаніи Кн. Б. Ч. (въ варіантахъ) о *городѣ Кунгурѣ*. Городъ этотъ былъ основанъ только въ 1649 году, въ 17 верстахъ отъ нынѣшняго его мѣстонахожденія, вверхъ по теченію рч. Кунгурки, тамъ, гдѣ нынѣ село Старый Посадъ, указываемое въ Осинскомъ уѣздѣ. По спискамъ, село Троицкое или Старый Посадъ показано не на рч. Кунгуркѣ

[1]) Пермск. сб., I, 15, примѣч. 39; Дополн. къ Акт. Истор., I, 119.

[2]) Пермск. сб., I, 17; Доп. къ Акт. Истор., I, 128 и 173.

[3]) Спис. нас. Пермск. губ., №№ 322, 325, 487; Обозр. Пермск. губ. при спискѣ, CXVII.

а на Ирени, въ 97 верстахъ отъ города Осы. Съ этимъ согласно и указаніе картъ Опермана (XVII), гдѣ село Троицкое означено также по р. Ирени (на правомъ ея берегу), недалеко отъ устья рч. Кунгурки, составляющей притокъ Ирени. Городъ построенъ по просьбѣ первыхъ поселенцевъ изъ Вятки, Чердыни, Соликамска, Кайгорода, Сольвычегодска и Устюга, купившихъ землю у Иренскихъ Татаръ. Изъ писцовыхъ книгъ 1623 и 1624 годовъ видно, что земля, на которой былъ построенъ Кунгуръ, издавна принадлежала Иренскимъ Татарамъ, за которыми она была утверждена въ царствованіе Михаила Өедоровича. Около 1648 года начали появляться въ тѣхъ мѣстахъ переселенцы названныхъ городовъ. Въ 1651 и 1653 годахъ земли, пріобрѣтенныя ими отъ Татаръ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, были утверждены за ними. Но новый этотъ городъ или острогъ вскорѣ пострадалъ отъ непріязненныхъ сосѣдей. Возмутившіеся въ 1662 году Башкиры, соединившись съ Иренскими Татарами, не только истребили всѣ русскія поселенія, заведенныя тамъ между татарскими селеніями и по близости къ башкирскимъ, но взяли приступомъ и самый острогъ Кунгурскій, уничтоживъ большую часть его жителей. Только немногіе изъ посадскихъ людей и крестьянъ успѣли спастись въ лѣсахъ и пещерахъ, окружающихъ берега Ирени и Сылвы. По просьбѣ жителей, спасшихся отъ конечнаго разоренія, въ 1663 году повелѣно было указомъ царя Алексѣя Михайловича отыскать удобное мѣсто для возобновленія Кунгурскаго острога, и для того была избрана возвышенная мѣстность при впаденіи Ирени въ Сылву, гдѣ тогда стояло село Мысъ или Носовское. Здѣсь была построена въ 1664 году новая крѣпость, которая въ 1673 году перенесена была опять на иное мѣсто, на самый высокій пунктъ берега, нынѣшнее мѣсто Кунгура. Крѣпость эта была деревянная и имѣла видъ четырехугольника, въ вышину до 3-хъ сажень, съ бойницами. На крѣпости было 8 башень и изъ нихъ двѣ съ проѣздными воротами. Въ окружности крѣпость имѣла до 323 сажень. Все укрѣпленіе было построено посадскими людьми и крестьянами. Для удержанія постояннаго населенія, въ 1693 году повелѣно было жителямъ изъ разныхъ мѣстъ остаться въ Кунгурѣ, не возвращаясь въ прежнія мѣста жительства. Для большей безопасности отъ внезапныхъ нападеній, въ 1698 году кунгурскіе жители обнесли

крѣпость землянымъ валомъ въ 660 сажень въ окружности. Кромѣ этого вала, во многихъ мѣстахъ уже уничтожившагося, нынѣ замѣтны у Кунгура остатки другого вала, окружавшаго городъ съ восточной стороны и насыпаннаго, вѣроятно, въ 1774 году, во время Пугачевщины. Несомнѣннымъ кажется, что упоминаніе о Кунгурѣ внесено въ текстъ Чертежа между 1649 и 1662 годами, когда онъ былъ построенъ и черезъ 13 лѣтъ разоренъ возмутившимися инородцами. Этимъ устраняется замѣчаніе Г. И. Спасскаго, что такъ какъ Кунгуръ сдѣлался городомъ въ 1648 году, то въ Кн. Б. Ч. онъ былъ внесенъ самопроизвольно [1]).

Въ восточной части Пермской губерніи упоминаются по описанію Чертежа, только рр. *Тура* и *Тага*, въ нее впадающая. *Тура* беретъ начало близъ истоковъ р. Серебрянки въ дебряхъ Уральскаго хребта. Она изливается въ р. Тоболъ по направленію къ юго-востоку. Въ предѣлахъ Пермской губерніи ея теченіе составляетъ до 270 верстъ. Подъ *Тагой* надобно разумѣть р. Тагиль, которая вытекаетъ изъ Екатеринбургскаго уѣзда, и уклоняясь къ сѣверо-востоку, впадаетъ въ Туру близъ границъ Тобольской губерніи. Все теченіе ея по Екатеринбургскому и Верхотурскому уѣздамъ составляетъ до 250 верстъ, изъ коихъ только 35 верстъ принадлежатъ Екатеринбургскому уѣзду. Обѣ онѣ показаны на всѣхъ картахъ [2]).

По Кн. Б. Ч. показанъ „на Турѣ *градъ Верхотурье*". Устройству этого города предшествовало упроченіе за Русскими завоеваннаго Верхотурскаго края послѣ московскаго похода 1472 года. Тогда здѣсь обитали Остяки и Вогулы, а на мѣстѣ Верхотурья стоялъ вогульскій городъ *Нжомщуръ*, называемый по зырянски *Перомъ-Кара* и стоявшій на рч. Неромнѣ, впадающей вблизи нынѣшняго города въ Туру. Городъ Нжомщуръ былъ ни что иное, какъ юрты вогульскія, обнесенныя валомъ [3]). Только въ 1589 году въ Зауральѣ былъ построенъ первый *городокъ* на р. Лозвѣ, названный *Лозвин-*

[1]) Геогр. сл. Семенова, II, 833; Городск. посел., III, 658; Матер. для статистики 1839 г.; Книга Бол. Черт. Спасскаго, стр. 146; Спис. нас. м. Пермск. губ., № 3991.

[2]) Обозрѣніе Пермск. губ. при спискѣ, CVII.

[3]) Истор. обозр. Сибири Словцова, II, 67, прим. 2; Гор. посел., III, 655; Описаніе г. Верхотурья игум. Макарія въ Вѣст. Г. Общ. 1854 г., X, стр. 3—4.

скимъ. Его строилъ воевода Иванъ Григорьевичъ Ногай, но городокъ этотъ въ непродолжительномъ времени былъ уничтоженъ, и часть жителей его была переведена въ Верхотурье. Это выселеніе, какъ видно изъ актовъ, продолжалось и позднѣе: въ 1599 году велѣно было „церковныхъ старостъ и ихъ служительскихъ людей въ Лозвы (то-есть, изъ Лозвинскаго острога) перевести въ *новый* Верхотурскій городъ". Устройство этого города началось не ранѣе 1593 года, когда, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, для обезпеченія новой такъ-называемой Бабиновской дороги изъ Соликамска въ Сибирь, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ проходила эта дорога, въ верховьяхъ Туры поставленъ былъ острогъ или крѣпость, названная *Верхотурьемъ* или *Верхотурскимъ острогомъ*; подъ этимъ названіемъ острогъ былъ извѣстенъ еще въ началѣ XVI вѣка (въ 1607 году), какъ видно изъ актовъ. Это было самое крайнее поселеніе на рубежѣ Пермской земли, и оно постоянно обращало на себя заботливость тогдашняго правительства, какъ это видно изъ послѣдующихъ распоряженій. Въ 1599 году верхотурскимъ торговымъ людямъ, царскою грамотой, данною верхотурскому воеводѣ Головину, велѣно было отвести угодья на р. Косвѣ, отдѣльно отъ Вогуличей, и позволено „тою Косвою рѣкою владѣти, и по той Косвѣ рѣкѣ сѣно косити, и рыбу и звѣрей ловити, и всякими угодьями владѣти". Въ 1603 году на Верхотурьѣ соловару Ворошилкѣ Власьеву позволено... „на рѣкѣ на Неглѣ въ *Верхотурскомъ уѣздѣ* соляной росолъ сыскивати и соль варити". Въ томъ же году верхотурскому воеводѣ Львову велѣно поселить русскихъ плотниковъ въ вогульскія юрты для постройки судовъ, по поводу тогда начинавшагося судоходства по р. Турѣ. Привлекались различными мѣрами въ Верхотурьѣ и инородцы: въ 1603 году дозволено было *новокрещеныхъ Вогуловъ* верстать въ стрѣльцы и выдавать имъ жалованье; въ 1606 году Остякамъ, жившимъ на рѣкахъ Сылвѣ и Ирени, дозволено свободно торговать въ городѣ и привозить туда свой ясакъ. Таможня тамъ была учреждена еще въ 1601 году. Въ Верхотурье выселялись изъ разныхъ мѣстъ служилые и посадскіе люди, пашенные крестьяне, сельскіе охотники, боярскіе дѣти, о чемъ встрѣчается упоминаніе въ актахъ даже и подъ 1625 годомъ [1]).

[1]) Геогр. сл. Семенова, III, 439, IV, 28; Гор. посел., III, 635; Акты истор., II, 3, 24, 26, 39, 51—57, 77, III, 166, 226; Доп. къ акт. истор., I, 264.

Въ 1604 году, какъ видно изъ грамоты верхотурскому воеводѣ Плещееву, былъ устроенъ Верхотурскій *Никольскій монастырь*: „Билъ намъ челомъ", говорится въ этой грамотѣ, — „черный попъ Іона, а сказалъ: обѣтенъ де онъ устроити въ Верхотурьѣ монастырь во имя святаго чудотворца Николы и святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба... и храмы воздвигнулъ, а на совершенье де ему лѣсу и тесу взяти негдѣ". Кромѣ этого монастыря, подъ 1621 годомъ въ Верхотурьѣ упоминаются еще два: *Покровскій* женскій—въ самомъ городѣ и *Введенскій*—въ 2 верстахъ отъ города. Что касается до крѣпости Верхотурской, то въ началѣ XVII вѣка она не имѣла удовлетворительнаго устройства. Около того времени верхотурскій воевода князь Пожарскій писалъ въ Москву, что „на острогѣ и на башняхъ наряду никакого нѣтъ... а острогъ весь сгнилъ, во многихъ мѣстахъ повалился", и потому въ 1623 году велѣно было поставить *новый* острогъ. Вообще, городъ сталъ укрѣпляться и обстраиваться не ранѣе, какъ послѣ 1698 года [1]).

Нельзя не упомянуть здѣсь о довольно значительныхъ притокахъ рѣки Туры — Лозвѣ и Сосвѣ, кои не упомянуты въ текстѣ Чертежа. Обѣ эти рѣки уже исторически намъ извѣстны.

Лозва рѣка—одна изъ двухъ составныхъ вѣтвей р. Тавды. Она вытекаетъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ изъ восточныхъ склоновъ Урала, противъ истоковъ р. Печеры, и имѣетъ всего теченія до 400 верстъ приблизительно. Изъ этого количества 100 верстъ принадлежатъ теченію ея въ Березовскомъ уѣздѣ и до 100 верстъ Туринскому уѣзду (Тобольской губ.), а остальное—Верхотурскому уѣзду. Рѣка эта, какъ замѣчено выше, исторически становится извѣстною уже въ концѣ XVI вѣка [2]).

Сосва рѣка или южная Сосва (въ отличіе отъ сѣверной, въ предѣлахъ Тобольской губ.) вытекаетъ изъ болотистыхъ лѣсовъ Уральскаго хребта, имѣя главное направленіе къ юго-востоку, и послѣ 250 верстнаго теченія по Верхотурскому уѣзду, уходитъ въ Тобольскую губернію, гдѣ, соединясь съ Лозвой, образуетъ общее русло р. Тавды.

[1]) Хоз. опис. Пермск. губ. Попова, III, 306, 513; Акты ист., II, 59, III, 224.

[2]) Геогр. слов. Семенова, III, 83; Опис. Пермск. губ. Мозеля, I, 92.

Этимъ исчерпываются всѣ показанія Кн. Б. Ч., относящіяся до Пермской губерніи. Изъ историческаго обзора упомянутыхъ въ ней пунктовъ видно, что извѣстность ихъ почти всѣхъ, исключая Чердыни и Соликамска, относится ко второй половинѣ XVI вѣка, а нѣкоторыхъ даже только къ первой половинѣ XVII вѣка.

Но затѣмъ нельзя не остановиться на многихъ историческихъ данныхъ, кои, свидѣтельствуя о постепенной колонизаціи этого края Русскими, почему-то не вошли въ описаніе Чертежа. Такимъ образомъ, припоминая эпоху паденія Новгорода — 1472 годъ, мы встрѣчаемъ въ томъ году, въ предѣлахъ нынѣшняго Чердынскаго уѣзда, нѣсколько мѣстностей, извѣстныхъ уже въ XV вѣкѣ.

Изъ лѣтописи видно, что, въ 1472 году „пріиде вѣсть великому князю изъ Перми, что воевода его князь Өедоръ Пестрый „землю Пермскую взялъ, а которые великому князю грубили, тѣхъ всѣхъ поймалъ". Князь Пестрый, разбивъ пермскую рать на устьѣ Почки рѣки, впадающей въ Колву, въ 5 верстахъ отъ Чердыни, заложилъ городокъ подъ названіемъ *Покчи*. Это было первое укрѣпленіе Русскихъ въ Чердынскомъ краѣ. Нынѣ городокъ Покча соотвѣтствуетъ сел. Покчинскому (Оперм. XVI), въ спискѣ населенныхъ мѣстъ показанному подъ тѣмъ же названіемъ [1]).

Въ томъ же 1472 году товарищъ князя Пестраго, воевода Гаврило Нелидовъ, овладѣлъ пермскимъ городкомъ *Уросомъ*, а потомъ и Чердынью, при чемъ взялъ въ плѣнъ Пермскаго князя Михаила, уже находившагося въ зависимости отъ Москвы и бывшаго христіаниномъ.

Искоръ былъ третимъ пермскимъ городкомъ, который, въ томъ же году, былъ взятъ княземъ Пестрымъ и разоренъ вмѣстѣ съ другими (на мѣстѣ ихъ остались только городища). Мѣстоположеніе *Уроса* указывается (Оперм. XVI) подъ названіемъ Верхняго Урола и Нижняго Урола. По списку населенныхъ мѣстъ с. Уросъ лежитъ при рч. Челвѣ, въ 10 верстахъ отъ Чердыни. Что касается до *Искора*, то на картѣ Опермана (XVI) онъ показанъ подъ названіемъ Искорскаго, а по списку населенныхъ мѣстъ подъ названіемъ с. Искора, при рѣчкѣ Искоркѣ, въ 30 верстахъ отъ Чердыни [2]).

[1]) Пол. соб. лѣтоп., IV, 133; Спис. нас. м. Пермск. губ., № 8835.

[2]) Обозр. Пермск. губ. при сп. нас. м., CILV; Ист. Карамзина, IV, 50, пр. 73; Спис. нас. м. Пермск. губ., № 8841, 8920.

Въ предѣлахъ Соликамскаго уѣзда не упомянута въ Кн. Б. Ч. р. *Ласва*, которая становится исторически извѣстною съ 1558 г., когда она отдана была во владѣніе Строгановыхъ. Она до того оставалась пустынною, какъ то видно выше по выпискѣ изъ грамоты царя Ивана Васильевича Грознаго. Близь нея, на р. Камѣ, Строгановы поставили городокъ Конкоръ. Рѣка показана на картѣ Опермана (XVI); длина ея теченія, какъ полагаютъ, не превышаетъ 40 верстъ [1]).

Верхъязвинскій (Богородицкій, Успенскій) *монастырь* слѣдуетъ искать въ Соликамскомъ уѣздѣ, тамъ, гдѣ былъ потомъ гор. Обвинскъ, на горномъ берегу р. Язвы, отъ коей монастырь получилъ и названіе свое. Хотя въ Исторіи Церк. Іерархіи устройство этого монастыря отнесено къ 1626 году, но въ 1624 году, по писцовымъ книгамъ Михаила Койсарова, записано: „На рѣкѣ на Яйвѣ (не на Язвѣ-ли?) *монастырь новая пустыня*, а въ ней храмъ Введенія пресвятыя Богородицы,.. поставленья государя царя великаго князя Михаила Θеодоровича всея Россіи, бояръ князя И. Б. Черкасскаго да Θ. Ив. Шереметева, а образы и книги и колокола и всякое церковное строенье въ сей пустыни боярина И. Н. Романова". Полагаютъ, что эта пустынь находилась въ одномъ изъ селъ Язвинскихъ, нынѣшняго Соликамскаго уѣзда. Верхязвинскія есть два селенія въ Соликамскомъ уѣздѣ: Верхязвинское, въ 210 верстахъ, и того же названія село въ 215 верстахъ отъ Соликамска при р. Язвѣ. Первое изъ нихъ и было монастырское. При упраздненіи этого монастыря въ 1764 г. при немъ считалось 563 души крестьянъ села Верхязвинскаго, и изъ него былъ учрежденъ городъ Обвинскъ, позже снова обращенный въ село Верхязвинское, по списку населенныхъ мѣстъ показанное въ 210 верстахъ отъ Соликамска. Подъ тѣмъ же названіемъ означено оно и на картѣ Опермана (XVI) [2]).

Въ Оханскомъ уѣздѣ также встрѣчается нѣсколько мѣстностей, имѣющихъ историческое значеніе.

Охань—селеніе, стоявшее на мѣстѣ нынѣшняго города Оханска.

[1]) Обозр. Пермск. губ. при сп. нас. м., LVII, XCIII.

[2]) Истор. церк. іерарх. III, 536; Геогр. сл. Семенова, III, 577; Спис. нас. м. № 8509, 8513; Журн. Мин. Нар. Просв. 1857 г., № 2, ст. Саввантова, стр. 243, прим.

Оно было основано Строгановыми, вѣроятно, въ началѣ XVI столѣтія вскорѣ послѣ построенія Очерскаго острога и оставалось за Строгановыми даже до конца XVII вѣка, такъ какъ извѣстно, что въ 1663 году здѣсь производилась рыбная ловля, принадлежавшая Строгановымъ. Замѣчаютъ, что и самое названіе селенія (Охань) на языкѣ Пермяковъ означаетъ сѣть. Населеніе Охани увеличилось съ основаніемъ тутъ Богородицко-Успенской пустыни, которой Строгановы уступили Оханскую землю съ жившими на ней крестьянами. Не извѣстно, когда эта обитель возникла въ Охани—вѣроятно, въ концѣ XVII вѣка; въ 1747 году она была обновлена построеніемъ вокругъ нея каменной стѣны вмѣсто деревянной, а въ 1764 году была упразднена, и крестьяне села Охани приписаны были къ вѣдомству коллегіи государственной экономіи, въ которомъ и оставались до учрежденія города Оханска [1]).

Къ одному времени съ селомъ Оханью относятся и свѣдѣнія Кн. Б. Ч. объ *Очерскомъ острогѣ* и рѣкахъ *Ласвѣ*, *Нытвѣ*, *Созьвѣ*, *Очерѣ* и *Ашапѣ*, впадающихъ въ р: Каму съ правой стороны въ предѣлахъ Оханскаго уѣзда. Въ 1597 году Строгановы получили грамоту отъ царя Ѳеодора Іоанновича, въ которой, между прочимъ, сказано: „Ниже Перми Великой (Чердыни)... по Камѣ рѣкѣ полтретя ста верстъ отъ *Ласвы* рѣки внизъ по Камѣ по правой сторонѣ до рѣчки до Ошапу и въ той межѣ въ Каму рѣку по обѣ стороны рѣчки впали: *Сюзва*, да *Нытва*, да *Югъ*, да *Очеръ*, да *Ошапъ*... и иныя малыя рѣчки дикія... берега пустые и лѣса дикіе и *селища Чуцкія*“ [2]). Р. *Ласва* вся принадлежитъ Оханскому уѣзду, имѣя теченія до 60 верстъ; *Сюзва* рѣка, въ томъ же уѣздѣ, протекаетъ съ двумя своими притоками на разстояніи 50 верстъ; *Нытва* рѣка, съ притоками течетъ въ этомъ уѣздѣ тоже всего около 50 верстъ; *Очеръ* рѣка, длиннѣйшая изъ нихъ, течетъ въ Оханскомъ уѣздѣ на пространствѣ 80 верстъ; *Юга* рѣки ни на картѣ Опермана, ни въ спискѣ населенныхъ мѣстъ нѣтъ; о рѣкѣ *Ошапѣ* или *Ашапѣ* также не говорится въ описаніяхъ, но она означена на картѣ Опермана (XVII). Если принять

[1]) Хоз. опис. Пермск. губ. Попова, III, 70, 194; Геогр. сл. Семенова, 111, 723; Ист. церк. іерарх. III, 192.

[2]) Имен. люди Строгоновы Устрялова, стр. 43.

во вниманіе, что въ среднемъ теченіи Камы и нѣкоторые незначительные ея притоки вошли въ описаніе Чертежа, то и рѣки, названныя выше, имѣющія тоже историческое значеніе по отношенію къ промышленной дѣятельности Строгановыхъ, могли бы быть внесены въ Чертежъ.

Не вошелъ въ текстъ Чертежа и *Очерскій острогъ*, возникшій въ 1597 году; онъ показанъ подъ тѣмъ же названіемъ на картѣ Опермана (XVII). Что касается до Чудскихъ селищъ, упоминаемыхъ въ грамотѣ 1597 года, то для пріуроченія ихъ въ Оханскомъ уѣздѣ можно имѣть въ виду городища около Очерскаго острога, въ недальнихъ разстояніяхъ—по рр. Очерѣ и Усть-Бубѣ [1]).

Не внесена въ текстъ Чертежа и р. *Обва*, правый притокъ Камы, которая уже по одной значительности своей могла бы въ немъ имѣть мѣсто. Она течетъ на пространствѣ 200 верстъ черезъ уѣзды Оханскій, Соликамскій и Пермскій, имѣя нѣсколько довольно значительныхъ притоковъ. По берегамъ ея много городищъ и кургановъ [2]).

Въ Верхотурскомъ уѣздѣ есть село Невьянское Монастырское (Оперм., XXII), въ верховьяхъ р. Нейвы, близь границъ этого уѣзда съ Екатеринбургскимъ, въ 120 верстахъ отъ Верхотурья. При немъ былъ монастырь, который, по времени своего основанія, могъ бы быть занесенъ въ описаніе Чертежа. Основаніе *Невьянскаго* Богословскаго *монастыря* относятъ къ XVI вѣку, когда тамъ появились впервые русскіе поселенцы. По просьбѣ ихъ Тобольскій архіепископъ Кипріанъ основалъ монастырь и прислалъ туда настоятелемъ іеромонаха Христофора. При упраздненіи этого монастыря въ 1764 году, за нимъ считалось до 657 душъ крестьянъ [3]).

Въ предѣлахъ Ирбитскаго уѣзда не помѣщена въ текстѣ Чертежа *Ирбитская слобода*, потомъ обращенная въ городъ Ирбитъ. Когда, въ 1597 г., вмѣсто прежней дороги черезъ Соликамскъ на Березовъ въ Сибирь, была проложена дорога изъ Соликамска на Верхотурье, Тюмень и Тобольскъ, на этомъ новомъ пути возникла слобо-

[1]) Обозр. Пермск. губ. при спис. нас. м., XCIV, CXLIII и CLXII; Пермск. сб. II, 22; Сп. нас. м. Пермск. губ., № 4477.

[2]) Обозр. Пермск. губ. при сп. н. м., XCIV; Словарь Семенова, III, 577.

[3]) Ист. церк. іерарх., V, 141, 142; Спис. нас. м. Пермск. губ., № 1860.

да Ирбитская и мало по малу сдѣлалась для окрестныхъ жителей обычнымъ мѣстомъ для торговыхъ съѣздовъ. Первыми насельниками этого мѣста однакожь считаютъ Татаръ, которые до сихъ поръ называютъ г. Ирбитъ Ирбейскимъ. Торжки въ слободѣ Ирбитской, вскорѣ установившіеся, были причиной того, что въ 1643 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ учредить въ слободѣ ярмарку. Въ то же время слобода обнесена была палисадомъ съ двумя воротами. Отъ этихъ укрѣпленій не осталось нынѣ и слѣда [1]).

Не упомянута въ описаніи Чертежа и р. *Нейва*, составляющая правый притокъ Туры. Рѣка беретъ начало въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, на восточномъ склонѣ Уральскихъ горъ, и принадлежитъ верхнимъ теченіемъ своимъ уѣзду Верхотурскому, а потомъ уѣзду Ирбитскому, до соединенія ея съ р. Режемъ, послѣ чего принимаетъ названіе Ницы. Длина извилистаго теченія ея считается до 250 верстъ [2]).

Въ предѣлахъ Камышловскаго уѣзда въ Кн. Б. Ч. также могла бы быть упомянута *Камышловская слобода*, основанная въ 1667 году и впослѣдствіи обращенная въ городъ,—такъ какъ послѣднее дополненіе Чертежа было сдѣлано въ 1680 году.

Шадринскій уѣздъ, кромѣ многихъ кургановъ и чудскихъ могилъ (въ 6 верстахъ отъ Далматова), также представляетъ нѣкоторые пункты, не вошедшіе въ описаніе Чертежа. Такъ *Шадринская слобода*, стоявшая на мѣстѣ нынѣшняго города Шадринска, упоминается въ одной „памяти", писанной изъ Тобольска. Названіе свое она получила, какъ думаютъ, отъ залива р. Исети, называемаго Шадринскою Курьей (Курья Шадриха), при которой она построена [3]).

Первоначальное мѣсто г. *Далматова* принадлежитъ монастырю, извѣстному подъ названіемъ Далматовскаго. Первымъ поселенцемъ былъ здѣсь инокъ Далматъ, пришедшій на берега р. Исети въ 1644 году и ископавшій себѣ пещеру на Бѣломъ городищѣ, которое тогда принадлежало Тюменскому Татарину Илячею Магметову. Недовольный появленіемъ инока на его землѣ, Татаринъ вознамѣ-

[1]) Город. посел., III, 645, 648; Геогр. сл. Семенова, II, 346.

[2]) Геогр. сл. Семенова, III, 412.

[3]) Зап. Имп. Археол. Общ., VIII, 216; Пермск. сб., I, 30; Гор. посел., III, 674.

рился разорить его пещеру и убить самого Далмата, но чудное явленіе Божіей Матери отклонило Иличея отъ его намѣренія, и онъ въ 1646 году отдалъ Далмату въ полное владѣніе всю свою прiисетскую землю. Далматъ, избравъ мѣсто для своего монастыря, сначала поставилъ деревянную часовню, а удобства жилья вскорѣ привлекли сюда многихъ поселенцевъ, которые и основали вблизи деревню. Въ 1672 году Далматовъ монастырь имѣлъ уже особую монастырскую вотчину. Позднѣе, уже огражденный каменною стѣною, монастырь пострадалъ отъ набѣга мятежниковъ [1]).

Не вошла въ описаніе Чертежа и р. *Исеть*, которая беретъ начало въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ изъ озера Исетскаго и протекаетъ черезъ уѣзды Камышловскій и Шадринскій. Всего ея теченія до 300 верстъ [2]). По длинѣ ея теченія пропускъ Исети въ Кн. Б. Ч. объяснить можно только вообще *не полнотой* описанія восточной половины нынѣшней Пермской губерніи.

Въ Осинскомъ уѣздѣ по описанію Чертежа не упоминается о *Новоникольской Осинской слободѣ*, обращенной впослѣдствіи въ городъ Осу. Мѣстность эта становится извѣстною еще во времена Іоанна Грознаго, когда тамъ на такъ-называемомъ „Осиновомъ городищѣ“ заведена была Новоникольская слобода. При царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ она получила уже значеніе пригорода, и грамотой Ѳеодора, за приписью дьяка Андрея Щелкалова, въ 1596 г. дозволено было тамъ поселиться выходцамъ изъ Калуги, Устюга, Усолья и Кайгорода въ числѣ 84 человѣкъ. Переселенцы эти были уволены отъ платежа всѣхъ государственныхъ податей на 5 лѣтъ. Оса, подъ названіемъ *слободы*, упоминается въ грамотахъ, данныхъ Строгановымъ въ 1615 году [3]).

Пермскій уѣздъ, обильный городищами и курганами, могъ быть извѣстенъ составителемъ Чертежа только по отношенію къ мѣстности нынѣшняго города Перми. Мѣстность эта становится извѣстною въ концѣ XVI вѣка, когда Строгановы поставили здѣсь

[1]) Обозр. Пермск. губ. при сп. н. м., CLXXI; Гор. пос., III, 678.

[2]) Геогр. сл. Семенова, II, 364, III, 577.

[3]) Хоз. опис. Пермск. губ. Попова, III, 198; Матер. для стат. Р. Имп., изд. М. Вн. Дѣлъ, 1839 г., II, 8.

деревню *Брюханову* или *Брюшинскую*. Еще въ грамотѣ 1568 года окрестности нынѣшняго города упоминаются подъ названіемъ Ласвенскаго бора. О мѣстности города Перми упоминается въ житіи преподобнаго Трифона, когда онъ, послѣ 1565 года, изъ обители Пыскорской приплылъ по Камѣ къ устью рѣчки Мулянки, что близь нынѣшняго города Перми, и тамъ поселился. Мѣсто это было занято идольскимъ мольбищемъ Остяковъ и Вогуловъ. Инородцы не разъ покушались прогнать Трифона съ этого мѣста, но силой убѣжденій пустынника многіе изъ нихъ сами приняли христіанство. Изъ писцовыхъ книгъ 1624 года видно, что въ селеніяхъ Верхніе и Нижніе Мулы была часовня, построенная крестившимися у пр. Трифона инородцами [1]).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію указаній Кк. Б. Ч. *по р. Вяткѣ* и ея притокамъ, въ предѣлахъ Вятской губерніи.

2. Рѣка Вятка.

Рѣка Вятка пала въ рѣку Каму съ правой страны, а вытекла рѣка Вятка отъ верху рѣки Камы и потекла подъ Вятскіе грады. На Вяткѣ градъ Шестаковъ. А ниже Шестакова 20 верстъ градъ Слобода. Отъ слободы 30 верстъ градъ Хлыновъ (въ варіантахъ прибавлено: *тутъ живетъ владыка Вятской... а по Вяткѣ рѣкѣ по Котельничъ съ верху градъ Вятка*). *Ниже Хлынова 50 верстъ градъ Орловецъ. Ниже Орловца 30 верстъ на Вяткѣ градъ Котельничъ. А протоку рѣки Вятки отъ верху града Котельнича* (въ варіантахъ: *до города Котельнича) 550 верстъ. А отъ Котельнича прямо, а не рѣкою до устья рѣки Вятки, гдѣ пала въ Каму, 500 верстъ. А Вятка пала въ Каму ниже Чертова града* (въ варіантахъ: *Чертова городища) 40 верстъ.*

А отъ устья рѣки Вятки 120 верстъ, на Вяткѣ градъ Малмышъ (въ варіантахъ неправильно: *Калмыжъ), а выше града Малмыша пала въ Вятку рѣка Шошма.*

А ниже Чебаксаръ пала въ Волгу рѣка Большая Кокшага..... А въ верхъ по Большой Кокшагѣ 120 верстъ градъ Царевъ-Санчурской, а противъ града, на другой странѣ рѣки Кокшаги

[1]) Обозр. Пермск. губ. при сп. нас. м., CXLVII; Городск. пос., III, 630; Ж. М. Н. Пр., 1857 г., февраль, 250; Русск. Свят., окт., 2.

езеро Санчурское; а рѣки Кокшаги протоку 170 верстъ. А ниже большія Кокшаги 20 верстъ пала въ Волгу рѣка меньшая Кокшага, а въ верхъ по Кокшагѣ 60 верстъ градъ Царевъ-Санчурской: протоку Кокшаги рѣки 170 верстъ.

Течетъ (Ветлуга) *отъ Моломы рѣки* (въ нѣкоторыхъ спискахъ словъ: *течетъ отъ Маломы рѣки* нѣтъ; но по другимъ спискамъ, вмѣсто того помѣщено слѣдующее: *переѣхавъ Волгу, противъ Юнги и мимо устья рѣки Ветлуги, дорога сухимъ путемъ до Царево-Санчурска, отъ Царево-Санчурска на Еранска, отъ Еранеска до Котельнича, отъ Котельнича до Орлова, отъ Орлова до Хлынова, отъ Хлынова до Слободскаго, отъ Слободскаго до Всѣхъ Святыхъ, отъ Всѣхъ Святыхъ до Екатерининской пустыни, отъ пустыни до Георгія, отъ Георгія до Кай-городка*) [1]).

Начнемъ съ рѣки Вятки, внизъ по ея теченію.

„Вытекла рѣка Вятка отъ верху рѣки Камы и потекла подъ *Вятскіе грады*... А протоку рѣки Вятки отъ верху града Котельнича (правильнѣе, какъ въ варіантахъ: отъ верху *до* града Котельнича) 550 верстъ. А отъ Котельнича *прямо*, а *не рѣкою*, до устья рѣки Вятки, гдѣ пала въ Каму, 500 верстъ". Рѣка Вятка составляетъ правый притокъ Камы. Она вытекаетъ изъ болотъ Глазовскаго уѣзда, въ разстояніи 60 верстъ отъ истоковъ Камы: этимъ достаточно объясняется довольно точное выраженіе, употребляемое въ Кн. Б. Ч.: „вытекла рѣка Вятка *отъ верху рѣки Камы*". Р. Вятка извилистымъ своимъ теченіемъ, съ сѣвера на юго-западъ и потомъ на югъ, протекаетъ чрезъ уѣзды Глазовскій, Слободской, Вятскій, Орловскій, Котельничскій, Нолинскій, Уржумскій и Малмыжскій и уходитъ въ Казанскую губернію. Длина ея теченія, не приведенная въ точную извѣстность, приблизительно измѣряется въ 1000 верстъ; слѣдовательно, довольно согласно съ показаніемъ Кн. Б. Ч.—„отъ верху до града Котельнича 550 верстъ и „отъ Котельнича до устья рѣки Вятки 500 верстъ", съ тою только разницей, что отъ Котельнича до устья рѣки Вятки длина ея, по Чертежу, измѣряется „прямо, а не рѣкою", а потому дѣйствительная длина должна быть болѣе 1000 верстъ [2]).

Что касается до выраженія Кн. Б. Ч.: „а потекла Вятка *подъ*

[1]) Кн. Б. Ч., 148, 149, 142, 141.

[2]) Геогр. Сл. Семенова, I, 591; Обозр. Вятск. губ. при сп. нас. м., V.

Вятскіе грады", то оно относится къ тѣмъ стоящимъ на Вяткѣ городамъ, которые названы въ текстѣ Чертежа (Кайгородъ, Шестаковъ, Слобода, Хлыновъ, Котельничъ, Малмыжъ).

Отъ истоковъ р. Вятки, внизъ по теченію, первое указаніе по тексту Чертежа относится къ *городу Шестакову*. Основаніе его приписываютъ Новгородцамъ, во времена великокняженія Георгія Даниловича Московскаго, около 1325 года, когда новгородскіе выходцы (собственно Устюжане и Двиняне), пройдя по р. Вычегдѣ, пробрались въ р. Летку (притокъ р. Вятки съ правой ея стороны) и при устьѣ ея поставили городокъ, названный Шестаковымъ. Нѣкоторые приписываютъ начало его Вятчанамъ. Это было уже не первое поселеніе Новгородцевъ на р. Вяткѣ и вызвано было именно тѣмъ, что берега р. Вятки, извѣстные Славянамъ съ конца XII вѣка, въ то время уже начали привлекать къ себѣ переселенцевъ. Почти за цѣлые два вѣка не извѣстно состояніе этого городка, ибо упоминаніе о немъ встрѣчается только подъ 1546 годомъ, когда по грамотѣ царя Ивана Васильевича Шестаковцы были освобождены отъ платежа мыта Слободскому намѣстнику, потому что они жаловались на свою несостоятельность, и какъ писалъ царю подьячій Хомякъ,—„поставили себѣ городокъ на Шестаковѣ, собою опричь слобожанъ; а ставили... Шестаковской городокъ *деньги заимуючи*"... Изъ этой грамоты видно, что городъ Шестаковъ тогда назывался *Слободскимъ верхнимъ*, въ отличіе отъ Слободскаго нижняго (Слободы), стоявшаго при впаденіи р. Холуницы въ Вятку. Въ писцовыхъ книгахъ Аѳанасія Толоченова да подьячаго Андрея Яковлева, 1627 года, сохранилось слѣдующее описаніе города, уже тогда находившагося въ развалинахъ: „*городъ Шестаковъ* древяной, рубленой на р. Вяткѣ, ветхъ, погнилъ и развалился, а у него двое воротъ, да двѣ башни глухихъ, а между воротъ и башнями сто городенъ, по мѣрѣ всего города 200 сажень, а въ городѣ и на *посадѣ* всё три церкви... 41 дворъ (жилыхъ) и 31 дворъ пустыхъ..." Такимъ образомъ видно, что въ началѣ XVII столѣтія городъ стоялъ почти на половину пустой и въ развалинахъ, и потому, кажется, упоминаніе о немъ въ Кн. Б. Ч. относится не къ этому времени, а вѣроятно, еще къ XVI вѣку [1]). Городъ этотъ, исклю-

[1]) Гор. пос., II, 27; Вятск. губ. вѣд. 1845 г., № 44, 1860, № 5; Акты Археогр. Эксп. I, № 210.

ченный изъ числа городскихъ поселеній въ 1854 году, по списку населенныхъ мѣстъ показанъ подъ названіемъ села Шестаковскаго или Георгіевскаго, въ 25 верстахъ отъ Слободскаго (по картѣ Оперм., XVII—Шестаково) [1]).

„А ниже Шестакова 20 верстъ *градъ Слобода*". Хотя справедливо основаніе этого города относятъ къ временамъ великаго князя Георгія Даниловича Московскаго, но возникъ онъ, вѣроятно, позднѣе Шестакова. Извѣстно, что Устюжане и Двиняне, основавшіе *Слободу*, выселились сюда изъ Шестакова. Новый городъ, съ послѣднимъ приливомъ Устюжанъ, названъ былъ Слободой, и въ актахъ 1545 года эта Слобода является съ прибавленіемъ *посада* (въ одной изъ грамотъ патріарха Іова, по случаю просьбы Слобожанъ объ устройствѣ въ этомъ посадѣ монастыря). Городъ Слободской былъ укрѣпленъ, а его посадъ, какъ кажется, находился внѣ укрѣпленій или острога. Въ описи 1654 года, сдѣланной Карауловымъ, въ *Слободскомъ* считалось дворовъ: посадскихъ 329, церковныхъ 32. По частной описи купца Доможирова, составленной близко къ тому же времени (въ 1629 году), было въ городѣ три прихода—Преображенскій, Екатерининскій и Николаевскій. По писцовымъ книгамъ 1627 года, письма Аѳанасья Толоченова, объ этомъ городѣ сказано: „*городъ Слободской*, древяной, рубленой, надъ рѣкою Вяткою, ветхъ, погнилъ и развалился, а у него двое ворота, у башень 200 городенъ, по мѣрѣ около всего города 41 сажень. Всего въ городѣ Слободскомъ *на посадѣ* и *въ острогѣ* 8 церквей, 4 предѣла, да церковь стоитъ безъ пѣнія, а у церквей 26 дворовъ поповыхъ и дьяконовыхъ и всѣхъ церковныхъ причетниковъ, да 11 келій, а въ нихъ живутъ черные старцы... около же посаду *былъ* острогъ и развалился... да на посадѣ черныхъ, тяглыхъ посадскихъ людей 100 дворовъ, да 17 дворовъ бобыльскихъ, да три мѣстечка"... Во второй половинѣ XVI вѣка былъ здѣсь и монастырь, устроенный въ 1599 году патріархомъ Іовомъ, подъ названіемъ *Богоявленскаго*. Въ актахъ этого времени сохранилась грамота патріарха Іова, въ которой говорится: „въ городѣ *монастыря не бывало искони*.... нынѣ... въ городѣ въ Слободскомъ, *у по-*

[1]) Спис. нас. м. Ватск. губ., № 13031.

саду, на старомъ церковномъ мѣстѣ, гдѣ былъ храмъ Введенія Пресвятыя Богородицы... воздвигнули храмъ Богоявленія Господня... и приговорили... монастырь... строити". Въ монастырѣ этомъ достойна замѣчанія церковь архистратига Михаила тѣмъ, что она построена въ 1614 году препод. Трифономъ [1]).

Отъ Слободы 30 верстъ городъ *Хлыновъ* (въ варіантахъ: градъ Вятка). По сказанію лѣтописей XII в., среднее теченіе Вятки было занято Вотяками и Черемисами. Въ 1176 г. часть Новгородцевъ, вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ оставившая Новгородъ, отплыла по Волгѣ до устья Камы въ страну Болгаръ и тамъ думала было поселиться, основавъ городокъ; но когда до этихъ переселенцевъ дошли слухи, что къ сѣверу отъ ихъ новаго городка лежитъ богатая страна, занятая Вотяками и Черемисами, то они, выбравъ охотниковъ, отправили ихъ по Камѣ. Дружины новгородскія, незнакомыя съ мѣстностью, прошли отъ устья Камы до устья р. Чусовой и тамъ уже, убѣдившись въ ошибочности своего плаванія, высадились на берегъ и отправились сухимъ путемъ отыскивать р. Вятку. По р. Чепцѣ, на плотахъ, они добрались до р. Вятки: „И абіе снидошася посланніи отъ обою страну Новгородцевъ, отъ *Болванскаго городка* и отъ *Кашкарова*, согласишася устроити *общій единъ градъ*, крѣпкій отъ нашествія супостатъ, и избравше мѣсто прекрасно *надъ рѣкою Вяткою*, близъ устья рѣки Хлыновицы, на высокой горѣ, иже нынѣ зовется *Кикиморская*, мѣсто бо оно ко вселенію удобно и съ тоя горы источники водъ истекающи мнози... И заутра обрѣтоша все изготовленіе Божіимъ промысломъ пренесено по *Вяткѣ рѣкѣ ниже на высокое паче пространнѣйшее мѣсто*, иже въ то время нарицашеся *Балясково поле*... И на томъ мѣстѣ въ началѣ поставиша церковь Воздвиженія и нарекоша *градъ Хлыновъ*, рѣчки ради Хлыновицы" [2]). Названный здѣсь Болванскій городокъ находился на берегу Вятки въ 6 верстахъ отъ устья р. Чепцы: это было вотское городище, окруженное рвомъ и валомъ, и можетъ быть, Вотякамъ извѣстное подъ ихъ

[1]) Гор. посел., II, 27; Акты Арх. Эксп., II, № 11; Вятск. Губ. Вѣд. 1840 г., № 21, 1860 г. № 5.

[2]) Хлыновск. лѣтоп. у Карамз., Ист., III, прим. 32; Пам. кн. Вятск. губ., 1870 г., 24.

племеннымъ названіемъ, которое не сохранилось, а Новгородцы назвали его Болванскимъ, какъ полагаютъ, потому что нашли тамъ идольское мольбище Вотяковъ. Отнявъ у нихъ этотъ городокъ, Новгородцы назвали его *Никулицинымъ*, въ честь особенно чтимаго ими Николая Чудотворца. Впрочемъ при самомъ началѣ, послѣ построенія Хлынова, изъ Никулицина жители переселились въ главный городъ, а на мѣстѣ его впослѣдствіи образовалось поселеніе, извѣстное и нынѣ подъ названіемъ села Никулицкаго, которое, по списку населенныхъ мѣстъ, показано въ 12 верстахъ отъ города [1]).

Положеніе Новгородцевъ въ первоначальномъ Хлыновѣ (на Балясковомъ полѣ) было однако далеко не безопасно; такъ какъ сосѣди ихъ Вотяки и Черемисы не переставали тревожить ихъ своими нападеніями, то пришлось переселиться на новое мѣсто. Выбрано было новое мѣсто, которое съ южной стороны защищалось глубокимъ оврагомъ или рвомъ, до нынѣ извѣстнымъ подъ названіемъ „Засоры“; съ сѣвера отъ этой мѣстности тоже находился глубокій ровъ, по которому и нынѣ идетъ такъ-называемый „Здерихинскій спускъ“; къ востоку же эта мѣстность ограничивается высокимъ и крутымъ берегомъ Вятки. Здѣсь-то и былъ построенъ новый городъ, названный Кремлемъ. Онъ для безопасности обнесенъ былъ тыномъ и защищенъ искусственнымъ валомъ, слѣды котораго видны еще и донынѣ. Съ этого мѣста городъ Хлыновъ уже не переносился на другое мѣсто, и съ увеличеніемъ населенія, сталъ расширяться къ западу. Очевидно, что въ первые вѣка его существованія Хлыновъ устраивался медленно, особенно потому, что туземцы не давали ему покоя. Въ 1580 году грамотою царя Іоанна Васильевича велѣно было устроить въ городѣ Хлыновѣ монастырь; въ грамотѣ „на Вятку въ городъ Хлыновъ“ говорится: Мы старцу Трифону (Пыскорскаго монастыря постриженнику) велѣли въ Хлыновѣ *Успенья* Пречистой мнихомъ *монастырь* строити... а земля есмя дати... подъ городомъ... пустошь Семеновскую Филимонова, да пустошь Ямскую... да пустошь Семеновскую Прошлецова“ [2]).

[1]) Пам. кн. В. губ. 1870 г., 24; Спис. нас. м. Вятск. губ., № 798.
[2]) Акты Арх. Эксп., I, № 305.

Извѣстія болѣе подробныя о положеніи этого города относятся только къ началу XVII вѣка. Въ писцовыхъ книгахъ 1629 года, письма Аѳанасія Толоченова, объ этомъ городѣ говорится: „Городъ *Хлыновъ* рубленъ въ двѣ стѣны, въ башняхъ и пряслахъ лѣсъ сосновый, а у него 4 башни съ вороты, да 4 глухихъ, а мѣрою всего города 420 сажень... и всего въ *городѣ* и *посадѣ* въ острогѣ 17 церквей; дворовъ тяглыхъ и бобыльскихъ 470 (изъ нихъ бобыльскихъ 80) и церковныхъ 50 и пустыхъ 30 дворовъ“. По описи, составленной купцомъ Карауловымъ въ 1654 году, въ Хлыновѣ считалось: дворовъ посадскихъ 676 и церковныхъ 30 [1]). Судя по тому, что независимая вятская колонія Новгородцевъ подчинилась Москвѣ только въ концѣ XV вѣка, и что Вятчане являются участниками московскихъ походовъ только въ 1499 году (на Югорскую землю), упоминаніе въ текстѣ Чертежа о городѣ Хлыновѣ могло появиться только въ XVI столѣтіи. Изъ предшествующаго видно, что еще въ началѣ XVII вѣка городъ Хлыновъ сохранялъ это названіе и только около 1680 года, едва ли не въ первый разъ, является подъ названіемъ *Вятки*, а потому упоминаніе этого названія въ варіантахъ надобно считать позднѣйшею вставкой, относящеюся къ послѣднему дополненію Чертежа.

Ниже Хлынова на 50 верстъ показанъ по Чертежу градъ *Орловецъ* (въ варіантахъ: Орловъ). Основаніе его приписываютъ Двинянамъ и Устюжанамъ, которые изъ Устюга Великаго, пробравшись на р. Молому, доплыли по ней до р. Вятки и основали этотъ городъ. Самое раннее о немъ извѣстіе встрѣчается только подъ 1459 годомъ, когда князь Ряполовскій, по волѣ царя Василія Іоанновича, взялъ въ числѣ прочихъ вятскихъ городовъ и Орловъ. Въ 1610 году и слѣдующихъ Орловъ неоднократно упоминается въ актахъ во время набѣговъ своевольныхъ казаковъ и стрѣльцовъ. По описи 1654 года въ Орловѣ считалось 77 дворовъ, въ томъ числѣ посадскихъ 62 и церковныхъ 15 [2]). Упоминаніе Орлова въ Кн. Б. Ч., вѣроятно, одновременно съ гор. Хлыновымъ.

„Ниже Орловца (по Чертежу) 30 верстъ на Вяткѣ городъ *Ко-*

[1]) Пам. кн. Вятск. губ. 1870 г., 35; Вятск. губ. вѣд. 1859 г., № 60; Гор. пос., II, 8.

[2]) Пам. кн. Вят. губ. 1870 г., 43; Гор. пос., II, 23; Акты Ист., II, 271.

тельничъ". Основаніе его, по Хлыновскому лѣтописцу, относится почти къ одному времени съ городомъ Хлыновымъ, то-есть, къ 1181 году, когда отрядъ Новгородцевъ, оставшихся на р. Камѣ въ 1174 году, узнавъ объ успѣхахъ своихъ соотчичей въ Вятской странѣ, поднялся вверхъ по Камѣ, перешелъ на р. Вятку и встрѣтилъ на пути черемисскія селенія и ихъ городъ Кокшаръ на р. Кокшарѣ, „И начаша", говоритъ лѣтописецъ,—„ко граду приступати, і въ другій день изъ града того жители побѣжаху, иніи же градскія врата отворища, возвѣщаше Новгородцемъ, что имъ показася къ граду приступающе несчетное воинство". Развалины этого черемисскаго городка Рычковъ видѣлъ въ 1770 году на возвышенности въ юго-западной сторонѣ нынѣшняго города за оврагомъ; на этой возвышенности находимы были въ недавнее время бердыши, кольчуги и древнія монеты. Городъ Кокшаръ или Кокшаровъ названъ былъ Котельничемъ и подъ этимъ названіемъ является въ 1459 году, во время похода князя Ряполовскаго. Въ 1610 году городъ этотъ, какъ видно изъ выписки князя Ухтомскаго, потерпѣлъ отъ осады его Волжскими казаками и стрѣльцами Козьмодемьянскими, Царегородскими и Еренскими, когда „государевы, царевы и великаго князя Василія Ивановича всея Русіи измѣнники" взяли Котельничъ и „церкви Божіи осквернили и образа одравъ поколотили и сотника стрѣлецкаго Захара Иванова на колъ посадили и многихъ людей побили". Это же событіе поясняется въ отпискѣ Вятчанъ въ Пермь, въ 1609 году, гдѣ говорится: „пришли изъ Еранского.. Волскіе казаки и Кузьмодемьянскіе и Шанчурскіе и Царегородскіе и Еранскіе стрѣльцы,... и Черемиса... волости повоевали и Котелничь городокъ осадили... Церкви Божіи осквернили... и многихъ людей побили.. а крестьянъ... разоряютъ... сѣли въ Котелничѣ"... Въ 1615 году въ книгѣ вятскихъ городовъ, посадовъ и уѣздовъ черныхъ сохъ, письма и дозору воеводъ князя Ѳед. Андр. Звѣнигородскаго да Василія Терентьевича Жемчужникова, сказано: „городъ Котельничь надъ рѣкою Вяткою древянъ, всего въ Котельничѣ 4 церкви, да въ *городѣ жъ* и въ *острогѣ* дворовъ 9 посадскихъ, 40 тяглыхъ, 37 пустыхъ и 9 келій"... Очевидно, что въ началѣ XVII вѣка городъ этотъ стоялъ почти на половину пустой; и едва ли не правильнѣе будетъ предполагать, что онъ внесенъ въ Чертежъ еще до разоренія, а можетъ быть, и въ 1654 году, когда по описи Ка-

раулова въ немъ считалось „дворовъ посадскихъ 486 и церковныхъ 10“ [1]).

„А Вятка (рѣка) пала въ Каму (по Кн. Б. Ч.) ниже *Чертова града*“ (въ другомъ мѣстѣ: Чертова городища). Эта мѣстность упоминается въ исторіи города *Елабуги*. Сохранилось преданіе, что Іоаннъ Грозный, во время плаванія по р. Камѣ, послѣ взятія Казани въ 1552 году, на пути заболѣлъ и долженъ былъ остановиться около Чертова городища. Въ воспоминаніе сего велѣлъ онъ построить здѣсь монастырь, около котораго возникла слобода Тресвятская, обращенная въ городъ подъ названіемъ Елабуги, по имени ближайшаго озера. Городище Чертово, какъ полагаютъ принадлежавшее къ остаткамъ древнихъ болгарскихъ поселеній, состоитъ изъ одного полуразвалившагося зданія. Не излишне замѣтить, что, по списку населенныхъ мѣстъ, въ одной верстѣ отъ города Елабуги показана слобода „Подмонастырское“, которая, вѣроятно, принадлежала Елабужскому монастырю. Что касается разстоянія Чертова града отъ устья Вятки, по показанію Кн. Б. Ч., *на 50 верстъ*, то его можно опредѣлить по картѣ Опермана (XVII) только приблизительно, по положенію близь устья Вятки села Свиныя горы, которое отстоитъ отъ города въ 40 верстахъ [2]).

Далѣе въ текстѣ Чертежа говорится: „А отъ устья р. Вятки 120 верстъ городъ *Малмыжъ*, а выше его пала въ Вятку рѣка *Шошма*“. На мѣстѣ города Малмыжа до покоренія Казани стояла черемисская деревня, мѣстопребываніе черемисскаго князька Болтуша. Будучи данникомъ Тохтамыша и надѣясь на своего защитника, Болтушъ рѣшился воспротивиться великому князю Ивану Васильевичу и не отдавать земли своей безъ боя. Въ 1550 году московскія войска явились подъ стѣнами городка и разогнали собравшихся Черемисовъ, при чемъ Болтушъ былъ убитъ, и Черемисы похоронили его на высокой горѣ, донынѣ носящей его названіе. Городокъ былъ отданъ во владѣніе заслуженнымъ стрѣльцамъ. Позднѣе Малмыжъ упоминается въ историческихъ актахъ временъ Годунова. Упоминаніе объ этомъ *городѣ* въ текстѣ Чертежа

[1]) Пам. кн. Вятск. губ.. 1860 г., 156, 1870 г. 125; Акты истор. II, № 271.

[2]) Вятск. губ. вѣд. 1839 г. № 6—12, 1859 г. № 37; Гор. посел. II, 14; Геогр. слов. Сем., II, 178; Спис. нас. м. Вятск. губ., № 3563, 3569.

можетъ быть отнесено, конечно, не ранѣе какъ къ концу XVI вѣка [1]).

Шошма рѣка составляетъ правый притокъ р. Вятки. Верховья ея проходятъ по границѣ Вятской и Казанской губерній, а нижнее ея теченіе находится въ предѣлахъ Малмыжскаго уѣзда. Длина ея теченія незначительна [2]).

Въ текстѣ Чертежа говорится: „а пала въ Волгу рѣка *Большая Кокшага*... А вверхъ Большой Кокшаги 120 верстъ градъ *Царево Санчурскій*, а противъ града по другой странѣ рѣки Кокшаги *езеро Санчурское*, а рѣки Кокшаги протоку 170 верстъ. А ниже рѣки Большія Кокшаги 20 верстъ пала въ Волгу *Меньшая Кокшага*, а вверхъ по Кокшагѣ 60 верстъ, градъ Царева-Санчурской, протоку рѣки 170 верстъ". Выписку эту мы привели здѣсь сполна, чтобы нагляднѣе представить запутанность изложенія, вкравшуюся въ текстъ Чертежа. Приводятся въ текстѣ двѣ рѣки Кокшаги—Кокшага Большая съ городомъ Царевосанчурскомъ, отстоящимъ отъ устья ея, вверхъ по теченію на 120 верстъ, и Кокшага Малая *съ городомъ Царевосанчурскомъ* въ разстояніи отъ устья ея на 60 верстъ. Обѣ рѣки, по указанію Кн. Б. Ч., имѣютъ одинаковую длину теченія (170 верстъ), что очевидно составляетъ ошибочное показаніе. Эта запутанность при взглядѣ на карту (Оперм. XVII) дѣлается еще очевиднѣе. *Кокшага Большая* (или по описаніямъ—Верхняя) беретъ начало въ Яранскомъ уѣздѣ, а пройдя по направленію къ югу, перерѣзываетъ уѣзды Царевококшайскій и Чебоксарскій и изливается въ Волгу съ правой стороны. Длина ея теченія, по описаніямъ, опредѣляется приблизительно, и притомъ различно: по однимъ она имѣетъ 200 верстъ, а по другимъ—400 верстъ. Первое изъ этихъ показаній близко подходитъ къ измѣренію, означенному въ Кн. Б. Ч., и по видимому, соотвѣтствуетъ и тому, что разстояніе Царевосанчурска отъ устья Кокшаги, показано на 120 верстъ. Но совершенно не то должно быть сказано о р. Малой Кокшагѣ, относительно которой показанія Кн. Б. Ч. представляютъ явную ошибку. *Кокшага Малая* или Нижняя, беретъ начало также въ Яранскомъ уѣздѣ, и пройдя тѣ же

[1]) Гор. посел., II, 19; Геогр. сл. Сем., III, 147; Акты Ист. II, 43, 44, 170, 435.

[2]) Геогр. сл. Щек. VII, 282.

уѣзды, какъ и Большая Кокшага, изливается въ Волгу. Длина ея теченія опредѣляется въ 150 верстъ, и измѣреніе ея, приведенное въ Кн. Б. Ч., есть ошибочное повтореніе того, что слѣдовало сказать о Большой Кокшагѣ. Затѣмъ по Кн. Б. Ч. на р. Малой Кокшагѣ, въ 60 верстахъ отъ ея устья, показанъ во второй разъ Царевосанчурскъ. Очевидная ошибка заключается въ томъ, что по Малой Кокшагѣ примѣрно (по картѣ Опермана) въ 60 в. отъ устья стоитъ не *Царевосанчурскъ*, а Царевококшайскъ, нынѣ уѣздный городъ Казанской губерніи [1]). Что касается до *Царевосанчурска*, то онъ находится при Большой Кокшагѣ. Время основанія его въ точности неизвѣстно. При царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, въ 1584 году, во время устройства крѣпостей въ Поволжскомъ краѣ, городъ этотъ становится извѣстенъ подъ названіемъ *Санчурска*; по приказанію Бориса Годунова, въ немъ была устроена крѣпость. Въ актахъ временъ Василія Іоанновича Шуйскаго неоднократно встрѣчается упоминаніе о *Шанчурскихъ* стрѣльцахъ, которые, въ соединеніи съ другими злоумышленниками, разоряли тогда Вятскій край [2]). Этими историческими указаніями приблизительно опредѣляется время, когда *Царевосанчурскъ* могъ быть внесенъ въ текстъ Чертежа.

Санчурскаго озера, находящагося „противъ города, по другую сторону р. Кокшаги", въ описаніяхъ не встрѣчается, можетъ быть— по его малозначительности; нѣтъ его и на картѣ Опермана (XVII), не упомянуто о немъ и въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ водныхъ пространствъ, каково, напримѣръ, Измѣреніе поверхности Россійской Имперіи г. Стрѣльбицкаго; въ немъ впрочемъ объ озерахъ Вятской губерніи вообще нѣтъ свѣдѣній.

Находимъ въ текстѣ Чертежа еще упоминаніе о р. *Моломѣ*, но оно внесено въ Кн. Б. Ч. какъ бы случайно, по случаю упоминанія объ р. Вычегдѣ. Р. Молома верхнимъ теченіемъ ея принадлежитъ Вологодской губерніи, гдѣ она беретъ начало въ Никольскомъ уѣздѣ, черезъ него уходитъ въ Вятскую губернію, и пройдя по границѣ уѣздовъ Котельничскаго и Орловскаго, впадаетъ въ р. Вятку съ правой стороны. Она имѣетъ теченія до 350 верстъ, изъ коихъ болѣе половины принадлежитъ Вятской губерніи. Мо-

[1]) Геогр. сл. Сем., II, 683, 684; Обозр. Каз. губ. при сп. нас. м., XI, XII.
[2]) Ист. Гос. Росс., X, 15; Гор. пос. II, 35; Акты Истор., II, 274.

лома извѣстна была Новгородцамъ давно, какъ видно изъ вышеприведеннаго о ней упоминанія въ исторіи г. Орлова; упоминается она и въ актахъ [1].

Этимъ собственно ограничиваются указанія, непосредственно вошедшія въ текстъ Чертежа; но затѣмъ въ изданіи г. Спасскаго, въ варіантахъ приведены нѣкоторыя свѣдѣнія, не вошедшія въ Кн. Б. Ч. Въ этихъ варіантахъ сказано: „Мимо устья Ветлуги дорога *сухимъ путемъ* до Царевосанчурска, отъ Царевосанчурска до *Еранеска*, отъ Еранеска до Котельнича, отъ Котельнича до Орлова, отъ Орлова до Хлынова, отъ Хлынова до Слободскаго, отъ Слободскаго до *Всѣхъ Святыхъ* отъ Всѣхъ Святыхъ до *Екатерининской пустыни*, отъ Екатерининской пустыни до *Георгія*, отъ Георгія до Кайгорода...“ Въ этомъ единственномъ перечнѣ упоминается городъ *Еранескъ*, нынѣ называемый Яранскомъ. Время основанія его относится къ 1584 году, когда онъ былъ поставленъ при укрѣпленіи поволжскихъ береговъ крѣпостями для охраны отъ возмущеній Луговой Черемисы, подстрѣкаемой Татарами. Яранскъ населился русскими выходцами. Въ 1601 году онъ упоминается по особому случаю: въ указѣ Бориса Годунова и памяти сотнику стрѣлецкому Ивану Некрасову говорится: „ѣхати ему въ *Яранской городъ* для того: посланъ съ нимъ въ Яранской на житье Василей Романовъ и съ нимъ дѣтина его, и Ивану, ѣдучи въ Яранской, вести дорогою Василья бережно... и въ Яранской пріѣхавъ, занять себѣ и для Василья дворъ *въ городѣ*“. Въ 1610 году „Еранскъ“ упоминается какъ сборный пунктъ казанской вольницы и стрѣльцовъ, разорявшихъ тогда вятскіе города [2].

Затѣмъ по вышеупомянутому *сухому пути* вдоль теченія рѣки Вятки показаны селеніе *Всѣхъ Святыхъ* или Всесвятское, *Екатерининская пустынь* и селеніе *Георгія* или Георгіевское. Селенія Всесвятское и Георгіевское, вѣроятно, уже существовали въ началѣ XVII вѣкѣ, такъ какъ они упоминаются въ числѣ *погостовъ* въ 1654 году въ описи, произведенной писцомъ Карауловымъ. О селѣ *Верхосвятскомъ* есть упоминаніе въ житіи преподобнаго Трифона около 1599 года, когда онъ въ этомъ селѣ

[1]) Геогр. сл. Сем. III, 152; Акты Арх. Эксп., II, № 271.

[2]) Пам. кн. Вят. губ. 1870 г. 185, 186; Акты Ист. II, № 38.

построилъ обыденную церковь. Но это указаніе, судя по списку, относится къ Екатерининской пустыни, о которой будетъ упомянуто ниже. Что касается до погостовъ *Всесвятскаго* и *Георгіевскаго*, то оба они показаны у Опермана (л. VII) подъ названіями Всесвятскаго-Сырьенскаго и Георгіевскаго-Волосницкаго. Упомянуты они и въ спискѣ населенныхъ мѣстъ: первое подъ тѣмъ же названіемъ при р. Осетровкѣ, въ 55 верстахъ отъ Слободскаго, а второе—подъ названіемъ Волосницкаго, при рѣч. Волосницѣ, впадающей въ Каму, въ 190 верстахъ отъ Слободскаго. Что касается до *Екатерининской пустыни*, то для пріуроченія ея на разсматриваемомъ нами сухомъ пути, согласно тексту Чертежа (въ варіантахъ), между селеній Всѣхъ Святыхъ и Георгія, можно указать по картѣ Опермана (л. VII) на селеніе Верхосвятское-Екатерининское, которое показано и по списку населенныхъ мѣстъ подъ тѣмъ же названіемъ на р. Вяткѣ, въ 148 верстахъ отъ Слободскаго. Можетъ быть, вышеупомянутая однодневная церковь въ 1599 году, построенная преподобнымъ Трифономъ, была началомъ Екатерининской пустыни, но во всякомъ случаѣ болѣе подробныхъ свѣдѣній о ней не имѣется [1]).

Перейдемъ теперь къ мѣстностямъ, кои по какимъ-то причинамъ не вошли въ текстъ Чертежа, хотя наравнѣ съ ними имѣютъ историческую извѣстность. Таковы, вопервыхъ, города Сарапуль, Нолинскъ и Уржумъ. *Сарапуль*, на р. Юрманкѣ, коего построеніе относятъ къ 1599 году. Поселенцы русскіе водворены были здѣсь съ цѣлію удержанія нападенія Башкирцевъ на селенія, расположенныя по правую сторону р. Камы, а равно и для пресѣченія связи между Вотяками и Башкирами. Это поселеніе первоначально называлось селомъ *Вознесенскимъ*, по имени деревянной въ немъ церкви Вознесенія Господня. Въ первый разъ съ именемъ Сарапуля оно упоминается въ актахъ 1639 года, когда крестьяне Сарапульскаго уѣзда подавали царю Михаилу Ѳеодоровичу челобитную о томъ, чтобъ имъ дозволено было возить водянымъ путемъ воеводу и государеву казну „изъ Сарапуля къ Амзинскому яму“. Объ этомъ городѣ встрѣчаются еще упоминанія въ 1663 и 1672 годахъ. Палласъ, посѣтившій Сарапуль въ 1773 году, видѣлъ здѣсь

[1]) Пам. кн. Вят. губ. 1870 г. 166; Ж. М. Вн. Д. 1843 IV, 420; Русск. Свят., окт., 213; Сп. нас. м. Вят. губ., № 91391, 14407 и 14615.

развалины деревянной крѣпости, построенной впрочемъ въ 1739 г. отъ набѣговъ бунтовавшихъ Закамскихъ Башкировъ [1]).

Что касается *Нолинска*, то въ концѣ XVI вѣка мѣстность, занимаемая этимъ городомъ съ его окрестностями и значительною частію нынѣшняго Нолинскаго уѣзда, составляла собственность Вятскаго Успенскаго монастыря въ силу грамотъ Іоанна Грознаго и Ѳеодора Іоанновича, данныхъ преподобному Трифону. Поселенцы, собравшіеся здѣсь изъ разныхъ мѣстъ, основали въ 1668 году на мѣстахъ нынѣшняго города село и построили храмъ во имя Николая Чудотворца. Это село называлось *Никольскимъ погостомъ* или *Нолями* — отъ р. Ноли, протекающей близь города. Село Ноли оставалось собственностью монастыря до 1764 года, и можетъ быть, потому и не вошло въ описаніе Чертежа [2]).

Уржумъ, основанный, вѣроятно, въ началѣ XVI вѣка, упоминается при Іоаннѣ Грозномъ въ 1553 году, во время Казанскаго похода, когда для усмиренія недавно покоренныхъ Казанцевъ на р. Каму посланъ былъ Даніилъ Адашевъ. По этому поводу въ архивскомъ лѣтописцѣ говорится: „февраля (1553 года) пріѣхалъ отъ воеводъ Назарей Глѣбовъ, что съ нимъ ходили воеводы изъ Свіяжска города (основаннаго Іоанномъ IV) и пришли изъ Казани Арскою дорогою на высокую гору въ *засѣки* и послали воевати головы на Чувашской дорогѣ и Ногайской, и по Камѣ, и по Мешѣ, и во многія мѣста, и сами идучи по Арской и къ Нурмѣ и на *Уржумъ*. А война ихъ была по Каму, а отъ Волги за Ошитъ и за Уржумъ и на Илетъ". Въ лѣтописи не говорится, что̀ разумѣлось подъ названіемъ Уржума — рѣчка Уржумъ или черемисское селеніе, но пребываніе здѣсь Черемисовъ доказывается и происхожденіемъ самаго названія Уржума отъ черемисскихъ словъ *уръ* (бѣлка) и *зумъ* (видѣлъ). Городъ Уржумъ, по мнѣнію мѣстнаго бытописателя Вештомова, рубленъ былъ Черемисами, при помощи и подъ надзоромъ первыхъ русскихъ поселенцевъ. Въ 1584 году, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, въ защиту отъ бунтовавшихъ Черемисовъ воздвигнуто было нѣсколько крѣпостей, въ томъ числѣ,

[1]) Пам. кн. Вятск. губ. 1870 г. 150; Акты Ист. IV, 334; Доп. къ Ак. Ист., II, 153, VI, 211.

[2]) Пам. кн. Вятск. губ. 1870 г., 138.

вѣроятно, и Уржумъ, и туда были высланы русскіе поселенцы. Уржумъ неоднократно упоминается при разныхъ случаяхъ во времена Василія Іоанновича Шуйскаго. Въ 1648 году встрѣчается извѣстіе о бывшемъ въ городѣ Уржумѣ *Чепоцкомъ монастырѣ* во владѣнной записи, по поводу дозволенія крестьянамъ того монастыря пользоваться лѣсомъ на луговой сторонѣ, такъ какъ „лѣсу имать имъ негдѣ, въ нагорной сторонѣ... нѣтъ, а на луговой сторонѣ до Вятского уѣзду черного лѣсу верстъ на 150... (да) не пущаетъ Черемиса“. Монастырь этотъ, иначе называвшійся, можетъ быть — неправильно, *Чепочкинъ*, находился въ городѣ Уржумѣ, и за нимъ считалось крестьянъ 565 душъ [1]).

Не упомянуто въ описаніи Чертежа о р. *Чепцѣ*, составляющей весьма значительный притокъ р. Вятки съ лѣвой стороны. Она беретъ начало въ сѣверной части Сарапульскаго уѣзда и по направленію на сѣверо-западъ перерѣзываетъ уѣзды Глазовскій и южную часть Слободскаго до впаденія своего въ р. Вятку. Длина теченія ея приблизительно исчисляется въ 400 верстъ. Рѣка эта пользуется давнею историческою извѣстностью, такъ какъ еще въ XII вѣкѣ Новгородцы совершали по ней плаваніе. Умолчаніе о ней въ Кн. Б. Ч. составляетъ очевидный пропускъ [2]).

Въ эпоху составленія Чертежа страна, омываемая теченіемъ рр. Камы и Вятки, принадлежала, конечно, къ окраинамъ тогдашней Русской земли, а потому ко всему вышеизложенному объ этой окраинѣ должно прибавить нѣкоторыя общія историко-географическія и этнографическія свѣдѣнія.

Прикасаясь съ одной стороны (сѣверной) къ области древней Біарміи, а съ другой (южной)—къ владѣніемъ изчезнувшаго Болгарскаго царства, эта страна представляетъ естественную историческую связь какъ съ землей Пермскою, такъ и съ Болгарскою. Относительно Болгарской страны здѣсь не излишнимъ считаемъ замѣтить, что по извѣстіямъ арабскихъ писателей X вѣка, Болгарскій народъ представлялъ смѣсь турецкихъ и финскихъ народовъ. Начальная лѣтопись, говоря о Болгарахъ, упоминаетъ въ XI

[1]) Пам. кн. Вятск. губ. 181; Ист. Г. Р. Кар. VIII, пр. 395, X, 16; Ист. церк. іер. IV, 2, 655; Ак. Ист. II, № 146, 292; Акты Арх. Эксп. IV, № 34.

[2]) Обозр. Вятск. губ. при сп. нас. м., VIII; Слов. Щекат. VII, 59.

вѣкѣ о Черемисахъ и Мордвѣ: здѣсь говорится только о Болгарахъ Камско-Волжскихъ, которые, живя по Камѣ и Волгѣ и оставаясь въ средп Финскихъ и Тюркскихъ племенъ, слились съ ними. Но какъ извѣстно, были еще Болгары такъ-называемые *Серебряные* или *Паукратные*, которые уже принадлежатъ непосредственно къ области, нами теперь разсматриваемой; они, какъ полагаютъ, жили по рѣкѣ Вяткѣ, которая у Татаръ и Черемисъ называлась Наукратъ. Городища болгарскія встрѣчаются и въ Вятской губерніи: къ числу ихъ принадлежали и *Чертовъ градъ*, упомянутый въ Кн. Б. Ч. Развалины этого „града" по характеру постройки считаются сходными съ развалинами села Болгаръ. Извѣстно, что Болгары знакомы были даже съ мѣстностію Устюга Великаго, нѣкогда населенной Чудью, и имѣли съ нею торговыя сношенія; этимъ отчасти объясняется и нападеніе Болгаръ на Устюгъ въ 1216 году, такъ какъ Болгары непріязненно смотрѣли на Новгородцевъ, появившихся въ этомъ краѣ, гдѣ они поставили свой городъ *Гляденъ* еще въ XI вѣкѣ. Сказанное здѣсь даетъ уже основаніе думать; что древнюю исторію Вятскаго края нельзя разсматривать безъ связи съ Булгарскимъ царствомъ. Что касается до Пермской земли, то въ виду того, что слѣды Пермяковъ и Зырянъ, какъ увидимъ ниже, встрѣчаются и въ Пермской, и въ Вятской губерніяхъ, значеніе ихъ въ этомъ краѣ подтверждается положительными историческими извѣстіями. Связь этаго края съ древнею Пермскою землей, неясная до исхода XIV вѣка, по указанію 1-ой Софійской лѣтописи подъ 1396 годомъ представляется въ такомъ видѣ: „А се живущеимъ около Перьми (разумѣя подъ нею такъ-называемую Старую Пермь) имена мѣстамъ и странамъ и землямъ *иноязычнымъ:* Двиняне, Устюжане, Велыжане (по р. Вели), Вычегжане, Пенежане, Южане, *Сирнане* (Зыряне), Галичане, Вятчане, Лопь, Корѣла, Югра, Печера, *Вогуличи*, Самоедь, *Пертасы*, *Пермь великая*, *Гамаль Чусовая* (Ямь); рѣка же первая именемъ Вымь впаде въ Вычегду, другая рѣка Вычегда *обходяще всю землю Пермьскую* потече къ сѣвернѣй странѣ и паде въ Двину ниже Устюга 40 верстъ, рѣка же третья *Вятка* потече въ другую сторону Перми и впиде въ Каму рѣку, сія же рѣка *Кама обходяще всю землю Пермьскую*, по сей бо рѣцѣ *мнози языци сидятъ*, и потече (Кама) на угъ

въ землю *Татарьскую* и паде въ Волгу ниже Казани 60 верстъ" [1]). Изъ этого описанія очевидно, что губерніи Вятская и Пермская, или выражаясь точнѣе, осмотрѣнныя нами по описанію Большаго Чертежа рѣки Кама и Вятка составляли южную часть обширной Пермской земли. При обозрѣніи Кн. Б. Ч. по губерніямъ Архангельской и Вологодской мы имѣли случай обратить вниманіе на то, какъ велика была область древней Пермской земли, помимо даже неопредѣленной связи ея съ землями Біарміи. Историко-географическія указанія доводятъ ея границы на западѣ до Холмогоръ, на востокѣ до р. Большой Птицы (Выми), на югѣ къ селенію Пермяковскому (въ Никольскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи), а на сѣверѣ—до Мезенскихъ самоѣдскихъ тундръ; поэтому не удивительно, что въ предѣлахъ древней Пермской земли по лѣтописному указанію 1396 г. оказались, кромѣ Новгородцевъ (подъ ихъ различными тогдашними названіями), и такія племена, какъ Зыряне, Самоѣды и даже Ямь (тогда сохранившаяся только въ Гамали Чусовой), и наконецъ, даже племена, не принадлежавшія къ вѣтви Пермской (Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи) и отличавшіяся отъ „Перми Великой", главнымъ мѣстомъ которой въ концѣ XIV вѣка считалась Чердынь. Замѣченный здѣсь, такъ сказать, плеоназмъ лѣтописнаго указанія, при совершенной выдѣленности „Перми Великой", приводитъ, какъ кажется, только къ тому, что здѣсь идетъ рѣчь не только о *древней Пермской землѣ*, но и о *Перми Великой*, которой границы приблизительно и обозначаются указаніемъ 1396 года: съ сѣвера—р. *Вычегдой*, съ востока—р. *Перьмью* (и ея притокомъ Вычегдой), и съ юго-запада—р. *Вяткой.* Что эта „Великая Пермь" доходила до Вычегды, гдѣ на устьѣ Выми (Птицы Большой) стояла *Устьвымь* (главная мѣстность Старой Перми), доказывается—какъ объяснено въ своемъ мѣстѣ—тѣмъ, что святый Стефанъ, жившій въ Усть-Выми, называлъ себя епископомъ Велико-Пермскимъ и имѣлъ въ Усть-Выми каѳедральный соборъ той же епархіи. Эти извѣстія относятся къ 1379 году.

Въ числѣ обитателей этой страны названы и нѣкоторыя древнія инородческія племена, населявшія берега Камы и Вятки, каковы: *Гамаль* Чусовая, *Пермь*, *Сирнане*, *Вогуличи* и притомъ прибавлено: „*многіе языци*".

[1]) Полн. Собр. р. лѣт. V, 250.

Пребываніе *Ями* (Гамаль Чусовая), *Зырянъ* (Сырпане) и *Пермяковъ* (Пермь Великая) въ предѣлахъ нынѣшней Пермской губерніи, кромѣ нѣкоторыхъ географическихъ указаній, оставило слѣдъ во множествѣ *чудскихъ городищъ* (о нѣкоторыхъ изъ нихъ упомянуто и въ Кн. Б. Ч.), встрѣчающихся въ разныхъ уѣздахъ, коихъ построеніе мѣстные жители приписываютъ нѣкогда обитавшему здѣсь народу Чуди [1]); на пребываніе здѣсь какой-то Чуди намѣкаютъ и названія нѣкоторыхъ селеній Пермской губерніи въ уѣздахъ Пермскомъ (Чудиновыя, Чудиновъ), Оханскомъ (Чудниковъ), Камышловскомъ (Чудовы), Шадринскомъ (Чуднякова) и Соликамскомъ (Чудовъ). Подъ названіемъ Чуди, какъ извѣстно, разумѣются многія финскія племена, и потому можно думать, что и городища эти принадлежатъ разнымъ племенамъ—и Ями, и Пермякамъ, и Зырянамъ.

На пребываніе Ями и Пермяковъ въ обѣихъ губерніяхъ указываютъ и нѣкоторыя современныя намъ географическія указанія. Такъ названіе *Гамаль* Чусовая (какъ было о томъ сказано въ историко-этнографическомъ обзорѣ Вологодской губерніи), упоминаемое въ 1396 году и означающее то же племя, что̀ Hämelaiset, Гамы и Ямь, слышится въ названіи нѣкоторыхъ селеній по рр. Камѣ и Сылвѣ, именуемыхъ *Гамовъ*, *Гамкова*, *Гамовскій*, *Гамы* или *Гамово* (въ Пермскомъ уѣздѣ); послѣднее изъ нихъ при р. Сылвѣ, впадающей въ Чусовую, приводитъ насъ и къ вышеназванной Гамали Чусовой; есть и другія селенія, напоминающія Ямь, каковы: *Яминская* и *Ямово* по р. Нейвѣ, въ Верхотурскомъ уѣздѣ [2]).

Племенное имя *Пермяковъ* слышится въ названіи селеній уѣздовъ Пермскаго, Оханскаго, Осинскаго, Кунгурскаго и даже Красноуфимскаго, каковы: *Пермичина*, *Пермское*, *Пермякова*, *Пермитина* и т. п.; что же касается Чердынскаго уѣзда, то хотя въ немъ и не встрѣчается селеній, напоминающихъ пребываніе Пермяковъ, но изъ обозрѣнія историческихъ извѣстій объ этомъ уѣздѣ видно,

[1]) Обозр. Пермск. губ. при спискѣ нас. мѣстъ, CXI, и самый списокъ стр. 438.

[2]) Записки Имп. Геог. Общ. по отд. этногр., VII; Спис. нас. м. Пермск. губ., №№ 501, 132, 572, 1565, 506, 1896.

что еще до 1430 года тамъ обитали Пермяки, обладая *Чердынью* (Старою), *Уросомъ* и *Искоромъ*, находившимися на р. Вишерѣ. Въ Вятской губерніи пребываніе этого племени обнаруживается во многихъ уѣздахъ—Слободскомъ, Глазовскомъ, Вятскомъ, Орловскомъ, Котельническомъ и даже Сарапульскомъ, въ названіи селеній: *Пермяковская*, *Пермезь*, *Перминовыхъ*, *Перминовскихъ*, *Пермскихъ*, *Пермяковыхъ* и т. д. [1]). Когда здѣсь появились Вотяки и Черемисы, то вѣроятно, они уже нашли здѣсь это племя, такъ какъ и въ Глазовскомъ, и въ Орловскомъ уѣздахъ Пермяки составляютъ примѣсь и въ современномъ населеніи.

Единоплеменники Пермяковъ—*Зыряне* также оставили слѣдъ своего пребыванія въ Пермской губерніи—въ уѣздахъ въ Чердынскомъ, Соликамскомъ, Верхотурскомъ, Ирбитскомъ, Камышловскомъ, Шадринскомъ, Оханскомъ и Пермскомъ въ названіи селеній: *Зыряновыхъ*, *Зырянскихъ*, *Серьенцы* (можетъ быть правильнѣе—Серьянцы); на пребываніе Зырянъ въ Соликамскомъ уѣздѣ указываетъ и названіе рѣчки *Зырянки*, упомянутой въ Кн. Б. Ч. Въ Вятской губерніи о Зырянахъ напоминаютъ въ уѣздахъ Слободскомъ, Котельничскомъ и даже въ Елабужскомъ названія селеній *Зырьятъ* и *Зырянъ*, *Зыряновыхъ*, *Зырянскихъ*, а также *Сырьяшуръ*, *Сырьезь*, *Сырьянское* — Вознесенское [2]). По приведенному выше указанію I-й Софійской лѣтописи подъ 1396 годомъ Зыряне упоминаются между Южанами (жителями р. Юга) и *Вятчанами* (обитавшими по р. Вяткѣ), что̀ даетъ поводъ искать поселенія зырянскія въ верховьяхъ рр. Вятки и Камы, гдѣ и оказались слѣды ихъ, но при недостаткѣ болѣе точныхъ историческихъ указаній это предположеніе нуждается еще въ подтвержденіи.

Что касается до *многихъ языковъ*, которые, по свидѣтельству лѣтописи въ 1396 году, сидѣли на р. Вяткѣ, то ужь изъ приведенныхъ выше историческихъ указаній видно, что подъ ними надобно разумѣть, безъ сомнѣнія, племена *Вотяковъ*, *Черемисовъ*, *Вогуловъ*, *Остяковъ*, *Татаръ* и *Башкировъ*.

Вотяковъ считаютъ первобытными обитателями Вятской земли, хотя въ то же время допускаютъ ихъ племенное сходство съ изчезнув-

[1]) Спис. нас. м. Пермск. губ., стр. 419; Спис. нас. м. Вятск. губ., стр. 929.

[2]) Спис. нас. м. Пермск. губ., 397; Спис. нас. м. Вятск. г., стр. 869 и 961.

шимъ племенемъ *Ариновъ*, обитавшихъ по р. Енисею. Сами себя Вотяки называютъ *Отъ*, *Утъ* и *Утъ-Муртъ* или *Утъ-Мортъ*. Полагаютъ, что названіе Вотяковъ или *Вотъ* дано этому финскому племени Русскими и составилось изъ прибавленія звука *в* къ слову Отъ. Татары, ранѣе Русскихъ знавшіе Вотяковъ, называютъ ихъ *Ари*. Время переселенія Ариновъ съ береговъ Енисея въ предѣлы нынѣшней Европейской Россіи въ точности неизвѣстно; но едва ли это событіе не должно относить къ тому же X вѣку, когда Остяки, жившіе въ верхнемъ теченіи Оби, должны были, уступая движенію Тюркскихъ племенъ, подвинутся къ сѣверу. Какъ бы то ни было, Вотяки, по преданію, о нихъ существующему, сначала жили въ предѣлахъ Казанской губерніи, около нынѣшняго города Арска, и оттуда были вытѣснены Татарами на р. Вятку. Въ концѣ XII вѣка они уже извѣстны намъ на берегахъ р. Вятки, гдѣ ихъ нашли Новгородцы, отнявшіе у нихъ такъ-называемый *Болванскій* городокъ [1]): это было въ 1181 году. Распространеніе новгородской колонизаціи, съ завоеваніемъ черемисскаго городка Кокшарова, составило въ XII вѣкѣ зародышъ области Вятской. Хотя съ теченіемъ времени, вслѣдствіе водворенія на рѣкѣ Вяткѣ Новгородцевъ, Вотяки и Черемисы были оттѣснены съ первоначальныхъ ихъ жилищъ въ глубь болотистыхъ лѣсовъ по окраинамъ Вятскаго края, и на постепенно оставляемыхъ ими мѣстахъ начали устраиваться русскіе погосты,—но это водвореніе Новгородцевъ, въ первоначальномъ его видѣ, вообще представляется тѣмъ случайнымъ „пріисканіемъ землицъ", которое именно въ этой формѣ встрѣчается нерѣдко въ актахъ, относящихся до исторіи Сибири, и не имѣло характера прочнаго заселенія края. Это, вѣроятно, зависѣло и отъ того, что новоучреждаемая колонія, прервавъ непосредственную связь съ своею метрополіей—Новгородомъ, пополнялась только случайными пришельцами съ разныхъ сторонъ, начавшими здѣсь появляться лишь въ началѣ XIV вѣка, то-есть, около 1325 г., когда Устюжане и Двиняне пробрались въ Вятскій край по притокамъ р. Вятки (Леткѣ и Мологѣ) и основали новые города. Съ появленіемъ Славянъ, Во-

[1]) Геогр. Сл. Сем. I, 565; Энц. лекс. Плюш. III, 47, 196, XII, 116; Матеріалы для Геогр. словаря Барсова, стр. 10.

тяки удалились на востокъ и поселились по р. Чепцѣ. На этой рѣкѣ Вотяки упоминаются и въ позднѣйшихъ актахъ, именно въ 1548 году, когда верховья Чепцы были отданы во владѣніе Арскимъ князьямъ-Татарамъ [1]). Но это было тогда, вѣроятно, не единственное мѣстопребываніе Вотяковъ; по крайней мѣрѣ позднѣе мы встрѣчаемъ ихъ и въ другихъ мѣстахъ.

Вотяки упоминаются въ нынѣшней Казанской губерніи въ XIII вѣкѣ, когда татарскій ханъ Саинъ, основавъ Казань, населилъ ее, между прочимъ, и ими; въ 1469 году Вотяки принимали участіе въ защитѣ Казани противъ Русскихъ; упоминаются Вотяки и въ предѣлахъ Арской области, когда они въ XVI столѣтіи были усмирены Іоанномъ Грознымъ. Были въ началѣ второй половины XVI вѣка Вотяки и въ верховьяхъ Камы, тамъ, гдѣ Строгановы поставили Кайгородокъ въ защиту отъ ихъ набѣговъ; въ 1581 году Вотяки, въ союзѣ съ другими инородцами, упоминаются во время нападенія ихъ на Чудскіе городки (въ предѣлахъ Пермской губерніи [2]).

Относительно *Черемисовъ* существуетъ мнѣніе, что это племя, называющее себя *Мари*, вытѣсненное изъ Сибири Тюркскими племенами (можетъ быть—одновременно съ Аринами), первоначально заняло въ Казанской губерніи мѣста, прежде принадлежавшія Зырянамъ по берегамъ Волги, а оттуда потѣснило Мордву и разсѣялось до устья Оки, приблизительно въ нынѣшнихъ уѣздахъ Казанской губерніи Ядринскомъ, Цивильскомъ, Чебоксарскомъ, Царевококшайскомъ и Козмодемьянскомъ (и западнѣе въ предѣлахъ Нижегородской губерніи). Тѣснимые Болгарами и Буртасами, Черемисы подвинулись къ сѣверу и перешли въ Вятскую губернію [3]). Время этого передвиженія въ точности не извѣстно; но новгородская колонизація застаетъ Черемисовъ въ исходѣ XII вѣка на р. Вяткѣ. Это было въ 1181 году, когда Новгородцы, оставшіеся на Камѣ, двинулись вверхъ по р. Вяткѣ и нашли ихъ въ городѣ Кокшаровѣ. Чере-

[1]) Акты Арх. Эксп., I, 209.

[2]) Геогр. Сл. Сем. I, 564; Акты Археогр. Эксп., I, 220, 436, 438.

[3]) Allgem. Nord. Geschichte von Schlözer, 305; Матеріалы для этнографіи Каз. губ. Риттиха, I, 18, II, 121.

мисы, вынужденные оставить свой городъ, какъ полагаютъ, отодвинулись къ окраинамъ Вятской земли, или вѣрнѣе—на югъ, къ предѣламъ нынѣшней Казанской губерніи, гдѣ они подъ названіемъ Черемисовъ Кокшайскихъ, Санчурскихъ, Яранскихъ и даже Кунгурскихъ и Чусовскихъ, упоминаются въ актахъ, являясь въ союзѣ съ Татарами или ими подстрекаемые, въ числѣ мятежниковъ, разорявшихъ Вятскій край. Такъ въ 1610 году, какъ видно изъ отписки Перми Великой въ Вятку,—„собралось де (по распросамъ) въ Санчурскомъ уѣздѣ въ Южь волости.... *Санчурской Черемисы* тысячи съ двѣ... а въ Царегородскомъ де уѣздѣ, въ Хозяковѣ волости... *Черемисы Царегородскіе* съ тысячу человѣкъ.... а *Козмодемьянскіе Черемисы* семь сотъ человѣкъ.... въ *Кокшайскомъ* (уѣздѣ) въ Шермуши волости.... и по тѣмъ вѣстямъ воровскимъ людемъ чаяти приходу на Вятскую землю вскорѣ“. Въ уѣздѣ Малмыжскомъ пребываніе Черемисовъ подтверждается тѣмъ, что на мѣстѣ города Малмыжа было черемисское поселеніе, составлявшие мѣстопребываніе Черемискаго князька Болтуша, данника татарскаго. Оно взято Русскими въ 1550 году. Городъ Яранскъ, возникшій нѣсколько позднѣе (въ 1584 году), основанъ былъ въ защиту отъ набѣговъ Луговой Черемисы, жившей по лѣвому берегу Волги. И городъ *Санчурскъ* (Царевосанчурскъ) считался въ числѣ *черемисскихъ* городовъ, какъ видно изъ актовъ 1609 года, по поводу сбора ратниковъ (Пермяковъ, Сылвинскихъ и Иренскихъ Остяковъ и Вишерскихъ и Лозвинскихъ Вогуличей) на защиту города и уѣзда отъ измѣнниковъ, въ эпоху междуцарствія. Во второй половинѣ XVI вѣка Черемисы упоминаются даже около мѣстности нынѣшняго города Перми, гдѣ они тѣснили отъ береговъ Камы Остяковъ, какъ видно изъ жизнеописанія преподобнаго Трифона. Въ 1609 году, какъ видно изъ отписки Вятчанъ къ Устюжанамъ, *Черемисы Санчурскіе* и *Яранскіе*, возмутившись вмѣстѣ съ Татарами, измѣнили законному государю и крестъ цѣловали самозванцу. Въ томъ же году Черемисы бунтовали и въ предѣлахъ Казанской губерніи, гдѣ и были разбиты, какъ видно изъ отписки Вятчанъ, гдѣ говорится: „Божьею милостію... и государевымъ счастьемъ Казанскіе и Свіяжскіе служилые люди Татаръ, *Черемису*, Свіяжскихъ и Чебоксарскихъ и Цывилскихъ и Кокшайскихъ и Алатырскихъ и Арзамаскихъ воровъ подъ Свіяжскимъ многихъ лю-

дей безчислено побили на голову и трупу ихъ легло побитыхъ на семи верстахъ, а кололи ихъ что свиней" [1]).

Вогулы считаются, какъ извѣстно, Финскимъ племенемъ, не только тожественнымъ, но и однороднымъ съ Юграми, и самое имя Вогуловъ, по свойству финскихъ нарѣчій, считаютъ только діалектическимъ измѣненіемъ слова Югры. Существуетъ притомъ мнѣніе, что названіе этого племени Вогулами есть зырянское, и что оно происходитъ отъ зырянскаго слова Вог-ны (такого слова въ Зырянскомъ словарѣ г. Саввантова нѣтъ), означающаго „ублюдокъ". Но есть еще мнѣніе, по которому только нынѣшніе Вогулы составляютъ смѣсь Вогуличей и Югровъ, а древніе Вогулы должны считаться самостоятельнымъ племенемъ. Такое мнѣніе основываютъ на томъ, что въ I-й Софійской лѣтописи, подъ 1396 г., имя Вогуличей встрѣчается рядомъ съ именемъ Югровъ, и что, слѣдовательно, *Новгородцы отличали одно племя* отъ другаго. Но мы уже имѣли случай убѣдиться при нашихъ изслѣдованіяхъ въ случайности многихъ этнографическихъ опредѣленій, а потому и на этотъ разъ считаемъ правильнымъ думать, что упоминаніе въ лѣтописи въ одно время о Украхъ и Вогулахъ не даетъ еще права заключать объ отдѣльности и разности этихъ племенъ, ничѣмъ не подтверждаемой въ исторіи ихъ до XIV вѣка; напротивъ того, можно указать нѣсколько положительныхъ фактовъ, что Новгородцы въ концѣ XII в. и въ XIII вѣкѣ знали только одныхъ Югровъ. Въ подтвержденіе самостоятельности Вогульскаго племени приводятъ еще то доказательство, что Вогулы прежде жили гораздо западнѣе—на берегахъ р. Вычи, и что они оставили эти мѣста и подвинулись къ востоку, то-есть, къ западному склону Уральскаго хребта, а оттуда перебрались на восточной склонъ Урала только тогда, когда Русскіе стали усиливаться на самомъ Уралѣ: мнѣніе это подтверждается преданіемъ, будто бы существующимъ у Вогуловъ, по которому они называются не потомками Югры, а выходцами Пермскими, и убѣждены къ своемъ происхожденіи отъ Пермской Чуди. Но это трудно и едва ли возможно согласить съ положительными извѣстіями объ Юграхъ, которыхъ мы только въ 1096 году видимъ жителями самаго крайняго сѣверо-востока въ сосѣдствѣ съ Самоѣдами. Въ XII вѣкѣ р.

1) Акты Арх. Эксп., II 193, 278; Русск. св., мѣс. окт., 208.

Печора была уже во власти Зырянъ (извѣстныхъ тогда подъ именемъ Печоры), и мы даже видимъ въ Зырянской землѣ такъ-называемыхъ югорскихъ данниковъ (то-есть, Новгородцевъ, собиравшихъ дань съ Югровъ). Когда же эти Вогулы, до сихъ поръ не упоминаемые, жили по р. Вымп? Развѣ въ доисторическій періодъ—по теоріи г. Европеуса? Приведенное же выше преданіе представляется только искаженіемъ дѣйствительности, подтверждаемой другимъ преданіемъ, которое сообщаетъ шведскій подданный Шонстремъ, который жилъ въ 1796 году въ Сибири, какъ плѣнникъ. Онъ передаетъ остяцкое преданіе объ Остякахъ и соплеменникахъ ихъ Юграхъ, жившихъ по берегамъ Двины и Юга. Но это преданіе Мюллеръ справедливо относитъ къ Пермякамъ или Зырянамъ, которые, чтобъ избѣжать проповѣди св. Стефана Велико-Пермскаго, удалились въ XIV вѣкѣ за Уралъ. Такимъ образомъ оба преданія, какъ вогульское, такъ и остяцкое, выражаютъ одинъ и тотъ же темный слухъ о движеніи за Уралъ Пермяковъ или Зырянъ, не имѣющій никакого отношенія къ Юграмъ и Вогуламъ, а равно и къ Остякамъ, которыхъ мы у береговъ Двины и Юга не знаемъ ни въ XI, ни въ XII, ни въ XIII вѣкѣ. Мнѣніе Мюллера о переселеніи Зырянъ за Уралъ подтверждается и жизнеописаніемъ св. Стефана Велико-Пермскаго, изъ коего видно, что старѣйшина Вымичей Пама, жившій въ Княжемъ погостѣ, по волѣ св. Стефана былъ прогнанъ новокрещеными Зырянами съ береговъ Выми и вмѣстѣ съ своими сообщниками-язычниками, удалился за Уралъ на р. Обь, гдѣ они поселились между Березовскими Остяками. Сами себя Вогулы, какъ и Остяки, называютъ *Манзи*, Зыряне же тѣхъ и другихъ называютъ *Юграіасъ*. Въ многочисленной семьѣ Финскихъ племенъ Вогулы, вмѣстѣ съ Юграми, Остяками и Мадьярами, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, какъ извѣстно, составляютъ одну Угорскую вѣтвь, которая подъ названіемъ Югровъ извѣстна намъ съ XII вѣка; Югры же азіатскіе въ концѣ XII вѣка жили по обѣимъ сторонамъ р. Оби—къ сѣверу до границъ самоѣдскихъ земель, къ югу—въ сосѣдствѣ съ Татарами, къ западу—до Уральскихъ горъ, а къ востоку—до рр. Надама, Агани и Ваха [1]). Когда они подъ

[1]) Мухам. Нумизм. Савельева, CIV; Геогр. Сл. Сем., I, 493; Энц. Лекс. Плюшара, XII 122; Вѣстн. Г. Общ. 1854 г., XIV, 175; Ugrische Volksstamm v. Muller, I, 163; Русск. св., апр. 112.

именемъ Вогуловъ появились на восточной окраинѣ Пермской земли—въ точности не извѣстно; въ 1385 году они дѣлали нападеніе на новокрещенныхъ Зырянъ, жившихъ по рр. Вычегдѣ и Сысолѣ, а въ 1396 году, по лѣтописному указанію, считаются въ числѣ обитателей Пермской земли [1]). Въ Книгѣ Большаго Чертежа упоминаются Вогулы, жившіе подъ Чердынью, по рр. Моложку и Березовой. Можетъ быть, къ нимъ относится и лѣтописное упоминаніе; но въ исторіи покоренія Чердыни (въ 1452 году) не встрѣчается имени Вогуловъ. Вогулы не тревожили сосѣдей своихъ Зырянъ, пока они оставались язычниками; но по мѣрѣ успѣховъ среди Зырянъ христіанскаго ученія, водворяемаго усердною дѣятельностію Стефана Великопермскаго, Вогулы, какъ свирѣпые идолопоклонники, возненавидѣли новыхъ христіанъ, опасаясь, можетъ быть, ихъ вліянія и на своихъ соотчичей. Этимъ объясняются послѣдующія ихъ непрерывныя враждебныя отношенія къ Зырянамъ и къ подвижникамъ вѣры христіанской, дѣвствовавшихъ послѣ св. Стефана Великопермскаго. Въ началѣ XV вѣка Вогулы начали крещеныхъ Зырянъ насильно обращать въ язычество. Въ 1441 году, въ послѣдніе годы епископства Герасима, вогульскій князь Асыка началъ было снова разорять зырянскія селенія, но на этотъ разъ просьбы и убѣжденія епископа Герасима остановили разореніе, хотя и не надолго, ибо Асыка началъ вскорѣ снова производить грабежи среди Зырянъ. Въ 1446 году Асика былъ усмиренъ дружинами своеземцевъ, занимавшихъ берега Двины и Ваги. Когда же при Пермскомъ епископѣ Питеримѣ, преемникѣ Герасима, были обращены въ христіанскую вѣру жившіе въ сосѣдствѣ съ Зырянами Вогулы, то злобный Асыка вновь возсталъ и въ 1455 году, подкравшись по рѣкѣ Вычегдѣ къ Усть-Выми, внезапнымъ нападеніемъ разогналъ христіанъ, тамъ собравшихся по случаю прибытія Питирима, и самого его мученически умертвилъ [2]). Въ 1481 году этотъ Асыка Вятчанами и Пермянами былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Въ томъ же году войско Іоанна III, разбивъ вновь Вогуловъ, хотя и вынудило у нихъ обязательство платить дань, но

[1]) Вол. Губ. Вѣд. 1859 № 7, 8; Русск. Св., апр. 115.

[2]) Ист. Г. Росс., V, 209 Русск. Свят., янв. 133—142; Пермск., Сб. ст. Крупенина, прим. 28.

враждебныя отношенія ихъ къ Русскимъ не прекращались, и только походъ Русскихъ въ 1499 году положилъ конецъ этому опасному сосѣдству. Завоеваніе 42 югорскихъ городовъ за Ураломъ, вѣроятно, было причиною передвиженія Вогуловъ въ предѣлы Пермской губерніи, гдѣ они въ началѣ XVI вѣка дѣлаются безпокойными сосѣдями Строгановской колонизаціи. Еще въ 1565 году они упоминаются близь мѣстности нынѣшняго города Перми, гдѣ, при устьѣ рѣчки Мулянки, Трифонъ Преподобный нашелъ идольское требище, принадлежавшее Остякамъ и Вогуламъ, которое онъ и истребилъ. Въ 1581 и 1582 годахъ они разоряли Строгановскіе городки въ Соликамскомъ уѣздѣ, подступали къ самой Чердыни, и только съ основаніемъ города Пелыми воеводою княземъ Петромъ Горчаковымъ (въ 1592 году) и съ казнью князя ихъ Албердана Вогулы окончательно смирились [1]). Съ тѣхъ поръ они уже являются осѣдлыми жителями и данниками Русскихъ. Въ 1599 году Вогулы владѣли уже рѣкой *Косвою* и часть ея должны были уступить верхотурскимъ торговымъ людямъ, такъ какъ Вогулы, владѣя по этой рѣкѣ покосами и рыбными ловлями, „сами мало и владѣютъ, отдаютъ покосы въ наемъ Пермичамъ". Въ 1607 году Вогулы, жившіе по Вишерѣ, какъ видно изъ царской граматы въ Пермь Великую, уже были данники Россіи и „прежъ того... ясак платили на Верхотурьѣ". Въ 1609 году *Вишерскіе*, *Лозвенскіе* и *Котимскіе Вогуличи*, вмѣстѣ съ Сыльвенскими и Иренскими Остяками, участвуютъ въ походѣ противъ мятежниковъ, собирающихся у Яранска и Санчурска. Въ 1616 году вмѣстѣ съ Вишерскими Вогулами упоминаются *Вогуличи Вагранскіе*, *Сайкиновскіе* и *Пелымскіе*, которымъ, по *прежнему* велѣно было платить ясакъ въ Перми. Всѣ эти указанія свидѣтельствуютъ о томъ, что уже въ началѣ XVII вѣка Вогулы окончательно стали въ подданство московской власти [2]).

Остяки сами себя называютъ Конды-ху и Ась-ху или Асъ-яхъ, то-есть, Кондійскимъ и Обскимъ народомъ. Отъ слова Асъ-яхъ Клапротъ производитъ и слово Остякъ. Самоѣды называли Остяковъ Тахе; но имя Остяковъ, кажется, вѣрнѣе производить отъ татарскаго слова уштъ-екъ, что̀ значитъ оставленный, дикій, какъ ихъ и на-

[1]) Геогр. Слов. Сем.; I, 499; Русск. Св. окт., 206—208.

[2]) Акты Арх. Эксп., II, 168, 216; III, 112; Акты Ист. II, 26, 326.

зывали Татары, вмѣстѣ съ другими племенами, подпавшими ихъ зависимости, но не оставлявшими дикихъ нравовъ своей жизни. Лербергъ и Кастренъ признаютъ это племя совершенно тожественнымъ съ древними Files Юграми. Что касается до древняго мѣстопребыванія Остяковъ, то между ними существуетъ въ Сибири преданіе, что они вышли изъ странъ верхняго Иртыша или Турецкой Уйгуріи. Даже Обдорскіе Остяки утверждаютъ, что они нѣкогда жили южнѣе. Какъ бы то ни было, но болѣе положительныя извѣстія объ Остякахъ относятся уже къ XIII вѣку, когда Татары, покорившіе часть Сибири, вытѣснили ихъ съ верховьевъ Иртыша въ тѣ мѣста Тобольской губерніи, гдѣ они нынѣ находятся. Послѣ того часть ихъ, можетъ быть—въ соединеніи съ одноплеменниками ихъ Вогулами, подвинулась къ западному предгорью Урала, явившись въ предѣлахъ Пермской земли. Хотя въ лѣтописи подъ 1396 годомъ и названы Остяки, въ числѣ „иноязычныхъ племенъ“, но едва ли не правдоподобно будетъ думать, что это племя, такъ часто и впослѣдствіи являвшееся вмѣстѣ съ Вогуличами, не считалось прямо за одно съ ними племя. Изъ жизнеописанія епископа Іоны, крестившаго Великую Пермь, видно, что Остяки, вмѣстѣ съ Вогулами, во второй половинѣ XV вѣка, жили въ сосѣдствѣ съ Пермяками. Позднѣе они уже несомнѣнно извѣстны своими набѣгами на города Строгановыхъ. Въ 1572 году Остяки, вмѣстѣ съ Башкирами, Черемисами и Вотяками, приходили на рѣку Каму и около Канкора и Кергедана побили русскихъ торговыхъ людей; но Яковъ Строгановъ послалъ за ними погоню, и смиривъ бунтовщиковъ, взялъ съ нихъ присягу въ вѣрности государю Московскому. Это было уже такое время, когда русская колонизація въ краѣ начинала требовать особыхъ мѣръ для удержанія Татарской орды, кочевавшей въ пріуральскихъ степяхъ и безпокоившей не только Русскихъ, но и Вогуловъ и Остяковъ, уже начинавшихъ свыкаться со своею зависимостью отъ Москвы. Для Строгановыхъ необходимость такихъ мѣръ наступила именно около этого времени, когда въ 1574 году Яковъ и Григорій Строгановы получили новую грамату на обладаніе Зауральемъ по рр. Тоболу, Оби, Иртышу въ теченіе 20 лѣтъ [1]). Тогда, около 1580 года, начинается дѣятель-

[1]) Ист. Гос. Росс. Кар. IX, 222, прим. 656; Русск. Св., янв. 143; Описаніе Сиб. Царства Миллера, стр. 80 въ примѣчаніи.

ность Ермака, призваннаго Строгановыми для охраненія Пермской земли. Но въ то время, когда Ермакъ уже находился въ Сибири, Остяки еще разъ являются участниками возстанія противъ Русскихъ: въ 1581 году, какъ видно изъ Строгановской лѣтописи, „князь Пелымскія собра воя своя, число ихъ 700 человѣкъ, и подозва съ собою буйственныхъ и сильныхъ мурзъ и улановъ Сибирскія земли... по неволѣ взя съ собою *Сылвянскихъ*, и *Косвинскихъ*, и *Иренскихъ*, и *Инвенскихъ*, и *Обвинскихъ* Татаръ и *Остяковъ* и Вогуличь, и Вотяковъ, и Башкирцовъ множество и пріиде на Чердынь... и пойдоша подъ Кайгородъ... и подъ Камское Усолье... посады и села пожгоша... и пріидоша подъ Канкоръ и подъ Кергеданъ и подъ Чусовскіе городки и подъ Сылвянскій и Яйвинскій острожки и множество крестьянъ посѣкоша, и полону много взяту бывшу... и множество отъ обою странъ падоша"... [1]). Это были послѣднія волненія Остяковъ. Въ 1609 году *Остяки Каринскіе* и *Верхочепецкіе* по грамотѣ царя Василія Іоанновича Шуйскаго уже платили ясакъ; въ 1609 *Сылвинскіе* и *Иренскіе* Остяки уже вполнѣ зависѣли отъ Русскихъ и упоминаются какъ участники въ походахъ противъ мятежниковъ у Яранска и Санчурска; изъ актовъ видно, что эти Остяки еще до 1609 года были уже приписаны къ числу ясачныхъ и платили ясакъ въ Пермь Великую [2]).

Татары въ область Камы и Вятки, какъ извѣстно, проникли съ двухъ сторонъ, и притомъ въ разное время. Овладѣвъ въ первой половинѣ XIII вѣка Болгарскимъ царствомъ, Татары подчинили себѣ и тѣ финскія племена (Черемисовъ, Вотяковъ и Мордву), кои обитали въ землѣ Болгарской, и коихъ независимая часть подвинулась на сѣверъ въ предѣлы Вятки и проч. Въ томъ же столѣтіи, вскорѣ послѣ Батыя, возникшая Казань была населена Болгарами, Вотяками, Черемисами и Мордвой. Городъ этотъ тогда назывался также „Саиновымъ Юртомъ" и по близости къ Болгаріи, Вятской и Пермской землямъ считался важнымъ пунктомъ. При великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ, въ 1392 г., Ханъ-Тохтамышъ, знавшій о благосостояніи Вятской колоніи Новгородцевъ, послалъ туда для грабежа царевича Бекбута, съ силь-

[1]) Ист. Г. Р. IX, пр. 671.

[2]) Акты Арх. Эксп., II, 218, III, 43, IV, 433—436.

нымъ отрядомъ. Бекбутъ внезапнымъ своимъ нападеніемъ навелъ ужасъ на Вятчанъ, разбѣжавшихся въ лѣса, и разорилъ многіе города [1]). Движеніе Татаръ во внутренность Россіи хотя и остановило дальнѣйшее разореніе ими Вятской земли, но возбудило у инородцевъ - старожиловъ этого края надежду на освобожденіе отъ Новгородцевъ и перешло въ продолжительную вражду Черемисовъ и Вотяковъ, кои не оставляли въ покоѣ новгородскую колонію, найдя себѣ поддержку въ хищничествѣ Татаръ. Только съ паденіемъ Казанскаго царства, когда была усмирена Луговая Черемиса, Вятскій край освободился отъ опасности со стороны Татаръ; за то въ началѣ XVI вѣка явились Татары Сибирскіе, которые въ 1505 г., подъ предводительствомъ Кулукъ-Салтана, разорили Соликамскій край; особенно тогда пострадало Строгановское населеніе Камское Усолье. Татары эти, вѣроятно, уже ранѣе вслѣдъ за Остяками перешли въ Пермскій край и вмѣстѣ съ выходцами казанскими поселились тамъ на мѣстахъ, принадлежавшимъ Остякамъ. Указываютъ даже на то, что Татары, жившіе по р. Сылвѣ и ея притокамъ, долго назывались Остяками. Изъ старинныхъ актовъ видно, что уже въ XVI вѣкѣ Татары тамъ неоднократно были закрѣпляемы на жительство пожалованіемъ земель. Въ 1548 году „*Арскимъ князьямъ* съ Вятки" пожалованы были Іоанномъ Грознымъ за службу ихъ „въ *Каринѣ* помѣстьемъ... и *на Чепцѣ* и угодьи, и луги, и перевѣсьи, и пожни, со всѣми съ тѣми угодьи, что *изстари* къ тому помѣстью" (принадлежали); въ 1551 году *Каринскимъ Татарамъ* пожалованы были „*вверхъ Чепцы* оброчныя бобровыя рѣкы и озера на Чепцѣ". Въ 1553 году упоминаются жалованныя Арскимъ князьямъ оброчныя рѣчки „съ усть *Чепцы*... и озера малые и рѣчки". Въ 1556 году, въ жалованной грамотѣ Іоанна IV говорится: „пожаловалъ есми Вятскихъ князей... что де за ними... на Вяткѣ въ *Слободѣ* деревеньки (въ Слободскомъ уѣздѣ)... у нихъ грамота на Вяткѣ въ Слободскомъ городѣ сгорѣла... на Вяткѣ въ слободѣ деревня (ихъ) *Шептяковская* да деревня *Желтиковская* были". Но все это относится до Вятскаго края, а въ землѣ Пермской отношенія Татаръ по прежнему оставались враждебными. Въ 1573 году сибирскій царевичь Маметкулъ, сынъ Кучума, приходилъ на р. Чусовую, вторгнулся въ Пермь Великую и побилъ много народу. Въ 1581 году Сибирскіе

[1]) Ист. Г. Росс. Кар. V, 74.

Татары участвовали въ нападеніи на Пермь Великую Пелымскаго князя [1]). Только съ паденіемъ Сибирскаго царства Пермскій край былъ обезпеченъ отъ ихъ набѣговъ.

Что касается *Башкиръ*, то уже арабскіе писатели X вѣка упоминаютъ о тюркскомъ народѣ „Башкуртъ", который кочевалъ за Волжскими Болгарами, въ сосѣдствѣ съ Печенѣгами. Рубриквисъ сообщаетъ, что народъ „Паскатиръ" (Pascatir), какъ онъ называетъ Башкировъ, извѣстенъ былъ въ его время подъ названіемъ *Ягагъ* (Jagag) или *Яикъ*, и что по языку онъ сроденъ съ Венграми. Башкиры, до появленія Монголовъ, были вполнѣ независимы. Около половины XIII вѣка, сдѣлавшись подвластными Монголовъ, они платили дань частію Сибирскимъ Татарамъ (Башкиры зауральскіе), а частію—Казанскимъ (Башкиры, жившіе по рр. Бѣлой и Уралу). Пользуясь паденіемъ Казани, они въ 1558 году сами отдались въ подданство Россіи и получили отъ Іоанна Грознаго въ обладаніе земли, на которыхъ дотолѣ сидѣли. Но это подданство не было на столько прочно, чтобы могло удерживать ихъ отъ участія въ возмущеніи противъ Русскихъ. Въ 1572 году Башкиры, въ союзѣ съ инородцами, враждебными къ успѣху русской колонизаціи въ Пермской землѣ, приходили на р. Каму и разорили Строгановскіе городки; въ 1581 году въ соединеніи съ Пелымскимъ княземъ они нападали на Чердынь. И позднѣе Башкиры не разъ являются участниками въ грабежахъ и въ своевольномъ захватѣ чужихъ земель. Въ 1616 году, какъ видно изъ грамоты царской въ Пермь Великую, „*Уфинскіе Башкиры*... перевезлись за Каму рѣку... потому что де Пермичи и напередъ сего на нихъ приходили войною". Въ 1663 году, какъ видно изъ наказа Казанскому воеводѣ князю Григорію Куракину, велѣно было имѣть наблюденіе за дѣйствіями *Башкировъ Уфимскихъ* „и стоять съ великимъ береженьемъ по Камѣ рѣкѣ вверхъ и внизъ, посылать.. служилыхъ новокрещеновъ (Чувашей, Черемисовъ, Вотяковъ и Мордву)... чтобъ воровскіе воинскіе Башкирцы и Калмыки и Нагайцы черезъ рѣку Каму... не пришли..." [2]).

[1]) Акты Археогр. Эксп. I, 209, 217, 240, 268; Ист. Гос. Росс. Кар. IX, пр. 660, 671; Хоз. оп. Пермск. губ. Попова, III, 33.

[2]) Энц. Лекс. Плюш. IV, 151; Геогр. сл. Семенова, I, 225; Ист. Г. Росс. Кар. IX, 223, пр. 660; Акты Арх. Эксп., III, 116, Ак. Ист., IV, 336; Доп. къ Акт. IV, № 124.

Что касается до *Пертасовъ* (подъ которыми разумѣются Буртасы), упоминаемыхъ въ лѣтописи подъ 1396 годомъ, въ числѣ „иноязычныхъ племенъ", принадлежавшихъ къ Пермской области, то они, какъ извѣстно по свидѣтельству арабскихъ жителей, жили въ нынѣшнихъ губерніяхъ Саратовской, частію Симбирской и Казанской по Камѣ—по западной, а можетъ быть, частію и по восточной сторонѣ, слѣдовательно, въ сосѣдствѣ съ Черемисами и Вотяками, но во всякомъ случаѣ внѣ области Пермской— въ землѣ „Татарской", по выраженію лѣтописца, куда „потече Кама и паде въ Волгу" [1]). О нихъ съ большею подробностію умѣстнѣе говорить впослѣдствіи, при обзорѣ Поволжскихъ губерній.

Изъ сопоставленія историческихъ свѣдѣній (во многомъ еще ожидающихъ дополненія) о племенахъ, указанныхъ лѣтописью подъ 1396 годомъ, какъ обитавшихъ въ Пермской области (въ ея позднѣйшемъ географическомъ значеніи), видно, что всего основательнѣе признать самыми древними обитателями этого края, въ предѣлахъ Пермской губерніи и въ сѣверной части Вятской, *Ямь* или Гамаль Чусовую, въ народномъ преданіи извѣстную вообще подъ названіемъ Чуди или *Чудаковъ*, *Зырянъ* и *Пермяковъ*, изъ коихъ послѣдніе въ Пермской землѣ исторически отмѣчены еще въ XV вѣкѣ. Почти одновременно съ ними, но исторически ранѣе ихъ, дѣлаются извѣстными въ XII вѣкѣ, въ предѣлахъ Вятской губерніи, *Вотяки* и *Черемисы*, изъ коихъ первые движеніемъ новгородской колонизаціи съ береговъ Вятки были оттѣснены на юго-востокъ—на рѣку Чепцу, а позднѣе, съ наплывомъ татарскаго населенія, еще южнѣе; Черемисы же, уступивъ Новгородцамъ среднее теченіе Вятки, отодвинулись на юго-западъ и на югъ, въ сосѣдство съ Луговыми Черемисами (Волжскими), гдѣ мы знаемъ ихъ и въ настоящее время. *Вогулы* и *Вотяки* вмѣстѣ проникли изъ-за Урала и являются въ XIV вѣкѣ злѣйшими противниками христіанства въ землѣ Зырянской, а потомъ позднѣе неоднократно разоряютъ пермскихъ владѣтелей Строгановыхъ. *Татары Казанскіе*, разорившіе область Вятскую въ концѣ XIV вѣка, дѣлаются по-

[1]) Мухам. Нум. Сав., LXIV, LXV; Пол. Соб. Лѣт. V: I-я Соф. 250; Энц. Лекс. Плюш., VII, стр. 421.

томъ союзниками и подстрекателями Черемисовъ, разорявшихъ южную часть Вятской губерніи, а *Татары Сибирскіе*, вслѣдъ за Вотяками вторгнувшіеся изъ-за Урала въ восточную часть Пермской губерніи, сливаются тамъ съ выходцами Татарами Казанскими; наконецъ, *Башкиры* въ XV вѣкѣ, въ періодъ нами разсматриваемый, до конца XVIII вѣка остаются у береговъ Камы, гдѣ ихъ сторожила московская власть, не дозволяя имъ перейдти эту рѣку.

Разсматривая въ хронологическомъ порядкѣ историческія свѣдѣнія о движеніи русской колонизаціи по теченію рѣкъ Вятки и Камы, нельзя не замѣтить, что хотя Пермскій край имѣетъ давнюю извѣстность по положенію его на древнемъ торговомъ пути съ сѣверо-востока Европы къ азіатскимъ народамъ, но по отношенію къ русской колонизаціи онъ уступаетъ краю Вятскому, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ появленіе Славянъ относится еще ко второй половинѣ XII вѣка. Этимъ объясняется и относительно различная древность географическихъ свѣдѣній, которыя могли послужить источникомъ при составленіи Большаго Чертежа для этой области.

Изъ сравненія историко-географическихъ свѣдѣній, относящимся къ предѣламъ Вятской и Пермской губерній, съ описаніемъ вошедшимъ въ текстъ Чертежа прежде всего очевиднымъ представляется, что нѣкоторыя географическія указанія, по видимому, долженствовавшія войдти въ Чертежъ, остались не внесенными. Въ числѣ ихъ по *Вятской* губерніи нѣтъ въ описаніи Чертежа города *Сарапуля* (существующаго съ 1599 года), *Уржума* (коего мѣстность извѣстна съ 1533 года и въ 1584 году имѣла значеніе крѣпости); пропущена въ описаніи Чертежѣ и рѣка *Чепца*, которая при довольно значительной длинѣ теченія (до 400 верстъ) имѣла весьма замѣтное историческое значеніе по разнообразію инородческаго населенія, занимавшаго въ разное время ея берега. *Пермская* губернія также представляетъ довольно много такихъ мѣстностей, кои уже существовали въ эпоху правительственнаго значенія Чертежа, и коихъ отсутствіе въ немъ можетъ быть, впрочемъ, объясняемо особыми причинами. Не будемъ поэтому говорить о такихъ исторически извѣстныхъ мѣстностяхъ, какъ городъ *Почка*, въ 1472 году основанный Русскими и вскорѣ оставленный, какъ городки перм-

скіе *Уросъ* и *Искоръ*, которые въ томъ же 1472 году были разорены Русскими и не возобновлялись. Не говоримъ и о такихъ городкахъ, какъ *Очерскій* и *Сылвенскій*, которые имѣли временное значеніе, какъ его впрочемъ имѣли и *Чусовскіе городки*, и *Лозвенскій*, внесенные въ описаніе Чертежа. Но едва ли не должно обратить вниманіе на то, что въ Кн. Б. Ч. не упоминается *Ирбитская слобода* (впослѣдствіи городъ Ирбитъ), извѣстная съ 1597 года, и въ особенности съ 1643 года, когда въ ней, по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, была учреждена ярмарка. Не упомянутъ въ описаніи Чертежа и *Далматовъ монастырь*, положительно устроившійся въ 1664 году, а въ 1674 году имѣвшій уже вотчины, пожалованныя царемъ; не упомянуты и другіе монастыри, какъ *Соликамскій* (существовавшій съ 1607 года), *Верхотурскій* (извѣстный съ 1609 года, и нѣкоторые другіе. Не нашли себѣ мѣста въ Кн. Б. Ч. многіе имѣвшіе въ свое время значеніе притоки Камы: *Очеръ*, *Ласва Нытва*, *Сюзьва*, *Ашапъ*, кои въ 1597 году особою граматой были отданы во владѣніе Строгановымъ и составляли въ юго-западномъ углу Пермской губерніи первые пути водворенія русской колонизаціи. Пропущена въ Кн. Б. Ч. и рѣка *Иссть*, имѣющая въ предѣлахъ Пермской губерніи до 300 верстъ теченія, и рѣка *Обва*, текущая на протяженіи 200 верстъ.

Что касается тѣхъ географическихъ указаній, кои вошли въ описаніе Чертежа по областямъ Вятки и Камы, то они едва ли могли появиться въ немъ ранѣе XV вѣка. Въ хронологическомъ порядкѣ можно отнести *къ XV вѣку* упоминаніе о слѣдующихъ пунктахъ: *Хлыновъ*, основанный въ 1171 году, и можетъ быть, въ 1392 году испытавшій татарское разореніе; *Котельничъ*, основанный въ 1181 году и упоминаемый потомъ только въ 1459 году; *Орловъ*, появившійся около 1325 года и упоминаемый потомъ въ одно время съ Котельничемъ; *Шестаковъ*, появившійся около 1325 года и упоминаемый потомъ въ 1545 году; *Чердынь*, существовавшая до 1470 года и возобновленная послѣ пожара въ 1535 году; *Усолье Камское*, существовавшее до 1430 года и упоминаемое въ актахъ 1557 года.

Но и эти мѣстности, имѣвшія издревле значеніе въ краѣ, можетъ быть, не всѣ попали въ Чертежъ въ XV вѣкѣ, потому что не только ранѣе этого вѣка; но даже и въ этомъ вѣкѣ

распространеніе Чертежа на разсматриваемый нами край хотя и возможно было послѣ покоренія Новгорода (въ 1471 году), когда Москва уже наложила свою руку на тотъ край, однако власть ея тамъ была не крѣпка, такъ какъ, съ одной стороны, противъ своеволія Пермяковъ Москва еще во второй половинѣ XV вѣка должна была прибѣгать къ силѣ оружія, а съ другой — сосѣдство Казанскихъ Татаръ отзывалось для края частными возмущеніями инородцевъ, и только съ паденіемъ Казанскаго царства, послѣ 1553 года, опасность эта уменьшилась. Что касается до новгородской колоніи—Хлынова, то она, положивъ начало русской колонизаціи по берегамъ Вятки, оставалась въ неопредѣленныхъ границахъ до тѣхъ поръ, пока въ концѣ XV вѣка не потеряла своей самостоятельности и не подчинилась совершенно Москвѣ: въ 1499 году мы уже видимъ Вятчанъ участниками московскихъ походовъ въ Югорскую землю. Колонизація Пермскаго края началась вообще еще позднѣе.

Продолжая хронологическій подборъ указаній, для пополненія Чертежа, можно отнести *къ XVI вѣку*: а) по *Вятской* губерніи: *Малмыжъ*, существующій съ 1550 года и въ этомъ году только отнятый у Черемисовъ; *Кайгородъ*, существующій съ 1552 года; *Еранскъ* и *Санчурскъ* основанные послѣ 1584 году; *Елабугу*, извѣстную послѣ 1552 года; *Екатерининскую пустынь*, упоминаемую въ 1559 году; б) по *Пермской* губерніи: *Пыскорскій монастырь*, основанный въ 1570 году (до того Канкоръ); *Кергеданъ*, основанный въ 1566 году (послѣ того извѣстный подъ именемъ Орла); *Чусовскіе городки*, основанные въ 1567 году; *Лозвенскій городокъ*, основанный въ 1589 году, и *Верхотурье-градъ*, основанный въ 1593 году. Наконецъ, *къ XVII вѣку* относится *Кунгуръ*, основанный въ 1649 году.

Говоря о географическихъ указаніяхъ Кн. Б. Ч., относящихся къ Пермскому краю въ XVII вѣкѣ, нельзя пройдти молчаніемъ одинъ замѣчательный картографическій источникъ, дополняющій древнюю географическую карту своими указаніями. Мы говоримъ о *Сибирскомъ чертежѣ Ремезова*, который, какъ извѣстно, по времени появленія своего относится къ 1668 году [1]) и захваты-

[1]) Путешествіе на сѣверъ и востокъ и по Сибири А. Миддендорфа, 1860, ч. 1, стр. 36.

ваетъ собою не только западное предгорье Урала въ предѣлахъ Пермской губерніи, но и мѣстности по теченію Волги, Оки и пр., какъ Казань, Москву. Чертежъ этотъ однакоже во многихъ случаяхъ совершенно лишенъ по отношенію къ пространству, нами разсматриваемому, географической точности, какъ очевидно изъ слѣдующихъ примѣровъ: *Казань* показана при впаденіи въ Волгу рѣки Уфы, которой притокъ составляетъ рѣка Чусовая, и только поэтому можно догадываться, что подъ Уфой здѣсь можно разумѣть Каму, хотя незначительная длина ея въ дѣйствительности извилистаго теченія не соотвѣтствуетъ показанію, и притомъ эта рѣка Уфа, прежде впаденія въ Волгу, сливается съ рѣкою Чукманомъ (которой мы не знаемъ), и лишь въ числѣ притоковъ этой послѣдней показана рѣка Кама, имѣющая видъ небольшой рѣчки. Рѣку *Чукманъ* впрочемъ можно принять за рѣку Каму, потому впрочемъ только, что по ней показаны пункты, дѣйствительно стоящіе на Камѣ, каковы: *Кайгородъ*, вблизи его *Соль-Камская*, *Паскаръ* (вѣроятно, Пыскоръ) и т. д. Но обратимся къ тому, что̀ составляетъ непосредственный интересъ для нашего изслѣдованія. На Ремезовской картѣ оказывается довольно значительное число селеній, кои принадлежатъ Пермской губерніи, хотя географическое положеніе ихъ также лишено правдоподобія. На этой картѣ показаны *Верхотурье*, *Далматовъ* и *Шадрино* (то-есть, Шадринская слобода). Въ верховьяхъ рѣки *Кети* (вѣроятно—Исети) показаны селенія: *Арамильска* (нынѣ Арамиль, Арамильское, при рѣкѣ Исети, въ 23 верстахъ отъ Екатеринбурга), *Камышево* (нынѣ Камышевское, при рѣкѣ Исети, въ 70 верстахъ отъ Екатеринбурга), *Колчеданской* (нынѣ Колчедановское на р. Исети въ 60 верстахъ отъ Камышлова), *Камышевка* (нынѣ Камышевское, при рѣкѣ Исети, въ 63 верстахъ отъ Камышлова), *Брусянка* (нынѣ Брусянское, при рѣкѣ Брусянкѣ въ 51 верстахъ отъ Камышлова или Брусянское при рѣкѣ Брусянкѣ въ 46 верстахъ отъ Екатеринбурга); по рѣкѣ *Пыжмѣ* показаны селенія *Рѣжъ* (нынѣ Рѣжъ или Рѣжевское, при рѣкѣ Рѣжѣ, въ 100 верстахъ отъ Екатеринбурга), *Пышминка* (нынѣ Пышма при рѣкѣ Пышмѣ, въ 11 верстахъ отъ Екатеринбурга), *Красноярская* (нынѣ Красноярское при рѣкѣ Пышмѣ, въ 20 верстахъ отъ Камышлова); близъ рѣки *Невьи* показаны: *Мурзино* (нынѣ Мурзинка при озерѣ Исетскомъ, въ 36 верстахъ отъ Ека-

теринбурга), *Аятъ* (нынѣ Аятское, при рѣкѣ Аятѣ и Санѣ, въ 74 верстахъ отъ Екатеринбурга), *Аримашева* (нынѣ Арамашевка при рѣчкѣ Арамашевкѣ, въ 121 верстахъ отъ Екатеринбурга), *Невянское* (нынѣ Невьянскій Старый, при рѣкѣ Нейвѣ, въ 90 верстахъ отъ Екатеринбурга); близь рѣки *Тагиля* показаны: *Гаева* (нынѣ Гаева, при рѣкѣ Тагилѣ, въ 95 верстахъ отъ Верхотурья), *Рудна* (нынѣ Рудна, при рѣчкѣ Ницѣ, въ 43 верстахъ отъ Ирбити), *Ощенково* (нынѣ Ощепково, при р. Рѣжѣ, въ 119 верстахъ отъ Екатеринбурга или Ощепкова при рѣкѣ Тагилѣ, въ 76 верстахъ отъ Верхотурья), *Микольскій* (нынѣ Никольское, при рѣкѣ Салкѣ, въ 170 верстахъ отъ Верхотурья); при рѣкѣ *Турѣ* показаны: *Маркушка* (нынѣ Маркушино, при рѣкѣ Турѣ, въ 51 верстѣ отъ Верхотурья), *Красная Горка* (нынѣ Красногорское, при рѣкѣ Турѣ, въ 24 верстахъ отъ Верхотурья), *Салдинской* (нынѣ Салдинское, при рѣкѣ Салдѣ, въ 20 верстахъ отъ Верхотурья); при рѣкѣ *Салдѣ* показаны: *Ермакова* (нынѣ Ермаково, при рѣчкѣ Меженкѣ, въ 94 верстахъ отъ Ирбити), *Панова* (нынѣ Панова, при рѣчкѣ Россахъ, въ 20 верстахъ отъ Ирбити) [1]). Всѣ эти селенія Екатеринбургскаго, Камышловскаго, Ирбитскаго и Верхотурскаго уѣздовъ, внесенныя въ чертежъ Ремезова около 1868 года, вѣроятно, существовали значительно ранѣе и свидѣтельствуютъ объ относительной населенности этого края, о чемъ умалчивается въ Кн. Б. Ч.

Говоря о томъ, что текстъ Кн. Б. Ч. въ предѣлахъ Вятской и Пермской губерній не могъ сложиться ранѣе XVI вѣка, мы можемъ указать только на то, что самымъ раннимъ источникомъ, хотя бы для западной части Пермской губерніи, представляются грамоты, данныя царемъ Іоанномъ IV Строгановымъ съ 1558 по 1597 годъ; но относительно остальныхъ географическихъ указаній, особенно по Вятской губерніи, нельзя не имѣть въ виду писцовыхъ книгъ 1623 и 1624 годовъ, упоминаемыхъ при описаніи Кунгура, а также книги Аѳанасія Толоченова 1629 года, упоминаемой при описаніи нѣкоторыхъ вятскихъ городовъ, и описи писца Караулова 1654 г., также относящейся до вятскихъ городовъ; такимъ образомъ прійдется относить текстъ Чертежа въ большей части показаній ко

[1]) Спис. нас. мѣстѣ Пермск. губ. №№ 1831, 1977, 1992, 2059, 2101, 2117 2121, 2134, 2138, 2159, 2170, 2197, 2213, 2226, 2288, 2334, 2564, 2567, 2602, 2707, 2871, 2854 и 2970.

временамъ царя Михаила Θеодоровича. Еслибъ эти писцовыя книги и описи сохранялись не въ отрывкахъ, то безъ сомнѣнія, въ нихъ нашлись бы и другія указанія, годныя для разъясненія Кн. Б. Ч. Въ виду этого и приведенныя нами соображенія о составленіи Чертежа для этого края въ XV и даже въ XVI столѣтіяхъ имѣютъ пока только значеніе вѣроятности.

При хронологическомъ разложеніи текста Чертежа относительно этого края дѣлается весьма очевиднымъ, что текстъ этотъ имѣетъ двѣ совершенно разновременныя редакціи, изъ коихъ первая, какъ выше объяснено, не могла выработаться ранѣе XVI вѣка (за немногими исключеніями); но есть еще вторая редакція позднѣйшая, которая обличаетъ себя нѣкоторыми вставками. Такъ, о городѣ Хлыновѣ говорится: „*отъ Слободы 30 верстъ градъ Хлыновъ*", а черезъ нѣсколько строкъ вставлено: „А по Вяткѣ рѣкѣ по Котельничъ съ верху *градъ Вятка*". Г. Спасскій замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ этой вставки нѣтъ, и что эти слова, вѣроятно, *не пропущены*, а исключены съ намѣреніемъ, потому что Хлыновъ и Вятка одно и то же. Но дѣло не въ этомъ; здѣсь надобно имѣть въ виду, что Хлыновъ съ этимъ названіемъ упоминается еще въ 1654 году въ описи писца Караулова, слѣдовательно, названіе этого города есть вставка позднѣйшая, по крайней мѣрѣ 620-хъ годовъ XVII вѣка, такъ какъ около 1681 года едва ли не въ первый разъ Хлыновъ является съ названіемъ Вятки. Къ числу такихъ же вставокъ должно отнести и упоминаніе Кн. Б. Ч. о городѣ *Кунгуръ*: „протоку Сыльвы", говорится въ Кн. Б. Ч.,— „100 верстъ, а на Сылвѣ городъ Кунгуръ". Г. Спасскій замѣчаетъ только, что такъ какъ Кунгуръ сдѣлался городомъ въ 1648 году, то можно полагать, что въ Книгу Большаго Чертежа онъ *внесенъ самопроизвольно*. Но если признать, какъ нами принято, что самымъ позднимъ моментомъ дополненія Чертежа былъ 1682 годъ, то эта вставка относительно Кунгура будетъ только позднѣйшею, но не самопроизвольною [1]).

Въ варіантахъ къ тексту Чертежа [2]) приводится вставка относительно *сухаго пути*, упомянутаго выше: по этому пути, возник-

[1]) Кн. Б. Ч. Спасскаго, 149.
[2]) Тамъ же, 141.

шему, вѣроятно, не ранѣе XV вѣка и даже второй его половины, показаны не упоминаемые въ Чертежѣ: *Еранскъ* (Яранскъ), и села *Всесвятское*, *Георгія* и *Екатерининская пустынь*. Хотя всѣ эти мѣстности становятся извѣстными въ концѣ XVI вѣка, но могли войдти въ Чертежъ и позднѣе, такъ какъ болѣе опредѣленныя объ нихъ указанія относятся къ XVII вѣку, а собственно село *Всесвятское* упоминается въ первый разъ только въ 1654 году въ описи писца Караулова. При этомъ неизлишнимъ считаемъ замѣтить, что двойная редакція, замѣченная нами при обозрѣніи Кн. Б. Ч. по Вяткѣ и Камѣ, впервые выражается здѣсь въ такомъ опредѣленномъ видѣ; болѣе же многочисленные примѣры ожидаютъ насъ впослѣдствіи при обозрѣніи какъ средняго теченія Волги, такъ и лѣвыхъ протоковъ Днѣпра, и сколько замѣчено нами, въ особенности тамъ, гдѣ пролегаютъ *шляхи* и *дороги*.

Заключимъ нашъ обзоръ замѣчаніями о измѣреніи разстояній въ этомъ краѣ. Замѣчанія эти могутъ относится лишь до немногихъ мѣстностей, гдѣ эти измѣренія оказались удобосравнимыми, и почти всѣ измѣренія даютъ поводъ думать, что въ этомъ краѣ „верста" по размѣру своему ближе къ современной, чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ книги: такимъ образомъ считается

	по Кн. Б. Ч.	по Дорожнику 1863 г.
отъ Чердыни до Соликамска	90 вв.	94 вв.
„ Шестакова до Слободскаго	20 „	25 (по списку нас. мѣстъ).
„ Слободскаго до Хлынова	30 „	32 вв.
„ Хлынова до Орлова	30 „	$51\frac{1}{2}$ „
„ Орлова до Котельнича	30 „	45 „

Видимая близость или одинаковость этой версты съ современною утверждается еще тѣмъ соображеніемъ, что старинныя большемѣрныя версты надобно искать въ раннихъ редакціяхъ Кн. Б. Ч., которыя къ Вятской и Пермской губерніи не относятся.

Алфавитный указатель

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ СТАТЬѢ.

Примѣчаніе. Цифры при названіяхъ означаютъ страницы. Названія, относящіяся къ исправленному тексту Книги Большаго Чертежа, напечатаны курсивомъ.

Акъ-идель, 4; см. Кама.
Арамильска—д., Екат. у., сущ. до 1668 г., 66.
Ари—назв. плем., 51; см. Вотяки.
Аримашева—д., Екат. у., сущ. до 1668 г., 67.
Ась-ху—назв. плем., 58; см. Остяки.
Ась-яхъ—назв. плем., 58; см. Остяки.
Аятъ—д., Екат. у., сущ. до 1668 г., 67.

Бабинская дорога, 8.
Балясково поле, 36; см. Хлыновъ.
Башкиры—пл., ихъ подданство въ 1858 г., волненія ихъ въ 1572, 1581 гг., упом. въ 1616 г. (Башкиры Уфимскіе), 61; въ 1663 г., 63.
Березова—р., прит. Моложка, 3, 9.
Богоявленскій монаст. въ Слободскомъ у., опис. въ 1594 г., 35.
Болванскій городокъ, 35, 36; см. Никулицынъ.
Болгары—нар., 47.
Брусянка—д., Екат. у., сущ. до 1668 г., 66.
Брюханова—д., на мѣстѣ г. Перми, уп. въ концѣ XVI в., 32.
Брюшинская—д., 3; см. Брюханово.
Буджимъ-Кама, 4; см. Кама.

Верхоязвинскій (Богородицкій, Успенскій) монаст., сущ. до 1624 г., 27.
Верхотурье градъ, устройство его въ 1593 г., 24; упом. въ 1603, 1604 гг.; новый острогъ, 25.
Верхосвятское-Екатерининское; см. Екатерининская пустынь.
Верхосвятское; см. Всѣхъ Святыхъ.
Веретья Верхняя--р., прит. Зырянки, 2.
Веслуй—р., прит. Вишеры, уп. въ 1607 г., 18.
Введенскій ж. монаст., уп. въ 1621 г., 25.
Вишера р., прит. Камы, 3, 17.
Вогулы—пл., упом. въ 1385, 1396 гг., нападенія ихъ въ 1441, 1446 и 1455 гг., 56, 57; покореніе ихъ въ 1499 г., 57; упом. въ 1565 г. бл. Перми; напад. ихъ въ 1582 г.; на р. Косвѣ въ 1599 г., на Вишерѣ въ 1607 г.; Вишерскіе, Лозвенскіе, Кошимскіе въ 1609 г., 57; Ваграпскіе, Сайкиновскіе, Пелымскіе въ 1616 г., 57.
Воскресенскій монаст. на р. Веретьѣ, 2.
Вотяки—пл. на бб. р. Вятки въ 1171 г., 51; на р. Чепцѣ въ 1548 г., 52; упом. въ 1469 и 1581 гг., 52.
Всѣхъ Святыхъ—с., упом. въ 1599 и 1654 гг., 43.
Всесвятское—с., см. Всѣхъ Святыхъ.
Вятка—р., прит. Камы, 32, 33.
Вятка градъ, 36; см. Хлыновъ.
Вятскіе грады, 32, 34.

Гаева—д. Верхот. у., сущ. до 1668 г., 67.
Гамаль Чусовая, 48; ср. Ямь.
Георгія—сел., упом. въ 1654 г., 33, 43, 44.
Георгіевское-Волосицкое; см. Георгія.

Далматовъ монаст.; Далматъ — инокъ на Бѣломъ городищѣ, 1644 г., 30; земли монастыря въ 1646 г., вотчины въ 1672 г., 31.

Екатерининская пустынь, 33; упом. въ 1654 г., 43, 44.
Еранескъ градъ, 33; см. Еранскъ.
Еранскъ—г., основ. въ 1584 г., упом. въ 1601 и 1610 гг., 43.
Ермакова—д., Ирбит. у., сущ. до 1668 г., 67.

Зыряне—пл., 50.
Зырянка--р., прит. Камы, 2; варницы Пыскорск. монастыря, 1580—1652 гг.; принадлежатъ государямъ въ 1624, 1697 гг., 14.

Ижомшуръ—вогул. гор., 23; ср. Верхотурье.
Изверъ—рч., 2; см. Истеръ.
Исеть—р., прит. Тобола, 31.
Искоръ—городокъ, 6; упом. въ 1472 г., 26.

Истеръ—рч., прит. Нивы, 16.
Ирбитская слобода, возн. послѣ 1597 г., 29; ярмарки съ 1643 г., 30.

Кай-городокъ, 1; осн. въ пол. XVI в., 4; уѣздъ его упом. въ 1657 г., 5; уп. 33.
Калмыжъ градъ; см. Малмыжъ.
Кама—р., прит. Волги, 1.
Камгоргъ городокъ, 11; см. Канкоръ.
Камышва—д., Екатер. у., сущ. до 1668 г., 66.
Камышловская слобода, осн. въ 1667 г., 30.
Канкоръ городъ, 2; постр. въ 1560 г., 11; въ числѣ опричныхъ городовъ 1561 г.; вотчина Пыскорскаго монастыря съ 1570 г., 12.
Кергеданъ—гор., 11; см. Орловъ.
Кокшага Большая--р., прит. Волги, 32, 41.
Кокшага Меньшая, прит. Волги, 33, 42.
Кокшаръ или Кокшаровъ, 36, 39; см. Котельничъ.
Конды-ху—назв. пл., 58; см. Остяки.
Колва—р., прит. Вишеры, 3; при ней городища, 12.
Коса—р., прит. Камы, 5.
Котельничъ градъ, 32: осн. въ 1181 г., разор. въ 1610, опис. въ 1615 г., 39.
Красная Горка—д., Верхот. у., сущ. до 1668 г., 67.
Красноярская — д., Камышл. у., сущ. до 1667 г., 67.
Кривецкій солян. пром., 2, 13.
Кунгуръ—г., осн. въ 1649 г., 21, 22; уп. въ 1651, 1653 гг., разор. въ 1662 г., 22; новая крѣпость въ 1664 г., перенес. въ 1673 г., 22.
Куркескій пром., 2, 13.

Ласва—р., прит. Камы, упом. въ 1558 и 1597 гг., 27, 28.
Ласвенскій боръ, въ окр. г. Перми, упом. въ 1568 г., 22.
Левсинъ—р., вп. въ Егву, 16.
Лехчимъ—р., 2; см. Левсинъ.
Ленва—р., прит. Камы, варницы 1610 г., 2, 13.
Лозва—р., прит. Туры, 3, 25.
Лозвинскій градъ, 3; осн. въ 1589 г., 23; переим. въ Верхотурье въ 1599 г., 24.

Малмыжъ градъ, 32: мѣстопребываніе черем. кн. Болтуша, взят. въ 1550 г., 40.
Малома—р., 33; см. Молома.
Манзи - назв. пл., 55; см. Вогулы.
Манкоръ—городище на Зырянкѣ, 2; ср. Чудскія городища.
Мари—назв. пл., 52; см. Черемисы.
Маркушка—д., Верхот. у., сущ. до 1668 г., 67.
Никольскій—пос. Верхот. у., сущ. до 1668 г., 67.
Моложекъ—р., 3, 19.
Молома—р., прит. Вятки, 33, 42.
Мурзино—д., Екат. у., сущ. до 1668 г., 67.
Мулы Верхніе и Нижніе, бл. Перми, упом. въ 1624 г., 32.

Несвянскій (Богословскій) мр., Верхот. у., устр. въ XVI ст. 29.
Невянское—д., Екатер. у., сущ. до 1668 г., 67.
Нейва—р., прит. Туры, 30.
Нема—р., прит. Вычегды, 1.
Николая Чудотворца погостъ, 2; см. Ныробъ.
Никольскій монаст. въ Верхотурьѣ, устр. въ 1604 г., 25.
Никольскій погостъ на Поляхъ, 45; см. Нолинскъ.
Никулицынъ—г., 37.
Новое усолье—сол. пр., 2; варницы Строгановыхъ до 1564 г., 9; основ. около 1626 г., 17.
Нолинскъ, какъ село, основ. въ 1662 г., 9, 45.
Ныробъ—село, сущ. въ XV в.; мѣсто заточ. М. Н. Романова въ 1601 г., упом. въ 1639 г. подъ назв. Ныробскаго погоста Николая Чудотворца, 14.
Нытва—р., приг. Камы, упом. въ 1597 г., 28.

Обва—р., прит. Камы, на ней городище, 29.
Орелъ градъ, 2; осн. въ 1557 г., 5; варницы Строгановыхъ до 1569 г., 9; постройка острога, 11; опричный городъ 1561 г., 12.
Орловецъ градъ, 32; сущ. до 1459 г.; упом. въ 1610 г.; опис. въ 1654 г., 38.
Орловъ—г., 33; см. Орловецъ.
Орловъ на Наволокѣ, 4; см. Орловецъ.
Оса—слоб., упом. въ 1615 г., 30; см. Осинская слоб.
Осинская (Ново-Никольская) слобода на Осиновомъ городищѣ, упом. въ 1596 г., 31.
Остяки—пл., 58; упом. въ 1396 г., напад. въ 1572 г., 58; упом. въ 1581 г., 59; Сылвенскіе, Косвенскіе, Инвенскіе, Иренскіе и Обвинскіе въ 1581 и 1609 гг., 59.
Отъ—назв. пл., 51; см. Вотяки.
Оханскій Богород. Усп. монаст., устр. въ концѣ XVII в., 28.
Охань—сел., 27; см. Оханскій монаст.
Очерскій острогъ, устр. въ 1597 г., 29.
Очерскія городища, упом. въ 1597 г., 29.

Очеръ—р., прит. Камы, упом. въ 1597 г., 28.
Ощенкова—д., Екат. у., сущ. до 1668 г., 67.
Ошапъ—р., прит. Камы, упом. въ 1597 г., 28.

Панова—д., Ирбит. у., сущ. до 1668 г., 67.
Паскатиръ—назв. пл., 61; см. Башкиры.
Пермская земля, 47.
Пермь Великая, 67.
Пермяки—пл., 49.
Пертасы—пл., 62.
Пещера (Печора)—р., 3; опис. въ Арх. и Вол. губ.
Покровскій ж. монаст. въ Верхотурьѣ, упом. въ 1621 г., 25.
Поссеръ-я, 17; см. Вышера.
Почка—г., 6; упом. въ 1472 г., 26.
Пыскорскій (Спасо-Преобр.) монаст., 2, 10; осн. въ 1560 г., 12.
Пыскоръ (Пыскорь)—градъ, 2; см. Пыскорскій монаст.
Пышмика—д., Екат. у., сущ. до 1668 г., 67.

Рудна—д., Ирбит. у., сущ. до 1668 г., 47.
Рѣхъ—д., Екатер. у., сущ. до 1668 г., 67.

Салдинская -д., Верхот. у., сущ. до 1668 г., 67.
Санчурское озеро, 39, 42.
Санчурскъ, 42; см. Царевосанчурскъ.
Сарапуль, постр. въ 1599 г., упом. въ 1639, 1663 и 1672 гг., 44.
Серебрянка—р., прит. Чусовой, 3, 19, упом. въ концѣ XVI в., 20.
Сибирскій камень, 1.
Сирняне, 48; см. Зыряне.
Слобода—градъ, 32; осн. послѣ 1325 г.; посадъ въ 1545 г.; опис. въ 1654 г., 1629 г.
Слободской—гор., 33, 35.
Соликамскій Вознесенскій монаст., устр. въ 1608 г., 10.
Соль-Камская, 1; варницы до 1430 г.; упом. въ 1553 г., 9; засел. въ 1591 г., 9; опис. въ 1579 г., 10; ср. Усолье Камское.
Сосва—р., прит. Туры, 3, 25.
Сылва—р., прит. Чусовой, 3, 20.
Сылвенская Воздвиженская пуст., 10.
Сылвенскій городокъ, 20.
Сюзва—р., прит. Камы, уп. въ 1597 г., 28.

Тавда—р., прит. Сосвы, 3, 25.
Тагилъ—р., 23.
Тахе—назв. пл., 58; см. Остяки.
Тагга—р., прит. Туры, 3, 23; см. Тагиль р.
Татары—пл., 59; Казанскіе, 60; Сибирскіе, 61; упом. въ 1505, 1548, 1573 и 1581 гг., 60, 61.
Тура—р., прит. Тобола, 23.

Уда—р., 3; см. Удыль.
Удыль—р., прит. Лозвы, 3.
Улсуй—р., прит. Вишеры, 3, 12.
Уралка—р., прит. Камы, 5.
Уржумъ, уп. въ 1353 г., крѣп. въ 1534 г., 45; монаст. въ немъ (Успенскій) въ 1668 г., 45.
Уросъ—грд., уп. въ 1472 г., 26.
Усолка—рч., прит. Камы, 1, 10.
Усолье Камское, 1.
Успенскій монаст. въ Хлыновѣ, уп. въ 1580 г., 37.
Утъ-Мортъ или Утъ-Муртъ—назв. пл., 51; см. Вотяки.
Уть—назв. пл., 51; см. Вотяки.
Ушт-экъ—назв. пл., 58; см. Остяки.

Хлыновъ—градъ, 36; перенес. съ Балясковa поля, 37; опис. въ 1629 и 1654 гг., 38.

Царево-санчурскій — гор. на Большой Кокшагѣ, 32; сущ. съ 1584 г., упом. въ актахъ, 42.

Чалматъ-иделя, 4; ср. Кама.
Чалматъ-висъ, 4; ср. Кама.
Чепца—р., изв. въ XII в., 46.
Черемисы—пл., 52; на р. Вяткѣ въ 1180 г., 53; Санчурскіе, Царегородскіе, Козмодемьянскіе, 53; Яранскіе, Свіяжскіе, Чебоксарскіе, Цивильскіе, Кокшанскіе, 54; упом. въ 1610 г., 53.
Чердынскій Воскресенскій монаст. 7; упом. въ 1606 г.; его вотчины, 8.
Чердынь Старая, 6: см. Чердынь.
Чердынь, 1; основаніе его, 5; сущ. въ концѣ XIV в., 6; сгорѣлъ въ 1553 г., 7; городъ въ 1614 г., 7; остатки его въ 1725 г., 7.
Чертово городище; см. Чертовъ градъ.
Чертовъ градъ, 32; преданіе 1552 г., монастырь при немъ, 40.
Чудскія городища на Зырянкѣ, 2; свѣдѣнія о нихъ 15, 16.
Чусовая—р., прит. Камы, 3.
Чусовской градъ, 3; осн. въ 1558 г., 5; владѣнія Строгановыхъ по р. Чусовой—Чусовскіе городки, 20.
Чусовой городокъ Верхній, 21.
Чусовой городокъ Нижній, 21.

Шайга-Адаль—р., 4; см. Кама
Шестаковъ градъ, 30; основ. въ 1325 г., 34; упом. въ 1546 г., 34; назыв. Слободскимъ Верхнимъ; опись его, 34.
Шошма—р., прит. Вятки, 32, 41.

Эйва—р., 17; см. Ява.

Юграіасъ—назв. пл., 55; см. Вогулы.

Югъ—р., прит. Камы, упом. въ 1597 г., 28.
Юксъево, 1; см. Юкелевское.
Юксѣевское при р. Бол. Вожаихѣ, 5.

Ява—р., прит. Камы, 2.
Ягагъ (Яикъ)—назв. пл., 11; см. Башкиры.
Ямь—плем., 49.
Яранскъ; см. Еранескъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО КАМЕННОМУ ВѢКУ

ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ, ВЪ ДОЛИНѢ ОКИ

И НА ВЕРХОВЬЯХЪ ВОЛГИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО КАМЕННОМУ ВѢКУ ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ, ВЪ ДОЛИНѢ ОКИ И НА ВЕРХОВЬЯХЪ ВОЛГИ.

I.

Южная часть Олонецкой губерніи.

1.

Юго-восточное прибрежье Онежскаго озера и сѣверо-западное прибрежье озера Лача.

Дюны Онежскаго озера и дюнныя озера.—Путь въ Каргополь.—Остатки каменнаго вѣка на Тудозерѣ и на берегахъ озера Лача, при устьѣ рѣки Тихманги и при истокѣ рѣки Онеги. — Остатки каменныхъ и костяныхъ орудій около ручья Поляностнаго. — Кости и орудія при устьѣ Тихманги и предполагаемыя физико-географическія измѣненія на сѣверо-западномъ побережьи озера Лача со времени каменнаго вѣка.

Я оставилъ С.-Петербургъ 22-го мая 1873 года, а 23-го обыкновеннымъ водянымъ путемъ, на пассажирскомъ пароходѣ, прибылъ къ Вознесенскому посаду при истокѣ р. Свири. Отсюда сухимъ путемъ я направился на Оштинскій погостъ, гдѣ въ теченіе трехъ дней осмотрѣлъ выходы горнаго известняка около деревни Карданги и новѣйшія наслоенія по р. Челексѣ, съ ледниковыми образованіями около самой Ошты. Затѣмъ, спустившись на протяженіи 8 верстъ по теченію р. Ошты, я отправился на трешкотѣ по Онежскому каналу до селенія Палтаги, а изъ Палтаги съ однимъ изъ здѣшнихъ рыбаковъ — къ устью Вытегры. Путь мой лежалъ черезъ болотистую мѣстность, среди которой разстилаются 15 озеръ различной величины. Они отдѣлены отъ Онежскаго озера песчанымъ береговымъ валомъ. Исторія происхожденія какъ этого вала,

*

такъ и самихъ болотъ съ озерами, соотвѣтствуетъ исторіи происхожденія морскихъ дюнъ. Кромѣ упомянутыхъ выше озеръ, а также Котечнаго и Великаго, укажу еще на Вигкозеро, имѣющее и въ длину, и въ ширину по 2 версты. Всѣ озера сообщаются между собою, а также съ рѣками, впадающими въ Онежское озеро, и съ каналомъ; поэтому уровень всѣхъ ихъ остается болѣе или менѣе одинаковъ, и теченіе воды изъ озеръ въ рѣки, въ каналъ или обратно чередуется въ связи съ условіями мѣстными, съ направленіемъ вѣтровъ и т. д. Однакоже въ большинствѣ случаевъ вода изъ мѣстныхъ болотъ стекаетъ не въ озеро, а въ Онежскій каналъ, такъ что здѣшніе рыбаки говорятъ, что вода въ озерахъ значительно понизилась со времени прорытія канала, и что это оказало вліяніе на уменьшеніе рыбы. Напротивъ того, лежащее въ сторонѣ отъ канала Лужандозеро [1]) имѣетъ видимо высшій уровень стоянія воды, чѣмъ въ Онежскомъ озерѣ: оно даетъ въ Онегу постоянный источникъ, Гуртницкій ручей.

Отъ Вытегорскаго устья я совершилъ пѣшеходную экскурсію на разстояніи болѣе чѣмъ 10 верстъ къ Тудозеру; осмотрѣвъ здѣсь уже описанные мною прежде остатки обитанія доисторическаго человѣка [2]), на другой день я возвратился снова къ Вытегорскому устью, а отсюда на третій день—въ самый городъ Вытегру. 1-го іюня изъ Вытегры я отправился по почтовому тракту на Каргополь. Дорога идетъ здѣсь сначала по довольно широкой котловинѣ, прилегающей съ одной стороны къ Онежскому озеру съ его новѣйшими образованіями, съ другихъ же сторонъ ограниченной высотами, въ основаніи которыхъ лежатъ каменноугольные осадки. Здѣсь, верстахъ въ 10 отъ г. Вытегры, гдѣ р. Вытегра промыла себѣ въ осадкахъ глубокую впадину, на крутыхъ скатахъ холмовъ часто грудами виднѣются ледниковые валуны среди глинъ и песковъ. Отъ селенія Бѣлый Ручей до слѣдующей Бадожско-Конецкой станціи дорога идетъ среди обширной площади чистыхъ песковъ, въ которыхъ не видно валуновъ. Отъ Конецкой станціи до ст. Бурковой, около Ковжскаго озера, а затѣмъ до ст. Кузнецовой

[1]) См. о немъ въ описаніи первой моей поѣздки въ Олонецкую губернію: Зап. по Отдѣл. Этногр., т. III, стр. 341, 355—366.

[2]) Тамъ же, стр. 342—346, 369—370.

ледниковыя образованія принимаютъ все большее и большее развитіе; щебень, состоящій изъ мелкаго песку и пыли, съ мелкою галькой отъ величины горошины и болѣе, съ валунами нерѣдко до 2$^{1}/_{2}$ метровъ въ поперечникѣ, съ боками отполированными и изборожденными, а также пески и глины—тянутся здѣсь около дороги почти безпрерывными пластами. Часто ручьи и рѣчки размываютъ этотъ наносъ, и тогда становится очевиднымъ его залеганіе на каменноугольныхъ образованіяхъ, что̀ съ большимъ удобствомъ можно наблюдать около погоста Чернослободскаго, въ долинѣ р. Кеми. Отсюда по направленію къ Лачозеру ледниковый наносъ является съ меньшею ясностью; большіе валуны рѣдко торчатъ на поверхности почвы; меньше встрѣчается ихъ и на пашняхъ, хотя въ долинахъ и руслахъ рѣкъ они являются въ такихъ огромныхъ количествахъ, что рѣки становятся какъ бы порожистыми и поэтому теряютъ значеніе путей сообщенія. Таковы, напримѣръ, рѣки Ухта и Тихманга, впадающія въ Лачозеро. Каменистыя, широко разлитыя и мелководныя до тѣхъ поръ, пока текутъ въ области ледниковаго наноса, онѣ становятся глубокими, съ ровнымъ теченіемъ тогда, когда вступаютъ въ область новѣйшихъ, часто торфяныхъ образованій около своихъ устій.

Въ селахъ, лежащихъ на Ухтѣ и Тихмангѣ, мнѣ пришлось останавливаться для ознакомленія, хотя бы бѣглаго, съ Лачозеромъ. Берега этого озера почти повсемѣстно низменны; оно на всемъ своемъ протяженіи, со всѣхъ сторонъ, окаймлено болотистою полосой отъ 4-хъ и болѣе верстъ до 2-хъ въ ширину. Поэтому всѣ села, окружающія озеро, лежатъ отъ него въ нѣсколькихъ верстахъ, и только погостъ Ноккольскій [1]) расположенъ на самомъ берегу; но за то во время половодья онъ часто подвергается наводненіямъ. Низменности, преимущественно около береговъ рѣкъ, оказались весьма интересными по отношенію къ остаткамъ каменнаго вѣка. Ознакомившись съ послѣдними на р. Тихмангѣ, я пріѣхалъ 5-го іюня въ Каргополь и отсюда въ слѣдующіе же три дня совершилъ двѣ экскурсіи: одну—къ истокамъ р. Онеги, и другую—внизъ по теченію этой рѣки до селенія Надпорожскаго.

[1]) Этотъ погостъ неправильно названъ *Никольскимъ* на 10-ти-верстной картѣ Главнаго Штаба и въ изданномъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Спискѣ населенныхъ мѣстъ Олонецкой губерніи (№ 1603).

Находки, сдѣланныя мною въ теченіе всего переѣзда, даютъ нѣкоторый матеріалъ для рѣшенія одного изъ весьма важныхъ вопросовъ изъ быта до-историческихъ обитателей. Это вопросъ о *животныхъ*, съ которыми люди сталкивались, и которыя доставляли имъ насущное пропитаніе. Съ цѣлью найдти какія-либо данныя для рѣшенія этого вопроса, я заходилъ на Тудозеро еще въ 1871 году. Тогда вода была весьма высока въ здѣшней мѣстности; на тѣхъ болотахъ, гдѣ въ 1873 году было почти сухо или только сыро, въ лѣто 1871 года крестьяне плавали на лодкахъ и ставили мережки. То же было и въ окрестностяхъ Щучьей тони на Тудозерѣ. Но въ 1873 году я нашелъ здѣсь сильную перемѣну. Песчаный валъ, кончавшійся прежде около залива крутымъ обрывомъ, подъ которымъ, по разказамъ одного изъ крестьянъ, было весьма много кремневыхъ и горшечныхъ обломковъ, оказался сглаженнымъ, обрывъ былъ смытъ, и вмѣстѣ съ этимъ всѣ остатки, хранившіеся подъ обрывомъ, замылись глубоко въ песокъ. Удачнѣе было мое пребываніе на торфяномъ валу, уже осмотрѣнномъ мною въ 1871 году [1]). Валъ все болѣе и болѣе подмывался въ своемъ основаніи, однакоже весьма мало видоизмѣнилъ свою форму и величину; вмѣстѣ съ подмываніемъ изъ него извлекается водою все его содержимое, относящееся до первобытныхъ обитателей. Здѣсь я снова нашелъ такимъ образомъ весьма разнообразныя принадлежности и каменныя орудія. Въ собранной мною коллекціи оказалось нѣсколько камней, аналогичныхъ представленнымъ у Нильсона [2]); это камни, служившіе для околачиванія орудій. Вмѣстѣ съ ними найдено много обломковъ, принадлежащихъ плитамъ для обтачиванія орудій; затѣмъ слѣдуютъ сланцевые топоры. Обломки глиняной посуды снова поразили меня своею многочисленностью: нужно было весьма продолжительное пребываніе на валу, чтобы накопить ихъ въ такомъ изобиліи; въ числѣ обломковъ найденъ мною одинъ особенно характерный и своеобразный по своему составу: вмѣсто обыкновенной примѣси къ глинѣ—песку, въ немъ находятся мелкія частицы твердаго и весьма крѣпкаго волокнистаго минерала. Такого рода горшокъ отличается чрезвычайною

[1]) См. Записки по Отдѣл. Этногр., III, стр. 342, и тамъ же табл. I, ф. 2.
[2]) *Nilsson*, Les habitants primitifs de la Scandinavie, табл. I.

прочностью; украшенія въ видѣ различныхъ узоровъ, выступающія на обыкновенной глиняной посудѣ, на немъ едва замѣтны, хотя житель, по видимому, и старался украсить его такъ или иначе. Образчиковъ подобнаго рода домашней утвари, на сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчалось до сихъ поръ среди до-историческихъ жителей ни у насъ въ Россіи, ни на западѣ Европы. Кромѣ того, моя коллекція обогатилась находкой многихъ мелкихъ и оригинальныхъ принадлежностей изъ глинистаго сланца; это—частію украшенія, частію, можетъ быть, принадлежности при рыболовствѣ: онѣ являются въ видѣ кружковъ съ отверстіями на краяхъ, въ видѣ цилиндриковъ, прямыхъ, къ одному краю пріостренныхъ и окаймленныхъ нѣсколькими кольцеобразными нарѣзками, или же они изогнуты, съ такими же нарѣзкаами и поперечными желобками на концахъ. Иногда принадлежность является въ видѣ двухъ колецъ, выдѣланныхъ изъ одного кусочка глинистаго сланца и поэтому какъ бы спаянныхъ. Нѣкоторыя изъ описанныхъ здѣсь орудій изображены на таблицѣ X, фф. 3—7. Но всѣ мои попытки найдти въ указанной мѣстности хотя какіе-либо остатки пищи остались напрасными. Въ этомъ отношеніи оказалась болѣе интересною мѣстность, лежащая къ востоку отсюда.

Уже въ долинѣ р. Кеми я нападалъ, при экскурсіяхъ по берегамъ, на нѣкоторые слѣды до-историческаго человѣка; здѣсь же я нѣсколько разъ встрѣчался въ береговой обмытой и закругленной галькѣ съ камнями, пережженными и обитыми точно такъ, какъ это было замѣчено мною на многочисленныхъ подобныхъ же камняхъ изъ Тудозерскаго вала [1]). Еще болѣе интересною по отношенію къ до-историческимъ обитателямъ оказалась долина р. Тихманги, впадающей въ озеро Лача съ западной стороны. Недалеко отъ устья этой рѣки, противъ такъ-называемаго Поповскаго острова, я нашелъ вымытыми изъ береговаго обрыва нѣсколько древнихъ горшечныхъ обломковъ, по характеру совершенно сходныхъ съ относящимися къ каменному вѣку. Они лежали около валуна довольно плоскаго, плитообразнаго, значительныхъ размѣровъ. Еще нѣсколько ближе къ озеру я встрѣтилъ остатки, относящіеся уже, безъ всякаго сомнѣнія, къ каменному вѣку; здѣсь вмѣстѣ съ гро-

[1]) Записки по Отд. Этногр., III, стр. 343.

мадныиъ количествомъ кремневыхъ обломковъ и скребковъ, а также горшечныхъ черепковъ, были добыты мною и кости различныхъ животныхъ. Именно въ черной растительной землѣ, лежащей на рѣчномъ пескѣ, слоемъ до ½ аршина толщиною, мною найдено было много раздробленныхъ костей, разбитыхъ часто на весьма мелкія части; въ числѣ этихъ костей преобладали принадлежащія большимъ млекопитающимъ. Особенно интересенъ фактъ встрѣчи рѣзцовъ большаго грызуна: рѣзцы несравненно больше заячьихъ, такъ что трудно сомнѣваться, чтобъ это не были зубы бобра, на широкое распространеніе и на послѣдовавшее затѣмъ вымираніе котораго я уже указалъ прежде [1]). Кромѣ костей млекопитающихъ и частію птицъ, здѣсь встрѣчаются позвонки рыбъ, въ особенности челюсти и зубы весьма большихъ щукъ. Въ числѣ костей находятся отчасти и такія, которыя были приноровлены обитателями къ тѣмъ или другимъ потребностямъ. Изъ рыбьихъ позвонковъ жители стремились, по видимому, создать украшенія; изъ обломковъ трубчатыхъ костей они старались сдѣлать рѣжущія или колющія орудія; въ этомъ отношеніи особенно интересенъ гарпунъ съ обломленнымъ острымъ концомъ; у него осталось пріостренное основаніе, которымъ онъ вставлялся въ древко, а выше два ушка съ впадинами надъ ними, куда прикрѣплялась веревка. Эта послѣдняя находка не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно существованія у первобытныхъ обитателей сѣвера Россіи орудій изъ кости, что̀, впрочемъ, и безъ того можно было предвидѣть.

Совершенно въ такомъ же видѣ, какъ на р. Тихмангѣ, встрѣчаются остатки каменнаго вѣка на р. Онегѣ. Начиная отъ озера Лача, на протяженіи верстъ 4-хъ до Каргополя, затѣмъ далѣе, верстъ на 5 ниже, до села Надпорожскаго, Онега представляется широкою рѣкой съ низменными берегами и весьма медленнымъ теченіемъ; только далѣе она становится порожистою и суживается, быстро неся свои воды между сухими и возвышенными берегами. Итакъ, при истокѣ своемъ, на протяженіи около десятка верстъ, она сохраняетъ какъ бы озерный характеръ; не смотря на то, она въ общей сложности отступаетъ здѣсь отъ своего лѣваго бе-

[1]) Тамъ же, стр. 385—385.

рега, гдѣ, благодаря этому, образуются болотистые луга; мѣстами она подмываетъ правый берегъ. Въ одномъ изъ такихъ подмытыхъ береговъ, весьма недалеко отъ истока рѣки, я нашелъ множество костей млекопитающихъ, но всѣ онѣ были также разбиты на весьма мелкія части, видимо съ цѣлью добыть изъ нихъ костный мозгъ,— какъ это обыкновенно бывало въ подобныхъ же случаяхъ и на западѣ Европы. Вмѣстѣ съ обломками большихъ костей встрѣчались тѣ же рѣзцы бобра, нерѣдко позвонки рыбъ и зубы большихъ щукъ. Положеніе остатковъ то же самое, какъ и на Тихмангѣ: они лежатъ въ довольно толстомъ, около ½ аршина, растительномъ слоѣ, на рѣчной галькѣ, пескѣ и щебнѣ. Среди множества кремневыхъ обломковъ найдены частію въ самомъ слоѣ, частію вымытыми изъ него обломокъ большаго кремневаго копья и два кремневые наконечника стрѣлъ, прекрасно выдѣланные. Горшечные обломки не менѣе многочисленны, чѣмъ гдѣ-либо, и встрѣчаются въ почвѣ довольно далеко отъ берега.

Къ этимъ замѣткамъ, которыя написаны на мѣстѣ самыхъ наблюденій, нахожу нужнымъ сдѣлать еще нѣкоторыя добавленія.

На правомъ берегу р. Онеги, также недалеко отъ ея истока, течетъ ручей, называемый Поляностнымъ; названіе ручья произошло, очевидно, отъ того, что онъ протекаетъ черезъ довольно ровную мѣстность, лежащую весьма невысоко надъ уровнемъ какъ р. Онеги, такъ и озера Лача; мѣстность, очищенная отъ лѣса, кое-гдѣ покрыта кустарниками, но по большей части является въ видѣ полянъ или луговъ, покрытыхъ сочною, густою травой. Почва этихъ луговъ или полянъ весьма тучная, жирная, имѣющая отъ ¼ до ½ аршина толщины; по характеру она напоминаетъ даже черноземъ. Раскапывая эту почву недалеко отъ устьевъ ручья, я нашелъ въ ней массу остатковъ каменнаго вѣка: то были обломки кремней и орудій изъ кремня же и вмѣстѣ съ ними множество разбитыхъ костей. Я дѣлалъ пробы въ разныхъ мѣстахъ, и остатки встрѣчались въ почвѣ недалеко отъ р. Онеги, на весьма обширной площади, такъ что даже удивительно, какъ густо была нѣкогда заселена здѣшняя мѣстность, или же, чтобы скопить на такой площади подобную массу остатковъ, нужно было много времени. Между костями встрѣчались принадлежащія бобру, лосю, сѣверному оленю, при чемъ послѣдній, судя по костямъ, встрѣ-

чался рѣже, чѣмъ лось. Нашелъ я также при раскопкахъ зубъ небольшаго хищника, по всему вѣроятію—куницы (Mustela Martes); это былъ клыкъ; на его корню было сдѣлано искусственно, острымъ орудіемъ, два надрѣза, съ двухъ противоположныхъ боковъ, почему и было возможно этотъ зубъ привязать къ тонкому ремню и носить, какъ амулетъ или же украшеніе. Зубъ этотъ изображенъ на таблицѣ X, ф. 8. Между тѣми же остатками, вмѣстѣ съ обломками глиняной посуды и углями, попадались весьма часто куски рыхлой, охристой краски, происходящей, вѣроятно, изъ отложеній девонской формаціи. Куски этой краски были навѣрное занесены сюда человѣкомъ и служили ему для разрисовыванія или его лица, или тѣла, какъ то встрѣчается еще и до сихъ поръ у Краснокожихъ Индѣйцевъ и другихъ мало-цивилизованныхъ народовъ. Между кремневыми осколками можно было находить скребки и даже весьма красивые наконечники стрѣлъ.

Въ вышеупомянутомъ пунктѣ при устьѣ Тихманги, кромѣ костей бобра, лося и сѣвернаго оленя, костей рыбьихъ и частію птичьихъ, были найдены остатки, принадлежавшіе тюленю. Судя по плечевой кости, вполнѣ сохранившейся, можно думать, что жившій во время каменнаго вѣка въ Лачозерѣ тюлень значительно превосходилъ нынѣшнихъ Phoca annelata et Phoca vitulina: по размѣрамъ эта кость вполнѣ подходитъ къ соотвѣтственной кости тюленя, живущаго въ Каспійскомъ морѣ. Можетъ быть, тюлень, жившій въ Лачозерѣ, принадлежалъ къ сѣвернымъ морскимъ видамъ тюленей, напримѣръ, къ Phoca graenlandica; по крайней мѣрѣ остатки тюленей, найденные съ каменными и костяными орудіями въ небольшомъ озерѣ Буртнекъ въ Лифляндіи, относятся къ послѣднему виду. Обломокъ костянаго гарпуна, найденный вмѣстѣ съ костями, изображенъ на таблицѣ VIII, фиг. 2, въ настоящую величину. Къ сожалѣнію, мѣстонахожденіе орудій при устьѣ Тихманги было осмотрѣно мною бѣгло, а раскопка была сдѣлана только пробная. Торопясь въ Каргополь, изъ котораго я долженъ былъ начать правильные экскурсіи, я оставилъ устье Тихманги съ надеждой возвратиться сюда для продолженія раскопокъ. Но надежда моя не сбылась; мнѣ уже не пришлось здѣсь побывать, хотя рядомъ экскурсій около озера Лача я убѣдился, что стье Тихманги должно быть наиболѣе интереснымъ пунктомъ

по отношенію къ остаткамъ каменнаго вѣка. Судя по тюленю, обитавшему въ Лачѣ во время каменнаго вѣка, нужно думать, что оно было болѣе глубоко. Между тѣмъ, принимая въ соображеніе характеръ его береговъ, хотя бы при самомъ устьѣ Тихманги, едва ли возможно допустить въ озерѣ особенно замѣтное пониженіе уровня Вся мѣстность при устьѣ Тихманги плоская и низменная; остатки каменнаго вѣка лежатъ, можетъ быть, только на ничтожную величину выше уровня озера. При самомъ устьѣ р. Тихманги можно замѣтить только нѣкоторое измѣненіе въ направленіи ея русла, которое отступило со времени каменнаго вѣка сажень на 50 къ югу, образовавъ значительный изгибъ; остатки орудій и костей находятся именно на бывшемъ старомъ берегу. Вообще, физико-географическія измѣненія со временъ каменнаго періода мало замѣтны, какъ въ мѣстности, лежащей при устьѣ Тихманги, такъ и при истокахъ р. Онеги.

2.

Восточное прибрежье озера Лача.

Характеръ озеръ въ зависимости отъ топографіи ихъ окрестностей.—Озеро Лача: его размѣры, глубина, вода и характеръ береговъ. — Остатки каменнаго вѣка на восточномъ берегу озера и происходящее здѣсь подмываніе берега. — Дельта р. Ковжи. — Залеганіе орудій каменнаго вѣка въ почвѣ и вѣроятное распредѣленіе жителей этого періода; заселеніе мѣстности Славянами.—Характеръ современныхъ жителей и рыболовство на озерѣ Лачѣ. — Бѣличій промыселъ. — Артели на сплавахъ.—Компанія Онежскаго лѣснаго торга.—Очеркъ найденныхъ каменныхъ орудій: кремневые топоры, наконечники копій и стрѣлъ; ножи и скребки; точеныя орудія: топоры, тесла, молотки и костяныя издѣлія.

Изслѣдованное мною пространство сравнительно не велико; оно ограничивается окрестностями Лачозера, главнымъ образомъ — восточнымъ его берегомъ. Общій рельефъ мѣстности отражается и здѣсь на видѣ озера и на характерѣ его дна. Большая часть озеръ Олонецкой губерніи, заполняя обыкновенно долины между холмами и возвышенностями, представляетъ часто большую глубину, или же, покрывая въ той или другой степени холмы, образуетъ мели и луды; холмы и возвышенности, выходя изъ-подъ воды, являются въ видѣ многочисленныхъ и болѣе или менѣе обширныхъ острововъ, изрѣзанныхъ заливами. Таково, напримѣръ,

Выгозеро, на которомъ, какъ говорятъ мѣстные жители, столько же островов, сколько дней въ году; почти то же можно сказать о Водлозерѣ и Кенозерѣ, изъ которыхъ послѣднее, отличаясь холмистымъ характеромъ своихъ береговъ, составлено какъ бы изъ отдѣльныхъ заливовъ, часто съ глубиною до 30—40 маховыхъ сажень. Не то находимъ мы на Лачозерѣ. Его окрестности представляются въ видѣ равнины, поднимающейся весьма полого на югъ, къ озеру Воже или Чарондскому, также на востокъ и на западъ. Большая часть равнины застлана обширными болотами и перерѣзана многочисленными ручьями и рѣчками, медленно несущими свои воды въ Лачозеро. Здѣсь нѣтъ высокихъ холмовъ, которые нарушали бы однообразіе вида на мѣстность; по мѣстамъ, среди болотъ, выдаются пологія возвышенія; мѣстные жители называютъ ихъ *горбышами*; въ противоположность сырымъ, часто топкимъ болотамъ эти сильно приплюснутыя къ землѣ возвышенія являются сухими и болѣе или менѣе удобными для поселенія; впрочемъ для хлѣбопашества они удобны только на самыхъ высокихъ точкахъ; на скатахъ же ихъ вода часто застаивается, почему ростъ хлѣба рѣдко идетъ здѣсь удачно.

Сообразно съ характеромъ окрестностей является однообразнымъ и само Лачозеро. Оно раскинулось на протяженіи верстъ 30 въ длину и до 8 въ сѣверной и 12—13 верстъ въ ширину въ южной части. На всемъ этомъ пространствѣ на немъ нѣтъ ни одного древняго острова; ни одинъ, такъ сказать, природный холмъ не выходитъ со дна его надъ поверхностью водъ, какъ это мы встрѣчаемъ на озерахъ сѣверныхъ. Все озеро весьма мелководно; глубина измѣняется въ предѣлахъ отъ 2 до $1^1/_2$ сажень и меньше. За двѣ сажени глубина уходитъ только въ самую высокую воду. Притомъ двухъ и полутора-саженная глубина имѣетъ мѣсто только на ямахъ; такого рода яма идетъ, напримѣръ, отъ мыса Ольгскаго къ р. Тихмангѣ; съ другой стороны существуетъ яма между рр. Свидью и Ухтой. Во многихъ другихъ мѣстахъ глубина воды еще меньше; отъ сѣвернаго конца озера къ южному, почти по самой срединѣ озера, идетъ мель; на протяженіи почти 10 верстъ, отъ р. Ловванги до устья р. Ольги я не встрѣтилъ въ озерѣ глубины, которая уходила бы за 1 сажень. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ же самомъ мѣстѣ, на днѣ озера, найдена была мною и почва совер-

шенно торфянаго характера; это были различныя растительныя вещества съ легкою примѣсью ила; палка, пущенная въ почву, могла идти въ ней далеко въ глубину; такимъ образомъ почва имѣла зыбучій характеръ. Такая, какъ ее называютъ жители, „мягкая“ почва свойственна большей части озера, особенно западному его берегу. Къ восточному берегу характеръ ея нѣсколько измѣняется; здѣсь, около берега, къ торфяной почвѣ примѣшивается все больше и больше песку; наконецъ, около береговъ почва становится песчаною, иловатою и даже каменистою, особенно на мысахъ Ольгскомъ и Каменномъ, такъ какъ здѣсь происходитъ размываніе ледниковаго щебня. Въ связи съ малою глубиной, а также съ почвой озера, находится бѣдность фауны, населяющей дно его. Драга, которую я пускалъ на дно въ сѣверной части озера, приносила мнѣ преимущественно только раковины изъ родовъ *Anodonta*, *Unio*, *Paludina*, *Lymnacus*, также червей—піявокъ и волосатика, съ небольшимъ количествомъ насѣкомыхъ. Старанія мои добыть хотя нѣсколько ракообразныхъ остались безъ успѣха. Эта фауна распредѣлена какъ на торфяной, такъ и на иловатой почвѣ; и въ томъ же самомъ видѣ явилась она и въ рѣкѣ Онегѣ, около Каргополя.

Вода въ Лачозерѣ довольно мутная, лѣтомъ значительно нагрѣвается и заполняется мелкими водорослями, представляющимися въ видѣ шариковъ, величиной въ булавочную головку; жители говорятъ въ такомъ случаѣ, что „вода цвѣтетъ“. Около береговъ, въ водѣ, а также по отмелямъ, растутъ большими массами камыши. Западный берегъ болѣе низменный, чѣмъ восточный; во время весенняго половодья онъ въ весьма значительной степени заливается водой, покрываясь травами, которыя лѣтомъ, съ обсыханіемъ берега, скашиваются. Подобнаго рода условія благопріятствуютъ распространенію въ озерѣ рыбъ карповыхъ; въ немъ водятся въ большомъ количествѣ плотва, язи, лещи, клепецъ; вмѣстѣ съ ними встрѣчаются окуни, ерши, также налимы и щука; изъ лососевыхъ въ немъ распространенъ сигъ, частію также бѣлорыбица и ряпушка; водится въ немъ и корюшка, извѣстная у жителей подъ названіемъ снятка, но въ маломъ количествѣ. Въ большинствѣ случаевъ рыбы травоядныя; травою питаются даже, какъ кажется, и сиги; находя въ нихъ желудкахъ личинки

водяныхъ насѣкомыхъ, я не встрѣчалъ однако ракообразныхъ, которыя такъ обыкновенны у сиговъ Онежскаго озера. Во время лѣта рыбы держутся преимущественно въ камышахъ и около береговъ.

Низменные берега, особенно западный, отличаясь болотистымъ характеромъ, заростаютъ березой и ивнякомъ; когда же они являются болѣе сухими, то разнообразная растительность, состоящая изъ березы, гораздо болѣе стройной и высокой, чѣмъ на болотахъ, также изъ ивъ, ольхи, осины, съ примѣсью смородины, калины, розы или ели, густо застилаетъ ихъ поверхность. Въ этихъ береговыхъ лѣсахъ, перемежающихся съ пространствами очищенными подъ покосы, водится довольно разнообразный міръ мелкихъ птицъ; здѣсь нерѣдко слышны голоса *Emberiza aureola*, *Pyrrhula (Carpodacus) erythrina*, *Saxicola rubetra*, *Sylvia (Phyllopneuste) Middendorfii*, *Calamoherpe magnirostris* и пр. Надъ самыми водами носится по обыкновенію скапа (*Pandion haliaëtos*), внимательно высматривая около береговъ большихъ рыбъ и вонзая имъ свои когти. Такимъ же образомъ, съ тѣмъ же вниманіемъ и многіе другіе хищники осматриваютъ рано по утрамъ и поздно вечеромъ пустынные берега и густые камыши и ситникъ: это соколы или коршунъ (*Milvus niger*). Съ отмѣннымъ стараніемъ пользуются они бурнымъ и дождливымъ временемъ, когда утки или же нырки (*Podiceps rubricollis*), вмѣстѣ съ различными видами голенастыхъ, ведутъ себя наиболѣе скромно, не ожидая опасности. Эту картину дополняютъ своимъ присутствіемъ чайки.

Въ предшествующей главѣ я указалъ на то, что на берегахъ здѣшнихъ водъ горѣла нѣкогда жизнь болѣе высокихъ существъ, которая теперь погасла, или правильнѣе, смѣнилась другою: это — жизнь человѣка. Въ основаніи этой жизни лежала та же почва, которая частію и до сихъ поръ обработывается. Во многихъ случаяхъ до-историческое населеніе оставило свои слѣды въ видѣ каменныхъ принадлежностей на тѣхъ же болѣе или менѣе сухихъ возвышеніяхъ, на которыхъ и до сихъ поръ скучены деревни и села. Слѣдовательно, физико-географическія условія мѣстности остались приблизительно одинаковыми въ періодъ процвѣтанія двухъ совершенно различныхъ цивилизацій. Теперь пока можно замѣтить только то, что до-историческіе обитатели здѣшняго края искали близости водъ ради того, чтобы добывать въ

нихъ себѣ пропитаніе; притомъ они однако избѣгали тѣхъ пунктовъ около большихъ озеръ, гдѣ мало было удобствъ къ спасенію отъ внезапныхъ бурь и непогоды; искали они также для своего поселенія близости воды вмѣстѣ съ плотностью и твердостью береговъ. Возможность убѣдиться въ такого рода наклонностяхъ жителей представилъ мнѣ восточный берегъ Лачозера: онъ составляетъ естественное продолженіе того пункта на правомъ берегу Онеги, на которомъ я еще раньше нашелъ каменныя орудія и кости животныхъ. На протяженіи всего восточнаго берега Лача я убѣдился, что жители селились главнымъ образомъ при устьяхъ рѣкъ, какъ напримѣръ, при устьяхъ рр. Ольги и Кинемы. Въ промежуткахъ между рѣками они жили главнымъ образомъ на возвышеніяхъ около самаго озера, но уже въ меньшей степени, чѣмъ при устьяхъ рѣкъ: таковы, напримѣръ, мысы Ольгскій и Каменный, а также тотъ небольшой, но сухой оазисъ среди болотъ, на которомъ теперь расположенъ погостъ Ноккольскій. Притомъ мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что восточный берегъ былъ больше обитаемъ, чѣмъ западный: первый сравнительно выше, второй низменный и болотистый; плотная почва встрѣчается отъ него на разстояніи 2 верстъ и болѣе, хотя при устьяхъ рѣкъ она и здѣсь подходитъ ближе къ озеру. Но, вмѣстѣ съ этимъ, можно допустить и то, что различіе въ количествѣ остатковъ каменнаго вѣка на томъ и другомъ берегу зависитъ отъ случайной причины, именно отъ того, что западный берегъ все больше и больше увеличивается, зарастаетъ травой и мелколѣсьемъ, что̀ и скрываетъ больше и больше слѣды каменнаго вѣка. На восточномъ берегу идетъ работа обратная; этотъ берегъ очевидно подмывается: обстоятельство, особенно благопріятствовавшее моимъ изслѣдованіямъ.

Размываніе восточнаго берега идетъ довольно быстро. Около Нокколы дѣйствіемъ волнъ и льда разрушается ледниковый наносъ съ лежащимъ на немъ растительнымъ слоемъ; здѣсь весь берегъ усѣянъ большими и малыми валунами и галькой; то же самое происходитъ и на мысахъ. Еще быстрѣе сносится съ своего мѣста растительный слой; въ теченіи десяти-пятнадцати лѣтъ исчезали съ берега цѣлыя десятины земли, служившія покосами (пожни); на мѣсто сочной травы наносились сюда песокъ, галька и илъ, или заливалась вода. Я лично и весьма часто наблюдалъ на берегу

много большихъ березокъ и елей, которыя, будучи подмыты, лежали засохшими на землѣ или еще омывались водой; въ числѣ упавшихъ деревьевъ есть и такія, которыя при жизни отличались красотой и стройностью; привлекая вниманіе мѣстныхъ жителей, онѣ служили имъ во время путешествій по озеру маяками или верстовыми столбами.

Не менѣе очевидно созидающее и разрушающее дѣйствіе водъ на берега при устьѣ р. Ковжи, впадающей въ Лачозеро немного южнѣе Нокколы. Эта рѣка, съ низменными и болотистыми берегами, образуетъ при устьѣ нѣчто въ родѣ дельты; такая дельта появляется сначала въ видѣ небольшаго острова, который все больше и больше растетъ со стороны теченія рѣки. Въ то же время эта же самая дельта подвергается разрушенію со стороны озера. Но пока дельта находится близко отъ озернаго берега, образующій процессъ рѣки идетъ успѣшнѣе, островъ при устьѣ растетъ; вода озера, дѣйствуя на берега его, только изолируетъ и отдѣляетъ дельту отъ материка. Немного лѣтъ тому назадъ, современный островъ при Ковжѣ былъ такъ близокъ къ Нокольскому берегу, что черезъ проливъ можно было перекинуть съ берега на берегъ длинную доску для перехода; теперь этотъ проливъ имѣетъ нѣсколько десятковъ сажень ширины; берега озера отходятъ отъ острова, а вмѣстѣ съ ними уходитъ въ глубину материкъ и устье рѣки, начиная на новомъ мѣстѣ отложеніе новой дельты. Старый островъ, оказываясь уже далеко отъ берега, не получаетъ новыхъ матеріаловъ для своего роста отъ рѣки, и подмываемый волнами озера, можетъ подвергнуться разрушенію. По разказамъ жителей, противъ устья Ковжи и существовалъ уже такой островъ, на которомъ были покосы, но теперь онъ смытъ, и только мель на его мѣстѣ называется теперь у нихъ „островомъ“ по старой привычкѣ. Говорятъ, будто бы такой же островъ существовалъ при устьѣ р. Ольги, и будто бы даже на немъ жилъ крестьянинъ; однакожь мною не найдено убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу этого преданія. Тѣмъ не менѣе, въ пользу размыванія даетъ факты и самое селеніе Ноккола; въ исходѣ 1860-хъ годовъ у жителей было разрушено льдомъ до 30 амбаровъ и бань (почти повсемѣстно на сѣверѣ бани строятся около воды съ тою цѣлью, чтобы послѣ бани можно было сейчасъ же искупаться въ водѣ). Иногда на-

норъ льдовъ на берега бываетъ такъ быстръ, что жители, спасая имущество, гибнутъ сами или получаютъ смертельныя раны.

Благодаря такому процессу разрушенія береговъ, въ гальку и пески поступаютъ принадлежности каменнаго вѣка, вымытыя изъ почвы. Частію раскопка, частію небольшія береговыя обрывы показали мнѣ, что эти принадлежности содержатся въ растительномъ слоѣ, и что ихъ нѣтъ въ ледниковыхъ образованіяхъ. Обломки горшковъ, кремней, пережженные камни и раздробленныя кости животныхъ были найдены мною при устьѣ р. Ольги въ растительномъ слоѣ, какъ это было и прежде, на глубинѣ 0,7 метра (около 1 арш.). Растительный слой покоился на мелкомъ рѣчномъ или озерномъ пескѣ и въ свою очередь самъ представлялъ слоеватость; онъ въ общей сложности отличался черноземнымъ характеромъ, слагаясь изъ перегнившихъ растительныхъ веществъ; особенно въ верхней части онъ былъ совершенно чернаго цвѣта; но въ немъ была значительная примѣсь мелкаго песку, который иногда лежитъ въ черной массѣ весьма тонкими прослойками; отсюда очевидно, что толщина растительнаго слоя увеличивалась и на счетъ рѣчныхъ или озерныхъ песковъ, заносившихся сюда вѣтрами, а можетъ быть—отчасти и водой, по крайней мѣрѣ въ рѣдкіе періоды весьма высокаго ея стоянія. Въ другихъ случаяхъ растительный слой, содержащій орудія, достигаетъ только 0,35—0,55 метра (около ½—¾ арш.); такъ было при устьѣ р. Кинемы; здѣсь слой имѣетъ тотъ же черноземно-песчаный характеръ, отличаясь, можетъ быть, только большею плотностью и крѣпостью. Оба эти мѣстонахожденія орудій лежатъ однако же на самомъ берегу Лачозера и впадающихъ въ него рѣкъ. Условія весьма благопріятны здѣсь для быстраго образованія перегноя, не принимая уже во вниманіе близости песковъ. По берегу озера лежатъ сочные и богатые травой луга; здѣсь растутъ злаки, или растенія, скромно пестрѣющія своими цвѣтами: змѣевикъ (*Polygonum Bistorta*), поповникъ (Chrysanthemum), клеверъ, виды чины и горошка (Vicia), лютикъ, подмаренникъ, незабудка два вида вероники, лизимахія и пр.

Въ болѣе значительномъ разстояніи отъ берега, на возвышеніяхъ (горбышахъ) растительный слой тоньше и меньше окрашенъ въ черный цвѣтъ, больше въ сѣроватый отъ примѣси перетертаго

известняка. На этихъ мѣстахъ теперь расположены селенія и пашни; жители находятъ здѣсь при работахъ множество всякаго рода орудій изъ сланца; вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ попадалось здѣсь много всякаго рода кремневыхъ обломковъ. Впрочемъ, нельзя не допустить, чтобъ остатки каменнаго вѣка, оставленные на сухихъ возвышеніяхъ, не были одновременны съ остатками, находимыми по берегамъ.

Береговыя мѣстонахожденія принадлежностей были для меня особенно интересны. Здѣсь, рядомъ съ размытыми слоями почвы, лежали группами пережженные валуны; по ихъ характеру и положенію можно заключить, что они составляли основаніе печищамъ или домашнимъ очагамъ; здѣсь видимо варилась пища, такъ какъ по обыкновенію около такихъ валуновъ валялось множество горшечныхъ обломковъ съ остатками пищи: съ костями, чрезвычайно сильно раздробленными, млекопитающихъ, съ позвонками и зубами рыбъ, словомъ, было то же самое, о чемъ я сообщалъ въ предыдущей главѣ касательно другихъ мѣстонахожденій. Не говоря о кремневыхъ обломкахъ, можно указать на валуны, служившіе для околачиванія орудій. Здѣсь, очевидно, не только готовились орудія, но вѣроятно, и употреблялись; около печищъ, вмѣстѣ съ цѣльными, встрѣчались орудія, вышедшія изъ употребленія по негодности. Кремневыя стрѣлы и копья часто лежали здѣсь въ видѣ обломковъ. Вообще въ собранной мною здѣсь коллекціи находится много принадлежностей, не найденныхъ еще въ Олонецкой губерніи или извѣстныхъ только отчасти. Орудія относительно разнообразны, какъ по своему минералогическому составу, такъ и по формамъ. Принадлежности изъ кремня играли въ хозяйствѣ до-историческаго человѣка главную роль; наконечники стрѣлъ разнообразны и довольно многочисленны; способъ ихъ отдѣлки отъ самаго грубаго доходитъ до полнаго совершенства. Кремневые наконечники копій, кромѣ своей отдѣлки, интересны по величинѣ; между найденными мною имѣются два, достигающіе величины 150 милиметровъ (около 3½ вершковъ). Есть даже кремневые топоры, обдѣланные грубо и довольно массивные. Но топоры и здѣсь дѣлались главнымъ образомъ изъ глинистаго сланца, изъ породъ зелено-каменныхъ и кристаллическихъ; какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, этого рода отшлифованные топоры здѣсь весьма

изобильны и разнообразны по формѣ. Упомяну также о доскахъ, на которыхъ шлифовались орудія, о каменныхъ молоткахъ, по формѣ сходныхъ съ современными, съ отверстіями по срединѣ. Есть молотки круглые, также съ отверстіями по срединѣ; они служили несомнѣнно для околачиванія орудій; сюда же нужно присоединить долото, служившее для дѣланія корытъ, и пр. Вмѣстѣ съ каменными встрѣчаются здѣсь и костяныя орудія; при устьѣ р. Кинемы я нашелъ копье изъ кости, не менѣе 150 милим. въ длину.

Итакъ, добытый мною матеріалъ еще болѣе расширяетъ сходство каменнаго вѣка Олонецкой губерніи съ каменнымъ вѣкомъ другихъ странъ, особенно же мѣстностей сосѣднихъ—Скандинавіи, Финляндіи, Прибалтійскаго края и пр. Не имѣя пока положительныхъ данныхъ о племенныхъ чертахъ жителей, оставившихъ намъ каменныя принадлежности своего хозяйства, я долженъ сказать, что послѣ нихъ жило, вѣроятно, около озера Лача другое племя, занимавшееся земледѣліемъ и знавшее металлы. Крестьяне около рѣки Ольги и Нокколы находятъ иногда мѣста, покрытыя глухимъ дремучимъ лѣсомъ, гдѣ на почвѣ замѣтны слѣды бороздъ отъ сохи; недалеко отъ устья р. Ольги удавалось даже находить при распашкѣ такихъ мѣстъ желѣзныя вещи. Какому племени принадлежатъ слѣды этого обитанія—также сказать не возможно.

Мѣстные крестьяне разказываютъ, что восточный берегъ Лачозера получилъ себѣ жителей съ западнаго. Первые поселенцы на р. Ольгу пришли съ Тихманги. Они занимались главнымъ образомъ звѣроловствомъ, ставя кляпцы и пасти на медвѣдей, волковъ и пр. По именамъ первыхъ русскихъ поселенцевъ, наконецъ здѣсь вполнѣ основавшихся, названы и деревни: мѣсто, гдѣ первоначально имѣлъ свое зимовье Кондратъ, названа Кондратовскою; отъ Сидора произошла Сидоровская, отъ Демида—Демидовская и т. д.

Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ касательно современной культуры въ здѣшнемъ краѣ. Въ жизни жителя этой мѣстности нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ новыхъ чертъ на ряду съ древними, стародавними. Каргополъ, какъ и большинство жителей Олонецкой губерніи, не находитъ себѣ достаточно средствъ къ существованію въ своемъ мѣстѣ и часто отлучается въ чужіе края для заработковъ; изъ этихъ отлучекъ онъ выноситъ разныя

новыя понятія и свѣдѣнія о другой жизни, но разсказываетъ ихъ своимъ землякамъ, какъ диковинку. Самъ живетъ онъ такъ, какъ жили его дѣды и прадѣды. Послѣ работы въ столицѣ онъ „воруетъ“, или сказать правильнѣе, умыкаетъ себѣ жену, такъ какъ это проще и дешевле, чѣмъ возиться со сватами, со свадьбами да дѣвишниками. Его жена рожаетъ дѣтей, по обыкновенію, скрытно отъ другихъ, чтобы никто не былъ свидѣтелемъ родовъ; дѣлаетъ она это въ сѣновалѣ, въ гумнѣ—будь это въ самый трескучій морозъ. Затѣмъ появляется къ роженицѣ повитуха, иногда часовъ черезъ 12 послѣ родовъ, и начинаетъ свою работу рядомъ наговоровъ, нашептываній и заклинаній. Кавалеръ-матросикъ, обогнувшій вокругъ всѣ материки, зная, что̀ такое Великій, Атлантическій и Индійскій океаны, понимая, зачѣмъ онъ былъ со своими товарищами въ Сингапурѣ, въ Японіи, и отчего была потоплена при устьѣ Амура „Діана“, — каменьщикъ, много лѣтъ работавшій на улицахъ какой-нибудь Риги, искренно вѣрятъ, что какая-нибудь знахарка можетъ оборотить ихъ въ волка на своей родинѣ, и они должны будутъ рыскать по своимъ роднымъ лѣсамъ, выискивая падали или живой добычи на пропитаніе. Еще недавно, лѣтъ 50—60 тому назадъ, во многихъ мѣстахъ здѣшняго края жители едва вѣрили, чтобы возможно было имѣть обувь иначе, какъ изъ бересты, въ видѣ лаптей. Кожаные сапоги приводили жителей въ удивленіе. Были случаи, и они даже до сихъ поръ повторяются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Олонецкой губерніи, что и многія другія принадлежности хозяйства дѣлались изъ бересты, напримѣръ, сѣдло, узда и проч.

Съ такого рода свойствами сопряжено въ средѣ крестьянъ весьма много явленій, неблагопріятныхъ для организаціи труда, для ихъ экономическаго быта. Не смотря на изворотливость нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, не смотря на ихъ внѣшнее благосостояніе, масса народа остается мало предпріимчивою; она легко поддается вліянію различныхъ неблагопріятныхъ явленій въ природѣ, неурожаи тяжело на ней отзываются: здѣшній крестьянинъ долженъ весьма много трудиться, но получаетъ сравнительно мало. Трудъ его цѣнится чрезвычайно дешево, нужда пріобрѣсти для себя все необходимое ставитъ его въ зависимость отъ людей постороннихъ, мало способныхъ войдти въ положеніе своего со-

брата, и которымъ слишкомъ близки ихъ собственные, личные интересы.

Благосостояніе между Каргополами однако сравнительно выше, чѣмъ, напримѣръ, между Водлозёрами [1]). Здѣсь есть цѣлыя села, живущія самостоятельно, не подпадающія подъ иго зависимости отъ людей состоятельныхъ. Три деревни, лежащія на восточномъ берегу озера Лача—Лапинская, Сидоровская и Кондратовская, извѣстныя вмѣстѣ подъ именемъ „слободы", представляютъ по своему внѣшнему виду какъ бы значительное благосостояніе; здѣсь есть много торговыхъ оборотливыхъ крестьянъ, бывающихъ на разныхъ торжкахъ и ярмаркахъ, скупающихъ грибы, дичь и мясо и доставляющихъ эти продукты въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе крестьяне заняты рыболовствомъ на озерѣ. Во время весны здѣсь существуютъ двѣ артели такъ-называемыхъ кереводчиковъ. Одна артель состоитъ изъ 9 кереводовъ (особаго рода невода), въ каждомъ по 3 человѣка ловцовъ; другая артель состоитъ изъ 5 кереводовъ, съ тѣмъ же количествомъ ловцовъ, по 3 на каждый. Эти артели существуютъ съ начала мая до конца іюня, когда ловъ становится неправильнымъ по причинѣ наступающей страды (покосы, а затѣмъ жатва ржи). Артели составляются потому, что необходимо ежедневный уловъ рыбы доставлять въ г. Каргополь, за 12 верстъ, и здѣсь распродать его: иначе рыба скоро портится. Обыкновенно ночью, съ окончаніемъ лова, кереводчики собираются на устьѣ р. Ольги; здѣсь представители одного керевода обираютъ всю рыбу и везутъ ее въ городъ, не участвуя уже въ ловлѣ на другой день. Въ первой артели ловятъ такимъ образомъ постоянно 8 кереводовъ, во второй—4; ежедневно всѣ кереводчики бываютъ попеременно въ отлучкѣ. Вся ежедневно получаемая выручка наличными деньгами дѣлится поровну въ первой артели на 9 частей, во второй—на 5. Затѣмъ уже каждый кереводъ дѣлитъ долю между 3 человѣками поровну, если кереводъ у всѣхъ троихъ ловцовъ общій; иначе на неводъ откидывается $^2/_5$ улова на долю его хозяина, а ловцамъ по $^1/_5$ на каждаго; каждый кереводъ получаетъ до 7 р. въ недѣлю, а въ два мѣсяца приходится на кереводъ 50—60

[1]) О Водлозёрахъ см. Зап. по Отд. Этногр., III, стр. 398—409, 425—439, 451—453, 463, 473, 483—485, 490—501.

рублей. Вычитая отсюда $^2/_5$ на стоимость снасти, останется около 10 р. на ловца за его двухмѣсячный трудъ. Въ концѣ лѣта кереводчики разбиваются на болѣе мелкія артели. Во всѣхъ случаяхъ члены артели, по обычаю, должны слѣдовать принятому порядку лова, и въ случаѣ нерадѣнія или несоблюденія интересовъ артели, какъ-то: неявки или несвоевременнаго появленія на работы, также за неумѣнье ловить, членъ артели исключается изъ нея. Но это бываетъ рѣдко; въ ловцахъ обыкновенно царствуетъ единодушіе и даже по временамъ соревнованіе. Здѣшнія артели — порожденіе чисто мѣстныхъ условій; лѣтомъ онѣ больше, потому что для всѣхъ ловцовъ необходима доставка рыбы въ городъ; находясь въ садкахъ, она портится, такъ какъ вода бываетъ весьма тепла и нечиста въ озерѣ. Къ концу лѣта вода становится холоднѣе; рыба можетъ жить долго въ садкахъ,—поэтому большинство ловцовъ разсыпается по разнымъ угламъ озера, здѣсь днюетъ и ночуетъ, не видясь съ другими своими товарищами. Вообще, одиночный способъ рыболовства распространенъ здѣсь всего больше. Это—ловцы мутниками [1]) или такъ-называемые мутничники. Благодаря главнымъ образомъ имъ, берега р. Ольги, при ея пустынномъ устьѣ, оживлены присутствіемъ болѣе чѣмъ 40 небольшихъ хижинъ. Эти рыбацкія лачужки безъ оконъ, безъ крышъ, представляютъ видъ какой-то оригинальной, первобытной деревни. Въ глубинѣ хижинъ, около заднихъ стѣнъ, сбиты печки; ихъ обыкновенно по три въ каждой. Мутничники, возвращаясь вечеромъ съ ловли, жарко натапливаютъ печки и затѣмъ кладутъ въ нихъ для сушки всю свою добычу, которая состоитъ исключительно изъ мелкихъ рыбъ, изъ ершей или изъ молоди. Чѣмъ мельче молодь, тѣмъ она больше цѣнится въ продажѣ. При устьѣ Ольги дѣйствуетъ до 60 мутниковъ, принадлежащихъ крестьянамъ сосѣднихъ деревень; ловятъ они въ продолженіе почти всего лѣта, рѣдко прерывая свои занятія. Мутничники, по два человѣка на лодку и мутникъ, выѣзжаютъ на озеро рано утромъ; къ полудню, во время жара, бросаютъ якорь и спятъ часовъ до 4-хъ среди водъ, а потомъ опять начинаютъ свой ловъ до вечера. Въ лѣто и осень мутникъ заработываетъ даже до 100 руб. Если положить $^2/_5$ на снасть, то прійдется зара-

[1]) О мутникѣ или чапѣ см. Зап. по Отд. Этногр., III, стр. 434.

ботку до 30 р. на ловца; обыкновенно мутникъ составляетъ принадлежность одного семейства: имъ ловитъ мужъ съ женой, отецъ съ дочерью и т. д. Этотъ способъ ловли какъ будто и выгодный, но онъ ведетъ къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ: рыба истребляется въ самомъ молодомъ возрастѣ; если положить пудъ сушенаго молья около 2 р. или 2 р. 50 к., то выйдетъ, что каждый мутничникъ долженъ продать его до 40—50 пудовъ, чтобы получить 100 р.; это количество сухой рыбы должно составлять едва ли больше 1/8 живой рыбы; говорятъ, что изъ пуда сырой рыбы выходитъ сухой только 5 фунтовъ, слѣдовательно, на каждый мутникъ должно приходиться не меньше 320 — 400 пудовъ живаго молья въ лѣто на уловъ. Если взять одно только Ольгское устье съ его 60 мутниками, то мы получимъ уже цифру въ цѣлыя тысячи пудовъ мелкой рыбы, которая здѣсь вылавливается. Если же взять во вниманіе, что въ каждый фунтъ идутъ сотни особей [1]), то получимъ огромное число для всѣхъ истребленныхъ существъ! Но при здѣшней нуждѣ, доходящей въ общей сложности до крайности, трудно сказать, какой другой промыселъ можетъ замѣнить жителямъ выгоды отъ этого истребленія.

Ловля рыбы мутниками еще лѣтъ 50 тому назадъ была мало здѣсь распространена; въ то время при устьѣ Ольги было только два мутника. Теперь мутникъ играетъ важную роль у жителей по всему озеру Лачу; посредствомъ его ловятъ жители Нокколы, устьевъ рр. Свиди, Ухты, Тихманги. У жителей Ноколлы имѣется 4 большихъ, въ 300 маховыхъ сажень, невода. При каждомъ работаетъ 8 человѣкъ, изъ которыхъ многіе не входятъ въ пай въ цѣнности самаго невода. Рыба дѣлится на 16 частей, 8 паевъ на неводъ и 8 на работниковъ, такъ что постороннему приходится на долю шестнадцатый рубль. Кромѣ большихъ неводовъ и мутниковъ, здѣсь есть много маленькихъ. Но въ большомъ Нokкольскомъ селеніи бѣдность проглядываетъ уже изъ всякаго окна; нуждой пахнетъ изъ большинства покосившихся и полуразваленныхъ домиковъ. Жители должны везти свой уловъ въ городъ за 30 верстъ;

[1]) По показаніямъ торговцевъ рыбою, одногодовалаго ерша идетъ около 150 шт., вышедшаго весной и изловленнаго въ концѣ лѣта или осенью идетъ до 400 шт. въ одинъ фунтъ.

это далеко, а часто и невозможно по случаю противныхъ вѣтровъ; вслѣдствіе того они легко подпадаютъ вліянію прасоловъ, такъ какъ для большинства изъ нихъ бываетъ настоятельно необходимо превращать рыбу въ хлѣбъ; теряя здѣсь значительную долю выгоды, остальную часть улова они не прочь снести къ цѣловальнику, который поэтому уже и выстроилъ самый лучшій домъ въ селѣ. Итакъ, здѣсь уже очевидно, что при недостаткѣ хлѣба, и рыболовство не удовлетворяетъ нуждамъ крестьянина. Жители, живущіе вдали отъ озера, среди лѣсовъ, находятся въ еще болѣе невыгодныхъ условіяхъ. Заработки здѣсь, особенно въ случаѣ неурожая, скудны и крайне тяжелы. Укажемъ въ примѣръ тому выдѣлку бѣлки,—чѣмъ Каргополь давно прославился.

Въ Каргополѣ находится 3 большіе завода для выдѣлки бѣлки; на каждомъ изъ нихъ въ 1873 году выдѣлывалось около 600,000 бѣлокъ, слѣдовательно, до 1.800,000 на всѣхъ; кромѣ того, существуетъ 3 небольшіе завода, выдѣлывающіе всего до 600,000 бѣлокъ. Все количество обдѣланной бѣлки простирается до $2^{1}/_{2}$ милліоновъ. На каждомъ изъ большихъ заводовъ имѣется рабочихъ до 50 человѣкъ и соотвѣтственное количество на малыхъ; всего до 200 человѣкъ. Бѣлка свозится сюда съ обширныхъ пространствъ; сюда попадаетъ бѣлка сибирская, олекминская, байкальская, уральская—съ ярмарокъ Нижегородской и Ирбитской; сюда идетъ бѣлка съ сѣвера—архангельская, олонецкая и т. д.—съ различныхъ ярмарокъ въ родѣ Шунгской, или съ торжковъ.

Въ обработкѣ она претерпѣваетъ слѣдующія фазы. Прежде всего она сдается крестьянамъ около Каргополя, здѣсь ее скорнячатъ; для этого она первоначально квасится сутки въ гущѣ, состоящей изъ муки и соли; муки идетъ на 1000 шт. бѣлокъ 15 фунт., соли—10 фунт., при чемъ соль употребляется для предохраненія шерсти отъ слѣзанія съ кожи, или какъ здѣсь говорятъ, чтобы шерсть не опрѣла. Затѣмъ бѣлку бруснутъ, то-есть, трутъ шкурку мездрой около винтообразнаго желѣзнаго прута, для того, чтобы снять всю мясистую часть съ кожи. Для смягченія кожи смазываютъ ее ворванью—1 фунтъ ворвани на 1000 шт. Потомъ бѣлка складывается слоями въ бочку, пересыпается мукой и мнется ногами; это дѣлаетъ и шкурку, и шерсть пышною и мягкою. Всего скорнякъ получаетъ за свою работу и матеріалъ отъ $1^{1}/_{2}$ до 2 руб. съ тысячи,

заработывая въ сезонъ до 30 руб.; работа продолжается до $4^1/_2$ мѣсяцевъ.

Отъ скорняка бѣлка поступаетъ собственно на заводъ, къ мастерамъ или разборщикамъ. Всѣ имѣющіеся сорта бѣлокъ распредѣляются на 12 категорій, по оттѣнкамъ ихъ шерсти. Получается сортъ темно-дымчатыхъ, съ оттѣнками красноты на шеѣ, около хвоста и т. д. Каждый изъ этихъ главныхъ оттѣнковъ еще классифицируется, нерѣдко на 10 отдѣленій, такъ что каждый изъ 12 главныхъ сортовъ мѣха будетъ отличаться второстепенными качествами; первый сортъ можетъ быть перваго, втораго и третьяго разбора, тоже второй и т. д.

Отъ разборщиковъ бѣлка поступаетъ въ кройку. Закройщикъ разрѣзываетъ каждую бѣлку на пять главныхъ частей; отрѣзываетъ хвостъ, лобъ, часть шкурки около хвоста — огузокъ, животъ — черево, и наконецъ, получаетъ спинку — хребетъ. Каждая изъ этихъ частей шкурки идетъ несшитою въ продажу: хвосты продаются, напримѣръ, въ Петербургѣ, заграничнымъ купцамъ по 130 руб. за пудъ, а въ самое послѣднее время цѣна имъ дошла до 150 руб. за пудъ. 1000 бѣличьихъ хвостовъ вѣситъ 6 фунт., слѣдовательно, въ пудъ ихъ идетъ около 6600, почти 2 коп. или и больше за каждый. Черева продаются, смотря по году, отъ $2^1/_2$ до $4^1/_2$ к., хребетъ—отъ 6 до 7 к., лбы—по 1 руб. съ 1000, также и огузки.

Главнымъ образомъ шкурки здѣсь же сшиваются въ мѣха. Въ одинъ мѣхъ идетъ хребтиковъ 200 штукъ. Зачинить ихъ, такъ какъ они часто бываютъ разрѣзаны, и сшить изъ нихъ мѣхъ стоитъ 16 коп. Въ мѣхъ изъ черевъ идетъ 170 шт.; сшивка ихъ обходится въ такую же цѣну, какъ и сшивка хребтоваго мѣха. Въ лбовый мѣхъ идетъ 2000 бѣличьихъ лбовъ; вся работа его, подборка лоскутковъ, ихъ выправка и кройка, вмѣстѣ съ шитьемъ обходится 1 р. 50 к. Въ огузчатый мѣхъ идетъ 4000 гузокъ; разобрать гузки по сортамъ, выправить ихъ стоитъ 48 коп. съ тысячи; прикроить 4 тысячи кусковъ—10 коп.; сшить ихъ въ мѣхъ стоитъ только 18 коп. Лоскутки имѣютъ отъ $^1/_2$ до 1 вершка въ длину и до $^1/_4$ вершка въ ширину. Эти сорта мѣховъ со стороны мездры представляютъ чистую мозаику; чрезвычайное терпѣніе, необходимое для шитья этого мѣха, при кропотливости и медленности работы, при такой низкой

платѣ, можетъ быть вызвано только крайнею нуждой; обработка всего огузчатаго мѣха обходится среднимъ числомъ 1 руб. 80 коп. Послѣ всѣхъ этихъ сортовъ мѣховъ дѣлаются еще мѣха изъ бѣличьихъ щекъ; уши пришиваются обыкновенно на бѣлые черевные мѣха. Черевный мѣхъ продается отъ 6 до 9½ руб., хребтовый—отъ 12 до 15 руб., лбовый—4 руб., огузчатый—отъ 7½ до 8 руб. Обработка 1000 бѣлокъ во всѣ виды мѣховъ обходится хозяевамъ въ 9—10 руб., ровно въ два раза меньше, чѣмъ въ Москвѣ, гдѣ эта работа стоитъ 18—20 руб.

Главные мастера на заводахъ—городскіе жители; ихъ немного, и они получаютъ за работу около 250 руб. Обыкновенные рабочіе, жители деревенскіе, въ тотъ же періодъ времени, 4½ мѣсяца, заработываютъ до 50 — 60 руб. Работа производится отъ 4½ часовъ утра до 9½ часовъ вечера, слѣдовательно, длится 17 часовъ, безъ перерыва, часто и въ праздники. Всего меньше окупается трудъ женщинъ-швей: на ихъ долю за тягостную работу едва выпадаетъ 10—15 рублей заработка. Главныя же выгоды отъ дешевизны труда переходятъ здѣсь въ руки капиталистовъ, наслѣдственно, изъ рода въ родъ ведущихъ этотъ промыселъ. Барыши, ежегодно поступающіе въ ихъ пользу, считаются тысячами рублей, уходятъ за 10 тысячъ на человѣка.

Но обработка бѣлки занимаетъ еще видное мѣсто по выгодамъ для мѣстнаго населенія. Многіе другіе заработки ввергаютъ крестьянъ скорѣе въ нищету, чѣмъ доставляютъ имъ поддержку. Сравнительно немногимъ сельскимъ жителямъ удается найдти себѣ выгодный заработокъ; и если такъ бываетъ, то лишь съ крестьянами состоятельными, не находящимися обыкновенно отъ другихъ въ зависимости. Чаще крестьяне, подъ вліяніемъ крайней нужды, попадаютъ въ кабалу къ спекуляторамъ изъ среды своихъ же собратій. Здѣсь бываетъ совершенно то же, что уже раньше замѣчено мною на Водлозерѣ [1]): такъ-называемые „десятники“ во время уплаты податей, въ концѣ февраля и въ началѣ марта, объѣзжаютъ деревню за деревней и вербуютъ себѣ рабочихъ подъ гонку лѣсовъ или на Маріинскій каналъ; они даютъ крестьянамъ подъ будущій трудъ задатокъ отъ 16 до 20 руб., съ

[1]) Зап. по Отд. Этногр., III, стр. 480.

платой за недѣльную работу отъ 1 руб. до 2 руб.; такимъ образомъ десятники составляютъ партіи отъ 50 до 100 человѣкъ. Такія-то партіи называются здѣсь артелями, но члены такой партіи не имѣютъ никакого голоса въ ходѣ работъ, они во всемъ обязаны подчиняться хозяину-десятнику, который запродаетъ ихъ трудъ за 4—5 руб. въ недѣлю, для всякаго члена партіи въ отдѣльности. Рабочій въ условіи обязуется: быть въ услуженіи у десятника, со дня поступленія, тридцать недѣль; исполнять работы—сплавъ лѣса, тягу судовъ по рѣкамъ и каналамъ въ губерніяхъ Олонецкой, Новгородской и С.-Петербургской; въ дорогу вступать безотговорочно, по требованію десятника; харчи въ пути къ мѣсту работы имѣть свои; на работу выходить въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ въ 3 часа утра и оканчивать въ 9 часовъ вечера (ровно 19 часовъ); а въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ и октябрѣ выходить въ 4 часа утра и оканчивать въ 8 часовъ вечера; во время дня отдыхъ по назначенію хозяина; на работахъ быть послушнымъ днемъ и ночью; за лѣность и непослушаніе вычитается по одному рублю изъ жалованья въ день, за болѣзнь—въ день по расчету; отвѣтственность передъ судомъ за несчастія на судахъ и на лѣсныхъ гонкахъ падаетъ на работника, а не на десятника; но десятникъ имѣетъ право когда угодно расчитать рабочаго или передать другому. Наиболѣе способные изъ рабочихъ получаютъ отъ 50 руб. до 100, иные получаютъ отъ 25 руб. до 50; чаще всего заработокъ за тягостный восьмимѣсячный трудъ равняется только 30—40 руб. Сплавъ лѣса часто сопровождается смертными случаями или тѣмъ, что рабочій пріобрѣтаетъ неизлѣчимыя простудныя болѣзни, такъ какъ приходится быть почти постоянно въ водѣ. Такого рода рабочіе, конечно, годъ отъ году все больше и больше разоряются. Часть заработка идетъ на уплату податей, часть—на покупку хлѣба, значительная часть въ дорогѣ пропивается, и работникъ возвращается домой безъ денегъ. А дома часто хлѣбъ не засѣянъ и ѣсть нечего. Тогда онъ снова обращается къ десятнику за задаткомъ въ счетъ труда будущаго года. Нѣсколько тысячъ человѣкъ ведутъ подобнаго рода жизнь въ Каргопольскомъ уѣздѣ; изъ каждой волости отлучается для такихъ заработковъ по 100—300 человѣкъ.

Все это впрочемъ промыслы отхожіе; между тѣмъ самъ Каргопольскій уѣздъ изобилуетъ своимъ лѣсомъ, который, по видимому,

долженъ былъ бы служить для жителей источникомъ благосостоянія, вознаграждать жителей за убытки, причиняемые имъ климатомъ, недостаткомъ удобной почвы и пастбищъ и изобиліемъ хищныхъ звѣрей, опустошающихъ скудныя стада здѣшняго края. Но жизнь въ краѣ такъ сложилась, что нѣтъ пока никакой возможности думать о подобномъ уравновѣшиваніи недостатковъ отъ однихъ занятій выгодами отъ другихъ. Торговля лѣсомъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ сосредоточена въ рукахъ компаніи Онежскаго лѣснаго торга. Компанія ведетъ обширныя заготовки сосновыхъ и еловыхъ бревенъ по всѣмъ рѣкамъ и рѣчкамъ здѣшняго края; лѣсъ сплавляется къ устью р. Онеги, здѣсь распиливается на заводахъ и въ видѣ досокъ отправляется за границу. Имѣвъ случай наблюдать условія рубки и доставки лѣса при устьѣ р. Вытегры, я находилъ дѣйствія лѣсопромышленниковъ не вполнѣ добросовѣстными, замѣчалъ неправильные расчеты, браковку и пр. [2]); условія же рубки и сплава лѣса изъ мелкихъ рѣчекъ въ большія, заключаемыя компаніей съ здѣшними крестьянами, еще менѣе благопріятны. Плата около Вытегры за 6-вершковое бревно 25, за 12-вершк. 90 к. Компанія платитъ по весьма щедрому разчету за $6^1/_2$-вершковое 15 к., за $9^1/_2$-, 10-вершк. и т. д.—35 коп.; средняя плата за бревно изъ minimum'a и maximum'a платы будетъ въ первомъ случаѣ 57 коп., во второмъ—25 коп., меньше, чѣмъ въ первомъ случаѣ, въ $2^7/_{25}$ раза. Еловыя бревна срубаются и доставляются по еще болѣе дешевой платѣ. Но даже если сравнить цѣны компаніи съ тѣми, которыя установлены въ средѣ другихъ здѣшнихъ же лѣсопромышленниковъ или частныхъ лицъ, пріобрѣтающихъ лѣсъ для домашнихъ потребностей, то въ этомъ случаѣ получимъ громадную разницу: послѣднимъ срубка бревна и доставка его къ рѣкѣ обходится не меньше 50 коп. Низость заработной платы въ дѣлахъ компанейскихъ объясняется тѣмъ, что компанія Онежскаго лѣснаго торга только одна купила себѣ право заниматься рубкой лѣса въ большей части Каргопольскаго и Пудожскаго уѣздовъ, а также въ Онежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи; въ теченіе 10-ти лѣтъ она выговорила себѣ право срубить 2,000,000 сосновыхъ бревенъ и 500,000 еловыхъ, съ платой въ казну по 50 к. за каждое, независимо

[2]) Зап. по Отд. Этногр., III, стр. 479.

отъ толщины. Не имѣя предъ собою никакой конкурренціи, она, конечно, въ предѣлахъ отведенной ей области одна по произволу устанавливаетъ цѣны и до послѣдней крайности выгораживаетъ свои интересы. Крестьяне, какъ и вездѣ, руководимые часто безысходною нуждой, соблазняются предлагаемыми имъ задатками по 9 руб. подъ каждые сто бревенъ. По окончаніи вырубки и вывозки, крестьянамъ выдается вторая треть; затѣмъ крестьянамъ остается сплавить лѣсъ еще къ главной рѣкѣ, и тогда они получаютъ остальную плату. Притомъ компанія обязуетъ всѣхъ нанимающихся взаимно отвѣчать другъ за друга, такъ что въ случаѣ неисправной рубки или доставки лѣса кѣмъ-либо изъ нанявшихся, отвѣчаютъ своими деньгами всѣ остальные, нанявшіеся у компаніи.

Неудобствъ въ такихъ условіяхъ для крестьянъ весьма много: часто отдаленность годнаго лѣса отъ рѣчекъ, большіе снѣга (рубка происходитъ съ декабря до марта), по которымъ спеціально необходимо прокладывать дорогу; годъ отъ году эти неудобства увеличиваются, такъ какъ по близости рѣчекъ лѣсъ вырубается, и приходится углубляться дальше въ лѣса. При сплавѣ по рѣчкамъ не менѣе трудностей: рѣчки иногда быстро расходятся, наполняясь водой, затѣмъ еще быстрѣе убываютъ, такъ что многимъ не удается во время пустить лѣсъ по рѣчкѣ. Конечно, много хлопотъ и труда кладетъ въ этомъ случаѣ крестьянинъ, но не смотря на то, компанія нанимаетъ усиленное число рабочихъ для доставки отставшаго лѣса и для вырубки недостающаго, производя за то двойную плату противъ нормальной, и не изъ своихъ суммъ, а изъ тѣхъ, которыя еще не доплачены крестьянамъ; эти расходы распредѣляются на всѣхъ, на правыхъ и виноватыхъ. Есть еще рядъ другихъ натяжекъ, къ которымъ лѣсопромышленники прибѣгаютъ для соблюденія своихъ интересовъ; пріемъ лѣсовъ отъ крестьянъ производятъ такъ-называемые браковщики; всякое дерево, съ какимъ-нибудь ничтожнымъ или даже только кажущимся изъяномъ, они принимаютъ въ бракъ, платя за него въ такомъ случаѣ только 5 к., хотя бы дерево пришлось везти на лошади за 7 в. Затѣмъ, конечно, браковщики не преминутъ $8\frac{1}{2}$ вершковое бревно принять за 8-вершковое, 7-вершк.—за $6\frac{1}{2}$-вершк. и т. д. Какъ велики выгоды, получаемыя крестьяниномъ за его тягостный трудъ, рѣшить не трудно. Рабочій въ сутки, на собственномъ содержаніи, съ лошадью получаетъ

25 коп. и меньше; при такомъ дневномъ заработкѣ, едва ли и самъ онъ въ состояніи какъ слѣдуетъ пропитаться, лошадь же его навѣрное держится полуголодною; получая только сѣно, она ужъ и не видитъ хлѣба. Такимъ образомъ лошади изнуряются еще больше, чѣмъ ихъ хозяева, и бываетъ такъ, что къ веснѣ лошадь заболѣваетъ и падаетъ или едва волочитъ ноги; она становится едва способною привезти сѣна да дровъ для дома, и въ еще болѣе затруднительное положеніе становится крестьянинъ при наступленіи пахоты. Такимъ образомъ весьма многіе поселяне, вмѣсто того, чтобы пріобрѣсти выгоду, впали въ нищету, и не смотря на то, до сихъ поръ въ разныхъ волостяхъ работаютъ на компанію сотни человѣкъ. Въ одной Фатьяновской волости ежегодно нанимаются на лѣсную рубку до 300—350 человѣкъ.

Чтобъ убѣдиться—какія причины заставляютъ компанію становиться въ подобныя отношенія къ мѣстнымъ жителямъ, недостатокъ ли средствъ или невыгодныя условія сбыта лѣснаго матеріала, я собралъ нижеслѣдующія данныя, изъ которыхъ также видно будетъ—какую долю всѣхъ расходовъ по обработкѣ дерева составляетъ цѣна за срубку и доставку лѣса на сплавныя рѣки. Расчетъ кажется даже преувеличенный, онъ падаетъ среднимъ числомъ на одно бревно:

Вырубка и сплавъ на главныя рѣки	25 коп.
Доставка къ заводамъ	25 „
Жалованья служащимъ и разнымъ подрядчикамъ .	20 „
„ рабочимъ на заводахъ	30 „
Прогоны по разъѣздамъ прикащиковъ, браковщиковъ, содержаніе плотинъ и запаней	10 „
Распилка и сортировка, разборка, нагрузка, выгрузка и перевозка досокъ съ заводовъ къ главному складу на Кій-островѣ и на корабли .	16 „
Содержаніе конторы и служащихъ при заводахъ .	15 „
Уплата попенныхъ въ казну	50 „
Усиленіе надзора	4 „
Постройка новыхъ перевозныхъ судовъ и ремонтъ старыхъ, ремонтъ пароходовъ, вещей, лошадей, взносъ процентныхъ и страховыхъ, гильдейскихъ повинностей и пр.	35 „
Всего. . .	2 р. 30 коп.

Итакъ, бревно, совершенно обработанное въ доски и доставленное на мѣсто сбыта за границу—въ Англію, во Францію или Испанію, стоитъ 2 р. 30 к. Изъ одного дерева выходитъ среднимъ числомъ 2 доски, шириною въ 11 дюймовъ, толщиною 3 д. и длиной въ 22 фута и двѣ доски меньшей толщины. Каждая изъ 2 первыхъ досокъ стоитъ на мѣстѣ сбыта 2 руб., обѣ составятъ 4 руб.; если стоимость двухъ остальныхъ положить въ 1 руб., то все дерево въ распилкѣ будетъ стоить 5 руб. Принимая во вниманіе расходъ на бревно въ 2 руб. 30 коп., получимъ невѣроятную цифру дохода на бревно, уходящую за 100%. Другіе говорятъ, что будто бы доходъ компаніи простирается только до 36%.

И въ этой второй главѣ считаю нужнымъ замѣтки, занесенныя на бумагу на мѣстѣ моихъ странствованій, дополнить еще нѣкоторыми позднѣйшими замѣчаніями.

Въ настоящей главѣ я указалъ на важнѣйшіе пункты нахожденія остатковъ каменнаго вѣка, раскинутые по восточному берегу озера Лача. Какъ оказывается, залеганіе орудій весьма просто, самыя же орудія весьма разнообразны. Добавлю здѣсь еще разъ, что кремневыя орудія встрѣчаются преимущественно на берегахъ, при чемъ шлифованныя изъ сланца здѣсь сравнительно рѣдки; на „горбышахъ"—обратно. Кремневыя принадлежности, какъ я уже сказалъ, представляютъ различную степень совершенства по своей обработкѣ. Къ числу этихъ издѣлій изъ кремня принадлежатъ топоры, относительно грубо сдѣланные; три такіе топора, найденные при устьѣ р. Ольги, представлены на таблицѣ I. Топоръ, изображенный на фиг. 1, сдѣланъ изъ бѣловатаго, вполнѣ непрозрачнаго кремня; сторона, съ которой сдѣланъ рисунокъ орудія, представляетъ слѣды цѣлаго ряда грубыхъ ударовъ; на обратной сторонѣ этого топора замѣтно меньшее количество слѣдовъ удара. Орудіе, изображенное на фиг. 2, ближе подходитъ по общей формѣ къ настоящему клиновидному топору; оно состоитъ изъ кремнистаго камня, ближе подходящаго къ кварциту. Орудіе, изображенное на фиг. 3 по формѣ подходитъ даже къ копью, но грубость его отдѣлки указываетъ на то, что если оно было въ употребленіи, то для цѣлей менѣе важныхъ, чѣмъ та, для которой предназначается копье. Затѣмъ, на томъ же восточномъ берегу я нашелъ кремневое орудіе, значительно напоминающее по формѣ послѣднее, но превосходящее

его по величинѣ до двухъ разъ. Всѣ эти орудія по типу напоминаютъ такъ-называемые сентъ-ашёльскіе топоры.

Далѣе въ моей коллекціи съ Лачозера имѣется цѣлый рядъ орудій, составляющихъ постепенный переходъ отъ этихъ грубыхъ, сдѣланныхъ изъ кремнистаго матеріала принадлежностей каменнаго вѣка къ самымъ совершеннымъ орудіямъ, которыя однако сдѣланы были также посредствомъ околачиванія. Къ числу орудій этой послѣдней категоріи относится наконечникъ копья, найденный на восточномъ берегу озера Лача, недалеко отъ устьевъ Кипемы и изображенный на таблицѣ II, фиг. 1; этотъ наконечникъ, о которомъ я уже упоминалъ выше, въ этой самой главѣ (стр. 19), сдѣланъ изъ темнобураго, плотнаго, лоснящагося кремня, дающаго хорошій раковистый изломъ; удары, съ помощью которыхъ дѣлалось орудіе, были тщательны, но не тонки, хотя края орудія весьма остры, въ томъ числѣ и передній конецъ; задній конецъ копья, который вставлялся въ древко, выдѣланъ плоско, тогда какъ передній кончается нѣсколько пирамидально. Второе изъ здѣсь же найденныхъ копій было выдѣлано еще болѣе аккуратно посредствомъ болѣе мелкихъ ударовъ; оно изображено въ натуральную величину въ ф. 2 табл. II и имѣетъ съ обоихъ концовъ ланцетную форму. Почти полное совершенство въ выдѣлкѣ кремневыхъ наконечниковъ, въ этомъ случаѣ для стрѣлъ, видно на экземплярахъ, изображенныхъ на таблицѣ II, фиг. 2 и 3. На наконечникѣ стрѣлы, фиг. 2, видны слѣды самыхъ тщательныхъ, осторожныхъ и тонкихъ ударовъ; въ этомъ случаѣ, при значительной длинѣ наконечника и при его общей узости, ему придана весьма правильная, довольно симметричная форма; вмѣстѣ съ тѣмъ и концы его прекрасно пріострены. Въ наконечникѣ фиг. 3 замѣтна еще большая практичность въ достиженіи цѣли, какая преслѣдовалась въ изготовленіи его, какъ орудія; передній конецъ его вполнѣ заостренъ, задній конецъ— широкій и плоскій, съ лунообразною выемкой на самомъ заднемъ краю, который также пріостренъ; въ такомъ устройствѣ задняго конца наконечника достигалась та цѣль, чтобъ орудіе, вставленное въ древко, не особенно утолщало это мѣсто его прикрѣпленія. По этой выемкѣ на заднемъ краѣ описываемый наконечникъ представляетъ переходъ къ сибирскимъ, подобнымъ изображенному на фиг. 6 и найденному въ окрестностяхъ Красноярска. Но и въ Во-

сточной Сибири не у всѣхъ наконечниковъ на заднемъ краѣ бываетъ такая глубокая сердцевидная выемка, какъ у здѣсь изображеннаго; выемки часто подходятъ къ полулуннымъ, или наконецъ, задній край наконечника дѣлался просто прямолинейнымъ, а все орудіе въ такомъ случаѣ является треугольнымъ. У западно-европейскихъ наконечниковъ, напримѣръ, у шведскихъ и датскихъ, выемка на заднемъ краѣ бываетъ еще больше, въ видѣ полукруга [1]); на наконечникахъ въ Кіевской губерніи изъ долины Днѣпра также находимъ нѣкоторую выемку, но не полулунную, а скорѣе походящую на ту которая изображена на красноярскомъ наконечникѣ на табл. II, ф. 6. [2]); наконецъ и между стрѣлками, найденными въ Тульской губерніи, встрѣтилась одна, найденная у с. Илькина, очень мелкая и представляющая на заднемъ краю подобіе полунной выемки, весьма впрочемъ несовершенной работы [3]). Одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе правильныхъ наконечниковъ стрѣлъ, изящнѣе и совершеннѣе котораго уже трудно было воспроизвести что-либо изъ кремня, представленъ на таблицѣ II, фиг. 5. Этотъ наконечникъ добытъ мною около озера Мошинскаго, о которомъ рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ; при довольно значительной длинѣ, этотъ наконечникъ, сдѣланный изъ красноватаго кремня, весьма аккуратно пріостренъ на переднемъ концѣ; на заднемъ же онъ кончается долотообразно, съ едва замѣтною полулунною выемкой. Благодаря своей красивой симметричной стрѣловидной формѣ, этотъ наконечникъ еще до сихъ поръ имѣлъ значеніе для нашедшаго его крестьянина, какъ амулетъ. Именно, когда крестьянинъ, нашедшій этотъ наконечникъ, былъ еще молодъ и ему приходилось жениться, то онъ, слѣдуя господствующему здѣсь обычаю, долженъ былъ положить наконечникъ въ са-

[1]) *Nilsson*, Les habitants primitifs de la Scandinavie, табл. III, фф. 46 и 48, табл. V, фф. 94—98; *Montelius*, Antiquités suèdoises (Stockholm, 1873 — 1875), фф. 47, 50, 59, 61, 64; его же, La Suède préhistorique (Stockholm, 1874), ф. 6.

[2]) См. статью *М. А. Максимовича:* „Украинскія стрѣлы древнѣйшихъ временъ", въ Древностяхъ, изд. Моск. археол. обществомъ, 1867 г., стр. 208, рис. 1.

[3]) См. статью *Г. Д. Филимонова:* „Промышленность каменнаго вѣка въ Тульской губерніи", въ Вѣстникѣ общества древне-русскаго искусства, 1876 г., ф. 177.

ногъ подъ пятку и въ такомъ только видѣ идти съ невѣстой подъ вѣнецъ: по господствующему повѣрью, „громовая стрѣла" или наконечникъ служитъ въ этомъ случаѣ столько же предохраненіемъ отъ несчастій въ бракѣ, сколько и залогомъ для счастія. Укажу еще на чрезвычайно оригинальное орудіе, изображенное на фиг. 4; это—наконечникъ копья, но приноровленный видимо для другихъ цѣлей. Около одной стороны его продѣлано сквозное и довольно широкое отверстіе; наконечникъ съ такимъ отверстіемъ, очевидно, служитъ какъ гарпунъ; вставляемый заднимъ концомъ въ древко, онъ навѣрное былъ еще привязываемъ веревкою, которая послѣ удара оставалась въ рукахъ ловца. Отверстіе сдѣлано очень ровно; можетъ быть, подобный гарпунъ былъ употребляемъ на бой большихъ рыбъ, а также и водившихся въ озерѣ Лачѣ тюленей. Наконечникъ этотъ былъ найденъ при устьѣ Кинемы.

Кромѣ описанныхъ здѣсь обивныхъ орудій, какъ на восточномъ берегу озера Лача, такъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, мною была находима масса орудій въ цѣломъ видѣ или въ обломкахъ; то были болѣе или менѣе грубые наконечники копій или же наконечники стрѣлъ. Какъ тѣ, такъ и другіе являлись въ болѣе или менѣе ланцетной или миндалевидной формѣ. Кромѣ наконечниковъ, я находилъ также въ разныхъ мѣстахъ массу ножей и въ особенности скребковъ. Скребки, какъ и ножи, имѣли обыкновенную, типичную форму; они имѣли различную величину и были или округлены, или продолговаты и призматичны; въ особенности много попадалось ихъ при устьяхъ рѣкъ Ольги и Кинемы.

Обращаюсь теперь къ орудіямъ обточеннымъ, или какъ говорятъ, шлифованнымъ; таковыя добыты мною также въ большомъ количествѣ, въ особенности при устьѣ р. Кинемы и на островѣ Пормскомъ на Кенозерѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ. Всѣ эти орудія по своей формѣ вполнѣ сходны съ найденными прежде въ Олонецкой же губерніи Н. Ѳ. Бутеневымъ; представляютъ онѣ полное сходство и съ орудіями, распространенными въ Финляндіи. Къ числу этихъ орудій относятся топоры, молотки, тесла и пр.; сдѣланы они преимущественно изъ глинистаго сланца, но есть и такія, которыя выдѣланы изъ діорита и породъ зеленокаменныхъ. Обточенныя орудія изготовлялись, вѣроятно, тѣмъ способомъ, на который я указалъ въ моихъ „Этнографическихъ

изслѣдованіяхъ на юго-востокѣ Олонецкой губерніи" [1]); тамъ, на таблицѣ I, фиг. 3, я изобразилъ плиту изъ тальковаго кварцита, на одной сторонѣ которой сохранились ясные слѣды, что она именно служила для обтачиванія орудій; обломки подобныхъ же плитъ изъ того же матеріала находилъ я и въ 1873 году, какъ на берегу Тудозера, около Онежскаго озера, такъ и на восточномъ берегу озера Лача. Преобладающими изъ обточенныхъ инструментовъ являются повсемѣстно топоры; наиболѣе типичная клиновидная форма ихъ вполнѣ ясно выражена на орудіи, найденномъ при устьяхъ Кинемы и изображенномъ въ настоящую величину на таблицѣ IѴ, фиг. 1; топоръ этотъ, какъ и большая часть другихъ, здѣсь найденныхъ, сдѣланъ изъ глинистаго сланца. Наиболѣе выдается по своей довольно своеобразной формѣ топоръ, тоже изъ глинистаго сланца, найденный также при устьѣ Кинемы; верхній конецъ его обдѣланъ въ видѣ усѣченнаго конуса, а нижній—тщательно и клиновидно сточенъ (таблица III, фиг. 1). Почти совершенно такой же топоръ и изъ того же матеріала, но только большей величины, и былъ найденъ въ прошломъ столѣтіи при проведеніи стараго Ладожскаго канала; онъ хранится нынѣ въ антропологическомъ музеѣ Академіи Наукъ. Укажу еще на одинъ топоръ, найденный на островѣ Пормскомъ, на Кепозерѣ; онъ сдѣланъ изъ зеленоватаго змѣевика и нѣсколько уподобляется нефритовому; онъ изображенъ на таблицѣ III, фиг. 2, въ $^{2}/_{3}$ своей величины; въ дѣйствительности онъ довольно массивенъ и тяжелъ, при чемъ имѣетъ вполнѣ клиновидную форму, съ весьма хорошо сдѣланнымъ остріемъ.

Къ орудіямъ, довольно своеобразнымъ и характеризующимъ Олонецкую губернію, и особенно Финляндію, относятся такъ-называемыя тёсла. Одно изъ нихъ, сдѣланное изъ глинистаго сланца, было найдено при устьяхъ рѣки Кинемы; оно изображено на таблицѣ IѴ, фиг. 2, въ $^{2}/_{3}$ своей настоящей величины. Оно весьма удлинено и относительно узко; на рѣжущемъ концѣ его съ одной стороны сдѣлана корытообразная выемка, а самая окраина образуетъ остріе. Такія орудія были находимы мною около д. Карташихи въ долинѣ Волги въ Казанской губерніи, а также въ долинѣ Оки [2]); они часто

[1]) Зап. по отд. Этногр., III, 357—359.
[2]) Антропол. поѣздка въ центр. и вост. Россію (С.-Пб. 1881 г.), т. 5, ф. 31.

встрѣчаются въ Финляндіи, но сравнительно рѣдко въ западной Европѣ; во многихъ же странахъ послѣдней онп совершенно отсутствуютъ. По Волгѣ и Окѣ онѣ выдѣлывались изъ кремня, въ Финляндіи же и Олонецкой губерніи — изъ глинистаго сланца и другихъ мѣстныхъ горныхъ породъ. Кромѣ этого тёсла, на таблицѣ IV представлены два другія; изъ нихъ изображенное на фиг. 3 нѣсколько короче только что описаннаго, но толще и тяжеле; утолщенное по срединѣ, оно равномѣрно конически суживается къ концамъ; остріе въ концѣ корытообразной выемки выдѣлано весьма тщательно; орудіе сдѣлано изъ діорита. О разнообразіи теселъ можно судить еще по слѣдующему, изображенному на той же таблицѣ, на фиг. 4. Это послѣднее, какъ и предшествующее, найдено на островѣ Пормскомъ на Кенозерѣ. Оно сдѣлано изъ свѣтлой зелено-каменной горной породы; оно короче и шире предшествующаго, притомъ и болѣе плоско; оно было приноровлено къ двоякимъ цѣлямъ: на одномъ его концѣ остріе образовано корытообразною выемкой, другой же конецъ съ обѣихъ сторонъ клинообразно заточенъ, въ родѣ того, какъ у обыкновенныхъ сланцевыхъ топоровъ. Очевидно, что эти разнообразныя по формѣ и составу орудія употреблялись при выдалбливаніи дерева, которое притомъ выжигалось въ томъ мѣстѣ, гдѣ нужно было сдѣлать выемку или же требовалось сравнять обожженную поверхность. Такъ въ орудіи, фиг. 4, топорообразный край могъ служить для сравниванія и сглаживанія поверхности, конецъ же съ выемкой—для извлеченія обугленныхъ частей дерева изнутри, напримѣръ, корыта или лодки.

Существуетъ еще разрядъ орудій, изъ коихъ иныя, благодаря ихъ формѣ, не оставляютъ никакого сомнѣнія касательно ихъ назначенія; прежде всего это молотки, изображенные на таблицѣ III, фиг. 3 и 4. Оба они имѣютъ вполнѣ ту форму, въ которой дѣлаются въ настоящее время изъ желѣза орудія; подобнаго же рода если обитатели каменнаго вѣка не имѣли возможности ковать желѣзо, то, судя по этимъ молоткамъ, имъ все же приходилось вбивать гвозди, хотя бы и деревянные, а также и клинья. Оба молотка довольно сходны по формѣ съ нѣкоторыми же молотками, найденными въ Остроботніи, въ Финляндіи [2]). Въ то же

[2]) См. *Aspelin*, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, I (Helsingfors. 1877), фф. 77 и отчасти 79; ср. тамъ же, ф. 16, молотокъ изъ Лифляндіи, сходный съ изображеннымъ у насъ въ ф. 3 на табл. III.

время молотокъ, представленный у насъ на фиг. 3, весьма близко подходитъ къ молотку, найденному мною на кладбищѣ каменнаго вѣка около села Фатьянова, въ Ярославской губерніи [3]), хотя въ частностяхъ есть небольшая разница, которая, впрочемъ, замѣтна и на обоихъ орудіяхъ, фиг. 3 и 4: у перваго отверстіе сдѣлано болѣе совершеннымъ способомъ, чѣмъ у втораго. Оба молотка найдены при устьяхъ Кинемы.

Въ заключеніе укажу еще на два довольно типичныя для Олонецкой губерніи и Финляндіи орудія, которыя также были добыты при устьяхъ Кинемы. Мнѣ кажется, что эти принадлежности каменнаго вѣка относятся къ разряду такихъ же орудій, какъ и настоящіе каменные молотки. Назначеніе этихъ орудій заключалось, по видимому, въ томъ, чтобы съ помощью ихъ обивать другія орудія, напримѣръ, кремневыя. Отверстія же у нихъ продѣлывались для того, чтобы такіе молотки было удобнѣе и крѣпче держать въ рукѣ. Самыя отверстія у этихъ двухъ орудій очень малы, между тѣмъ какъ передъ отверстіями сдѣланы большія коническія выемки. Если взять орудіе въ руку, обхвативъ его пальцами около самыхъ отверстій, то пальцы встрѣтятся и будутъ соприкасаться около этихъ отверстій; небольшая же дырка пробивалась собственно для того, чтобъ эти орудія можно было носить съ собою, прикрѣпляя ихъ ремнемъ къ поясу. Мнѣ кажется, что они служили именно молотками при обиваніи кремневыхъ орудій, потому что у изображеннаго на таблицѣ V, фиг. 1, на одномъ изъ концовъ замѣтны слѣды ударовъ и край немного избитъ. Это орудіе довольно толсто, почти овально; сдѣлано изъ крѣпкаго діорита. Второе орудіе, представленное на той же таблицѣ, фиг. 2, имѣетъ болѣе значительные размѣры, чѣмъ первое, но съ одной стороны оно плоское и только съ другой, видной на рисункѣ — выпуклое. Однако и его можно со всѣхъ сторонъ обхватить пальцами, помѣщая ихъ въ центръ или въ отверстіе орудія. Очень можетъ быть, что къ тому же роду орудій относится и двѣ принадлежности, найденныя одна—въ Остроботніи, а другая—въ Кіурувеси, также въ Финляндіи [4]).

[3]) Извѣстія Имп. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, т. XXXV. Антропολог. Выставка 1879 г., т. III, стр. 190, фиг. 3.

[4]) См. *Aspelin*, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, I, фф. 83 и 84. Впрочемъ

Касательно костяныхъ орудій нужно полагать, что они также были весьма распространены у жителей каменнаго вѣка Олонецкой губерніи. По крайней мѣрѣ я находилъ массу костей млекопитающихъ, на которыхъ были замѣтны слѣды рѣжущаго инструмента, видѣлъ и собралъ части трубчатыхъ костей, которыя казались явными костяными обрѣзками, происшедшими отъ выдѣлки костяныхъ орудій; особенно много было найдено такихъ обрѣзковъ при устьѣ рѣки Кинемы. Здѣсь же былъ найденъ и явный наконечникъ копья, сдѣланный изъ кости; онъ изображенъ на таблицѣ VIII, фиг. 1. Этотъ наконечникъ былъ найденъ на берегу озера, вмѣстѣ съ кремневыми орудіями; поэтому онъ нѣсколько обмытъ водой, и слѣды рѣжущаго инструмента, которымъ онъ обдѣлывался, значительно сглажены.

3.

Путь къ озеру Мошинскому изъ Каргополя.—Озеро Мошинское.—Воезеро и его окрестности.—Каменный вѣкъ около озера Мошинскаго.—Современное населеніе около озера Мошинскаго и Воезера.—Путь по р. Мошѣ къ р. Онегѣ.—Поѣздка на Кенозеро.—Естественное водное соединеніе Балтійскаго и Бѣломорскаго бассейновъ.—Озеро Муромское и преданія о Чуди.

4-го іюля вечеромъ меня тащила по такъ-называемому Шенкурскому тракту изъ Каргополя пара еле дышавшихъ отъ истощенія обывательскихъ лошадей. Отъ самой рѣки Онеги чайки и гагары сопровождали меня своимъ крикомъ; изрѣдка славки, отходя ко сну, подавали свой голосъ. Молча, по временамъ, кукушка пересѣкала мой путь, или козодой, съ своимъ таинственно-тихимъ полетомъ, показывался около дороги. Скоро низменный берегъ смѣнился торфяно-болотистою низменностью; дорогу справа и слѣва обступилъ лѣсъ, въ глубинѣ котораго ели поднимали свои головы высоко кверху, а на окраинахъ береза, осина и ива сплачи-

наиболѣе сходное съ нашими орудіе, изображенное на ф. 83, г. Аспелинъ считаетъ за грузило, а изображенное на ф. 84—за кольцо. Но ознакомившись съ каменными грузилами, которыя до сихъ поръ употребляются у Остяковъ въ низовьяхъ Оби, и привезя образчики таковыхъ съ собою, я думаю, что и такіе финляндскіе камни съ отверстіями слѣдуетъ отнести къ разряду первобытныхъ молотковъ.

вались густыми рощами; на окаймляющихъ изрѣдка дорогу безлѣсныхъ пространствахъ, поросшихъ сочною травой, выступала таволга (Spiraea Ulmaria), съ ея пышными и душистыми бѣлыми цвѣтами.

Верстъ за пять или за шесть отъ города лошади пошли медленнымъ шагомъ; никакія попытки ускорить ихъ ходъ не увѣнчивались успѣхомъ; такъ я двигался впередъ, между тѣмъ какъ однообразіе лѣсовъ часто нарушалось здѣсь хлѣбными полями, заборами около нихъ и деревнями. Здѣсь находится приходъ Большая Шалга; значительные посѣвы жителей были посѣщены во время лѣта градомъ, истребившимъ во многихъ мѣстахъ хлѣбъ до основанія. Верстахъ въ девятнадцати отъ города находится другой приходъ — Малая Шалга; въ немъ считается до 200 ревизскихъ душъ, при чемъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время жители женщины и мужчины, заняты выдѣлкой деревянной посуды—ушатовъ, кадокъ, ведеръ, корытъ и проч. Лѣтомъ здѣсь собирается въ окрестныхъ болотахъ морошка; скупщики покупаютъ одинъ пудъ ея въ сыромъ видѣ отъ 80 к. до 1 р. 20 к.; въ Петербургѣ продаютъ тотъ же пудъ отъ 3 р. 50 к. до 4 р. Здѣсь же собирается черника и въ сухомъ видѣ везется въ Петербургъ.

Верстъ за 20 отсюда, по р. Волошѣ, мѣстность становится уже нѣсколько холмистою, и въ размывахъ рѣки показывается ледниковый наносъ, подобный находящемуся въ окрестностяхъ Каргополя; среди песку, пыли и глины являются здѣсь въ большомъ количествѣ большіе и малые куски известняка обмытые и угловатые, съ валунами изъ глинистаго сланца, гнейса, гранита и породъ зеленокаменныхъ. Отъ Волоши къ озеру Нименскому или къ станціи Липовской тянется пустынная низменность: на протяженіи 27 верстъ она представляетъ только лѣса и ни одного жилья. Около станціи Липовской выступаютъ весьма значительные песчаные холмы, замѣтно господствующіе надъ низменностью. Еще рѣзче эти холмы обрисовываются верстъ на 10 далѣе, около Нименскаго прихода. Здѣсь, на протяженіи верстъ восьми, мы встрѣчаемъ какъ бы узелъ холмовъ; мѣстность, запруженная возвышеніями по всѣмъ направленіямъ, уподобляется своимъ видомъ горной странѣ. Холмы состоятъ изъ перемытаго ледниковаго наноса, главнымъ же образомъ изъ песковъ съ правильною или ложною слоеватостью.

Пески, достигая весьма большой мощности, кончаются, однако верстахъ въ шести отъ погоста, не переходя на другую сторону лежащаго здѣсь водораздѣльнаго хребта, на вершинахъ котораго является господствующимъ ледниковый наносъ и громадное количество валуновъ. Отсюда становится очевиднымъ, что пески составляютъ результатъ отложенія большаго водоема, заполнявшаго низменность, или еще вѣроятнѣе, что они отложились рядомъ озеръ, занимавшихъ холмистую мѣстность нынѣшняго Нименскаго прихода. Нѣсколько озеръ до сихъ поръ разстилаются въ глубокихъ впадинахъ между холмами; наибольшее изъ озеръ, лежащихъ по дорогѣ, Боровое, имѣетъ до 3 верстъ въ длину, представляетъ множество заливовъ, мысовъ и островковъ, и можетъ быть, служитъ остаткомъ отъ другихъ озеръ, нѣкогда шире здѣсь разливавшихся, но теперь исчезнувшихъ.

Среди указаннаго аллювіальнаго оазиса раскинуто населеніе Нименскаго прихода; всѣ холмы, съ довольно тощею почвою, перепаханы и засѣяны; жители, которыхъ считается до 200 ревизскихъ душъ, заняты также вывозкою лѣса на компанію Онежскаго лѣснаго торга; вывозятъ лѣсъ на протяженіи 1—7 верстъ до сплавныхъ рѣкъ и плавятъ по рѣкамъ до назначеннаго мѣста въ теченіе 1—2 недѣль. Занимаются также выгонкой смолы и дегтя; нерѣдко семейство въ зиму употребляетъ до 200 — 300 сажень бересты, при сильныхъ ограниченіяхъ лѣснаго вѣдомства; смола идетъ въ Вологодскую губернію. Осенью почти все мужское населеніе живетъ въ лѣсахъ, проводя время въ охотѣ на рябчика и бѣлку. Способъ охоты на бѣлку довольно оригинальный. За застрѣльщикомъ всегда ходитъ юноша или молодая дѣвица: это—такъ-называемые „подтомарники“. Въ весьма древнія времена ихъ обязанность состояла въ сборѣ томаровъ, то-есть, стрѣлъ, которыми убивалась бѣлка [1]). Теперь же, когда огнестрѣльное оружіе получило полное гражданство, подтомарники, вмѣстѣ съ собаками, помогаютъ отыскивать охотнику бѣлокъ среди густыхъ древесныхъ вѣтвей.

[1]) Въ словарѣ мѣстныхъ олонецкихъ словъ, который приложенъ къ I-й части Причитаній Сѣвернаго края, собранныхъ *Е. В. Барсовымъ* (М. 1872) слово *томаръ* объясняется частнѣе—какъ стрѣла самострѣла.

Ред.

Отъ озера Нименскаго до р. Моши простирается волокъ въ 50 верстъ. Мѣстность здѣсь также отчасти холмистая; довольно часто дорога идетъ по пескамъ, уподобляющимся нѣсколько нименскимъ. Здѣсь нѣтъ никакого постояннаго населенія; волокъ изобилуетъ лѣсами; намъ встрѣчались даже лиственничныя рощи. Лиственница здѣсь стройна, высока, растетъ чаще всего по берегамъ ручьевъ и рѣчекъ. Среди глухихъ лѣсовъ, кромѣ рѣчекъ, часто бываютъ разбросаны небольшія озерки и болота. На нихъ по временамъ гнѣздятся гуси; въ глубинѣ же озерковъ, имѣющихъ торфяной характеръ, водится піявка медицинская, добываемая крестьянами и употребляемая при лѣченіи.

Вообще вся мѣстность до Мòши отличается дикимъ характеромъ. Подъ Мòшей здѣсь разумѣютъ рѣку Мошу и озеро Мошинское, вмѣстѣ съ живущимъ здѣсь населеніемъ. Озеро Мошинское имѣетъ до 10 верстъ въ длину при ширинѣ не больше одной версты; притомъ оно представляетъ весьма значительную глубину по сравненію, напримѣръ, съ Лачозеромъ. Глубина въ семь маховыхъ сажень въ немъ обыкновенна; но встрѣчаются въ немъ ямы в въ 10—15 маховыхъ сажень глубиной. Дно его даже на большихъ глубинахъ песчаное или иловатое; на меньшихъ оно зарастаетъ травой, камышемъ, ситникомъ и водянымъ полигономъ (шольга). Въ такихъ мѣстахъ оно изобилуетъ раковинами изъ родовъ *Anodonta* и *Unio*; заливы его кишатъ ракообразными изъ рода Gammarus; на значительныхъ глубинахъ рачки встрѣчались рѣдко. Вмѣстѣ съ губами или заливами озеро представляетъ множество острововъ, которые, какъ и всѣ берега озера, высоки и состоятъ изъ новѣйшихъ отложеній. Это—главнымъ образомъ пески, обыкновенно слоистые или переходящіе въ сыпучіе, благодаря вѣтрамъ, разливамъ воды и размыванію. Пески составляютъ несомнѣнно продуктъ образованія самого Мошинскаго озера и занимаютъ весьма значительную площадь въ окрестностяхъ; мѣстные жители, нуждаясь въ валунахъ для нагрѣванія пойла и сѣчки скоту, привозятъ ихъ изъ мѣстностей, отстоящихъ отъ озера верстъ на 15, у себя же въ окрестностяхъ они находятъ только чистые пески, безъ валуновъ. Значительная мощность песковъ—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они лежатъ слоями сажень на 6 и болѣе надъ уровнемъ современныхъ водъ,—а также широкое ихъ распространеніе слу-

жать, можетъ быть, доказательствомъ, что Мошинское озеро нѣкогда шире распространялось, нежели въ настоящее время.

Такимъ же физико-географическимъ характеромъ отличается Воезеро, лежащее верстъ на 10 выше Мошинскаго и дающее въ него рѣчку Воезерку. Воезеро простирается въ длину только на 5 верстъ, а въ ширину не больше какъ на $^3/_4$ версты. Занимаетъ оно весьма глубокую впадину между довольно высокими долинами, состоящими во многихъ случаяхъ также изъ слоистыхъ новѣйшихъ песковъ. Какъ на сухихъ окрестностяхъ озера, такъ и на днѣ его, замѣчается много неровностей; какъ въ окрестныхъ холмахъ промыто много крутыхъ овраговъ, такъ и на днѣ озера встрѣчаются вмѣстѣ съ отмелями кое-гдѣ глубокія ямы. Противъ такъ-называемаго Шубина острова мнѣ приходилось наблюдать измѣненіе глубины отъ 3 маховыхъ сажень до 7 на самомъ ничтожномъ разстояніи, и мнѣ показалось совершенно неожиданнымъ, когда здѣсь же, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ семисаженной глубины, драга моя опустилась на глубину 13 сажень. По разказамъ жителей, въ озерѣ есть глубина, уходящая за 25—30 сажень, что̀ и нельзя считать невѣроятнымъ. Почва въ озерѣ представляетъ переходы отъ песчаной къ иловатой и грязной, содержащей въ себѣ органическія остатки. Здѣсь, на Воезерѣ, какъ и на Мошинскомъ озерѣ, неровности дна значительно препятствуютъ успѣху рыболовства посредствомъ невода, хотя рыба въ изобиліи держится на глубокихъ мѣстахъ. Въ обоихъ озерахъ водятся преимущественно карповыя рыбы, также ерши и окуни, щуки, налимъ и корюшка. Лососевыя сюда мало заходятъ; въ Мошинскомъ въ небольшомъ количествѣ встрѣчаются сиги, и въ рѣдкихъ случаяхъ, заходитъ сюда отдѣльными особями нельма.

Въ Воезеро впадаетъ рѣчка Еменга; верстахъ въ 5-ти отъ ея устья, вверхъ по теченію, въ ея долинѣ лежитъ сѣрнистый источникъ, содержащій въ себѣ поваренную соль. По разказамъ старожиловъ, соль вываривалась здѣсь въ весьма древнія времена, потомъ выварка была заброшена и хотя возобновлялась въ послѣднее время, но безъ успѣха, такъ какъ принявшіеся за солевареніе не умѣли очищать соли. Вода находится въ трубѣ, которая прежде была весьма высока, но теперь засорена и забросана камнями; колодезь остается чистымъ только до глубины 2 сажень. Температура

воды на поверхности колодца, когда она стоитъ въ покоѣ, доходитъ до $+3,9^0$ R; если же воду въ колодцѣ взболтать, то температура ея понижается до $+3,2^0$ R. Такого же рода источникъ, съ сильнымъ сѣрнистымъ запахомъ, я наблюдалъ около Хотеновскаго погоста, на южномъ берегу Лачозера. Здѣсь источникъ, выходя на поверхность, бьетъ ключемъ постоянно, наполняя водой естественно образовавшійся резервуаръ; температура воды въ немъ, по сдѣланнымъ мною въ два различные дня наблюденіямъ, оставалась постоянною $+4^0$ R. Такимъ образомъ температура двухъ осмотрѣнныхъ мною источниковъ почти одинакова и весьма не много разнится отъ температуры подобныхъ же источниковъ въ Вологодской губерніи, по наблюденіямъ Барбота-де-Марни [1]). Признаки источниковъ, подобныхъ вышеописаннымъ, найдены мною внизъ по теченію р. Моши около селенія Шалекушки.

На другой изъ рѣчекъ, текущихъ къ Воезеру съ востока, мнѣ удалось осмотрѣть и взять образчики алебастра. Эта порода верстахъ въ 5 отъ Воезера, по рѣчкѣ Канакшѣ, имѣетъ нѣсколько выходовъ; изъ-подъ толщи новѣйшихъ песковъ алебастръ выходитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ большими гнѣздами, при чемъ, подмываемый водой, онъ образуетъ нѣчто въ родѣ скалъ. Мѣстные жители, по мѣрѣ надобности, ломаютъ эту породу и везутъ для продажи въ Каргополь и Вытегру.

Окрестности двухъ описанныхъ выше озеръ заселились видимо въ весьма отдаленныя отъ насъ времена. Какъ и на Лачозерѣ, здѣсь, въ растительномъ слоѣ сохранились остатки каменнаго вѣка, глиняная посуда въ обломкахъ, стрѣлы, кремневые топоры, копья и т. д. До-историческіе обитатели селились прежде всего около озеръ, а здѣсь охотнѣе всего становали на островахъ. Островъ Кладовецъ на Мошинскомъ озерѣ представляетъ тому доказательство: это островъ небольшой, песчаный, нынѣ не имѣющій населенія. Остатки каменнаго вѣка сохранились на немъ въ растительномъ слоѣ, на глубинѣ 0,2 метра. Этотъ слой лежитъ на пескѣ, имѣетъ иловатый характеръ и едва окрашенъ органическими веществами въ сѣрый цвѣтъ. Видимо, что прежде чѣмъ поселились здѣсь доисторическіе обитатели, послѣ ледниковаго періода протекъ длин-

[1]) Геогност. путешествіе въ сѣверныя губерніи Европ. Россіи, стр. 21.

ный періодъ времени, когда должны были образоваться толщи мѣстныхъ песковъ, составляющихъ островъ и берега. Или, иначе сказать, слои почвы, содержащіе въ себѣ орудія, асологически весьма молоды: заключеніе, къ которому можно прійдти и съ другой стороны, именно, если взять во вниманіе присутствіе остатковъ каменнаго вѣка на различныхъ высотахъ, какъ-то: на Лачозерѣ, на рѣкѣ Волошѣ и среди песковъ у Нименскаго прихода, почти на водораздѣлѣ между рѣками, текущими въ Волошу и въ Мошу. Отсюда мы можемъ видѣть, что воды во времена до-историческаго населенія были въ такой же степени обособлены, какъ и теперь, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ уже нѣкоторыя данныя предполагать, что современные озерные бассейны нѣкогда разстилались шире.

Оставляя пока въ сторонѣ исчезнувшихъ жителей, обращусь къ современному населенію; все оно также сгруппировалось около озеръ. По берегамъ одного Мошинскаго озера расположено до 77 деревень; изъ нихъ только 8 селеній не стоятъ непосредственно у озера; 3 деревни лежатъ около сосѣдняго Модзера, 5—при р. Иксѣ. Почти въ такой же степени изобилуетъ деревнями Воезеро. На обоихъ озерахъ находится по церкви, и жители раздѣляются такимъ образомъ на два прихода, при чемъ въ бóльшемъ изъ нихъ, въ Мошинскомъ, считается 1,305 душъ мужскаго пола. Зачатки здѣшнихъ поселеній относятся, кажется, къ довольно далекому прошлому [1]); жители, внесшн сюда значительную долю

[1]) Дѣйствительно, заселеніе береговъ р. Моши и Мошинскаго озера восходитъ къ довольно отдаленному времени: уже въ первой половинѣ XII вѣка, въ уставѣ Новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137 г. (Русскія Достопамятности. М. 1815, стр. 83—84), упоминается *Волокъ въ Моши*, то-есть, какъ—по видимому—надобно понимать, въ Мошинской волости (ср. выше въ текстѣ, стр. 41, описаніе лѣсистаго волока между оз. Нименскимъ и р. Мошей), и *Иванъ-погостъ*, который, по мнѣнію г. Огородникова (Списокъ насел. мѣстъ Олонецкой губерніи, предисловіе, стр. LV), можетъ быть пріуроченъ къ дер. *Ивановской* на озерѣ Мошѣ, въ 123½ верстахъ отъ г. Каргополя (въ Спискѣ № 2107). По теченію Моши расположены погосты *Мошинскій*, при истокѣ рѣки изъ озера на островѣ, съ 2 церквами и торжкомъ (въ Спискѣ № 2146), *Шалекушскій*, также съ 2 церквами (№ 2008), и *Устьмошскій*, при впаденіи Моши въ Онегу, съ 3 церквами и 3 торжками (№ 1785). Это также должны быть поселенія старинныя. Мошинская волость упоминается въ актахъ XVI и XVII вѣковъ. *Ред.*

древне-славянскихъ элементовъ и живя въ сторонѣ отъ большихъ трактовъ, частію въ обычаяхъ, частію въ преданіяхъ сохранили многіе изъ нихъ. Примѣръ можно видѣть на слѣдующемъ: Во время лѣта жители празднуютъ праздникъ Ильѣ Пророку въ часовнѣ, стоящей на Ильинскомъ мысу, на озерѣ Мошинскомъ. По ихъ разказамъ, во времена глубокой древности или „въ старину" приходилъ сюда олень, какъ разъ къ тому времени, когда начиналась обѣдня въ Ильинъ день. Старики закалывали его, варили въ котлахъ его мясо и послѣ обѣдни съѣдали всѣмъ міромъ. Такое чудесное появленіе оленя происходило каждый годъ въ Ильинъ день, въ опредѣленный часъ. Но однажды въ этотъ день жители ждали, ждали оленя, началась обѣдня, кончилась, оленя все нѣтъ; тогда старики положили „освѣжить" вмѣсто оленя этотъ бычка; привели его, перерѣзали горло и тогда только увидали, что запоздавшій олень несется къ нимъ изъ всѣхъ силъ, чтобы дать имъ пищу для общаго обѣда. Но когда олень увидалъ, что вмѣсто него принесено въ жертву другое животное, то сложилъ на спину свои рога и исчезъ снова въ глухомъ лѣсу; съ этого времени олень больше никогда не появляется на праздникъ къ Ильину дню. Но населеніе здѣшнее, по примѣру стариковъ, до сихъ поръ продолжаетъ свѣжевать быковъ или овецъ въ указанный день.

Въ самомъ дѣлѣ, сущность вспоминаемаго въ этомъ преданіи обычая весьма напоминаетъ ту картину, которую рисуетъ намъ одна древняя русская пѣсня: въ ней говорится о томъ, какъ стоятъ въ лѣсу скамьи дубовыя, на которыхъ сидятъ добрые молодцы а среди ихъ старикъ точитъ ножъ булатный, чтобы зарѣзать жертву — козла; тутъ же горятъ огни горючіе, кипятъ котлы кипучіе, чтобы сварить эту жертву [1]). То же самое и до сихъ поръ происходитъ на Мошѣ: къ Ильину дню сгоняется къ часовнѣ множество быковъ, овецъ и т. д. Только часть этихъ животныхъ приносится въ жертву; остальное, излишнее продается. Передъ обѣдней и во время нея животныя „свѣжуются": убиваются и разрѣзываются на куски; среди пылающихъ костровъ кипятъ котлы, и въ нихъ кладется мясо животныхъ. Послѣ службы начинается ѣда, сопровождаемая рядомъ разныхъ

[1]) *Костомаровъ*, Славянская миѳологія, стр. 100—101.

дикихъ выходокъ и порывовъ. Всякій изъ жителей долженъ непремѣнно воспользоваться хотя ничтожнымъ кусочкомъ отъ приносимой жертвы: иначе онъ рискуетъ лишиться своего стада, овцы или коровы—отъ волковъ или медвѣдя, или же долженъ потерпѣть другое неблагополучіе въ семьѣ или въ домѣ. Отсюда схватки изъ-за куска мяса или изъ-за обглоданной кости; жители другъ у друга изъ рукъ и даже изо рта, иногда вмѣстѣ съ губами, вырываютъ завѣтный кусокъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ добыть себѣ благополучіе. Говорятъ, что особенною яростью отличаются схватки при такихъ обстоятельствахъ въ Канакшѣ, на востокѣ отъ Воезера.

Не вездѣ однако этотъ обрядъ совершается въ Ильинъ день, и не вездѣ въ объясненіи его прежняго значенія играетъ роль олень. Въ д. Задней Дубровкѣ, на р. Онегѣ, этотъ обычай соблюдается въ Успенье, и жители говорятъ тутъ, что къ нимъ сначала прилеталъ на этотъ праздникъ лебедь, который потомъ исчезъ такимъ же образомъ, какъ и олень; теперь вмѣсто лебедя жители съѣдаютъ въ праздникъ уже овецъ. Интересенъ также обычай, замѣченный мною потомъ на Кенозерѣ: жители ставятъ на божницы къ образамъ печеный хлѣбъ, какъ жертву.

Въ объясненіи назначенія нѣкоторыхъ принадлежностей каменнаго вѣка приходится иногда становиться въ затрудненіе; и опять-таки на Мошѣ мы можемъ иногда найдти ключъ къ разгадкѣ. Какую, напримѣръ, могъ играть роль коготь медвѣдя или его зубъ, или же зубъ льва? Въ подобнаго рода предметахъ жители Моши и окрестностей видятъ нѣчто сверхестественное. Пастухъ не выгонитъ стада въ лѣсъ безъ „отпуска", то-есть, безъ воска, на который знахарь нашепталъ разныя заклинанія, для предохраненія стада отъ хищныхъ звѣрей. Но отпускъ, состоящій не изъ воска, а изъ части какого-либо хищнаго животнаго, особенно льва, царя звѣрей, котораго жители знаютъ, конечно, только по имени, считается самымъ дѣйствительнымъ; съ отпускомъ въ видѣ есть когтя или зуба хищника пастух со своимъ стадомъ среди самаго глухаго лѣса считаетъ себя безопаснымъ, какъ дома [1]).

[1]) Ср. пастушескій заговоръ изъ Архангельской губерніи, въ которомъ упоминается „коготь лева-звѣря", въ сборникѣ великорусскихъ заклинаній, помѣщенномъ въ т. II Записокъ по Отд. Этногр., стр. 539, № 286. *Ред.*

Видъ на окрестности озеръ Мошинскаго и Воезера свидѣтельствуетъ о трудолюбіи жителей; все пространство вокругъ перваго изъ озеръ, на протяженіи верстъ 20 въ окружности и версты на 2—3 въ ширину, воздѣлано и перепахано; это уже совершенно безлѣсное мѣсто; рядомъ съ пашнями здѣсь разстилаются луга и выгоны. То же можно видѣть и около Воезера. Но, кромѣ этихъ мѣстностей, жители имѣютъ большое количество расчищенныхъ подъ покосы и пашни мѣстностей далеко въ лѣсахъ, по берегамъ озеръ, ручьевъ и рѣчекъ. Если во многихъ другихъ мѣстахъ Олонецкой губерніи приходится слышать, что все, что̀ расчищено, распахано, есть дѣло стариковъ, то здѣсь и до сихъ поръ идетъ работа того же рода. По рѣкѣ Мошѣ, внизъ по теченію верстъ на 60 тянутся мошинскія „чащи", на которыхъ собирается весьма обильный запасъ сѣна. Кромѣ р. Моши, покосы здѣшнихъ жителей лежатъ и по всѣмъ остальнымъ рѣкамъ въ окрестностяхъ. Покосы находятся часто за 30—40 верстъ отъ жилья, въ суземкахъ. Можетъ быть, благодаря изобилію сѣна, здѣсь сравнительное довольство въ скотѣ; наиболѣе богатые держатъ до 10—20 штукъ рогатаго скота, штукъ по 5 рабочихъ лошадей; съ мелкимъ скотомъ, съ овцами нѣкоторые держатъ до 40—50 штукъ скота. Количество овецъ на хозяйство доходитъ до 5—15 штукъ. Благодаря скоту, и урожаи здѣсь выше, чѣмъ гдѣ-либо; обыкновенно жители довольствуются и даже продаютъ свой хлѣбъ. Но среди довольныхъ и состоятельныхъ есть семьи безъ лошадей; есть и такія деревни, въ которыхъ половина жителей не имѣетъ ни коня, ни коровы, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по Воезеру.

Отхожіе промыслы здѣсь сильно развиты и нерѣдко служатъ къ обогащенію такъ-называемыхъ десятниковъ и къ разоренію жителей, уходящихъ на чужбину. Почти то же можно сказать и о сплавѣ и рубкѣ лѣсовъ. Въ продолженіе зимы на Мошѣ замѣтно сильное торговое движеніе. Наиболѣе состоятельные изъ мѣстныхъ жителей ѣздятъ въ Поморье, къ Онегѣ, и закупая здѣсь сельдей, везутъ ихъ на свое пропитаніе и на продажу въ свой край, или на разныя ярмарки. Ѣздятъ также въ Архангельскъ, гдѣ закупаютъ соленую треску; вмѣстѣ съ тѣмъ берутъ здѣсь оленью шерсть, и привозя ее домой, только весной везутъ ее къ Вытегрѣ, а отсюда на судахъ въ Петербургъ. Другіе изъ жителей

подряжаются для возки кладей изъ Архангельска и Онеги къ Петербургу и другимъ мѣстамъ. Во то же время изъ Каргополя пріѣзжаютъ сюда скупщики масла, дичи, звѣря, кожъ, ягодъ и даже мяса. Скотъ здѣшній часто гоняется на ярмарки въ Вологодскую губернію. Во время зимы по Мошѣ движутся ежедневно десятки возовъ съ разною кладью. А на ярмаркахъ, напримѣръ, около Вельска, собирается до 500 возовъ съ одною сельдью.

Мое пребываніе на здѣшнихъ озерахъ не было вполнѣ удобнымъ, такъ какъ была самая горячая пора работы — сѣнокосъ. Деревни представлялись пустынными; въ нихъ рѣдко показывались даже старые люди; старики и старухи лѣтъ 70 — 80 собирали сѣно; только зеленая юность наполняла деревни, только грудные младенцы да дѣвочки и мальчики лѣтъ до 8. Старшіе иногда безвыходно живутъ въ будни и въ праздники въ лѣсахъ на сѣнокосахъ. Въ деревняхъ, въ жильѣ мнѣ пришлось замѣчать чрезвычайную неопрятность. Избы здѣсь никогда или весьма рѣдко моются. Иногда богачи живутъ въ полуразваленныхъ лачугахъ, ходятъ не иначе, какъ въ лаптяхъ. Самовары, чай и кофе здѣсь еще мало извѣстны. Во время большихъ праздниковъ жители забавляются пивомъ собственнаго приготовленія.

15-го іюля я оставилъ Мошинское озеро и направился внизъ по теченію рѣки Моши къ берегамъ Онеги. Рѣка Моша течетъ на протяженіи около 110 верстъ. По своему теченію она успѣла отложить въ своей долинѣ громадныя толщи песку. На всемъ протяженіи русло ея углублено въ наносъ сажени на три. Не смотря на то, весной вода въ ней поднимается далеко выше береговъ и заливаетъ въ ту и другую сторону отъ обыкновеннаго русла на нѣсколько верстъ пространства; благодаря этому, она и представляетъ въ своей долинѣ прекраснѣйшіе зеленые луга, которые первоначально находились подъ лѣсомъ. Урожай сѣна въ 1873 году былъ здѣсь особенно изобиленъ. Но, благодаря сильнымъ разливамъ рѣки, долина Моши остается на большомъ протяженіи пустынною. Верстахъ въ 15 отъ истока на ней расположено значительное селеніе—Орьма; другое поселеніе Шалекушка находится отсюда на разстояніи 60 верстъ. Здѣшніе жители не находятъ особенно удобными окрестности своихъ поселеній. Орьма находится теперь версты на $1^1/_2$ выше, чѣмъ она была первоначально; навод-

ненія заставили ее подвинуться выше. Шалекушка и донынѣ подвергается наводненіямъ: весной заливаются пашни и потопляются дома.

Видъ долины р. Моши, не смотря на свою пустынность, живописенъ; высокіе лѣса перемежаются здѣсь съ лиственнымъ мелколѣсьемъ, съ осинникомъ, березнякомъ, ивами, также съ кустарниками изъ малины, смородины, розы, жимолости. Мнѣ удалось замѣтить во время проѣзда нѣсколько деревьевъ вяза. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки, рядомъ съ лѣсистыми суземками, идутъ обширныя моховыя болота, покрытыя морошкой; на нихъ гнѣздятся по временамъ гуси и лебеди, отчасти бродитъ сѣверный олень. На суземкахъ по рѣкамъ и небольшимъ озерамъ уединились отдѣльные приходы—Ленша съ одной стороны, и Лельма—съ другой. Въ нихъ пашня и звѣриный промыселъ составляютъ преобладающія занятія.

Моя ѣзда по рѣкѣ была довольно медленна, въ вертлявой и узкой лодочкѣ. Моша имѣетъ слабое теченіе; во многихъ мѣстахъ она образуетъ омуты, глубиною до 7 сажень, и представляетъ многочисленные изгибы. Только около Шалекушки изъ-подъ ея мощныхъ толщъ аллювія показываются ледниковыя образованія съ валунами. При пересѣченіи ихъ, въ рѣкѣ появляются быстрины и небольшіе пороги. Но затѣмъ она снова становится тихою, съ медленнымъ теченіемъ до устья, гдѣ въ ней появляются также быстрины.

Ознакомившись нѣсколько съ остатками каменнаго вѣка около Шалекушки, я направился на Усть-Мошу: названіе, подъ которымъ извѣстны селенія при устьѣ Моши. Отсюда я почтовымъ трактомъ добрался сначала до Конева и селенія Задней Дубравы, а потомъ до погоста Архангельскаго на р. Онегѣ, въ 50 верстахъ отъ Каргополя.

Съ погоста Архангельскаго мнѣ оставалось выполнить еще одну задачу—побывать на Кенозерѣ, въ тѣхъ частяхъ, гдѣ мнѣ не удалось быть въ мою поѣздку 1871 года. Поѣздку на Кенозеро, пріятную для меня по результатамъ, я совершилъ въ нѣсколько дней. Такъ какъ уже въ описаніи первой своей поѣздки я касался Кенозера, то здѣсь сообщу только краткія о немъ свѣдѣнія. Я былъ въ мѣстахъ, не осмотрѣнныхъ мною раньше. Съ помощью драги я убѣдился, что во многихъ мѣстахъ озеро представляетъ большую глубину. Между селеніемъ Рянусовымъ и погостомъ, про-

тивъ деревни Телицыной, моя драга опускалась на 20 сажень, принося мнѣ песчаную почву, съ примѣсью органическихъ остатковъ. Какъ на болѣе глубокое мѣсто, жители указывали мнѣ на проливъ между Медвѣжьимъ островомъ и материкомъ со стороны дер. Рянусовой. По разказамъ, здѣсь есть глубина за 40—50 сажень. Но изслѣдовать этого мѣста я не могъ, а былъ на другомъ, не менѣе замѣчательномъ. Это—около острова Пормскаго, въ такъ-называемой Сударской лахтѣ; драга, пущенная здѣсь на веревкѣ въ 30 сажень, не хватила дна; между тѣмъ нѣсколько дальше оставалось мѣсто еще болѣе глубокое. На основаніи нѣкоторыхъ, случайно сдѣланныхъ опытовъ, жители говорятъ, что глубина здѣсь не меньше 50 сажень. Здѣсь-то мнѣ удалось добыть два весьма интересные вида ракообразныхъ.

Какъ на самомъ островѣ Пормскомъ, такъ и на материкѣ, при устьѣ р. Пормы, я собралъ снова коллекцію разнообразныхъ каменныхъ орудій; остатки поселенія и орудія добыты были мною съ устья Ровдручья, верстахъ въ 2 отъ Перплахты, при истокѣ р. Кены изъ озера.

Оставивъ Кенозеро, я по другой дорогѣ возвратился въ Архангельскій погостъ, въ окрестностяхъ котораго, на берегахъ р. Онеги, а также и ниже, около Троицкаго погоста, наблюдалъ двойныя береговыя террасы. Долина Онеги, на всемъ осмотрѣнномъ мною протяженіи, весьма населена, и не смотря на довольно тощую почву, изобилующую валунами, воздѣлана. Многіе холмы совершенно очищены отъ лѣса, перепаханы или оставлены уже на отдыхъ. Среди такихъ мѣстъ мнѣ часто встрѣчался соколъ-чеглокъ (*Falco vespertinus*); по вечерамъ онъ показывался даже стаями въ 10—15 штукъ, носясь надъ полями и отдыхая на телеграфныхъ столбахъ. Эта картина напоминала отчасти даже южную Россію.

Кончивъ осмотръ здѣшнихъ озеръ, я долженъ былъ быстро спѣшить черезъ Каргополь и Пудожъ на восточный берегъ Онежскаго озера. Какъ около самаго Каргополя по Онегѣ, такъ и между Пудожемъ и Каргополемъ около Колодозера, была встрѣчена мною лиственница, отдѣльными насажденіями или рощами. Объ одномъ лиственничномъ деревѣ, отдѣльно растущемъ въ лѣсу, около Тудозерскаго погоста, въ окрестностяхъ Вытегры, мнѣ разказывали крестьяне еще въ поѣздку 1871 года. Пространство между Карго-

полемъ и Пудожемъ интересно по находящемуся здѣсь водораздѣлу. Не входя однако въ подробности объ этомъ предметѣ упомяну только о естественныхъ сообщеніяхъ, существующихъ между двумя бассейнами—Балтійскимъ и Бѣломорскимъ. Верстахъ въ 15 къ югу отъ Лекшмозера существуетъ небольшое озеро Сухое; оно даетъ изъ себя два ручья, одинъ къ водамъ Лачозера, а другой—къ Колодезеру. То же самое, говорятъ, представляется и къ сѣверу отъ Лекшмозера, около деревни Масельги. Здѣсь лежатъ два озера весьма близко другъ отъ друга; оба они даютъ по источнику: одинъ — въ Балтійскій, другой — въ Бѣломорскій бассейнъ; въ настоящее время между озерами сдѣлался прорывъ отъ весеннихъ водъ, и они соединились проливомъ, вмѣстѣ съ чѣмъ соединились и бассейны [1]). Если возможность къ сплетенію въ источникахъ, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ бассейнамъ, существуетъ, то это—по неопредѣленности водораздѣла, можетъ быть, по его постепеннымъ склонамъ въ ту и другую сторону, по его незначительному паденію, наконецъ, по отсутствію рѣзко выраженныхъ въ томъ или въ другомъ направленіи хребтовъ. Водораздѣльныя высоты скорѣе представляютъ группу холмовъ, которые наиболѣе ясно выступаютъ уже въ самомъ Балтійскомъ бассейнѣ, около Колодозера.

Заключу свой очеркъ указаніемъ на Мурмское или Муромское озеро. Оно лежитъ у восточнаго берега Онежскаго озера, къ югу отъ р. Водлы и къ сѣверу отъ р. Андомы. Я ѣздилъ на него со станціи Гакуксы, такъ называемой по рѣкѣ того же имени, впадающей въ это озеро. Рѣка Гакукса на протяженіи 10 верстъ отъ станціи до своего устья представляетъ болотистый характеръ; берега ея низменны, зыбучи, покрыты осокой, мелкимъ березнякомъ и сосной; характеръ ея, слѣдовательно, тотъ же, что̀ и рѣки Вытегры. Вся эта область болотъ по Гакуксѣ была, вѣроятно, занята нѣкогда водами Онежскаго озера, а сухія возвышенія около станціи составляли может быть, берегъ озера, такъ какъ здѣсь встрѣчаются по временамъ и пески. Муромское озеро имѣетъ тотъ же характеръ, что̀ и другія озера, лежащія около Онеги, и вѣроятно, составляло нѣкогда часть послѣдняго. Оно представляетъ слѣды суживанія и

[1]) На новой картѣ военно-топографическаго отдѣла не показано однако возможности къ такому явленію.

*

заростанія торфомъ, какъ это я раньше наблюдалъ на озерахъ Великомъ и Мегорскомъ. Отдѣляется оно отъ Онеги такимъ же песчанымъ валомъ (кендой), какъ и другія озера. Руководимый указаніемъ основателя Муромскаго монастыря, Лазаря Муромскаго (второй половины XIV вѣка), на обитавшихъ здѣсь въ его время „Лопь и Чудь, страшныхъ сыроядцевъ", я старался разыскать какія-либо принадлежности быта, которыя могли бы остаться послѣ нихъ. И дѣйствительно, около монастыря, при устьѣ рѣчки, выходящей изъ Муромскаго озера, мнѣ удалось найдти обломки глиняной посуды и кремешки, обдѣланные рукой человѣка. Эти остатки были совершенно сходны съ тѣми, какіе найдены мною на Тудозерѣ, среди тѣхъ же географическихъ условій, какъ и здѣсь. Другихъ какихъ бы то ни было остатковъ не было и слѣда. Отсюда можно прійдти къ заключенію, что обломки глиняной посуды и кремни принадлежали тому народу, на который указываетъ Лазарь. Отъ того же Лазаря дошло до насъ положительное указаніе, что и на Рондозерѣ, на 15 верстъ южнѣе Муромскаго, жили въ его время „Лопь и Самоядь" со своимъ старшиной [1]). Преданіе указываетъ, что эти обитатели придерживались песчанаго вала (кенды), около же самаго Рондозера жить не было возможности, такъ какъ берега его болотисты. Итакъ, съ одной стороны указаніе, что въ данныхъ условіяхъ, на извѣстномъ мѣстѣ, жилъ народъ, а съ другой—нахожденіе среди такихъ условій остатковъ иного быта, заставляютъ уже связать тѣсно этотъ народъ и остатки. Отсюда вытекаетъ нѣкоторая вѣроятность предположенію, что представители каменнаго вѣка были застигнуты на сѣверѣ первыми русскими поселенцами. Къ тому же заключенію привели меня и данныя, касающіяся Кенозера. Здѣсь жители деревни Першлахты указывали мнѣ на Ровдручей, отличающійся изобиліемъ остатковъ каменнаго вѣка, какъ на мѣсто, гдѣ жила „Чудь", и говорили, что будто бы старики еще застали

[1]) Преп. Лазарь Мурмскій или Муромскій, проповѣдывавшій христіанскую вѣру Лопарямъ, жившимъ по восточному побережью Онежскаго озера, оставилъ завѣщаніе, написанное съ его словъ духовнымъ другомъ его Ѳеодосіемъ; въ этомъ завѣщаніи разказывается жизнь Лазаря, и между прочимъ упоминается о Чуди, Лопи и Самояди, которыхъ онъ нашелъ на Мурмѣ и Рондѣ (см. архіеп. Черниговскаго *Филарета:* Русскіе святые, мѣс. мартъ, стр. 54—66, и *Е. В. Барсова:* „Обонежскіе пустынножители" въ Олон. Губ. Вѣдомостяхъ 1867 г., № 43). — *Ред.*

ее; жители и до сихъ поръ продолжаютъ пугать дѣтей, что-де „Чудь сваритъ въ котлѣ". То же указаніе на нѣкоторую неопредѣленную связь Чуди съ остатками каменнаго вѣка я слышалъ въ селеніи Шалекушкѣ, а также въ самомъ Мошинскомъ приходѣ, хотя здѣсь Чудь отожествляется съ „панами" [1]). Все это, впрочемъ, мало объясняетъ въ концѣ концовъ вопросъ о томъ, что̀ такое Чудь? Въ этомъ отношеніи будетъ весьма полезна собранная мною коллекція: въ случаѣ если прійдется признать жителей каменнаго вѣка Олонецкой губерніи за Чудское (Финское) племя, то на основаніи собраннаго мною матеріала будетъ неизбѣжно многое измѣнить касательно исторіи и развитія этого племени, и притомъ многіе вопросы возможно будетъ поставить яснѣе и опредѣленнѣе [2]). Здѣсь же, кстати, я долженъ прибавить, что высказанное мною прежде мнѣніе о совершенномъ изчезновеніи Финскаго племени изъ уѣздовъ Вытегорскаго и Каргопольскаго [3]) не совсѣмъ основательно: мнѣ сообщили, что въ южныхъ частяхъ Вытегорскаго уѣзда, около одного изъ здѣшнихъ озеръ, въ вершинахъ Мегры, есть приходъ, состоящій изъ 150 душъ, съ населеніемъ финскаго происхожденія: эти жители называются Чудью; они говорятъ на финскомъ нарѣчіи. Такая же Чудь живетъ и въ Лодейно-

[1]) Воспоминаніе о „панахъ" можетъ имѣть и нѣкоторое реальное историческое значеніе для Мошинскаго края, хотя, разумѣется, безъ отношенія къ каменному періоду. Въ челобитной Каргопольскихъ волостей, поданной царю Михаилу Ѳеодоровичу въ февралѣ 1615 года, именно читаемъ, что въ 1614 году воровскіе люди, Татары, Черкасы и Литва „шли по волостемъ на Онегу рѣку въ Троецкую волость и стояли въ Усть-мошскомъ стану пять недѣль, и ходили въ Мошенскую волость и на Вагу, изъ Важскаго уѣзду прошли назадъ въ тоежь въ Устмошскую волость и внизъ по Онегѣ рѣку, въ Турчасово и къ морю", производя повсюду разореніе (Акты Археогр. Экспедиціи, III, 101). Ср. впрочемъ объясненіе названія кургановъ *паны, панки, пановы могилы* изъ финскихъ языковъ, предложенное А. И. Кельсіевымъ и В. Н. Майновымъ (Изв. общ. люб. естествозн., антропол. и этногр., т. XXXV. Антропол. Выставка, III, стр. 63).

Ред.

[2]) Ср. Зап. по Отд. Этногр., III, 374, текстъ и примѣчанія, гдѣ указаны старинныя мѣстныя извѣстія о томъ, что аборигены Обонежья употребляли каменныя орудія; см. также статью *Е. В. Барсова* „Объ Олонецкихъ древностяхъ" въ изданіи Моск. Археол. Общ. Древности, т. VIII, вып. 3, стр. 220.

Ред.

[3]) Записки по Отдѣленію Этнографіи, т. III, стр. 337.

польскомъ уѣздѣ на Шимозерѣ и въ его окрестностяхъ. Ведутъ эти жители жизнь земледѣльческую. Нѣкоторые признаки подобнаго населенія есть и въ Каргопольскомъ уѣздѣ, въ селеніи Раменьѣ, на востокъ отъ Лачозера. Всѣ эти мѣстности находятся въ сторонѣ отъ всякихъ трактовъ, въ совершенной лѣсной глуши [1]).

Съ Муромскаго озера я чрезъ Вытегру и Ошту проѣхалъ въ Петрозаводскъ и оттуда возвратился въ Петербургъ.

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о Чуди, обитающей въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, см. въ Спискѣ насел. мѣстъ ея, введеніе, стр. LXXXII—LXXXIII. Въ Вытегорскомъ уѣздѣ она показана живущею по рр. Индоманкѣ, Тихмангѣ, Ухтѣ и Шагласу и въ прилежащихъ къ нимъ мѣстахъ, въ количествѣ 663 душъ обоего пола, при чемъ нѣкоторая часть этой Чуди названа обрусѣлою; на вершинахъ же р. Мегры Списокъ не указываетъ вовсе Чуди. Въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ Списокъ показываетъ Чуди 7447 душъ обоего пола, и притомъ Шимозеро дѣйствительно является однимъ изъ главныхъ центровъ ея обитанія; кромѣ того, поселенія Чуди расположены на верховьяхъ р. Ояти и на нѣсколькихъ озерахъ въ той же мѣстности, близъ границъ Новгородской губерніи. Свѣдѣнія объ этой Чуди см. въ статьяхъ акад. *Шегрена* о древнемъ мѣстожительствѣ Еми (*J. A. Sjogren's* Gesammelte Schriften, I, pass.), акад. *Кеппена*: О третьемъ изданіи этнограф. карты Европ. Россіи (Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1856 г., ч. 16, стр. 91), *И. П. Хрущова*: „Замѣтки о русскихъ жителяхъ береговъ р. Ояти“ (Зап. по отд. этногр., II) и *В. Н. Майнова*: „Пріоятская Чудь“ (Др. и Нов. Россія 1877 г.), а также въ сочиненіи г. Уйфальви: Les Bachkirs, les Vêpses etc. (P. 1880). Въ Каргопольскомъ уѣздѣ Списокъ насел. мѣстъ Олон. губерніи вовсе не указываетъ Чуди; въ немъ хотя и есть дер. Раменье, но съ русскимъ населеніемъ, и не на востокъ отъ Лачозера, какъ говоритъ г. Поляковъ, а на сѣверъ — на р. Онегѣ (№ 1798 Списка). Впрочемъ, въ Каргопольскомъ уѣздѣ сохранилось много преданій о древнемъ жительствѣ здѣсь Чуди; главное гнѣздо ея было въ восточной части уѣзда, гдѣ сохранились городища, курганы и могилища, ей приписываемыя. Такъ свидѣтельствуетъ *Е. В. Барсовъ* въ своей статьѣ „Объ Олонецкихъ древностяхъ“ (Древности, изд. Моск. Археол. Общества, т. VII, вып. 3). Онъ же сообщаетъ, что и въ Тихмангскомъ приходѣ Вытегорскаго уѣзда (по Списку насел. мѣстъ № 1231) крестьяне указываютъ Аминтову дорогу, по которой бѣжали въ предѣлы каргопольскіе толпы Чуди, предводимые своимъ вождемъ Аминтомъ, будучи преслѣдуемы жителями Вытегорскаго уѣзда; они были догнаны у Лачозера и здѣсь разбиты; въ одномъ изъ болотъ, окаймляющихъ это озеро, крестьяне и теперь указываютъ на возвышенія земли, называя ихъ чудскими могилами. Въ той же статьѣ (стр. 229—230) находится любопытное описаніе празднованья дня Ильи Пророка, сходное съ разказомъ г. Полякова, помѣщеннымъ на стр. 45—46. *Ред.*

II.

Долина Оки.

1.

Львиный курганъ и Плехановъ боръ.

Путь въ имѣніе князя Л. С. Голицына въ долинѣ Оки и холмъ Львиный курганъ; видъ на окрестность.—Низина, озерно-рѣчныя отложенія и отношеніе ихъ къ каменному вѣку.—Песчаные холмы, какъ мѣсто поселенія до-историческихъ жителей.—Плехановъ боръ, его строеніе и остатки каменнаго вѣка.—Описаніе орудій, найденныхъ въ холмахъ Плеханова бора.—Глиняная и другая посуда.—Пища.—Бобровыя постройки.—Складъ этихъ построекъ.—Постройки были возведены въ каменный вѣкъ; онѣ предохраняли холмы отъ разрушенія.—Вѣроятность, что человѣкъ покровительствовалъ бобру.—Бобръ донынѣ въ Америкѣ является у Краснокожихъ Индѣйцевъ почти какъ домашнее животное.—Наконечники стрѣлъ съ Хрѣновскихъ холмовъ.

10-го іюня 1878 года я, по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, направился изъ Москвы въ долину Оки для осмотра мѣстностей, изобилующихъ остатками каменнаго вѣка, и на которыя было уже указано графомъ А. С. Уваровымъ и княземъ Л. С. Голицынымъ на Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ, происходившемъ въ августѣ 1877 года. Я проѣхалъ первоначально на Нижній-Новгородъ, затѣмъ на пароходѣ отправился вверхъ по теченію Оки на Горбатовъ и село Павлово, за которымъ долженъ былъ остановиться на станціи Варежѣ, а отсюда на лошадяхъ по правому берегу Оки добрался до села Чулкова. Усадьба князя Голицына находится на лѣвомъ берегу рѣки, куда я и долженъ былъ переправиться на лодкѣ; въ усадьбѣ я нашелъ вмѣстѣ съ гостепріимствомъ и всѣ предварительныя указанія касательно мѣстъ нахожденія орудій въ здѣшнихъ окрестностяхъ.

Главныя жилыя зданія усадьбы расположены на высокомъ песчаномъ холмѣ, извѣстнымъ подъ именемъ Львинаго кургана. При постройкѣ этихъ зданій въ почвѣ холма находились каменныя орудія, какъ доказательство, что холмъ, во времена до-историческія, служилъ также мѣстопребываніемъ для человѣка. На другой день послѣ пріѣзда я убѣдился личнымъ опытомъ въ изобиліи различныхъ остатковъ, сохранившихся на холмѣ отъ каменнаго періода. Холмъ, очевидно, въ теченіе ряда столѣтій былъ покрытъ лѣсомъ, благодаря которому онъ какъ бы окрѣпъ и сохранилъ свою форму; съ наступившею же въ недавнее время вырубкой лѣса онъ частію началъ разрушаться. Въ настоящее время съ сѣверной и съ сѣверо-западной его сторонъ образовались огромныя ямы; будучи первоначально небольшими, онѣ сильно расширились вслѣдствіе постоянныхъ обваловъ и осыпей составляющаго холмъ мелкаго, слоистаго песку, который малу по малу становится сыпучимъ; вѣтры обыкновенно переносятъ и выдуваютъ песокъ изъ мѣста его первоначальнаго залеганія. Совершенно подобный же процессъ разрушенія песчаныхъ холмовъ я наблюдалъ въ 1867 году въ долинахъ рѣки Иркута и рѣчки Ахалика, около Тунки, въ Восточномъ Саянѣ [1]). Не смотря на громадное разстояніе, раздѣляющее долину Оки отъ верховьевъ Иркута, явленія природы въ обоихъ пунктахъ остаются одни и тѣ же. Вмѣстѣ съ этимъ существуетъ первоначальное сходство въ слѣдахъ человѣческой дѣятельности, сохранившейся въ песчаныхъ холмахъ. Какъ и около Тунки,—въ долинѣ Оки, въ ямахъ Львинаго кургана происшедшихъ послѣ обваловъ, гдѣ песокъ выдувается, остается громадное количество кремневыхъ обломковъ, горшечныхъ черепковъ и даже различныхъ орудій, начиная съ наконечниковъ стрѣлъ до скребковъ, шлифованныхъ топоровъ и теслъ. Хотя орудія эти уже собирались здѣсь различными любителями, тѣмъ не менѣе, кромѣ кремневыхъ и горшечныхъ обломковъ, я самъ нашелъ здѣсь нѣсколько вполнѣ хорошихъ топориковъ и наконечниковъ

[1]) Какъ процессъ разрушенія тункинскихъ холмовъ, такъ и тамошніе остатки каменнаго вѣка уже описаны мною въ 1868 году въ Отчетѣ о поѣздкѣ въ Восточный Саянъ, приложенной къ Отчету Сибирскаго отдѣла Имп. Р. Геогр. Общества за 1868 годъ (С.-Пб., 1869), стр. 137—143.

стрѣлъ, точно также какъ получилъ нѣкоторые найденные здѣсь предметы отъ князя Л. С. Голицына.

Со Львинаго кургана открывается весьма красивый видъ на долину Оки; заливные луга, покрытые сочною травой или перелѣсками изъ дубняка и березняка, широко раскинулись на западъ и юго-западъ, вверхъ по теченію рѣки, также какъ и на востокъ, внизъ по теченію. Въ особенности характеренъ видъ на правый берегъ Оки; составленный изъ образованій пермской формаціи, въ которыхъ иногда буроватые известняки правильно перемежаются, налегая другъ на друга, съ слоями бѣлаго гипса или алебастра, берегъ высоко поднимается надъ уровнемъ рѣки и надъ заливною равниною. Кончаясь иногда почти отвѣсными обрывами, въ которыхъ производится ломка алебастра, иногда пересѣченный оврагами и впадинами, правый берегъ имѣетъ вообще равномѣрную высоту, и распространяясь вверхъ по теченію рѣки, даже при отдаленіи за десятки верстъ рисуется еще на горизонтѣ въ формѣ мысовъ. Тотъ же характеръ и видъ сохраняетъ берегъ и ниже по теченію, если смотрѣть на него отъ Львинаго кургана; здѣсь въ одномъ только случаѣ нарушается его единообразіе. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія Чулкова, расположеннаго противъ Львинаго кургана, на правомъ берегу возвышается гора, въ формѣ пирамиды или конуса: это такъ-называемая гора Сіонъ; выдаваясь по своей формѣ, она однако же представляетъ строеніе общее всему берегу, который тянется на востокъ, на протяженіи верстъ 20 до знаменитаго по своимъ желѣзныхъ издѣліямъ села Павлова. Съ Львинаго кургана еще видно, какъ онъ направляется отъ Павлова на сѣверъ, затѣмъ на сѣверо-западъ и только здѣсь, около Горбатова, онъ скрывается отъ глазъ зрителя на горизонтѣ.

На лѣвой сторонѣ долины вдаются въ заливную равнину песчаные холмы, уходящіе далеко отъ рѣки; такъ, почти на сѣверъ отъ Львинаго кургана, за заливною равниною, начинаются песчаные холмы, по которымъ я ѣздилъ на сѣверъ на протяженіи верстъ 6—8; среди этихъ холмовъ, покрытыхъ преимущественно соснякомъ, находятся иногда озерки болѣе или менѣе значительной величины; еще дальше начинаются болота, уходящія къ рѣкѣ Суворощѣ, впадающей въ Клязьму. Проселочная дорога отъ Львинаго кургана на Гороховецкую станцію Нижегородской желѣзной

дороги идетъ сначала на югъ и на востокъ на село Бабасово, стоящее недалеко отъ заливной равнины, а затѣмъ поворачиваетъ на сѣверъ и пролегаетъ по невысокимъ частью песчанымъ, частью глинистымъ холмамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь встрѣчаются въ большомъ изобиліи болота. Высотъ сколько-нибудь значительныхъ не существуетъ, и только отъ Гороховецкой станціи на сѣверо-западѣ кажутся растянувшимися возвышенія, соотвѣтствующія по высотѣ горамъ, расположеннымъ по правому берегу Оки. На правомъ берегу ясно замѣтны во многихъ мѣстахъ двѣ террасы: нижняя, находящаяся на высотѣ около 2-хъ сажень надъ обыкновеннымъ уровнемъ Оки,—современная; до нея доходитъ вода во время весенняго половодья; на нѣсколько сажень выше ея лежитъ вторая терраса: она въ особенности ясно выражена на правомъ берегу, противъ Львинаго кургана, около селенія Чулкова; здѣсь на ней расположена даже часть селенія. Обязана ли эта терраса своимъ происхожденіемъ дѣйствію рѣчныхъ водъ, стоявшихъ въ прежнія времена очевидно выше нежели теперь, или же она произошла вслѣдствіе того, что въ послѣ-ледниковую эпоху здѣсь раскидывался широкій озерный бассейнъ,—сказать трудно; весьма вѣроятно, что она имѣетъ отношеніе по своему происхожденію и къ той, и къ другой причинѣ. Нужно думать также, что большая часть отложеній, глинъ и песковъ, заполняющихъ площадь между изгибомъ Оки, ограниченнымъ станціей Сапуномъ, городомъ Горбатовымъ и нижнимъ теченіемъ рѣчки Суворощъ, произошли именно въ то время, когда здѣсь былъ раскинутъ глубокій водный бассейнъ или озеро. Съ пониженіемъ уровня древняго и весьма обширнаго озернаго бассейна послѣдній долженъ былъ разбиться на рядъ мелкихъ озерковъ, изъ которыхъ теперь только ничтожная часть сохранилась, большая же часть превратилась въ болота и торфяники. Замѣчательно еще то, что это бывшее нѣкогда дно обширнаго прѣсноводнаго бассейна представляется въ настоящее время въ видѣ громаднаго острова, ограниченнаго изгибомъ Оки, начиная отъ Сапуна до устья р. Клязьмы, затѣмъ самымъ нижнимъ теченіемъ этой послѣдней рѣки и наконецъ рѣчкою Суворощъ, которая почти въ среднемъ своемъ теченіи даетъ рукавъ въ Оку, именно рѣчку Чуцу. По окраинамъ указанной здѣсь низины озерныя отложенія, очевидно, смѣшаны съ рѣчными, такъ что провести рѣзкую

границу между тѣми и другими нѣтъ возможности, въ особенности если взять во вниманіе тѣ рѣчныя отложенія, которыя происходятъ во время весеннихъ разливовъ рѣкъ. Во всякомъ случаѣ этотъ послѣдній вопросъ не имѣетъ особенно существеннаго отношенія къ каменному вѣку. Относительно отложеній, составляющихъ вторую террасу въ долинѣ Оки, можно сказать еще, что они аналогичны съ отложеніями второй террасы въ долинѣ Волги, около дд. Красновидова и Карташихи въ Казанской губерніи, хотя, можетъ быть, и болѣе новы. Самое отношеніе террасъ въ долинахъ названныхъ рѣкъ къ каменному періоду также одно и то же. По моему убѣжденію, въ долинѣ Волги человѣкъ селился на второй террасѣ, по окраинамъ заливной равнины, и въ этотъ періодъ долина Волги имѣла уже тотъ видъ, въ какомъ она представляется въ настоящее время [1]). Въ долинѣ Оки находимъ то же явленіе: до-историческій человѣкъ жилъ на высотахъ второй террасы, и самая долина рѣки имѣла приблизительно тотъ же видъ, какой замѣчается теперь; разница только въ томъ, что рѣка, очевидно, измѣняла свое русло, держалась около праваго берега или отступала отъ него, снова затѣмъ къ нему приближаясь. Въ доказательство этого она оставила въ заливной равнинѣ соры, старицы и озерки. Сравнительно съ Волгой различіе замѣчается въ томъ, что въ долинѣ Оки до-историческіе обитатели находили болѣе удобные, чѣмъ тамъ, пункты для своего поселенія. Къ числу этихъ именно пунктовъ относятся песчаные холмы, въ родѣ описаннаго уже Львинаго кургана.

Холмы, сохранившіе на себѣ въ наибольшемъ изобиліи орудія до-историческихъ обитателей, лежатъ здѣсь среди самой заливной равнины или же на ея окраинахъ, и притомъ такъ, что во время весенняго половодья они являются со всѣхъ сторонъ окруженными водою, представляются островами. Въ рефератѣ изъ сообщенія, сдѣланнаго княземъ Л. С. Голицынымъ на четвертомъ археологическомъ съѣздѣ въ Казани, касательно здѣшнихъ холмовъ между прочимъ сказано: „Во время весеннихъ разливовъ", замѣтилъ князь Голицынъ, — „упомянутые бугры и досел ѣ являются островами, и

[1]) Антропологическая поѣздка въ центральную и восточную Россію, стр. 67—73.

очень можетъ быть, что первобытные обитатели отъѣзжали сюда весной и жили здѣсь подолгу; можно даже съ большею долею вѣроятности предположить, что когда-то эти бугры были островами настоящаго моря, тѣмъ болѣе, что многія изъ встрѣчающихся раковинъ безспорно морскія, а было бы слишкомъ смѣло предположить, что онѣ привозныя" [1]). Считая вполнѣ справедливымъ указаніе князя Голицына на островной характеръ холмовъ во время весеннихъ разливовъ Оки, я однако же не нашелъ какихъ-либо доказательствъ въ пользу ихъ морского происхожденія; напротивъ, всѣ добытые мною факты, сообразно съ вышеприведеннымъ мною мнѣніемъ, доказываютъ, что холмы обязаны своимъ происхожденіемъ прѣснымъ водамъ и суть ничто иное, какъ дюны, образовавшіяся на берегахъ изчезнувшаго теперь бассейна. Есть основаніе предполагать только, что во время процвѣтанія здѣсь каменнаго періода, заливная равнина въ большей степени изобиловала водой — протоками, старицами и озерами, а въ то же время вѣроятно, что и Ока была тогда рѣкою болѣе многоводною, нежели теперь; поэтому многіе изъ песчаныхъ холмовъ, являющихся теперь островами только временно, могли быть окружены водою постоянно. Не можетъ быть сомнѣнія также и въ томъ, что холмы, служившіе мѣстообитаніемъ людямъ каменнаго періода, были въ прежнее время раскинуты въ заливной равнинѣ въ большемъ количествѣ, такъ какъ извѣстно, что многіе холмы, изобиловавшіе „громовыми стрѣлами", размыты водою Оки въ самое недавнее время.

Самый замѣчательный холмъ, который можно видѣть въ настоящее время,—это такъ-называемый Плехановъ боръ. Онъ находится верстахъ въ двухъ съ половиной отъ усадьбы князя Голицына—Львинаго кургана, и лежитъ на лѣвомъ берегу Оки. Отъ Львинаго кургана онъ отдѣленъ заливною равниной, состоящею изъ довольно плотной сѣрой глины, которая и обнажается въ довольно высокомъ берегѣ Оки. Плехановъ боръ расположенъ на цѣпи песчаныхъ холмовъ, тянущихся вдоль по теченію Оки, въ недальнемъ отъ нея разстояніи; въ продольномъ направленіи цѣпь холмовъ имѣетъ около версты въ длину, съ сравнительно весьма малою шириною.

[1]) Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани—Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г., № 2, стр. 119.

На всемъ своемъ протяженіи холмы не заливаются нынѣ водами Оки во время самаго высокаго ея половодья, и при этомъ половодьи являются обыкновенно островами; даже и въ этомъ случаѣ они весьма значительно возвышаются надъ уровнемъ водъ; при обыкновенномъ же уровнѣ водъ Оки цѣпь холмовъ Плеханова бора вполнѣ господствуетъ надъ всею заливною равниною: она замѣтна уже издали съ различныхъ сторонъ. Благодаря своему значительному протяженію, а также и высотѣ, Плехановъ боръ съ его холмами игралъ весьма важную роль въ судьбѣ до-историческихъ обитателей долины Оки. На немъ сохранилась огромная масса весьма разнообразныхъ остатковъ каменнаго вѣка, новѣйшаго, неолитическаго періода. Способъ, съ помощію котораго главнымъ образомъ обнаруживаются эти остатки, являясь на поверхность земли, — тотъ, что̀ я видѣлъ на Тункинскихъ холмахъ Восточной Сибири [1]), а также на ближайшемъ отсюда Львиномъ курганѣ. Съ вырубкой лѣса, покрывающаго холмы, сосняка, частію березняка и дуба, настаетъ разрушеніе; мелкій, сыпучій песокъ выдувается вѣтромъ, образуются ямы, идутъ обвалы стѣнъ, и такимъ образомъ холмы могутъ вполнѣ измѣнить свою форму; такъ это и въ Плехановомъ борѣ. На сторонѣ холмовъ, обращенной къ рѣкѣ, холмы представляютъ громадныя выемки, изъ которыхъ западные и юго-западные вѣтры перенесли песокъ на противоположную сторону оставшихся частей холмовъ. Въ этихъ-то выемкахъ и остаются всѣ принадлежности каменнаго вѣка, не переносимыя обыкновенно вѣтромъ вслѣдъ за пескомъ. Вѣтры сѣверные часто гонятъ сыпучій песокъ на старое мѣсто, но южные и юго-западные вѣтры во всякомъ случаѣ берутъ почему-то верхъ по своей разрушающей силѣ. Эта борьба вѣтровъ, касающаяся разрушенія холмовъ, длится, по видимому, уже весьма давно, и свидѣтелемъ ея былъ, вѣроятно, и человѣкъ каменнаго періода.

Дѣло въ томъ, что орудія каменнаго вѣка встрѣчаются всегда въ растительномъ слоѣ, или сказать точнѣе въ нижней части этого слоя. Холмы, цѣлость которыхъ не была нарушена со временъ жившихъ здѣсь до-историческихъ обитателей, до сихъ поръ имѣютъ

[1]) См. мой Отчетъ о поѣздкѣ въ Восточный Саянъ—при Отчетѣ Сибирскаго отдѣла Имп. Р. Геогр. Общества за 1868 годъ, стр. 137—138.

вообще только одинъ растительный слой. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается два, и даже три растительные слоя, лежащіе другъ надъ другомъ. Такое явленіе объясняется весьма просто. Самый нижній растительный слой — всегда самый древній; холмъ былъ покрытъ растительностью въ то время, когда этотъ слой отложился; затѣмъ, съ наступленіемъ разрушенія гдѣ-либо въ сосѣднихъ частяхъ холма, первоначальный слой засыпался пескомъ, на которомъ снова могла, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, появиться хотя травянистая растительность; за нею, понятно, слѣдовало и образованіе новаго растительнаго слоя, который, въ свою очередь, могъ опять покрыться пескомъ; этотъ послѣдній слой песку—самый новѣйшій, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на немъ можно замѣчать слѣды растительности, хотя впрочемъ въ большинствѣ случаевъ новѣйшій слой песку у сѣверной подошвы холмовъ засыпалъ деревья иногда на половину, а кустарники почти до верху. Наиболѣе сильному разрушенію подвергались холмы въ срединѣ цѣпи, въ самыхъ высокихъ мѣстахъ; такъ было прежде, то же видимъ и нынѣ; здѣсь часто встрѣчаются перемежающіеся растительные слои, содержащіе въ себѣ остатки каменнаго вѣка. Положеніе орудій въ почвѣ я наблюдалъ, какъ въ естественныхъ обнаженіяхъ, такъ и въ искусственныхъ, произведенныхъ раскопками. Какъ я уже сказалъ, во многихъ случаяхъ пески накрыты однимъ только слоемъ растительной почвы, имѣющей отъ одной до полутора четверти аршина толщины. Въ такомъ видѣ растительная земля встрѣчается преимущественно на окраинныхъ, наиболѣе низменныхъ пунктахъ холмовъ; въ самыхъ же высокихъ частяхъ цѣпи, наиболѣе нынѣ разрушенной, я нашелъ въ одномъ мѣстѣ послѣ раскопокъ слѣдующіе слои: сверху лежитъ новѣйшій, тонкій растительный слой, едва окрасившій песокъ въ темный или сѣроватый цвѣтъ; въ немъ не содержится орудій, или же они попали сюда только случайно; затѣмъ ниже слѣдуетъ песчаный слой до двухъ четвертей аршина мощностью; подъ нимъ растительная земля, которая представляетъ довольно плотный слой, заключающій въ себѣ уже остатки каменнаго вѣка; здѣсь находятся обломки кремней, горшковъ, наконечники стрѣлъ, провѣски и пр.; ниже этого втораго растительнаго слоя лежитъ снова песокъ пластомъ до двухъ четвертей аршина толщиною, и подъ нимъ наконецъ по-

коится третій слой растительной земли; кромѣ того, черная почва лежитъ здѣсь часто цѣлыми эллипсоидальными гнѣздами; вмѣстѣ съ перегорѣлыми камнями здѣсь встрѣчаются массами обломки горшковъ, а также различные кремневые предметы, вмѣстѣ съ осколками; здѣсь же лежатъ массами раковины, принадлежащія еще нынѣ живущему въ окрестныхъ водахъ виду пластинчатожаберного моллюска, беззубкѣ (*Anodonta*). Въ одномъ мѣстѣ попались намъ три горшка различной величины; изъ нихъ средній помѣщался въ наибольшемъ, а наименьшій—въ среднемъ; горшки сохранили свое первоначальное положеніе, такъ какъ они были оставлены, вѣроятно, болѣе или менѣе цѣлыми, но подъ вліяніемъ давленія толстаго слоя почвы и песку сверху они разсыпались въ обломки. Эти три горшка, вмѣщавшіеся другъ въ друга, напомнили мнѣ подобное же явленіе, которое я наблюдалъ около с. Фатьянова, въ Ярославской губерніи, при раскопкѣ кладбища каменнаго вѣка [1]). Въ томъ же мѣстѣ раскопки на Плехановомъ бору были найдены мною кости, принадлежащія лосю; вообще же говоря, кости представляли здѣсь рѣдкое явленіе; притомъ различные мелкіе обломки костей сильно вывѣтрились и разсыпались. Между этими обломками я находилъ даже многіе обдѣланными и служившими нѣкогда какъ шилья, иглы и гарпуны, но по непрочности ихъ и по способности разсыпаться ихъ трудно было сохранить въ цѣлости. Во всякомъ случаѣ, судя по этимъ обдѣланнымъ костянымъ обломкамъ, можно положительно сказать, что обитатели Плеханова бора владѣли хорошими костяными орудіями.

Какъ при раскопкахъ, такъ и въ ямахъ, происшедшихъ послѣ выноса песку, я находилъ преимущественно кремневыя орудія, вмѣстѣ съ многочисленными осколками и кусками кремня, которые, очевидно, были занесены сюда человѣкомъ. Здѣсь я долженъ прибавить, что въ осмотрѣ Плеханова бора, также какъ и въ раскопкахъ моихъ, принималъ весьма дѣятельное и полезное участіе житель ближайшаго отсюда села Степанькова, крестьянинъ Л. Ѳ. Орловъ; кромѣ орудій, собранныхъ на Плехановомъ

[1]) См. о немъ мое сообщеніе въ Извѣстіяхъ Имп. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, т. XXXV. Антропологическая выставка 1879 года, ч. III, стр. 190.

бору лично мною, я получилъ многія таковыя же отъ крестьянъ села Степанькова, собранныя какъ раньше, такъ и впослѣдствіи самимъ Л. Ѳ. Орловымъ, который часто ходилъ въ боръ и собиралъ остатки, съ цѣлью разрѣшить вопросъ о томъ, дѣйствительно ли это громовыя стрѣлы, или же что̀ другое. Когда онъ ознакомился съ научными истинами, выработанными касательно древняго каменнаго вѣка, интересъ его къ Плеханову бору усилился. Благодаря такимъ образомъ всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, я добылъ съ Плеханова бора довольно значительную коллекцію разныхъ типовъ каменныхъ орудій. Имѣя въ виду эту громадную массу встрѣчающихся здѣсь орудій и обломковъ отъ осадъ, приходится думать, что до-историческій человѣкъ не только дѣлалъ здѣсь для себя каменныя принадлежности, но видно, что здѣсь же онъ и работалъ ими. Въ Плехановомъ бору мною было найдено нѣсколько цѣльныхъ *топоровъ* изъ неплотнаго кремня; топоры хорошо отшлифованы и имѣютъ клиновидную форму, свойственную вообще этому типу орудій, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, такъ и въ иныхъ странахъ. Интересно было еще то, что между остатками въ почвѣ чаще встрѣчались обломки отъ острія топоровъ; эти обломки служатъ явнымъ доказательствомъ того, что человѣкъ въ самомъ дѣлѣ здѣсь именно и работалъ, здѣсь именно онъ рубилъ и долбилъ своими точеными инструментами. По этимъ обломкамъ отъ топоровъ видно, что человѣкъ умѣлъ стачивать весьма твердый и плотный кремень. Здѣсь же было найдено мною небольшое *тесло*, также обыкновенной формы. Встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ Плехановомъ бору наконечники *стрѣлъ* и *копій*, а вмѣстѣ съ цѣлыми орудіями этого рода разбросаны въ почвѣ и обломки ихъ; по обломкамъ, какъ и по цѣлымъ орудіямъ, можно судить о томъ, что искусство обивать кремень стояло у древнихъ обитателей Плеханова бора на высшей степени совершенства. Укажу также на часто находимыя здѣсь привѣски; ихъ назначеніе трудно опредѣлить съ точностью; можно однако думать, что онѣ служили украшеніемъ, или же предполагать, что онѣ употреблялись какъ привѣски при рыболовныхъ снастяхъ. Двѣ такія привѣски изображены на таблицѣ VI: на фиг. 1 представлена привѣска изъ сланца, выпиленная изъ цѣлаго куска; на одномъ концѣ ея довольно большое отверстіе; въ общемъ она представляетъ параллелопипедъ,

верхніе углы котораго сточены; сточена она и со всѣхъ другихъ сторонъ. Привѣска, изображенная на ф. 2, тоже сланцевая и имѣетъ хорошо сдѣланное отверстіе, но во всемъ остальномъ это—естественный валунчикъ или галька, прекрасно со всѣхъ сторонъ обточенная водой. Къ числу весьма своеобразныхъ орудій относится найденный въ Плехановомъ же бору пестъ; онъ изображенъ на таб. VI, фиг. 3 *а* и *в*; состоитъ онъ изъ плотнаго кремнистаго, весьма твердаго камня; на одномъ концѣ онъ немного уже, а къ другому расширенъ; онъ хоть и гладокъ съ боковъ, но не отточенъ, за исключеніемъ одной только стороны, находящейся на тупомъ его концѣ; здѣсь поверхность орудія чрезвычайно гладкая, въ истинномъ смыслѣ слова шлифованная, безъ царапинъ, фиг. 3, *в*. Очевидно, назначеніе этого песта такое же, какъ у тѣхъ пестиковъ, которые употребляются нынѣ для растиранія въ ступахъ различныхъ химическихъ веществъ; орудіе каменнаго вѣка служило, вѣроятно, для растиранія и измельченія веществъ, можетъ быть, очень нѣжныхъ,—иначе на его хотя и твердой растительной поверхности остались бы царапины. Этотъ пестъ изъ Плеханова бора совершенно подобенъ пестамъ изъ Западной Сибири, именно съ Алтая и изъ Курганскаго округа Тобольской губерніи [1]). Отличіе нашего орудія отъ сибирскихъ заключается только въ томъ, что бока его не сточены, и оно не представляетъ болѣе или менѣе правильной коническої формы. Есть еще одно орудіе, найденное лично мною въ Плехановомъ бору, которое служитъ доказательствомъ сходства принадлежностей каменнаго вѣка, употреблявшихся у до-историческихъ жителей долины Оки, съ орудіями не только вымершихъ народовъ Россійской имперіи, но живущихъ далеко за ея предѣлами, именно въ Америкѣ. Это орудіе состоитъ изъ шокшинскаго песчаника; мѣсторожденіе сего послѣдняго находится на западномъ и юго-западномъ берегахъ Онежскаго озера, въ долинѣ же Оки онъ встрѣчается въ видѣ валуновъ; въ общемъ орудіе имѣло первоначально форму параллелопипеда, но въ обдѣлкѣ всѣ углы его, также какъ и грани, оказались сбитыми и нѣсколько сглаженными, почему

[1]) См. мою статью: Каменныя орудія Курганскаго округа, въ Извѣстіяхъ Имп. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, т. XXXV. Антропологическая выставка 1879 года, ч. I, стр. 92—93, фиг. 13 и 14.

орудіе получило форму среднюю между параллелопипедомъ и эллипсоидомъ; по наибольшему его діаметру, на окраинахъ, сверху и снизу сдѣланы выемки или выбиты желобки; такіе же желобки или выемки сдѣланы по наименьшему діаметру въ тупыхъ ребрахъ, въ среднихъ частяхъ орудія. Если перевязать это орудіе веревками по продольной и поперечной осямъ, то веревки пересѣкутся въ центрѣ и раздѣлятъ орудіе на четыре равныя части. При употребленіи орудіе, очевидно, такъ и перевязывалось, съ тою только разницей, что опояской по продольной оси служило гибкое дерево, къ которому прикрѣплялся затѣмъ черень, или даже черенемъ служили концы той самой опояски, которая, охватывая орудіе, снизу перевязывалась кожанымъ или растительнымъ ремнемъ. Въ такомъ видѣ орудіе вполнѣ соотвѣтствовало палицѣ; для крѣпости, оно могло, послѣ скрѣпъ по продольному и поперечному направленіямъ, вмѣстѣ съ черенемъ, зашиваться въ кожу, еще болѣе прочно укрѣплявшую орудіе на своемъ мѣстѣ. Орудія, подобныя нашему, были недавно найдены въ одной заброшенной нынѣ деревнѣ Мэндепсъ (Mandans), принадлежавшей Индѣйцамъ племени Арикери (Arickarees), на сѣверѣ Новой Мексики. Каменныя орудія съ ихъ черенями, или обвитыми кожей, или вполнѣ кожей обшитыя, были найдены въ совершенной цѣлости; при сравненіи нашего орудія съ американскими, можно найдти разницу только въ формѣ ихъ; у американскихъ, имѣющихъ форму овальную, иногда съ однимъ тупымъ концомъ, существуетъ только одинъ поясъ, на нѣкоторыхъ орудіяхъ даже несплошной [1]). Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что типъ американскихъ орудій повторяется въ еще большей полнотѣ въ Закавказьѣ, въ Кульпинскихъ и Нахичеванскихъ соляныхъ копяхъ; многія орудія Закавказья представляютъ почти точную копію орудій племени Арикери. Орудія съ опоясками были въ употребленіи и въ Скандинавіи, хотя, по сравненію съ другими видами орудій, они не были господствующими [3]).

[1]) См. Twenty-first Report of the Regents of the University of New-Iork on the Condition of the Cabinet of Natural History. Albany, 1871: The stone impliments of the Arickarees, p. 26, 31; tab. I, II, III.

[2]) Протоколы предварит. комитета Тифлисскаго археолог. съѣзда, стр. 213—214.

[3]) *Sv. Nilsson*, Les habitants primitifs de la Scandinavie, табл. II, фф. 31—35.

До-историческіе обитатели долины Оки, оставившіе слѣды своего существованія въ пескахъ Плеханова бора, употребляли уже посуду, которую дѣлали изъ глины; это были горшки разной величины; ихъ обломки встрѣчаются въ пескахъ въ громадномъ количествѣ; судя по этимъ обломкамъ, слѣдуетъ думать, что глиняная посуда здѣшнихъ жителей имѣла до самыхъ малѣйшихъ подробностей тотъ же видъ, какъ у жителей каменнаго вѣка Олонецкой губерніи и верховьевъ Волги. Это были не обожженные горшки, съ тѣми же узорами на внѣшней сторонѣ, какіе встрѣчаются у олонецкихъ, и въ довершеніе сходства на толстыхъ обыкновенно стѣнкахъ горшковъ съ той же внѣшней стороны находятся часто ямочки. Значеніе этихъ ямочекъ заключается, очевидно, въ томъ, что горшокъ, благодаря имъ, скорѣе нагрѣвался, и заключавшаяся въ немъ жидкость легче вскипала [1]). Между громадною массой обломковъ мнѣ ни разу не удалось найдти днище горшка, такъ что приходится предположить, что дно у горшковъ было коническое, не а плоское. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на внутренней сторонѣ горшечныхъ обломковъ, имѣющихъ ямки, часто можно наблюдать слѣды пальцевъ, оставленные человѣкомъ въ то время, когда при выдѣлкѣ горшка, чтобы сдѣлать ямку, приходилось съ внѣшней стороны надавливать глину инструментомъ, а съ внутренней поддерживать горшокъ пальцами. Но самою оригинальною посудиной, безспорно, нужно признать раковину изъ семейства устричныхъ; это—ископаемая раковина юрской формаціи; въ употребленіи была ея верхняя створка, имѣющая форму ложки; притомъ ея края были обиваемы такъ, что она замѣняла собою ложку; мѣсто залеганія раковины находится около Мурома, такъ что къ Плеханову бору она, очевидно, была занесена человѣкомъ. Мною были найдены двѣ такія раковины, и одну изъ нихъ я передалъ графу А. С. Уварову. Онѣ были по краямъ обиты совершенно одинаковымъ образомъ, искусственно, такъ что форма ихъ никакъ не могла быть случайною. Жители Степанькова довольно часто находятъ въ Плехановомъ бору такія раковины и называютъ ихъ „громовыми чашечками".

Итакъ, изъ всего вышесказаннаго очевидно, что до-историческіе обитатели Плеханова бора варили себѣ пищу въ горшкахъ

[1]) См. Зап. по отд. этногр., т. III, стр. 368—369.

изъ глины, ѣли ее ложками, какъ и новѣйшіе дикари Сѣверной Америки, дѣлавшіе себѣ ложки, напримѣръ, изъ рога буйволовъ [1]). Пищей служили для пріокскихъ обитателей ракушки, еще и нынѣ водящіяся въ здѣшнихъ водахъ въ огромномъ количествѣ. Въ ту же эпоху и тѣ же ракушки употреблялись въ пищу жителями долины Дона, около Костёнокъ [2]); тѣ же ракушки служили для той же цѣли и жителямъ каменнаго вѣка на берегахъ озера Буртнекъ. Вѣроятно, въ пищу употреблялись и млекопитающія, но изъ костей ихъ я нашелъ въ сохранности только костилося,—большая же часть костей, какъ я уже сказалъ, разрушилась. Но въ то же время мнѣ пришлось прочесть еще одну чрезвычайно занимательную страницу изъ погасшей жизни до-историческихъ обитателей долины Оки; эта страница касается рѣчнаго бобра и его отношенія къ человѣку; что жителямъ каменнаго вѣка былъ извѣстенъ бобръ и игралъ большое значеніе въ ихъ жизни, это я буду имѣть случай указать несомнѣнно при описаніи находокъ, сдѣланныхъ у д. Волосова. Но я допускаю предположеніе, что бобръ былъ очень хорошо извѣстенъ и обитателямъ Плеханова бора.

Уже на третій день моихъ экскурсій по пріѣздѣ въ имѣніе князя Л. С. Голицына, осматривая строеніе окрестностей Плеханова бора, я наткнулся на странное явленіе. Именно, по лѣвому берегу Оки, недалеко отъ песчаныхъ холмовъ, выставляется изъ береговыхъ обрывовъ масса деревьевъ. Самаго бѣглаго осмотра уже достаточно, чтобъ отстранить всякую мысль о простой случайности, въ силу которой эти деревья заняли бы свое настоящее положеніе; напротивъ, даже при первомъ взглядѣ сразу приходила мысль, что размѣщеніемъ деревъ, или вѣрнѣе, бревенъ и сучьевъ, руководила живая, разумная сила. Этотъ выводъ подкрѣпился находкой нѣкоторыхъ предметовъ, сдѣланныхъ рукою человѣка. Въ общемъ оставалось однакоже для меня весьма много загадочнаго въ этихъ деревянныхъ сооруженіяхъ, хотя я и былъ усердно занятъ ихъ изученіемъ, какъ въ половинѣ іюня, такъ и въ концѣ

[1]) См. при вышеупомянутомъ описаніи орудій и утвари племени Арикори на табл. IV, ф. 14, изображеніе роговой ложки.

[2]) Антропологическая поѣздка въ центральную и восточную Россію, стр. 37.

его, по возвращеніи изъ Мурома. Привезя въ Петербургъ нѣкоторые изъ характерныхъ образчиковъ, взятыхъ изъ построекъ, я сравнилъ ихъ съ деревьями и сучьями, доставленными изъ Полѣсья г. Ходоровскимъ, нашедшимъ ихъ въ современныхъ бобровыхъ постройкахъ. Образчики оказались совершенно одинаковыми, и у меня не осталось сомнѣнія, что деревянныя постройки, окружающія Плехановъ боръ, были сооружены бобрами. Въ этомъ выводѣ я вполнѣ удостовѣрился, когда вторично остановился въ имѣніи князя Л. С. Голицына, на пути изъ Воронежа и Мурома въ Кунгуръ, въ 1879 году.

Итакъ, основная, главная часть деревянныхъ сооруженій около Плеханова бора принадлежитъ бобрамъ. Постройки начинаются у западной стороны песчаныхъ холмовъ и тянутся вдоль южной ихъ стороны; продолжаясь нѣсколько далѣе восточной ихъ окраины; онѣ скрыты подъ довольно мощною толщею глинъ и песковъ. Самымъ яснымъ образомъ выступаютъ онѣ около западнаго края холмовъ; здѣсь лежатъ на нихъ слои песку и глинъ, имѣющіе толщину отъ 3 до 5 аршинъ; по направленію къ востоку слой, въ которомъ находятся постройки, утолщается и вмѣстѣ съ тѣмъ понижается относительно горизонта; слой песку, лежащій наверху, сохраняетъ одну и ту же толщину, а глинистый пластъ увеличивается въ мощности. Такъ, противъ срединной части Плеханова бора мы встрѣчаемъ такой разрѣзъ: песокъ, лежащій слоемъ въ 3 аршина толщиной, глина, сѣрая и плотная — отъ 3 до 4 аршинъ, и уже подъ ними слѣдуетъ темная глина неслоистая, вязкая, содержащая въ себѣ слѣды бобровыхъ построекъ; въ этомъ же пластѣ глины, въ нижнихъ ея частяхъ, встрѣчаются гнѣзда съ раковинами, еще нынѣ живущими въ здѣшнихъ водахъ, какъ-то: *Paludina, Planorbis, Cyclas.* Этотъ самый пунктъ въ особенности для насъ интересенъ еще потому, что въ немъ, вмѣстѣ съ бобровыми постройками, я нашелъ и самые неопровержимые слѣды человѣческихъ сооруженій: то были остатки рыболовныхъ ловушекъ съ сохранившимся деревомъ, съ рыбьими костями и пр.; эти ловушки я опишу ниже въ дальнѣйшемъ изложеніи этого очерка; здѣсь же замѣчу только, что остатки ловушекъ были погребены подъ толщею песку и глины около 2 сажень въ вышину.

Бобровыя постройки, какъ я уже сказалъ, въ наиболѣе харак-

терномъ видѣ, находятся около западнаго конца Плеханова бора; онѣ состоятъ здѣсь изъ ряда бревенъ и древесныхъ сучьевъ, выложенныхъ въ видѣ пола; деревья уложены другъ на друга крестообразно или же вообще лежатъ однѣ надъ другими подъ нѣкоторыми острыми углами. Часто попадается дерево, лежащее вдоль нынѣшняго теченія Оки, то-есть, по направленію отъ запада къ востоку, и бо̀льшая другихъ деревьевъ опираются или лежатъ на немъ своими вершинами. Промежутки между деревьями заполнены мелкими древесными сучками, или же главнымъ образомъ, древесною листвою; листва образуетъ часто толстые слои и можетъ быть раздѣлена вдоль слоевъ такъ, что въ ней можно хорошо различать отдѣльные листья деревьевъ, частію еще сохранившіе зеленоватый оттѣнокъ, но на воздухѣ скоро чернѣющіе и получающіе торфяной или черноземный характеръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ листва была чрезвычайно чиста, въ другихъ же перемѣшана съ иловатою грязью; заполняя промежутки между деревьями, она была въ то же время скрѣплена небольшими, до фута длиною, или нѣсколько большими сваями, пріостренными съ одного или двухъ концовъ. Сваи стояли вертикально или подъ нѣкоторымъ угломъ къ горизонтальной плоскости, по которой располагались древесные стволы и находившаяся между ними листва. Деревья и листва лежали слоемъ до одного аршина толщиною, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ толщина была больше или же меньше аршина. Большая часть деревьевъ, входившихъ въ составъ постройки, являлась въ видѣ короткихъ обрубковъ, длиной около сажени; у многихъ обрубковъ концы казались полуобожженными, деревья же, лежавшіе въ самомъ низу постройки, были какъ бы вполнѣ обгорѣлыми; первоначально такой обгорѣлый видъ деревьевъ можно было легко приписать дѣйствію огня, но принимая въ соображеніе мѣстныя условія—изобиліе окиси желѣза, пропитывающей слой съ постройками, слѣдуетъ приписать какъ бы обожженный видъ деревъ естественному разложенію или медленному обугливанію послѣ того, какъ постройки были сдѣланы. Впрочемъ въ постройкахъ встрѣчается много деревьевъ вполнѣ сохранившихся. Къ числу такихъ относится дубъ, обуглившійся только снаружи, внутри же плотный и крѣпкій; это — то, что̀ называютъ здѣсь чернымъ дубомъ. Дубъ былъ деревомъ, преобладающимъ въ сооруженіяхъ, при чемъ встрѣ-

чались деревья до одного аршина въ діаметрѣ; въ листвѣ часто можно было различать его листья, нерѣдко попадались и его желуди. Затѣмъ слѣдовали въ постройкахъ обрубки изъ осины; находились въ листвѣ листья ивъ и березы; слѣдовательно, и эти деревья входили въ составъ строительнаго матеріала. У западнаго конца холмовъ постройки находились во всей ихъ ясности на протяженіи около пятидесяти сажень; деревья торчали здѣсь изъ береговаго обрыва; чтобъ обнаружить хотя частію видъ ихъ по направленію къ материку, мною были сдѣланы раскопки, изъ которыхъ я и вынесъ все вышесказанное. Далѣе, къ востоку, бревна появляются въ обрывѣ только мелкими группами, а не сплошными сооруженіями, какъ въ первомъ случаѣ; это, можетъ быть, потому, что водный бассейнъ, въ которомъ возводились сооруженія, былъ къ востоку отъ вышеописанной площади глубже; это послѣднее обстоятельство тѣмъ вѣроятнѣе, что самый слой почвы или темной глины, на которой и въ которой возводились сооруженія, къ востоку понижается или углубляется. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ никакихъ причинъ думать, чтобы бобровыхъ построекъ не было около срединной и восточной части холмовъ; очевидно, что если берегъ въ этихъ мѣстахъ еще болѣе подмоется, а рѣка приблизится къ холмамъ, то и постройки обнаружатся въ такой же ясности, какъ въ вышеописанномъ пунктѣ, такъ какъ около самыхъ холмовъ бассейнъ, служившій мѣстомъ для построекъ, былъ, очевидно, мелководнѣе, что̀ и требовалось для бобровъ. Такимъ образомъ, я считаю несомнѣннымъ, что масса деревьевъ, выступающихъ въ береговыхъ обрывахъ Оки около Плеханова бора, есть остатокъ бобровыхъ построекъ; въ этомъ — какъ я уже сказалъ — убѣдило меня сравненіе привезенныхъ отсюда образчиковъ съ таковыми же изъ современныхъ бобровыхъ сооруженій. Образчиками сооруженій изъ Плеханова бора служили небольшія сваи, заостренныя съ одного или двухъ концовъ; на заостренныхъ концахъ видны зарубины, которыя я первоначально призналъ за слѣдъ какого-либо грубаго, напримѣръ, каменнаго инструмента. Сваи, вынутыя изъ построекъ, скоро теряли свой первоначальный видъ; въ особенности, если онѣ были осиновыя, какъ это преимущественно и случается; такія сваи на воздухѣ трескаются вдоль и поперекъ, а часто и разламываются; въ самыхъ же постройкахъ, если онѣ

лежали полугоризонтально, слои бываютъ сплюснуты подъ тяжестью натасканнаго въ постройки матеріала. Привезя въ Петербургъ такія сваи и размочивъ ихъ, я снова могъ услѣдить на нихъ зарубины съ большею или меньшею ясностью, и эти-то зарубины, также какъ и самая форма и размѣры свай, оказались тожественными съ тѣми, которыя мы видимъ на постройкахъ, производимыхъ нынѣ бобрами. Зарубины идутъ обыкновенно на концахъ свай по двѣ въ рядъ: это—слѣды бобровыхъ рѣзцовъ. Что постройки не суть случайно нанесенныя водой деревья, а именно произведеніе искусства, хотя на сей разъ боброваго, доказательствомъ можетъ служить также и то, что въ нихъ не встрѣчается цѣлыхъ деревьевъ, а также деревьевъ, достигающихъ особенно огромной величины. Между тѣмъ въ здѣшнемъ же краѣ, но не въ бобровыхъ постройкахъ, встрѣчаются горные дубы, длиною около семи или восьми сажень; по крайней мѣрѣ одинъ такой дубъ я видѣлъ въ имѣніи князя Л. С. Голицына. Заключеніе, сдѣланное мною о бобровыхъ постройкахъ на основаніи наблюденій перваго года моего пребыванія въ имѣніи князя Л. С. Голицына, подтвердилось — какъ я уже сказалъ — вторичнымъ посѣщеніемъ этой мѣстности въ 1879 году: въ это время на сваяхъ, только что вынутыхъ изъ мѣста ихъ залеганія, я находилъ до такой же степени ясные слѣды бобровыхъ зубовъ, какъ это можно видѣть только на образчикахъ современныхъ бобровыхъ построекъ.

Разрѣшивъ вопросъ о деревянныхъ постройкахъ около Плеханова бора, я въ то же время на основаніи полученныхъ мною фактовъ пришелъ и къ тому еще заключенію, что постройки эти возводились на глазахъ человѣка, по близости отъ его жилья; на тѣхъ же водахъ, гдѣ обитали и работали бобры, плавалъ человѣкъ и ловилъ рыбу. Остается вопросъ о томъ, когда именно возводились постройки. Въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Географическаго Общества 14-го марта 1879 года, когда я имѣлъ случай указать на значительную древность бобровыхъ построекъ около Плеханова бора, мнѣ было сдѣлано возраженіе, что бобры водились въ средней Россіи даже въ XVII столѣтіи, и что, слѣдовательно, бобровыя постройки у Плеханова бора могутъ быть и новѣйшими. Въ отвѣтъ на это возраженіе скажу, что при выводѣ своего заключенія о

древности бобровыхъ построекъ въ данномъ мѣстѣ я принималъ во вниманіе историческія данныя и зналъ рядъ фактовъ о распространеніи бобра въ Россіи въ историческія времена изъ статьи Штукенберга [1]), а также имѣлъ въ виду выводъ объ исчезновеніи бобра на сѣверѣ Россіи, высказанный мною въ моихъ „Этнографическихъ наблюденіяхъ во время поѣздки на юго-востокъ Олонецкой губерніи" [2]). Поставленное мнѣ возраженіе я не могу признать существеннымъ по слѣдующимъ причинамъ: Нынѣшнее село Степаньково нѣсколько времени тому назадъ стояло у западнаго конца Плеханова бора, какъ разъ у того мѣста, гдѣ теперь обнаружены со всею ясностью бобровыя постройки. Еще на памяти нынѣшнихъ жителей этого села Ока имѣла главное русло около праваго берега, и сравнительно въ короткій промежутокъ времени она, подмывая правый берегъ, подвинулась къ прежнему селу болѣе чѣмъ на полверсты; малу по малу она оказалась у самаго села, которое съ приближеніемъ Оки начало подвергаться частымъ наводненіямъ во время разлива рѣки, а потому жители недавно и переселились дальше отъ нея почти на версту, на материкъ. Только съ приближеніемъ рѣки къ старому селу обнажились бобровыя постройки, мною описанныя; съ самаго же основанія села Степанькова онѣ были уже скрыты подъ толщею песковъ и глинъ. Притомъ, если бассейнъ, служившій мѣстопребываніемъ бобровъ, и существовалъ передъ глазами древнихъ обитателей этой мѣстности, то во всякомъ случаѣ бобры не могли бы возводить въ немъ свои относительно гигантскія сооруженія; это было бы не возможно, потому что имъ пришлось бы работать въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ села, рядомъ съ домашними собаками, со скотомъ, и наконецъ, какъ далеко пришлось бы имъ ходить за строительнымъ матеріаломъ, за обрубками громадныхъ дубовъ? Итакъ, къ допущенію возможности совмѣстнаго существованія бобра и земледѣльческаго (русскаго?) населенія, обладавшаго прирученными животными, не представляется никакихъ основаній; слѣдовательно, возведеніе бобровыхъ построекъ мы должны отнести къ до-историческимъ временамъ; если прійдется

[1]) *J. Ch. Stuckenberg*, Der Biber въ St.-Peterb. Zeitung 1852 г., № 109.
[2]) Зап. по Отд. Этногр., III, стр. 384—385.

допустить болѣе тѣсное отношеніе бобра къ человѣку, то не Русскаго, а инаго племени; прійдется допустить это сосуществованіе бобра съ человѣкомъ, стоявшимъ на гораздо болѣе низкой степени культурнаго развитія, чѣмъ древніе Русскіе люди.

Въ пользу послѣдняго вывода и говорятъ всѣ полученные мною данныя; песчаные холмы, разсѣянные въ долинѣ Оки, были нѣкогда также необходимы для бобра, какъ и для человѣка; во время весеннихъ разливовъ рѣки, длящихся болѣе или менѣе продолжительно, бобръ именно на холмахъ, не заливаемыхъ водою, долженъ былъ искать себѣ спасенія, такъ какъ онъ, хоть и водный обитатель, все-таки нуждается въ сушѣ. По этой же причинѣ онъ и сооруженія свои возводилъ только около холмовъ, не заливаемыхъ водою во время половодья; по крайней мѣрѣ я не только около Плеханова бора нашелъ слѣды его построекъ, но усматривалъ ихъ и у Львинаго кургана; наконецъ, явленіе это сдѣлалось для меня поразительнымъ, когда я нашелъ остатки этихъ построекъ у холмовъ Хрѣновскихъ, лежащихъ на лѣвомъ берегу Оки, противъ села Павлова. Впослѣдствіи я видѣлъ еще рядъ бревенъ, торчавшихъ въ берегахъ рѣчки Велетьмы около холмовъ Волосовскихъ. Многіе изъ этихъ бревенъ и древесныхъ стволовъ суть также, очевидно, остатки бобровыхъ построекъ. Но въ большинствѣ другихъ случаевъ мнѣ не удалось открыть никакихъ слѣдовъ построекъ, хотя въ имѣніи князя Л. С. Голицына я осмотрѣлъ берега Оки на обширныхъ протяженіяхъ. Такимъ образомъ бобръ, возводя свои сооруженія преимущественно около холмовъ, не заливаемыхъ водой во время разлива, былъ и охранителемъ этихъ холмовъ; его постройки служили плотинами, оберегавшими холмы отъ размыванія водою. Въ томъ, что бобровыя постройки служили именно это службу, можно убѣдиться и до сихъ поръ: при современномъ отступленіи Оки отъ праваго берега она легко разрушаетъ на лѣвомъ пески и нѣсколько труднѣе—глины; но слой глины съ постройками представляетъ для размыванія наиболѣе препятствій. Такъ у западнаго конца Плеханова бора, гдѣ постройки были наиболѣе обширны,—обмыты лежащія въ окрестностяхъ глины и смыты съ построекъ пески, а между тѣмъ самыя сооруженія бобровыя остались въ большинствѣ случаевъ цѣлыми; на обмытыхъ берегахъ они являются

мысами и полуостровами. Даже тотъ пластъ черной или дымчатой глины, гдѣ обыкновенно лежатъ постройки, скоро размывается, если онъ случайно не содержитъ ихъ въ себѣ, и такимъ образомъ подмытый при основаніи, обрушивается въ воду громадными глыбами; это обрушеніе часто случалось на моихъ глазахъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что бобръ былъ кореннымъ обитателемъ песчаныхъ холмовъ въ долинѣ Оки и окружающихъ ихъ водъ; своими постройками онъ оберегалъ эти холмы отъ размыванія. Въ то же время на этихъ холмахъ жилъ и человѣкъ, оставившій намъ, въ видѣ свидѣтельствъ о своемъ существованіи, массу каменныхъ орудій, на которыя выше было указано; для человѣка каменнаго періода бобръ былъ цѣненъ какъ охранитель холмовъ отъ разрушенія и какъ предметъ пищи; по всей вѣроятности, именно въ теченіе каменнаго вѣка было весьма тѣсное сосуществованіе, совмѣстное пребываніе ихъ на холмахъ. Въ пользу этого я также добылъ нѣкоторыя доказательства. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ бобровыя постройки развиты наиболѣе, именно около западной окраины Плеханова бора, мною найдены были въ нихъ, то-есть, между бревнами, листвой и сваями, человѣческія издѣлія. Первый предметъ — это колотушка, сдѣланная изъ дуба; она состоитъ изъ головки и черня; черень выстроганъ весьма гладко и вмѣстѣ съ головкой достигаетъ до 2 съ лишнимъ аршинъ. Колотушка напоминаетъ и современныя, употребляемыя при ловлѣ рыбы; такими колотушками, напримѣръ, въ Олонецкой губерніи хлопаютъ по водѣ, когда хотятъ, чтобы рыба шла въ неводъ, или чтобы не шла изъ него вонъ. Головка колотушки была на мѣстѣ залеганія покрыта корой, затѣмъ на воздухѣ растрескалась. Въ разрѣзѣ, по серединѣ черня, дубъ, составляющій колотушку, представляется чернымъ и весьма крѣпкимъ. Около того же мѣста я нашелъ деревянный обломокъ, верхняя часть котораго имѣла выемку, сдѣланную, очевидно, рукою человѣка и грубымъ орудіемъ; обломокъ этотъ есть часть столба, на которомъ, вѣроятно, должна была покоиться перекладина; этотъ столбъ долженъ былъ составлять нѣкогда часть человѣческой постройки; удивительно только, какъ обломокъ такого столба попалъ въ бобровыя сооруженія. Кромѣ слѣдовъ весьма грубаго инструмента на выемкѣ этого деревяннаго обломка, слѣдовъ, указывающихъ на то, что онъ обдѣланъ человѣкомъ, стоявшимъ на

довольно низкой степени культуры, нашлись еще весьма интересные факты, указывающіе на время возникновенія бобровыхъ построекъ. Во время моей отлучки въ Муромъ и Карачарово князь Л. С. Голицынъ, осматривая слой почвы съ бобровыми постройками, нашелъ здѣсь между прочимъ обломокъ горшка. Этотъ обломокъ, очевидно, принадлежитъ къ каменному періоду: онъ не обожженъ, имѣетъ ямки на внѣшней сторонѣ и представляетъ совершенно тотъ же характеръ, какъ масса горшечныхъ обломковъ, встрѣчающихся вмѣстѣ съ каменными орудіями въ Плехановомъ бору; въ то же время, отъ долговременнаго пребыванія въ слоѣ, заключающемъ въ себѣ бобровыя постройки, онъ покрылся довольно толстымъ налетомъ изъ окиси желѣза. Другой горшечный обломокъ былъ найденъ лично мною при раскопкѣ бобровыхъ сооруженій; онъ лежалъ уже въ верхнемъ слоѣ, не покрытъ окисью желѣза, но носитъ тотъ же характеръ посуды каменнаго періода. Остановлюсь на послѣднемъ фактѣ, касающемся бобровыхъ построекъ и содержащаго ихъ слоя: это именно рыболовная ловушка, лежавшая подъ толщею песку и глины, и на которую я указалъ выше. Ловушка состояла изъ ряда плоскихъ палокъ, длиною до 1½ аршина каждая; длина ихъ всѣхъ была одинакова, оба конца пріострены, палки были сосновыя и дрались отъ дерева, какъ лучины. Онѣ были расположены въ слою, содержавшемъ въ себѣ остатки бобровыхъ построекъ, въ видѣ полукруга, діаметръ котораго имѣлъ около 1½ аршина въ длину; палки стояли одна около другой, образуя сплошной заборъ; вверху и внизу онѣ были связаны поперечными перекладинами, такъ что, стоя въ водѣ, онѣ имѣли видъ корзинки. У нынѣ живущихъ здѣсь крестьянъ до сихъ поръ существуетъ подобная рыболовная ловушка, носящая названіе *котазы*. Она дѣлается только изъ болѣе широкихъ палокъ и образуетъ въ водѣ заборъ, въ общемъ напоминающій форму червоннаго туза. Въ томъ мѣстѣ, которое соотвѣтствуетъ острому, выдающемуся углу туза, оставляется узкій проходъ въ ловушку; этотъ проходъ бываетъ обращенъ противъ тока воды, и въ ловушку заходитъ рыба, идущая внизъ по теченію; ставится также эта ловушка при устьяхъ потоковъ, вытекающихъ изъ старицъ и озеръ. Можетъ быть, и ловушка до-историческихъ обитателей устраивалась подобнымъ же образомъ и употреблялась въ такихъ же случаяхъ. Я же

нашелъ ее уже на половину или болѣе обрушившеюся въ воду; палки, составлявшія ловушку, были покрыты сильнымъ желѣзистымъ налетомъ. Итакъ, мнѣ было очевидно при обзорѣ положенія ловушки, что она была поставлена, и въ нее попадалась рыба, а затѣмъ была забыта въ цѣломъ видѣ ея хозяиномъ. Водный бассейнъ, въ которомъ она находилась, отлагалъ грязную, вязкую, чернаго цвѣта глину, покрывъ всю ловушку слоемъ болѣе чѣмъ на полтора аршина толщиной. Затѣмъ бассейнъ исчезъ, высохъ, мѣсто расположенія ловушки начало заливаться водой только весною, во время половодья, отчего произошелъ сперва толстый слой сѣрой глины, а потомъ и толща песку въ размѣрахъ, уже указанныхъ выше. Отложенія глины происходили правильно, изъ году въ годъ, и только песокъ могъ отложиться не такъ равномѣрно; во всякомъ случаѣ для того, чтобы замыть ловушку, покрыть ее толщами глины и песку, нужно допустить громадный промежутокъ времени, уходящій далеко за предѣлы историческаго періода. Однако я не сказалъ еще главнаго: внутри полукруга, образуемаго ловушкой, я нашелъ почернѣвшія кости рыбъ; то были кости рыбъ карповыхъ, въ родѣ леща и язя, также кости окуня, ерша и щуки. Слѣдовательно, ловушка была оставлена въ цѣлости, въ нее попались рыбы и уже не могли найдти изъ нея выхода,—таинственный же хозяинъ ея почему-то забылъ свое сооруженіе, не пришелъ взять попавшихся въ ловушку плѣнниковъ, и тѣмъ невольно оказалъ услугу современной наукѣ. Какъ остатки ловушки, такъ и кости погибшихъ въ ней рыбъ, я вырылъ въ присутствіи князя Л. С. Голицына, и все это хранится теперь въ антропологическомъ музеѣ Академіи Наукъ. Любопытно еще и то обстоятельство, что ловушки, подобныя вышеописанной, возводились во многихъ другихъ мѣстахъ, и именно—одновременно съ тою эпохой, когда бобры занимались ихъ постройками. Такъ въ бобровыхъ постройкахъ около Хрѣновскихъ холмовъ, противъ села Павлова, я находилъ обломки такихъ же палокъ, совершенно одинаковыхъ размѣровъ, обдѣланныхъ тѣмъ же способомъ, какъ это видно на палкахъ, составлявшихъ вышеописанную рыболовную ловушку около Плеханова бора.

Такимъ образомъ, на основаніи всего сказаннаго, приходится съ наибольшею вѣроятностью остановиться на предположеніи, что

бобры строили свои сооруженія одновременно съ человѣкомъ, жившимъ на холмахъ Плеханова бора, дѣлавшимъ каменныя орудія, и вѣроятно, какъ бобръ, такъ и человѣкъ, спасались на этихъ холмахъ во время рѣчныхъ разливовъ: то же самое теперь дѣлаютъ зайцы и водяныя полевки; однимъ словомъ, существуетъ большое вѣроятіе предполагать, что бобръ, какъ умное животное, какъ искуснѣйшій въ своемъ родѣ архитекторъ и какъ охранитель холмовъ отъ размывовъ, пользовался покровительствомъ человѣка. Человѣкъ каменнаго періода жилъ въ дружбѣ съ бобромъ, имѣлъ въ немъ какъ бы домашнее животное. Такое предположеніе встрѣчало уже, и конечно, встрѣтитъ еще многихъ противниковъ; однакоже меня привелъ къ нему весь запасъ, хотя можетъ быть—и ограниченный, собранныхъ мною лично данныхъ. Наконецъ, я прибѣгну къ обычному методу—сравнительному: укажу на Американскихъ Индѣйцевъ, еще нынѣ живущихъ. Въ ихъ бытѣ не разъ уже усматривали множество чертъ, общихъ съ многими вымершими дикими племенами. И на этотъ разъ мы найдемъ у нихъ явленіе, подкрѣпляющее вѣроятность сдѣланнаго мною вывода касательно отношеній человѣка каменнаго вѣка и бобра въ долинѣ Оки. У Брэма читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Бобры, пойманные въ молодости, очень легко приручаются. У путешественниковъ, ѣздившихъ по Америкѣ, читаемъ много разказовъ о бобрахъ, которыхъ они встрѣчали въ индѣйскихъ деревняхъ, почти какъ домашнихъ животныхъ, или которыхъ приручили сами. „Я не видѣлъ ничего въ этихъ деревняхъ“ говоритъ Ла-Гонтанъ,—„замѣчательнѣе бобровъ, ручныхъ не менѣе собаки и спокойно живущихъ въ ручьяхъ или въ садкахъ. Они иногда по цѣлому году не ходятъ въ воду, хотя и не принадлежатъ къ собственно такъ-называемымъ земнымъ бобрамъ, которые ходятъ къ ручью только пить, и по мнѣнію дикихъ, изгоняются другими бобрами за лѣность“. Гирне видѣлъ много бобровъ до того ручныхъ, что они приходили на его зовъ, бѣгали за нимъ какъ собаки и радовались, когда онъ ихъ ласкалъ. По видимому, имъ очень хорошо въ обществѣ индѣйскихъ женщинъ и дѣтей. Они даже выказываютъ безпокойство, когда долго не видятъ своихъ хозяевъ; радуются ихъ возвращенію, прыгаютъ имъ на грудь, ложатся на спину, ёжатся, словомъ—повторяютъ всѣ тѣ жесты, которыми собака выражаетъ свою радость при возвращеніи хозяина.

Въ комнатѣ бобры держутъ себя чистоплотно и всегда ходятъ испражняться лѣтомъ въ саду, а зимою на ледъ. Они ѣдятъ то же, что и люди, между прочимъ очень охотно рисовый пуддингъ съ изюмомъ, рыбу и мясо, хотя эта пища столько же несвойственна имъ, сколько лошадямъ и коровамъ, которыхъ на крайнемъ сѣверѣ Америки и Европы кормятъ даже рыбьими головками и другими подобными веществами. Клейнъ тоже приручилъ себѣ бобра, который слѣдовалъ за нимъ какъ собака и искалъ его, когда онъ уходилъ. У Бюффона былъ канадскій бобръ, прожившій у него нѣсколько лѣтъ, и въ первое время всегда на сушѣ; хотя бобръ Бюффона не выказывалъ привязанности ни къ кому, но былъ вообще кротокъ и дозволялъ брать и носить себя, за столомъ жалобнымъ пискомъ и движеніемъ лапы просилъ подачки, и если ему что-нибудь давали, то уносилъ и ѣлъ гдѣ-нибудь въ углу. Принцъ Максъ фонъ-Видъ нашелъ русскаго бобра въ фортѣ Уніоѣ. Бобръ этотъ былъ длиною фута въ четыре, съ двухгодовалую свинью, но слѣпъ. Онъ бѣгалъ по всему дому и былъ весьма довѣрчивъ къ знакомымъ людямъ, незнакомыхъ же пытался укусить" [1]).

Изъ этой цитаты явствуетъ, что бобръ имѣетъ всѣ способности къ тому, чтобы быть животнымъ прирученнымъ, другомъ и спутникомъ человѣка; вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что этою способностью бобра воспользовались первобытные обитатели Америки въ такой степени, что домашніе бобры въ деревняхъ Краснокожихъ Индѣйцевъ составляютъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій, поражающихъ наблюдателей. Вообще, первобытные народы и до сихъ поръ обнаруживаютъ стремленіе приручать, одомашнивать даже такихъ животныхъ, какъ хищники, если только они являются сколько-нибудь полезными; я хорошо убѣдился въ этой наклонности первобытныхъ жителей на Остякахъ, воспитывающихъ дома молодыхъ песцовъ, лисицъ и даже соболей. У тѣхъ же Остяковъ существуютъ обычаи, покровительствующіе размноженію полезныхъ животныхъ—въ виду той же личной выгоды: это—охота на лося, преимущественно только по насту въ извѣстныхъ опредѣленныхъ родовыхъ угодьяхъ, а также промыселъ на соболя осенью и раннею весной, но не лѣтомъ. Обычаи эти складываются естественно, подъ вліяніемъ характера

[1]) *Бремъ*, Иллюстрированная жизнь животныхъ, II, 170.

природы. Именно эти-то естественныя условія и могли вызывать покровительство бобру среди первобытныхъ жителей долины Оки: разливъ рѣки естественно сближалъ умнѣйшаго изъ грызуновъ съ человѣкомъ. Островитяне долины Оки стояли уже на высшей степени культурнаго развитія, возможнаго въ каменный періодъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ нѣкторыя ихъ издѣлія. Направляясь къ Волосову и Мурому, я укажу здѣсь на двѣ стрѣлы, найденныя мною на Хрѣновскихъ холмахъ; эти наконечники, изображенные на т. VII, фф. 1 и 2, сдѣланы изъ прозрачнаго бѣлаго съ розоватыми прожилками кремня; они представляютъ верхъ изящества по формѣ и отдѣлкѣ.

2.

Окрестности Волòсова.

Мой пріѣздъ въ Карачарово и первыя экскурсіи.—Вѣроятное происхожденіе песчаныхъ холмовъ, служившихъ мѣстопребываніемъ жителямъ каменнаго вѣка около Мурома.—Вѣроятная одновременность происхожденія этихъ холмовъ съ Плехановымъ боромъ.—Волосово какъ пунктъ самый богатый остатками каменнаго вѣка.—Могилы каменнаго вѣка. — Человѣкъ на основаніи его череповъ, вырытыхъ изъ могилъ.—Шлифованныя орудія изъ камня. — Копья и стрѣлы. — Скребки, шилья и пилы.—Костяныя орудія и глиняная посуда. — Костяныя орудія, характеризующія нравственную сторону жителей каменнаго вѣка.—Растительность и животныя, окружавшія человѣка каменнаго періода позднѣйшей эпохи.

Волòсово—небольшая крестьянская деревенька, расположенная въ долинѣ Оки; быть можетъ, она получила свое названіе отъ того, что въ древности служила мѣстомъ поклоненія славянскому божеству Волòсу. Село Карачарово не менѣе знаменито, какъ родина перваго и главнѣйшаго героя въ русскомъ народномъ эпосѣ, стараго богатыря Ильи Муромца. Оба поселенія находятся недалеко отъ города Мурома. 21-го іюня 1878 года я пріѣхалъ сюда и остановился въ усадьбѣ графа А. С. Уварова, въ палатахъ роскошнѣйшаго зданія, расположеннаго около села Карачарова. Я нашелъ здѣсь графа А. С. Уварова и его супругу, а также профессора В. Б. Антоновича, въ полной дѣятельности; они ежедневно производили археологическія раскопки, какъ около Карачарова, такъ и въ окрестностяхъ Волòсова. На другой же день послѣ моего пріѣзда экскурсіи и раскопки въ разныхъ мѣстахъ начали повторяться цѣлою

дружною компаніей, которая раздѣлялась только въ томъ случаѣ, если графъ А. С. Уваровъ съ его спутниками предпринималъ раскопки, касающіяся болѣе новыхъ временъ, чѣмъ каменный вѣкъ. Я же старался по преимуществу сосредоточить свое вниманіе на памятникахъ каменнаго періода и предпринималъ тогда экскурсіи въ свойственномъ мнѣ одиночествѣ. Въ усадьбѣ у высокоуважаемаго мною ея хозяина, вмѣстѣ съ самымъ радушнымъ гостепріимствомъ, я нашелъ уже богатыя коллекціи изъ Волосова и окрестностей Карачарова, частію только что собранныя, частію же добытыя болѣе чѣмъ годъ тому назадъ и уже совершившія путешествіе на археологическій съѣздъ въ Казани. Въ коллекціи графа А. С. Уварова я нашелъ предметы, начиная съ принадлежностей быта жившаго здѣсь нѣкогда финнскаго народца Муромы и проходя позднѣйшій неолитическій періодъ каменнаго вѣка до предметовъ глубочайшей древности, эпохи мамонта. И можетъ быть, прежде чѣмъ настоящій отчетъ будетъ готовъ и появится въ печати, темная до сихъ поръ до-историческая эпоха существованія человѣка въ здѣшнемъ краѣ будетъ освѣщена надлежащимъ свѣтомъ, благодаря трудамъ графа А. С. Уварова. Я пріѣхалъ въ Карачарово, какъ гость, приглашенный посмотрѣть уже на распаханную ниву; тѣмъ не менѣе, я считаю необходимымъ, въ связи съ предшествующими и послѣдующими наблюденіями, коснуться здѣсь тѣхъ явленій по изслѣдованію до-историческаго быта, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, и на основаніи тѣхъ матеріаловъ, которые находятся въ настоящее время въ моихъ рукахъ.

Долина Оки въ окрестностяхъ Мурома представляетъ также значительное расширеніе; только форма береговъ является здѣсь въ обратномъ видѣ сравнительно съ тѣмъ, что я замѣтилъ уже около Львинаго кургана и Плеханова бора. Вмѣсто праваго берега, около Мурома возвышенъ лѣвый; на немъ расположенъ и самый городъ, также какъ нѣсколько южнѣе село Карачарово. Напротивъ того правый берегъ здѣсь луговой, низменный и большею частью заливной. Но и здѣсь, среди заливной равнины, существуютъ песчаные холмы, являющіеся островами во время половодья, разлива Оки. Нѣкоторые изъ этихъ холмовъ донынѣ служатъ мѣстомъ жительства для человѣка; на нихъ до сихъ поръ живетъ населеніе, настроившее большей или меньшей величины

деревеньки. На тѣхъ же холмахъ находятся и слѣды пребыванія древнихъ, до-историческихъ обитателей, людей каменнаго вѣка. Впрочемъ, прежде чѣмъ остановиться на этихъ поселеніяхъ, я долженъ сказать, что Ока, пройдя Муромъ, оставляетъ лѣвый берегъ и поворачиваетъ на востокъ, затѣмъ снова идетъ на сѣверъ, и наконецъ, образуя рядъ петель и старицъ, направляется на сѣверо-востокъ. Такимъ образомъ мѣста поселенія, какъ древнѣйшихъ, такъ и современныхъ жителей, встрѣчаются и на лѣвомъ берегу Оки, въ заливной равнинѣ. Вообще, около Мурома мы имѣемъ такую же котловину, какъ и около Львинаго кургана и Плеханова бора. Можно было бы даже сказать, что это расширенное пространство въ долинѣ Оки есть остатокъ древняго, озернаго бассейна, а песчаные холмы, служившіе мѣстопребываніемъ первобытному человѣку, суть дюнныя образованія этого теперь исчезнувшаго водоема. Однако я считаю необходимымъ принять во вниманіе и дѣятельность рѣкъ, впадающихъ въ Оку, и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея долина изобилуетъ старицами, изгибами и наконецъ песчаными холмами. Такія рѣки, входя въ долину Оки, должны значительно измѣнять или даже расширять ее; въ мѣстахъ впаденія рѣкъ въ Оку, нужно ожидать у нихъ нѣчто въ родѣ дельты, которая должна обозначиться въ изобиліи старицъ, протоковъ и небольшихъ озеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь именно и нужно ожидать озерно-рѣчныхъ образованій, въ родѣ тѣхъ, которыя какъ прежде, такъ и нынѣ, послужили мѣстомъ жилья для человѣка. Подобную картину мы видимъ дѣйствительно около Мурома; здѣсь почти прямо съ востока, подъ прямымъ угломъ къ долинѣ, справа напираютъ на Оку двѣ рѣки: первая—Велетьма, не особенно значительная, вторая рѣка, болѣе многоводная—Тёша. Вліяніе этихъ притоковъ на долину Оки должно быть въ особенности замѣтно во время разлива или половодья; въ этотъ періодъ времени вода, заполняющая Окскую долину, должна оказывать сопротивленіе водамъ, приносимымъ названными притоками Оки; она будетъ нажимать приточныя воды къ материку, а въ силу этого притоки Тёша и Велетьма будутъ болѣе или менѣе значительно подмывать материковый берегъ и расширять долины свои при устьяхъ. Въ свою очередь воды, приносимыя Тёшей и Велетьмой, должны напирать и оказывать давленіе на воды, заполняющія долину Оки, и этотъ-то напоръ бу-

детъ, конечно, прежде всего отражаться на лѣвомъ берегу Оки. Затѣмъ, побочные притоки будутъ прижимать главную рѣку къ лѣвому берегу еще и потому, что они наносятъ къ своимъ устьямъ пески и глины. Такимъ именно мѣстнымъ вліяніемъ проточныхъ водъ можно объяснить, почему Ока, около Мурома, держится лѣваго берега, и почему этотъ послѣдній является здѣсь возвышеннымъ, а правый низменнымъ, тогда какъ самая Ока и большая часть другихъ рѣкъ представляютъ въ своихъ берегахъ явленіе обратное. Но нѣсколько сѣвернѣе Мурома долина Оки получаетъ нормальный видъ, въ особенности съ того мѣста, гдѣ она принимаетъ слѣва рѣку Ушну. Ушна течетъ съ сѣверо-запада и при впаденіи въ главную рѣку, конечно, должна напирать ея воды вправо. При впаденіи Ушны Ока образуетъ въ своей долинѣ рядъ петель, протоковъ и старицъ, затѣмъ немного ниже устья послѣдняго притока подходитъ къ правому, нагорному берегу, и оставляя лѣвый низменнымъ, изчезаетъ на сѣверо-востокъ. Вообще, вліяніе притоковъ на видъ долинъ главныхъ рѣкъ, въ мѣстахъ впаденія этихъ притоковъ, всегда должно было выражаться съ большею или меньшею ясностью; весьма вѣроятно, что съ этимъ именно вліяніемъ связано происхожденіе низменностей, часто сырыхъ и болотистыхъ, лежащихъ къ западу отъ Нижняго Новгорода, между Волгой и лѣвымъ берегомъ Оки.

Итакъ, происхожденіе холмовъ, служившихъ мѣстомъ жительства для людей каменнаго вѣка въ долинѣ Оки въ окрестностяхъ Мурома, почти то же самое, что̀ и холмовъ Плеханова бора и Львинаго кургана, съ тою только разницей, что въ образованіи холмовъ около Мурома участвовали, вѣроятно, не столько стоячія озерныя воды, сколько рѣчныя. Весьма также вѣроятно, что происхожденіе холмовъ той и другой мѣстности—болѣе или менѣе одновременно. Очевидно наконецъ и то, что холмы, не заливаемые водою въ долинѣ Оки, въ разныхъ частяхъ теченія рѣки были обитаемы человѣкомъ въ одинъ и тотъ же періодъ времени, болѣе или менѣе отъ насъ отдаленный: во время каменнаго вѣка долина Оки, можно сказать, была населена довольно густо, и самыя поселенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ были весьма значительны. Какъ и въ имѣніи князя Л. С. Голицына, въ окрестностяхъ Мурома существовало нѣсколько мѣстностей, служившихъ мѣстомъ

обитанія первобытнымъ людямъ. На нѣкоторыхъ мѣстахъ человѣкъ пребывалъ, вѣроятно, временно; таковъ, напримѣръ, небольшой холмъ, лежащій между Волосовымъ и Муромомъ по правому берегу Оки; нѣсколько такихъ же холмовъ находится и къ сѣверу отъ Мурома по лѣвому берегу Оки; нѣкоторые изъ нихъ нынѣ полуразрушены; на такихъ холмахъ намъ приходилось всегда находить остатки каменнаго вѣка, по крайней мѣрѣ въ видѣ кремневыхъ обломковъ и остатковъ глиняной посуды; упомяну еще о Маломъ Окуловѣ.

Безспорно однакоже то, что Волосово есть самый интересный и богатый остатками слѣдовъ до-историческаго человѣка пунктъ въ окрестностяхъ Мурома. Это зависитъ отъ того, что холмы, на которыхъ расположено село, раскинуты на довольно обширномъ пространствѣ. На одной изъ окраинъ, южной, расположено Волосово, на другой, верстахъ въ двухъ, на сѣверной, лежитъ деревенька Угольнова. Довольно плоскіе холмы покрыты по большей части сосновымъ лѣсомъ, который, къ сожалѣнію, въ послѣднее время безпощадно вырубается. Иногда пологія ложбинки между холмами заполнены небольшими озерками. До-историческій человѣкъ жилъ нѣсколько сѣвернѣе Волосова, на западномъ краѣ холмовъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчка Велетьма приступаетъ къ нимъ, подмывая ихъ въ той или другой степени. Здѣсь именно были произведены раскопки, какъ лично нами, такъ и мѣстными жителями, которые, узнавъ цѣну каменнымъ орудіямъ, пустились конкуррировать съ археологами. Но мѣстные жители пользуются въ особенности тѣмъ случаемъ сбора орудій, когда эти послѣднія обнаруживаются весной, послѣ разрушенія части холмовъ вслѣдствіе размывовъ. Вообще говоря, внѣшность Волосовскихъ холмовъ не подвергалась такимъ измѣненіямъ, какъ Плехановъ боръ; пески, составляющіе основную составную часть холмовъ, не переносились вѣтрами; разрушеніе холмовъ началось только въ недавнее время, съ наступившею вырубкой лѣса. Поверхность холмовъ покрыта растительнымъ слоемъ, толщина котораго въ низинахъ болѣе значительна, чѣмъ на вершинахъ холмовъ. Растительный слой имѣетъ наибольшую толщину въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ до-историческій человѣкъ; это послѣднее обстоятельство зависитъ, очевидно, и отъ того, что въ мѣстахъ поселенія жителей каменнаго вѣка собранъ всевозможный мусоръ—кости, угли, пепелъ; сюда снесенъ человѣ-

ческими руками разнообразный запасъ органическихъ остатковъ. Въ мѣстахъ древнихъ поселеній самая почва или растительный слой имѣетъ черный цвѣтъ и представляетъ характеръ тучнаго чернозема, между тѣмъ какъ въ мѣстахъ, не служившихъ для человѣческаго жилья, почва болѣе тощая, часто сѣроватая. Вообще тамъ, гдѣ человѣкъ жилъ въ древнія времена, почва пріобрѣла черный или темный цвѣтъ еще и потому, что съ исчезновеніемъ человѣка на ней произростала, вѣроятно, болѣе богатая травянистая растительность. Въ нормальномъ слоѣ почвы принадлежности каменнаго вѣка залегаютъ обыкновенно не на большой глубинѣ, такъ какъ самая толщина слоя измѣняется отъ одной до полутора четвертей аршина и много до двухъ. Почва на Волосовскихъ холмахъ по какимъ-то причинамъ болѣе благопріятствовала сохраненію различныхъ принадлежностей до-историческаго быта, чѣмъ, напримѣръ, почва на Плехановскихъ холмахъ,—это касается главнымъ образомъ костей и различныхъ издѣлій изъ нихъ. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь не только сохранились различной величины кости, но часто даже мельчайшія издѣлія. Считая однакоже слои почвы или растительнаго слоя, содержащіе въ себѣ остатки каменнаго вѣка на холмахъ Волосовскихъ, сравнительно съ таковыми же слоями холмовъ Плеханова бора, я полагаю, что обитатели, оставившіе въ почвѣ принадлежности своего быта, жили на этихъ холмахъ болѣе или менѣе одновременно. Поэтому и научный матеріалъ, добываемый изслѣдователями въ той и другой мѣстностяхъ, по отношенію къ возстановленію быта вымершихъ здѣсь народовъ, можетъ взаимно пополнять другъ друга. Волосовскіе холмы и должны быть въ особенности интересны по изобилію сохранившагося въ нихъ остеологическаго матеріала и костяныхъ издѣлій; эти остатки дорисовываютъ намъ ту картину природы, которая была тогда открыта предъ глазами человѣка; вмѣстѣ съ тѣмъ костяныя издѣлія показываютъ, что давно вымершіе обитатели долины Оки съ такимъ же совершенствомъ обдѣлывали кости различныхъ млекопитающихъ и рыбъ, какъ и различныхъ видовъ камни, отъ кремня и сланца до песчаника. Вообще же, по изобилію остатковъ человѣческой дѣятельности въ почвѣ Волосовскихъ холмовъ, видно, что человѣкъ жилъ здѣсь весьма продолжительное время; здѣсь онъ изготовлялъ принадлежности своего быта, здѣсь, напри-

мѣръ, обивалъ кремневыя орудія, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные кремневые осколки; здѣсь, очевидно, варилъ пріобрѣтенную имъ съѣдомую добычу, что̀ ясно по массѣ горшечныхъ обломковъ. Всѣ эти и имъ подобные памятники его пребыванія здѣсь разсѣяны въ почвѣ, начиная съ глубины нѣсколькихъ вершковъ до самыхъ нижнихъ ея предѣловъ. Но мало того, мы встрѣчаемся здѣсь съ однимъ обстоятельствомъ, еще болѣе поразительнымъ по двойному его интересу. Мы убѣждаемся, что человѣкъ не только пребывалъ весьма продолжительное время въ томъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ массу памятниковъ своей жизни, но что здѣсь же послѣ своихъ, можетъ быть—весьма тяжелыхъ трудовъ онъ и кончалъ свое существованіе, какъ это свойственно всякому смертному созданію. По археологическимъ даннымъ мы видимъ, что покойниковъ тогда хоронили, и притомъ какъ разъ около того мѣста, гдѣ, по видимому, сосредоточивалась самая дѣятельная жизнь людей, остававшихся въ живыхъ.

Въ томъ самомъ мѣстѣ на западной сторонѣ Воло́совскихъ холмовъ, гдѣ находятся остатки каменнаго вѣка въ наибольшемъ изобиліи, и гдѣ рѣка Велетьма подмываетъ холмы во время разлива, крестьяне нерѣдко послѣ спада водъ видали человѣческіе черепа. Черепа, очевидно, вымывались изъ холмовъ, образовавшихъ въ пунктахъ, подверженныхъ размыву, болѣе или менѣе значительные обрывы. Въ мѣстахъ, ближайшихъ къ селу Воло́сову, холмы наиболѣе возвышены; поэтому здѣсь и обрывы столько же высоки, сколько круты; далѣе на сѣверъ, внизъ по теченію Велетьмы, холмы, а вмѣстѣ съ ними и обрывы, понижаются; и здѣсь-то именно и сосредоточены всѣ археологическія богатства. Еще ранѣе моего пріѣзда графъ А. С. Уваровъ уже производилъ здѣсь раскопки, давшія весьма поучительные результаты; но въ настоящемъ очеркѣ я коснусь только того, что̀ произошло на моихъ глазахъ. Именно тамъ, гдѣ крестьяне замѣчали нерѣдко вымытые черепа людей послѣ разлива рѣкъ, было усмотрѣно измѣненіе въ толщинѣ растительнаго слоя, содержащаго въ себѣ каменныя орудія. Противъ обыкновенія слой черной земли уходилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ глубину въ формѣ конуса, основаніе котораго находилось на поверхности почвы, а въ глубинѣ лежала его нѣсколько притупленная вершина. Высота подобнаго конуса доходила приблизительно до $1^1/_2$ -

2 аршинъ; его діаметръ у поверхности почвы или основанія достигалъ $1\frac{1}{2}$ аршина, а около вершины этотъ діаметръ не уходилъ болѣе какъ за $\frac{3}{4}$ или за одинъ аршинъ протяженія. Имѣя въ виду въ данныхъ случаяхъ уклоненіе распредѣленія черной земли на поверхности холмовъ отъ нормы и принимая во вниманіе то, что она въ нѣкоторыхъ случаяхъ уходила въ глубину коническими гнѣздами, неизбѣжно приходилось допустить, что въ мѣстахъ съ наиболѣе утолщеннымъ слоемъ черной земли были сдѣланы первоначально искуственныя ямы, болѣе широкія въ высотѣ и узкія въ глубинѣ. Рядъ раскопокъ показалъ, что дѣйствительно, въ наносахъ, составляющихъ холмы, были сдѣланы первоначально ямы рукой человѣка, и что затѣмъ тотъ же человѣкъ засыпалъ эти ямы, сравнялъ ихъ съ поверхностью холмовъ, не обозначивъ никакимъ знакомъ, ни насыпью, ни грудой камней того, что́ онъ оставилъ въ глубинѣ земли. Изъ раскопокъ сдѣлалось очевиднымъ, что человѣкъ именно каменнаго вѣка, а не какого-либо другаго, оставилъ въ вырытыхъ имъ, а затѣмъ засыпанныхъ ямахъ слѣды своихъ ощущеній, обычаевъ, обстановки: здѣсь онъ хоронилъ покойниковъ; онъ отправлялъ умершихъ въ вѣчность съ тѣми же чувствами, которыя знакомы и современнымъ обитателямъ земнаго шара различныхъ племенъ и самыхъ разнообразныхъ степеней культурнаго развитія, начиная отъ дикарей до представителей всѣхъ высокоцивилизованныхъ расъ. Вмѣстѣ съ чувствомъ скорби, человѣкъ каменнаго вѣка зарывалъ въ землю съ покойникомъ все лучшее его достояніе; поступая такимъ образомъ, онъ, какъ и современные люди, готовилъ научную пищу для кропотливыхъ археологовъ. Правда, небогатъ былъ доисторическій обитатель Окской долины. Почва, заполняющая могилу, составляетъ какъ бы продолженіе растительнаго слоя въ глубину; въ ней содержатся кремневые обломки, глиняные черепки, разбитыя кости и угли. Все богатство сосредоточено обыкновенно на днѣ могилы; оно состояло изъ болѣе или менѣе цѣлаго человѣческаго черепа, около котораго находились остатки глинянаго горшка и притомъ непосредственно лучшій экземпляръ кремневой стрѣлы или копья. Вообще, разсматривая могилы, легко можно было прійдти къ тому заключенію, что покойники до-историческихъ обитателей сжигались, хотя невполнѣ сохранялась преимущественно голова умершаго, которая и оставля-

лась на днѣ могилы; самое сожиганіе происходило, вѣроятно, надъ могилою, такъ какъ, судя по формѣ этой послѣдней, цѣлый человѣческій трупъ не могъ помѣститься цѣликомъ на днѣ ея. Случалось, вѣроятно, и такъ, что сгоралъ цѣлый трупъ съ головой, и тогда, можетъ быть, только прахъ покойнаго оставался на днѣ могилы. По крайней мѣрѣ встрѣчались могилы безъ всякихъ костей человѣческаго скелета; были и такія, въ которыхъ находились только части черепа, напримѣръ, нижнія челюсти или лобныя кости. Оставивъ на днѣ могилы прахъ или какіе бы то ни было остатки тѣла умершаго, въ особенности болѣе или менѣе цѣлый черепъ, положивъ туда глиняную посудину, можетъ быть, съ какимъ-нибудь яствомъ и лучшее орудіе умершаго, жители каменнаго вѣка зарывали могилу землей, частію ранѣе вырытою, частію взятою съ поверхности. Какъ сожженіе покойника, такъ и засыпаніе могилы землей сопровождалось, вѣроятно, пиромъ или тризной; можетъ быть, лучшая добыча сносилась къ могиламъ и съѣдалась людьми въ память умершаго. Добыча состояла преимущественно изъ звѣрей, которыхъ мясо шло въ пищу, кости же, между которыми трубчатыя разбиты, бросались или непосредственно въ могилу, или же попадали туда вмѣстѣ съ лежавшею около нея землей. Похоронныя почести отдавались въ одинаковой степени какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ: по крайней мѣрѣ между остатками мужскихъ череповъ найденъ въ одной изъ могилъ обломокъ, очевидно, принадлежащій женщинѣ. Когда всѣ обряды кончались, могила вся засыпалась землей и сравнивалась съ общею поверхностью окрестности. По этому отсутствію всякаго знака на могилахъ умершихъ, обитатели Волосовскихъ холмовъ вполнѣ сходствуютъ съ жителями каменнаго вѣка, оставившими слѣды своего пребыванія около села Фатьянова, въ Ярославской губерніи. Эти послѣдніе также хоронили умершихъ, но не сожигали труповъ, поэтому тамъ и встрѣчались черепа вмѣстѣ со скелетами; съ другой стороны, они, можетъ быть, и праздновали тризну, но уже тогда, когда могила была зарыта тою же свѣжею, только что вырытою землей; зарывая могилу, они не дѣлали надъ нею насыпи; по всѣмъ этимъ причинамъ, а въ особенности потому, что земля, которою засыпалась могила, не была перегорѣлою, въ ней не содержалось остатковъ пищи, напримѣръ, костей; могилы въ Фатьяновскомъ кладбищѣ не имѣютъ ни-

какихъ рѣзкихъ отличій въ разрѣзахъ отъ естественной почвы [1]). Итакъ, въ двухъ различныхъ пунктахъ Россіи жители каменнаго вѣка предавали покойниковъ, землѣ но при этомъ похоронные обряды ихъ были различны,—общее же въ этихъ обрядахъ то, что въ обоихъ случаяхъ люди не дѣлали насыпей.

Похоронные обряды, несомнѣнно существовавшіе у жителей каменнаго вѣка, обитавшихъ на Волосовскихъ холмахъ, указываютъ на то, что у нихъ уже были болѣе или менѣе развиты чувства личной и семейной привязанности, а также и на то, что они уже были знакомы съ нѣкоторою много или мало развитою формой общественной жизни. Благодаря именно этимъ обрядамъ, мы можемъ, хотя въ общихъ чертахъ, освѣтить образъ древнѣйшихъ Волосовскихъ жителей, точно также, какъ можемъ составить себѣ приблизительное понятіе о окружавшей ихъ тогда природѣ. При раскопкахъ около Волосова все относившееся непосредственно до человѣка, какъ-то: части его скелета, наиболѣе характерныя орудія, поступало въ распоряженіе графа А. С. Уварова; на мою же долю, какъ зоолога, выпадали всѣ кости различныхъ животныхъ, бывшихъ, очевидно, спутниками до-историческому человѣку. Прежде чѣмъ останавливаться на послѣднихъ, я приведу здѣсь данныя, касающіяся непосредственно самого человѣка. Изъ Волосовскаго кладбища были добыты: одинъ полный человѣческій черепъ, остатки двухъ другихъ и нѣсколько костей скелета; само собою разумѣется, что человѣческій черепъ былъ наиболѣе интереснымъ пріобрѣтеніемъ: въ немъ сосредоточивалась мысль до-историческаго обитателя, въ немъ заключалась кладовая для его знанія и изобрѣтательности; изъ него исходили нити, управлявшія рукою человѣка при выдѣлкѣ его домашнихъ принадлежностей, говоря относительно — уже довольно совершенныхъ, способныхъ играть свою роль во время промысловъ, при столкновеніяхъ съ врагомъ или съ товарищами и союзниками. Судя по найденному черепу, можно сказать, что житель каменнаго вѣка носилъ уже вполнѣ, по своей внѣшности, человѣческій образъ, хотя, можетъ быть, въ складѣ его внутренней,

[1]) См. мою статью о кладбищѣ каменнаго вѣка близь дер. Фатьяновой — въ Изв. Общ. люб. естествозн., антропол. и этногр., т. XXXV. Антропологич. выставка, I, стр. 119.

нравственной жизни было еще много грубаго, первобытнаго, какъ это встрѣчается между дикарями и до сихъ поръ. Черепъ жителя каменнаго вѣка Окской долины не имѣетъ никакихъ рѣзкихъ отличій отъ череповъ многихъ нынѣ живущихъ народовъ; онъ былъ переданъ графомъ А. С. Уваровымъ для ближайшаго изслѣдованія состоящему при Московскомъ университетѣ А. А. Тихомірову, который пришелъ къ тому заключенію, что названный черепъ „по большинству своихъ признаковъ стоитъ ближе къ черепамъ ближайшей къ намъ культуры, чѣмъ къ другимъ черепамъ каменнаго вѣка, взятымъ изъ другихъ мѣстъ". Сравнивая этотъ черепъ съ черепами каменнаго вѣка изъ западной Европы и изъ Россіи отъ курганнаго періода, изслѣдователь говоритъ: „Волосовскій черепъ всѣхъ ближе къ среднеголовому черепу изъ кургановъ Смоленской губерніи Юхновскаго уѣзда. Сходство это выражается какъ въ указателяхъ, такъ и въ значительномъ большинствѣ абсолютныхъ цифръ". Какъ ни малы вообще отличія череповъ каменнаго вѣка, даже если они относятся къ самому древнему его періоду, тѣмъ не менѣе Волосовскій черепъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ замѣтную разницу по сравненію съ черепами западно-европейскими, тогда какъ отъ курганнаго черепа онъ разнится только по формѣ носоваго отверстія [1]). Тотъ же черепъ изображенъ въ разныхъ видахъ фотографически А. П. Богдановымъ въ описаніи краніологическаго отдѣла бывшей въ 1879 году въ Москвѣ антропологической выставки. Не останавливаясь на довольно подробной характеристикѣ черепа, которая сдѣлана въ сопровождающемъ изображенія текстѣ и можетъ имѣть значеніе при сравненіи съ другими черепами, я приведу только слѣдующія слова уважаемаго автора: „Впрочемъ на выставкѣ, благодаря графу А. С. Уварову, находится черепъ, который можно отнести къ протоисторическимъ народамъ, населявшимъ Россію въ древнѣйшую эпоху каменнаго вѣка, можетъ быть—къ современникамъ исчезнувшаго мамонта и носорога. Такихъ протоисторическихъ племенъ теперь дознано нѣсколько въ западной Европѣ, и подъ этимъ именемъ слѣдуетъ подразумѣвать такія пле-

[1]) Изв. Имп. Общ. люб. естествозн., антропол. и этногр., т. XXXV. Антрополог. выставка, III, 5—6.

мена, кои жили въ столь отдаленную эпоху, что она вполнѣ по условіямъ своего быта была первобытною. О такихъ племенахъ исторія не подозрѣвала даже самаго ихъ существованія, и ихъ указала ей только современная антропологія" [1]). Въ общемъ я соглашаюсь съ идеей А. П. Богданова — назвать до-историческими по отношенію къ Россіи „такія курганныя племена", которыя „не оставили ничего послѣ себя въ исторіи, кромѣ вещественныхъ доказательствъ своего существованія въ могилахъ и только нѣкоторыя свои имена въ лѣтописяхъ". Считаю возможнымъ также допустить названіе протоисторическихъ для племенъ, существованія которыхъ исторія „не подозрѣвала", то-есть, для племенъ каменнаго вѣка. Волосовскій черепъ относится именно къ послѣднему, протоисторическому періоду; и при всемъ томъ, хотя у него въ особенности развиты лобные бугры и надбровныя дуги, а рѣзцы стерты, но нѣтъ зуба мудрости,—во всякомъ случаѣ онъ относится къ самому новому періоду каменнаго вѣка и чрезвычайно далекъ отъ эпохи мамонта.

Отсутствіе зуба мудрости въ найденномъ черепѣ есть, можетъ быть, только индивидуальная особенность, не распространявшаяся на все племя. Въ общей же сложности островитяне долины Оки, жившіе здѣсь въ каменный періодъ, должны были въ значительной степени проявить свою мудрость въ своихъ наклонностяхъ, промыслахъ и орудіяхъ. Мы уже видѣли нѣкоторые признаки совершенства въ выдѣлкѣ каменныхъ орудій у до-историческихъ обитателей Плеханова бора, Львинаго кургана и Хрѣновскихъ холмовъ около села Павлова. Волосовцы были, вѣроятно, современниками этихъ до-историческихъ жителей; вмѣстѣ съ тѣмъ они оставили намъ рядъ своихъ домашнихъ принадлежностей въ еще наибольшей полнотѣ. Само собою разумѣется, древніе обитатели Волосовскихъ холмовъ прекрасно умѣли точить и шлифовать камень, въ томъ числѣ и самый твердый кремень; слѣдовательно, очевидно, что они относятся къ вѣку сточенныхъ или шлифованныхъ инструментовъ или къ такъ-называемому неолитическому періоду. Кромѣ топориковъ изъ весьма твердаго кремня, въ собранной мною коллекціи

[1]) Изв. Общ. любит. естествозн., антропол. и этногр., т. XXXV. Антропол. выставка, III, ч. 2, стр. 3.

имѣется нѣсколько небольшихъ топориковъ изъ весьма твердаго кремня; они—обыкновенной клиновидной формы и имѣютъ прекрасно заточенное остріе. Топоры и тесла изъ твердаго кремня были, по видимому, распространены весьма сильно; въ моей коллекціи находится масса обломковъ отъ шлифованныхъ кремневыхъ орудій: это—преимущественно различныя части, большей или меньшей величины, острія. Очевидно, что на холмахъ орудія выдѣлывались и употреблялись въ работу. Если у орудія ломалась небольшая часть острія, то мастеръ подтачивалъ его; иногда же ломалось цѣлое остріе, и тогда древній Волосовецъ нерѣдко давалъ остаткамъ топора другое назначеніе, такъ какъ кремневый матеріалъ, вѣроятно, цѣнился дорого. Иногда изъ обломка топора, бывшаго первоначально сточеннымъ, дѣлался новый топорикъ, меньшей величины, и въ такомъ случаѣ остріе выдѣлывалось по способу околачиванія; обломки сточенныхъ топоровъ передѣлывались также въ скребки, въ шилья. Я нашелъ однажды часть острія отъ тесла изъ бѣловатаго, крѣпкаго кремня; тесло было, по видимому, значительной величины и по формѣ вполнѣ напоминало тесла же изъ Олонецкой губерніи; оно имѣло корытообразную выемку, что весьма ясно на найденномъ мною обломкѣ. Въ коллекціи мѣстнаго муромскаго жителя, г. Кудрявцева, я видѣлъ совершенно цѣлое тесло; оно было сдѣлано также изъ весьма крѣпкаго сѣроватаго кремня и имѣло не больше одного вершка въ длину; остріе было дугообразно, выемка же была отшлифована съ великимъ совершенствомъ. Небольшія тесла дѣлались также изъ кости; небольшое тесло, подобное вышеописанному кремневому, изображено на табл. VIII, фиг. 5; большая часть этого орудія обита, выемка и остріе отшлифованы. Вообще, кремень, какъ подѣлочный матеріалъ, во всѣхъ видахъ орудій, вмѣстѣ съ костью, игралъ главную роль, и нужно замѣтить, обработывался, въ особенности же шлифовался съ великимъ искусствомъ. Рѣже встрѣчаются въ подѣлкахъ другіе виды камней; къ числу таковыхъ относится, между прочимъ, глинистый сланецъ; изъ него сдѣланы двѣ принадлежности каменнаго вѣка, изображенныя на таб. VII, фиг. 11 и 12. Это—привѣски; онѣ имѣютъ видъ пластинокъ; первоначально это были просто обточенные водой камушки; на привѣскѣ, фиг. 11, съ одной стороны бока нѣсколько сточены, что видно на рисункѣ, и сдѣлано въ од-

номъ изъ концовъ отверстіе. На второй привѣскѣ, фиг. 12, участіе человѣка видно только въ выдѣлкѣ отверстій, на самой же пластинкѣ осталась ея естественная, сглаженная водой поверхность; кромѣ того, одинъ край пластинки обломанъ, и видно, что не иначе, какъ самимъ человѣкомъ: когда пластинка попала въ руки человѣка, она была цѣльная; на одномъ изъ концовъ ея онъ сдѣлалъ отверстіе, но довольно большое и широкое; очевидно, при отправленіи своего назначенія, край пластинки обломился; но житель каменнаго вѣка все-таки дорожилъ оставшеюся частью, можетъ быть—потому, что матеріалъ былъ дорогъ, трудно добываемъ, а также вѣроятно, трудно было разстаться ему съ предметомъ, къ которому онъ привыкъ. Но разъ уже наученный опытомъ, что большое отверстіе дѣлать не безопасно для прочности самой пластинки, онъ сдѣлалъ пониже стараго отверстія новое, уже меньшей величины; остатокъ стараго и новое отверстіе видны на прилагаемомъ рисункѣ. Привѣски эти меньше по размѣрамъ, нежели найденныя мною въ Плехановомъ бору и изображенныя на таб. VI, фиг. 1 и 2, но въ общемъ онѣ сходны и служили, вѣроятно, для одной и той же цѣли.

Съ неменьшимъ совершенствомъ обдѣлывался и кремень путемъ околачиванія или обивки; этимъ способомъ обработки получались небольшіе топорики, въ родѣ олонецкихъ, изображенныхъ на т. I, фф. 1—3. Всѣ волосовскія орудія этого рода имѣютъ только меньшіе размѣры и сдѣланы почти исключительно изъ краснаго желѣзистаго кремня. Можетъ быть, въ числѣ ихъ были и такіе, которые представляли собою первую, грубую стадію обработки, и впослѣдствіи изъ нихъ могли быть выдѣлываемы наконечники копій и стрѣлъ. Такіе топорики однакоже могли быть употребляемы для ихъ непосредственной цѣли; они въ Волосовѣ многочисленны. Я остановлюсь, однакоже, прежде всего на самыхъ совершенныхъ орудіяхъ, къ числу которыхъ относятся наконечники копій и стрѣлъ. Эти наконечники измѣняются какъ по формѣ, такъ и по величинѣ. Наиболѣе значительный наконечникъ копья представленъ на т. VII, фиг. 3; бываютъ копья и гораздо бо̀льшихъ размѣровъ. У этого наконечника часть, вставлявшаяся въ древко, довольно ясно обозначена, хотя гораздо меньше, чѣмъ соотвѣтственные концы у наконечниковъ изъ Хрѣновскихъ холмовъ, фиг. 1

и 2 на той же таблицѣ. Но затѣмъ, въ наконечникахъ стрѣлъ изъ Волосова существуетъ цѣлый переходный рядъ отъ формы названнаго копья къ формѣ миндалевидной или ромбоидальной, напримѣръ, фиг. 7 и 8, т. VII; въ противоположность копью, наименьшую величину имѣетъ наконечникъ стрѣлы, представленный на фиг. 10. Что касается до искусства, съ которымъ обдѣланы орудія, то въ этомъ отношеніи замѣчательно прежде всего копье; къ обдѣлкѣ его приложено, видимо, наибольшее стараніе, такъ какъ копье считалось орудіемъ наиболѣе вѣрнымъ; форма наконечника правильная, спереди ланцетная, также частію и съ задняго конца; края его обиты весьма тщательно и довольно остры. Наибольшей ширинѣ наконечника, вѣроятно, соотвѣтствовала толщина древка, въ которое онъ вставлялся. Въ многочисленныхъ наконечникахъ стрѣлъ, находимыхъ около Волосова, замѣтны всѣ стадіи совершенства, съ которымъ они обдѣланы; весьма большое искусство можно уже замѣтить въ обдѣлкѣ наконечниковъ, изображенныхъ на таблицѣ VII, фф. 4, 8 и 10. Впослѣдствіи, при вторичномъ моемъ посѣщеніи Волосовскихъ холмовъ, въ мои руки попали экземпляры наконечниковъ, сдѣланные еще болѣе тонко; въ числѣ ихъ были, кромѣ миндалевидныхъ, ромбоидальныхъ и ланцетныхъ, и трехугольные. Однакоже не всѣ наконечники выдѣлывались здѣсь съ одинаковымъ стараніемъ; хотя древніе Волосовцы и умѣли придавать кремню самыя правильныя и совершенныя формы, однако между хорошо выдѣланными стрѣлами встрѣчаются и такія, которыя не имѣютъ правильнаго вида: онѣ угловаты, съ краями неровными, со слѣдами грубыхъ и торопливыхъ ударовъ; очевидно, не всегда была необходима совершенно правильная стрѣла, и въ обыденныхъ нуждахъ вполнѣ удовлетворяли человѣка стрѣлы съ наконечниками въ родѣ изображеннаго на т. VII, фиг. 9. Вообще видно, что житель каменнаго вѣка берегъ стрѣлу съ особенно хорошимъ наконечникомъ, несомнѣнно требовавшимъ при своей выдѣлкѣ большаго труда и вниманія, для случаевъ болѣе или менѣе важныхъ, торжественныхъ; хорошая стрѣла составляла цѣнное и неотъемлемое достояніе ея хозяина, и какъ мы видѣли, даже клалась съ нимъ въ могилу. Наконечники стрѣлъ. выдѣланные невполнѣ старательно, формы недостаточно правильной,—можетъ быть, это частію даже недодѣланные экземпляры—встрѣчаются около Волосова

также въ большомъ количествѣ. Однакоже, вмѣстѣ съ различными цѣлыми наконечниками копій и стрѣлъ, часто попадаются и обломки таковыхъ; по этимъ обломкамъ можно судить, что они принадлежали отличнѣйшимъ экземплярамъ. Какимъ образомъ экземпляры этихъ орудій подверглись такой участи, при домашнихъ ли мирныхъ занятіяхъ, или здѣсь въ бою много копій и стрѣлъ было поломано? Дѣйствительно, можетъ быть, здѣсь ломались самыя цѣнныя и прекрасныя орудія въ битвѣ, но во всякомъ случаѣ, это должно было быть исключеніемъ,—въ большинствѣ же случаевъ очевидно, что здѣсь текла мирная, труженическая жизнь человѣка. Здѣсь оставлены въ изобиліи доказательства этого болѣе мирнаго теченія жизни, доказательства тому, что человѣкъ на своемъ пепелищѣ, кромѣ производства самыхъ орудій, пилилъ, вѣроятно, деревья, вертѣлъ дыры въ деревѣ или въ камнѣ, скоблилъ эти деревья, выскребалъ и выдѣлывалъ звѣриныя шкуры.

Въ доказательство своего трудолюбія человѣкъ оставилъ намъ массу весьма своеобразныхъ кремневыхъ, орудій: это — скребки, шилья и даже пилы. Между различными кремневыми обломками скребки и шилья составляютъ преобладающія орудія. Скребки встрѣчаются самыхъ разнообразныхъ формъ; они бываютъ въ видѣ четыреугольника или же треугольника, наконецъ, иногда имѣютъ видъ, нѣсколько напоминающій букву *s*. Изъ огромнаго запаса осколковъ, который обыкновенно собираютъ современные Волосовцы послѣ половодья, въ большей части навѣрное можно признать болѣе или менѣе совершенный скребокъ, и опытный глазъ съ какой-либо стороны осколка неизбѣжно отличитъ слѣды человѣческой руки, приноровливавшей осколокъ къ какой-нибудь надобности и практической цѣли. Четыреугольные скребки часто приближаются по формѣ къ квадрату; одна сторона ихъ обыкновенно гладкая, другая—гранчатая, выпуклая и шероховатая; одинъ изъ краевъ бываетъ обитъ цѣлымъ рядомъ весьма правильныхъ и осторожныхъ ударовъ; послѣ этихъ ударовъ нижняя грань, лежащая на гладкой сторонѣ скребка, является весьма ровною и острою, могущею въ нѣкоторой степени дѣйствовать подобно рубанку. У скребковъ болѣе удлиненныхъ, не представляющихъ квадрата, рѣжущій или скребущій край дѣлается обыкновенно на продольной оси. Эти послѣдніе скребки совершенно подобны находимымъ въ разныхъ

частяхъ западной Европы и въ особенности еще до сихъ поръ существующимъ у Эскимосовъ [1]). Скребки, приближающіеся по своей формѣ къ треугольнымъ, имѣютъ обыкновенно съ трехъ сторонъ рѣжущіе края; точно также пріострены всѣ края съ нижней гладкой стороны у скребковъ, имѣющихъ форму буквы *s*. Шилья также весьма многочисленны, и ихъ нерѣдко можно смѣшать съ плохо сдѣланными наконечниками стрѣлъ; одинъ конецъ ихъ пріостренъ на подобіе того, какъ это видно на наконечникѣ стрѣлы на т. VII, фиг. 9; другой конецъ, болѣе или менѣе широкій, неправильный, безъ всякихъ слѣдовъ обдѣлки; этотъ конецъ держался въ рукѣ или вставлялся въ черенъ. Конецъ, противоположный плоскому, пріострялся рядомъ осторожныхъ ударовъ; онъ имѣетъ шиловидную форму и на самомъ концѣ довольно тонокъ; у многихъ экземплярахъ онъ превосходитъ въ нѣсколько разъ не обработанную часть орудія, у другихъ же онъ коротокъ, но пластинка довольно широка. Во всѣхъ случаяхъ, былъ ли шиловидный конецъ длиненъ или коротокъ, на самой его оконечности остались на нѣкоторыхъ экземплярахъ шильевъ слѣды употребленія, и именно въ этихъ случаяхъ на самой оконечности остраго конца находится отшлифованная площадка; въ такихъ случаяхъ шило употреблялось видимо для сверленія твердыхъ предметовъ, напримѣръ, камней въ родѣ вышеописанныхъ подвѣсокъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда шильями сверлили дерево и другіе относительно мягкіе предметы, на нихъ не замѣтно слѣдовъ употребленія. Наконецъ, у древнихъ Волосовцевъ, несомнѣнно, существовалъ еще одинъ родъ инструментовъ, сдѣланныхъ изъ кремня: то были пилы. Одна такая пила находится и въ моей коллекціи; это — четыреугольная кремневая пластинка, вершка до полутора длиной и до полувершка въ ширину; изъ всѣхъ четырехъ сторонъ ея только одна обращаетъ на себя вниманіе по своей правильности, именно—сторона продольная: она совершенно прямая, слегка зазубренная рядомъ самыхъ тщательныхъ ударовъ и въ общей сложности острая. Всѣ три остальныя стороны не носятъ на себѣ никакихъ слѣдовъ обивки; если пластинку взять въ руки такъ, чтобъ обдѣланная сторона оставалась свободною, и приложить ее къ дереву, то можно производить пилку

[1]) *Лёббокъ*, До-историческія времена, переводъ *Д. Анучина*, стр. 62—63.

довольно успѣшно и скоро. Находя вообще примѣненіе названной пластинки, какъ пилы, вполнѣ возможнымъ, я долженъ сказать, что она по формѣ совершенно отлична отъ пилъ, находимыхъ въ западной Европѣ—въ Швеціи, въ сѣверной Германіи и въ Даніи, гдѣ зазубренный край у пилъ былъ въ большей или меньшей степени дугообразно выгнутый, а противоположный ему край—выпуклый, или же оба края выпуклые [1]). Вообще пила между предметами, и весьма многочисленными, оставленными древними Волосовцами,—инструментъ рѣдкій; у нихъ, очевидно, не было придумано особой, болѣе или менѣе своеобразной формы пилы; найденная мною пила носитъ какъ бы случайный видъ, тогда какъ пила въ вышеназванныхъ странахъ западной Европы является всегда въ формѣ вполнѣ опредѣленной. Моя пила напоминаетъ нѣсколько найденныя г. Мережковскимъ въ крымскихъ пещерахъ, только зубцы ея мельче, вся пластинка шире и безъ слѣдовъ граней на бокахъ [2]).

Если до-историческіе обитатели Волосовскихъ холмовъ достигли замѣчательнаго совершенства въ обработкѣ камня, то тѣмъ болѣе искусства нужно ожидать отъ нихъ въ выдѣлкѣ костяныхъ издѣлій; дѣйствительно, факты убѣждаютъ насъ не только въ томъ, что у древнихъ Волосовцевъ существовали костяныя орудія, но и въ томъ, что ихъ костяныя орудія были столько же совершенны, сколько разнообразны. Это и не удивительно: человѣкъ въ древнѣйшій, палеолитическій періодъ, когда еще не умѣлъ не только шлифовать кремень, но и не могъ сдѣлать изъ него болѣе или менѣе совершенной стрѣлы или копья способомъ околачиванія,—выдѣлывалъ уже изъ кости прекрасныя орудія и даже украшалъ эти орудія изображеніями окружавшихъ его животныхъ; такія костяныя подѣлки вырыты изъ пещеръ Франціи. Ниже я укажу на тотъ длинный промежутокъ времени, который отдѣляетъ палеолитическаго человѣка отъ жителей каменнаго вѣка на Волосовскихъ холмахъ; вообще, древнимъ

[1]) См. *Nilsson,* Les habitants primitifs de la Scandinavie, т. V, фф. 88, 89, 90, гдѣ, впрочемъ, пилки названы ножиками; также *Montelius,* Antiquités suédoises, ф. 74.

[2]) См. Отчетъ о предварительныхъ изслѣдованіяхъ каменнаго вѣка въ Крыму, въ Изв. Имп. Р. Г. Общ. 1880 г., вып. II, стр. 135, т. III, фф. 6—8.

Bayerische Staatsbibliothek München

Волòсовцамъ было много времени не только сохранить, но даже усовершенствовать искусство древнѣйшихъ своихъ предшественниковъ обработывать кость. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы собрать все то, чтò было найдено до сихъ поръ на Волòсовскихъ холмахъ изъ костяныхъ издѣлій, мы получили бы прекрасныя доказательства тому, съ какимъ искусствомъ древніе Волòсовцы обработывали кость, давая издѣліямъ изъ нея самыя разнообразныя назначенія. На основаніи костяныхъ издѣлій можно судить прежде всего о томъ, что вымершіе обитатели Волòсовскихъ холмовъ были хорошіе рыбаки, такъ какъ располагали хорошими костяными рыболовными снарядами. Къ числу таковыхъ нужно прежде всего отнести гарпуны; самый лучшій волòсовскій гарпунъ, изъ видѣнныхъ мною, принадлежитъ Московскому публичному музею; онъ былъ найденъ на Волòсовскихъ холмахъ г. Добрынкинымъ, живущимъ въ Муромѣ и принесшимъ гарпунъ въ даръ музею. Гарпунъ этотъ имѣетъ зубы съ двухъ сторонъ, на концѣ острые и полуобращенные назадъ. Онъ принадлежитъ къ типу тѣхъ гарпуновъ, которые были находимы въ пещерахъ Франціи, а также въ Швеціи [1]). Затѣмъ нѣсколько гарпуновъ изъ Волòсова имѣется въ коллекціи графа А. С. Уварова. Видѣлъ я также экземпляръ гарпуна между орудіями, собранными въ Волòсовѣ г. Кудрявцевымъ; гарпунъ этотъ вполнѣ напомнилъ мнѣ подобнаго же рода орудія, найденныя на берегу озера Буртнекъ графомъ Сиверсомъ. Гарпуны могли быть употребляемы столько же на большихъ рыбъ, сколько и на живущихъ въ водѣ звѣрей, въ родѣ бобра. Но около Волòсова встрѣчаются орудія чисто рыболовныя: это—костяные крючки, служившіе при уженьи рыбы. Крючки были составные, то-есть, состояли изъ двухъ костей, которыя связывались при изгибѣ, совершенно въ томъ же родѣ, какъ это замѣтно на крючкахъ, еще въ наше время дѣлавшихся изъ дерева, напримѣръ, на островахъ Отаити [2]). На Отаити дѣлались и гарпуны изъ цѣльныхъ кусковъ раковинъ, а въ Скандинавіи, именно въ Сканіи, находились рыболовные крючки, выдѣланные изъ цѣльныхъ кусковъ кремня или же изъ

[1]) *Nilsson*, Les habitants primitifs de la Scandinavie, т. IV, ф. 72.
[2]) Тамъ же, т. II, ф. 27.

кости [1]). Крючекъ, сдѣланный изъ цѣльной же кости, былъ найденъ и на Волосовскихъ холмахъ; онъ изображенъ на т. VIII, фиг. 4, и находится теперь въ собранной мною коллекціи. Очевидно, древніе Волосовцы усердно ловили рыбу и не только ѣли ее, но даже умѣли дать весьма полезное приложеніе различнымъ рыбьимъ костямъ; именно изъ нихъ они дѣлали шилья и иглы. Въ особенности широкое примѣненіе имѣла кость, составляющая первый лучъ въ грудныхъ плавникахъ стерляди; она представлена на табл. VIII, фиг. 6; тонкій конецъ ея сточенъ, спиленъ или срѣзанъ съ боковъ, вообще искусственно заостренъ; эти стерляжьи кости, какъ обдѣланныя на концѣ, такъ и не обдѣланныя, встрѣчаются около Волосова весьма часто; онѣ въ обдѣланномъ видѣ, то-есть, съ искусственно заостреннымъ концомъ, употреблялись, вѣроятно, въ видѣ шильевъ, а можетъ быть, служили и въ видѣ иголокъ. Но главнымъ образомъ иголки замѣнялись мелкими рыбьими костями, напримѣръ, колючеперыхъ рыбъ; это по преимуществу кости, входящіе въ составъ лучей спиннаго плавника, напримѣръ, у ерша и окуня; на тонкомъ концѣ онѣ искусственно заострялись. Рыбьи кости шли, впрочемъ, только на мелкія подѣлки; болѣе же крупныя костяныя издѣлія выдѣлывались изъ костей млекопитающихъ. Одно изъ такихъ весьма часто встрѣчающихся въ Волосовѣ издѣлій представлено на т. VIII, фиг. 3; сдѣлано оно изъ медвѣжьей кости, одинъ конецъ его тщательно обточенъ и представляется весьма острымъ, какъ это видно на рисункѣ. Такое орудіе могло имѣть различныя назначенія: могло быть шиломъ, могло быть примѣняемо и какъ гарпунъ; въ моей коллекціи находится еще другое, подобное же орудіе, только оно заострено нѣсколько долотообразно. Вообще, издѣлія изъ кости достигаютъ въ древнихъ Волосовскихъ поселеніяхъ большаго разнообразія. Тутъ встрѣчаются обломки отъ долотообразныхъ костяныхъ орудій; есть и такія, которыя съ двухъ концовъ представляютъ два типа орудій, и которыя, слѣдовательно, предназначались въ одно и то же время для двухъ различныхъ цѣлей. Такъ, въ моей коллекціи существуетъ орудіе, которое съ одного конца представляетъ желобообразную выемку и вполнѣ напоминаетъ

[1]) *Nilsson*, т. II, фф. 26, 28 и 29.

по общему своему виду орудіе, изображенное на т. VIII, фиг. 5, и о которомъ я уже говорилъ выше; съ другаго же конца оно шиловидно, такъ что въ одно и то же время оно могло служить и тесломъ, и шиломъ. Кромѣ костяныхъ орудій, такъ сказать промысловыхъ, въ моей коллекціи находится еще одно, очевидно служившее при обыденныхъ домашнихъ занятіяхъ: оно изображено на табл. VIII, фиг. 8. Сначала опредѣлить его назначеніе довольно трудно: оно со всѣхъ сторонъ, а также и съ обоихъ концовъ, обточено, при чемъ концы его совершенно тупы, такъ что оно никакъ не могло быть ни рѣжущимъ, ни сверлящимъ инструментомъ; невзрачное на видъ, оно, вѣроятно, не могло служить и предметомъ украшенія. Остается допустить одно предположеніе, именно— что оно употреблялось при выдѣлкѣ горшковъ. Подобное предположеніе можетъ показаться на первый разъ страннымъ, но все дѣло въ слѣдующемъ: горшечная посуда у древнихъ Волосовцевъ была, вѣроятно, уже въ сильномъ употребленіи, такъ какъ повсюду въ старыхъ жилищахъ горшечные обломки встрѣчаются въ громадномъ количествѣ; слѣдовательно, процессъ приготовленія горшковъ для домашняго обихода имѣлъ весьма существенное значеніе въ обыденныхъ занятіяхъ древнѣйшихъ здѣшнихъ жителей; при такихъ условіяхъ очевидно, что при приготовленіи глиняной посуды должны были существовать болѣе или менѣе постоянные инструменты. Какъ и около Плеханова бора, здѣсь между горшечными обломками встрѣчаются весьма часто такіе, на внѣшней поверхности которыхъ находится большое количество ямокъ, весьма близко другъ отъ друга стоящихъ и имѣющихъ слегка коническую форму; ямки эти бываютъ иногда нѣсколько большей, иногда нѣсколько меньшей величины. Вышеназванное костяное орудіе, изображенное на фиг. 8, съ того или другаго конца какъ разъ подходитъ къ формѣ и величинѣ горшечныхъ ямочекъ: въ виду этого едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что означенное костяное орудіе служило именно для производства этихъ ямочекъ, о вѣроятномъ назначеніи которыхъ, для ускоренія кипѣнія содержимаго въ толстостѣнномъ горшкѣ, я уже говорилъ. Кстати долженъ прибавить здѣсь о волосовскихъ горшкахъ еще слѣдующее: они состоятъ изъ глины съ большею или меньшею примѣсью песку или обломковъ рѣчныхъ раковинъ; при этомъ послѣд-

немъ случаѣ раковины на-мелко разбиты; то же обстоятельство замѣчалъ я на горшкахъ, найденныхъ графомъ Сиверсомъ на озерѣ Буртнекѣ. Съ внѣшней стороны горшковъ существуетъ обыкновенно, кромѣ рядовъ ямокъ, какой-либо узоръ, особенно около верхнихъ краевъ; этотъ узоръ всегда болѣе или менѣе приближается къ узору, находящемуся на описанныхъ мною горшкахъ каменнаго вѣка изъ Олонецкой губерніи [1]), а также напоминаетъ узоръ на горшечномъ обломкѣ каменнаго вѣка, найденномъ мною въ верховьяхъ Волги и изображенномъ на т. IX, фиг. 5. Что касается до внутренней стороны горшечныхъ обломковъ, то она часто гладкая, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда на внѣшней нѣтъ ямочекъ, иначе—внутри горшка, какъ я уже сказалъ, существуютъ выпуклины, соотвѣтствующія ямкамъ, и на выпуклинахъ часто слѣды прикосновенія пальцевъ. Часто, при отсутствіи ямочекъ, внутренняя сторона горшка усѣяна горизонтально и болѣе или менѣе параллельно идущими полосками, которыя иногда пересѣкаются подъ углами различной величины. Эти полоски, параллельныя другъ другу или пересѣкающіяся, указываютъ на то, что послѣ того, какъ горшокъ выдѣлывался обыкновеннымъ способомъ, онъ обтирался извнутри соломой, дабы сгладить его внутреннюю поверхность. Такимъ способомъ готовилась, очевидно, вся масса посуды, которая была до сихъ поръ найдена; исключеніе представляютъ нѣсколько черепковъ, найденныхъ г. Кудрявцевымъ, и которые я видѣлъ у него въ Муромѣ. Въ письмѣ въ комитетъ по устройству Московской антропологической выставки 1879 года онъ говоритъ касательно найденныхъ имъ (не обозначено—гдѣ именно) горшечныхъ черепковъ слѣдующее: „Изъ черепковъ нѣкоторые указываютъ на самый способъ дѣланія горшковъ. Глина, какъ видно, намазывалась на пластинки, которыя впослѣдствіи сжигались, а оставшіяся углубленія и неровности замазывались". А. В. Григорьевъ, также бывшій на Волосовскихъ холмахъ, имѣя въ виду, очевидно, тѣ же черепки, говоритъ въ рефератѣ о своей поѣздкѣ на Волосово между прочимъ слѣдующее: „На внутренней сторонѣ горшка отпечатокъ плетенки, на которую налѣплена была глина, видѣнъ отчетливо, а съ наружной стороны бока украшены искусственно нанесенными узо-

[1]) Зап. по Отдѣл. Этногр., III, стр. 367—369, и тамъ же, т. VII.

ромъ, подражающимъ внутренней плетенкѣ; толщина стѣнокъ до полутора сантиметровъ" [1]). Слѣды плетенки на видѣнныхъ мною горшечныхъ обломкахъ съ внутренней стороны, дѣйствительно, существуютъ въ полной ясности, и нельзя не согласиться, что плетенка могла быть основой, на которую налѣплялась глина. Но обломки съ ясными слѣдами плетенки съ внутренней стороны весьма рѣдки среди громадной массы остатковъ горшечной посуды, находимой съ каменными орудіями около Волосова; поэтому именно нужно думать, что приготовленіе горшковъ посредствомъ плетенки у древнихъ Волосовцевъ было только исключеніемъ; что же касается до подражанія плетенкѣ съ внѣшней стороны, то по моему мнѣнію, его вовсе не существовало; на громадной массѣ горшечныхъ обломковъ, находимыхъ около Волосова, Плеханова бора, Львинаго кургана, въ верховьяхъ Волги, во всей сѣверной Россіи, въ томъ числѣ и въ Олонецкой губерніи, господствуетъ съ внѣшней стороны одинъ и тотъ же весьма характерный узоръ, тогда какъ съ внутренней стороны горшковъ нѣтъ никакого слѣда плетенки.

Мнѣ остается упомянуть еще о нѣкоторыхъ принадлежностяхъ домашняго быта первобытнаго человѣка, сдѣланныхъ также изъ кости, но которыя не служили, очевидно, орудіями при какихъ-либо производствахъ; эти принадлежности должны скорѣе характеризовать духовную или нравственную сторону давно вымершихъ обитателей Окской долины. Къ числу такихъ издѣлій относится, между прочимъ, вещица изъ кости, изображенная на т. VIII, фиг. 7, *a* и *b*; это—немного долотообразная костяная пластинка, по видимому — обломанная на верхнемъ концѣ и съ одного изъ боковъ. На обѣихъ ея сторонахъ находятся ряды черточекъ; вообще, эта костяная вещица, какъ по своей формѣ, такъ и по расположенію черточекъ, вполнѣ напоминаетъ подобное же костяное издѣліе, найденное въ пещерахъ Горжъ д'Анферъ (Gorge

[1]) Извѣстія Общества любит. естествозн., антропол. и этногр., т. XXXI. Антропол. выставка, т. II, Письмо *П. П. Кудрявцева* о пріобрѣтеніи каменныхъ орудій, стр. 163; ср. тамъ же, его же письма на стр. 34 и 65; *А. В. Григорьевъ*, Протоколъ засѣданія отдѣленія геологіи и минералогіи С.-Пбургск. Общества естествоиспытателей 21-го октября 1878 года, стр. 10 отдѣльн. оттискъ).

d'Enfer), въ департаментѣ Дордоньи, во Франціи, въ одной изъ боковыхъ долинъ Везѣра [1]). Французское костяное издѣліе относится къ глубокой древности, именно къ палеолитическому періоду; какъ у французской вещицы, такъ и у нашей, отличающейся отъ первой меньшею величиной, черточки расположены съ обѣихъ сторонъ группами и направлены отъ краевъ къ срединѣ предмета въ нѣсколько косвенномъ направленіи. Съ одной стороны (фиг. 7 *b*), у нашего костянаго издѣлія идутъ два ряда черточекъ съ обоихъ краевъ, притомъ съ одного края ихъ видно двѣ группы, а съ другаго—три; то же самое замѣтно и на французскомъ орудіи. Съ другой стороны (фиг. 7 *a*) наша принадлежность нѣсколько отлична отъ французской: черточки расположены здѣсь у нашего издѣлія съ обоихъ краевъ также группами; у французскаго издѣлія онѣ короче, съ одной стороны болѣе многочисленны и идутъ почти поперекъ пластинки, тогда какъ у нашего онѣ идутъ косвенно, довольно длинны, и даже послѣдній отъ основанія рядъ пересѣкаетъ пластинку, притомъ двѣ черты около другаго края образуютъ развилину. Въ той части, которая у нашего издѣлія обломана, на французскомъ находятся болѣе или менѣе косвенные ряды точекъ. Предполагаютъ, что французская костяная пластинка съ черточками и точками служила счетнымъ реестромъ; если это такъ, то сходная съ нею и здѣсь описываемая волосовская имѣла то же назначеніе. На орудіяхъ современныхъ первобытныхъ народовъ встрѣчаются нерѣдко знаки, обозначающіе принадлежность вещи тому или другому хозяину [2]); это—знаки собственности или то, что у насъ называется тамгой или мѣткой. Въ виду этого я долженъ сказать, что на волосовскомъ издѣліи на сторонѣ *a* въ послѣдней группѣ двѣ первыя вилообразныя черты весьма напоминаютъ тѣ знаки или тамги, которыми донынѣ Остяки и Самоѣды около Обской губы обозначаютъ принадлежащія имъ орудія. Во всякомъ случаѣ, служила ли волосовская костяная пластинка

[1]) *Лёббокъ*, До-историческія времена, стр. 264, ф. 157. Другое болѣе полное изображеніе того же орудія съ обѣихъ сторонъ и въ разрѣзѣ находится въ Reliquiæ Aquitaniæ, parts XIII and XIV, tab. I, fig. *a*, *b*, *c*, статья *Thomas Rupert Jones:* On some bone and other implements from the cave of Périgord, France.

[2]) См. такіе знаки въ той же статьѣ *Jones.*

счетнымъ реестромъ, или же какимъ-либо другимъ орудіемъ, она доказываетъ, что обитатели каменнаго вѣка Окской долины обладали уже нѣкоторыми отвлеченными понятіями касательно счета, а также имѣли понятіе, присущее и нынѣ живущимъ народамъ, о собственности.

Есть еще рядъ костяныхъ принадлежностей, которыя частію могутъ характеризовать умственную и нравственную сторону жизни вымершихъ нынѣ до-историческихъ обитателей Окской долины; эти принадлежности состоятъ изъ просверленныхъ у корня или же такъ или иначе обдѣланныхъ зубовъ разныхъ животныхъ. Практическое значеніе такихъ зубовъ, именно употребленіе ихъ въ видѣ запонокъ, а также и болѣе глубокое—какъ талисманъ, можно наблюдать у современныхъ мало развитыхъ народовъ, каковы Остяки и Самоѣды. Просверленные зубы употреблялись и у различныхъ давно вымершихъ народовъ, даже принадлежавшихъ къ древнѣйшему періоду каменнаго вѣка въ западной Европѣ [1]). Просверленными зубами сопровождались различныя домашнія принадлежности палеолитическаго человѣка, найденныя въ Мамонтовой пещерѣ, въ Польшѣ [2]); не меньшую распространенность имѣли просверленные зубы различныхъ млекопитающихъ и въ болѣе новый періодъ каменнаго вѣка въ Россіи и въ Сибири. Просверленные или такъ или иначе обдѣланные зубы разныхъ звѣрей встрѣчаются и около Волосова; въ моемъ распоряженіи имѣются зубы лося и волка, просверленные или обдѣланные; но наиболѣе интересны зубы медвѣдя, встрѣчающіеся въ обдѣланномъ видѣ весьма часто. Можетъ быть, зубы жвачныхъ, въ томъ числѣ и хищниковъ, въ родѣ волка, входили въ составъ ожерелій, носимыхъ на шеѣ женщинъ, и можетъ быть, медвѣжій зубъ занималъ всегда одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ шейномъ украшеніи. Но въ то же время, если принять во вниманіе, что у нынѣшнихъ Остяковъ медвѣдю приписывается божественное происхожденіе, и что пе-

[1]) См. мои Письма и отчеты о путешествіи въ долину р. Оби, стр. 112.

[2]) Wiadomosci Archeolog. 1876, III. На многихъ лошадиныхъ костяхъ и на оленьихъ рогахъ, найденныхъ въ Мамонтовой пещерѣ, также замѣтны царапины, напоминающія тѣ знаки, которые описаны выше на костяной пластинкѣ изъ Волосова.

редъ всякими его остатками, въ особенности передъ зубами и лапой, дается клятва, то весьма легко можно остановиться на предположеніи, что подобное же значеніе имѣлъ зубъ медвѣдя и у вымершихъ обитателей Окской долины. Такимъ образомъ, если у древнихъ Волосовцевъ взглядъ на медвѣдя уподоблялся нѣсколько остяцкому, то можно думать, что они обладали нѣкоторыми религіозными вѣрованіями; уже и похоронные обряды обитателей Окской долины указываютъ на то, что они въ теченіе каменнаго вѣка выработали нѣкоторыя понятія о загробной жизни. Вообще, жители каменнаго вѣка Окской долины уже значительно приближались къ различнымъ нынѣ живущимъ полудикимъ народамъ, какъ по своему внѣшнему образу, такъ и по складу своего культурнаго и нравственнаго развитія. Это и понятно, ибо эпоха, во время которой они жили, отстоитъ отъ насъ сравнительно не слишкомъ далеко.

На сравнительную недавность времени, когда жили обитатели каменнаго вѣка Окской долины, указываютъ и хорошо отполированныя ихъ каменныя орудія; та же недавность проглядываетъ въ самомъ, иногда высокомъ совершенствѣ ихъ кремневыхъ издѣлій; на этомъ пути они достигли той высшей степени развитія искусства, дальше которой въ обдѣлкѣ камня идти было не возможно. Наконецъ, главный свидѣтель сравнительной недавности каменнаго вѣка непосредственно въ Окской долинѣ — это физико-географическая обстановка, среди которой жилъ здѣсь человѣкъ. Топографія мѣстности, служившей пріютомъ для человѣка, — та же, что нынѣ: отличія заключались лишь въ ничтожныхъ частностяхъ: послѣ того, какъ исчезъ человѣкъ, сверхъ почвы, на которой онъ обиталъ, отложился только ничтожный, тонкій слой растительной земли. Климатъ, вѣроятно, не рознился отъ современнаго; древесная растительность была, конечно, та же, какую можно видѣть здѣсь донынѣ. Разница противъ современныхъ условій мѣстности лишь въ томъ, что въ глубокой древности лѣса были дѣвственны, не тронуты рукою человѣка, а населявшіе ихъ звѣри являлись въ наибольшемъ изобиліи. Человѣкъ того времени не только не имѣлъ возможности вырубать лѣса, но даже не было къ этому никакой необходимости. Понятно, что въ лѣсахъ, не тронутыхъ топоромъ и всесокрушающимъ пожаромъ, и звѣри легче плодились и множились. Принимая, что жители Плеханова бора были современниками древнимъ

Волосовцамъ, я долженъ сказать, что во время каменнаго вѣка, и именно неолитическаго его періода, въ составъ лѣса Окской долины входилъ дубъ, достигавшій часто громаднѣйшихъ размѣровъ. Къ нему были примѣшаны рощи изъ березы и осины, по берегамъ водъ густыми чащами росли ивняки; на песчаныхъ холмахъ, также какъ и нынѣ, раскидывались сосновые боры. Вообще, долина, какъ и теперь, была богата лугами, въ особенности поемными; и общій видъ она уже имѣла почти тотъ же, какой представляетъ теперь. Можетъ быть, благодаря дѣвственнымъ лѣсамъ, рѣка была болѣе многоводною; рыбы, въ ней водившіяся, были въ большемъ изобиліи, хотя всѣ виды тогдашнихъ рыбъ были тѣ же, что̀ водятся въ Окѣ донынѣ, но только, кромѣ изобилія, онѣ отличались огромною величиной: жители каменнаго вѣка ловили весьма большихъ стерлядей и сомовъ; сверхъ того, щуки, ерши, окуни и различныя карповыя рыбы составляли предметъ ихъ лова. Въ старицахъ, около береговъ озеръ, болѣе или менѣе болотистыхъ, бобры возводили свои постройки, здѣсь же бродили кабаны. Густые, не тронутые рукою человѣка лѣса были заселены дикими первобытными плосколобыми быками (Bos latifrons), близко напоминавшими тѣхъ быковъ—туровъ, которые были извѣстны древнимъ Славянамъ. Кромѣ бобра, кабана и первобытнаго быка, вымершихъ уже въ наши историческія времена, въ долинѣ Оки, въ лѣсахъ Муромскихъ, обитали звѣри, еще нынѣ продолжающіе существовать: то были лось, сѣверный олень, затѣмъ хищники—медвѣдь, барсукъ, волкъ, куница, также заяцъ, водяная полевка или крыса (Arvicola amphibius). Кости всѣхъ этихъ животныхъ были найдены нами или при раскопкахъ въ могилахъ, или въ почвѣ, вмѣстѣ съ каменными орудіями; большая часть изъ нихъ составляла, вѣроятно, предметъ промысла для первобытнаго человѣка. И такъ, относительно высокое совершенство орудій, которыя человѣкъ выдѣлывалъ изъ камня и кости, близкая къ нынѣшней по своему характеру физико-географическая обстановка, въ которой онъ жилъ, бо̀льшая часть нынѣ живущихъ животныхъ, которыя его окружали и составляли предметъ его промысла, — вотъ характерныя черты только что описаннаго мною періода каменнаго вѣка въ Окской долинѣ. Это—позднѣйшій неолитическій періодъ каменнаго вѣка; вѣроятно, онъ непосредственно смѣнился вѣкомъ металлическимъ, сперва бронзовымъ и затѣмъ

желѣзнымъ. Можетъ быть, племена, владѣвшія металломъ, частію культивировали, частію уничтожали этихъ древнихъ жителей, знавшихъ только кость и камни. Но затѣмъ, почти тутъ же, рядомъ съ пепелищами людей каменнаго вѣка позднѣйшаго періода, встрѣчаются слѣды людей, жившихъ при физико-географическихъ условіяхъ на столько необычайныхъ, такъ отклоняющихся отъ современныхъ, что приходится положительно теряться въ соображеніяхъ касательно древности, отдѣляющей насъ отъ этихъ людей. Во всякомъ случаѣ, древность эта должна быть глубокая, даже въ геологическомъ смыслѣ; главные представители животныхъ, съ которыми жилъ тогда человѣкъ, не встрѣчаются уже въ послѣдующую, новую эпоху каменнаго вѣка: они вымерли. Эта эпоха называется палеолитическою; орудія, которыя выдѣлывалъ въ это время человѣкъ, грубы, однообразны; главные же его спутники были мамонтъ и носорогъ, вмѣстѣ съ другими, также вымершими млекопитающими. Мѣсто, гдѣ были найдены слѣды палеолитическаго человѣка,—это село Карачарово, къ которому я и перейду въ слѣдующемъ очеркѣ.

3.

Карачарово.

Мнѣніе Лепехина объ археологическомъ значеніи мамонтовыхъ костей и кости слона, вырытыя недавно въ Петербургѣ.—Человѣкъ жилъ одновременно съ мамонтомъ.—Доказательство тому найдено около Карачарова.—Вѣроятный способъ охоты на мамонта и его спутниковъ.—Отдаленность эпохи, когда человѣкъ жилъ вмѣстѣ съ мамонтомъ. — Предполагаемыя измѣненія въ характерѣ природы, происшедшія съ того времени, когда человѣкъ жилъ вмѣстѣ съ мамонтомъ.

Вопросъ о мамонтѣ или его костяхъ по отношенію къ человѣку имѣетъ у насъ свою исторію; натуралисты прошлаго столѣтія, отожествляя мамонта со слономъ, считали его выходцемъ изъ Азіи; они предполагали, что мамонтъ—это слонъ, выведенный изъ Азіи тамошними народами, являвшимися въ Европу съ завоевательными цѣлями, или же—что нѣкоторое количество слоновъ забрело изъ мѣстъ своего обитанія, южной Азіи, на сѣверъ — въ Сибирь и Европейскую Россію, и здѣсь погибло. Это послѣднее мнѣніе было высказано во второй половинѣ прошлаго вѣка Гме-

линымъ [1]). Другой ученый путешественникъ, современный Гмелину, Лепехинъ, также высказалъ свой взглядъ на „слоновыя кости" и ихъ отношеніе къ человѣку. Онъ говоритъ: „По выѣздѣ изъ Симбирска предметомъ была намъ рѣчка Бирючь, впадающая въ Свіягу, которая тѣмъ большаго любопытства достойна, что по ней вымываетъ огромной величины кости, которыя отъ простаковъ почитаются за остатки, не знаю какихъ, древнихъ исполиновъ. Такое собраніе костей найдено было при селѣ Нагашкинѣ, стоящемъ на помянутой рѣчкѣ, въ 35 верстахъ отъ Симбирска. По пріѣздѣ нашемъ въ село Нагашкино, помѣщикъ онаго села г. гвардіи капитанъ-поручикъ Плещеевъ принялъ насъ ласково и употреблялъ всякое стараніе доставить намъ исполиновы кости; но стараніе его было тщетно, ибо онѣ, валяяся долгое время безъ призору, были растащены невѣдомо кѣмъ. Мы уже собирались оставить село Нагашкино, какъ одинъ изъ посланныхъ людей принесъ вѣсть, что въ Бирючѣ, въ которомъ тогда еще весенняя вода играла, вымыло кость отмѣнной величины. Сія вѣдомость была намъ не непріятна, и мы, не медля пошедъ на оное мѣсто, видѣли, что то былъ обломокъ слоноваго клыка, длиною четвертей въ пять, а въ отрубѣ около шести дюймовъ. Правда, онъ уже былъ поможденъ, а особливо внутри, отъ древности и кропокъ; однако слои его ясно показывали того животнаго, которому онъ принадлежалъ. Изъ сего, кажется, не невѣроятно заключить можно, что и прежде найденныя кости были изъ слоноваго остова. Имѣя въ рукахъ нитку, хотѣли по ней добраться до клубка: но трудъ и иждивеніе были тщетны. Отрывая рыхлой берегъ сажень на пять во всѣ стороны, ничего найдти не могли, что̀ бы удовлетворило нашему любопытству. Песчаный слой, въ которомъ обмытый лежалъ клыкъ, отъ поверхности земной отстоялъ не болѣе одной сажени. Верхній слой составляла огородная земля толщиною четверти на двѣ. По ней слѣдовалъ хрящъ, смѣшанный съ суглин-

[1]) Указанія Гмелина о нахожденіи имъ „слоновыхъ", то-есть, мамонтовыхъ костей около Костенска (въ Воронежской губерніи) изъ его „Путешествія по Россіи для изслѣдованія трехъ царствъ естества", 1771 года, я привелъ въ моей Антропологической поѣздкѣ въ центральн. и восточн. Россію, стр. 10—13

комъ, аршина на полтора, а за хрящемъ желтоватый песокъ. О такихъ чужестранныхъ покойникахъ разные различно думаютъ. Иные съ большею заглумостію, гдѣ нынѣ господствуетъ мракъ, тамъ за многіе вѣки опредѣлили мѣсто зною. Другіе всемірный потопъ причиною тому почитаютъ. Но есть и такіе, которые подобныя симъ находки игрушками роскошествующей природы называютъ. Исчислять всѣ ихъ доказательства, какъ не нужно, такъ и скучно бы было. Сего съ меня довольно, когда я скажу, что въ нашемъ случаѣ нѣтъ нужды такъ далеко забираться. Въ прошломъ 1767 году, при копаніи колодца близь Бирюча, въ полуторосаженной глубинѣ найдены были груды человѣческихъ костей безъ всякихъ домовищъ; да и самый Бирючъ нерѣдко вымываетъ такіе кости. Попадаются случайно между костьми и обломки желѣзныхъ копейцовъ и прочаго ратнаго снаряда, что̀ все несумнѣннымъ служитъ доказательствомъ о бывшемъ нѣкогда на сихъ мѣстахъ сраженіи. Но что азіатскіе народы по-часту на сраженіе выважпваютъ слоновъ, кажется дѣло извѣстное. И такъ мнѣ мнится, что сіи иностранные покойники не за многія тысячи, но за нѣсколько сотъ лѣтъ близь Волги были погребены. Возраженія противъ сей истины, взятыя отъ цѣнности слоновыхъ клыковъ, отъ лакомства людей и отъ порядочныхъ слоевъ земли, подъ которыми они погребены находятся, не весьма на твердомъ поставлены основаніи. Сколь ни лакомъ былъ бы воинъ на сраженіи, однако лакомство страхъ или радость преодолѣть могутъ. Иное дѣло содрать съ убитаго на сраженіи непріятеля военный снарядъ, иное—вышелить и возить съ собою слоновые клыки, а особенно если мы себѣ представимъ асійскія ополченія. Въ нашемъ случаѣ много говорить о глубинѣ нѣтъ нужды. Что касается до порядочныхъ слоевъ земли, и сіе также большаго затрудненія не имѣетъ. Наша мамонтова кость и въ самой Сибири находится въ крутизнахъ рѣчныхъ береговъ. Но кому не извѣстно, что стремнина безпримѣрныхъ водъ россійскихъ часто и твердые подмываетъ берега; и гдѣ прежде рѣки свое имѣли теченіе, тутъ является суша. Кто бывалъ на Волгѣ, тотъ о сей истинѣ сумнѣваться не будетъ. Волга при людской памяти цѣлые поглощаетъ острова, цѣлые и вновь производитъ; а иногда, оставивъ свое прежнее теченіе, новый себѣ открываетъ путь, отъ чего толь многія волошки или старицы имѣ-

ютъ свое начало. Ставрополь стоитъ нынѣ на нарочито высокомъ мѣстѣ, котораго и самая большая весенняя вода не понимаетъ; а что Ставропольскій округъ въ старину былъ волжское дно, съ перваго взгляда угадать не трудно. Свидѣтельствуютъ о томъ песчаные и безъ всякаго порядка взрытые бугры, изобилующіе черепокожными, живущими въ сладкой водѣ. Положивъ сіе, не неудобно понять и о порядочныхъ земныхъ слояхъ, составъ слоновыхъ костей покрывающихъ. Вымытыя изъ береговъ кости могутъ паки завалены быть новыми земными слоями, когда рѣка перемѣняетъ свое теченіе, и если осядутъ по правиламъ жидковѣснымъ: ибо что̀ можетъ возпящать сіи права естественнаго устава, когда старица премѣняется въ сушу, гдѣ со временемъ и крутой яръ возрости можетъ. Если бы судьба опредѣлила намъ прожить по крайней мѣрѣ столѣтіе, и еслибы въ оное время случай открылъ погребенныя въ самомъ Петербургѣ издохшихъ слоновъ кости, безъ сомнѣнія, съ немалымъ бы нашимъ удивленіемъ услышали многихъ умниковъ разсужденія, проницающія въ самую глубочайшую древность земнаго шара" [1]).

Итакъ, Лепехинъ приписываетъ появленіе слоновъ въ Россіи человѣку, именно „асіатскимъ народамъ" или „асійскимъ ополченіямъ" [2]). Поэтому и самый методъ его доказательствъ, столько же геологическій, сколько и археологическій, — совершенно вѣренъ по

[1]) Дневныя записки путешествія доктора и Академіи Наукъ адъюнкта Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, 1768 и 1769 году; вторымъ тисненіемъ, 1795 г., часть I, стр. 296–300.

[2]) Мнѣніе о принадлежности костей мамонта слону было весьма распространено въ прошломъ столѣтіи; его раздѣлялъ даже Петръ Великій по крайней мѣрѣ Голландецъ Де-Бруинъ, путешествовавшій по Россіи въ началѣ прошлаго вѣка, говоритъ, очевидно—разумѣя тѣ же Костёнки или Костенскъ, гдѣ былъ Гмелинъ: „Въ мѣстности, въ которой мы были, къ великому удивленію нашему, нашли мы много слоновыхъ зубовъ, изъ которыхъ я сохранилъ одинъ у себя ради любопытства, но не могу понять, какимъ образомъ зубы эти могли попасть сюда. Правда, государь разказывалъ намъ, что Александръ Великій, проходя этою рѣчкой—какъ увѣряютъ нѣкоторые историки,—доходилъ до небольшаго городка Костенска (Kostinke), находящагося верстахъ въ 8 отсюда, и что очень могло быть, что въ то время пало тутъ нѣсколько слоновъ, остатки которыхъ и находятся здѣсь еще и понынѣ" (*Де-Бруинъ*, Путешествіе черезъ Московію, стр. 130).

существу, но только, очевидно, предусмотрительный авторъ имѣлъ въ рукахъ мало вѣрно наблюденныхъ фактовъ; такъ вполнѣ возможно допустить, что на берегахъ рѣкъ находились, послѣ подмыва береговъ, не только слоновыя кости, но и человѣчесвія, при которыхъ могли находиться „и обломки желѣзныхъ конейцевъ". Но при этомъ нужно было знать, гдѣ и какъ первоначально залегали въ почвѣ всѣ эти остатки, не были ли человѣческія кости зарыты вмѣстѣ съ орудіями, а „слоновыя" не были ли принесены водами изъ другихъ мѣстъ,—о чемъ можно судить по характеру, по слоистости, содержавшей остатки почвы. При установленіи своего взгляда, авторъ, кромѣ обычая южно-азіатскихъ народовъ употреблять во время войны слоновъ, имѣлъ еще другой, живой фактъ, такъ какъ, вѣроятно, на его глазахъ погребены были около Петербурга „издохшіе слоны". Нерѣдко весьма юмористичный въ своихъ описаніяхъ и мѣткій наблюдатель, онъ живо представлялъ то немалое „удивленіе", которое онъ испыталъ бы, „еслибъ судьба опредѣлила" ему „прожить по крайней мѣрѣ столѣтіе"; удивленіе это онъ предвидѣлъ въ томъ случаѣ, если зарытыя кости издохшихъ слоновъ будутъ откопаны, и тогда онъ считалъ вполнѣ вѣроятнымъ услышать по поводу этихъ костей „многихъ умниковъ разсужденія, проницающія въ самую глубочайшую древность земнаго шара". Едва ли, впрочемъ, предвѣдѣніе по отношенію къ методамъ научныхъ наблюденій не было когда-либо болѣе трудно, какъ именно для прошлаго и текущаго столѣтій. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то-есть, около ста-десяти лѣтъ послѣ того, какъ Лепехинъ высказывалъ свое мнѣніе о слоновыхъ костяхъ, на Петербургской сторонѣ нашей столицы, около церкви Введенія, при постройкѣ дома г. Паруновымъ, дѣйствительно, были найдены кости, принадлежащія большому хоботному животному. Мнѣ пришлось принять ближайшее участіе въ развѣдкѣ мѣстонахожденія, вмѣстѣ съ академикомъ А. А. Штраухомъ и проф. А. А. Иностранцевымъ. Хотя намъ и было въ общихъ чертахъ извѣстно, что въ Петербургѣ бывали слоны и гибли, и что кости ихъ погребались, но гдѣ именно, — объ этомъ у насъ не было никакихъ свѣдѣній; поэтому, намъ предстоялъ вопросъ: какому животному принадлежатъ кости, слону или мамонту—хотя къ рѣшенію вопроса въ пользу мамонта не было особенной вѣроятности. Въ массѣ костей, выры-

тыхъ изъ ямы, былъ между прочимъ и черепъ; въ черепахъ слона и мамонта самые существенные отличительные признаки являются въ коренныхъ зубахъ и бивняхъ: бивни мамонта болѣе огромной величины, чѣмъ слоновые, и притомъ они нѣсколько спирально изогнуты; въ найденномъ черепѣ какъ разъ не оказалось ни коренныхъ зубовъ, ни бивней: обстоятельство довольно подозрительное для того, чтобы свидѣтельствовать въ пользу древности костей; затѣмъ верхняя часть черепа при ближайшемъ осмотрѣ оказалась какъ бы отпиленною, что̀ и было на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ не больше, какъ въ полчаса или часъ, было рѣшено тутъ же на мѣстѣ, что кости принадлежатъ слону, находившемуся въ домашнемъ состояніи и затѣмъ зарытому,—можетъ быть, именно одному изъ тѣхъ, о которыхъ говоритъ Лепехинъ. Но, кромѣ того, въ рукахъ современныхъ изслѣдователей находится еще одно средство прійдти къ болѣе или менѣе вѣрнымъ заключеніямъ; это—методы наблюденія, созданные геологіей, наукой, находившейся во времена Лепехина только въ зародышѣ. Всѣ острова, лежащіе при устьяхъ Невы,—не болѣе не менѣе, какъ ея дельта, которая произошла въ гораздо болѣе новый періодъ, чѣмъ жилъ мамонтъ. Въ то время, когда жилъ мамонтъ, Финскій заливъ, вѣроятно, вдавался далеко на востокъ и даже, можетъ быть, составлялъ съ Ладожскимъ озеромъ одно цѣлое. Такимъ образомъ, если мамонтъ могъ погибнуть гдѣ-либо, то только въ пунктахъ гораздо болѣе возвышенныхъ, чѣмъ дельта Невы, и если кости его могли оказаться въ осадкахъ дельты, то только въ томъ случаѣ, еслибы проточныя воды вынесли ихъ изъ болѣе высокихъ мѣстъ,—но тогда едва ли можно было бъ ожидать найдти эти кости въ видѣ цѣлой массы, принадлежащей одному и тому же экземпляру.

Какъ ни отдаленъ отъ насъ тотъ періодъ времени, когда жилъ мамонтъ, какъ ни отличны физико-географическія условія, среди которыхъ онъ существовалъ, тѣмъ не менѣе, современная геологія и юная отрасль ея, до-историческая археологія, доказали, что человѣкъ существовалъ вмѣстѣ съ мамонтомъ; спутникомъ мамонта, который—какъ извѣстно—покрытъ былъ длинными волосами, былъ и ископаемый нынѣ носорогъ, тоже носившій волосяной покровъ: въ этомъ, между прочимъ, отличіе этихъ двухъ громадныхъ ископаемыхъ отъ ихъ въ настоящее время живущихъ собратій. Со-

существованіе человѣка вмѣстѣ съ мамонтомъ и съ другими вымершими животными въ западной Европѣ доказано самыми несомнѣнными и убѣдительными данными. Въ самое недавнее время сдѣлано это и у насъ: находки эпохи мамонта сдѣланы въ пещерахъ Польши и въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, на р. Удаѣ. Такую же находку сдѣлалъ я въ Воронежской губерніи, у села Костенокъ, и въ описаніи этой находки представилъ цѣлый рядъ, по моему мнѣнію, самыхъ несомнѣнныхъ доказательствъ въ пользу одновременнаго существованія человѣка съ мамонтомъ [1]. Собственно въ Карачарово, годомъ раньше моей поѣздки въ Воронежскую губернію въ село Костёнки, я былъ приглашенъ графомъ А. С. Уваровымъ, который уже велъ предварительныя раскопки въ мѣстѣ залеганія костей различныхъ вымершихъ млекопитающихъ съ остатками человѣческой дѣятельности. Ко времени моего пріѣзда работа была уже на столько двинута, что оставалось только главное гнѣздо, въ которомъ сосредоточивались кости вмѣстѣ съ кремневыми орудіями. Въ теченіе двухъ дней гнѣздо это было разобрано съ надлежащею тщательностью и вниманіемъ; общіе результаты этой раскопки я и очерчу здѣсь съ своей точки зрѣнія, подтверждая въ то же время мнѣніе графа А. С. Уварова, заявленное на Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ 1877 года, о совмѣстномъ нахожденіи костей мамонта съ каменными орудіями: наша раскопка доказала это самымъ неоспоримымъ образомъ [2].

Село Карачарово растянулось длинною вереницею избъ по лѣвому, на этотъ разъ крутому и возвышенному берегу Оки; нѣсколько сѣвернѣе отъ него, или сказать точнѣе, сѣверо-западнѣе, на томъ же берегу, верстахъ въ трехъ, расположился городъ Муромъ. На самомъ сѣверномъ концѣ Карачарова тянется глубокій и длинный оврагъ; оврагъ направленъ почти перпендикулярно къ долинѣ Оки; стѣны его вообще весьма круты, а во многихъ мѣстахъ и совер-

[1]) См. мою Антропологическую поѣздку въ центральную и восточную Россію. С.-Пб. 1880. Находки эпохи мамонта въ Польшѣ и въ Полтавской губерніи описаны мною въ сборникѣ „Живописная Россія", т. I, вып. 8, стр. 386—389.

[2]) См. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1878 г., февраль, стр. 119.

шенно отвѣсны. Какъ пространство, на которомъ расположены Муромъ и Карачарово, такъ и промежутокъ между ними, составляютъ часть плоской возвышенности, уходящей вдаль на западъ. Въ окрестностяхъ оврага, а также вообще между Муромомъ и Карачаровымъ, нѣтъ болѣе или менѣе замѣтныхъ, рѣзко выдающихся высотъ или холмовъ, а равно нѣтъ и рѣзко замѣтныхъ ложбинъ или впадинъ, за исключеніемъ опять-таки небольшаго оврага, лежащаго ближе къ Мурому и впадающаго въ долину Оки. При устьѣ Карачаровскаго оврага, на сѣверной его сторонѣ, расположена роскошная усадьба графа А. С. Уварова, съ великолѣпнымъ громаднымъ домомъ, окруженнымъ службами и прекраснымъ садомъ, изъ котораго открывается обширный видъ на широкую долину Оки и на самую рѣку, съ ея прихотливыми извивами, озерами, старицами и курьями. На самомъ незначительномъ разстояніи отъ усадьбы, позади ея, по направленію вглубь материка, на той же сѣверной сторонѣ Карачаровскаго оврага, въ обрывѣ и были найдены слѣды до-историческаго человѣка, относящіеся къ временамъ глубочайшей древности.

При раскопкѣ можно было видѣть слѣдующее: Сначала слѣдовалъ слой чернозема, измѣнявшійся на поверхности въ своей толщинѣ отъ четверти до полуаршина. Подъ черноземомъ лежала сѣрая, болѣе или менѣе песчанистая, весьма плотная глина, которая во время бездождія и засухи очень трудно поддается топору, весной же, съ таяніемъ снѣговъ, дѣлается вязкою и расплывчатою, въ силу чего и происходитъ размываніе стѣнъ оврага и ихъ обвалы. При такихъ-то обвалахъ или при оплывѣ стѣнъ оврага и было обнаружено въ нихъ присутствіе костей разныхъ животныхъ вмѣстѣ съ остатками человѣческой дѣятельности. Кости лежали въ глинѣ, на глубинѣ отъ поверхности почвы больше одного метра; низшій же горизонтъ, до котораго кости доходили, превышаетъ полтора метра. Къ моему пріѣзду всѣ предварительныя работы были сдѣланы, и мнѣ пришлось участвовать въ трудахъ по обнаженію отъ глины главной массы костей. Вскорѣ это дѣло было исполнено, и затѣмъ мѣсто раскопокъ было снято фотографически, при чемъ было обращено вниманіе на самое положеніе костей; весьма вѣроятно, что эти фотографіи будутъ обнародованы графомъ А. С. Уваровымъ. Я былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ того, какъ

кости различныхъ по большей части гигантскихъ и нынѣ вымершихъ животныхъ были скучены на весьма небольшомъ пространствѣ, равняющемся нѣсколькимъ квадратнымъ аршинамъ; тутъ были какъ бы навалены другъ на друга кости конечностей, позвонки, зубы, кости таза, принадлежавшія преимущественно носорогу и мамонту. Общее, основное впечатлѣніе лежавшей передо мною картины, изображавшей остатки или слѣды давно погасшей жизни, я уже выразилъ между прочимъ слѣдующимъ образомъ: „Кости не попали сюда произвольно; онѣ не были принесены сюда водой; напротивъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что ихъ сложилъ здѣсь человѣкъ. Онъ оставилъ между костями громадное количество кремневыхъ орудій, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, во всей массѣ остатковъ, можно было замѣтить небольшія частицы угля. Очевидно, человѣкъ имѣлъ здѣсь жилье, ѣлъ мясо всѣхъ названныхъ животныхъ; онъ разбивалъ кости и вынималъ изъ нихъ костный мозгъ, а въ доказательство этого оставилъ въ кучѣ своихъ кухонныхъ остатковъ осколки трубчатыхъ костей, тогда какъ кости, не содержащія костнаго мозга, сохранились всѣ въ большей или меньшей цѣлости; тутъ найдены всѣ кости таза, принадлежащія мамонту, также части тазовыхъ костей первобытнаго быка и оленя; сохранилась въ совершенной цѣлости лопатка носорога; остались также его зубы, вмѣстѣ съ бивнями мамонта, хотя и значительно разрушившимися. Но замѣчательнѣе всего позвонки мамонта и носорога; человѣкъ легко могъ вынуть спинной мозгъ изъ цѣлаго ряда позвонковъ, скрѣпленныхъ между собою крѣпкими связками или сухожиліями; ему не было надобности отдѣлять всѣ позвонки одинъ отъ другаго; поэтому, обглодавъ мясо и вынувъ мозгъ, человѣкъ, не нуждаясь въ сухожиліяхъ, бросалъ связанные между собою позвонки въ массу негодныхъ костей, и прежде чѣмъ связки перегнили, позвонки занесло землей, гдѣ они и остались въ томъ же самомъ отношеніи другъ къ другу, въ какомъ они были первоначально, хотя связки затѣмъ перегнили“ [1]). Замѣчательно между прочимъ то, что между остатками находились также кости таза, принадлежавшія мамонту, въ томъ числѣ была часть таза съ вертлужною чашеобразною впадиной; совершенно подобную

[1]) Живописная Россія, томъ I, 390.

же кость я нашелъ впослѣдствіи въ Костёнкахъ, въ Воронежской губерніи; впадина была наполнена углями и золою, притомъ была обращена вверхъ въ моментъ открытія ея во время раскопокъ; по всей видимости тазовыя части мамонта съ вертлужною впадиной служили посудиной для первобытнаго человѣка [1]). Такъ примѣнена была тазовая кость мамонта, вѣроятно, въ Костёнкахъ, и около Карачарова. Вообще, кости разныхъ, преимущественно вымершихъ, млекопитающихъ, были скучены, въ главной своей массѣ, около Карачарова на весьма ограниченномъ пространствѣ, едва ли большемъ, чѣмъ полутора квадратные метра; затѣмъ отъ главнаго гнѣзда ихъ, по сторонамъ, кости встрѣчались разъединенно, рѣдко,—хотя все-таки встрѣчались и сопровождались каменными орудіями. Итакъ, при видѣ той картины, которую обнаружила раскопка, неизбѣжно приходилось остановиться на заключеніи, что мы находимся на одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ глубокой древности обиталъ человѣкъ, окруженный своеобразными и необычайными для насъ спутниками изъ животнаго міра. Судя по весьма мелкимъ частицамъ угля, которыя въ разныхъ мѣстахъ были разсѣяны въ глинѣ между костями, нужно думать, что человѣкъ того періода уже зналъ огонь; принимая въ соображеніе положеніе костей, напримѣръ, позвонковъ, сохранившихъ свое естественное отношеніе, приходится заключить, что огонь этотъ разводился человѣкомъ тогда именно, когда масса найденныхъ костей была въ свѣжемъ видѣ. Однимъ словомъ, выводъ, что человѣкъ жилъ одновременно съ различными вымершими млекопитающими, кости которыхъ вырыты были нами около Карачарова, нужно считать безусловно вѣрнымъ. Но этого мало; безспорно еще то, что человѣкъ того времени охотился за вымершими гигантами и питался ихъ мясомъ. При этомъ поразительно только то, что человѣкъ достигалъ своихъ охотничьихъ цѣлей съ помощію вполнѣ несовершенныхъ, въ истинномъ смыслѣ слова первобытныхъ отдаленнаго орудій. Дѣйствительно, каменныя орудія, которыми располагалъ первобытный человѣкъ эпохи мамонта и ископаемаго носорога, крайне несовершенны. Въ массѣ костей, закутанныхъ

[1]) Это предположеніе я уже высказалъ въ „Антропологической поѣздкѣ въ центральную и восточную Россію", стр. 24.

глиной, въ которой, какъ я сказалъ, встрѣчались и частички угля, можно было находить громадное количество кремневыхъ осколковъ. Въ числѣ этихъ кусковъ и осколковъ кремня, почти съ каждымъ ударомъ желѣзной лопатки встрѣчавшихся между костями, было много, хотя и не вполнѣ правильныхъ, ядеръ, то-есть, тѣхъ именно кусковъ кремней, отъ которыхъ отбивались осколки, употреблявшіеся какъ орудія. Въ громадной массѣ кремневыхъ осколковъ можно было находить и такіе, которые служили вмѣсто ножей; затѣмъ, кромѣ ядеръ и ножей, вмѣстѣ съ костями находились и скребки, хотя весьма рѣдко; по крайней мѣрѣ въ моей коллекціи находится только два совершенно типичные скребка. Въ надеждѣ, что графъ А. С. Уваровъ издастъ изображенія принадлежностей каменнаго вѣка, найденныхъ около Карачарова вмѣстѣ съ костями мамонта, я ограничусь здѣсь касательно этого предмета только общими замѣчаніями. При видѣ кремневыхъ ядеръ, разнаго рода осколковъ и скребковъ, найденныхъ нами около Карачарова, ни одинъ опытный наблюдатель не усомнится въ ихъ искусственномъ происхожденіи,—хотя правда, всѣ эти остатки каменнаго вѣка, въ общей сложности, весьма грубы и далеко уступаютъ по своему совершенству кремневымъ орудіямъ, найденнымъ мною въ селѣ Костёнкахъ также съ костями мамонта; не достигаютъ они и того разнообразія, въ какомъ являются костёнскія кремневыя орудія; около Карачарова не достаетъ ни ланцетообразныхъ ножей, ни сколько-нибудь отчетливо обдѣланныхъ копій. Всѣ карачаровскія орудія сдѣланы изъ краснаго желѣзистаго кремня, относящагося, по видимому, къ юрской формаціи, осадки которой встрѣчаются около Мурома, а самые кремни можно видѣть значительными кусками въ наносахъ въ видѣ валуновъ. Кремень этотъ не такъ красивъ въ изломѣ, какъ служившій матеріаломъ для издѣлій въ Костёнкахъ. Кромѣ кремневыхъ орудій, между костями встрѣчались небольшой величины камни; въ моей коллекціи находится одинъ такой камень—діоритъ, вѣроятно искусственно, но грубо обитый въ видѣ сентъ-ашёльскаго топора; края его довольно остры, и онъ въ нѣкоторой степени могъ удовлетворять своему назначенію.

И такъ, человѣкъ каменнаго періода, эпохи мамонта, оставилъ намъ только весьма грубыя произведенія своихъ рукъ: запасъ орудій, которыми онъ располагалъ въ то время, былъ, очевидно,

бѣденъ. Между тѣмъ, ему приходилось сталкиваться съ громадными животными; въ томъ числѣ были, кромѣ мамонта и носорога, первобытный быкъ и благородный олень. Вмѣстѣ съ костями всѣхъ этихъ животныхъ была найдена еще одна, принадлежавшая также оленю, но такому, который, по всему вѣроятію, не былъ до сихъ поръ извѣстенъ для науки; этотъ остатокъ оленя состоитъ изъ одного только междуребернаго хряща, соединяющаго грудную кость съ нижнимъ краемъ одного изъ реберъ. Судя по этому хрящу, нужно думать, что вымершій олень былъ громаднымъ животнымъ; онъ стоялъ довольно близко къ лосю, но былъ больше его ростомъ, а по виду стройнѣе. Кости всѣхъ этихъ млекопитающихъ находились вмѣстѣ съ каменными орудіями, притомъ кости мамонта и носорога преобладали; всѣ эти остатки, вмѣстѣ съ орудіями и частицами угля, были перемѣшаны между собою безъ всякаго порядка, составляя одну главную кучу: отсюда ясно, что всѣ названныя млекопитающія жили одновременно съ человѣкомъ и составляли для него предметъ охоты. Является вопросъ: какъ же въ самомъ дѣлѣ первобытный человѣкъ, съ такими несовершенными орудіями, могъ охотиться за такимъ звѣремъ, какъ мамонтъ? Господствуетъ по этому поводу довольно справедливое мнѣніе, что мамонта ловили въ ямы, какъ это дѣлается до сихъ поръ при ловлѣ слоновъ. Но, съ другой стороны, наши современники мамонта, живя въ климатѣ холодномъ, гдѣ господствовали зимы, изобиловавшія снѣгомъ, могли охотиться за мамонтомъ и его спутникомъ носорогомъ весною, по насту, загоняя ихъ въ овраги, наполненные снѣгомъ, при чемъ сами могли пользоваться лыжами. Однимъ словомъ, они могли располагать при охотѣ на большихъ млекопитающихъ тѣми двумя способами—ямами и промысломъ по насту, который до сихъ поръ господствуетъ въ лѣсной полосѣ Сибири и Россіи, напримѣръ, у Зырянъ и Остяковъ. Вообще, какъ я уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ [1]), первобытные обитатели эпохи мамонта, какъ въ нынѣшней Воронежской губерніи, такъ и около Карачарова, должны были представлять прообразъ нынѣшнихъ Остяковъ и Самоѣдовъ по ихъ жилищу, такъ какъ они жили не въ пещерахъ, а на открытомъ воздухѣ.

[1]) Антрополог. поѣздка въ центральную и восточную Россію, стр. 84.

Во всякомъ случаѣ около Карачарова найдена, хотя и не вполнѣ ясная, страница, изъ исторіи человѣческой дѣятельности, относящейся къ весьма отдаленному отъ насъ прошлому; эта страница, не смотря на ея неясность и неполноту, чрезвычайно для насъ поучительна. Изъ раскопокъ прежде всего очевидно, что человѣкъ жилъ одновременно съ млекопитающими, нынѣ по большей части вымершими, изъ коихъ нѣкоторыя составляютъ и въ настоящее время предметы удивленія для человѣка по ихъ болѣе или менѣе рѣдкимъ остаткамъ: таковы мамонтъ и носорогъ; другія изъ этихъ животныхъ, какъ благородный олень, существуютъ теперь только внѣ предѣловъ Европейской Россіи, и наконецъ, третьи, какъ огромный олень, близкій къ лосю, но по видимому, не сходный съ такъ-называемымъ гигантскимъ или исландскимъ оленемъ (Cervus megaceros), составляютъ только загадку для науки. По медвѣжьему черепу, найденному въ Муромѣ, очевидно, что человѣкъ жилъ одновременно и съ громаднымъ пещернымъ медвѣдемъ (Ursus spelacus). Всѣ эти спутники человѣка, враги его и предметы его пропитанія, относятся (кромѣ благороднаго оленя) къ такъ-называемому диллувіальному періоду, который, несомнѣнно, отдѣленъ отъ насъ чрезвычайно длиннымъ промежуткомъ времени; диллувіальный періодъ на столько отдаленъ отъ насъ, что древность его можетъ оцѣнить только тотъ, кто привыкъ измѣрять время геологическою мѣрою. И въ самомъ дѣлѣ, прежде всего нужно принять во вниманіе то обстоятельство, сколько именно нужно было времени для того, чтобы господствовавшіе во времена древнѣйшаго человѣка звѣри, какъ мамонтъ и носорогъ, совершенно исчезли съ лица земной поверхности. Если они вымерли потому, что ихъ усиленно истреблялъ человѣкъ, то могло ли это истребленіе идти быстро при самомъ первобытномъ вооруженіи человѣка? Напротивъ того, первобытные дикари, населявшіе равнины Европейской Россіи, должны были напоминать собою современные бродячіе народы сѣвера Россіи и Сибири; нѣтъ ни одного сухопутнаго животнаго, которое было бы истреблено этими народами, прежде чѣмъ они познакомились съ орудіями болѣе совершенными, принесенными къ нимъ представителями болѣе цивилизованныхъ расъ, а въ данномъ случаѣ преимущественно Русскими. Вмѣстѣ съ постепеннымъ истребленіемъ окружавшихъ пер-

По поводу имени Коцилина было сдѣлано нѣсколько догадокъ [1]), но всѣ онѣ остаются пока только догадками; всего правдоподобнѣе сближеніе Коцилина (Κοτζίλιν, можетъ быть, вмѣсто Κοδίλιν) съ Кадолахомъ (Cadolach, Cadolaus) [2]).

Въ борьбѣ Хорватовъ съ Франками должно быть отмѣчено еще одно обстоятельство, заслуживающее вниманія изслѣдователей. Мы разумѣемъ ту роль, которую играла Византія въ этомъ славянскомъ возстаніи. Многое убѣждаетъ насъ въ томъ, что Греки, будучи непримиримыми врагами Франкской монархіи, не только сочувствовали предпріятію Хорватовъ, но даже, побуждаемые своими собственными интересами, разными путями участвовали въ немъ и помогали Хорватамъ одолѣть общаго врага. Несомнѣннымъ доказательствомъ этого факта служитъ эпизодъ изъ исторіи возстанія Людевита [3]). Разказываютъ, что патріархъ Града, Фортунатъ (Fortunatus), помогалъ Людевиту при построеніи крѣпостей. Обвиненный въ этомъ беззаконномъ поступкѣ передъ Франкскимъ императоромъ, онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Какъ будто исполняя приказъ явиться къ императору, онъ отправился въ Истрію, а оттуда бѣжалъ въ городъ Задръ, гдѣ прямо обратился къ греческому префекту. Послѣдній немедленно препроводилъ его въ Константинополь, гдѣ онъ и оставался до окончанія войны [4]). Очевидно, слѣдовательно, Византія держала сторону Хорватовъ. Все, что разказываетъ Константинъ о событіяхъ этого времени, нисколько не противорѣчитъ этому положенію.

Второй достовѣрный фактъ, сообщаемый Константиномъ, есть обращеніе Хорватовъ въ Римъ по достиженіи независимости, съ просьбою прислать вторично священниковъ, которые крестили бы ихъ. Этотъ поступокъ Хорватовъ не заключаетъ въ себѣ ничего неестественнаго [5]). Сознавая пользу христіанства и выгоду союза

[1]) *Шафарикъ* (II, кн. 2, 14) сближаетъ Коцилина съ какимъ-то Госилиномъ, обезглавленнымъ въ 834 г. по повелѣнію императора, *Микоци* (Ot. Cr.) 274)—съ Salacho Comes, и т. д.

[2]) *Dümmler*, 391, пр. 4; Rački, Docum., p. 329.

[3]) Намъ сообщаетъ о немъ Эйнгардъ въ своихъ Анналахъ подъ 821 г.

[4]) Срвн. *Dümmler*, 390.

[5]) *Дюмлеръ*, 392, подобно *Дринову*, смотрящій вообще, по нашему мнѣнію, уже слишкомъ недовѣрчиво на свидѣтельства нашего историка, также не отрицаетъ этого вторичнаго крещенія.

съ папой [1]), они хотѣли скорѣе возстановить и то, и другое, такъ какъ смутное время борьбы съ Франками заставило забыть и о христіанствѣ, еще не успѣвшемъ пустить корни въ массѣ народа, и о заключенномъ когда-то договорѣ съ папой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обращеніемъ къ Римской церкви нисколько не нарушались еще продолжавшіяся дружественныя отношенія между Хорватами и Византіей. Первая попытка распространенія христіанства у Иллирскихъ Славянъ была произведена тѣмъ же римскимъ духовенствомъ по распоряженію самого Византійскаго императора. Церковнаго разрыва между восточною и западною церквами тогда еще не было, и Хорваты могли, по прежнему примѣру, не боясь возбудить неудовольствіе Византіи, обратиться къ Римскому папѣ. Впрочемъ надо замѣтить, что въ то время Византія уже начинала терять свое вліяніе и авторитетъ у Иллирскихъ Славянъ и Далматинцевъ.

Какъ мы видѣли, Константинъ—если вѣрно понимать его свидѣтельство—относитъ достиженіе Хорватами независимости и свободы по отношенію къ Византійской имперіи особенно ко времени царствованія слабаго императора Михаила II Косноязычнаго (820—829 гг.), а также ближайшихъ его преемниковъ; однако справедливѣе, кажется, относить окончательное отпаденіе Далматинскихъ племенъ отъ Византіи не къ Михаилу II, а къ Михаилу III (842—867 гг.) [2]). Критики, отвергающіе освобожденіе Хорватовъ изъ-подъ власти Франковъ, какъ его передаетъ Константинъ, само собою находятся въ необходимости отвергать [3]) и это свидѣтельство нашего писателя о постепенномъ освобожденіи Хорватовъ отъ византійской верховной власти, ибо не могли же эти послѣдніе въ одно и то же время находиться въ подчиненіи у Франковъ и пріобрѣтать независимость по отношеніи къ Византіи! Этотъ вопросъ, какъ мы замѣтили выше, такъ запутанъ и неясенъ, что прійдти къ какому-либо рѣшительному выводу въ высшей степени трудно. На основаніи свидѣтельствъ Константина можно себѣ представить дѣло такимъ образомъ: до Карла Великаго Хорваты вполнѣ признавали верховную

[1]) *Шафарикъ* II, и 2, 14—15.

[2]) Продолжатель Θеофана также относитъ его къ царствованію Михаила II., но „Жизнеописаніе Василія“ въ этомъ случаѣ даетъ болѣе вѣрное показаніе. См. *Hirsch*, Byzantin. Studien, Leipzig, 1876, S. 198—199.

[3]) *Dümmler*, 390; *Дриновъ*, Южные Славяне и Византія въ X в., стр. 36.

глиной, сравнявшею вершину холма со всѣми другими окрестными высотами, то мы будемъ близки къ истинѣ. Послѣ того, какъ сѣрая глина заровняла впадины, она образовала сверху довольно ровную поверхность, на которой расположился растительный или черноземный слой, толщиною, какъ я уже сказалъ, отъ одной четверти до полуаршина. Итакъ, черноземъ здѣсь — послѣдняя страница, хотя и для его образованія необходимы были, конечно, цѣлыя тысячелѣтія; и именно въ періодъ образованія этого чернозема въ самой долинѣ рѣки обитали тѣ жители каменнаго вѣка, которые были мною очерчены въ предшествующихъ статьяхъ. Но подъ черноземомъ лежитъ еще болѣе громадная толща сѣрой, песчанистой глины, въ которой погребены человѣческія произведенія съ костями мамонта и другихъ вымершихъ млекопитающихъ. Если же глина есть въ самомъ дѣлѣ образованіе атмосферное, сухопутное, мѣстная разновидность лёса,—къ чему имѣется наиболѣе вѣроятности,—то нужно допустить, что пребываніе человѣка палеолитическаго періода около Карачарова дѣйствительно должно относиться къ глубокой древности. Нужно себѣ представить, что окрестности Мурома и Карачарова были въ эту эпоху менѣе ровны, что онѣ не имѣли того совершенно равниннаго характера, какой представляютъ теперь. Здѣсь находились холмы болѣе высокіе, съ вершинъ которыхъ вѣтрами и дождевыми водами сносились частицы почвы въ болѣе низменныя впадины; высота холмовъ уменьшалась вмѣстѣ съ глубиною лежавшихъ около нихъ впадинъ именно,—мѣстность стремилась принять вполнѣ равнинный характеръ. Если взять въ соображеніе, что лёсъ, являющійся въ данномъ случаѣ въ видѣ песчанистой глины, обязанъ своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ вѣтрамъ, уносившимъ составные его элементы съ окрестныхъ высотъ въ видѣ пыли,—то будетъ понятно, какой продолжительный періодъ времени нужно было для того, чтобы надъ найденными нами слѣдами человѣка образовать толщу около одного метра или почти до полутора аршина толщиной. Если допустить, что черноземъ и лесъ могли образоваться съ одинаковою быстротой, или сказать точнѣе, медленностью, то можно допустить, что жители палеолитическаго періода, жившіе около Костенокъ, были почти современны съ древними Карачаровцами, такъ какъ надъ остатками человѣческой дѣятельности въ Костёнкахъ лежитъ приблизи-

тельно та же толща, но только не леса, а чернозема, именно отъ 1,15 метра до 1,4 м. (отъ 1 арш. 10 верш. до 2 арш.) [1]). Если такъ, то прійдется допустить, что и климатическія, и почвенныя условія около Карачарова были еще долго не такъ благопріятны для растительности, какъ это было около Костёнокъ. Подобное же обстоятельство весьма легко могло стоять въ связи съ ледниковымъ періодомъ, да и вообще, палеолитическій человѣкъ Костёнокъ и Карачарова стоялъ, очевидно, ближе къ этому періоду, чѣмъ къ современному. Такой выводъ приходится неизбѣжно сдѣлать, если принять во вниманіе окружавшихъ въ то время человѣка дилювіальныхъ животныхъ—мамонта, носорога и другихъ, служащихъ до сихъ поръ самымъ рѣшительнымъ палеонтологическимъ признакомъ при опредѣленіи времени; не было еще, кажется, ни одного сколько-нибудь обстоятельнаго геолога, который отнесъ бы почвы, въ коихъ встрѣчаются кости этихъ животныхъ, къ аллувіальному или современному періоду. Съ другой стороны, принимая въ соображеніе тотъ фактъ, что во время ледниковаго періода большая часть сѣверо-западной и средней Россіи была покрыта ледниками, нужно думать, что съ наступленіемъ болѣе благопріятныхъ климатическихъ условій, неблагопріятное вліяніе ледниковъ на растительность скорѣе прекратилось для окрестностей Воронежа, чѣмъ для болѣе удаленныхъ на сѣверъ окрестностей Мурома. И очень можетъ быть, что въ то время, когда въ Воронежской губерніи уже разстилались луга, когда тамъ развилась богатая растительность, въ окрестностяхъ Мурома господствовала еще скудная сѣверная флора, а въ Финляндіи и Олонецкой губерніи наиболѣе выдающіяся высоты были закованы льдомъ, низины же были заполнены многочисленными и обширными озерами; и если окрестности Воронежа и Мурома были болѣе или менѣе благопріятны для обитанія человѣка, то возвышенный сѣверо-западный уголъ Россіи, Финляндія и Олонецкая губернія не могли быть обитаемы человѣкомъ уже потому, что его спутники, носорогъ и мамонтъ, не водились еще тамъ въ должномъ изобиліи: по крайней мѣрѣ остатки ихъ изъ этихъ областей крайне рѣдки или совер-

[1]) Антропологическая поѣздка въ центральную и восточную Россію, стр. 22.

шенно неизвѣстны. Вообще, судя по исторіи ледниковъ, нужно предполагать, что въ ледниковый періодъ и въ концѣ его въ Европейской Россіи людское населеніе сосредоточивалось преимущественно въ среднихъ и южныхъ частяхъ ея, и вѣроятно, древніе обитатели окрестностей Костёнокъ и Карачарова принадлежатъ къ числу этихъ коренныхъ жителей. Въ такомъ случаѣ періодъ времени, отдѣляющій ихъ отъ насъ, долженъ быть громаденъ. По этому предмету позволю себѣ привести здѣсь соображенія, уже высказанныя мною въ другомъ мѣстѣ: „Теперь же пока все говоритъ за то, что у насъ былъ развитъ ледниковый періодъ въ чрезвычайно широкихъ размѣрахъ, и трудно себѣ представить, какъ велико было время, въ теченіе котораго онъ господствовалъ. Уже только для образованія снѣговой или ледяной толщи въ 3000 футовъ мощностью, требовалось время; точно также, въ какое количество времени валуны могли пропутешествовать разстояніе въ одну тысячу верстъ отъ мѣста ихъ залеганія? Если даже представить себѣ наибольшую скорость, съ которою нынѣ двигаются только при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ ледники съ высокихъ Альпъ, именно со скоростью 84 метровъ (275 футовъ) въ годъ, то и тогда валунъ долженъ пропутешествовать разстояніе въ одну тысячу верстъ вмѣстѣ съ ледникомъ только въ 13 тысячъ лѣтъ. Наши же ледники не имѣли крутыхъ скатовъ для движенія и поэтому двигались, вѣроятно, со скоростью въ два или три раза меньшею, поэтому и разстояніе въ тысячу верстъ они могли пройдти только въ 30 до 40 тысячъ лѣтъ“ [1]). Если взять при всемъ этомъ въ соображеніе тотъ фактъ, что климатическія условія измѣняются всегда медленно, и что было необходимо для накопленія чрезвычайныхъ массъ снѣговъ и льду въ Европейской Россіи также много времени, какъ и для исчезновенія этихъ массъ, и если ледники еще господствовали на крайнемъ сѣверо-западѣ Россіи въ ту эпоху, когда въ центральныхъ ея частяхъ обитали люди вмѣстѣ съ носорогомъ и мамонтомъ,—то и для таянія этихъ остатковъ, долженствовавшихъ имѣть еще большую мощность, были необходимы десятки тысячъ лѣтъ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что промежутокъ времени, отдѣлявшій жителей эпохи мамонта

[1]) Живописная Россія, т. I, стр. 349.

около Карачарова отъ древнихъ Волосовцевъ, долженъ быть считаемъ чрезвычайно продолжительнымъ; между этими двумя періодами лежитъ пробѣлъ, который въ западной Европѣ имѣетъ переходное звѣно въ періодѣ сѣвернаго оленя, а у насъ еще ждетъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

III.

Верховья Волги.

Мое пребываніе въ верховьяхъ Волги.—Остатки каменнаго вѣка на озерѣ Сигѣ: на сѣверо-восточной его сторонѣ и на мысахъ Коровкѣ и Бѣлкѣ.—Остатки каменнаго вѣка на берегахъ Селигера: около Осташкова, слободы Рожковской, Ниловой пустыни и селенія Новыхъ Ельцовъ.—Орудія изъ долины Волги, около озерь Стержа и Овселука.—Городища въ долинѣ Волги и на берегу озера Глубокаго.— Дальнѣйшій путь.

Большую часть лѣта 1874 года я провелъ въ окрестностяхъ города Осташкова, изслѣдуя, по порученію Общества естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ, водную и сухопутную фауну здѣшняго края. При этомъ всѣ главныя озера, лежащія въ верховьяхъ Волги, были искрещены мною на лодкахъ, а берега ихъ были обойдены пѣшкомъ, съ ружьемъ въ рукахъ. Рядомъ съ современною жизнью природы и человѣка, мнѣ не могли не броситься въ глаза и слѣды уже угасшей жизни, которые, можно сказать, здѣсь повсемѣстно весьма многочисленны. Многіе въ настоящее время пустынные углы здѣшняго края, какъ оказывается, были уже обитаемы человѣкомъ въ эпоху каменнаго вѣка. Эти слѣды до-исторической жизни относятся всѣ къ неолитическому или позднѣйшему періоду, здѣшніе представители котораго были, вѣроятно, современны съ жителями каменнаго вѣка Олонецкой губерніи, а также долины Оки и самой Волги въ среднемъ ея теченіи, какъ напримѣръ, въ Казанской губерніи, около селенія Карташихи [1]). Каменныя орудія находятся въ верховьяхъ Волги преимущественно въ растительномъ слоѣ, по берегамъ озеръ, а также на прибрежныхъ песчаныхъ холмахъ; остатки каменнаго вѣка нерѣдко можно находить въ бе-

[1]) Антропологич. поѣздка въ центр. и вост. Россію, стр. 71–74.

реговой галькѣ, куда они попадаютъ послѣ того, какъ берега подмываются водою. Вообще въ верховьяхъ Волги, какъ и въ большей части сѣверо-западной Россіи, въ особенности же въ такъ-называемой озерной области, жители каменнаго вѣка преимущественно избирали мѣстами своего пребыванія берега озеръ. Конечно, уже по самому существу предмета, мои наблюденія были только поверхностны, такъ какъ я не имѣлъ средствъ предпринимать значительныя раскопки, возможныя только въ виду какихъ-либо практическихъ или техническихъ цѣлей. Съ подобнаго рода раскопками, можетъ быть, памятники быта жителей каменнаго вѣка увеличились бы въ количествѣ, нашлись бы въ такомъ случаѣ существенныя данныя, замытыя водой въ глубину почвы и скрытыя теперь отъ наблюдателей; но я долженъ былъ ограничиваться тѣмъ, что̀ доступно наблюденію, что̀ пока открыто для изслѣдователя въ естественныхъ обнаженіяхъ береговъ и почвы. Здѣсь я укажу на пункты наиболѣе характерные, въ которыхъ обитали жители каменнаго вѣка въ верховьяхъ Волги.

Верстахъ въ десяти къ югу отъ Осташкова лежитъ довольно большое, верстъ до 6 въ длину, озеро Сигъ. На сѣверо-восточной его сторонѣ есть мысъ, довольно далеко вдающійся въ озеро; мысъ приходится между деревнями Буковицами и Алкатовой. Все пространство между этими деревнями пустынно, берегъ по большей части низменный, а во многихъ мѣстахъ и болотистый; 25-го апрѣля 1874 года озеро было уже чисто отъ льда, кромѣ береговъ, на которыхъ ледъ былъ набитъ громадными кучами; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ берега состояли изъ болотъ и торфяниковъ, напоръ льда оставилъ слѣды своего дѣйствія, образовавъ на этихъ берегахъ валы, совершенно подобные тѣмъ, которыя я видѣлъ въ Олонецкой губерніи, напримѣръ, около Тудозера [1]). Если ледъ сдвигаетъ торфяные берега, при чемъ результатомъ сдвиговъ являются валы, то то же самое онъ могъ сдѣлать и съ валунами, находившимися въ водѣ около береговъ. Подобное явленіе здѣсь также существуетъ; валы изъ валуновъ были встрѣчены мною по берегамъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но въ одномъ мѣстѣ они были въ особенности характерны. Южнѣе д. Алкатовой былъ встрѣченъ мною

[1]) Записки по Отд. Этногр., т. III, стр. 340—341.

валъ до такой степени правильный, что я сначала готовъ былъ признать его за искусственный; впрочемъ, это даже не одинъ валъ, а два, совершенно параллельные другъ къ другу. Первый валъ находится отъ обыкновеннаго уровня озера въ разстояніи сажень двухъ; онъ состоитъ изъ цѣлаго ряда валуновъ, изъ коихъ нѣкоторые достигаютъ нѣсколькихъ аршинъ въ наибольшемъ поперечникѣ; на нѣкоторыхъ же вверху существуютъ площадки на столько просторныя, что на нихъ свободно могутъ сидѣть два человѣка; валъ этотъ имѣетъ около двухъ аршинъ высоты, а въ длину простирается на нѣсколько сажень, и притомъ валуны стоятъ почти сплошь или на самомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга. На разстояніи сажени въ глубь материка, около перваго вала расположенъ совершенно ему параллельно другой, состоящій преимущественно изъ еще бо̀льшихъ валуновъ; поэтому онъ еще выше и какъ бы массивнѣе перваго. Всѣ валуны крѣпко замыты въ озерный наносъ, состоящій изъ гальки, растительной земли и даже торфа. Первоначальное свое предположеніе объ искусственномъ происхожденіи каменныхъ валовъ я смѣнилъ затѣмъ заключеніемъ, что они имѣютъ аналогичное начало съ береговыми валами изъ торфа; именно, я думаю, что валуны были снесены льдомъ, хотя, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ частностяхъ въ устройствѣ ихъ проявилось и участіе человѣка. Во всякомъ случаѣ эти валы были извѣстны уже до-историческому человѣку, и именно тому, который зналъ только искусство готовить свои домашнія принадлежности и орудія изъ камня, и слѣдовательно, кости. Однимъ словомъ, этихъ валовъ, находящихся въ настоящее время въ самомъ пустынномъ углу озера, въ самой необитаемой части его прибрежій, никто правильно и систематически не посѣщалъ, не имѣлъ здѣсь постояннаго мѣстопребыванія, кромѣ жителей каменнаго вѣка, которые, какъ это станетъ ясно изъ дальнѣйшихъ фактовъ, были нѣкогда на берегахъ озера Сига многочисленны. Въ доказательство того, что жители каменнаго вѣка на этихъ валахъ оставались продолжительно, они оставляли обломки посуды весьма грубой, сдѣланной изъ глины, а главнымъ образомъ массу кремневыхъ осколковъ, весьма типичныхъ, служившихъ орудіями, напримѣръ, ножами, или же происшедшихъ отъ обдѣлки орудій. Я не только находилъ всѣ эти остатки въ щебнѣ и въ озерномъ на-

носѣ, лежащемъ у основанія валовъ, но даже больше: кремневые осколки часто встрѣчались въ разсѣлинахъ огромныхъ валуновъ или въ промежуткахъ между разными валунами. Остается только поставить вопросъ: жили ли обитатели каменнаго вѣка здѣсь постоянно, или же появлялись только временно, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, въ періодъ ихъ существованія озеро имѣло высшій уровень, и валы находились частію въ водѣ. Они могли пребывать здѣсь временно съ двоякою цѣлью: или они ловили здѣсь рыбу въ тотъ или другой періодъ времени, или же, можетъ быть, отдавали этимъ каменнымъ валамъ божескія почести: извѣстно, что и нынѣшніе Самоѣды и Остяки поклоняются въ низменной долинѣ Оби и въ плоскихъ прибрежьяхъ Ледовитаго океана валунамъ, выдающимся своей болѣе или менѣе необыкновенною формой и размѣрами, а также метеорнымъ камнямъ. Я по личному опыту знаю, что Остяки поклоняются камню, лежащему въ водахъ Оби, и значительная часть котораго выдается надъ поверхностью воды; такой валунъ я видѣлъ не въ дальнемъ разстояніи отъ Кондинска. Описанные мною каменные валы на сѣверо-восточномъ берегу озера Сига составляютъ явленіе рѣдкое и почти исключительное не только для береговъ этого озера, но даже и вообще для всего верховья Волги и озерной области; поэтому было бы неудивительно, что они, какъ явленіе исключительное, могли обратить на себя вниманіе жителей каменнаго вѣка. Къ сожалѣнію, дѣлать какія-либо раскопки около этихъ валовъ я не имѣлъ возможности.

Укажу еще на два пункта въ прибрежьяхъ озера Сига, на которыхъ были найдены мною явные слѣды каменнаго вѣка. Первый изъ нихъ—это мысъ, лежащій на сѣверо-западной сторонѣ озера, противъ погоста Сига, недалеко отъ усадьбы Уткино-Іевлево, принадлежащей С. П. Уткину, и въ которой я пользовался во время своихъ изслѣдованій гостепріимствомъ и любезностью хозяевъ. Мысъ носитъ названіе Коровка, какъ говорятъ, потому, что въ его болотистой почвѣ завязла нѣкогда и погибла корова. Въ самомъ дѣлѣ мысъ имѣетъ совершенно болотистый характеръ; онъ—низменный, поверхность его кочковатая, почва—торфянистая, покрытая мелкими кустарниками. Около окраинъ торфа, по берегу озера, по большей части въ водѣ, и только въ немногихъ случаяхъ на сушѣ, я нашелъ множество кремневыхъ обломковъ, до-

вольно грубыхъ кремневыхъ топоровъ и наконечниковъ стрѣлъ; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь была масса обломковъ отъ грубой глиняной посуды. Прослѣживая естественное, коренное залеганіе остатковъ, я пришелъ къ заключенію, что ихъ не имѣется въ самомъ торфѣ, составляющемъ самый верхній пластъ почвы; показалось же мнѣ болѣе вѣроятнымъ, что орудія залегаютъ въ пескѣ и въ щебнѣ, на которыхъ собственно и покоится торфъ; однимъ словомъ, толща торфа отъ одной четверти до полуаршина показалась мнѣ образованіемъ, происшедшимъ послѣ того, какъ здѣсь обитали жители каменнаго вѣка. Но въ такомъ случаѣ, если вмѣсто торфа нынѣшній мысъ былъ покрытъ водой, то какимъ образомъ могли попасть сюда въ почву каменныя орудія? Этотъ вопросъ остается для меня пока загадочнымъ. Второй пунктъ, на которомъ были найдены остатки каменнаго вѣка, лежитъ на юго-западномъ берегу, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Уткиной-Іевлевой, немного южнѣе деревни Новаго Курмева; здѣсь находится такъ-называемый заливъ Бѣлки. Мысъ, за которымъ начинается заливъ, и служилъ мѣстопребываніемъ жителей каменнаго вѣка. Самый мысъ состоитъ изъ низины, образованной торфомъ; наибольшая ширина торфяной части мыса простирается до 50 сажень, съ общею длиной въ два раза большею. На окраинѣ мыса находится торфяной валъ, образовавшійся, очевидно, вслѣдствіе напора льда. Затѣмъ, пройдя торфяную низину по направленію вглубь материка, можно встрѣтить настоящій материкъ, являющійся въ видѣ пологаго холма. Въ основаніи холма лежитъ ледниковый наносъ съ валунами, и на немъ въ свою очередь покоится нетолстый глинистый или песчаный слой безъ валуновъ, за которымъ слѣдуетъ наконецъ растительная или пахотная почва. На этой возвышенной части мыса и раскинуты пашни современныхъ жителей. На этихъ именно поляхъ я и находилъ большое количество кремневыхъ, весьма типичныхъ обломковъ, такъ что, несомнѣнно, возвышенная часть мыса и была нѣкогда обитаема жителями каменнаго вѣка. Притомъ нужно думать, что низменная торфяная окраина мыса въ періодъ каменнаго вѣка не существовала: вмѣсто торфа здѣсь была вода. Къ числу безспорныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что возвышенная часть мыса была обитаема жителями каменнаго вѣка, относится, между прочимъ, наконечникъ стрѣлы, найденный здѣсь въ

растительномъ слоѣ; этотъ наконечникъ, изъ темнаго кремня, изображенъ въ настоящую величину на таблицѣ IX, фиг. 1. По типу онъ напоминаетъ многіе экземпляры наконечниковъ, происходящіе изъ долины Оки; такъ наконечники, изображенные на таблицѣ VII, отличаются только болѣе изящною и аккуратною отдѣлкой. Очевидно также, что встрѣчающіеся на мысу Бѣлкахъ кремневые обломки относятся къ каменному вѣку; но вмѣстѣ съ ними находятся въ пахотномъ слоѣ множество горшечныхъ обломковъ, также кости различныхъ, преимущественно домашнихъ животныхъ. Касательно этихъ горшечныхъ обломковъ и костей трудно сказать, чтобъ они относились къ каменному вѣку,—скорѣе это принадлежности жителей курганнаго періода. Такое заключеніе можетъ быть даже вполнѣ справедливо по той причинѣ, что тутъ же, въ глубинѣ залива, недалеко отъ мыса расположено шесть кургановъ правильнымъ рядомъ и почти съ одинаковыми промежутками между собою. Вообще, по отношенію къ верховьямъ Волги, я пришелъ къ тому заключенію, что, вѣроятно, каменный вѣкъ смѣнился здѣсь непосредственно курганнымъ періодомъ, или во всякомъ случаѣ, что эти двѣ до-историческія эпохи стояли здѣсь въ тѣсной связи: повсемѣстно, гдѣ только встрѣчаются слѣды каменнаго вѣка, тамъ же попадаются и слѣды курганнаго періода; по видимому, жители курганнаго періода тѣснили своихъ предшественниковъ, шли по пятамъ за ними; рѣдко гдѣ случается найдти каменныя орудія или кремневые обломки въ совершенной чистотѣ, безъ примѣси костей, хотя и подвергавшихся отдѣлкѣ, домашнихъ животныхъ. Предстоящее еще изслѣдованіе многочисленныхъ кургановъ, расположенныхъ иногда группами въ нѣсколько десятковъ и раскинутыхъ въ разныхъ мѣстахъ верховьевъ Волги (таковы, напримѣръ, мѣста около Заисречья и Кустыни на Волгѣ, около Березовскаго погоста на Селигерѣ, въ окрестностяхъ Ширкова и т. д.) выяснитъ, вѣроятно, культурныя отношенія расъ, относящихся къ двумъ разнымъ періодамъ; во всякомъ же случаѣ изслѣдованіе верхне-волжскихъ кургановъ должно дать весьма интересный научный матеріалъ.

По берегамъ всѣхъ другихъ озеръ остатки каменнаго вѣка также весьма обыкновенны, и притомъ въ условіяхъ ихъ нахожденія нѣтъ никакихъ особенно выдающихся фактовъ; все это остатки неолитическаго періода. Нѣтъ точно также какихъ-либо

явленій, которыя указывали бы на сколько-нибудь существенныя измѣненія въ физической географіи тѣхъ мѣстъ, гдѣ жители каменнаго вѣка оставили свои слѣды. Очевидно, что жители каменнаго вѣка селились на озерахъ около мысовъ и заливовъ, въ которыхъ они искали спасенія на своихъ ладьяхъ во время непогодъ. И если взять озеро Селигеръ, то очевидно, здѣсь эти неудобства были повсюду, благодаря изобилію, какъ мысовъ и заливовъ, такъ и островов. Такъ, слѣды каменнаго вѣка встрѣчаются повсюду: даже около самаго города Осташкова, расположеннаго на мысу, въ южной части озера Селигера; на песчаныхъ берегахъ озера, въ окрестностяхъ самаго города, типичные кремневые осколки, принадлежащіе несомнѣнно къ каменному вѣку, встрѣчаются повсюду. Встрѣтить настоящія орудія около города, конечно, трудно, такъ какъ подъ именемъ громовыхъ стрѣлъ они имѣютъ значеніе у мѣстныхъ жителей; тѣмъ не менѣе въ одномъ изъ самыхъ посѣщаемыхъ горожанами пунктовъ Осташкова, я нашелъ на берегу Селигера весьма хорошее орудіе. Это было на самой крайней оконечности того полуострова, на которомъ расположенъ городъ, именно на мысу, гдѣ находится монастырь; орудіе это очевидно находилось въ растительномъ слоѣ острова, но такъ какъ послѣдній подмывается водами озера, то оно и обрушилось въ воду, вмѣстѣ съ частью берега; оно изображено на таблицѣ IX, фиг. 3, въ настоящую величину. Какъ ясно и изъ рисунка, это — небольшой, довольно остро-заточенный топоръ; сдѣланъ онъ изъ красноватаго роговика. Какъ матеріалъ, изъ котораго топорикъ сдѣланъ, такъ и форма его, весьма напоминаютъ орудія изъ Волосова и Плеханова бора. Судя по этому топору, а также по цѣлой массѣ кремневыхъ осколковъ, можно думать, что каменный вѣкъ новѣйшаго періода существовалъ на югѣ озера Селигера въ весьма чистомъ видѣ. То же самое нужно сказать и о всѣхъ другихъ прибрежьяхъ озера. Такъ, слѣды каменнаго вѣка были найдены мною верстахъ въ четырехъ отъ Осташкова, черезъ заливъ, недалеко отъ свободы Рожковской. Это мѣсто лежитъ по берегу озера, южнѣе самой слободы. Главные пункты его—мысъ Ветла, ограниченный съ одной стороны заливомъ Острицей, съ другой—лукою или заливомъ Кальчугомъ. Мысъ и его окрестности состоятъ изъ песчаныхъ и частію супесчаныхъ холмовъ; по общему характеру топографіи

мѣстности слѣдуетъ заключить, что холмы эти суть продуктъ болѣе или менѣе древнихъ дюнныхъ образованій озера Селигера. Большое количество часто очень тонкихъ, призматическихъ кремневыхъ осколковъ, вполнѣ типичныхъ для каменнаго вѣка, было находимо мною на поверхности песчаныхъ холмовъ или во впадинахъ, въ растительномъ слоѣ, перепаханномъ для пашень. Вмѣстѣ съ кремневыми осколками, встрѣчались въ большомъ количествѣ и обрѣзки костей, часто весьма мелкіе, попадались и человѣческіе зубы. И здѣсь опять-таки есть вѣроятность предполагать, что въ растительномъ слоѣ и на поверхности песчаныхъ холмовъ, кромѣ остатковъ каменнаго вѣка, существуютъ и курганные, хотя представители этихъ двухъ періодовъ могли жить и разновременно; по крайней мѣрѣ встрѣчающіеся обломки горшковъ, вмѣстѣ съ остатками, имѣли отдѣлку болѣе совершенную, чѣмъ мы видимъ то въ издѣліяхъ настоящаго каменнаго вѣка; вообще, присутствіе горшечной посуды, болѣе напоминающей курганный періодъ, наводитъ на мысль о довольно тѣсныхъ отношеніяхъ жителей курганнаго періода къ представителямъ эпохи каменнаго вѣка. Пункты, на которыхъ встрѣчаются собственно остатки жителей каменнаго вѣка, лежатъ надъ уровнемъ озера на высотѣ не болѣе одного или полтора аршина; поэтому есть вѣроятность предполагать, что всѣ пункты около мыса болѣе низкіе, чѣмъ на аршинъ или полтора, были въ каменный вѣкъ залиты водой, и притомъ часть мыса вдавалась въ озеро въ видѣ острова, а между холмами были внутренніе озерки, какъ это обыкновенно бываетъ въ дюнныхъ образованіяхъ.

Сдѣлаю перечень еще другихъ мѣстъ по берегамъ Селигера, гдѣ были найдены болѣе или менѣе характерныя орудія каменнаго вѣка. Въ весьма близкомъ разстояніи отъ извѣстнаго монастыря—Ниловой пустыни, на материковомъ берегу существуютъ и песчаные холмы, и плотные глинистые, покрытые слоемъ чернозема. Осколки кремней находятся здѣсь какъ въ пескахъ, такъ и въ черноземѣ или въ черноземно-растительномъ слоѣ. Судя по типической, призматической формѣ найденныхъ мною осколковъ, съ острыми гранями, не могу не причислить ихъ всѣ къ каменному вѣку, а затѣмъ укажу на одно издѣліе изъ рыбьей кости: это—игла, которая была найдена въ черноземно-растительномъ слоѣ, вмѣстѣ съ осколками.

Ушкомъ ей служило естественное отверстіе, при чемъ края около него не были достаточно сглажены, конецъ же иглы былъ тщательно обточенъ и пріостренъ. Эта игла изображена на таб. IX, фиг. 4; она совершенно сходна съ иглами изъ рыбьихъ костей, которыя я находилъ въ долинѣ Оки, около Волóсова. Есть еще одно весьма оригинальное орудіе, которое было найдено при подобныхъ же условіяхъ, въ другомъ мѣстѣ, именно въ имѣніи графа Толстаго, Новыхъ Ельцахъ, при началѣ той части или вѣтви Селигера, которая называется Березовскими плесами. Это орудіе изображено на таблицѣ VI, фиг. 4, въ половинную величину. Оно состоитъ изъ сланцеваго валуна, довольно тяжелаго, пересѣченнаго вдоль болѣе твердыми прослойками, образующими выступы или какъ бы карнизы; этотъ валунъ частію, можетъ быть, обмытъ водой, хотя поверхность его переховатая. Человѣкъ старался приноровить этотъ валунъ къ той или другой цѣли съ двухъ его концовъ: на концѣ болѣе тонкомъ валунъ обитъ, по видимому, очень вѣрными ударами какого-либо другаго орудія, и здѣсь появилась довольно правильная плоскость, пересѣкающая валунъ поперекъ. На другомъ, болѣе толстомъ концѣ, валунъ также былъ какъ бы обрубленъ поперекъ, и притомъ эта площадь сѣченія весьма тщательно обточена, что̀ и доказываетъ, что валунъ подвергался отдѣлкѣ съ какой бы то ни было цѣлью. При всей формѣ валуна, по его вѣсу, очевидно, что онъ служилъ бьющимъ орудіемъ, замѣнялъ палицу: при этомъ рукояткой служилъ для него узкій конецъ, который совершенно удобно обхватывается рукой, что̀ даетъ возможность держать его крѣпко и направлять ударъ вѣрно; бьющею стороной, направленною на какой-либо предметъ, или можетъ быть, на врага, должна была служить та, которая болѣе выпукла.

Остатки каменнаго вѣка находятся и на берегахъ озеръ, лежащихъ непосредственно въ верховьяхъ Волги; такъ подобные остатки, притомъ весьма типичные, были найдены мною при впаденіи Волги, по выходѣ ея изъ озера̀ Стержа, въ Овселукъ, какъ разъ около погоста Ширкова. Здѣсь разнаго рода остатки и принадлежности каменнаго вѣка сохранились въ наибольшей чистотѣ, безъ примѣси какихъ бы то ни было предметовъ, которые наводили бы на мысль о другихъ, болѣе новыхъ эпохахъ человѣческой культуры.

Это мѣстонахожденіе орудій—невысокій, иловато-песчаный холмъ, лежащій по лѣвому берегу Волги, на той именно сторонѣ, гдѣ расположенъ Ширковъ погостъ; на холмѣ распахано поле, на которомъ нынѣ разводится картофель. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что вообще находить самыя совершенныя орудія на пашняхъ въ настоящее время почти не возможно, такъ какъ пашни давно распахиваются, и крестьяне еще въ недавнія времена собирали кремни для добыванія огня, а другіе болѣе характерные предметы брали какъ рѣдкость или какъ громовыя стрѣлы. Тѣмъ не менѣе я нашелъ здѣсь нѣсколько прекрасныхъ скребковъ и ножей. Одинъ изъ такихъ скребковъ представленъ на таблицѣ IX, фиг. 2, въ настоящую величину. Одинъ сдѣланъ изъ плотнаго, каменноугольнаго чернаго кремня и имѣетъ острые края; скребущій же край его обитъ въ видѣ весьма правильнаго полукруга вѣрными и тщательно направленными ударами. По формѣ онъ совершенно сходенъ со скребками окскими и олонецкими, только онъ относительно длиннѣе, чѣмъ тѣ, что̀ встрѣчаются въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ. Впрочемъ, какъ скребки въ Олонецкой губерніи и въ долинѣ Оки измѣнчивы по величинѣ, формѣ, длинѣ и ширинѣ, такъ видимо они были разнообразны и въ верховьяхъ Волги; по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ съ изображеннымъ я нашелъ другой скребокъ, подобной же формы, изъ того же кремня, но болѣе короткій и потому почти тожественный со многими олонецкими и окскими экземплярами. Вмѣстѣ съ этими скребками и ножами были найдены также горшечные обломки; одинъ изъ такихъ изображенъ на таблицѣ IX, фиг. 5. По узору этотъ обломокъ горшка почти не отличимъ отъ многихъ типичныхъ горшечныхъ обломковъ Олонецкой губерніи и Окской долины [1]).

Здѣсь кстати будетъ сказать, что по другую сторону Волги, также недалеко отъ Ширкова погоста, находятся земляныя сооруженія, относящіяся, по видимому, къ болѣе новой эпохѣ, чѣмъ каменный вѣкъ. Къ числу такихъ принадлежитъ четыреугольникъ, имѣю-

[1]) Нѣсколько найденныхъ по берегамъ оз. Селигера горшечныхъ обломковъ съ узорами и нѣсколько мелкихъ каменныхъ орудій, по большей части нецѣльныхъ, доставлено было И. С. Поляковымъ въ Тверской музей; описаніе ихъ помѣщено въ изданіи Моск. археолог. общества: Древности, т. VII, вып. 3, стр. 187—189.

Ред.

щій около 15 шаговъ по діагонали; онъ ограниченъ выложенными въ рядъ валунами, при чемъ по угламъ стоятъ валуны наибольшей величины; по срединѣ четырехугольника находится возвышеніе, въ которомъ валуны перемѣшаны съ почвой; средина возвышается около сажени надъ окраинами. Есть четыреугольникъ или квадратъ, обложенный только валунами, безъ всякаго внутри возвышенія. Недалеко отъ этихъ сооруженій находится такой же рядъ изъ шести кургановъ, какой я видѣлъ около залива Бѣлки на озерѣ Сигъ. Считаю необходимымъ указать еще на одинъ памятникъ, вѣроятно, имѣющій нѣкоторое отношеніе къ каменному вѣку, хотя можетъ быть—только посредственное. Между Селигеромъ и озеромъ Овселукомъ лежитъ озеро Глубокое. На сѣверо-западномъ его берегу находится высокій холмъ, который видимо былъ обдѣланъ какъ укрѣпленіе. Этотъ холмъ напоминаетъ вполнѣ городище, осмотрѣнное мною въ Тульскомъ уѣздѣ по р. Тулицѣ [1]), точно также какъ рядъ другихъ, находящихся въ западной Сибири по Оби и на Кавказѣ. О холмѣ на берегу озера Глубокаго сохранилась въ моемъ дневникѣ слѣдующая замѣтка: „Одинъ изъ самыхъ высокихъ холмовъ имѣетъ совершенно плоскую столовидную вершину, тогда какъ всѣ окрестные—округлены. Холмъ называется у мѣстныхъ жителей „городкомъ“, съ неизбѣжнымъ о немъ преданіемъ о принадлежности его ко временамъ Литвы. Спускъ съ холма чрезвычайно крутъ, стѣны его обрывисты, почему и видно, что своимъ внѣшнимъ видомъ онъ обязанъ рукамъ человѣка. На верхней площадкѣ находится заброшенная пашня; среди нея я находилъ весьма грубые обломки горшковъ съ пережженными камнями, изъ коихъ нѣкоторые видимо были въ рукахъ человѣка, умѣвшаго обдѣлывать камень посредствомъ обиванія“. У подошвы холма находится огромная куча камней, подъ которою, вѣроятно, и покоятся бывшіе строители крѣпости, какъ то было по р. Тулицѣ. Рядомъ съ первымъ находится другой холмъ, также съ площадкой на вершинѣ, имѣющею до 25 шаговъ въ діаметрѣ; она вся выложена всякаго рода валунами. Подобные же, искусственно обдѣланные холмы находятся на озерѣ Стермянкѣ противъ де-

[1]) Автропологическая поѣздка въ центральную и восточную Россію, стр. 7—8

ревни Конца, на Волгѣ, версты на полторы внизъ по теченію отъ селенія Ясенскаго, на лѣвомъ берегу. Кучи изъ валуновъ видны также на Коровкѣ, на озерѣ Сигѣ, около усадьбы Уткиной. На берегу озера Глубокаго, противъ Карповщины, существуетъ еще кругъ изъ валуновъ, около котораго я нашелъ много кремней, а на берегу, около воды, добылъ грубый наконечникъ стрѣлы; мѣстные крестьяне находили здѣсь много кремневыхъ стрѣлъ.

Оставляя въ сторонѣ указанія на многіе другіе пункты, въ которыхъ я находилъ остатки каменнаго вѣка, въ особенности же по берегамъ Селигера, около многочисленныхъ его заливовъ, я долженъ сказать, что и на дальнѣйшемъ своемъ пути, лѣтомъ 1874 года, я замѣчалъ слѣды жителей каменнаго періода въ разныхъ частяхъ сѣверо-восточной Россіи. Къ числу такихъ мѣстностей принадлежитъ, между прочимъ, озеро Кафтино, лежащее по Рыбинско-Бологовской желѣзной дорогѣ, недалеко отъ станціи Бологого.

IV.

Новый Сясьскій каналъ.

Изслѣдованія профессора А. А. Иностранцева.—Оцѣнка значенія каменныхъ орудій для исторіи человѣчества и находка ихъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія на Ладожскомъ каналѣ. — Каменныя орудія, найденныя на Ладожскомъ побережьѣ, какъ въ прошломъ вѣкѣ, такъ и нынѣ, относятся къ неолитическому періоду.—Сравнительная отдаленность палеолитическаго періода, эпохи мамонта. — Физико-географическія условія нахожденія до-историческихъ остатковъ на новомъ Сясьскомъ каналѣ. — Дельты Нила и другихъ большихъ рѣкъ. — Почему нельзя приписывать большую геологическую древность остаткамъ, найденнымъ на Сясьскомъ каналѣ. — Дюнный характеръ побережья. — Предполагаемый островъ, гдѣ жилъ человѣкъ. — Каналъ за Сясью. — Обитатели каменнаго вѣка относятся, вѣроятно, къ Финскому племени; животныя, ихъ окружавшія; растенія; орудія.— Заключеніе.

28-го декабря 1879 года, въ годовомъ торжественномъ засѣданіи С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей, въ присутствіи громаднаго количества гостей, членовъ VI-го съѣзда натуралистовъ и врачей, я имѣлъ удовольствіе слышать докладъ профессора А. А. Иностранцева о находкахъ различныхъ принадлежностей и

остатковъ каменнаго вѣка, сдѣланныхъ при проведеніи новаго Сясьскаго канала, на юго-восточномъ побережьѣ Ладожскаго озера. Интересъ мой къ сдѣланнымъ находкамъ еще болѣе усилился, когда я осмотрѣлъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ самые предметы находокъ, добытые какъ самимъ докладчикомъ, такъ и его спутниками. Собранная почтеннымъ профессоромъ коллекція, по своей полнотѣ по отношенію къ возстановленію быта до-историческихъ обитателей выдается изъ всѣхъ, которыя были до сихъ поръ составлены въ предѣлахъ Россіи; она должна послужить ключемъ къ разрѣшенію весьма многихъ вопросовъ, которые до сихъ поръ были темны въ исторіи природы и человѣка на сѣверо-западѣ Россіи. Само собою разумѣется, что такой матеріалъ достоинъ глубокаго вниманія; это слѣдуетъ и изъ слѣдующихъ словъ самого докладчика, сказанныхъ имъ на одномъ изъ засѣданій антропологической секціи VI-го съѣзда естествоиспытателей: „Нахожденіе въ данной мѣстности возможно полно выраженной ископаемой фауны и флоры, вмѣстѣ съ издѣліями до-историческаго человѣка, съ одной стороны, даетъ намъ возможность реставрировать его обстановку, а съ другой — такія мѣста могутъ служить основными центрами для извѣстнаго района, съ которымъ мы и будемъ сравнивать болѣе бѣдныя находки изъ ближайшихъ мѣстностей. Полное сходство этихъ послѣднихъ съ остатками такого центра, какъ по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ животнымъ, такъ и въ характерѣ издѣлій до-историческаго человѣка, даетъ намъ возможность приравнять ихъ другъ къ другу по времени. Различіе, выступающее при такомъ сравненіи, заставитъ насъ новыя находки ближайшихъ мѣстностей относить, не смотря даже на ничтожное количество сопровождающихъ ихъ остатковъ животныхъ, къ слѣдующему или предшествующему періоду“ [1]). Именно однимъ изъ такихъ „основныхъ центровъ“ нужно считать новый Сясьскій каналъ, по собранному здѣсь матеріалу для изученія до-историческаго человѣка. Поэтому находка должна быть подвергнута тщательному изученію; лично же для меня, какъ послѣ осмотра

[1]) Рѣчи и протоколы VI-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ, отд. II, стр. 288, рефератъ: „О подраздѣленіяхъ каменнаго вѣка на періоды“.

коллекцій, такъ и послѣ сообщенія А. А. Иностранцева о человѣкѣ каменнаго вѣка у Ладожскаго озера [1]), осталось еще много загадочнаго и неяснаго, а иногда и несогласнаго съ тѣми выводами, къ которымъ я пришелъ, изучая въ теченіе многихъ лѣтъ каменный вѣкъ Россіи. По этимъ соображеніямъ лѣтомъ 1880 года, въ концѣ іюля, я рѣшился лично совершить поѣздку на Сясьскій каналъ. Новый каналъ былъ уже готовъ, и стѣны его обложены дерномъ, такъ что я не могъ видѣть разрѣзовъ, кромѣ матеріаловъ, какъ-то песку и торфа въ отвалахъ. Но затѣмъ я прослѣдилъ еще продолженіе канала по ту сторону р. Сяси. Послѣ этой поѣздки нѣкоторое мое разногласіе съ выводами профессора Иностранцева укрѣпилось еще болѣе.

Прежде всего позволю себѣ заявить, что въ самомъ началѣ упомянутаго сообщенія г. Иностранцева о находкахъ на южномъ берегу Ладожскаго озера существуетъ нѣкоторая фактическая неточность. Отыскивая на основаніи словъ Бэра и Шифнера „причину недостатка у насъ изслѣдованій древняго человѣка въ недостаткѣ образованія нашего общества", почтенный профессоръ говоритъ: „Если въ западной Европѣ первыя несомнѣнныя находки издѣлій человѣка каменнаго періода были сдѣланы въ концѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, то для Россіи мы должны отмѣтить только конецъ шестидесятыхъ" [2]). Это неточно для исторіи изученіе каменнаго вѣка, какъ въ западной Европѣ, такъ у насъ. Въ одинъ изъ лучшихъ западно-европейскихъ музеевъ, въ Стокгольмскій, въ Швеціи, гдѣ археологическія изслѣдованія еще въ концѣ семнадцатаго столѣтія служили самою существенною задачей ученыхъ, въ теченіе 25 лѣтъ—съ 1801 по 1825 г. поступило 58 предметовъ, относящихся къ каменному вѣку. Этотъ фактъ показываетъ, что интересъ къ остаткамъ каменнаго вѣка существовалъ на западѣ уже раньше конца двадцатыхъ годовъ. Съ другой стороны, этотъ интересъ усилился именно въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ; такъ въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1869 по 1874 годъ, въ Стокгольмскій музей вновь поступило 1,298 предметовъ ка-

[1]) Напечатано въ журналѣ *Вѣстникъ Европы* 1880 года, кн. 5-я.

[2]) *Вѣстн. Евр.* 1880 г., кн. 5-я, стр. 276.

меннаго вѣка, то-есть, дѣятельная работа шла здѣсь въ то же время, какъ и у насъ въ Россіи. Интересъ къ каменному вѣку усилился именно съ того времени, когда было ясно доказано его значеніе для исторіи человѣчества, благодаря трудамъ Шмерлинга, Нильсона, Томсена, Келлера, описавшаго въ первый разъ швейцарскія озерныя жилища, Лартэ, Кристи, Лайэлля, Тейлора, Леббока и др. Что же касается собиранія каменныхъ орудій просто какъ рѣдкостей, безъ настоящаго опредѣленія научнаго значенія этихъ предметовъ, то это дѣлалось образованными людьми уже въ прошломъ столѣтіи во многихъ мѣстахъ западной Европы. Но самый интересный примѣръ подобнаго рода собиранія относится къ Россіи, и именно относится непосредственно къ южному побережью Ладожскаго озера, почти къ той самой мѣстности, которая служитъ предметомъ настоящаго очерка. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія при работахъ по проведеніи (стараго) Ладожскаго канала, были найдены каменныя орудія, которыя и были переданы въ Академію Наукъ; эти орудія хранятся въ антропологическомъ музеѣ Академіи до сихъ поръ. Такъ, въ каталогѣ минералогическаго кабинета Академіи, составленномъ въ 1732 году Гмелинымъ, старшимъ, то-есть, почти полтораста лѣтъ назадъ, изданномъ въ 1745 году Ломоносовымъ, подъ его редакціей и съ его дополненіями, между прочимъ значится: „Cum anno 1731 *aquaeductum Ladogaensem* inviserem, jussu celsissimi comitis de *Münnich*, varii lapides oblati sunt, in terra quae effodiebatur, *copiose reperti*, qui argillae induratae substantiam habent et ita figurati sunt ac si vel torno fabricati fuissent, vel in cavitate rerum tornatilium formati“ [1]). Эти орудія включались тогда въ особый классъ минераловъ, при чемъ подразумѣвалась и ихъ искусственная обработка По мнѣнію же г. Гёбеля, къ числу этихъ *lapides figurati*, вмѣстѣ съ орудіями, относились, вѣроятно, и различныя фигурчатыя гальки и камни Иматры, или то, что̀ называется фигурчатыми конкреціями: любопытно, что и г. Иностранцевъ при своихъ изысканіяхъ находилъ вмѣстѣ съ орудіями тѣ же конкреціи [2]).

[1]) *Ad. Goebel*, Ueber die von *Lomonossow* edirten Cataloge des Mineral. Mus. der Akademie, und deren Inhalt въ *Bulletin de l'Académie Imperiale de Sc. de St.-Petersb.*, vol. IX, p. 31.

[2]) *Вѣстн. Евр.* 1880 г., кн. 5-я, стр. 280.

Судя по обрѣзкѣ и формѣ шлифованныхъ орудій изъ сланца, открытыхъ при проведеніи Ладожскаго канала полтораста лѣтъ тому назадъ, они принадлежатъ жителямъ той же эпохи, къ которой относятся и жители каменнаго вѣка, оставившіе слѣды своего пребыванія на Сясьскомъ каналѣ. Отсюда можно вывести заключеніе, что южное и юго-восточное побережья Ладожскаго озера имѣли въ эпоху каменнаго вѣка довольно густое и многочисленное населеніе.

По своей формѣ и характеру орудія и принадлежности каменнаго вѣка, найденныя на Ладожскомъ побережьи какъ въ прошломъ вѣкѣ, такъ и нынѣ, вполнѣ сходствуютъ съ подобными же предметами, находимыми въ разныхъ мѣстахъ Олонецкой губерніи, въ особенности же съ находимыми по всему юго-восточному прибрежью Онежскаго озера, а также по берегамъ озера Лача; вмѣстѣ съ тѣмъ они сходствуютъ и съ принадлежностями каменнаго вѣка изъ Прибалтійскаго края, напримѣръ, съ береговъ озера Буртнека. Всѣ остатки каменнаго вѣка, найденные какъ на юго-восточномъ берегу Ладожскаго озера, въ томъ числѣ на Сясьскомъ каналѣ, такъ и во всѣхъ другихъ вышеназванныхъ областяхъ, принадлежатъ къ тому сравнительно новому періоду времени, который у антропологовъ принято называть неолитическимъ, и который, составляя одну изъ послѣднихъ страницъ до-исторической жизни, въ противоположность палеолитическому характеризуется присутствіемъ шлифованныхъ или обточенныхъ каменныхъ орудій. Такое дѣленіе остатковъ каменнаго вѣка на два главнѣйшіе періода принято, вмѣстѣ съ другими учеными, и мною и проведено во всѣхъ моихъ работахъ, въ томъ числѣ и въ предшествующихъ очеркахъ. Но г. Иностранцевъ считаетъ это дѣленіе „невѣрнымъ" [1]). Такое отрицаніе общепринятой въ общихъ чертахъ и справедливой классификаціи періодовъ каменнаго вѣка происходитъ — по видимому — отъ того, что г. Иностранцевъ приписываетъ слишкомъ глубокую древность находкамъ, сдѣланнымъ на Сясьскомъ каналѣ. Такъ въ статьѣ своей объ этихъ находкахъ онъ говоритъ: „Наиболѣе рельефное указаніе относительно древности нашего че-

[1]) Рѣчи и протоколы VI-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, отдѣлъ II, стр. 288.

ловѣка каменнаго вѣка мы находимъ въ сообщенномъ раньше геологическомъ разрѣзѣ. Мы видѣли, что лѣсной слой торфа, который могъ образоваться только изъ растительности наземной, мѣстами на каналѣ обнаруженъ на глубинѣ *трехъ сажень подъ уровнемъ Ладожскаго озера*. Таковое его положеніе указываетъ намъ, что горизонтъ воды въ Ладогѣ въ то время, когда жилъ въ побережьи до-историческій человѣкъ, былъ, по крайней мѣрѣ, *на три сажени* ниже, что затѣмъ этотъ уровень сталъ повышаться, и у насъ есть доказательство, что онъ былъ еще много выше, чѣмъ въ настоящее время, затѣмъ наступило его пониженіе до настоящаго уровня.... Всѣ такія крупныя гидрографическія измѣненія показываютъ намъ, что промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ человѣка каменнаго вѣка въ побережьи Ладожскаго озера, громадный" [1]). Хотя профессоръ Иностранцевъ и намѣренъ впослѣдствіи изложить причины предполагаемыхъ имъ измѣненій уровня Ладожскаго озера, я съ своей стороны считаю возможнымъ теперь же высказать убѣжденіе, что предположеніе г. Иностранцева „о крупныхъ гидрографическихъ измѣненіяхъ" и о „громадномъ" промежуткѣ времени, отдѣляющемъ насъ отъ до-историческихъ обитателей Приладожья, нужно понимать лишь въ тѣсномъ, ограниченномъ смыслѣ слова.

Можно рѣшительно утверждать, что никакое существованіе человѣка было немыслимо около тѣхъ мѣстъ, гдѣ проходитъ нынѣ Сясьскій каналъ, въ тотъ періодъ времени, который я называю озернымъ періодомъ, непосредственно слѣдовавшимъ послѣ ледниковаго [2]). Весьма вѣроятно, что въ самой полной стадіи развитія этого періода Ладожское озеро занимало приблизительно тѣ размѣры, которые показаны на картѣ профессора Куторги для распространенія новѣйшихъ наносовъ въ окрестностяхъ этого озера [3]). Имѣя въ то время еще болѣе громадные размѣры, чѣмъ нынѣ, Ладожское озеро несомнѣнно давало проливъ къ Финскому заливу; нынѣшней Невы тогда еще не существовало. И при такихъ раз-

[1]) *Вѣстн. Европы* 1880 г. кн. 5-я, стр. 294—295.

[2]) Общее понятіе объ озерномъ періодѣ я изложилъ въ одной изъ своихъ статей сборника „Живописная Россія", томъ I, стр. 351—357.

[3]) См. Геогностическую карту С.-Пб. губерніи, л. В.

мѣрахъ Ладожскаго озера, при такомъ его вѣроятномъ состояніи, человѣкъ жилъ уже въ средней и южной Россіи, въ сосѣдствѣ съ мамонтами, носорогами, различными оленями, намъ еще неизвѣстными, съ огромными медвѣдями и пр. Но нужно думать, что это сообщество человѣка съ ископаемыми нынѣ гигантами уже клонилось тогда къ концу. Человѣкъ жилъ въ центральной и южной Россіи, очевидно, въ то время, когда окрестности Ладожскаго озера были покрыты ледниками; это вѣроятно вообще изъ теоріи распространенія ледниковъ въ Россіи въ ледниковый періодъ и изъ находокъ слѣдовъ человѣка съ костями мамонта и носорога на р. Удаѣ, около Карачарова и Костёнокъ, изъ находокъ съ костями тѣхъ именно животныхъ, которыхъ остатки „не были встрѣчаемы" въ крайнемъ районѣ сѣверо-западной части Россіи и въ Финляндіи, вѣроятно — потому, что съ окончаніемъ ледниковаго періода въ этомъ краѣ мамонтъ и носорогъ стали вымирать въ центральныхъ частяхъ ея, и потому на сѣверо-западъ попадали только случайно. Однимъ словомъ, я считаю, что ледники на сѣверо-западѣ Россіи были причиной отсутствія или рѣдкости тамъ мамонта и носорога. Но г. Иностранцеву подобное предположеніе кажется *несправедливымъ* [1]). Вообще признавая вѣроятнымъ, что человѣкъ жилъ въ центральной Россіи въ то время, когда сѣверо-восточная часть ея была покрыта частію ледниками, а затѣмъ такими громадными озерами, какъ предполагаемое для Ладожскаго, состоявшее въ связи съ Балтійскимъ моремъ, я долженъ напомнить, что въ западной Европѣ находятъ возможнымъ допустить существованіе человѣка въ то время, когда континентъ, Англія и Ирландія составляли одно цѣлое [2]). Въ этотъ именно отдаленный періодъ ледниковъ и громадныхъ послѣледниковыхъ озеръ жилъ уже человѣкъ, но употреблявшій только крайне грубыя каменныя орудія, этого-то человѣка и можно, по всей справедливости, назвать представителемъ палеолитическаго періода. Со времени существованія этого палеолитическаго человѣка въ истинномъ смыслѣ слова протекъ громадный промежутокъ времени, по отношенію къ которому „продолжительность историческаго періода.... покажется совершенно

[1]) Рѣчи и протоколы VI-го съѣзда естествоиспытателей и врачей, отд. II, стр. 280.

[2]) *Лайэлль*, Древность человѣка, стр. 276.

ничтожною", какъ говоритъ Лайэлль. Прежде, чѣмъ Ладожское озеро приняло свой теперешній видъ и размѣры, нынѣшніе берега его отступили отъ прежнихъ часто на нѣсколько верстъ; въ то же время стокомъ водъ его проложена цѣлая долина Невы. И только при такомъ, почти современномъ видѣ озера, появился человѣкъ на его берегахъ, въ томъ числѣ и во многихъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ проходитъ Сясьскій каналъ; это уже человѣкъ неолитическаго періода, употреблявшій отточенныя каменныя орудія. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ существовалъ, прошелъ ничтожный по отношенію къ началу нашей исторіи промежутокъ времени сравнительно съ тѣмъ, который отдѣляетъ насъ отъ палеолитическаго періода; не произошло и рѣзкихъ, особенно бросающихся въ глаза физико-географическихъ измѣненій. Въ основаніе этого вывода я ставлю слѣдующіе факты:

Мѣстность, черезъ которую проходитъ новый Сясьскій каналъ, лежитъ между рѣками Волховомъ и Сясью; наибольшее разстояніе канала отъ современнаго берега озера, недалеко отъ Волхова, доходитъ почти до двухъ верстъ, наименьшее же, около Сяси,—до полуверсты. На всемъ пространствѣ между новымъ каналомъ и берегомъ озера раскинуты длинными, параллельными современному берегу озера рядами дюнные холмы; эти холмы тянутся и дальше за новымъ каналомъ въ глубь материка. По показанію инженера Ю. Ѳ. Бальца, строителя канала, и технолога О. В. Гаевскаго, непосредственно наблюдавшаго за земляными работами, остатки до-историческихъ обитателей находились преимущественно въ трехъ пунктахъ; самые богатые остатки находились въ самомъ началѣ канала, считая отъ Волхова, на протяженіи полутора версты. Затѣмъ, по словамъ г. Бальца, они встрѣчались при пересѣченіи каналомъ двухъ рѣчекъ; первая изъ нихъ, задняя, лежитъ около третьей версты, вторая—около пятой. Отсюда видно, что древніе обитатели Приладожья селились при устьяхъ рѣкъ или въ ихъ долинахъ, то-есть, въ выборѣ мѣстъ пребыванія не отличались отъ жителей каменнаго вѣка Олонецкой губерніи, водворившихся при устьяхъ рѣчекъ Ольги, Кипемы и Тихманги, на озерѣ Лачѣ или при протокѣ Тудозера въ Онего. Остатки до-историческихъ обитателей были находимы преимущественно около дна канала, значитъ—иногда и значительно выше. Изъ плана и профиля мѣстности, черезъ

которую проходитъ каналъ, а также изъ словъ г. Бальца, видно, что уровень Ладожскаго озера находится надъ дномъ канала въ самую низкую воду на 0,84 сажени выше; средній уровень или „горизонтъ меженныхъ водъ“ лежитъ на 1,21 сажени выше, и наконецъ, самый высшій—на 1,83 сажени (по профилю) и на 2,05 сажени (по словамъ г. Бальца). Такимъ образомъ, если возможно допустить пониженіе уровня Ладожскаго озера во время пребыванія на берегахъ его до-историческихъ обитателей, то уже никакъ не на *три* сажени, какъ думаетъ то г. Иностранцевъ, а только на 2,05 сажени. Но принимая во вниманіе, что высота уровня озера еще и нынѣ колеблется отъ 0,84 до 2,05 сажени, то-есть, измѣняется на 1,21 сажени, намъ слѣдуетъ думать только о 0,84 сажени и лишь на такую величину допустить предполагаемое пониженіе. Но такъ какъ остатки до-историческаго человѣка встрѣчались между дномъ канала и этимъ низшимъ горизонтомъ стоянія воды въ Ладожскомъ озерѣ, то предполагаемое нѣкогда пониженіе уровня Ладожскаго озера слѣдуетъ допустить не только не на 3 сажени, но на цифру гораздо меньшую даже и 0,84 сажени; цифра эта можетъ явиться до такой степени незначительною, что нахожденіе человѣческихъ остатковъ подъ наименьшимъ уровнемъ озера объяснится мѣстными причинами, безъ допущенія какихъ бы то ни было колебаній въ уровнѣ озера.

Разсмотримъ однако еще—на сколько вѣроятно предположеніе г. Иностранцева о пониженіи уровня Ладожскаго озера. Ладожское озеро, какъ огромный прѣсноводный водоемъ, по своимъ механическимъ отношеніямъ къ его прибрежьямъ, должно представлять аналогію съ отношеніями морей къ ихъ берегамъ и къ впадающимъ въ нихъ рѣкамъ. Итакъ, обратимся къ дельтѣ Нила. Извѣстно, что тамъ кусокъ краснаго кирпича былъ найденъ „въ буровой скважинѣ, на 72 футахъ глубины, то-есть, *на два или на три фута ниже уровня моря,* подъ параллелью вершины дельты, на разстояніи 200 метровъ отъ рѣки, на Лавійскомъ берегу рукава Розетты“ [1]). Извѣстно также, „что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ артезіанскіе колодцы были опускаемы въ дельтахъ *на глубину нѣсколькихъ сотъ футъ ниже поверхности моря* (напримѣръ, въ дельтахъ

[1]) *Лайэлль*, Древность человѣка, стр. 82.

По и Ганга), оказалось, *вопреки всѣмъ ожиданіямъ*, что проходимые слои, во всю ихъ толщу, были *рѣчнаго происхожденія*. Изъ этого можно съ нѣкоторою достовѣрностью заключить объ общемъ пониженіи этихъ дельтъ и наносныхъ образованій" [1]). Въ подтвержденіе этихъ указанія Лайэлль приводитъ примѣры различныхъ человѣческихъ сооруженій, сравнительно недавнихъ, строенныхъ на сушѣ, но теперь всецѣло или частію находящихся подъ водою. Въ этомъ случаѣ мѣстныя материковыя вліянія на отложенія при устьяхъ рѣкъ становятся тѣмъ болѣе вѣроятными, что въ этихъ отложеніяхъ не найдено никакихъ морскихъ раковинъ, никакихъ морскихъ остатковъ, и потому то или другое состояніе отложеній при устьяхъ рѣкъ не даетъ возможности предполагать какія бы то ни было измѣненія въ уровнѣ смежныхъ съ ними морскихъ бассейновъ. Это же можно отнести и къ озернымъ водоемамъ. И такъ, наибольшее, что̀ можно предположить для устьевъ Волхова,—это пониженіе его ближайшихъ береговыхъ окрестностей, но не Ладожскаго озера. Но существующіе факты положенія остатковъ до-историческаго человѣка въ Приладожьѣ не представляютъ и къ тому никакой необходимости. Они могутъ быть вполнѣ законно объяснены мѣстными, обыденными причинами, дѣйствующими механически и до сихъ поръ.

Главными факторами, обусловливающими тамъ положеніе остатковъ до-историческаго человѣка, были: вопервыхъ, дюнный характеръ мѣстности, въ измѣнчивости котораго едва ли кто можетъ сомнѣваться въ виду самыхъ яркихъ для того примѣровъ, и вовторыхъ, самое простое, однообразное строеніе отложеній, составляющихъ прибрежье. Самъ А. А. Иностранцевъ говоритъ касательно этого: „Геологическое строеніе мѣстности, пройденной каналомъ, крайне простое" [2]). Не только геологу, но и всякому общеобразованному человѣку будетъ понятно, что при „крайне простомъ" геологическомъ строеніи мѣстности и явленія, здѣсь происходившія, были крайне просты, и что при такихъ условіяхъ нѣтъ возможности предполагать какіе-либо крупные и сложные физико-географическіе или „гидрографическіе" перевороты, въ родѣ, напримѣръ, экстра-

[1]) Тамъ же, стр. 31.
[2]) *Вѣстн. Европы* 1880 г., кн. 5-я, стр. 279.

ординарныхъ повышеній и понижeній уровня озера и т. д. Геологическій разрѣзъ, черезъ который идетъ каналъ, даетъ сѣрую песчанистую глину, или же красноватую, мѣстами, по словамъ г. Иностранцева, „богатую громаднымъ скопленіемъ валуновъ, иногда громадныхъ размѣровъ. На новомъ Сясьскомъ каналѣ"—по словамъ г. профессора,—„она выходитъ у дна канала только, какъ при выходѣ канала изъ рѣки Волхова, такъ и при впаденіи его въ рѣку Сясь" [2]). Кромѣ этихъ двухъ мѣстъ, во всѣхъ другихъ пунктахъ преобладаютъ послѣдующія образованія, связанныя съ судьбою человѣка; налегая на глинѣ съ валунами, онѣ заполняютъ своими толщами все пространство между Волховомъ и Сясью и простираются на глубину, можетъ быть—огромную, подъ дномъ канала. Это налеганіе послѣдующихъ наслоеній, господствующихъ въ большей части протяженія канала, на глину съ валунами не служитъ доказательствомъ ихъ непосредственной связи по происхожденію, даже еслибъ эта глина была ледниковая и дѣйствительно была остаткомъ морены ледниковаго періода. Это доказывается видѣннымъ и изслѣдованнымъ мною островамъ Ситъ-Сари около Выборга, состоящимъ изъ чистаго ледниковаго наноса, *кростенсъ-грусса*: поверхность этого острова теперь только едва покрыта тощимъ растительнымъ слоемъ, и растительность ея состоятъ изъ сосны и вереска. Разумѣется, зная, что въ окрестностяхъ, на цѣлые десятки футовъ находятся слоистыя, водныя, послѣледниковыя образованія, было бы неосновательно признать тощій растительный слой происшедшимъ непосредственно послѣ того, какъ этотъ остатокъ поддонной или конечной морены очистился отъ льда. Точно также, на пути между Вытегрой и Каргополемъ я встрѣчалъ неперемытый или едва тронутый водою ледниковый наносъ, накрытый сверху чрезвычайно тонкимъ растительнымъ слоемъ, въ которомъ иногда можно было находить даже гвозди. Въ виду этого, я принужденъ былъ неизбѣжно остановиться на мысли, что долженъ былъ протечь громадный періодъ времени, прежде чѣмъ наступила благопріятная пора для развитія на этихъ слѣдахъ ледниковъ растительности, способной дать перегной. Съ другой стороны, самый составъ песчанистой глины съ валунами, на

[2]) *Вѣстн. Европы* 1880 г., кн. 5-я, стр. 279.

которой лежатъ образованія съ человѣческими остатками около Волхова,—тотъ же, изъ котораго состоитъ большая часть островов̂ъ, лудъ и мелей на множествѣ сѣверно-русскихъ озеръ, въ томъ числѣ и на Ладожскомъ. Такимъ образомъ пункты около Волхова и Сяси, гдѣ новѣйшія образованія лежатъ на песчанистой глинѣ съ валунами, при прежнемъ высокомъ стояніи уровня Ладожскаго озера, когда обитаніе на этихъ пунктахъ для человѣка было еще не возможно, могли быть мелями и подводными лудами. И можно допустить, что только съ пониженіемъ водъ озера до уровня, немного отличнаго отъ современнаго, отложились тѣ напосы, въ которыхъ встрѣчены остатки человѣка. Иное заключеніе было бы неосновательно и по слѣдующему соображенію: Въ далекомъ будущемъ уровень Ладожскаго озера, вѣроятно, понизиться еще болѣе, берега его отступятъ отъ современныхъ на нѣсколько верстъ, и на существующихъ нынѣ меляхъ и лудахъ отложатся дюнные пески, на которыхъ въ свою очередь рыбаки оставятъ остатки ихъ орудій; но было бы даже болѣе чѣмъ опрометчиво, еслибы будущій геологъ сказалъ, что происхожденіе лудъ и лежащихъ на нихъ отложеній съ человѣческими остатками стоитъ въ непосредственной связи съ ледниковымъ періодомъ.

И такъ, въ виду того, что Ладожское озеро въ періодъ времени, слѣдовавшій непосредственно за ледниковымъ, должно было занимать весьма высокій уровень сравнительно съ современнымъ, съ его берегами, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, и которые лежали далеко южнѣе, чѣмъ теперь, обратимся къ современнымъ силамъ и явленіямъ: ихъ вполнѣ достаточно, чтобъ объяснить происхожденіе господствующихъ современныхъ отложеній, черезъ которыя проходитъ Сясьскій каналъ. Главная составная часть этихъ отложеній—песокъ, то сыпучій, то болѣе или менѣе плотный и иловатый; въ пескѣ—прослойки торфа, состоящаго изъ камыша и болотныхъ растеній, частію изъ торфа лѣснаго, въ составѣ котораго находятся сухопутныя растенія и остатки деревьевъ и кустарниковъ; торфъ лежитъ какъ около дна канала, такъ и выше его на разныхъ высотахъ: такое явленіе можно было хорошо наблюдать въ разрѣзахъ части канала, идущей отъ Сясьскихъ Рядковъ къ устьямъ Свири, на протяженіи первыхъ четырехъ верстъ. Чтобъ объяснить себѣ происхожденіе этихъ отложеній,

нужно взглянуть на современные берега и прибрежья Ладожскаго озера, хотя между Волховомъ и Сясью. Тамъ по современному берегу, почти какъ разъ около воды озера, лентой тянутся валы, состоящіе изъ сыпучаго песку; около нихъ лежитъ масса камыша, древесныхъ вѣтвей и сучьевъ, выкинутыхъ волнами озера на сушу. Переносный песокъ около водъ озера—это матеріалъ для дюнъ. Изъ такого песка состоятъ цѣлые ряды песчаныхъ холмовъ, иногда довольно высокихъ, идущихъ параллельно берегу, на все большемъ и большемъ отъ него отдаленіи; эти холмы суть старинныя дюны; они теперь значительно окрѣпли и поросли травянистою, кустарною и даже древесною растительностью. Между холмами лежатъ низины болотистыя, мокрыя; эти низины—типичное явленіе для дюнныхъ образованій всѣхъ странъ; ихъ мѣсто первоначально было, очевидно, занято озерами, которыя въ такихъ случаяхъ обладаютъ нерѣдко необыкновенною глубиной. Озера и трясины, лежащія за дюнными холмами на прибрежьяхъ морскихъ или озерныхъ водоемовъ, часто служатъ пристанищемъ для человѣка, часто мѣстомъ его гибели; озера, задернутыя по окраинамъ торфомъ, или трясины покрываются сверху пескомъ, и неопытные люди, принимая такія замаскированныя пескомъ трясины за материкъ и случайно попадая на нихъ, проваливаются и исчезаютъ въ глубинѣ трясины, а груды осыпающагося песку закрываютъ имъ путь для выхода, сглаживая мѣсто постигшей человѣка бѣды. Такимъ образомъ тотъ несчастный смертный, который сдѣлается жертвою своей неосторожности и опрометчивости, провалившись въ ту или другую изъ дюнныхъ трясинъ, лежащихъ обыкновенно почти на одномъ уровнѣ съ водами сосѣдняго воднаго бассейна, можетъ скоро оказаться далеко ниже уровня этого бассейна, въ особенности подъ давленіемъ массы могущихъ обрушиться на него въ разное время песковъ. Когда впослѣдствіи, черезъ болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени, трясина исчезнетъ, на ея мѣстѣ останется водная растительность, можетъ быть—листья деревьевъ, росшихъ въ окрестностяхъ и наземныхъ травъ; а еще далѣе все это, подъ давленіемъ песку и на горизонтѣ болѣе низкомъ, чѣмъ уровень сосѣдняго водоема, превратится въ слой или прослойку торфа, и въ составѣ послѣдняго окажутся между прочимъ кости того несчастнаго человѣка, которыя затѣмъ при ихъ от-

крытія могутъ обрадовать археолога и послужить болѣе или менѣе плодотворнымъ и поучительнымъ предметомъ для его размышленій.

Переходя отъ горизонта самыхъ низшихъ водъ къ горизонту самыхъ высшихъ, считаю нужнымъ остановиться еще на одной, весьма важной сторонѣ вопроса. Судя по плану и профилю мѣстности, оказывается, что большая часть прибрежья между Волховомъ и Сясью лежитъ ниже наивысшаго горизонта водъ Ладожскаго озера, то-есть, другими словами, большая часть мѣстности, черезъ которую проходитъ новый Сяській каналъ, во время самаго высокаго уровня Ладожскаго озера заливается водой, со всѣми высотами, холмами и низинами. Изъ существующихъ высотъ остаются главнымъ образомъ *не залитыми только тѣ, которыя лежатъ около устьевъ Волхова, именно тамъ, гдѣ при проведеніи канала была найдена наибольшая часть остатковъ каменнаго вѣка.* Затѣмъ выше наибольшаго уровня Ладожскаго озера выдается только нѣсколько ничтожныхъ клочковъ пространства, лежащаго около лѣваго берега Сяси. Оставляя пока въ сторонѣ это сравнительно ничтожное пространство свободнымъ отъ воды во время наибольшаго половодья Ладожскаго озера, обращусь къ Волхову. На правомъ берегу, при устьяхъ этой рѣки, во время самаго высокаго стоянія водъ въ озерѣ, остается нынѣ не залитымъ довольно большое пространство, имѣющее около двухъ верстъ въ длину по профилю канала и раскидывающееся на такомъ же протяженіи по теченію Волхова. Во время самыхъ высокихъ водъ все это пространство должно было являться значительнымъ островомъ; на немъ и въ настоящее время расположены двѣ деревни—Немятова и Гладкова; далѣе на высотахъ, также превосходящихъ высшій уровень Ладожскаго озера, на третьей верстѣ отъ Волхова, лежитъ деревня Лопатицы. Недаромъ современные жители избрали себѣ эти пункты мѣстопребываніемъ; зная свойства Ладожскаго озера, они на избранныхъ пунктахъ считаютъ себя безопасными отъ наводненій. И такъ какъ остатки каменнаго вѣка найдены преимущественно, если не исключительно, около этихъ пунктовъ, то нужно думать, *что эти высоты существовали уже въ каменный періодъ*, хотя, вѣроятно, имѣли другую форму и другой видъ. Самое образованіе такихъ какъ бы исключительныхъ высотъ при устьяхъ такихъ рѣкъ, какъ Волховъ и Сясь, вполнѣ

понятно; здѣсь дѣйствуютъ двѣ противоположныя силы въ пользу образованія этихъ возвышеній: съ одной стороны, рѣка наноситъ къ устью матеріалъ для образованія дельты, а съ другой—озеро, по противоположному направленію, набиваетъ пески въ видѣ дюнъ; въ силу такихъ условій возникли, очевидно, высоты при устьяхъ Волхова. Но во времена каменнаго вѣка, вѣроятно, дюнный характеръ преобладалъ въ этихъ высотахъ, и здѣсь были настоящіе дюнные холмы, съ находившимися между ними озерками, а въ общемъ существовалъ скатъ отъ самаго Волхова къ рѣкѣ Сяси. Легко себѣ представить дѣйствіе воды, которая, заливая во время самаго высокаго уровня Ладожскаго озера окрестности, касалась и этихъ высотъ, состоявшихъ преимущественно изъ песковъ и уже находившихся подъ растительнымъ — древеснымъ, кустарнымъ и травянымъ покровомъ. При наводненіяхъ или при повышеніи уровня Ладожскаго озера до наибольшаго горизонта, и въ особенности при содѣйствіи извѣстныхъ издревле бурь и волненій этого озера, заставившихъ подумать о сооруженіи каналовъ, воды должны были оказывать разрушительное вліяніе на прибрежья, въ томъ числѣ и на высоты около Волхова; холмы могли подмываться, образовывались обрывы, съ которыхъ валилась внизъ растительность и древесная, и травянистая; обрушалось и жилье человѣка, съ его хозяйственными принадлежностями, съ орудіями, а затѣмъ все это покрывалось еще слоями песку и оставалось въ глубинѣ впадинъ; если же въ этихъ впадинахъ были озерки, то всѣ остатки человѣческой дѣятельности нисходили ниже существовавшаго уровня озера. Могъ гибнуть и самъ человѣкъ, застигнутый непогодой на водѣ, въ своей утлой ладьѣ, со всѣми своими охотничьими или рыболовными принадлежностями. Однимъ словомъ, временные островитяне Приладожья были въ гораздо болѣе опасномъ положеніи, чѣмъ жители озерно-рѣчныхъ холмовъ въ долинѣ Оки, около Плеханова бора и Волосова. Въ первомъ изъ настоящихъ очерковъ я имѣлъ уже случай указать, какъ сильно даже обыкновенныя повышенія уровня озеръ во время весеннихъ половодій вліяютъ на перенесеніе остатковъ изъ растительнаго слоя, высоко лежащаго на песчаномъ холмѣ, въ глубину озера: примѣръ тому представляетъ Тудозеро [1]. Вслѣдствіе подобныхъ явленій

[1]) См. выше стр. 6.

остатки каменнаго вѣка, и въ томъ числѣ кости человѣка, могли оказаться въ почвѣ на горизонтѣ низшемъ наименьшаго стоянія уровня Ладожскаго озера; впослѣдствіи, когда через тѣ или другіе періоды времени, наводненія, во время высшаго уровня Ладожскаго озера повторялись, происходило новое подмываніе холмовъ, и мѣстность болѣе или менѣе сравнивалась, а ранѣе обрушившіеся остатки слѣдовъ человѣка и окружавшихъ его животныхъ замывались дальнѣйшими отложеніями наносовъ. Впрочемъ, можетъ быть, что большая часть весьма характерныхъ остатковъ человѣка каменнаго періода находилась значительно выше дна новаго Сясьскаго канала; по крайней мѣрѣ инженеръ Ю. Ѳ. Бальцъ, сообщая мнѣ карту, изображающую прибрежье и профиль новаго Сясьскаго канала, представилъ на профилѣ положеніе торфянаго слоя начинающимся отъ Волхова съ высоты „горизонта меженныхъ водъ" и только при постоянномъ склоненіи его на второй верстѣ доходящимъ до дна канала. Такъ какъ главные остатки встрѣчались около самаго Волхова, то и нужно думать, что они если не находились на уровнѣ „горизонта низшихъ водъ" Ладожскаго озера, то были по крайней мѣрѣ на ничтожную величину ниже его. Опредѣленныя же данныя касательно этого вопроса сдва ли возможно имѣть; едва ли горизонтъ залеганія всякой найденной вещи будетъ точно указанъ и отмѣченъ на профилѣ; большая часть вещей, именно изъ самаго характернаго и интереснаго мѣста, была собрана непосредственно самими рабочими и уже затѣмъ, черезъ покупку или черезъ строителей и администрацію канала, поступила въ руки людей науки. Притомъ никакъ не нужно думать, чтобы торфяный слой лежалъ непрерывно; напротивъ того, онъ, равно какъ и человѣческіе остатки, встрѣчался разсѣянно, спорадически.

На второй половинѣ канала, прилегающей къ Сяси, остатковъ каменнаго вѣка, какъ говорятъ, совсѣмъ не встрѣчалось. Причина этого заключается, вѣроятно, въ томъ, что эта часть канала прилегаетъ къ современному берегу ближе, слѣдовательно, идетъ черезъ береговыя отложенія болѣе новыя, главнымъ же образомъ— потому, что во время наивысшаго уровня озера эта половина почти вся заливается. Еще ближе къ берегу лежитъ вновь строющійся каналъ по направленію къ Свири; въ немъ на довольно

большомъ протяженіи также не найдено никакихъ особенно древнихъ остатковъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, древность коихъ сомнительна. Такъ на первой верстѣ, недалеко отъ Сяси, были вырыты рабочими кости домашней лошади; по разказамъ рабочихъ, кости эти лежали недалеко отъ дна канала. Далѣе на четвертой верстѣ, тоже около, или даже точнѣе, на самомъ днѣ канала найдена въ одномъ мѣстѣ огромная масса древесныхъ стволовъ, сучьевъ и растительнаго мусора; стволы находились въ полулежачемъ или въ полустоячемъ видѣ. Когда я вышелъ на современный берегъ, то многое сдѣлалось мнѣ понятнымъ; далеко отъ берега, среди водъ озера, торчали деревья или древесные стволы, подъ угломъ около 45° къ горизонту воды, при чемъ торчавшіе концы стволовъ были обращены къ берегу: положеніе совершенно такое же, въ какомъ находились деревья около дна канала или около низшаго уровня водъ озера. У берега озера можно было видѣть цѣлыя кучи намытыхъ вѣтвей, сучьевъ и пр.,—то же что̀ обнаружено и въ почвѣ канала. У инженера Т. Ѳ. Эйдригевича я видѣлъ два человѣческіе черепа, которые—по разказамъ производителей работъ—были найдены у этого растительнаго мусора. Кости лошади были болѣе бѣлы, чѣмъ черепа людей, а потому нужно думать, что послѣдніе долго лежали въ водѣ; вмѣстѣ съ этими черепами не было найдено никакихъ орудій. Характеръ мѣстности, въ которой залегали черепа мужской и женскій, возбуждалъ во мнѣ сомнѣніе относительно особенной древности послѣднихъ; того же мнѣнія были нѣкоторые изъ техниковъ, производителей работъ. Эти черепа переданы А. А. Иностранцеву, который переслалъ уже ихъ для опредѣленія А. П. Богданову; интересно будетъ знать расу, къ которой они принадлежатъ. На тѣхъ же первыхъ верстахъ канала была найдена лодка, сдѣланная весьма своеобразно изъ цѣльнаго дуба; но такъ какъ ее не сопровождали никакіе остатки другихъ человѣческихъ принадлежностей, то также трудно указать на эпоху, во время которой она сдѣлана. Вообще, мѣстность, по которой идетъ новый каналъ отъ праваго берега Сяси, должна быть весьма молода въ геологическомъ смыслѣ, и если остатки значительно древнихъ до-историческихъ жителей сохранились здѣсь, то ихъ нужно искать дальше отъ современныхъ береговъ Ладоги. При устьяхъ Сяси болѣе или менѣе значительныя

дюнныя высоты начинаются отъ берега озера на разстояніи болѣе одной версты, и только въ недрахъ этихъ высотъ нужно искать слѣдовъ болѣе древняго человѣка; съ другой стороны, топографія мѣстности при устьяхъ Сяси указываетъ, что со временъ каменнаго вѣка уровень Ладожскаго озера долженъ былъ послѣдовательно понижаться, что берега его все болѣе и болѣе отступаютъ, и что въ эпоху чистаго каменнаго вѣка его уровень долженъ былъ быть *не ниже, но выше современнаго.*

Общіе черты типа до-историческаго человѣка, который жилъ нѣкогда на побережьи Ладожскаго озера около Сясьскаго канала, по описанію А. П. Богданова, слѣдующіе: „Имѣя въ виду прежнія курганныя находки длинноголоваго типа, можетъ быть, всего естественнѣе при данныхъ обстоятельствахъ признать особое Чудское племя, населявшее прежде средину и часть сѣвера Россіи, оставившее по себѣ слѣды въ населеніяхъ каменнаго вѣка и въ курганный періодъ. Это Чудское длинноголовое племя, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Суджѣ, Подольскѣ и др.) сохранилось въ болѣе типичныхъ представителяхъ, а въ другихъ пограничныхъ—подверглось смѣшенію и видоизмѣненію, результатомъ чего явились и разновидности его. Къ послѣднему ряду принадлежитъ и то населеніе каменнаго вѣка, которое открыто проф. А. А. Иностранцевымъ". Притомъ проф. А. П. Богдановъ находитъ, что между черепами, собранными А. А. Иностранцевымъ, находятся представители нѣсколькихъ племенъ [1]). И такъ, Финнъ или Чудинъ—это образъ человѣка, знакомаго уже нашей исторіи и преданіямъ Русскаго человѣка; эти разноплеменные представители Чудскаго племени жили, можетъ быть, около устьевъ Волхова по сосѣдству другъ съ другомъ въ одно и то же время, а можетъ быть, и въ разное, смѣняясь послѣдовательно одно другимъ. И нѣтъ ничего невѣроятнаго, что представители этого же племени видѣли впослѣдствіи, какъ призванные изъ-за моря три брата, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, появились въ Ладогѣ. Но разцвѣтъ ихъ жизни могъ быть и гораздо древнѣе. Жили они уже при такой физико-географической обстановкѣ, которая измѣнилась лишь въ наше историческое время:

[1]) Рѣчи и протоколы VI-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, отд. II, стр. 295.

жители каменнаго вѣка, оставившіе свои слѣды при устьяхъ Волхова, были окружены и лѣсами, совершенно подобными современнымъ; лѣсными же обитателями были тѣ же звѣри, которые до сихъ поръ здѣсь водятся, или по крайней мѣрѣ, были нѣкогда хорошо извѣстны нашимъ предкамъ. Всѣхъ главныхъ представителей, обитавшихъ въ русскихъ лѣсахъ, хорошо зналъ еще Владиміръ Мономахъ, говорившій о себѣ такъ: „Тура мя 2 метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси: одинъ ногама топталъ, а другый рогома болъ; вепрь ми на бедрѣ мечь отялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь (то-есть, волкъ) скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже" [1]). Туръ, рога котораго такъ хорошо были извѣстны древнимъ Славянамъ, любившимъ брагу,—первобытный быкъ (Bos primigenius), отличавшійся отъ еще нынѣ живущаго зубра огромными и дугообразно загнутыми рогами; отличался онъ и отъ быка, который жилъ одновременно съ Волосовцами на Окѣ: то былъ плосколобый быкъ (Bos latifrons). Вмѣстѣ съ кабаномъ и бобромъ, жили около Ладоги соболь и другія еще животныя, которыя также были распространены около этихъ мѣстъ и въ историческое время [2]). Кромѣ всѣхъ этихъ и другихъ, еще нынѣ живущихъ млекопитающихъ, въ самыхъ водахъ Ладожскаго озера водился тюлень, еще донынѣ тамъ сохранившійся, въ противоположность озерамъ Буртнеку и Лачу, гдѣ во времена каменнаго вѣка также водились тюлени, отличные отъ живущаго теперь въ Ладогѣ и давно тамъ вымершіе. И самая пернатая дичь была та же, которая и нынѣ водится, какъ въ здѣшнихъ лѣсахъ, такъ и на водахъ; весьма вѣроятно, что устья Волхова весной, передъ открытіемъ Ладожскаго озера, представляли собою ту же картину, какую до нынѣ можно наблюдать при устьѣ р. Вытегры въ періодъ перелета птицъ, появляющихся несмѣтными стадами, и надъ которыми часто паритъ благородный хищникъ, орелъ-беркутъ [3]). Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка ловилъ тѣхъ же рыбъ, что̀ водятся въ Приладожьѣ въ настоящее время, и между прочимъ громадныхъ сомовъ, которые теперь уже здѣсь рѣдки и не дости-

[1]) Полн. собраніе русск. лѣтописей, I, стр. 104.

[2]) Зап. по Отдѣл. Этногр., III, стр. 383—388.

[3]) См. объ этомъ мою статью въ Живописн. Россіи, т. I, стр. 363—364.

гаютъ крупныхъ размѣровъ. Была уже въ то время и растительность нынѣшняя, кромѣ, впрочемъ, дуба, который прежде былъ здѣсь одною изъ господствующихъ породъ и росъ, вѣроятно, также какъ въ долинѣ Оки, на низшихъ болѣе или менѣе влажныхъ мѣстахъ, при чемъ достигалъ огромныхъ размѣровъ; рѣки, подмывая берега, вѣроятно, сваливали великановъ и уносили ихъ по теченію въ озеро, волны котораго при сѣверныхъ вѣтрахъ насаживали такіе дубы обратно на берегъ и замывали ихъ песками. Нынѣ дубъ также растетъ здѣсь, но является лишь въ приземистомъ видѣ, такъ какъ жители не даютъ ему, какъ дереву, цѣнному въ домашнемъ обиходѣ, подняться. На песчаныхъ дюнахъ неизбѣжно господствовала сосна, какъ и на Окѣ, въ области Муромскихъ лѣсовъ. Вообще въ періодъ каменнаго вѣка, очевидно, были здѣсь лѣса огромные, дѣвственные въ истинномъ смыслѣ этого слова; ихъ изобиліе вліяло на атмосферные осадки, которыхъ было больше; климатъ былъ болѣе сыръ, было больше дождей, чѣмъ теперь, и значитъ, уровень озера, былъ *выше*. Человѣку каменнаго вѣка не зачѣмъ было истреблять лѣса, да и сдѣлать этого было не чѣмъ; орудія его были только относительно совершенны, огонь же онъ не разводилъ въ широкихъ размѣрахъ для усовершенствованія своихъ орудій, такъ какъ еще не зналъ выдѣлки металловъ, да и кромѣ того, вѣроятно, долженъ былъ хранить лѣса отъ пожаровъ, считая, безъ сомнѣнія, многія лѣсныя рощи и заросли священными: желѣзный топоръ и лѣсной пожаръ — это средства, съ помощію которыхъ только въ историческое время поселенцы-земледѣльцы пробирались въ лѣсныя дебри [1]).

Орудія, съ помощію которыхъ до-историческій человѣкъ Приладожья боролся съ могучею и дѣвственною природой, были несовершенны по отношенію къ нашему времени, но для каменнаго періода они представляли верхъ совершенства. То были орудія и принадлежности, сдѣланныя изъ камня, глинистаго сланца по преимуществу, но еще болѣе изъ кости. Касательно послѣдняго обстоятельства интересно одно указаніе Тацита въ его описаніи Германіи: описывая Финновъ, онъ говоритъ, что они, по недостатку желѣза, возлагаютъ

[1]) Зап. по Огд. Этногр., III, 466—469.

всѣ свои надежды на стрѣлы съ костяными наконечниками [1]). Изъ костяныхъ орудій, преобладающихъ между найденными въ Приладожьѣ, большая часть, даже, напримѣръ, гарпуны, вполнѣ сходны съ таковыми же съ озера Буртнека, а другія сходны съ гарпуномъ съ озера Лача, изображеннымъ на таблицѣ VIII, фиг. 2. Есть много сходныхъ съ копьемъ, представленнымъ на той же таблицѣ, фиг. 1. Кромѣ шлифованныхъ орудій изъ камня, вполнѣ сходныхъ по формѣ съ олонецкими и финляндскими, жители каменнаго вѣка въ Приладожьѣ оставили и обломки горшковъ, которые также вполнѣ сходны съ олонецкими, верхне-волжскими и окскими; въ Копенгагенскомъ музеѣ я видѣлъ горшки каменнаго вѣка, которые по выдѣланнымъ на нихъ узорамъ вполнѣ сходны съ горшками изъ Олонецкой губерніи и изъ Приладожья. Наконецъ, я долженъ указать еще на одинъ, вполнѣ рѣшительный фактъ, свидѣтельствующій о тѣсномъ отношеніи до-историческихъ обитателей Приладожья съ жителями уже сравнительно близкой къ намъ исторической эпохи; это — обломки горшковъ съ ямками или ячейками, совершенно такими же, какъ на горшкахъ каменнаго вѣка Олонецкой губерніи и Приладожья; эти обломки были найдены Н. Е. Бранденбургомъ въ курганахъ Ново-Ладожскаго уѣзда вмѣстѣ съ различными и

[1]) Вотъ мѣсто Тацита о костяномъ оружіи: въ 46-й главѣ „Германіи" онъ говоритъ о народности, называемой имъ Fenni: «Fennis mira feritas, foeda paupertas: non arma, non equi, non penates; victui herba, vestitui pellis, cubile humus; sola in sagittis spes, quas inopia ferri ossibus asperant». То-есть: „Фенны удивительно дики и грязны въ своей бѣдности: нѣтъ у нихъ ни оружія, ни коней, ни пенатовъ; питаются они травой, одѣваются въ шкуры, спятъ на землѣ; одна надежда у нихъ на стрѣлы, которыя, за неимѣніемъ желѣза, заостряютъ костями". Нѣчто подобное сообщаетъ и греческій писатель Павсаній (II в. по Р. Х.) о Савроматахъ: Attic. 21, 5: Σαυρομάται ἐπὶ τοῖς δόρασιν αἰχμὰς ὀστεΐνας ἀντὶ σιδήρου φοροῦσιν. То-есть: „Савроматы носятъ на своихъ копьяхъ, вмѣсто желѣзныхъ, костяные наконечники". Къ этимъ указаніямъ, сообщеннымъ намъ проф. И. В. Помяловскимъ, считаемъ нужнымъ прибавить, что, по словамъ Тацита, описываемые имъ Fenni жили на южномъ берегу Балтійскаго моря, въ низовьяхъ Вислы. Тамъ же, во II в. по Р. Х., помѣщалъ ихъ и Птолемей (*Y. Koskinen*, Finnische Geschichte. Leipzig. 1874, стр. 2).

Ред.

весьма совершенными издѣліями изъ бронзы и желѣза и кое-какими каменными орудіями [1]).

Я не считаю себя въ правѣ останавливаться на подробномъ описаніи орудій и принадлежностей до-историческихъ обитателей Приладожья, зная, что А. А. Иностранцевъ готовитъ по этому предмету обширную монографію. Вмѣстѣ съ тѣмъ я надѣюсь, что почтенный профессоръ, какъ бывшій мой наставникъ, изъ устъ котораго я прослушалъ курсъ геологіи въ С.-Петербургскомъ универ-

[1]) Сообщаемъ, на основаніи данныхъ, любезно доставленныхъ намъ самимъ Н. Е. Бранденбургомъ и до сихъ поръ не обнародованныхъ въ печати, свѣдѣніе о предметахъ, которые были имъ найдены въ курганахъ Ново-Ладожскаго уѣзда и упоминаются г. Поляковымъ.

Раскопанные г. Бранденбургомъ курганы находятся въ низовьяхъ р. Паши. Всѣхъ найденныхъ въ курганахъ каменныхъ орудій четыре, а именно: 1) толстое шлифованное долото изъ глинистаго песчаника въ $3^1/_2$ дюйма длины и въ $1^1/_2$ дюйма ширины; къ обѣимъ краямъ, какъ къ острому, такъ и къ тупому, оно тоньше, а въ серединѣ толщина его достигаетъ почти 1 дюйма; 2) обломокъ тонкаго скребка кремневаго, или вѣрнѣе, изъ кремнистаго сланца, длиной $2^1/_4$ дюйма; наибольшая ширина $1^3/_4$ дюйма; 3) топоръ клинообразный, изъ слюдистаго песчаника, въ 7 дюймовъ длины, съ наибольшею толщиной въ 1 дюймъ; 4) плоское долотцо изъ глинистаго сланца, въ 3 дюйма длины и 1 безъ малаго дюймъ ширины, очень остро заточенное.

Условія, при которыхъ были сдѣланы эти находки, суть слѣдующія: шлифованное долото найдено въ одномъ изъ кургановъ, составляющихъ языческое кладбище на правомъ берегу рѣчки Большой Рыбежки, у впаденія ея въ р. Пашу, ниже деревни Усть-Рыбижны. Курганъ этотъ находился на самомъ краю ежегодно подмываемаго берега, такъ что половина насыпи уже обрушилась въ рѣку. Въ уцѣлѣвшей части кургана были найдены дурно сохранившіеся остатки двухъ костяковъ, находившихся въ южной и западной частяхъ насыпи, между тѣмъ какъ упоминаемое долото найдено совершенно отдѣльно, въ сѣверо-восточной части кургана, въ разстояніи около 3 аршинъ отъ середины. При костякахъ оказалось нѣсколько бусъ, нѣсколько обломковъ бронзы, бронзовая подвѣска съ тремя гусиными на цѣпочкахъ лапками, бубенчикъ, кольцеобразная фибула и двѣ серебряныя монеты (одна англо-саксонская XI в. и одна саманидская X в.). Изъ вещей желѣзныхъ найденъ лишь какой-то остатокъ, сходный съ рогомъ вилы. Скребокъ, или вѣрнѣе, обломокъ скребка и клинообразный топоръ найдены въ одномъ и томъ же огромномъ курганѣ, находящемся на лѣвомъ берегу Большой Рыбежки, у впаденія ея въ Пашу, то-есть,

ситетѣ, не поставитъ мнѣ въ упрекъ взгляды, высказанные мною въ этомъ очеркѣ касательно вѣроятнаго опредѣленія времени, къ коему относятся до-историческіе остатки, въ изобиліи имъ собранные. Ставя до-историческихъ обитателей Приладожья въ довольно тѣсныя хронологическія отношенія, по окружавшей ихъ физико-географической обстановкѣ и по ихъ культурному раз-

недалеко отъ вышеупомянутаго кладбища. Курганъ этотъ заключалъ въ себѣ могилу съ сожженными костями, лежавшую въ восточной части насыпи, въ 9 аршинахъ отъ середины, но топоръ и скребокъ найдены въ сѣверной части кургана, на разстояніи 5 аршинъ отъ центра и на разныхъ глубинахъ отъ поверхности; при этомъ топоръ оказался разломаннымъ на двѣ части (изломъ старый), найденныя неодновременно, а одна немного позже другой. Въ могилѣ оказалось вещей довольно много: большой мечь съ слѣдами серебряныхъ украшеній на ручкѣ, копье, желѣзный топоръ, ножи, замокъ и разная мелочь; найдено большое деревянное, облицованное желѣзомъ ведро и остатки деревянной чаши или кубка, окованнаго прорѣзными серебряными пластинками, а изъ предметовъ бронзовыхъ—бубенчикъ, кольцо, пять вѣсовыхъ гирекъ и нѣсколько перегорѣлыхъ остатковъ. Отдѣльно отъ могилы, въ сторонѣ, были найдены еще большой желѣзный котелъ, съ цѣпью для подвѣски его, и серебряная кольцеобразная фибула. Объ этомъ курганѣ слѣдуетъ еще замѣтить, что въ серединѣ его, на протяженіи 14 аршинъ съ сѣвера на югъ, было найдено до сотни небольшихъ желѣзныхъ скрѣпъ, въ родѣ заклепокъ отъ какого-то деревяннаго сооруженія, по видимому—лодки. Наконецъ, небольшое долотцо найдено было также въ большомъ курганѣ съ остатками трупосожженія, лежащемъ у впаденія рѣчки Конбѣжки въ Пашу, выше деревни Часовенской. Курганъ заключалъ въ себѣ нѣсколько могилъ и былъ обиленъ находками. Изъ бронзовыхъ предметовъ въ немъ оказались: шейная гривна, браслеты, скорлупообразныя фибулы (скандинавскаго типа), кольца, цѣпочки и проч.; изъ желѣзныхъ—топоры, удила, стрѣлы, ножи и т. п. Упоминаемое каменное долотцо найдено однако опять-таки совершенно отдѣльно отъ могилъ; въ разныхъ мѣстахъ насыпи попадались въ пескѣ безформенные кусочки кремней, изъ которыхъ одинъ оказался и въ самой могилѣ, среди горѣлыхъ костей. Въ этомъ же курганѣ встрѣченъ и остатокъ какой-то аббасидской монеты X вѣка.

Какъ извѣстно, примѣры совмѣстнаго нахожденія каменныхъ орудій съ бронзовыми и желѣзными не очень рѣдки и давно уже отмѣчены изслѣдователями (см. *Леббокъ*, переводъ *Анучина*. Доисторическія времена, стр. 3). Въ предѣлахъ Россіи такіе случаи указаны гр. А. С. Уваровымъ, который, раскапывая мерянскіе курганы Ростовско-Суздальской земли, также находилъ въ нихъ иногда каменныя орудія; но такъ-какъ здѣсь

витію, къ началу уже исторической эпохи, я во всякомъ случаѣ признаю необходимымъ, руководствуясь геологическими фактами, отодвинуть палеолитическаго человѣка далеко въ глубину вѣковъ и тысячелѣтій, даже и потому, что не извѣстно ни одного историческаго лица, которое охотилось бы на мамонта, носорога и ихъ ближайшихъ спутниковъ.

попадалось не болѣе одного орудія въ курганѣ, и притомъ среди множества желѣзныхъ вещей, то гр. Уваровъ полагаетъ, что эти единичные экземпляры имѣли значеніе амулетовъ или вообще какое-либо символическое (гр. *А. С. Уваровъ*, Археологія Россіи. Каменный періодъ, I, стр. 9—10). По мнѣнію же г. Бранденбурга, найденныя имъ въ курганахъ каменныя орудія не намѣренно положены сюда вмѣстѣ съ желѣзными и бронзовыми вещами, а безъ сомнѣнія — случайно попали въ составъ грунта насыпи. „Мнѣ кажется“, пишетъ намъ почтенный изслѣдователь,—„что было бы натяжкой стараться видѣть въ нихъ культурный смыслъ; искать же въ нихъ практическаго значенія, въ виду такого широкаго примѣненія желѣза, какое доказывается раскопанными курганами этой эпохи, также весьма трудно; остается развѣ значеніе символическое,—но и съ этимъ нельзя согласиться въ виду тѣхъ условій, при которыхъ орудія найдены. Гораздо естественнѣе допустить простую случайность, пока не явятся факты болѣе знаменательные въ разбираемомъ отношеніи“.

Въ дополненіе къ свѣдѣнію, сообщаемому г. Поляковымъ относительно найденныхъ г. Бранденбургомъ горшечныхъ черепковъ съ ямками или ячейками, не безполезно прибавить, что у г. Бранденбурга имѣется одинъ подобный же горшокъ совершенно цѣлый, найденный въ той же мѣстности. Ямки на немъ выдѣланы очевидно пальцемъ, и вообще—по замѣчанію владѣльца—онъ на столько плохо вылѣпленъ, что едва ли работался на гончарномъ кругѣ.

Ред.

Bayerische Staatsbibliothek München

Алфавитный указатель

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ.

Объясненіе сокращеній.

г.—городъ, *губ.*—губернія, *д.*—деревня, *ж. д.*—желѣзная дорога, *зал.*—заливъ, *м.*—море, *о-въ*—островъ, *оз.*—озеро, *пещ.*—пещера, *р.*—рѣка, *с.*—село, *ст.*—станція, *у.* уѣздъ.

Азія, 107.
Алкатова—д., 126.
Алтай, 65.
Альпы, 124.
Америка, 65, 78, 79.
Аминтова дорога, 54 прим.
Амуръ—р., 20.
Англія, 31, 142.
Андома—р., 51.
Арикери (Arickarees)—племя, 66.
Архангельская губ., 28, 46 прим.
Архангельскій погостъ, 49, 50.
Архангельскъ - г., 47, 48.
Атлантическій океанъ, 20.
Ахаликъ—р., 56.

Вабасово—с., 58.
Бадожско-Конецкая ст. 4.
Балтійскій бассейнъ, 51.
Балтійское м., 142, 156 прим.
Березовскіе плесы, 133.
Березовскій погостъ, 130.
Бирючь—р., 108, 109.
Бологое—ст. 136.
Большая Рыбежка—рч., 157 прим.
Большая Шалга—приходъ, 39.
Боровое—оз., 40.
Буковицы—д., 126.
Буркова—ст., 4.
Буртнекъ—оз., 10, 68, 98, 101, 140, 154, 156.
Бѣлки—зал., 129, 130, 135.
Бѣломорскій бассейнъ, 51.
Бѣлый Ручей—селеніе, 4.

Вага—р., 53, прим.
Важскій у., 53.
Варежа—ст., 55.
Везеръ, 103.
Велетьма—р., 74, 82, 84, 86.
Великій океанъ, 20.
Великое—оз., 4, 52.
Вельскъ, 48.
Ветла—мысъ, 131.
Вигкозеро, 4.
Висла—р., 156 прим.
Водла—р., 51.
Водлозеро, 12, 26.
Водлозёры, 21.
Воже—оз., 12.
Вознесенскій посадъ, 3.
Воезерка—р., 42.
Воезеро, 42, 43, 44, 46, 47.
Волга, 35, 36, 59, 67, 83, 101, 102, 109, 125, 126, 130, 133, 134, 136.
Вологодская губ., 40, 48, 48.
Волокъ въ Моши, 44, прим.
Волосово—д., 68, 80 81, 84, 86, 93, 94, 98, 99, 101, 102, 104, 131, 133, 150.
Волосовскіе жители—Волосовцы, 89, 91, 92, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 102, 105, 106, 120, 125, 154.
Волосовскіе холмы, 74, 84, 85, 86, 88, 89, 91, 94, 97, 98, 99, 101.
Волосовскія поселенія, 99.
Волосовское кладбище, 89.
Волоша—р., 39, 44.
Волховъ, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 154.
Воронежская губ., 113, 116, 118, 123.
Воронежъ—г., 69,123.
Восточная Сибирь, 32,61.
Восточный Саянъ, 56, 56 прим.
Выборгъ, 146.
Выгозеро, 12.
Вытегорскій у., 53, 54.
Вытегорское устье, 4.
Вытегра—г., 4, 43, 50, 54, 146.
Вытегра—р., 3. 4, 28, 47, 51, 154.

Гакукса—р., 51.
Гакукса—ст., 51.
Гангъ -р., 145.
Германія, 97, 155.

Гладкова—д., 149.
Горбатовъ, 55, 57, 58.
Горжъ д'Анферъ (Gorge d'Enfer), 102.
Гороховецкая—ст., 57 58.
Глубокое—оз., 135, 136.
Гуртницкій ручей. 4.

Данія, 97.
Демидовская—д., 19.
Днѣпръ—р., 33.
Дордоньи—департаментъ, 103.
Донъ—р., 68.

Европа, 7, 9, 36, 79, 90, 96, 97, 104, 107, 113, 125, 138, 139, 142.
Европейская Россія, 107, 119, 124.
Еменга—р., 42.
Емь, 54 прим.

Задняя Дубровка (Дубравка)—сел., 45, 49.
Закавказье, 66.
Занепречье, 130.
Западная Сибирь, 65.
Зыряне, 118.

Ивановская—д., 44 прим.
Иванъ погостъ, 44 прим.
Икса—р., 44.
Ильинскій мысъ, 45.
Илькино—с., 33.
Иматра, 139.
Индійскій океанъ, 20.
Индоманка—р., 54 прим.
Индѣйцы, 10, 66, 78, 89.
Ирбитская ярмарка, 24.
Иркугъ—р., 56.
Ирландія, 142.
Испанія, 31.

Кавказъ, 135.
Казанская—губ., 35, 59, 125.
Казань—г., 59, 81.
Кальчугъ—зал., 131.
Каменный мысъ, 13, 15.
Канакша—с., 46.
Канакша—р., 43.
Карачарово — с., 76, 80, 81, 107, 113 114, 116, 117, 118, 119, 121, 122, 123 124, 125, 142.
Карачаровскій оврагъ, 114.
Карачаровцы, 120, 122.
Каргополы, 19, 21.
Каргополь—г., 4, 5, 8, 10, 13, 21, 24, 38, 39, 43, 44, 48. 49, 50, 146.
Каргопольскій—у., 27, 28, 53, 54, 54 прим.
Каргопольскія волости, 53 прим.
Карданга—д., 3.
Карповщина, 136.
Карташиха—д., 35, 59, 125.
Каспійское м., 10.
Кафтино—оз., 136.
Кемь—р., 5, 7.
Кена—р., 50.
Кенозеро, 12, 34, 35, 36, 46, 49, 50, 52.
Кинема—р., 15, 17, 19, 32, 34, 35, 37, 38, 143.
Кіевская губ., 33.
Кій-островъ, 30.
Кіурувеси, 37.
Кладовецъ—о-въ, 43.
Клязьма—р., 57, 58.
Ковжа—р., 16.
Ковжское—оз., 4.
Колодозеро, 50, 51.
Конбѣжка—рч., 158 прим.
Кондинскъ, 128.
Кондратовская—д., 19, 21.
Коневъ, 49.
Конецкая—ст., 4.
Концы—д., 136.
Копенгагенскій музей, 156.
Коровка—мысъ, 128, 130.
Костенскъ—с., 68, 110 прим., 113, 116, 117, 122, 123, 124, 142.
Костенки (Костёнки) 110 прим.
Котечное—оз., 4.
Красновидова—д., 59.
Красноярскъ—г., 32.
Кузнецова—ст., 4.
Кульпинскія соляныя копи, 66.
Кунгуръ, 69.
Курганскій округъ, 65.
Кустынь, 130.

Ладога, 141, 152, 153, 154.
Ладожскій каналъ (старый), 35, 139, 140.
Ладожское—оз., 112, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 154.
Лапинская—д., 21.
Лачозеро, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 19, 21, 23, 31, 32, 34, 35, 41, 43, 44, 51, 54, 54 прим., 140, 143, 154, 156.
Ледовитый океанъ, 128.
Лекшмозеро, 51.
Лельма—приходъ, 49.
Лепша—приходъ, 49.
Ливійскій берегъ, 144.
Липовская—ст., 39.
Литва, 53 прим., 135.
Лифляндія, 10.
Ловзанга—р., 12.
Лодейнопольскій у., 53, 54 прим.
Лопари, 52 прим.
Лопатица—д., 149.
Лопь, 52, 52 прим.
Лубенскій у., 113.
Лужандозеро, 4.

Львиный курганъ, 56, 57, 58, 59, 60, 61 74, 81, 82, 83, 91, 102.

Малая Шалга—приходъ, 39.
Малый Окуловъ—холмъ, 84.
Мамонтова пещ., 104.
Маріинскій каналъ, 26.
Масельга—д., 51.
Мегорское—оз., 52.
Мегра, 53, 54 прим.
Медвѣжій о-въ, 50.
Модозеро, 44.
Москва, 26, 55, 90.
Моша, 41, 45, 46, 47.
Моша—р., 41, 43, 44, 44 прим., 47, 48, 49.
Мошинская волость, 44, 44 прим., 53 прим.
Мошинскій погостъ, 44 прим.
Мошинскій приходъ, 44, 53.
Мошинское—оз., 33, 41, 42, 43, 44, 44 прим., 45, 47, 48.
Мурма, 52 прим.
Мурмское (Муромское)—оз., 51, 52, 54.
Муромскій монастырь, 52.
Мурома (народъ), 81.
Муромскіе лѣса, 106, 120, 155
Муромъ—г., 67, 69, 76, 80, 81, 82, 83, 84, 98, 101, 113, 114, 117, 119, 122, 123.
Мэндейсъ (Mandans)—д., 66.

Нагашкино—с., 108.
Надпорожское селеніе, 5, 8.
Нахичеванскія соляныя копи, 66.
Нева—р., 112, 141, 143.
Немятова—д., 149.
Нижегородская желѣзная дорога, 57.
Нижегородская ярмарка, 24.
Нижній Новгородъ, 55, 83.
Нилова пустынь, 132.
Нилъ—р., 144.
Нименскій приходъ, 40, 44.
Нименское оз., 39, 41, 44 при.
Новая Мексика, 66.
Новгородская губ., 27, 54.
Ново-Ладожскій у., 156, 157 прим.
Новые Ельцы—д., 133.
Новое Курмево—д., 129.
Ноккола—д., 19.
Ноккольскій погостъ, 5, 15, 16, 23.

Обская губа, 103.
Обь—р., 37 прим., 128, 135.
Овселукъ—оз., 133, 135.
Ока—р., 35, 36, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 65, 67, 68, 70, 71, 73, 74, 75, 78, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 91, 106, 113, 114, 120, 121, 125, 130, 133, 134, 150, 154, 155.
Олонецкая губ., 11, 18, 19, 20, 27, 34, 35, 36, 37, 38, 47, 53, 54 прим., 67, 73, 75, 92, 101, 102, 123, 125, 126, 134, 140, 143, 150, 156.
Ольга—р., 12, 15, 16, 17, 19, 21, 22, 23, 31, 34, 143.
Ольгскій мысъ, 12, 13, 15
Онега—г., 48.
Онега—р., 4, 5, 8, 9, 11, 13, 15, 28, 38, 44 прим., 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53 прим.
Онего—оз., 143.
Онежскій каналъ, 3, 4.
Онежскій у., 28.
Онежское оз., 3, 4, 14, 35, 50, 51, 52 прим., 65, 140.
Орьма—с., 48.
Осташковъ—г., 125, 126, 131.
Острица—зал., 131.
Остроботнія, 36, 37.
Остяки, 37 прим., 79, 103, 104, 118, 128.
Отаити—о-ва, 98.
Ошта—р., 3, 34.
Оштинскій погостъ, 3.
Оять—р., 54 прим.

Павлово—с., 55, 57, 74, 77, 91.
Паша—р., 157 прим., 158 прим.
Палтага—д., 3.
Першлахта—д., 50, 52.
Петербургская сторона, 111.
Петрозаводскъ—г., 54.
Плехановскіе холмы, 85.
Плехановъ боръ, 60, 61, 63, 64, 65, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 81, 82, 83, 84, 85, 91, 93, 100, 102, 105, 120—131, 150.
По—р., 145.
Подольскъ—г., 153.
Полтавская губ., 113.
Польша, 104, 113.
Полѣсье, 69.
Поляностный ручей, 9.
Поморье, 47.
Поповскій—о-въ, 7.
Порма—р., 50.
Пормскій—о-въ, 34, 35, 36, 50.
Прибалтійскій край, 19, 140.
Приладожье, 141, 143, 145, 150, 154, 155, 156.
Пудожскій у., 28.
Пудожъ—г., 50, 51.

Раменье—д., 54.
Рига—г., 20.
Ровдручей, 50, 52.
Рожковская слобода, 131.
Розетта—г., 144.
Ронда, 52.
Россія, 7, 8, 64, 65, 72, 73, 89, 90, 91, 102, 104, 110, 110 прим., 118, 119, 123, 124, 126, 136, 137, 138, 139, 142, 153.

Ростовско-Суздальская земля, 158.
Русскіе, 74, 119, 153.
Рянусова—д., 49, 50.
Рыбинско-Бологовская ж. д., 136.

Савроматы, 156 прим.
С.-Петербургъ, 3, 21, 25, 39, 47, 48, 54, 69, 72, 110, 111.
С.-Петербургская губ., 27.
Самоѣды, 103, 104, 118, 128.
Самоядь, 52, 52 прим.
Сапунъ - ст., 58.
Свидь—р., 12, 23.
Свирь—р., 3, 147, 151.
Свіяга—р., 108.
Селигеръ - оз., 130, 131, 132, 133, 135, 136.
Сибирь, 104, 107, 109, 118, 119, 135.
Сигъ—оз. 126, 127, 128, 135, 136.
Сидоровская—д., 19, 21.
Симбирскъ, 108.
Сингапуръ, 20.
Ситъ-Сарп—о-въ, 146.
Сіонъ гора, 57.
Скандинавія, 19, 66, 98
Сканія, 98.
Славяне, 106, 154
Смоленская губ.. 90.
Ставрополь—г., 110.
Ставропольскій округъ, 110.
Степаньково—с., 63, 64, 67, 73.
Стержъ—оз., 133.
Стермянъ—оз., 135.
Стокгольмскій музей, 138.
Суворощъ—р., 57, 58.
Суджа - г., 153.
Сухое—оз., 51.
Сѣверная Америка, 68.
Сясь — р., 138, 143, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153.
Сясьскіе Рядки, 147.
Сясьскій каналъ (новый), 137, 140, 141, 143, 146, 147, 149, 151, 153.

Татары, 53 прим.
Телицина - д., 50.
Тѣша—р., 82.
Тихманга—р., 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 19. 23, 54 прим., 143.
Тихмангскій приходъ, 54 прим.
Тобольская губ., 65.
Троецкая волость, 53 прим.
Троицкій погостъ, 50.
Тудозеро, 4, 6, 35, 52, 126, 143, 150
Тудозерскій валъ, 7.
Тудозерскій погостъ, 50.
Тулица—р., 135.
Тульская губ. 33.
Тульскій у., 135.
Тунка—р. 56.
Тункинскіе холмы, 61.
Турчасово, 53 прим.

Угольнова—д., 84.
Удай—р., 113, 142.
Упіойа —фортъ, 79.
Усть-Моша - с., 49.
Устьмошинскій погостъ, 44 прим.
Устмошская волость, 53 прим.
Усть-мошскій станъ, 53 прим.
Усть-Рыбижна—д., 157 прим.
Уткино-Іевлево—д., 128, 129, 136.
Ухта—р., 5, 12, 23, 54.
Ушна—р., 83.

Фатьяново - с. 37, 63, 88.
Фатьяновская волость, 30.
Финляндія, 19, 34, 35, 36, 37, 123, 142.
Финны, 153, 155, 156 прим.
Финскій зал., 112, 141.
Франція, 31, 97, 98, 103.

Хотеновскій погостъ, 43.
Хрѣновскіе холмы, 74, 77, 80, 91, 93.

Чарондское оз., 12.
Часовенская—р., 158 прим.
Челекса—р., 3.
Черкасы—народъ, 53 прим.
Чернослободскій погостъ, 5.
Чудинъ, 153.
Чудское (Финское) племя, 53, 153.
Чудь, 52, 52 прим. 53, 54 прим.
Чулково - с., 55, 57, 58.
Чуца—р., 58.

Шагласъ—р., 54 прим.
Шалекушка—селеніе, 43, 48, 49, 53.
Шалекушскій погостъ, 44 прим.
Швеція, 97, 98, 138.
Шенкурскій трактъ, 38.
Шимозеро, 54, 54 прим.
Ширковъ погостъ, 130, 133, 134.
Шубинъ—о-въ, 42.
Шунгская ярмарка, 24.

Щучья тоня, 6.

Эскимосы, 96.

Юхновсій - у., 90.

Японія, 20.
Ярославская губ., 37, 63, 88.
Ясенское—с., 136.

Важнѣйшія опечатки.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
44	18 сверху	Модзера	Модозера
73	2 снизу	Blber	Biber
86	15 снизу	селу	деревнѣ
144	5 снизу	Лавійскомъ	Ливійскомъ

Оглавленіе.

I.

Южная часть Олонецкой губерніи.

1. Юго-восточное прибрежье Онежскаго озера и сѣверо-западное прибрежье озера Лача. — Стран.

Дюны Онежскаго озера и дюнныя озера.—Путь въ Каргополь.—Остатки каменнаго вѣка на Тудозерѣ и на берегахъ озера Лача, при устьѣ рѣки Тихманги и при истокѣ рѣки Онеги. — Остатки каменныхъ и костяныхъ орудій около ручья Поляностнаго.—Кости и орудія при устьѣ Тихманги и предполагаемыя физико-географическія измѣненія на сѣверо-западномъ побережьѣ озера Лача со времени каменнаго вѣка . . 3 — 11

2. Восточное прибрежье озера Лача.

Характеръ озеръ въ зависимости отъ топографіи ихъ окрестностей. — Озеро Лача: его размѣры, глубина, вода и характеръ береговъ.—Остатки каменнаго вѣка на восточномъ берегу озера и происходящее здѣсь подмываніе берега.—Дельта р. Ковжи.—Залеганіе орудій каменнаго вѣка въ почвѣ и вѣроятное распредѣленіе жителей этого періода; заселеніе мѣстности Славянами. — Характеръ современныхъ жителей и рыболовство на озерѣ Лачѣ. — Бѣличій промыселъ.—Артели на сплавахъ.—Компанія Онежскаго лѣснаго торга.—Очеркъ найденныхъ каменныхъ орудій: кремневые топоры, наконечники копій и стрѣлъ; ножи и скребки; точеныя орудія: топоры, тесла, молотки и костяныя издѣлія 11 — 38

Путь къ озеру Мошинскому изъ Каргополя. — Озеро Мошинское.—Воезеро и его окрестности.—Каменный вѣкъ около озера Мошинскаго.—Современное населеніе около озера Мошинскаго и Воезера.—Путь по р. Мошѣ къ р. Онегѣ. — Поѣздка на Кенозеро. — Естественное водное соединеніе Балтійскаго и Бѣломорскаго бассейновъ. — Озеро Муромское и преданія о Чуди 38 — 54

II.

Долина Оки.

1. Львиный курганъ и Плехановъ боръ. Стран.

Путь въ имѣніе князя Л. С. Голицына въ долинѣ Оки и холмъ Львиный курганъ; видъ на окрестность.—Низина, озерно-рѣчныя отложенія и отношеніе ихъ къ каменному вѣку.—Песчаные холмы, какъ мѣсто поселенія до-историческихъ жителей.—Плехановъ боръ, его строеніе и остатки каменнаго вѣка.—Описаніе орудій, найденныхъ въ холмахъ Плеханова бора.—Глиняная и другая посуда.—Пища. — Бобровыя постройки.—Складъ этихъ построекъ.—Постройки были возведены въ каменный вѣкъ; онѣ предохраняли холмы отъ разрушенія.—Вѣроятность, что человѣкъ покровительствовалъ бобру.—Бобръ донынѣ въ Америкѣ является у Краснокожихъ Индѣйцевъ почти какъ домашнее животное. — Наконечники стрѣлъ съ Хрѣновскихъ холмовъ 55 — 80

2. Окрестности Волосова.

Мой пріѣздъ въ Карачарово и первыя экскурсіи.—Вѣроятное происхожденіе песчаныхъ холмовъ, служившихъ мѣстопребываніемъ жителямъ каменнаго вѣка около Мурома.—Вѣроятная одновременность происхожденія этихъ холмовъ съ Плехановымъ боромъ.—Волосово какъ пунктъ самый богатый остатками каменнаго вѣка.—Могилы каменнаго вѣка.—Человѣкъ на основаніи его череповъ, вырытыхъ изъ могилъ.—Шлифованныя орудія изъ камня.—Копья и стрѣлы.—Скребки, шилья и пилы.—Костяныя орудія и глиняная посуда.—Костяныя орудія, характеризующія нравственную сторону жителей каменнаго вѣка.—Растительность и животныя, окружавшія человѣка каменнаго періода позднѣйшей эпохи . . 80 — 107

3. Карачарово.

Мнѣніе Лепехина объ археологическомъ значеніи мамонтовыхъ костей и кости слона, вырытыя недавно въ Петербургѣ.—Человѣкъ жилъ одновременно съ мамонтомъ. — Доказательство тому найдено около Карачарова. — Вѣроятный способъ охоты на мамонта и его спутниковъ.—Отдаленность эпохи, когда человѣкъ жилъ вмѣстѣ съ мамонтомъ. — Предполагаемыя измѣненія въ характерѣ природы, произшедшія съ того времени, когда человѣкъ жилъ вмѣстѣ съ мамонтомъ. . 107 — 125

III.

Верховья Волги.

Стран.

Мое пребываніе въ верховьяхъ Волги.—Остатки каменнаго вѣка на озерѣ Сигѣ: на сѣверо-восточной его сторонѣ и на мысахъ Коровкѣ и Бѣлкѣ.—Остатки каменнаго вѣка на берегахъ Селигера: около Осташкова, слободы Рожковской, Ниловой пустыни и селенія Новыхъ Ельцовъ.—Орудія изъ долины Волги, около озеръ Стержа и Овселука.—Городища въ долинѣ Волги и на берегу озера Глубокаго.—Дальнѣйшій путь . 125 — 136

IV.

Новый Сясьскій каналъ.

Изслѣдованія профессора А. А. Иностранцева.—Оцѣнка значенія каменныхъ орудій для исторіи человѣчества и находка ихъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія на Ладожскомъ каналѣ.—Каменныя орудія, найденныя на Ладожскомъ побережьѣ, какъ въ прошломъ вѣкѣ, такъ и нынѣ, относятся къ неолитическому періоду.—Сравнительная отдаленность палеолитическаго періода, эпохи мамонта.—Физико-географическія условія нахожденія до-историческихъ остатковъ на новомъ Сясьскомъ каналѣ.—Дельты Нила и другихъ большихъ рѣкъ.—Почему нельзя приписывать большую геологическую древность остаткамъ, найденнымъ на Сясьскомъ каналѣ. — Дюнный характеръ побережья. — Предполагаемый островъ, гдѣ жилъ человѣкъ.— Каналъ за Сясью.—Обитатели каменнаго вѣка относятся, вѣроятно, къ Финскому племени; животныя, ихъ окружавшія; растенія; орудія.—Заключеніе . 136 — 159

Алфавитный указатель географическихъ названій . 160 — 163

Примѣчанія Л. Н. Майкова:

О заселеніи береговъ р. Моши 44

О преп. Лазарѣ Муромскомъ 52

О панахъ въ Мошинскомъ краѣ 53

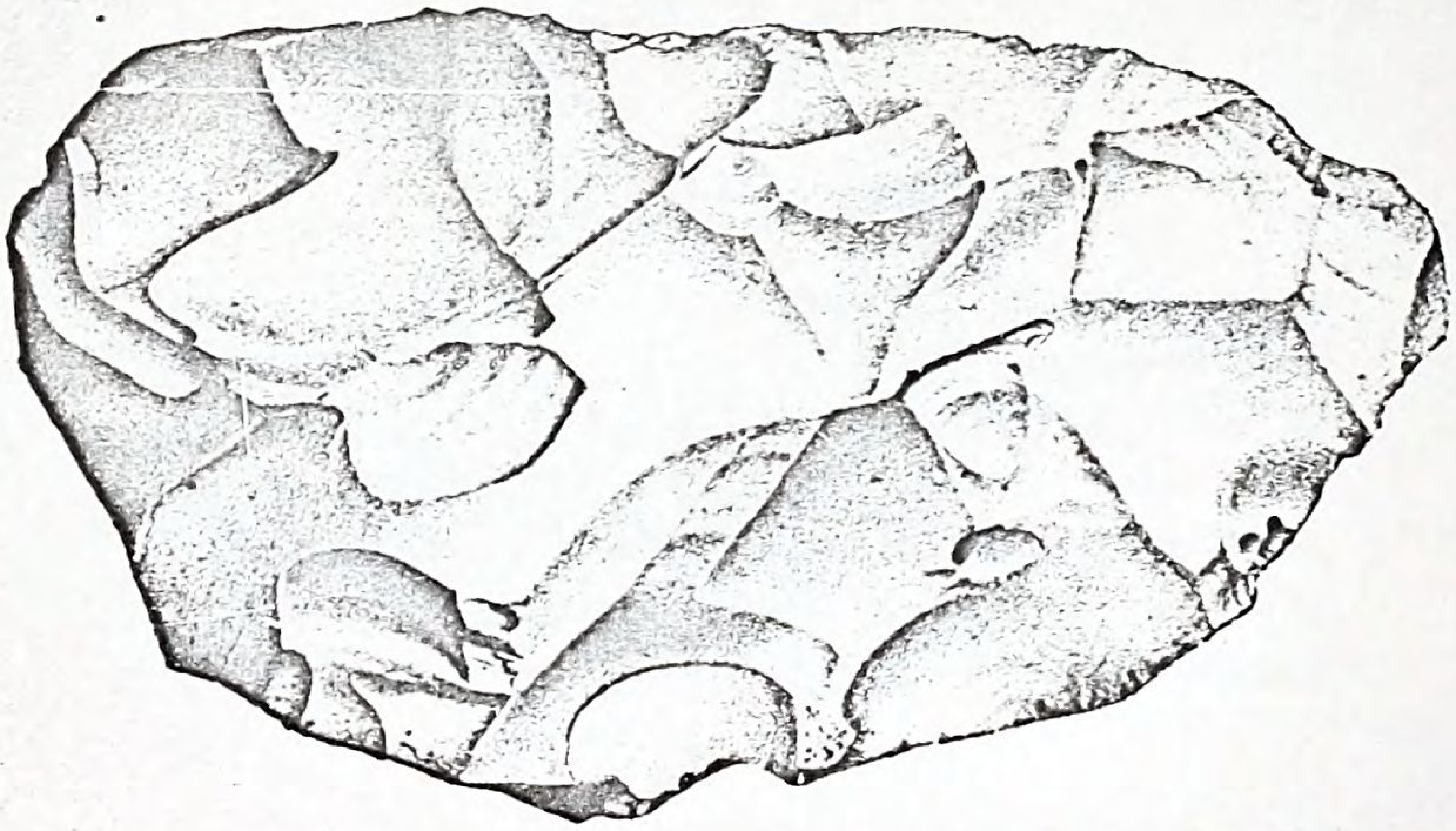
О Чуди въ Олонецкой губерніи 54

Извѣстія Тацита и Павсанія о костяныхъ орудіяхъ . . . 156

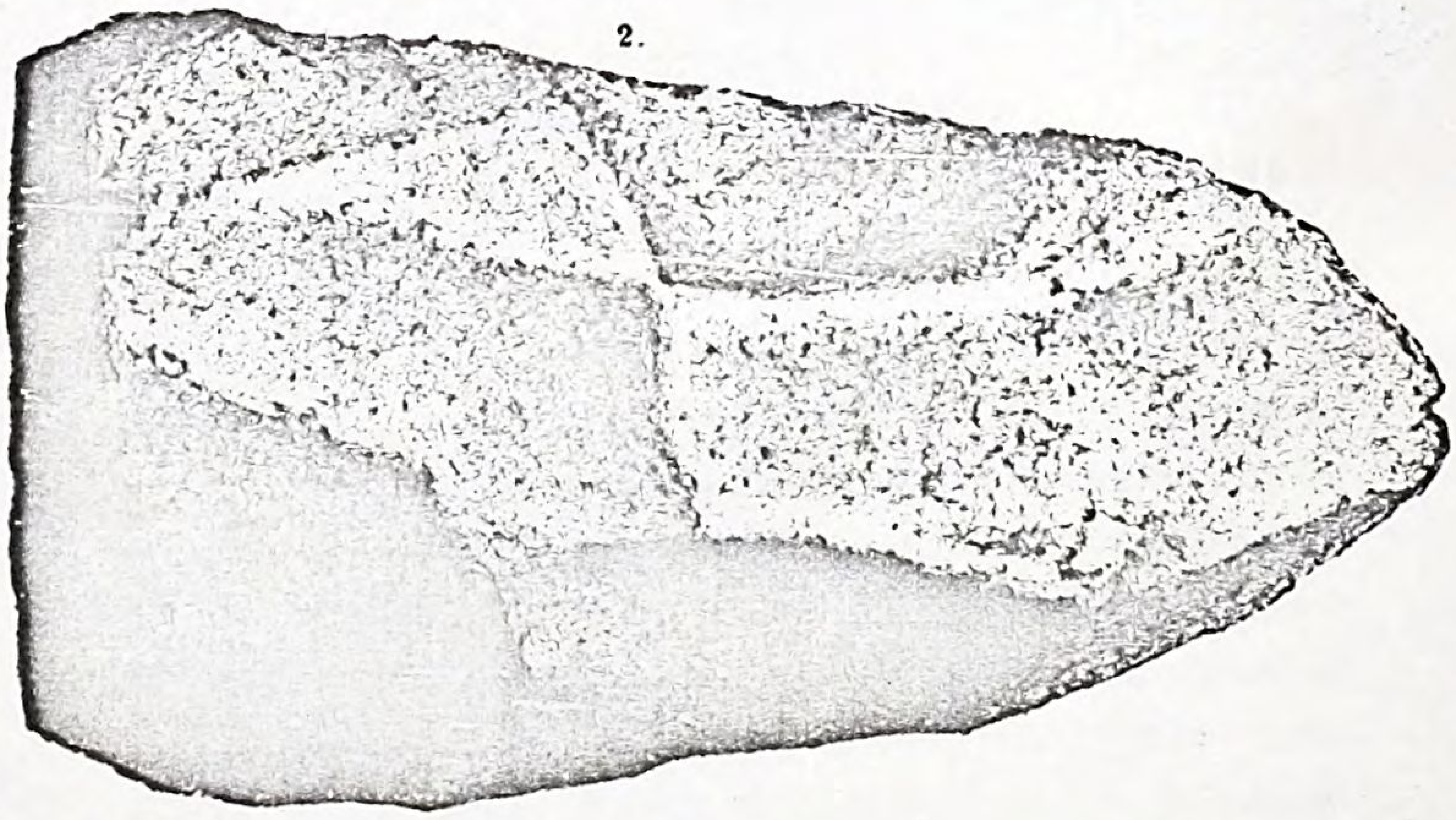
О раскопкахъ Н. Е. Брандербурга въ Ново-Ладожскомъ уѣздѣ . 157 — 159

I.

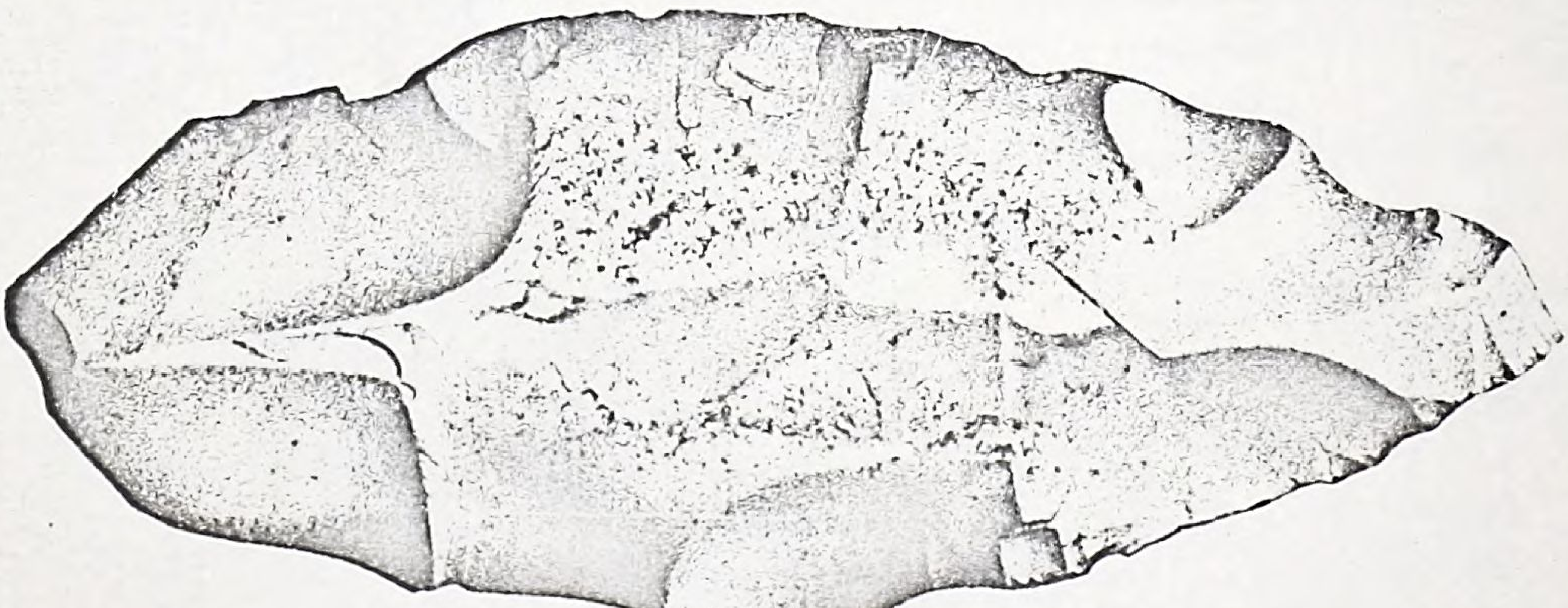
1.

2.

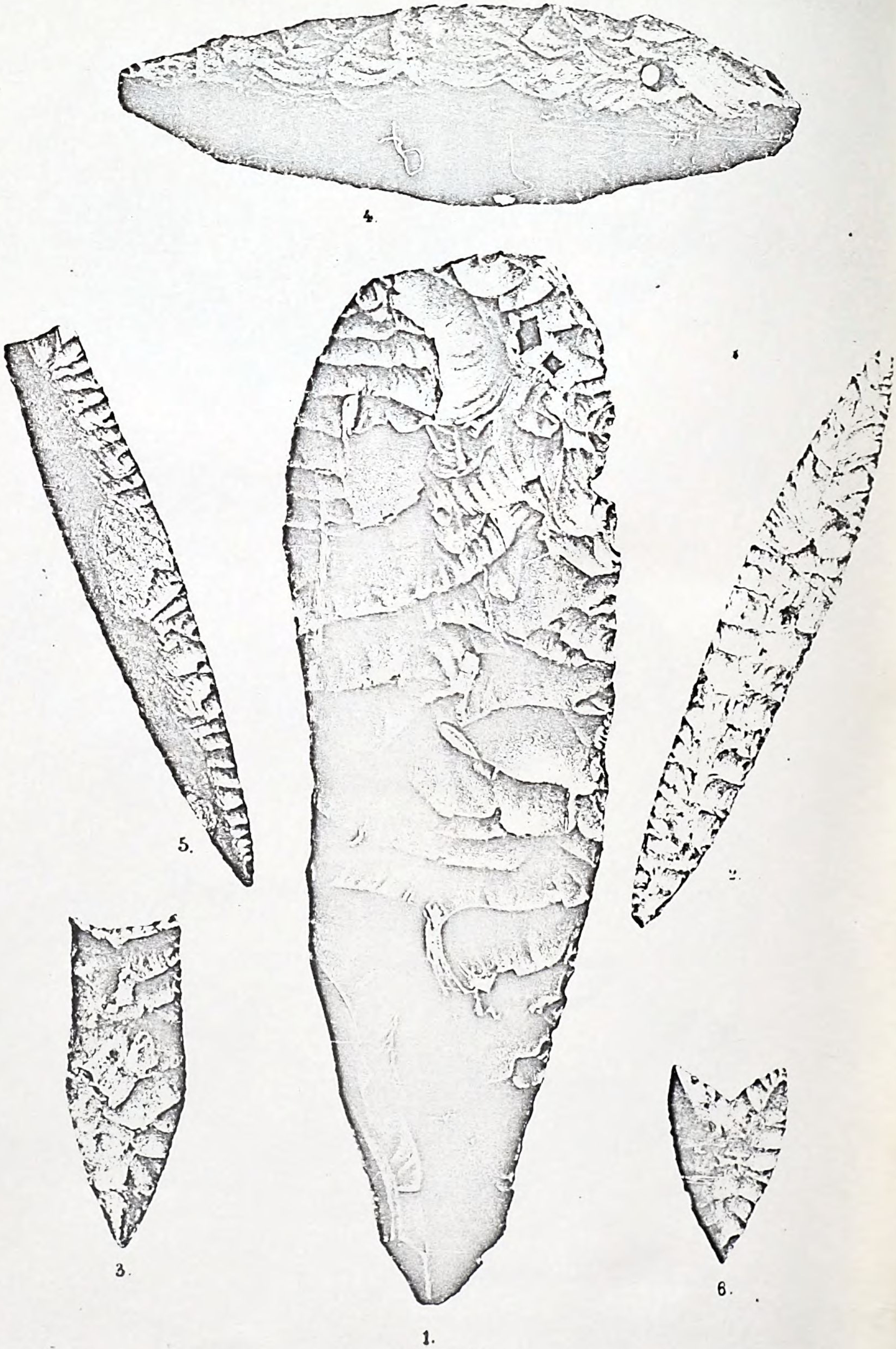

3.

Лит. Ивансона петерб. ст. больш. пр. № 1. СПБ.

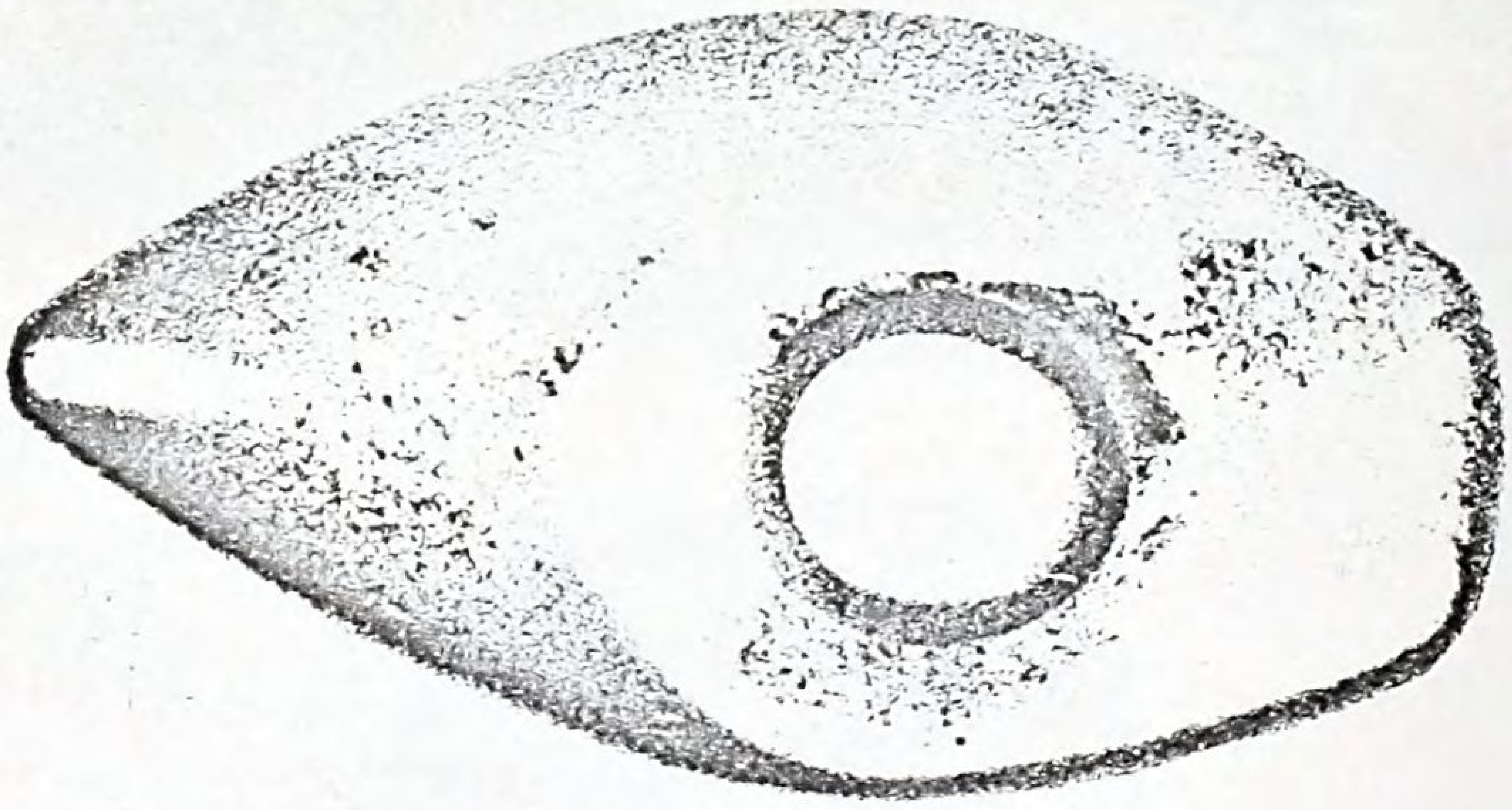
II.

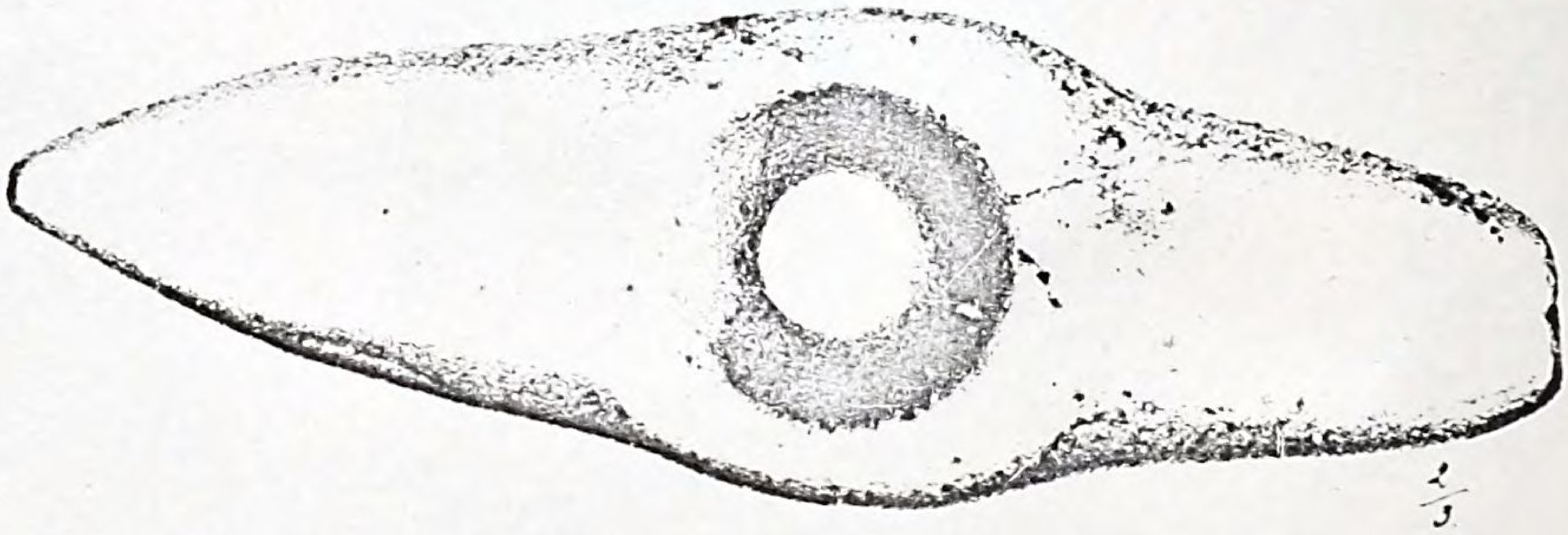
Лит. Ивансона СПБ.

III.

3.

4.

2/3

1.

2.

2/3

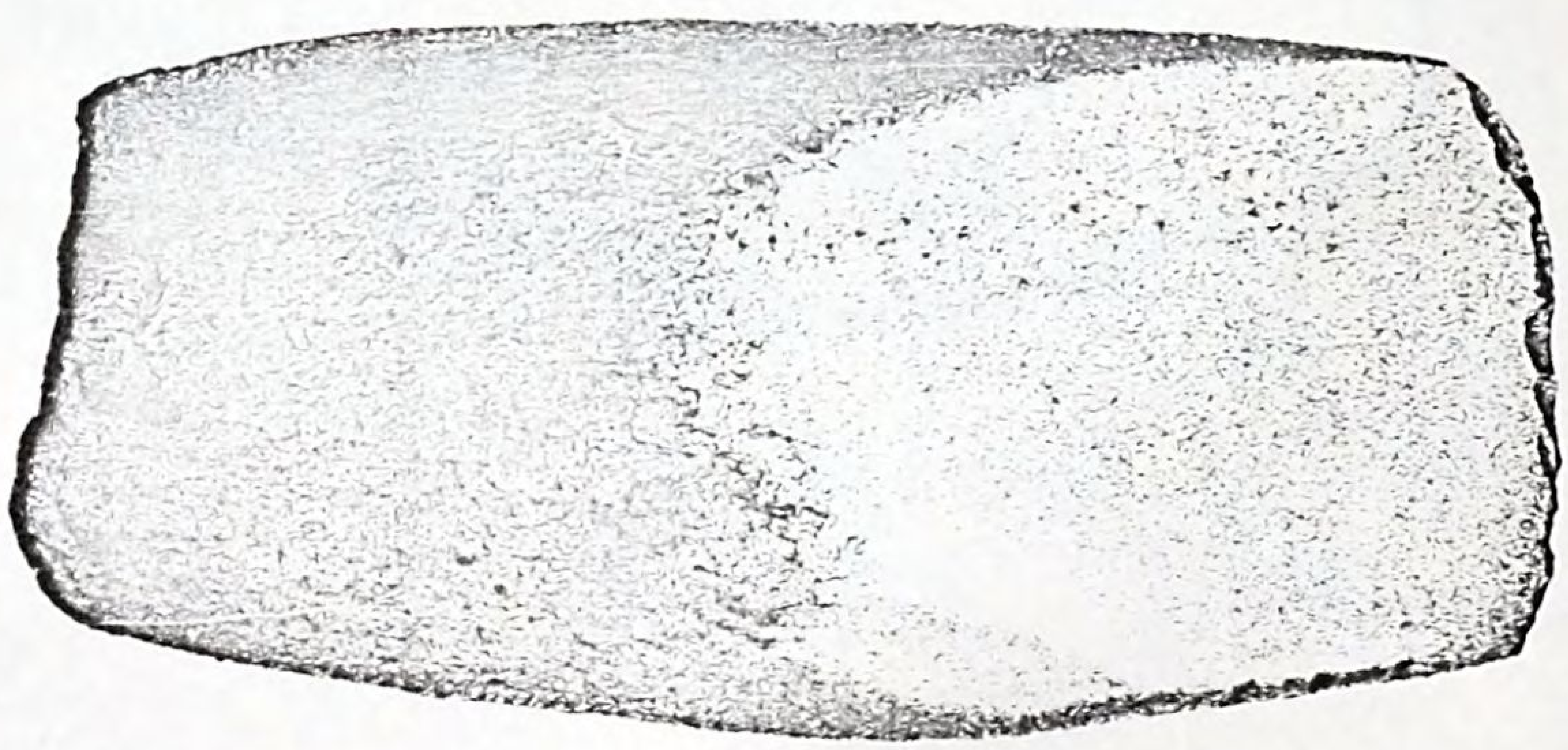
Лит. Ивансона петерб. ст. больш. пр. № [illegible]

2.

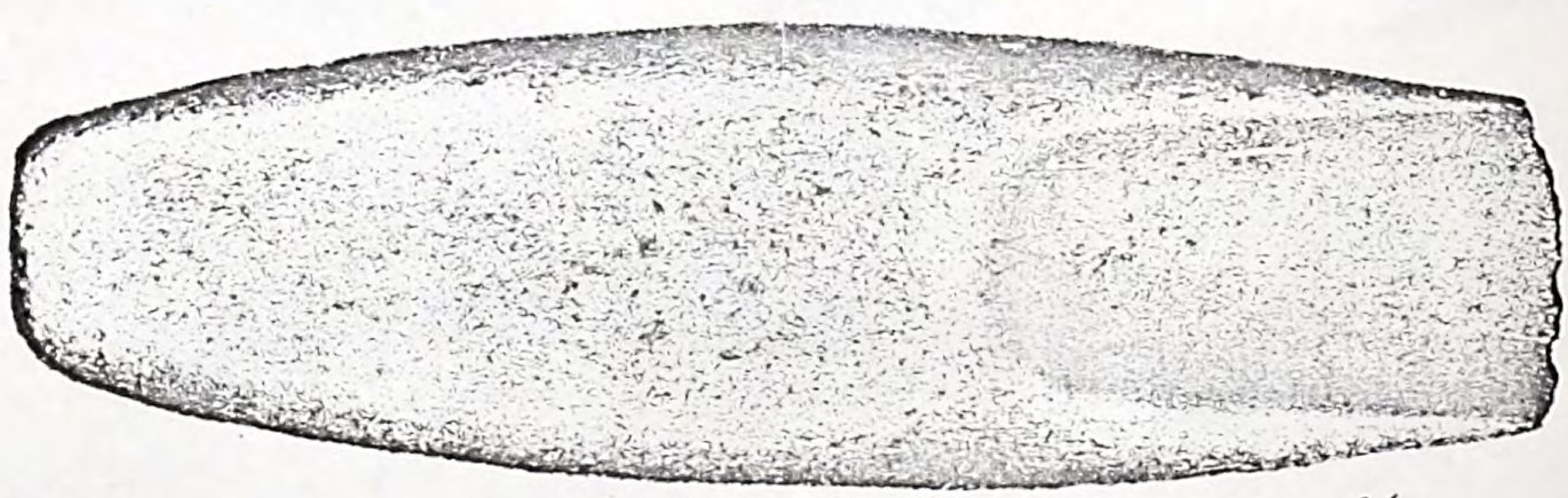

2/3.

1.

3.

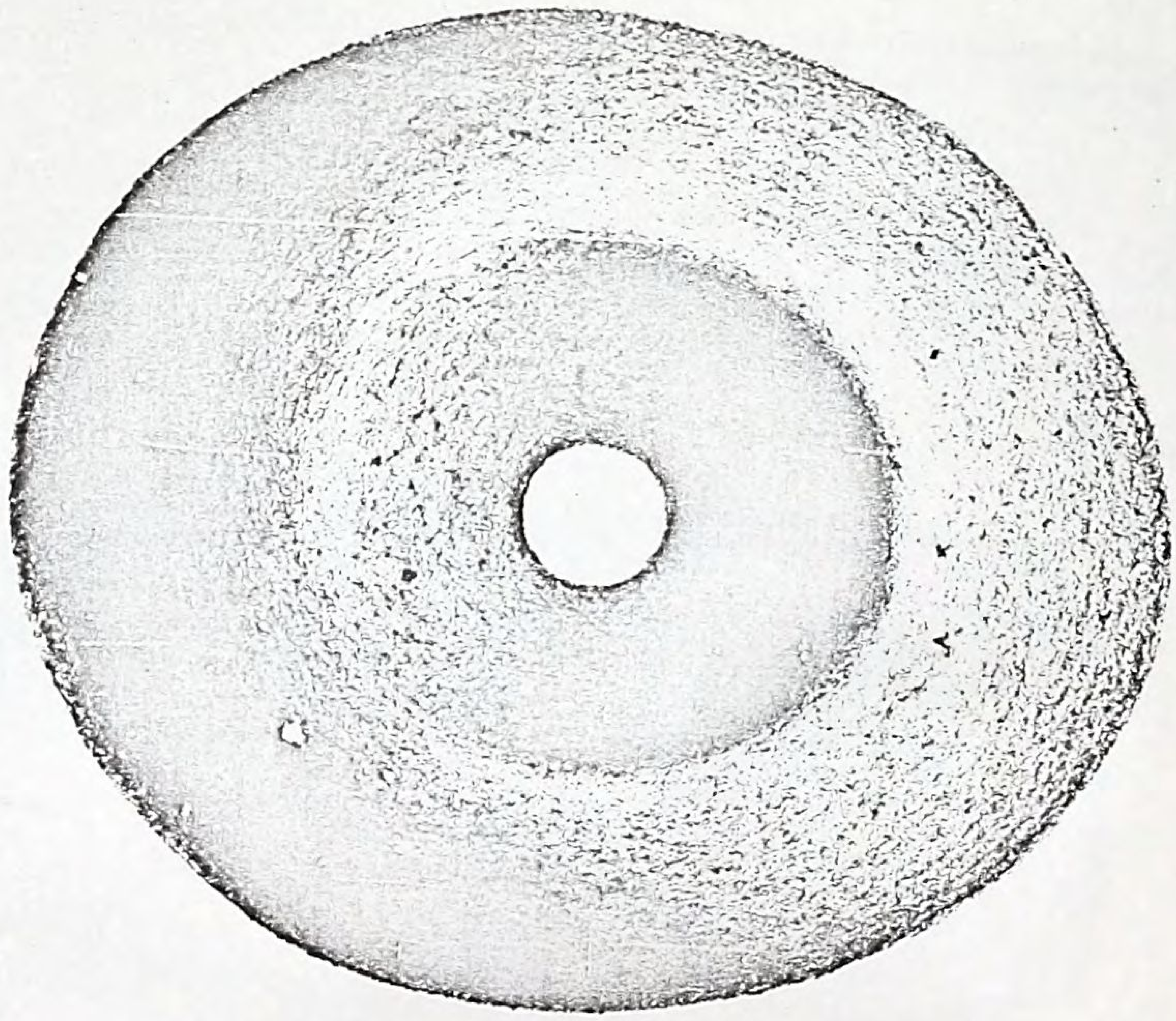
2/3.

4.

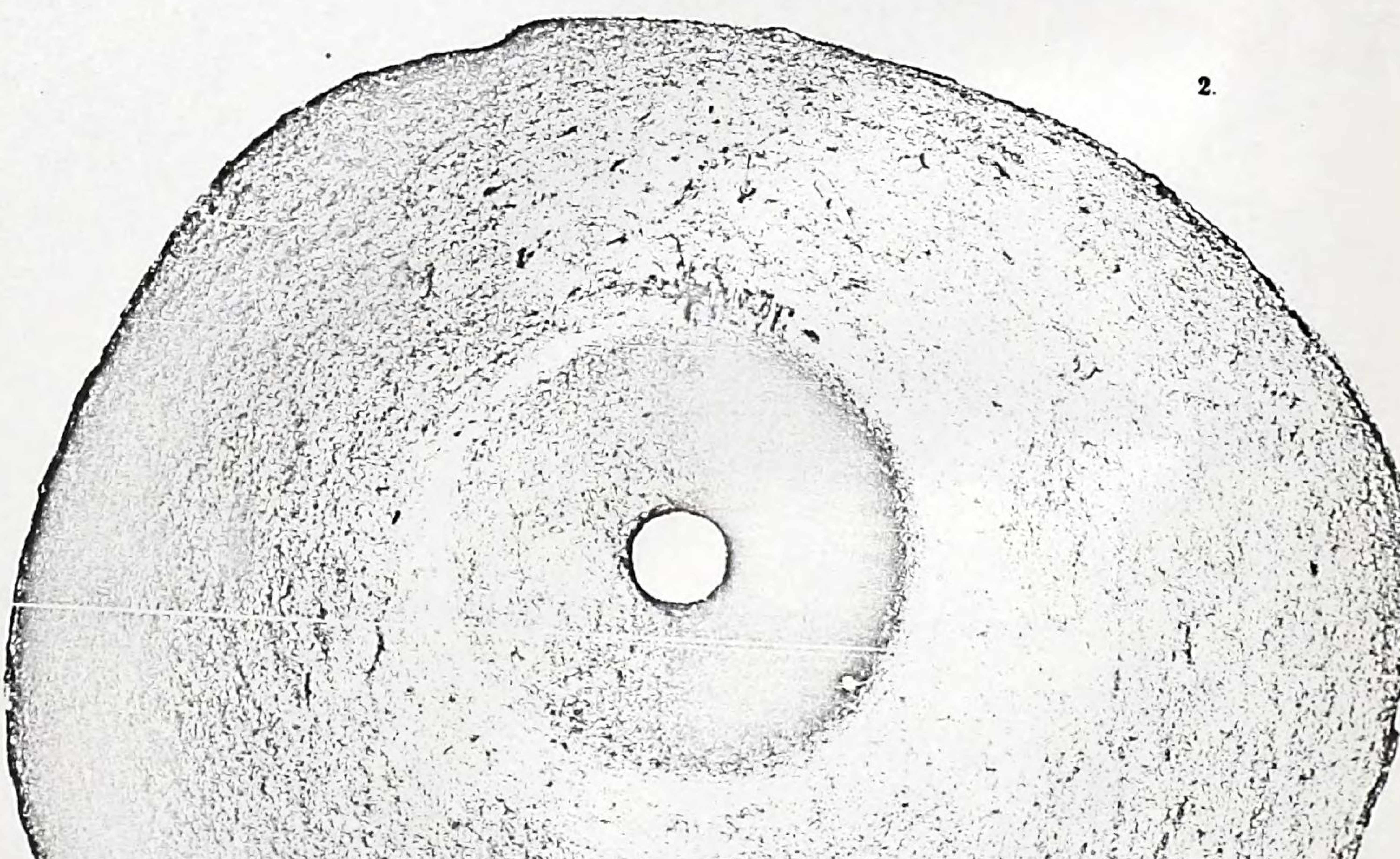

Лит. Ивансона. СПБ.

1.

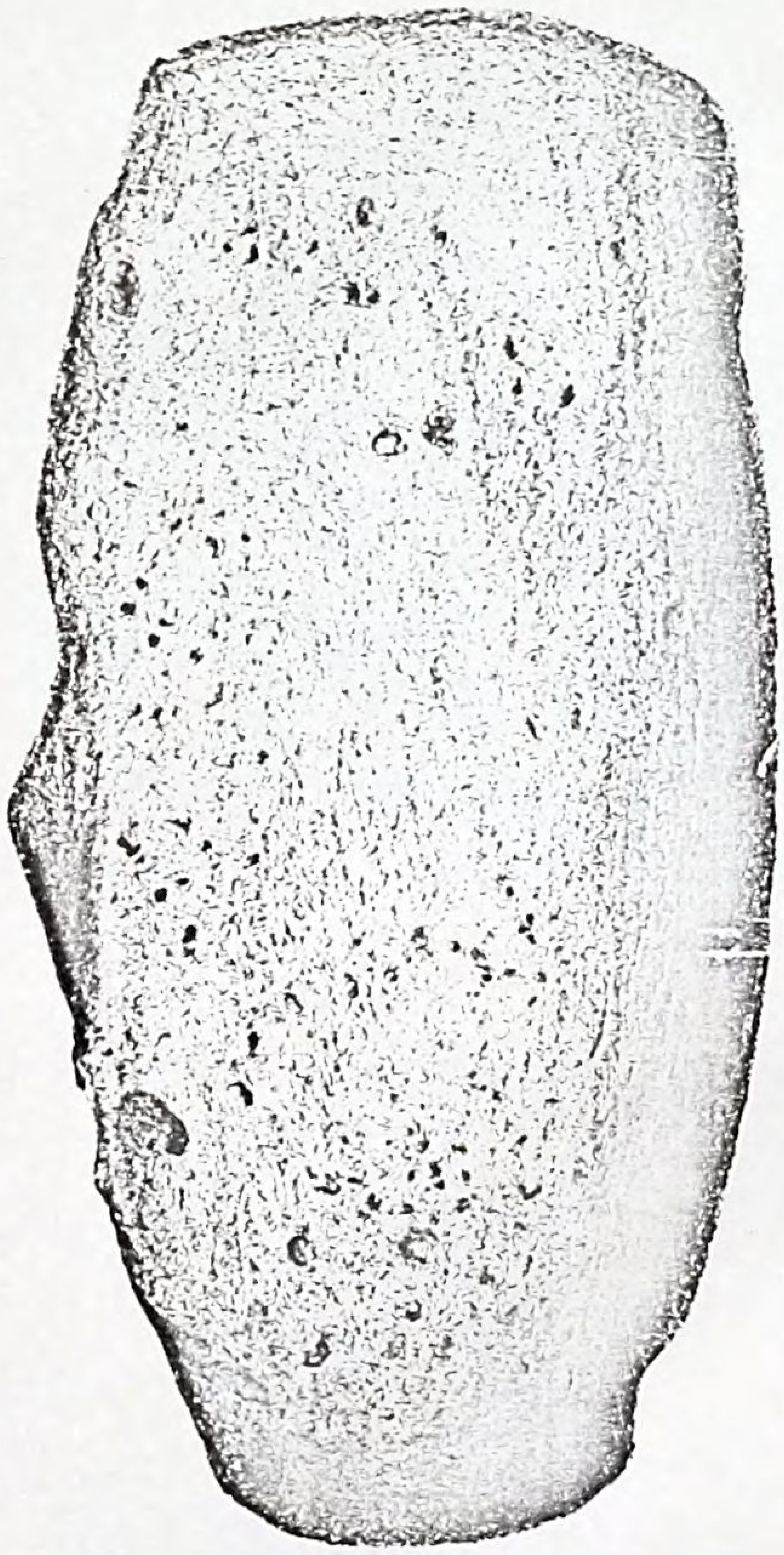
2.

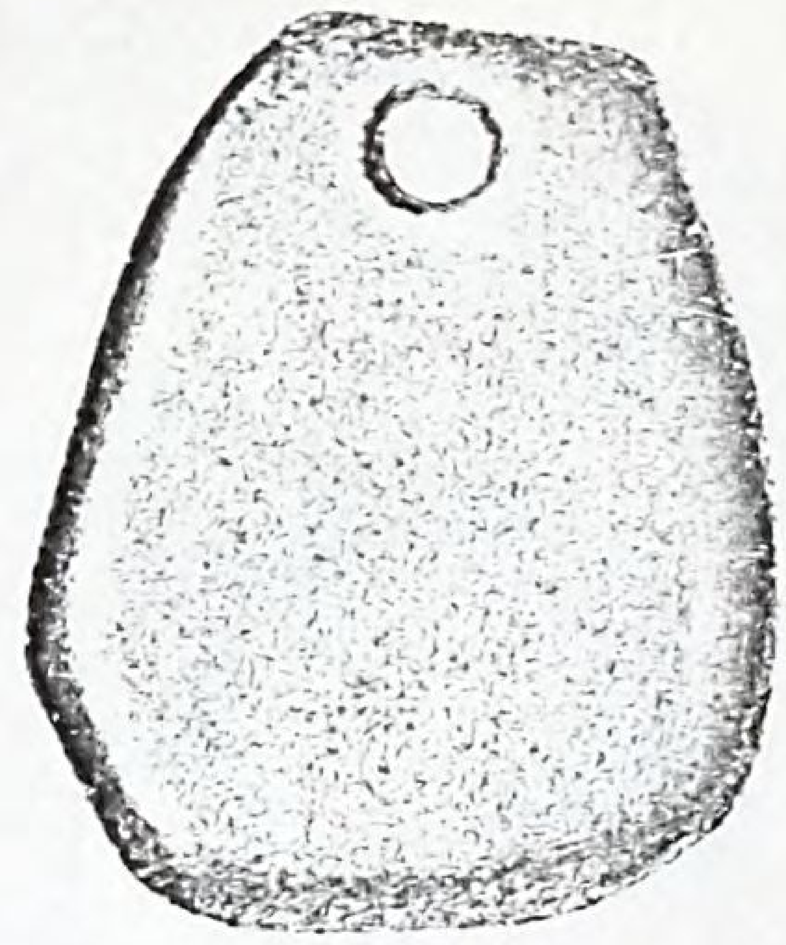
Лит Иванова СПБ

VI.

3a.

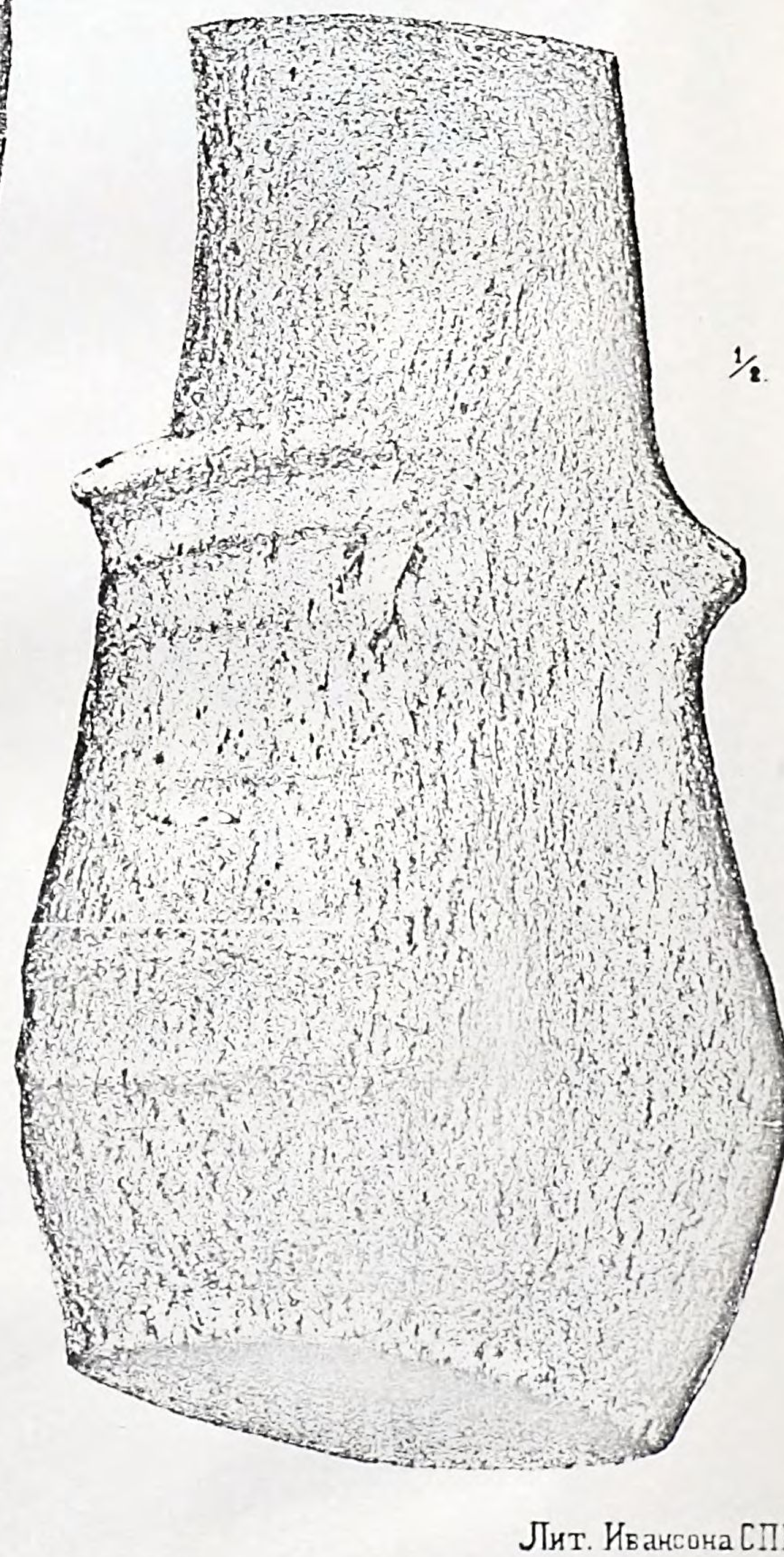
2

1.

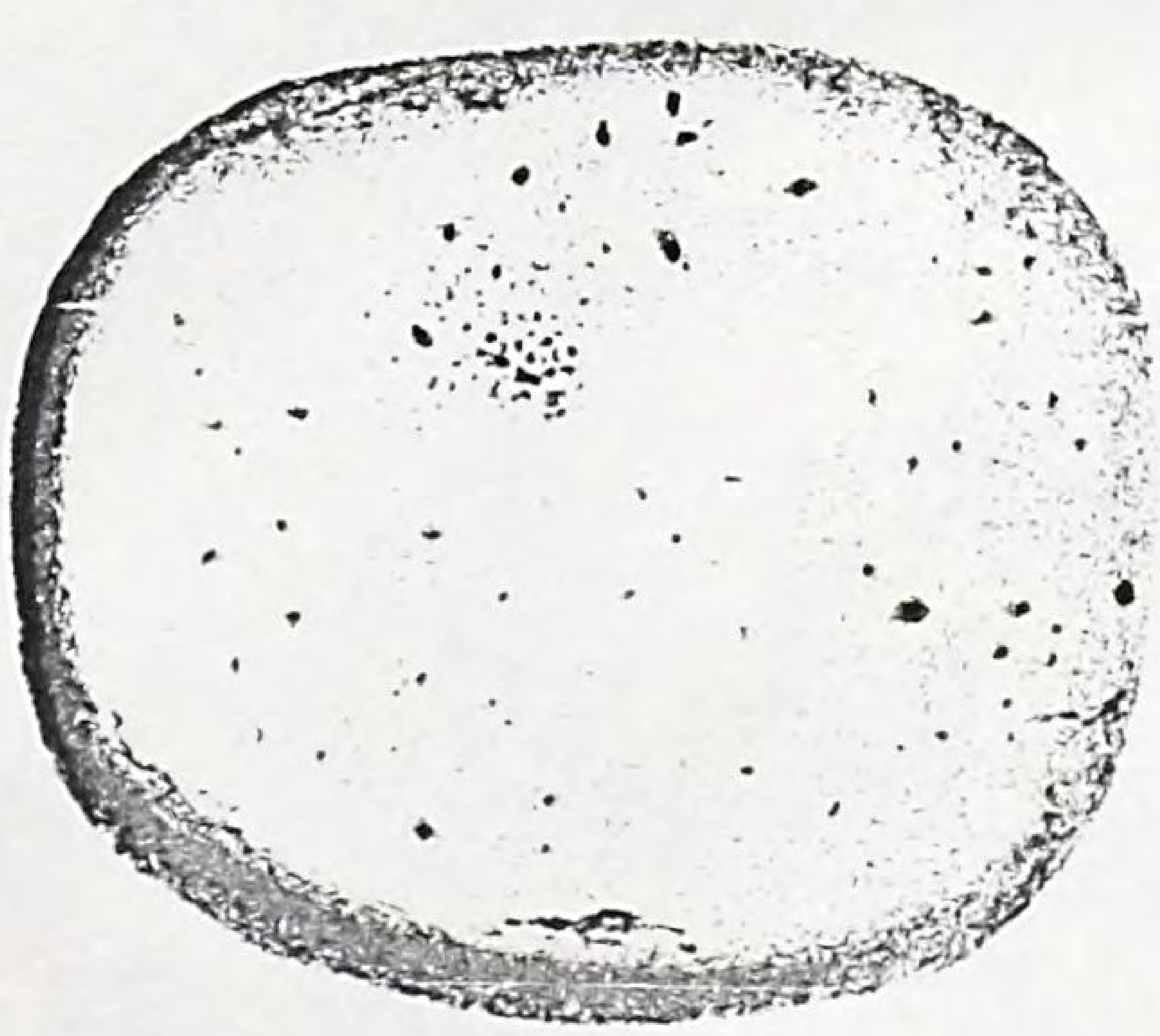

4.

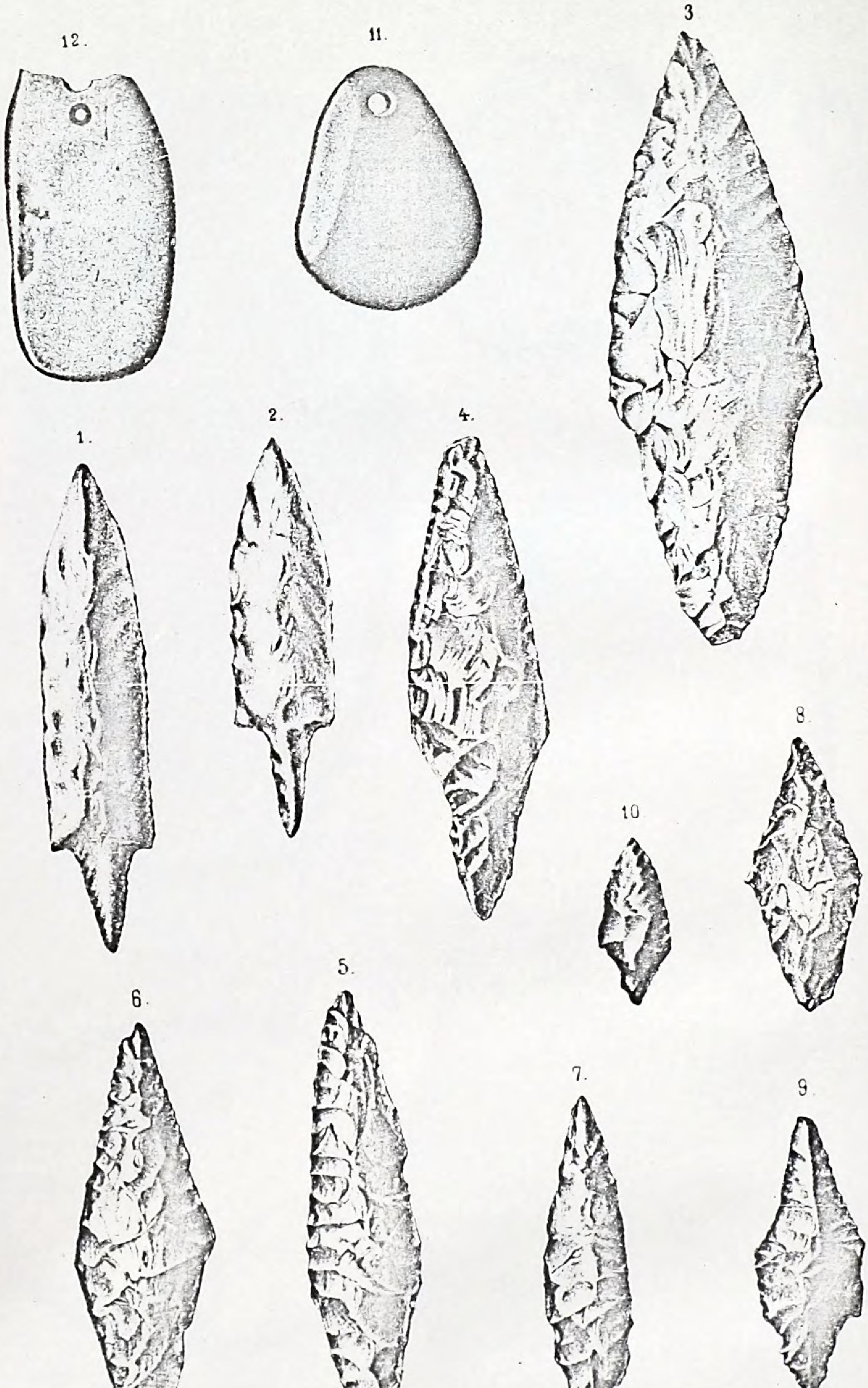

½.

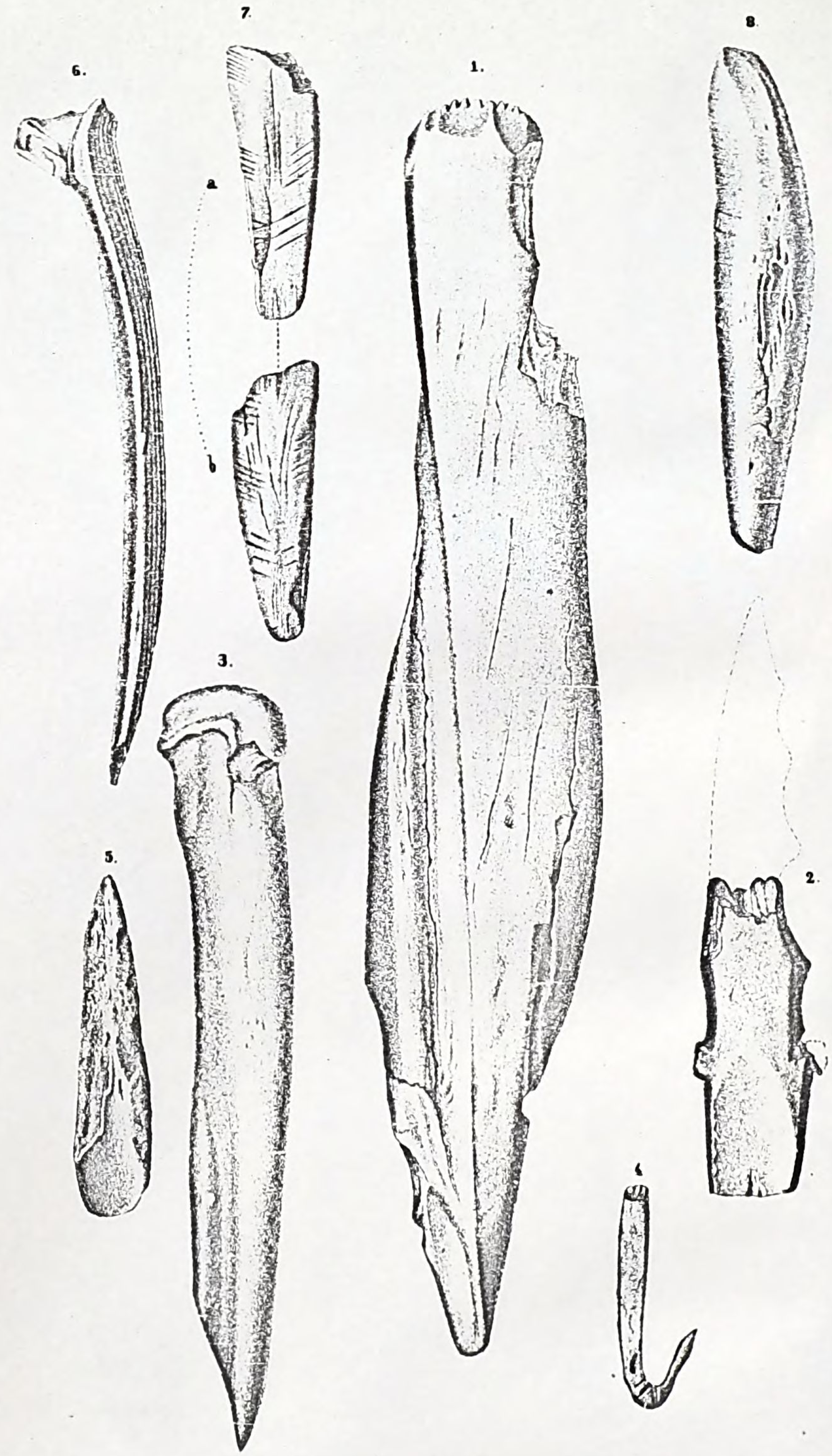
3.b.

Лит. Ивансона СПБ

Лит. Ивансона СПБ.

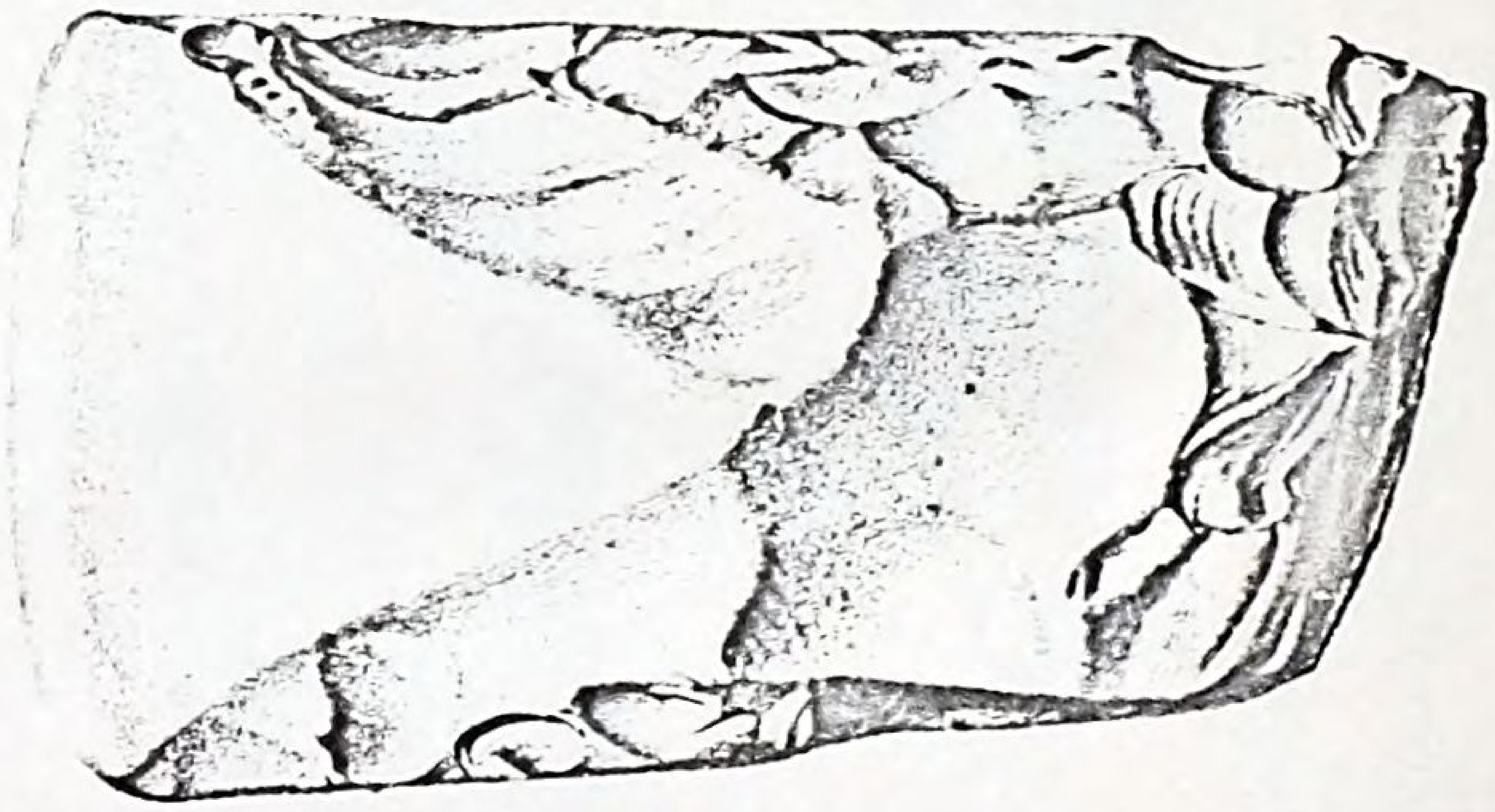
Лит. Ивансона. СПБ.

IX

1.

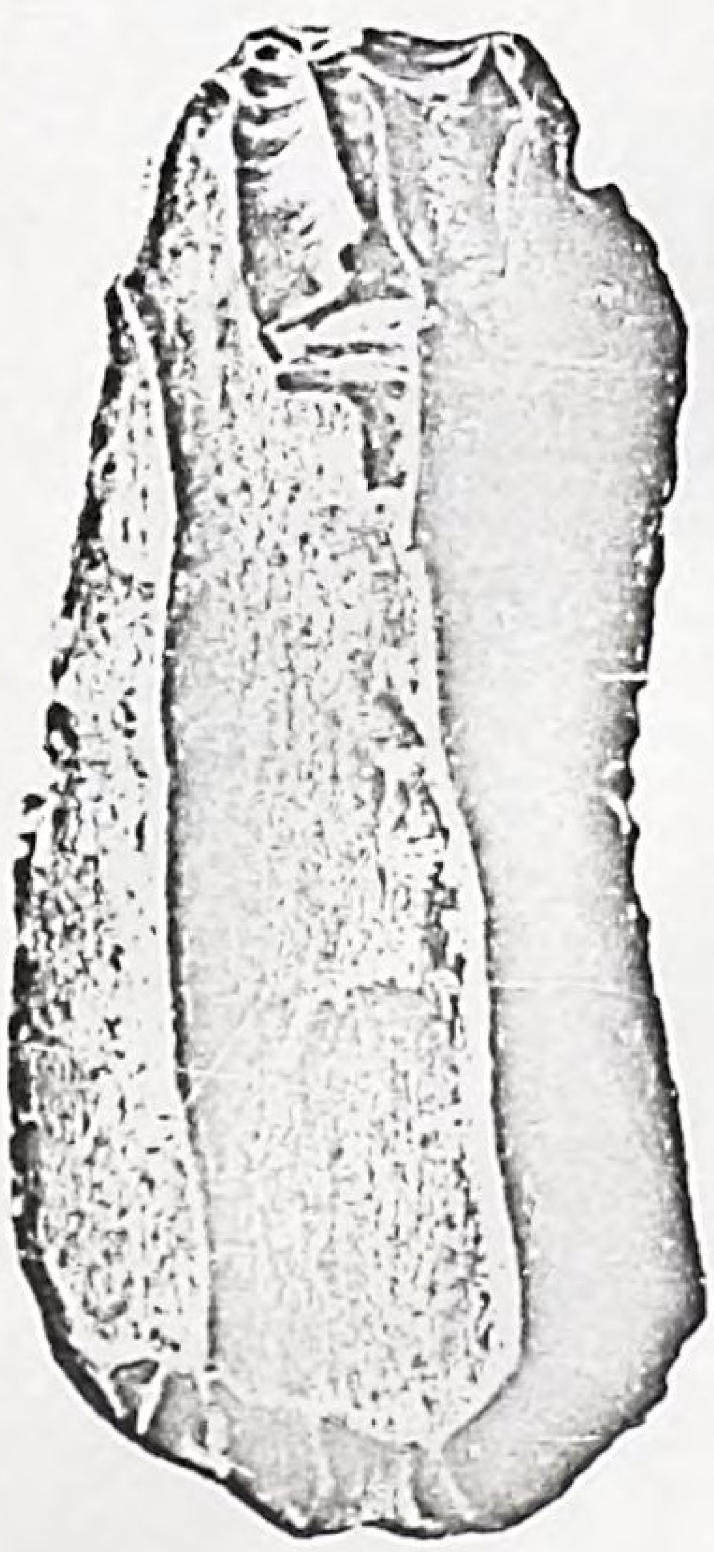
3.

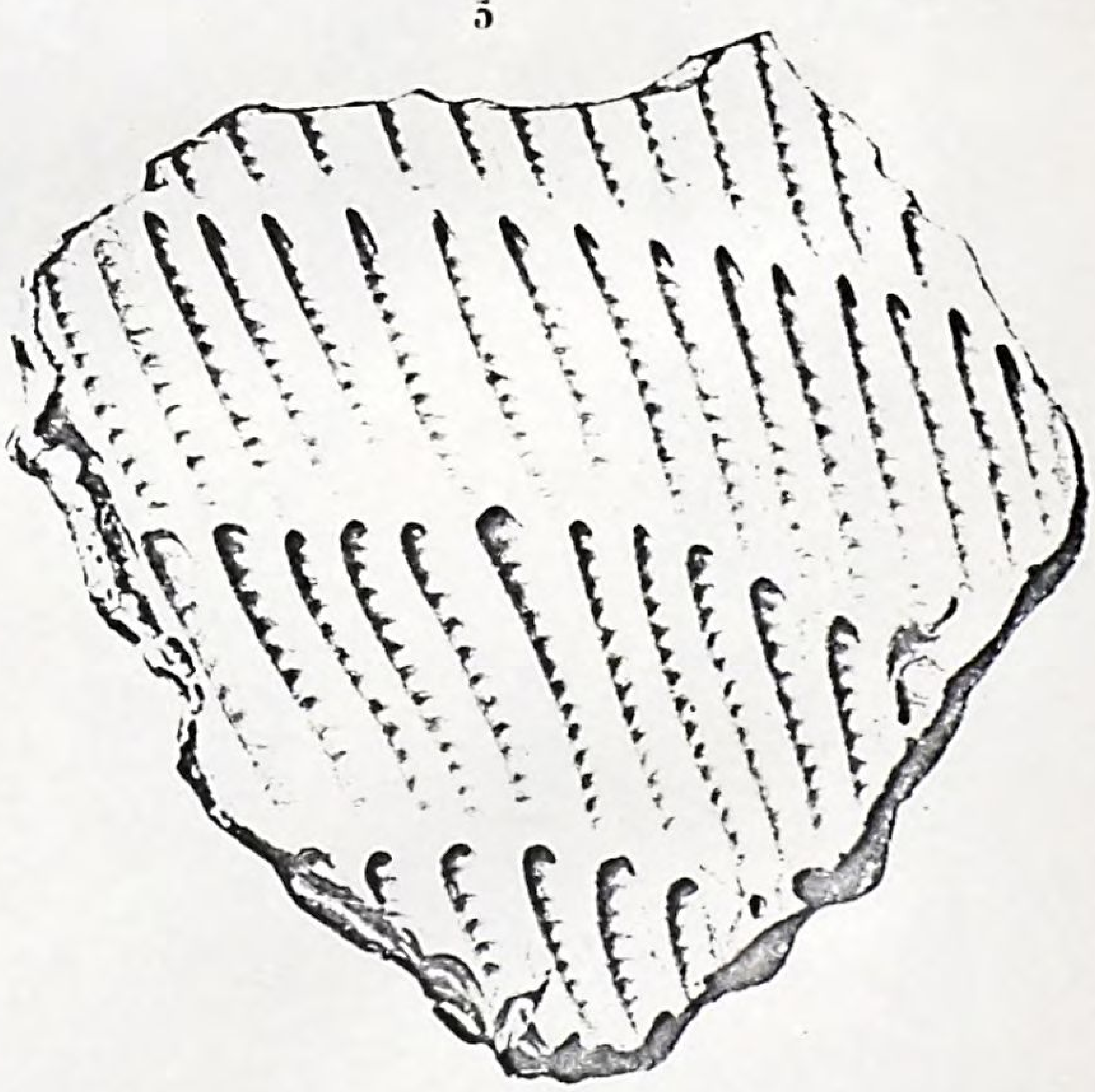
4.

2

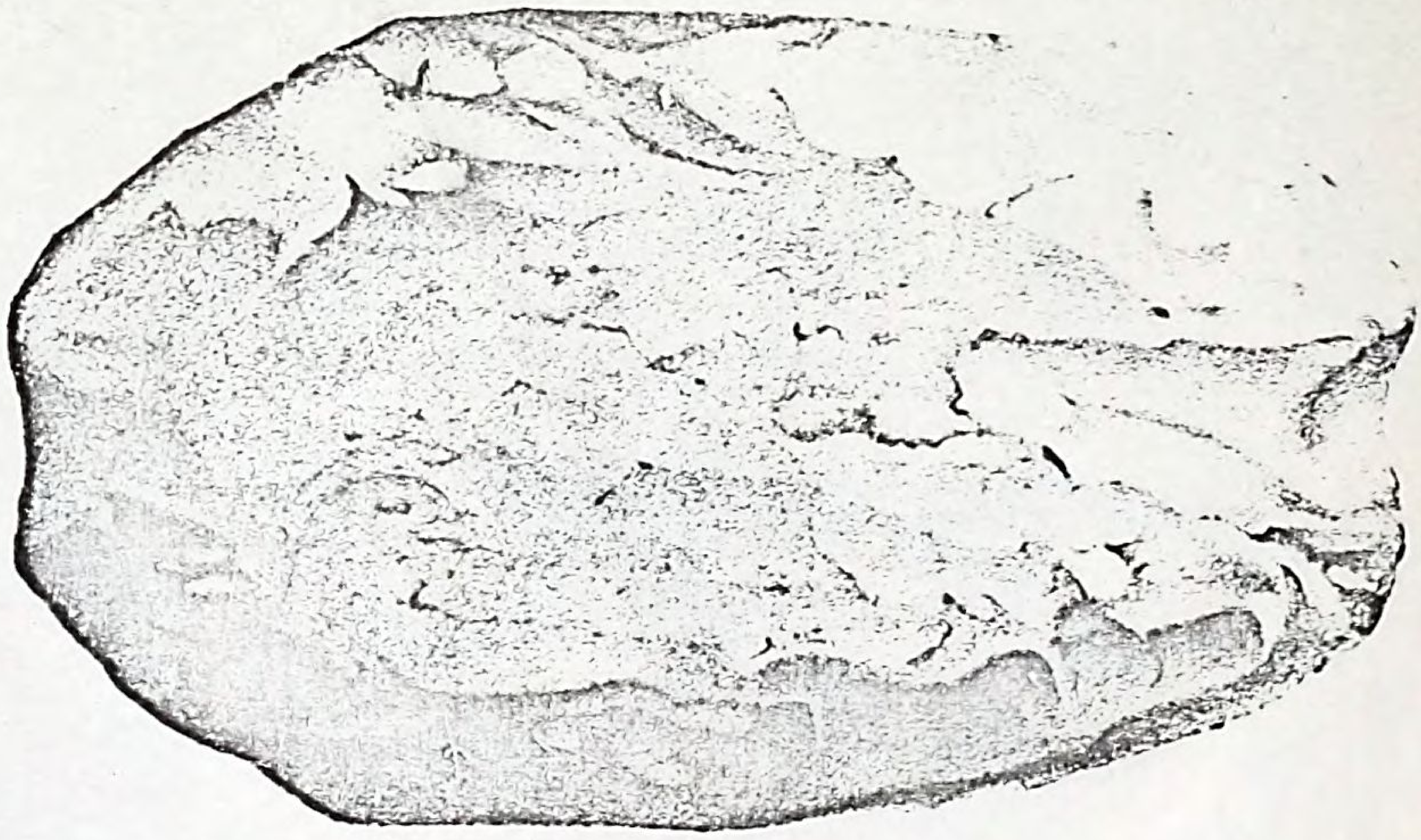

5

Лит. Иванова. СПБ.

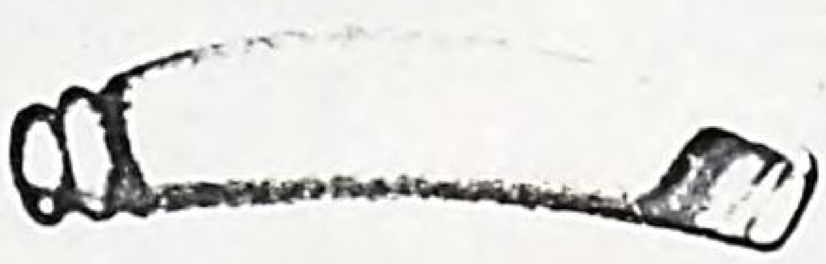
1.

2.

3.

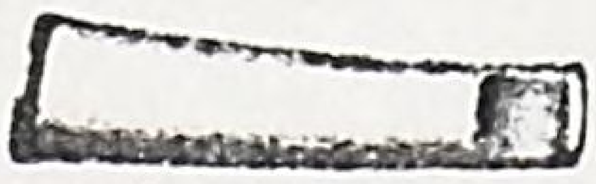
4.

5.

6.

7.

8.

Лит. Иваксона СПБ.

Bayerische Staatsbibliothek München